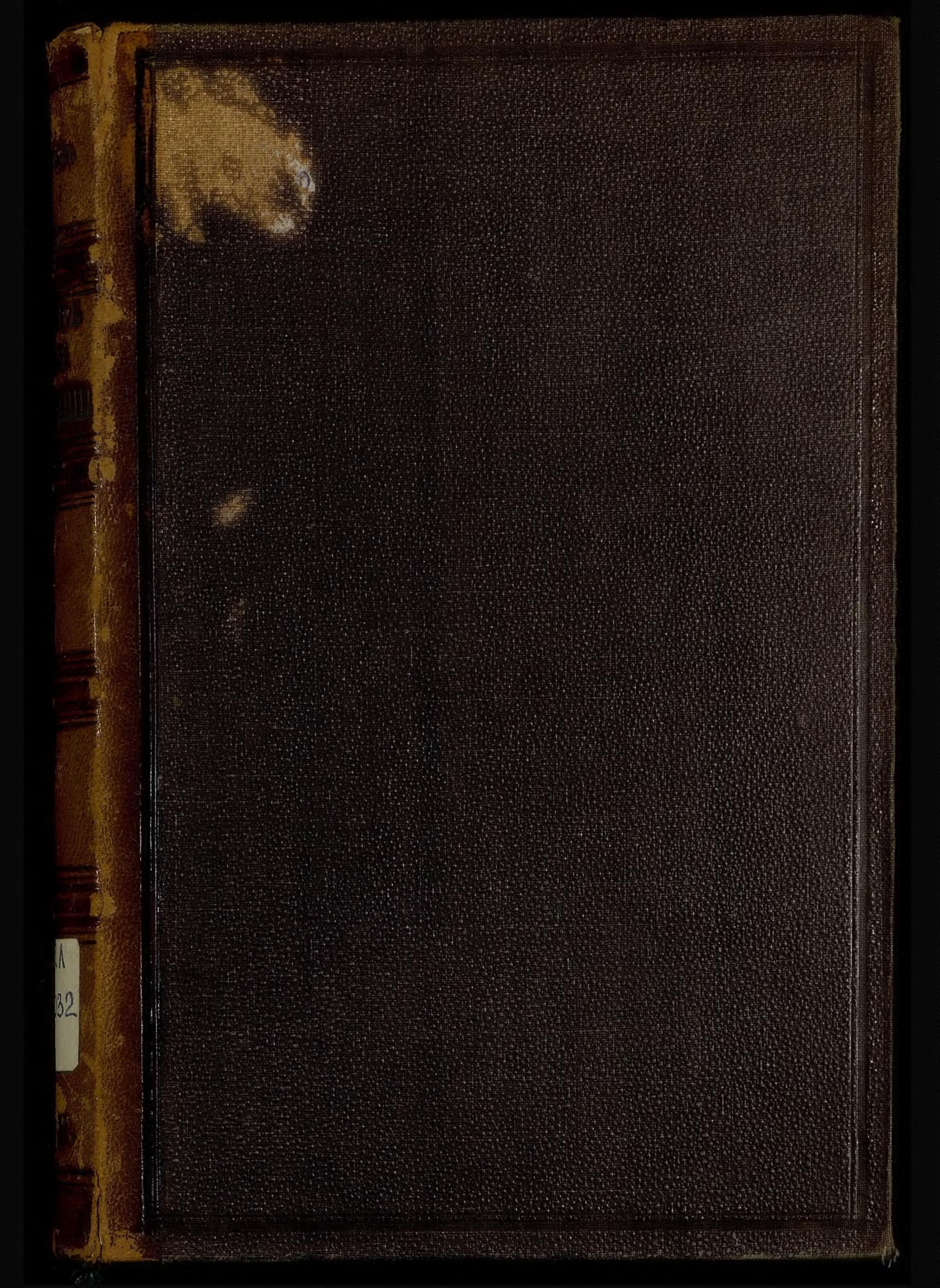
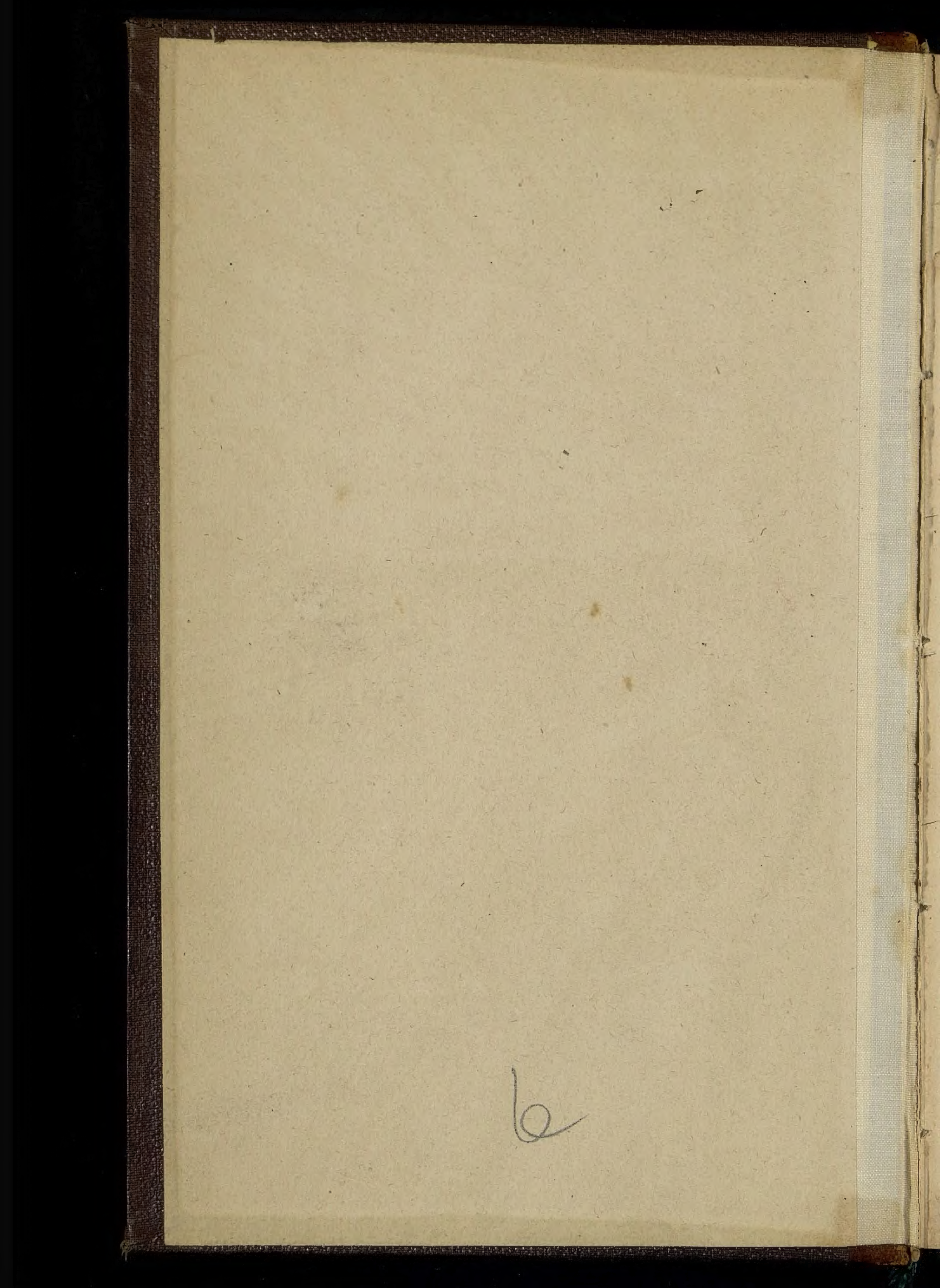

6

ЖИЗНЬ ГРАФА М. Н. МУРАВЬЕВА,

въ связи съ событіями его времени

и

до назначенія его губернаторомъ въ Гродно.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ,

составленный

Д. А. КРОПОТОВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1874.

Въ типографіи В. Безобразова и Комп.
(Вас. Остр., 8 лин., № 45).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Графъ М. Н. Муравьевъ принадлежитъ къ числу весьма замѣчательныхъ личностей минувшаго и настоящаго царствованія. Его многосторонняя общественная и государственная дѣятельность, возбудившая столько разнообразныхъ толковъ, споровъ, порицаній и ожесточенныхъ клеветъ, особенно со стороны иностранцевъ, въ то же время пріобрѣла ему восторженное сочувствіе и громадную популярность во всѣхъ слояхъ русскаго общества. И дѣйствительно, популярность эта достигла до размѣровъ необыкновенныхъ: со всѣхъ концовъ Русской земли посылались къ нему благодарственныя письма, поздравительные адресы, писались поэтами стихи, учреждались стипендіи, являлись отъ городовъ и даже сельскихъ обществъ выборные люди, подносились образа и возводились храмы во имя Архангела Михаила. Награждая маститаго виновника своего торжества горячимъ выраженіемъ сочувствія и благодарности, Русскій народъ, казалось, видѣлъ въ Муравьевѣ самаго вѣрнаго и типическаго истолкова-

теля своихъ задушевныхъ желаній и политическихъ взглядовъ.

Напрасно многіе думаютъ, будто весь подвигъ Муравьева, весь итогъ его жизни и государственной дѣятельности заключался лишь въ механическомъ прекращеніи смутъ, затѣянныхъ крамольнымъ духовенствомъ и близорукою шляхтой. Его величайшая, историческая заслуга принадлежитъ къ побѣдамъ высшаго порядка, къ тѣмъ нравственнымъ завоеваніямъ, которыхъ важность можетъ быть оцѣнена только обиліемъ полезныхъ и плодотворныхъ результатовъ. Къ такимъ завоеваніямъ должно отнести коренное измѣненіе нашей внутренней политики, принявшей вслѣдъ за назначеніемъ Муравьева въ Сѣверозападный край твердое и рѣшительное направленіе въ смыслѣ преобладанія русской народности на нашихъ окраинахъ. Отъ такого измѣненія, отразившагося и на наши внѣшнія дѣла, произошли послѣдствія первостепенной важности для нашего общества и государства: извѣстныя горчаковскія ноты, освобожденіе польскихъ крестьянъ отъ зависимости своимъ помѣщикамъ, законъ 10 Декабря, водворившій русское землевладѣніе въ западныхъ областяхъ, разрывъ сношеній съ папою и упраздненіе весьма вреднаго для насъ конкордата. Уже каждое изъ такихъ историческихъ явленій даетъ право своему главному двигателю, а тѣмъ болѣе виновнику, на занятіе почетнаго мѣста между государственными людьми своего времени. Но государственная дѣятельность Муравьева началась не въ послѣдніе, предсмертные годы его жизни, но гораздо ранѣе, со времени губернаторства его въ Могилевѣ, съ 1830 года, когда, по его почину, совершилось упразд-

ненiе Литовскаго Статута и Виленскаго Университета — двухъ историческихъ аномалiй, доставшихся намъ по наслѣдству отъ покойной Рѣчи Посполитой. Едва-ли не столь же любопытна и частная, внѣ-служебная жизнь Муравьева, какъ общественнаго дѣятеля. Исторiя всѣхъ странъ представляетъ не много примѣровъ такого ранняго и производительнаго служенiя обществу, какое мы встрѣчаемъ въ жизни Муравьева, начавшаго трудиться въ томъ нѣжномъ возрастѣ, когда другiе только что садятся за школьную скамью. Эту дѣятельность едва-ли не слѣдуетъ считать со времени основанiя задуманнаго имъ Московскаго Общества Математиковъ въ 1811 году, то есть въ такую пору, когда ему еще не было отъ роду и пятнадцати лѣтъ. Послѣдующiе годы его жизни представляютъ необыкновенное разнообразiе его неугомонной дѣятельности: въ свое время онъ былъ замѣчательнымъ преподавателемъ высшей математики; потомъ занимался агрономiею и сельскимъ хозяйствомъ. Сдѣлавшись смоленскимъ помѣщикомъ, Муравьевъ оказалъ большiя услуги губернiи по прекращенiю въ ней голода. Къ числу любопытныхъ эпизодовъ его жизни необходимо присовокупить и его дѣятельность, какъ члена тайныхъ обществъ, написавшаго уставъ Союза Благоденствiя. Наконецъ, нельзя не упомянуть и объ его вице-предсѣдательствѣ въ Императорскомъ Русскомъ Географическомъ Обществѣ. Поэтому, при составленiи нашего бiографическаго очерка, мы не могли отдѣлить графа Муравьева отъ того общества, въ которомъ онъ жилъ и дѣйствовалъ, или отъ историческихъ событiй, имѣвшихъ важное влiянiе на умственную жизнь того поколѣнiя, къ которому онъ принадлежалъ. Поэтому же

мы должны были коснуться и многихъ событій и лицъ нашей исторіи и сдѣлать возможно правильную и близкую къ истинѣ оцѣнку тѣхъ и другихъ, безъ чего остались бы для насъ необъяснимыми многія дѣйствія графа Муравьева, всегда выдѣлявшагося изъ длиннаго ряда современныхъ ему государственныхъ сановниковъ своею самостоятельностію и независимостью своихъ мнѣній. Весьма естественно, что отъ присовокупленія подобныхъ эпизодовъ архитектоническая правильность нашего очерка должна была сильно пострадать. Мы однакоже надѣемся, что этотъ органическій грѣхъ намъ будетъ отпущенъ во имя искренняго желанія принести пользу нашимъ соотчичамъ, будущимъ изслѣдователямъ роднаго бытописанія. Если одна только строка нашей исторіи будетъ исправлена согласно нашему мнѣнію, то мы и тогда будемъ считать, что нашъ трудъ достигъ своей цѣли.

При обсужденіи событій и лицъ, находившихся въ связи съ дѣятельностію Муравьева, мы болѣе всего заботились о возстановленіи историческаго ихъ смысла и облика, не стѣсняясь прежде высказанными о нихъ въ печати мнѣніями. Имѣя въ виду еще неустановившееся и переходное положеніе отечественной исторіи, мы сочли обязанностію при обсужденіи событій и лицъ, не получившихъ еще документальной оцѣнки, провѣрить ихъ съ офиціальными свѣдѣніями и цифрами, находящимися въ нашихъ архивахъ. Весьма естественно, что послѣ такой повѣрки, многія событія и лица должны были утратить свой прежній радужный и фантастическій очеркъ и принять болѣе скромные и строгіе размѣры дѣйствительности; другія же — незамѣченныя

современниками, можетъ быть по отсутствію сценической обстановки, должны были выдвинуться на свѣтъ Божій изъ покрывавшаго ихъ дотолѣ архивнаго мрака. Въ особенности же должны были произойти значительныя перемѣны въ біографическихъ свѣдѣніяхъ многихъ лицъ, принимавшихъ болѣе или менѣе участія въ дѣлахъ. Конечно, наша попытка къ документальной обработкѣ историческихъ явленій и лицъ не можетъ отличаться ни совершенствомъ, ни полнотою уже и потому, что мы имѣли доступъ только въ нѣкоторые архивы. Кромѣ того, мы могли подробно просмотрѣть въ этихъ архивахъ далеко не всѣ дѣла, но только немногія, — имѣвшія прямое отношеніе къ нашему труду. Не взирая однакожъ на такое недостаточное знакомство съ архивными сокровищами, намъ удалось извлечь изъ нихъ нѣсколько любопытныхъ и полезныхъ свѣдѣній, во всякомъ случаѣ представляющихъ болѣе точности и достовѣрности, нежели разсказы по слуху или даже и собственныя воспоминанія, иногда записанныя по прошествіи многихъ лѣтъ послѣ событія. Само собою разумѣется, что избранный нами путь былъ усѣянъ не малыми препятствіями. Многихъ, конечно, мы не могли преодолѣть, но полагаемъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ намъ удалось ближе подойти къ истинѣ, чѣмъ нашимъ предшественникамъ. Предпочитая свидѣтельство безпристрастнаго архивнаго документа продуктамъ чувствъ и воображенія, мы, впрочемъ, не отказывались и отъ показаній современниковъ и даже изустныхъ преданій, въ особенности если сіи послѣднія казались намъ правдоподобными или дополняющими обычную сдержанность составителей офиціальныхъ

бумагъ. Можетъ быть безпристрастная критика оцѣнитъ нашу рѣшимость уклониться отъ установившихся въ литературѣ взглядовъ на нѣкоторыя явленія и лица нашей новѣйшей исторіи, которая нерѣдко относилась къ нимъ, какъ гнѣвная мачиха къ осиротѣвшимъ дѣтямъ, иногда же какъ ослѣпленная мать къ излюбленнымъ баловнямъ своего сердца.

Такимъ образомъ, послѣ полувѣковаго забвенія, едва ли не намъ первымъ довелось прочесть подлинное дѣло бывшаго Аудиторіатскаго Департамента о семеновскомъ возмущеніи, имѣющее до шести тысячъ листовъ. Раздѣлъ Польши разсмотрѣнъ на основаніи документовъ Московскаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ. Нѣкоторыя изъ погибшихъ во время пожара 1861 года весьма важныхъ бумагъ Департамента Иностранныхъ Исповѣданій о преступномъ поведеніи католическихъ епископовъ въ 1831 году посчастливилось намъ отыскать въ архивахъ другихъ государственныхъ учрежденій. Въ архивѣ бывшаго Департамента Военныхъ Поселеній мы нашли нѣсколько любопытныхъ документовъ о шляхетскомъ возмущеніи 1831 года, не только дополняющихъ извѣстную „Исторію Польскаго возстанія“ Смита, но и проливающихъ новый свѣтъ на нашу администрацію, гражданскую и военную, очутившихся тогда въ весьма затруднительномъ положеніи. Независимо отъ историческаго интереса, эти документы могутъ пригодиться, въ качествѣ полезныхъ прецедентовъ, и для будущаго администратора.

Участіе графа М. Н. Муравьева въ дѣлѣ 14 декабря изложено нами преимущественно со словъ роднаго его брата, Статскаго Совѣтника С. Н. Муравьева, слышавшаго неоднократно всѣ подроб-

ности изъ устъ самого графа, а также отъ А. Н. Муравьева и отставнаго дипломата А. М. Бакунина, бывшаго въ ту пору закулиснымъ совѣтникомъ и руководителемъ его братьевъ. Важность этихъ показаній, имѣющихъ всѣ признаки достовѣрности, побудила насъ воспользоваться ими для объясненія нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ внутренней жизни тайныхъ обществъ, понынѣ еще не приведенныхъ въ извѣстность. Благодаря этимъ показаніямъ теперь разкрывается настоящая причина возникновенія союза благоденствія и внутреннихъ несогласій между членами тайныхъ обществъ. Поясненія С. Н. Муравьева пріобрѣтаютъ тѣмъ большую важность, что большинство декабристовъ, напримѣръ всѣ члены южнаго общества, были въ совершенномъ невѣдѣніи или имѣли весьма смутное понятіе о дѣйствіяхъ союза въ Москвѣ, извѣстныхъ только небольшому кружку руководителей. — Всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя нами о тайныхъ обществахъ александровскаго времени, мы тщательно провѣрили съ собственноручными показаніями декабристовъ, данными во время производства, надъ ними слѣдствія. Кромѣ того мы не могли оставить безъ вниманія показаній очевидцевъ, близкихъ родныхъ декабристовъ или ихъ друзей, принимавшихъ участіе въ ихъ бесѣдахъ и политическихъ преніяхъ. Отъ этихъ-то живыхъ свидѣтелей мы позаимствовались многими любопытными разсказами о людяхъ и событіяхъ, взволновавшихъ за полстолѣтія наше общество. Мы привели нѣкоторыя изъ этихъ показаній и разсказовъ, на сколько это было возможно для тѣсныхъ рамокъ нашей монографіи.

Кромѣ вышеозначенныхъ архивовъ, мы еще поль-

зовались дѣлами Государственнаго Архива, состоящаго въ вѣдѣніи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, и Архивовъ Государственнаго Совѣта, Министерствъ Военнаго, Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія, а также Виленскаго Генералъ-Губернатора. Что касается до прочихъ архивовъ, откуда мы также заимствовали свои свѣдѣнія, то о нихъ указано нами въ соотвѣтственныхъ подстрочныхъ выноскахъ.

При этомъ, почитаемъ для себя пріятнѣйшимъ долгомъ выразить здѣсь нашу глубочайшую признательность особамъ, соблаговолившимъ оказать свое высокопросвѣщенное покровительство нашему труду. Приносимъ искреннюю благодарность почтеннымъ начальникамъ архивовъ: Гофмейстеру Барону Ѳ. А. Бюлеру и Дѣйствительнымъ Статскимъ Совѣтникамъ: Л. Г. Иванову, помощнику Статсъ-Секретаря К. А. Висковатову и Д. И. Ошеметкову, оказавшимъ свое радушное и просвѣщенное содѣйствіе при нашихъ изслѣдованіяхъ.

Въ настоящей книгѣ мы собрали, имѣвшіяся въ нашихъ рукахъ свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Графа М. Н. Муравьева, до времени назначенія его гражданскимъ губернаторомъ въ Гродно. Послѣдующая его жизнь должна будетъ составить вторую часть, которая появится въ свѣтъ, какъ только собранные матеріалы будутъ приведены въ надлежащій порядокъ.

Имѣя въ виду несовершенство нашего труда, мы обращаемся къ нашимъ читателямъ со всепокорнѣйшею просьбою, почтить насъ своими поправками и замѣчаніями, а также и доставленіемъ свѣдѣній и матеріаловъ, относящихся къ жизни и дѣятельности описываемаго нами лица.

Глава I.

Генеалогическія свѣдѣнія о родѣ Муравьевыхъ, съ біографическими примѣчаніями о дѣдѣ и отцѣ М. Н. Муравьева. — Графъ Литта. — Замѣчанія о братьяхъ М. Н. Муравьева.

Фамилія Муравьевыхъ происходитъ отъ древняго, давно уже угасшаго дворянскаго рода Аляповскихъ. Изъ граматы на дворянство, выданной двоюродному дѣду Михаила Николаевича Муравьева въ 1789 году, усматривается, что отъ двухъ сыновей Василія Аляповскаго, Ивана и Осипа, прозывавшихся, первый — Муравей, а второй — Пуща, произошли двѣ дворянскія, понынѣ существующія фамиліи Муравьевыхъ и Пущиныхъ. — Происходя отъ одного родоначальника, обѣ эти фамиліи употребляютъ одинаковый гербъ: щитъ, раздѣленный на четыре части, изъ коихъ въ первой и четвертой — въ золотомъ полѣ по одной коронѣ, изъ которой выходятъ положенные крестообразно мечъ и стрѣла; во второй и третьей — въ золотомъ же полѣ по одному орлу съ распростертыми крыльями, у коихъ головы обращены налѣво и въ клювахъ держатъ вѣнки. Щитъ увѣнчанъ обыкновеннымъ дворянскимъ

шлемомъ съ выходящимъ изъ него орломъ. Наметъ на щитѣ золотой, подложенъ чернымъ. [1])

Изъ той же граматы видно, что до 7008 (1500) г. Муравьевы проживали въ великомъ княжествѣ Рязанскомъ. Въ этомъ же году, вмѣстѣ съ другими дворянами и боярскими дѣтьми, Муравьевы переселены были по волѣ великаго князя Іоанна III на службу въ Новгородъ. Лѣтописи наши подтверждаютъ переселеніе въ означенномъ году многихъ дворянскихъ семействъ изъ великой Россіи въ Новгородскую область, а также и о томъ, что переселившимся были розданы въ помѣстья земли, отобранныя въ казну отъ монастырей и отъ архіепископа Новгородскаго [2]). — Извѣстно, что эта, едва ли не древнѣйшая, въ нашей исторіи, секуляризація духовныхъ имуществъ была вызвана упорнымъ сопротивленіемъ новгородскаго духовенства нововводимымъ московскимъ порядкамъ. Иначе трудно было бы объяснить, какъ рѣшимость Іоанна III на такую крутую для тогдашняго благочестиваго времени мѣру, такъ и согласіе на нее ревнителя интересовъ духовенства, московскаго митрополита Симона.

Не извѣстно, въ какомъ количествѣ пожалована была тогда земля родоначальнику Муравьевыхъ, Ивану Муравью, но въ послѣдующія времена потомки его владѣли въ южной части Лужскаго уѣзда и въ сѣверной Новго-

[1]) Существуетъ другая фамилія Муравьевыхъ, имѣющая особый гербъ, утвержденный 31-го декабря 1742 года. Происхожденіемъ своимъ она обязана гренадеру Преображенскаго полка Муравьеву, служившему въ лейбъ-кампаніи, усердіе которой, какъ извѣстно, много облегчило императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ вступленіе на родительскій престолъ.

[2]) „Лѣта 7008 марта по благословенію Симона митрополита, поималъ кн. великій Иванъ Васильевичъ въ Новегороде великомъ церковныя земли за себя владычни и монастырскіе и роздалъ детемъ боярскимъ въ помѣстье“. *Никон. Лѣтоп. IV, стр. 158.*

родскаго — обширными помѣстьями. Въ первой половинѣ царствованія Іоанна Грознаго въ 1551 году Енышъ Муравьевъ находился въ товарищахъ при Семенѣ Ѳедоровичѣ Нагомъ при описаніи Шелонской пятины. Тому назадъ еще лѣтъ за 70, владѣнія Муравьевыхъ простирались мѣстами на десятки верстъ. Многія изъ мѣстныхъ урочищъ напоминаютъ пребываніе Муравьевыхъ въ Лужскомъ уѣздѣ въ старинныя времена. Къ числу подобныхъ урочищъ можно отнести и лежащую на рѣкѣ Лугѣ, близь Посестриной горы, деревню Муравейно, чрезъ которую проходила государственная граница Россіи съ Швеціею, установленная Столбовскимъ трактатомъ; но въ настоящее время изъ всѣхъ прежнихъ обширныхъ помѣстій, сохранилось въ этой фамиліи, сколько извѣстно, только одно небольшое село Сырѣцъ въ Лужскомъ уѣздѣ, доставшееся покойному графу отъ родителя его въ наслѣдство.

До начала прошлаго столѣтія о фамиліи Муравьевыхъ почти вовсе не упоминается въ сохранившихся письменныхъ памятникахъ, да и кромѣ того не извѣстно, въ какой именно родственной связи Муравьевы до-петровскаго времени состоятъ съ позднѣйшими предками графа Михаила Николаевича. Поколѣнная роспись или такъ называемое родословное древо Муравьевыхъ представляетъ одни только имена безъ какихъ либо біографическихъ объясненій о службѣ лица или его родственныхъ связей. Такой подозрительный лаконизмъ подрываетъ всякое довѣріе къ генеалогической произрастительности [3]). Справедливость

[3]) Собраніе біографическихъ свѣдѣній о лицахъ, принадлежащихъ къ дворянскимъ родамъ и занимавшихъ значительныя должности за полтора столѣтія и даже ближе къ нашему времени, сопряжено съ неимовѣрными затрудненіями. Говоря вообще, наши генеалогическія свѣдѣнія о дворянскихъ родахъ чрезвычайно скудны. Даже засвидѣтельствованныя офиціальнымъ порядкомъ поколѣнныя

однако требуетъ сказать, что въ памятникахъ петровскаго времени и даже въ голиковскихъ Дѣяніяхъ Петра Великаго упоминается о многихъ дворянахъ Муравьевыхъ, не занимавшихъ впрочемъ видныхъ должностей. Въ вѣдомости же, приложенной къ книгѣ Иванова дворянскимъ фамиліямъ, имѣвшимъ въ 1700 году недвижимыя имѣнія съ крестьянскими дворами, о Муравьевыхъ вовсе не упоминается. Но такъ какъ въ допетровскія времена, а также во время Сѣверной войны, дворяне безъ дворовъ едва ли могли быть, то надо полагать, что упоминаемая вѣдомость Иванова не обладаетъ достаточною полнотой. Со времени вступленія на престолъ Императрицы Екатерины II, представители этой фамиліи вдругъ появляются на самыхъ разнородныхъ поприщахъ общественной дѣятельности: тутъ ихъ можно встрѣтить въ числѣ намѣстниковъ, губернаторовъ и на другихъ почетныхъ мѣстахъ служебной іерархіи и даже, какъ увидимъ далѣе, на поприщѣ ученой литературы.

Родной дѣдъ графа Муравьева, Николай Ерофеевичъ, принадлежалъ къ небольшому числу лицъ, которыя всегда

росписи, въ большинствѣ случаевъ, не представляютъ ручательства за достовѣрность. При повѣркѣ съ писцовыми книгами, многія изъ нихъ окажутся кабинетнымъ баснословіемъ. Въ минувшемъ вѣкѣ только одинъ Ювеналій Воейковъ занимался разработкою этой важной отрасли исторической науки. Но его генеалогическія монографіи составляютъ чрезвычайную библіографическую рѣдкость; только немногія изъ нихъ еще уцѣлѣли въ главныхъ нашихъ книгохранилищахъ. Въ послѣднее время занимался русскою генеалогіею извѣстный М. Д. Хмыровъ. Для исправленія и пополненія Россійской Родословной Книги князя П. Долгорукова, онъ собралъ цѣлый шкапъ драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ, изданіе которыхъ едва ли будетъ подъ силу частному человѣку. Нельзя не пожелать, чтобы обнародованіе этого важнаго пособія для обработки новѣйшей нашей исторіи осуществилось какъ можно скорѣе.

по своимъ способностямъ и полезной дѣятельности выдѣляются изъ толпы современниковъ. — Намъ удалось собрать слѣдующія отрывочныя свѣдѣнія объ этой весьма примѣчательной личности. Николай Ерофеевичъ получилъ образованіе въ Сухопутномъ шляхетномъ корпусѣ (впослѣдствіи 1 кадетскій), въ который онъ поступилъ 8 марта 1738 г., былъ произведенъ въ 1750 году изъ сержантовъ въ инженеръ-поручики и, какъ лучшій ученикъ, оставленъ при корпусѣ для преподаванія воспитанникамъ фортификаціи. Въ 1761 году онъ уже былъ инженеръ-генералъ-маіоромъ. — Новиковъ въ своемъ «Опытѣ Историческаго Словаря» говоритъ про него, что онъ въ молодыхъ лѣтахъ писалъ весьма изрядныя стихотворенія, а особливо пѣсни, которыя весьма много похваляются» [4]. Но почтенный составитель словаря не обратилъ вниманія современниковъ на Н. Е. Муравьева, какъ автора замѣчательной въ нашей литературѣ книги, изданной имъ въ 1752 г., подъ заглавіемъ: *Начальныя основанія математики*, которая, по мнѣнію извѣстнаго Полторацкаго, содержитъ въ себѣ едва ли не первую алгебру на русскомъ языкѣ [5].

---

[4]) См. „Опытъ историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ", собр. И. Новиковымъ, 1772 года, стр. 143.

[5]) Экземпляръ этой книги, составляющей нынѣ библіографическую рѣдкость, находится въ Импер. Публ. Библіотекѣ. Полное заглавіе ея слѣдующее: „Начальное основаніе математики, сочиненное Николаемъ Муравьевымъ, капитанъ-поручикомъ отъ инженеровъ. Ч. I. Печатано въ С.-Петербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ въ 1752 г. Книга посвящена его высокографскому сіятельству Петру Ив. Шувалову, ген.-аншефу и пр.". Въ предисловіи къ читателю авторъ упоминаетъ, что г. профессоръ Поповъ, членъ нашей академіи, разсматривалъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ умножилъ это сочиненіе. Далѣе онъ говоритъ: „я ево раздѣлилъ въ двѣ части; въ первой, которую склонному читателю предлагаю, описываю и изъясняю правила выкладокъ и мнѣ разсудилось упо-

Кромѣ сего, какъ опытный геодозистъ, онъ оставилъ память о себѣ участіемъ въ составленіи Инструкціи 1766 г. о генеральномъ земель размежеваніи, почитаемой и до настоящаго времени образцовою. Онъ находился въ короткихъ сношеніяхъ и въ перепискѣ съ извѣстнымъ военнымъ писателемъ Монталамберомъ. Императрица Екатерина, обращавшая особенное вниманіе на улучшенія путей сообщенія, назначила его 21 февраля 1764 года главнымъ директоромъ при строеніи государственныхъ дорогъ. Николай Ерофеевичъ былъ депутатомъ отъ Вотской пятины въ знаменитой Комиссіи 1767 года для сочиненія проекта Новаго Уложенія и въ числѣ пяти лицъ, баллотировавшихся при ея открытіи на званіе маршала или предсѣдателя; но окончательный выборъ упалъ, какъ извѣстно, на А. И. Бибикова. Императрица Екатерина называла умъ его математическимъ и, какъ гласитъ преданіе, питала такое довѣріе къ безкорыстію Муравьева, что однажды возвратила ему надорваннымъ представленный имъ отчетъ по какой-то постройкѣ, сказавъ при томъ, что имѣя совершенное къ нему довѣріе, не желаетъ повѣрять его распо-

---

треблять общіе знаки, т. е. литеры а не цифры. Во второй же предложу десять книгъ евклидовыхъ, и нѣкоторыя основанія высшей геометріи." Эта вторая часть однакожъ не была издана. Для любопытныхъ приводимъ здѣсь посвященіе книги: „Сіятельнѣйшій графъ, милостивый государь! Зная что ваше высокографское сіятельство великую охоту къ наукамъ имѣете, осмѣлился поднести вамъ первую часть начальнаго основанія математики. Сей малый трудъ мой удостоится великаго счастья, когда отъ вашего высокографскаго сіятельства будетъ принятъ милостиво. Десница Вышняго да преизобилитъ васъ и всю вашу высокую фамилію неисчетными благополучіями; я же доколѣ живъ съ глубочайшимъ почтеніемъ пребуду, сіятельнѣйшій графъ! милостивый государь! вашего высокографскаго сіятельства всенижайшимъ и всепокорнѣйшимъ слугою Николай Муравьевъ.

ряженій. Послѣднее время своей жизни онъ былъ генералъ-поручикомъ, сенаторомъ и генералъ-губернаторомъ въ Ригѣ. — Можно полагать, что управленіемъ его лифляндское дворянство было довольно, такъ какъ родъ Муравьевыхъ былъ сопричисленъ въ это время къ дворянскимъ фамиліямъ ливонскаго рыцарства. Незадолго передъ смертію онъ отправился за границу для поправленія своего здоровья, но по пріѣздѣ въ Монпелье, умеръ тамъ въ 1770 году. Тѣло его было привезено потомъ въ отечество и предано землѣ въ родовомъ имѣніи, Лужскаго уѣзда, при церкви села Мроткина.

Сынъ его и отецъ нынѣшняго графа Михаила Николаевича, Николай Николаевичъ, также принадлежалъ къ числу замѣчательныхъ русскихъ людей, которые, не выходя изъ скромнаго положенія частнаго человѣка, оказали между тѣмъ отечеству своему важныя услуги. Онъ родился 15 сентября 1768 года въ Ригѣ, гдѣ отецъ его, какъ мы уже упомянули, находился въ то время генералъ-губернаторомъ, слѣдовательно по смерти отца онъ остался двухъ-лѣтнимъ младенцомъ. — Мать его, Анна Андреевна, урожденная Волкова, спустя нѣсколько времени послѣ смерти Николая Ерофеевича, вышла вторично замужъ за генералъ-маіора князя Александра Васильевича Урусова. По существовавшему въ тѣ времена въ дворянскомъ сословіи обычаю, записывать дѣтей своихъ съ малолѣтства въ военную службу, кн. Урусовъ, въ 1774 году, исходатайствовалъ шестилѣтнему Муравьеву патентъ унтеръ-офицера л.-гв. преображенскаго полка. Оставаясь въ родительскомъ домѣ, молодой Муравьевъ чрезъ четыре года былъ произведенъ въ сержанты. Способностями и прилежаніемъ къ ученью онъ вполнѣ оправдалъ всѣ попеченія о немъ князя Урусова, который, имѣя значительное состояніе, не щадилъ на воспитаніе его никакихъ издер-

жекъ. Въ 1784 году онъ отправилъ Муравьева, имѣвшаго тогда 16 лѣтъ отъ роду, во Францію, въ сопровожденіи наставника и съ значительными денежными средствами. Тамъ Муравьевъ провелъ четыре года въ знаменитомъ тогда страсбургскомъ университетѣ, въ которомъ находился въ одно съ нимъ время бывшій баварскій король Максимиліанъ-Іосифъ и многія другія лица, получившія потомъ извѣстность; также нѣкоторые соотечественники, въ томъ числѣ графъ Г. И. Чернышевъ [6]) и бывшій потомъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ князь Дм. Вл. Голицынъ [7]), съ которыми Н. Н. Муравьевъ подружился на всю жизнь. Во время пребыванія во Франціи Муравьевъ занимался преимущественно изученіемъ математическихъ и военныхъ наукъ и пріобрѣлъ въ нихъ основательныя познанія. Возвратясь въ началѣ 1788 г. въ С.-Петербургъ, онъ выдержалъ блестящій экзаменъ и тотчасъ по именному указу отъ 27 марта произведенъ былъ мичманомъ, съ назначеніемъ на корабль «Саратовъ» подъ команду капитана Ханыкова. По случаю существовавшихъ тогда непріязненныхъ отношеній Турціи къ Россіи, въ Кронштадтѣ снаряжена была эскадра для отправленія въ Архипелагъ. Корабль «Саратовъ» былъ въ числѣ трехъ кораблей этой эскадры, посланныхъ впередъ подъ начальствомъ контръ-адмирала фонъ-Дезина [8]) на соединеніе съ кора-

---

[6]) Григорій Ивановичъ Чернышевъ, оберъ-шенкъ и Св. Александра Невскаго кавалеръ, былъ женатъ на Елисаветѣ Петровнѣ Квашниной-Самариной, умеръ 1830 г. На дочеряхъ его женились генералъ-адъютантъ Муравьевъ (Карскій) и капитанъ Никита Муравьевъ (декабристъ).

[7]) Князь Дмитрій Владиміровичъ Голицынъ, генералъ отъ кавалеріи, членъ Государственнаго Совѣта, московскій военный генералъ-губернаторъ, родился 29 октября 1771 г., умеръ 27 марта 1844 г., былъ женатъ на Татьянѣ Васильевнѣ Васильчиковой.

[8]) Фонъ-Дезинъ, Вилимъ Петровичъ, воспитывался въ Мор-

блями, отправленными изъ Архангельска также въ Архипелагъ. Но по случаю внезапно открывшихся, безъ объявленія войны, непріязненныхъ дѣйствій въ Финляндіи, фонъ-Дезинъ остановился въ Копенгагенѣ и соединившись тамъ съ датскимъ флотомъ, принялъ общее надъ нимъ начальство. — Въ Копенгагенѣ молодой Муравьевъ, по распоряженію контръ-адмирала, поступилъ на датскій линейный корабль «Арве-принцъ Фридрихъ» и всю кампанію 1788 г. находился на немъ въ крейсерствѣ между островами Борнгольмомъ и Эландомъ. Въ слѣдующемъ 1789 г., въ чинѣ лейтенанта, онъ дѣлалъ кампанію на кораблѣ «Принцъ Густавъ» и во время сраженія со Шведами 14-го іюля на высотѣ Готланда управлялъ парусами. Въ 1790 г. командуя галерою «Орелъ», участвовалъ въ несчастномъ для насъ морскомъ сраженіи при Роченсальмѣ [9]). Здѣсь онъ

скомъ кадетскомъ корпусѣ и по выпускѣ 28 апрѣля 1758 г. мичманомъ плавалъ между Архангельскомъ и Кронштадтомъ. Занимался подъ начальствомъ капитана Лебедникова съемкой береговъ Помераніи во время Семилѣтней войны и потомъ служилъ подъ начальствомъ Спиридова въ продолженіе Архипелажской экспедиціи 1769 и 1770 г., завѣдуя флагманскими дѣлами. Въ этой должности онъ состоялъ и при графѣ Алексѣѣ Григорьевичѣ Орловѣ до сожженія турецкаго Флота 24 іюня. Послѣ того онъ былъ назначенъ командиромъ корабля „Трехъ-Іерарховъ", а вслѣдъ затѣмъ и эскадры изъ пяти фрегатовъ. Въ 1777 г. ему поручено было составить описаніе всего похода въ Средиземное море; 14 іюля 1782 года онъ произведенъ въ контръ-адмиралы, въ 1787 году въ вице-адмиралы съ назначеніемъ членомъ коллегіи и начальникомъ обѣихъ дивизій галернаго флота. Въ 1797 — адмираломъ. Въ августѣ 1809 уволенъ отъ присутствія въ коллегіи, а 1 января 1810 года назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта. Умеръ въ 1826 году. Онъ имѣлъ брата Мартына Петровича, также полнаго адмирала, командовавшаго Архангельскимъ портомъ и бывшаго военнымъ губернаторомъ г. Архангельска.

[9]) Во время войны со Шведами 1788 — 90 г. произошли два мор-

обнаружилъ пылкую отважность и рѣшительность. Предъ самымъ началомъ дѣла, въ виду уже непріятельскаго флота, Муравьевъ, не получая никакихъ приказаній, рѣшился подъѣхать къ адмиральскому кораблю и спросить, гдѣ его мѣсто? Контръ-адмиралъ Литта вмѣсто разрѣшенія вопроса указаніемъ мѣста въ боевой линіи, отвѣчалъ ему на это «un homme d'honneur saura trouver sa place!» (человѣкъ съ честію найдетъ свое мѣсто) [10]. — Тогда

скихъ сраженія близь Роченсальма: 1) благопріятное для насъ 13 (24) августа 1789 и 2) неблагопріятное 28 іюня (9 іюля) 1790 г. Оба сраженія Шведами называются свензундскими, отъ пролива, имѣющаго это названіе.

[10]) Литта, Юлій Помпеевичъ, родился въ Миланѣ 1763 и по происхожденію своему принадлежалъ къ мѣстнымъ патриціямъ. Въ 1785 г. онъ былъ командиромъ или капитаномъ галеры Мальтійскаго ордена. Такъ какъ основная цѣль этого ордена въ то время совершенно упразднилась и по сущности своихъ занятій онъ обратился, такъ сказать, въ европейскій яхтъ-клубъ, то понятно, что честолюбіе Литты не могло удовлетвориться празднымъ титуломъ мальтійскаго кавалера или служеніемъ своей родинѣ, покорно подчинявшейся вліянію своихъ могущественныхъ сосѣдей. Литта, по примѣру многихъ молодыхъ людей, отправился искать счастья въ Россію. Природа наградила его богатырскимъ ростомъ, мужественною осанкой и привлекательною, многообѣщавшею физіономіею. Въ то время въ нашемъ флотѣ существовалъ чинъ капитанъ-командора, соотвѣтствовавшій бригадиру арміи. Вслѣдствіе ли филологической или иной, до сихъ поръ необъясненной ошибки, но 7 марта 1789 г. состоялся указъ о принятіи капитанъ-командора Мальтійскаго флота Литты въ нашу службу тѣмъ же чиномъ, съ громаднымъ содержаніемъ 3,600 рублей. Не прошло и полугода, какъ Литта за участіе въ первомъ роченсальмскомъ сраженіи, гдѣ онъ командовалъ галерами праваго фланга, былъ произведенъ со старшинствомъ отъ 13 августа въ контръ-адмиралы, получилъ золотую шпагу и Св. Георгія 3-го кл. — Кампанія слѣдующаго года не была благопріятна для русскаго оружія. Она закончилась пораженіемъ нашего гребнаго флота при Роченсальмѣ. Изъ приведен-

Муравьевъ пустился подъ всѣми парусами въ непріятельскую линію, сталъ между шведскими кораблями и открылъ по нихъ огонь съ обѣихъ бортовъ. Весьма понятно, что не долго могъ онъ противустоять превосходнымъ силамъ: галера его была разбита и стала тонуть. Онъ направилъ ее на мель. Спасши весь свой экипажъ на лодкахъ, при-

наго выше отвѣта Литты молодому Муравьеву можно догадываться о причинахъ печальнаго исхода этого замѣчательнаго по чрезвычайной неурядицѣ сраженія, въ которомъ подчиненные не разумѣли своихъ начальниковъ, мало знакомыхъ съ морскимъ дѣломъ и вовсе не знакомыхъ съ русскимъ языкомъ. Прекративъ военную дѣятельность, Литта обратился къ занятіямъ болѣе мирнымъ. Домъ его сдѣлался средоточіемъ всѣхъ происковъ и сторонниковъ римскаго двора. Императрица наконецъ вынуждена была отправить Юлія Помпеевича подъ благовиднымъ предлогомъ путешествовать по Италіи *впредь до востребованія.* — Явившись снова въ Россію въ 1795 году уже въ званіи полномочнаго министра Мальтійскаго ордена и вспомоществуемый совѣтами іезуитовъ, Литта повелъ дѣла съ необыкновеннымъ искуствомъ. Вступленіе на престолъ императора Павла I открыло широкое поле для его дѣятельности. Еще въ бытность сего государя великимъ княземъ, Литта умѣлъ чрезъ посредство Ильинскаго пріобрѣсти полное его довѣріе, такъ что немедленно по воцареніи сего государя было учреждено Российско-католическое пріорство Мальтійскаго ордена (1 января 1797 года), явился въ Россію папскій нунцій, братъ Юлія Помпеевича, Лаврентій Литта, и іезуиты получили новыя права и льготы. Самъ же Литта былъ произведенъ въ вице-адмиралы, получилъ Александра Невскаго, графское достоинство и командорство съ 10,000 р. доходу. Женившись на племянницѣ князя Потемкина, знатной и богатой вдовѣ, графинѣ Скавронской, урожденной Энгельгардтъ, графъ Литта сдѣлался обладателемъ громаднымъ имѣній и капиталовъ. Получивъ званіе намѣстника великаго магистра ордена, онъ умѣлъ склонить императора Павла къ исходатайствованію у папы оффиціальнаго возстановленія ордена іезуитовъ въ Россіи. Кардиналъ Литта, хлопотавшій у папы объ утвердительномъ для нихъ бреве, имѣлъ наглость увѣрять Пія VI, что іезуитовъ желаютъ и императоръ и россійское дворянство! Происки и неблаго-

сланныхъ адмираломъ, самъ Муравьевъ бросился вплавь, но изнеможенный отъ раны, нанесенной ему осколкомъ гранаты, и отъ потери крови, былъ взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Стокгольмъ. Шведы, взявъ съ него честное слово, дозволили ему путешествовать по Швеціи. По заключеніи Верельскаго мира онъ возвратился въ С.-Петербургъ и 20 декабря назначенъ генеральсъ-адъютантомъ къ адмиралу принцу Нассау-Зигену [11]), а потомъ состоялъ въ этомъ же званіи при адмиралѣ Сенявинѣ.

разумное поведеніе кардинала Лаврентія, высланнаго изъ Петербурга въ 24 часа, отразились наконецъ и на графа Литту. Въ половинѣ марта 1799 г. онъ былъ уволенъ въ отставку. Не ранѣе 1 января 1810 года онъ былъ вновь принятъ на службу въ званіи оберъ-шенка, а въ октябрѣ того же года переименованъ оберъ-гофмейстеромъ съ назначеніемъ управлять гофъ-интендантскою конторою. При изгнаніи іезуитовъ изъ Россіи, они выдали графу Литтѣ заднимъ числомъ безденежные векселя на значительную сумму, подъ залогъ будто бы заложенныхъ ему Полоцкихъ монастырскихъ имѣній. Впрочемъ участіе въ этой недостойной продѣлкѣ нисколько не помѣшало графу Литтѣ пользоваться виднымъ положеніемъ въ обществѣ. Впослѣдствіи онъ былъ оберъ-камергеромъ, кав. ордена Св. Андрея, членомъ Государственнаго Совѣта и коммиссіи о построеніи Исаакіевскаго собора. Сибаритъ и отчасти епикуреецъ, онъ жилъ въ великолѣпныхъ палатахъ, рядомъ съ царскими дворцами, и умеръ 23 января 1839 года. Всѣ громадныя богатства его перешли къ двумъ племянникамъ, австрійскимъ подданнымъ. Со смертію графа Литты, замѣчаетъ не безъ ироніи графъ М. А. Корфъ, ощущалась нѣкоторая пустота въ высшемъ петербургскомъ обществѣ, гдѣ съ удовольствіемъ потомъ вспоминали о пріятномъ его обхожденіи.

[11]) Карлъ-Генрихъ-Николай-Оттонъ принцъ Нассау-Зигенъ род. въ 1743 г. и 15 лѣтъ отъ роду поступилъ во французскую службу поручикомъ. Съ 1766—69 сопровождалъ знаменитаго Бугенвиля въ кругосвѣтномъ его плаваніи, участвовалъ при осадѣ Гибралтара, гдѣ командовалъ пловучими батареями д'Арсона, за что и получилъ отъ Испанскаго короля чинъ генералъ-маіора и зва-

Нѣкоторое время командовалъ такъ называемою золотою яхтою «Екатерина» и впослѣдствіи фрегатомъ гребнаго флота «Св. Павелъ». На этомъ суднѣ довелось Муравьеву отвести въ Кольбергъ принца Нассау-Зигена, навсегда покинувшаго признательную Россію и неблагодарное военное поприще. Въ 1791 г. Муравьевъ женился

ніе гранда. Пріѣхавъ въ Россію, сопутствовалъ въ 1787 г. императрицѣ Екатеринѣ во время путешествія ея въ Крымъ, а въ 1788, начальствуя надъ Днѣпровскою флотиліею, одержалъ нѣсколько побѣдъ надъ турецкимъ флотомъ, за что и былъ награжденъ чиномъ вице-адмирала и орденомъ Св. Георгія 2-го класса. Ему приписываютъ составленіе въ 1790 г. проэкта о посылкѣ большой экспедиціи чрезъ Хиву и Кашемиръ для изгнанія изъ Индіи англичанъ и возстановленія тамъ законныхъ государей. Вслѣдствіе несогласій, вскорѣ возникшихъ у него съ княземъ Потемкинымъ, принцъ вынужденъ былъ удалиться съ театра войны въ С.-Петербургъ, гдѣ въ слѣдующемъ году, получивъ начальство надъ гребнымъ флотомъ въ Финскомъ заливѣ, удачно дѣйствовалъ противъ шведовъ и получилъ орденъ Св. Андрея. Несчастное сраженіе 28 іюня 1790 г. при Роченсальмѣ, вынудившее Россію заключить миръ со шведами, нравственно потрясло и принца. Убитый духомъ, онъ прислалъ къ Екатеринѣ всѣ пожалованные ею ордена при письмѣ, въ которомъ называлъ себя недостойнымъ носить ихъ. „Одна неудача“ отвѣчала государыня, „не можетъ истребить изъ моей памяти, что вы семь разъ были побѣдителемъ моихъ непріятелей на югѣ и на сѣверѣ. Бури на морѣ неизбѣжны и счастіе не постоянно.“ Вскорѣ послѣ того, при торжествѣ мира съ Швеціею, принцу были пожалованы: золотая шпага съ алмазными украшеніями и дорогой серебряный сервизъ. — Воспоминаніе о потерѣ сраженія, помрачившаго его военную славу, навсегда лишило его душевнаго спокойствія. Оставивъ Россію, онъ продолжалъ получать отъ нея все свое содержаніе (11,400 р.). Былъ женатъ на полькѣ, урожденной Ходьзко. Поселившись подъ конецъ своей жизни въ Парижѣ, онъ умеръ въ 1805 году, забытый всѣми, оставивъ по себѣ память искателя приключеній.

на дочери инженеръ-генерала Михаила Ивановича Мордвинова, [12]) дѣвицѣ Александрѣ Михайловнѣ, отъ которой имѣлъ впослѣдствіи пять сыновей и одну дочь. Съ этой, высокихъ добродѣтелей, женщиной онъ жилъ въ теченіи 18 лѣтъ и лишился ее въ 1809 году. По восшествіи

---

[12]) М. И. Мордвиновъ род. въ 1730 г. По окончаніи образованія въ Сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ, былъ выпущенъ въ 1747 г. инженеръ-прапорщикомъ. Впослѣдствіи онъ начальствовалъ надъ инженерною школою, которая при немъ соединена была съ артиллерійскою въ 1758 г. и потомъ преобразована въ Артиллерійскій и Инженерный кадетскій корпусъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ были ему подчинены: вся инженерная часть и всѣ сухопутныя и водяныя сообщенія цѣлой Россіи. Кромѣ того, ему обязана своимъ основаніемъ въ 1775 г. Гимназія чужестранныхъ единовѣрцевъ, болѣе извѣстная подъ названіемъ Греческаго кадетскаго корпуса, основанная съ цѣлію дать образованіе сыновьямъ служившихъ въ Россіи грековъ. Онъ умеръ 5 октября 1782 года. Мордвиновъ имѣлъ трехъ сыновей и двухъ дочерей: I) Дмитрія Михайловича, бывшаго сенаторомъ и генералъ-лейтенантомъ, лишившагося ноги въ сраженіи подъ Полоцкомъ. Онъ жилъ на Васильевскомъ островѣ и извѣстенъ своею благотворительностію. Женатъ не былъ, но имѣлъ воспитанника Трубачеева, бывшаго впослѣдствіи С.-Петербургскимъ полицмейстеромъ. На дочери Трубачеева былъ женатъ Позенъ, на сестрѣ котораго женился графъ Николай Михайловичъ Муравьевъ. II) Николая Михайловича, умершаго въ чинѣ статскаго совѣтника. Онъ имѣлъ сына Александра Николаевича, дѣйствительнаго тайнаго совѣтника и сенатора, женатаго на княжнѣ Кергеулисовой. III) Владиміра Михайловича, генералъ-лейтенанта и сенатора. Онъ имѣлъ двухъ сыновей Ростислава, полковника, женатаго на Вѣрѣ Ивановнѣ Петрулевой, и Николая. IV) Дочь Александру Михайловну, бывшую въ замужествѣ за генералъ-маіоромъ Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ; отцомъ графа Михаила Николаевича; и V) Варвару Михайловну бывшую замужемъ въ первый разъ за статскимъ совѣтникомъ Александромъ Муравьевымъ, отъ котораго имѣла сына Николая, капитана 1-го ранга, и дочь Варвару, бывшую замужемъ за Александромъ Михайловичемъ Бакунинымъ, отцомъ из-

императора Павла I на престолъ, въ 1796 г., Н. Н. Муравьевъ былъ переведенъ подполковникомъ въ гусарскій Дунина полкъ, что нынѣ Елисаветградскій, и съ этимъ полкомъ стоялъ въ Южной Россіи. Прослуживъ въ гусарахъ одинъ годъ, онъ вышелъ въ отставку и поселился въ родовомъ имѣніи своемъ въ С.-Петербургской губерніи. Зиму онъ проводилъ иногда въ столицѣ и былъ предводителемъ дворянства Лужскаго уѣзда.

Служба Н. Н. Муравьева въ гусарахъ оставила ему воспоминаніе о славномъ Суворовѣ. По слухамъ объ излишней строгости генерала Дунина, Суворовъ вызвалъ къ себѣ въ Кіевъ подполковника Муравьева, посадилъ его за обѣдомъ подлѣ себя и, обращаясь къ нему, громко произнесъ: «скажи Дунину, что отъ большой строгости до жестокости — пол-версты, пол-сажени, пол-аршина, пол-вершка, пол-вершка, пол-вершка... слышишь — пол-верш-

---

вѣстнаго эмигранта. Во второй разъ Варвара Михайловна была замужемъ за Павломъ Марковичемъ Полторацкимъ, отъ котораго имѣла дѣтей: 1) Михаила, капитана генеральнаго штаба, убитаго въ деревнѣ крестьянами, 2) Алексѣя, также служившаго въ генеральномъ штабѣ и потомъ бывшаго 20 лѣтъ предсѣдателемъ казенной Палаты. Онъ былъ женатъ на дочери генерала отъ инфантеріи Набокова и извѣстенъ дружбою своею съ Пушкинымъ; 3) Александра, служившаго въ Измайловскомъ полку и переведеннаго за вызовъ на дуэль въ армію маіоромъ. Въ послѣдствіи онъ управлялъ Орловскою конторою удѣловъ. Двое сыновей его: Павелъ и Владиміръ нынѣ генералъ-маіоры; 4) Елисавету, бывшую въ замужествѣ за Павломъ Безобразовымъ и имѣвшую сына Владиміра, бывшаго секретаремъ Географическаго Общества и потомъ академикомъ въ Императорской Академіи Наукъ; 5) Надежду, бывшую въ замужествѣ за мелкопомѣстнымъ тверскимъ помѣщикомъ Носовичемъ и 6) Анну, бывшую въ замужествѣ за Ралли. Съ нѣкоторыми изъ приведенныхъ здѣсь лицъ мы будемъ имѣть случай впослѣдствіи еще встрѣтиться.

ка!» Достаточно было этого наставленія Дунину, чтобъ обращеніе его впослѣдствіи видимо смягчилось.

Въ 1801 году князь Урусовъ, удрученный лѣтами, пригласилъ Н. Н. Муравьева переѣхать къ нему со всѣмъ семействомъ въ Москву. Приглашеніе это представляло Николаю Николаевичу, при ограниченномъ состояніи его, особенные способы и удобства для воспитанія своихъ дѣтей. Посвящая этой обязанности всѣ свои заботы, труды и средства, онъ пожертвовалъ для нея и собственною независимостію: находился съ того времени неразлучно съ престарѣлымъ княземъ, исполняя съ попеченіемъ и любовью всѣ обязанности сына и завѣдывая всѣми его дѣлами и имѣніями. Кн. Урусовъ назначилъ Николаю Николаевичу по духовному завѣщанію значительную часть своего состоянія. Въ 1807 г., при образованіи милиціи, Николай Николаевичъ вступилъ въ земское войско Московской губерніи и, находясь при адмиралѣ Н. С. Мордвиновѣ, [13]) въ званіи старшаго адъютанта, составилъ упрощенный уставъ пѣхотной службы, который и былъ потомъ съ успѣхомъ примѣненъ къ этому войску. — За службу въ милиціи Н. Н. былъ награжденъ орденомъ Св.

[13]) Графъ Н. С. Мордвиновъ род. 17 апр. 1754 г., воспитывался нѣкоторое время съ вел. княземъ Павломъ Петровичемъ, а потомъ въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ и въ 1768 г. произведенъ въ мичманы. Съ 1774 г. втеченіе трехъ лѣтъ былъ волонтеромъ на англійскомъ флотѣ; въ 1786 г. былъ капитаномъ 1-го ранга и предсѣдателемъ адмиралтейскаго правленія въ Херсонѣ, гдѣ въ слѣдующемъ году спущены были первые два корабля; въ 1788 г. за военныя дѣйствія противъ турокъ въ Днѣпровскомъ лиманѣ произведенъ въ контръ-адмиралы; въ 1792 — въ вице-адмиралы, съ назначеніемъ главнокомандующимъ Черноморскимъ флотомъ и портами; въ 1797 г.— въ адмиралы; въ 1802 г.— морскимъ министромъ; въ 1807 г.— начальникомъ московскаго ополченія; въ 1810 — членомъ Государственнаго Совѣта и предсѣдателемъ Депар-

Владиміра 4-й ст. и послѣ Тильзитскаго мира возвратился къ прежнимъ своимъ занятіямъ.

Къ началу 1811 г. должно отнести основаніе третьимъ сыномъ его, еще студентомъ университета, Михаиломъ Николаевичемъ, Московскаго Общества Математиковъ, учрежденнаго съ цѣлію распространенія въ Россіи математическихъ знаній посредствомъ безденежнаго преподаванія математическихъ наукъ и изданія переводовъ съ иностранныхъ языковъ лучшихъ математическихъ сочиненій. — Николай Николаевичъ былъ избранъ президентомъ, а сынъ его, Михаилъ Николаевичъ — вице-президентомъ или директоромъ этого Общества. Относя интересныя подробности Общества Математиковъ къ слѣдующей главѣ, упомянемъ только здѣсь, что въ кратковременное существованіе свое передъ отечественною войною оно уже оказало очевидную пользу хорошею подготовкою нѣсколькихъ молодыхъ людей для службы по квартирмейстерской части.

Съ приближеніемъ отечественной войны, всѣ сердца закипѣли войною. Н. Н. Муравьевъ, получивъ вызовъ на службу, былъ произведенъ въ полковники и назначенъ начальникомъ штаба ополченій третьяго округа, которыми командовалъ графъ П. А. Толстой [14]). Отправ-

тамента Экономіи, въ 1821 г. — предсѣдателемъ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ; въ 1829 алмазные знаки Св. Андрея и въ 1834 — графское достоинство. Умеръ 30 марта 1845 г. Его знаменитыя мнѣнія по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія донынѣ пользуются заслуженною популярностію.

[14]) Графъ Петръ Александровичъ Толстой род. 1761 г. Участвовалъ въ сраженіи при Мацеовицѣ и за прагскій штурмъ получилъ Св. Георгія 3-й ст.; въ 1799 г., какъ довѣренное лице императора Павла I, состоялъ при арміи эрцгерцога Карла; въ 1807 г. былъ дежурнымъ генераломъ арміи вступившей въ Пруссію, и по-

лясь въ Нижній Новгородъ, гдѣ собирались эти ополченія, Н. П. Муравьевъ занялся тамъ ихъ образованіемъ и обученіемъ. Ревность его къ военной службѣ и любовь къ отечеству простирались до того, что онъ готовъ былъ пожертвовать въ это время всѣмъ состояніемъ, которое оставлялъ ему вотчимъ его, кн. Урусовъ. Этотъ 86-лѣтній старецъ, будучи раздраженъ тѣмъ, что не могъ удержать при себѣ Николая Николаевича въ послѣдніе минуты жизни, едва не лишилъ его всего, что назначилъ ему по завѣщанію.

Въ 1813 г. Н. Н. Муравьевъ, въ званіи начальника штаба корпуса, бывшаго подъ командою генерала отъ инфантеріи гр. Толстаго, находился при блокадѣ Дрездена и подписалъ вмѣстѣ съ начальникомъ штаба маршала Гувіонъ-Сенъ-Сира, генераломъ Дюма [15]) капитуляцію этого города. Весь тринадцатый годъ ему дове-

томъ чрезвычайнымъ посломъ въ Парижѣ; въ 1812 начальствовалъ ополченіями восточной Россіи, съ которыми въ 1813 блокировалъ Дрезденъ и потомъ осаждалъ Гамбургъ. Во время турецкой войны 1828—29 былъ главнокомандующимъ Петербурга и Кронштадта, а въ 1831—резервной арміи, дѣйствовавшей тогда въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Имѣлъ Св. Андрея и былъ член. Госуд. Совѣта. Умеръ 28 сент. 1844 г. Жизнь этого умнаго и честнаго патріота чрезвычайно интересна по важности принятаго имъ участія втеченіи полувѣка въ главнѣйшихъ событіяхъ нашего отечества

[15]) Дюма (Dumas, Matthieu), отецъ извѣстнаго по неистощимости своего воображенія романиста Александра Дюма, род. въ Монпелье 23 декабря 1753 г. Посвятивъ себя военному званію, въ 1773 г. онъ въ чинѣ поручика находился адъютантомъ при Рошамбо въ Америкѣ и впослѣдствіи при Лафайэтѣ; при Наполеонѣ сдѣланъ начальникомъ штаба 2-й резервной арміи; а въ 1806 былъ военнымъ министромъ и гофмаршаломъ при королѣ Неаполитанскомъ; во время войны съ Россіею въ 1812 году былъ генералъ-интендантомъ великой арміи и въ 1813 при Дрезденѣ

лось провести при блокадѣ германскихъ крѣпостей Магдебурга, Гамбурга и Гарбурга и съ тѣмъ вмѣстѣ участвовать въ многочисленныхъ сраженіяхъ, происходившихъ почти ежедневно при этихъ крѣпостяхъ. Отличаясь постоянно превосходнымъ знаніемъ военнаго дѣла и распорядительностію, онъ за службу свою въ эту кампанію получилъ золотую саблю за храбрость и впослѣдствіи уже по оставленіи военнаго поприща чинъ генералъ-маіора. По окончаніи войны Н. Н. Муравьевъ, предполагая посвятить свои досуги сельскому хозяйству, вышелъ въ 1815 г. въ отставку. Но поселившись въ возникавшей изъ пепла Москвѣ, онъ снова занялся преподаваніемъ у себя въ домѣ военныхъ наукъ небольшому числу молодыхъ людей изъ родственниковъ своихъ и близкихъ знакомыхъ. Возобновленныя на этотъ разъ лекціи были направлены уже къ опредѣленной и исключительной цѣли — подготовленію молодыхъ людей для службы въ генеральномъ штабѣ. Такимъ образомъ вмѣсто прежняго Общества Математиковъ возникло новое, образовательное учрежденіе, получившее названіе Московскаго Учебнаго Заведенія для Колонновожатыхъ. Н. Н. Муравьевъ постоянно самъ преподавалъ военныя науки. Одинъ изъ бывшихъ его воспитанниковъ говоритъ: «его пріятный даръ слова, ясность изложенія, искусство разнообразить и оживлять предметы остались, конечно памятны всѣмъ его слушателямъ. Уваженіе и любовь, которыя онъ умѣлъ внушать своимъ ученикамъ, усугубляли ихъ вниманіе и рвеніе къ наукѣ; поэтому успѣхи были такъ удовлетворительны, что князь П. М. Волконскій, въ то время начальникъ Главнаго

взятъ въ плѣнъ; въ 1830 получилъ званіе пера и умеръ въ 1837 году. Многотомное его сочиненіе: „Précis des événements militaires de 1799 — à 1807“ доставило ему почетное мѣсто между военными писателями.

Штаба Его Величества, послѣ бытности на первомъ экзаменѣ, исходатайствовалъ разрѣшеніе Государя Императора производить воспитанниковъ по окончаніи курса прямо въ офицеры по квартирмейстерской части.» Московское учебное заведеніе, основанное частнымъ человѣкомъ и содержавшееся втеченіи осьми лѣтъ его собственными средствами, доставило государству множество полезныхъ людей, которые въ продолженіе полувѣка на разныхъ поприщахъ общественной дѣятельности оказали немаловажныя услуги отечеству.

Въ 1816 году, въ бытность Государя въ Москвѣ, Н. Н. Муравьевъ, по приглашенію, снова поступилъ на службу генералъ-маіоромъ по квартирмейстерской части и въ 1817 году получилъ орденъ Св. Анны 1-й степени.

Въ началѣ 1823 года разстройство здоровья Н. Н. Муравьева и домашнихъ обстоятельствъ, не позволявшихъ ему болѣе дѣлать значительныхъ пожертвованій, заставили его выдти въ отставку. — Онъ былъ уволенъ отъ службы 15 февраля за болѣзнію съ мундиромъ. — Оставивъ службу, Н. Н. Муравьевъ, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ и страстію, занялся, на сколько позволяло здоровье, сельскимъ хозяйствомъ, въ теоріи и на практикѣ. Онъ былъ однимъ изъ основателей и усерднѣйшихъ членовъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, которое обязано ему образованіемъ и первоначальнымъ устройствомъ своей земледѣльческой школы; управлялъ IV отдѣленіемъ этого Общества и обогатилъ переводъ извѣстнаго А. Теэра. «Основанія раціональнаго сельскаго хозяйства» многими примѣчаніями, содержащими примѣненія къ русскому хозяйству. [16]).

[16]) См. предисловіе къ сочиненію А. Теэра: „Основанія раціональнаго сельскаго хозяйства“, съ примѣчаніями Н. Н. Муравьева и Е. Крюда. Переводъ С. А. Маслова, изд. Ширяева, ч. I. 1830 г.

Послѣдніе два года жизни усилившееся болѣзненное состояніе Н. Н. Муравьева принудило его оставить сельскія занятія въ деревнѣ и постоянно находиться въ Москвѣ, гдѣ онъ удобнѣе могъ пользоваться пособіемъ врачей. — Однако и тутъ не разставался онъ съ своею дѣятельностію. Онъ завелъ образцовую ферму у городской заставы на Бутыркахъ и тамъ проводилъ лѣто, руководствуя учениковъ земледѣльческой школы и самое Общество опытными своими совѣтами. Почетные жители Москвы и посѣтители столицы искали его ученой бесѣды и утѣшались обществомъ почтеннаго старца, который до конца сохранилъ всю умственную бодрость свою и теплоту сердца, всю веселость и живость характера. Онъ не переставалъ трудиться, учить другихъ и учиться самъ. Одинъ изъ бывшихъ его воспитанниковъ посѣтилъ его проѣздомъ, за годъ до его смерти. Заставъ его въ кабинетѣ съ перомъ въ рукахъ, обложеннаго книгами, журналами, картами, онъ выразилъ ему свое удивленіе о неутомимости его и жаждѣ къ познаніямъ. Николай Николаевичъ отвѣтилъ на это: «не хочу, мой другъ, отставать отъ вѣка, въ которомъ я уже столько прожилъ.»

Возвращающіеся недуги одолѣвали однако его силы. Водяная присоединилась къ подагрѣ, и послѣ продолжительныхъ страданій Н. Н. Муравьевъ кончилъ трудолюбивую жизнь свою 20 августа 1840 года въ Москвѣ, на 72 году отъ роду. Тѣло его погребено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, гдѣ схоронены многіе члены его семейства. Добродушіе и пріятныя качества ума Н. Н. Муравьева заставили сожалѣть о немъ всѣхъ знавшихъ его болѣе коротко. Онъ оставилъ по себѣ живое воспоминаніе въ многочисленныхъ ученикахъ своихъ, питавшихъ къ нему всегда искреннія чувства уваженія, благодарности и привязанности. Заслуги его и труды литературные, конечно,

сохранятъ имя его въ лѣтописяхъ отечественнаго просвѣщенія [17]).

Николай Николаевичъ имѣлъ одну дочь, Софью, умершую до замужества въ 1826 году, и пятерыхъ сыновей.

1) Александръ Николаевичъ, старшій изъ всѣхъ, родился въ 1792 году; началъ службу въ генеральномъ штабѣ и на двадцать-четвертомъ году отъ рожденія былъ уже полковникомъ и увѣшанъ множествомъ орденовъ, русскихъ и иностранныхъ. Пріятели предсказывали ему блистательную будущность съ фельдмаршальскимъ жезломъ въ перспективѣ и въ шутку называли его: Maréchal de Saxe, но въ концѣ 1818 года онъ вышелъ въ отставку. Ему принадлежитъ печальная слава основателя перваго по времени тайнаго политическаго общества, извѣстнаго подъ названіемъ Союзъ Спасенія. Вскорѣ однако же благоразуміе одержало верхъ надъ увлеченіемъ. Когда онъ разглядѣлъ всю несостоятельность направленія, принятаго Обществомъ, обратившимся съ самаго начала въ заговоръ, то вмѣстѣ съ братомъ своимъ Михаиломъ приступилъ къ преобразованію Союза изъ тайнаго политическаго въ простое патріотическое Общество, чуждое всякихъ политическихъ цѣлей. Въ этихъ видахъ и былъ составленъ ими уставъ для новаго Общества, получившаго названіе Союза

[17]) Большая часть свѣдѣній, помѣщенныхъ выше о жизни и трудахъ Н. Н. Муравьева, позаимствована нами изъ весьма любопытной статьи Н. В. Путяты, помѣщенной въ майской книжкѣ Современника за 1852 годъ и имѣющей заглавіе: „Генералъ-маіоръ Н. Н. Муравьевъ". Оттиски этой статьи въ числѣ ста экземпляровъ были изданы особой брошюрой. Но какъ статья, такъ и брошюра выпущены въ свѣтъ безъ имени автора. Къ отдѣльной брошюрѣ приложенъ литографированный портретъ Н. Н. Муравьева и именной списокъ всѣхъ воспитанниковъ Московскаго Учебнаго Заведенія съ начала учрежденія. Брошюра эта составляетъ библіографическую рѣдкость.

Благоденствія. Вдвоемъ съ братомъ они предполагали обратить впослѣдствіи этотъ Союзъ въ открытое общество, испросивъ для того высочайшее разрѣшеніе. Этотъ переворотъ однакоже не удался. На югѣ Пестель съ своими друзьями отринули новый уставъ. Въ виду этого раздора и сумасбродныхъ увлеченій Пестеля, благоразумнѣйшіе члены совершенно покинули Союзъ. Александръ Муравьевъ одинъ изъ первыхъ торжественно оставилъ Общество, которое потомъ и совсѣмъ было закрыто въ началѣ 1821 года. Хотя по высочайше конфирмованной сентенціи верховнаго суда, онъ и состоялъ въ числѣ осужденныхъ VII разряда, но отъ каторжной работы былъ однако же освобожденъ. Говорятъ, что онъ, подобно прочимъ членамъ Союза Благоденствія, не былъ подвергнутъ какому-либо взысканію и даже, по окончаніи слѣдствія, получилъ свободу, но что потомъ, явившись къ государю и изъяснивъ, что не взирая на прекращеніе всѣхъ связей съ заговорщиками болѣе семи лѣтъ, и оправдательное рѣшеніе суда, онъ тѣмъ не менѣе чувствуетъ себя виновнымъ въ первомъ починѣ заговора и въ привлеченіи многихъ въ несчастіе — и потому проситъ, для успокоенія своей совѣсти, подвергнуть и его соотвѣтственному наказанію. Во время нахожденія А. Н. Муравьева въ ссылкѣ, жители того города, куда онъ былъ отправленъ на поселеніе, просили начальство о назначеніи Муравьева къ нимъ городничимъ. Государь утвердилъ этотъ выборъ и впослѣдствіи назначилъ его въ Тобольскъ предсѣдателемъ губернскаго правленія. Потомъ онъ былъ переведенъ въ 1837 году въ Вятку предсѣдателемъ гражданской палаты. Спустя нѣкоторое время, онъ получилъ назначеніе къ должности гражданскаго губернатора въ городъ Архангельскъ; но губернаторство это было однако же непродолжительно. Случились какія-то недоразумѣнія,

и Муравьевъ остался безъ мѣста. Во время восточной войны, Александръ Николаевичъ отправился на театръ военныхъ дѣйствій. По заключеніи же мира, былъ причисленъ къ военно-цензурному комитету членомъ и потомъ назначенъ военнымъ губернаторомъ въ Нижній Новгородъ. Во время занятія этой должности онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты и потомъ назначенъ присутствующимъ въ московскіе департаменты правительствующаго сената, гдѣ и умеръ въ 1864 году. Онъ былъ женатъ на княжнѣ Прасковьѣ Михайловнѣ Шаховской. Потомства послѣ него не осталось.

2) Николай Николаевичъ Муравьевъ принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ личностей минувшаго царствованія. Онъ началъ службу также въ генеральномъ штабѣ. По окончаніи отечественной войны, онъ перешелъ въ войска кавказскаго корпуса, гдѣ дарованіями своими пріобрѣлъ особую довѣренность главнокомандовавшаго генерала Ермолова. Въ 1819 году, по представленію Ермолова, онъ былъ командированъ для собранія топографическихъ свѣдѣній въ Хиву и пустыни, прилегающія къ Аральскому морю. Часть этихъ изслѣдованій была потомъ издана имъ въ свѣтъ особою книгою, подъ заглавіемъ: «Путешествіе въ Туркменію и Хиву въ 1819 и 1820 годахъ гвардейскаго генеральнаго штаба капитана Николая Муравьева, посланнаго въ сіи страны для переговоровъ. Москва, 1822 года, двѣ части, съ атласомъ». При открытіи польской кампаніи 1831 года, уже въ чинѣ генералъ-маіора, онъ дѣйствовалъ нѣкоторое время какъ отрядный начальникъ, и хотя не пользовался благорасположеніемъ къ себѣ главнокомандующаго арміею графа Паскевича, но заслужилъ его одобреніе и былъ произведенъ по окончаніи похода въ генералъ-лейтенанты. Въ 1833 году онъ былъ посланъ въ Египетъ для перего-

воровъ съ знаменитымъ Мегметомъ-Али, пашею египетскимъ, возставшимъ противъ султана. По окончаніи этихъ переговоровъ, Муравьевъ возвратился въ Константинополь для начальствованія надъ отрядомъ русскихъ войскъ, расположенныхъ лагеремъ на южномъ берегу Босфорскаго залива. Кромѣ оффиціальныхъ аудіенцій, Муравьевъ неоднократно былъ удостоиваемъ бесѣдовать съ султаномъ частнымъ образомъ, съ глазу на глазъ. Со временъ Обрѣзкова, въ первый разъ падишахи имѣли возможность говорить съ русскими сановниками безъ пособія переводчиковъ. Вскорѣ по возвращеніи въ Россію, Муравьевъ былъ назначенъ командующимъ 5 пѣхотнымъ корпусомъ, но въ 1836 году былъ уволенъ въ отставку. Въ 1848 году онъ снова поступилъ въ службу съ назначеніемъ командиромъ гренадерскаго корпуса, а въ концѣ ноября 1854 года былъ сдѣланъ намѣстникомъ кавказскимъ. Послѣ расточительнаго и роскошнаго намѣстничества князя Воронцова, экономическое и скупое управленіе Муравьева должно было показаться нѣсколько суровымъ. Но при тогдашнемъ положеніи Россіи, необходимо было оставить азіятскую пышность, многочисленный дворъ и множество барскихъ затѣй его предшественника, обременительныхъ для государственнаго казначейства. До Муравьева Кавказъ не только не приносилъ дохода казнѣ, но еще поглощалъ значительныя суммы, присылавшіяся изъ Имперіи. Первые четыре милліона рублей дохода отъ Кавказа были доставлены за время двухлѣтняго управленія этою страною Н. Н. Муравьевымъ. Во время Восточной войны онъ былъ главнокомандующимъ дѣйствующею арміею въ Малой Азіи и прославилъ себя покореніемъ Карса. По многосторонности и разнообразію своихъ знаній, онъ принадлежалъ къ числу просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени. По строгости же своихъ нравственныхъ правилъ,

непреклонной твердости характера и необыкновенной воздержности въ образѣ жизни, онъ представляетъ собою героя лучшей эпохи древняго Рима. Этотъ античный нравственный складъ, выдѣливъ Муравьева изъ среды современниковъ, безъ сомнѣнія долженъ былъ встрѣтить много порицателей. Но всѣ, кому только доводилось быть съ нимъ въ соприкосновеніи, навсегда сохраняли къ нему чувства невольнаго удивленія и привязанности. Нельзя не пожалѣть, что жизнь этого необыкновеннаго человѣка, преисполненная столькихъ превратностей, до сихъ поръ еще не имѣетъ особой біографіи. Уже одно путешествіе его въ Хиву и Туркменію, по богатству географическихъ открытій, ставитъ его на ряду съ замѣчательнѣйшими подвижниками науки въ первую четверть настоящаго столѣтія. Проникнувъ одинъ изъ первыхъ въ невѣдомыя пустыни Средней Азіи, Муравьевъ долженъ былъ подвергнуться величайшимъ опасностямъ. Однажды туземцы уже располагались съ него живаго снять кожу. Между тѣмъ его странствованія почти неизвѣстны, и самая книга сдѣлалась нынѣ библіографическою рѣдкостью. Не меньшій также интересъ имѣетъ и его дневникъ, въ который онъ имѣлъ привычку заносить, день за днемъ, всѣ сколько-нибудь замѣчательные случаи изъ своей жизни или событія, переданныя ему очевидцами или самими участниками. Такимъ образомъ его дневникъ представляетъ вполнѣ достовѣрную и любопытную для будущаго историка современную лѣтопись, написанную наблюдателемъ осторожнымъ и нелюбившимъ подчиняться общему потоку ходячихъ мнѣній. Онъ началъ вести свои записки едва ли не съ первыхъ дней своей службы. Намъ по крайней мѣрѣ извѣстно изъ небольшаго отрывка, благосклонно сообщеннаго покойною графинею П. В. Муравьевой, что Николай Николаевичъ уже во время

отечественной войны велъ свои записки. На основаніи этого дневника, онъ описалъ поѣздку свою къ египетскому пашѣ и въ Константинополь, подъ заглавіемъ: Турція и Египетъ въ 1832 и 1833 годахъ. Сочиненіе это появилось въ свѣтъ уже послѣ его кончины въ 1869 году. Подневныя записки Муравьева, какъ мы слышали, простираются до послѣднихъ дней его жизни. Вслѣдствіе излишней осторожности, самыя интересныя мѣста онъ заносилъ по-арабски или персидски, такъ что для прочтенія ихъ необходимо пособіе свѣдущаго оріенталиста. Н. Н. Муравьеву посчастливилось попасть въ число тѣхъ немногихъ избранниковъ, которые очень долго живутъ въ народной памяти: обожаемый солдатами, съ которыми нерѣдко дѣлилъ ихъ скудную трапезу, онъ получилъ отъ нихъ славу неподкупнаго правдолюбца и еще при своей жизни сдѣлался ихъ сказочнымъ героемъ. Для отличія отъ соименнаго ему графа Н. Н. Муравьева-Амурскаго, его обыкновенно называютъ Карскимъ, хотя на этотъ титулъ онъ и не получилъ оффиціальнаго права. Въ послѣдніе годы своей жизни онъ находился не у дѣлъ, и умеръ 18 октября 1867 года, въ своемъ орловскомъ имѣніи близъ Ельца. Онъ былъ женатъ два раза, въ первый на грузинкѣ Ахвердовой и во второй — на графинѣ Натальѣ Григорьевнѣ Чернышевой. Отъ первой жены имѣлъ дочь Наталью, которая была въ замужествѣ за генералъ-маіоромъ Николаемъ Семеновичемъ Корсаковымъ, роднымъ братомъ М. С. Корсакова, бывшаго генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири. Отъ второй жены онъ имѣлъ дочь Софью Николаевну, состоящую въ замужествѣ за г. Чертковымъ; Антонину Николаевну въ замужествѣ за г. Бакунинымъ и Александру Николаевну за полковникомъ М. П. Демидовымъ.

3) Графъ Михаилъ Николаевичъ былъ третьимъ сыномъ.

4) Андрей Николаевичъ, родился 30 апрѣля 1807 г. Службу свою началъ въ драгунахъ и въ 1828 году перешелъ гражданскимъ чиновникомъ въ дипломатическую канцелярію, состоявшую при главнокомандовавшемъ арміею графѣ Дибичѣ-Забалканскомъ. По заключеніи Адріанопольскаго мира, въ послѣдній день 1829 года, Муравьевъ, съ разрѣшенія фельдмаршала, отправился на кораблѣ «Парменъ» въ Константинополь, а оттуда въ Іерусалимъ. По возвращеніи въ Россію, онъ описалъ свои странствія въ извѣстной книгѣ: Путешествіе къ Святымъ мѣстамъ въ 1830 году, сдѣлавшейся любимымъ чтеніемъ во всѣхъ слояхъ русскаго общества. Муравьевъ потомъ служилъ въ Святѣйшимъ Сvнодѣ въ званіи чиновника за оберъ-прокурорскимъ столомъ и въ послѣдствіи въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Вскорѣ по назначеніи князя Горчакова управляющимъ министерствомъ, Муравьевъ оставилъ службу. Обладая основательнымъ классическимъ образованіемъ, онъ посвятилъ всю свою жизнь изученію христіанскихъ древностей и въ особенности разсѣянныхъ по Россіи безчисленныхъ памятниковъ древняго благочестія нашихъ предковъ. Для достиженія этой прекрасной цѣли, Муравьевъ издалъ множество интересныхъ сочиненій, способствовавшихъ ознакомленію нашего общества съ многочисленными подвижниками, преданіями и святынями отечественной Церкви. Необыкновенная простота изложенія, благодушное отношеніе ко всѣмъ предметамъ, до которыхъ онъ только касается, и обиліе въ высшей степени любопытныхъ свѣдѣній, пріобрѣли Муравьеву многочисленныхъ читателей во всѣхъ слояхъ русскаго православнаго населенія. Чтобы судить о разнообразіи его сочиненій, обнимающихъ главнѣйшія стороны Православной Церкви, достаточно будетъ бросить взглядъ на изданныя имъ съ 1834 года сочиненія: 1) Путешествіе ко Святымъ мѣ-

стамъ въ 1830 году. Лучшее изданіе четвертое, съ чертежами, 1840 года. 2) Путешествіе по Святымъ мѣстамъ русскимъ, въ 4 частяхъ. Имѣло пять изданій. 3) Исторія святаго града Іерусалима отъ временъ апостольскихъ и до настоящихъ, 2 тома, 1844 г. 4) Грузія и Арменія, 3 части, 1845 г. 5) Письма о магометанствѣ, 1848 г. 6) Правда Вселенской церкви о римской и прочихъ патріаршихъ каѳедрахъ, 1849 г. 7) Письма о богослуженіи Восточной Каѳолической Церкви имѣло восемь изданій. 8) Римскія письма, 3 части. 9) Мысли о православіи при посѣщеніи святыни русской, 1850 г. 10) Описаніе монастырей и скитовъ, находящихся на Св. Горѣ Аѳонской. 1850 г. 11) Первые четыре вѣка христіанства, имѣло три изданія. 12) Священная Исторія, 1854 г. 13) Слово Каѳолическаго Православія римскому католичеству. Москва 1853 г. 14) Расколъ, обличаемый своею исторіею. 2 тома, 1854 г. 15) Святыя горы и Оптинская пустыня. 1852 г. 16) Русская Ѳиваида на сѣверѣ, 1855 г., съ таблицею. 17) Житія святыхъ россійскихъ церквей, также иверскихъ и славянскихъ и мѣстно чтимыхъ подвижниковъ благочестія. 12 томовъ. 18) Подвиги Соловецкой обители 1855 г. 19) Сношенія Россіи съ Востокомъ по дѣламъ церковнымъ, 2 тома, 1858 г. 20) Письма съ Востока въ 1849 и 1850 годахъ, 2 части, 1851 г. 21) Впечатлѣнія Украйны и Севастополя 1859 г. 22) Русская Вильна, приложеніе къ путешествію по Святымъ мѣстамъ русскимъ, Вильно, 1865 г. 23) Впечатлѣнія кончины и погребенія московскаго митрополита Филарета, М. 1868 г. 24) Письма къ А. Н. М. Филарета, митрополита московскаго, съ 1832 по 1867 г. Кіевъ, 1869 г. Высокій нравственный интересъ трудовъ Муравьева обратилъ на него вниманіе просвѣщенныхъ иностранцевъ, и въ настоящее время произведенія его переведены на всѣ европейскіе языки, въ томъ

числѣ на греческій и польскій. Благотворное вліяніе сочиненій Муравьева на религіозное образованіе нашего общества, столь нуждающагося въ хорошихъ книгахъ для домашняго чтенія, давно уже признано всѣми, и едва ли найдется коренное русское семейство, не имѣющее въ своей библіотекѣ нѣсколькихъ сочиненій А. Н. Муравьева. Кромѣ обширнаго воспитательнаго значенія трудовъ его, великую также заслугу сочиненія его принесли и для противодѣйствія религіозному индиферентизму, распространившемуся въ нашемъ обществѣ съ конца прошлаго столѣтія. Заслуги его, къ несчастію, оцѣнены далеко не всѣми современниками. Для многихъ изъ нихъ полезная дѣятельность Муравьева была вовсе не по сердцу и осталась безъ поддержки и необходимаго ободрѣнія . . . . только дружба замѣчательнѣйшаго по своему высокому уму Московскаго первосвятителя Филарета подкрѣпила Муравьева на тяжкомъ поприщѣ испытаній, которому онъ себя посвятилъ. Послѣ кончины знаменитаго іерарха, онъ переселился въ Кіевъ, близь храма Св. Апостола Андрея, гдѣ и проживаетъ въ настоящее время на той самой мѣстности, откуда распространилось по Русской землѣ первое благовѣстіе о безграничной любви къ ближнему.

5) Сергѣй Николаевичъ, младшій изъ пяти братьевъ, родился 14 апрѣля 1809 года. Начавъ свое поприще съ военной службы, онъ поступилъ потомъ въ министерство финансовъ и наконецъ въ министерство государственныхъ имуществъ. Рядъ жизненныхъ неудачъ и непреодолимая склонность къ кабинетнымъ занятіямъ науками помѣшали его служебному движенію. Покойный М. И. Глинка нисколько не ошибся, упомянувъ въ запискахъ своихъ о пристрастіи С. Н. Муравьева къ философіи. Онъ проживаетъ въ настоящее время въ Петербургѣ. Женатъ на Софьѣ Ивановнѣ Петрулевой. — Имѣетъ сына Влади-

міра Сергѣевича, отставшаго полковника, женатаго на Екатеринѣ Евтихіевнѣ Сафоновой, и дочь Александру Сергѣевну, замужемъ за генералъ-маіоромъ путей сообщенія Николаемъ Михайловичемъ Бугайскимъ, строителемъ большаго московскаго экзерциргауза и конно-гвардейскихъ казармъ въ С.-Петербургѣ.

О многихъ замѣчательныхъ лицахъ, принадлежащихъ къ боковымъ отраслямъ рода Муравьевыхъ, здѣсь не упоминается, такъ какъ помѣщеніе біографическихъ свѣдѣній о нихъ слишкомъ раздвинуло бы тѣсные предѣлы настоящаго очерка.

Глава II.

Рожденіе Муравьева и домашнее воспитаніе. — Вообще о тогдашнемъ воспитаніи въ Россіи. — Гувернеры изъ иностранцевъ. — Лагарпъ. — Московскій Университетъ.

Графъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ родился 1 октября 1796 года. Отецъ его, въ то время флотскій капитанъ-лейтенантъ, жилъ съ своимъ семействомъ въ одной изъ отдаленныхъ частей С-Петербурга, на Васильевскомъ острову, въ приходѣ церкви Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Населеніе этого прихода, имѣвшаго въ царствованіе императрицы Екатерины II еще совершенно патріархальный и скорѣе сельскій, чѣмъ городской видъ, состояло преимущественно изъ людей небогатыхъ: чиновниковъ, учителей, отставныхъ, жившихъ пенсіями и моряковъ, получавшихъ отъ казны весьма ограниченное содержаніе. Можно полагать, что и Н. Н. Муравьевъ поселился въ этой выгодной для кармана и здоровья части города, также какъ человѣкъ, обладавшій небольшими денежными средствами и между тѣмъ озабоченный будущностью постепенно увеличивавшейся семьи.

Въ то время онъ уже имѣлъ двухъ дѣтей: Александра, четырехъ лѣтъ, и Николая двухъ лѣтъ отъ роду. Новорожденный младенецъ Михаилъ былъ третьимъ сыномъ.

Въ сохранившейся подлинной метрической книгѣ [1]) Благовѣщенской церкви за 1796 годъ, въ статьѣ за № 211, рукою священника Іоанна Братановскаго записано: «флота капитана-поручика Николая Николаевича Муравьева сынъ Михаилъ родился перваго, а крещенъ двадцать третьяго октября тысяча-семь-сотъ-девяносто-шестаго года іереемъ Василіемъ Братановскимъ. Воспріемниками отъ купели были генералъ-поручикъ и кавалеръ Александръ Александровичъ Саблуковъ и покойнаго генералъ-инженера Михаила Ивановича Мордвинова супруга Екатерина Александровна.» — Но по наведеннымъ справкамъ о службѣ Саблукова оказалось, что военнымъ генераломъ онъ никогда не бывалъ, а во время рожденія Муравьева состоялъ сенаторомъ и тайнымъ совѣтникомъ. По всѣмъ вѣроятіямъ, священникъ Братановскій записалъ его

[1]) Графъ М. Н. Муравьевъ, не взирая на всѣ свои старанія и неоднократно предпринятыя изслѣдованія для пріобрѣтенія метрическаго свидѣтельства о своемъ рожденіи, никогда однако же не могъ получить таковаго. Рожденіе свое онъ праздновалъ обыкновенно 24 сентября. Это ошибочное число выставлено и на его надгробномъ памятникѣ въ Александроневскомъ монастырѣ. Затрудненія заключались, какъ кажется, въ томъ, что онъ не зналъ прихода, въ которомъ родился. Уже послѣ смерти графа, когда по поводу основаннаго имъ еще предъ Отечественною войною въ Москвѣ Общества Математиковъ, встрѣтилась настоятельная надобность точнаго опредѣленія времени его рожденія, то были предприняты нами обширные розыски и переписка, увѣнчавшіеся наконецъ успѣхомъ, благодаря усердію секретаря С.-Петербургской Духовной Консисторіи И. Т. Камчатова, который послѣ постепеннаго пересмотра метрическихъ книгъ всѣхъ приходовъ столицы, наконецъ отыскалъ документальное свидѣтельство о времени рожденія графа Муравьева.

въ метрическую книгу генералъ-поручикомъ, изъ желанія почтить важнаго сановника военнымъ чиномъ [2]). Крестная мать новорожденнаго, происходившая изъ рода Саблуковыхъ, была родною сестрою крестнаго отца и бабкою будущаго графа, мать котораго была родною ея дочерью.

Выше было уже упомянуто, что Н. Н. Муравьевъ до 1801 г. былъ предводителемъ дворянства Лужскаго уѣзда и потому долженъ былъ большую часть своего времени проживать въ имѣніи своемъ Сырѣцъ, изрѣдка только пріѣзжая въ Петербургъ. Для первоначальнаго воспитанія, когда сбереженіе дѣтскаго здоровья составляетъ главнѣйшую заботу родителей, подобная жизнь въ деревнѣ была чрезвычайно полезна. И дѣйствительно, всѣ три брата Муравьевыхъ всегда пользовались отличнымъ здоровьемъ, и если дожили до преклонныхъ лѣтъ, то, можно

---

[2]) А. А. Саблуковъ до капитанскаго чина служилъ въ л.-гв. преображенскомъ полку. Въ этомъ чинѣ, по случаю обнаружившейся въ Москвѣ чумы, былъ командированъ туда вмѣстѣ съ другими офицерами въ распоряженіе генералъ-поручика Еропкина. Бывъ уже тайнымъ совѣтникомъ, онъ получилъ 1-го января 1795 г. орденъ Св. Анны 1-й степени, и 27-го мая 1799 г. назначенъ на мѣсто Павла Григорьевича Демидова почетнымъ опекуномъ въ Опекунскій Совѣтъ. Въ 1814 г. онъ былъ произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники; 5-го іюня 1824 г. сдѣланъ предсѣдательствующимъ въ С.-Петербургскомъ Опекунскомъ Совѣтѣ; онъ былъ также усерднымъ дѣятелемъ въ Императорскомъ Вольномъ Экономическомъ Обществѣ и членомъ Государственнаго Совѣта; но какъ государственный человѣкъ, онъ не отличался ни глубиною, ни дальновидностью своихъ воззрѣній; умеръ 7-го мая 1828 г. Въ письмѣ своемъ, писанномъ за четыре дня до смерти къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, онъ просилъ предоставить свободу своимъ дворовымъ людямъ, не переводя на нихъ долга, имъ сдѣланнаго. За честность свою и прямодушіе онъ пользовался уваженіемъ общества и довѣріемъ государыни, которая часто приглашала его для совѣщанія о дѣлахъ и къ своему столу въ Павловскъ.

полагать, едва ли не потому, что росли и развивались на свободѣ, среди сельской природы. Съ переѣздомъ въ 1801 году въ Москву, Николай Николаевичъ поселился у отчима своего, князя Урусова, въ его обширномъ барскомъ домѣ, находившемся на Большой Дмитровкѣ, [3]) гдѣ въ то время помѣщался въ главномъ корпусѣ, выходящемъ на улицу, англійскій клубъ. Семейство Муравьевыхъ расположилось внутри двора въ правомъ одноэтажномъ каменномъ флигелѣ, существующемъ еще и понынѣ. Дѣти въ это время начинали уже входить въ тотъ возрастъ, когда къ заботамъ объ ихъ физическомъ воспитаніи обыкновенно присоединяются и заботы о правильномъ развитіи ихъ ума и сердца. Родительница Михаила Николаевича, какъ женщина въ высшей степени заботливая и мать чадолюбивая, считала эти попеченія пріятными для себя и охотно посвящала имъ всѣ свои досуги. Въ послѣдующіе годы своей жизни М. Н. Муравьевъ неоднократно говорилъ: «если мы вышли порядочными людьми, а не сорванцами, то всѣмъ этимъ обязаны единственно покойной матушкѣ; отецъ не могъ съ нами много заниматься.» Преждевременная кончина этой добродѣтельной женщины не осталась безъ вліянія на воспитаніе дѣтей, которое, по необходимости, нужно было довѣрить гувернерамъ. Что касается до отца Муравьева, то отъ занятій съ дѣтьми онъ постоянно былъ отвле-

---

[3]) Это большое каменное трехъ-этажное зданіе, нынѣ принадлежитъ г. Цыплякову и въ немъ помѣщается, основанный М. Н. Катковымъ, Лицей Цесаревича Николая Александровича. Во дворъ, нѣсколько возвышающійся надъ улицею, въѣзжаютъ чрезъ ворота, прорѣзывающія съ правой стороны нижній этажъ этого зданія. Во дворѣ съ правой и лѣвой стороны расположены два полукруглые одноэтажные флигеля. Домъ этотъ уцѣлѣлъ во время пожара 1812 года.

каемъ вновь возникшими и довольно хлопотливыми родственными обязанностями. Отчимъ его, не имѣвшій дѣтей и любившій Николая Николаевича какъ роднаго сына, еще при жизни своей сдѣлалъ его наслѣдникомъ большей части своихъ имѣній, которыя и передалъ въ его управленіе. Имѣнія эти находились не въ одной Московской губерніи. Поэтому личные осмотры ихъ и приведеніе въ порядокъ запущеннаго хозяйства требовали частыхъ и по временамъ довольно продолжительныхъ отлучекъ. Когда же въ концѣ 1806 г., по случаю необыкновенныхъ военныхъ событій, было призвано русское дворянство на защиту отечества и была сформирована милиція, то и Николай Николаевичъ поступилъ въ числѣ другихъ въ земское войско, и возвратился къ своему семейству уже въ концѣ 1807 года. Но такъ какъ при поступленіи въ ополченіе нельзя было предвидѣть, когда окончится война, а съ тѣмъ вмѣстѣ представится возможность снова заняться воспитаніемъ дѣтей, то обстоятельство это побудило Николая Николаевича пригласить для надзора за дѣтьми и первоначальныхъ учебныхъ занятій съ ними нѣкоего эмигранта Пельта, состоявшаго прежде, какъ онъ говорилъ, во французской службѣ. Въ то время Россія была наводнена толпами французскихъ выходцевъ, между которыми было множество всевозможныхъ искателей приключеній. Они въ русскихъ дворянскихъ домахъ весьма охотно принимали на себя обязанности собесѣдниковъ и, въ особенности, воспитателей юношества. Не рѣдко также они роднились съ богатѣйшими и извѣстными фамиліями, пріобрѣтали значительные капиталы и дѣлались владѣльцами обширныхъ помѣстій. Многіе изъ нихъ оказывались ревностными миссіонерами латинства, въ которое совращали цѣлыя семейства нашихъ дворянъ, начиная съ своихъ воспитанни-

ковъ. Уже во времена императрицы Елисаветы Петровны вліяніе этихъ пришельцевъ на домашнее воспитаніе сдѣлалось очень замѣтнымъ. [4])

Съ восьмидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія сердобольная и гостепріимная Россія стала принимать подъ свой кровъ уже не одиночныя личности, но цѣлыя толпы этихъ выходцевъ, вообще бѣдныхъ внутреннимъ содержаніемъ. Съ теченіемъ времени наплывъ эмигрантовъ все болѣе увеличивался. Въ царствованіе же императора Павла Петровича войска и гвардія переполнились множествомъ иностранныхъ фамилій; цѣлый корпусъ Конде и нѣсколько десятковъ генераловъ поступили тогда на содержаніе изъ нашего казначейства. Можно полагать, что и до сихъ поръ не вѣдаетъ шуйца, что выдала тогда

[4]) Графъ де-ла-Мессельеръ, секретарь французскаго посольства, прибывшаго въ 1757 году съ Лопиталемъ въ Россію, говоритъ въ своихъ запискахъ слѣдующее: „Мы были осаждены множествомъ французовъ всевозможныхъ оттѣнковъ, изъ которыхъ большая часть, послѣ столкновеній съ парижскою полиціею, отправилась развращать сѣверныя страны. Мы были крайне огорчены, встрѣтивъ у многихъ вельможъ бѣглецовъ, банкрутовъ, негодяевъ и женщинъ того же рода, которые, по всеобщему пристрастію русскаго дворянства къ французамъ, занимались воспитаніемъ дѣтей въ домахъ, принадлежащихъ къ самой высшей аристократіи. Говорятъ, что эта пѣна нашего отечества распространилась до самаго Китая, по крайней мѣрѣ я вездѣ ее встрѣчалъ. — Господинъ посланникъ почелъ своимъ долгомъ, предложить русскому правительству послѣ пересмотра паспортовъ сдѣлать всѣмъ разборъ для высылки моремъ лицъ наиболѣе вредныхъ для общества. Предложеніе это, бывъ благосклонно принято, произвело значительную эмиграцію, исчезнувшую по всѣмъ вѣроятіямъ въ пустыняхъ Татаріи. Такой правосудный и дѣлающій честь нашему отечеству образъ дѣйствій былъ оцѣненъ русскимъ народомъ и принятъ съ благодарностію. Императрица узнала о томъ съ удовольствіемъ и смѣялась надъ тѣми, которые были введены въ заблужденіе этими негодями.

русская десница этимъ изгнанникамъ за ихъ сомнительную преданность къ своему несчастному королю.... Но что замѣчательнѣе всего, отъ такого гостепріимства расположеніе французовъ къ Россіи нисколько не увеличилось. Прежде враждовали противъ Россіи только одни французскіе дипломаты; съ этой же поры недоброжелательство перешло въ область литературы, сдѣлалось всеобщимъ и популярнымъ. Тогда-то Европа наводнилась недостойными произведеніями Рюльера, Кастеры и Массона, въ которыхъ всѣ величайшіе наши государственные люди, всѣ политическіе успѣхи или улучшенія во внутренней жизни Россіи, все подвергалось повальному и самому неразборчивому осужденію и клеветѣ. Но если наше благодушіе ко всякимъ пришлецамъ невыгодно отразилось на общественномъ мнѣніи Европы, то едва ли не худшія послѣдствія обнаружились отъ вторженія ихъ въ русскую семью. Занесенные ими къ намъ: легкость французскихъ нравовъ, непомѣрное развитіе себялюбивыхъ инстинктовъ, ослабленіе религіознаго чувства и легкомысленный взглядъ на обязанности къ обществу и государству едва ли могли улучшить наше домашнее воспитаніе. Не много могло подвинуться впередъ и образованіе умственное подъ руководствомъ гувернеровъ, презиравшихъ все русское, начиная съ языка, и не вѣдавшихъ ни минувшихъ судебъ нашего отечества, ни настоящихъ потребностей русской жизни.

Не легко впрочемъ обвинять нашихъ дѣдовъ за всѣ вольныя и невольныя ихъ заблужденія, когда сама мудрая Екатерина почитала іезуитовъ за полезныхъ педагоговъ и даже ввѣрила воспитаніе своихъ царственныхъ внучатъ швейцарцу Лагарпу [5]), личности весьма прославленной

[5]) Лагарпъ, Фредерикъ-Цезарь, род. въ 1754 г. въ Леманскомъ кантонѣ. Въ молодости своей былъ адвокатомъ средней

иностранцами, но далеко не безупречной по своимъ нравственнымъ и политическимъ воззрѣніямъ. Между тѣмъ эти воззрѣнія должны были имѣть и имѣли великое вліяніе на направленіе дѣятельности императора Александра, особенно въ первые годы его царствованія. Справедливость требуетъ сказать, что внушенія Лагарпа принесли много горькихъ плодовъ, пока прирожденная проницательность

руки и, за неимѣніемъ практики, занимался мѣстной политикой. Неизвѣстно, по чьей рекомендаціи императрица Екатерина II опредѣлила Лагарпа кавалеромъ при великихъ князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ, при которыхъ онъ находился въ чинѣ полковника до іюня 1793 года, когда былъ удаленъ съ пенсіею, по причинѣ крайне демагогическаго образа мыслей, обнаруженнаго графомъ Эстергази и принцемъ Нассау-Зигеномъ. Онъ былъ хорошимъ учителемъ, можетъ быть даже гувернеромъ, но ни въ какомъ случаѣ не могъ быть воспитателемъ наслѣдника Всероссійскаго престола. Исполненію этой важной обязанности ему мѣшали органическіе, такъ сказать, недостатки и, между прочимъ, его невѣжественное отношеніе къ Православію — этой главной основѣ самодержавной власти. Кромѣ отсутствія религіозной почвы, Лагарпъ и по своимъ политическимъ взглядамъ становился въ разрѣзъ съ русскою жизнію; онъ былъ поклонникомъ такъ называемыхъ великихъ идей французской революціи, для которыхъ онъ даже пожертвовалъ потомъ независимостью своего отечества. Удалившись на родину и обезпеченный нашимъ правительствомъ въ средствахъ для жизни, онъ занялся тамъ сочиненіемъ и изданіемъ длиннаго ряда возмутительныхъ брошюръ и прокламацій, призывавшихъ народъ къ открытому возстанію. Принужденный послѣ того бѣжать во Францію, онъ постоянно вращался тамъ между коноводами революціи. Директорія, замышлявшая въ то время, при пособіи внутреннихъ смутъ, ввести французскія войска въ Швейцарію, призывала по этому случаю Лагарпа на свои совѣщанія, и нашла въ немъ усерднаго пособника. Содѣйствуя видамъ ея, онъ выпустилъ тогда въ свѣтъ множество брошюръ и воззваній анархическаго содержанія, вслѣдъ за появленіемъ которыхъ въ Ваатландѣ вспыхнула революція. — Дозволительно сомнѣваться

ума, превосходное сердце и жизненный опытъ не освободили сего государя отъ тѣхъ искуственныхъ впечатлѣній и вліяній, которыя окружали самый нѣжный его возрастъ. «Императрица Екатерина,» говорилъ впослѣдствіи благословенный Александръ, «была проницательная, умная великая жена; но что касается до воспитанія сердца въ духѣ истиннаго благочестія, при петербургскомъ Дворѣ было какъ почти вездѣ»..... Изъ извѣстнаго письма Александра къ Кочубею можно видѣть, куда было направлено Лагарпомъ юное воображеніе великаго князя, искренно вѣрившаго, что идеалъ земнаго счастія должно искать гдѣ-то тамъ, внѣ предѣловъ Россіи, на живописныхъ берегахъ Рейна и, конечно, въ отечествѣ своего воспитателя... Но какъ ни было велико заблужденіе тогдашняго общества относительно истиннаго достоинства подобныхъ педагоговъ, а тѣмъ не менѣе во всѣхъ достаточныхъ русскихъ домахъ воспитаніе юношества находилось въ рукахъ иностранцевъ. Семейство Муравьева подверглось общей участи и, подобно многимъ, увлеклось пристрастіемъ къ

въ твердости нравственныхъ правилъ человѣка, помогавшаго вторженію иноземцевъ въ предѣлы своей родины. Императоръ Александръ I по вступленіи своемъ на престолъ нерѣдко удостоивалъ Лагарпа своими письмами. Въ свою очередь Лагарпъ представилъ государю нѣсколько записокъ по разнымъ предметамъ государственнаго управленія, но всѣ онѣ отличались скудостію содержанія и крайнею незрѣлостію. По занятіи въ 1814 году Парижа, Лагарпъ получилъ орденъ Св. Андрея Первозваннаго. Во время конгресса онъ провелъ нѣсколько дней въ Вѣнѣ, и съ этой поры довѣріе къ нему императора Александра стало замѣтно уменьшаться. Поселившись на родинѣ, онъ дожилъ до глубокой старости, услаждая свое уединеніе отъ свѣта составленіемъ памятныхъ записокъ и земными благами, составившимися отъ многочисленныхъ щедротъ своего августѣйшаго питомца. Онъ умеръ въ Лозаннѣ 30 марта 1838 года.

французскимъ гувернерамъ и сдѣлало ошибку въ выборѣ наставника. Принятый въ домѣ Муравьева въ качествѣ воспитателя, упомянутый нами Пельтъ можетъ быть и имѣлъ нѣкоторыя достоинства, какъ учитель, знакомый съ однимъ или двумя предметами преподаванія; но тяжкая обязанность воспитателя была ему рѣшительно не по-плечу. Его вѣтренность и недостатокъ опытности постоянно разрушали то нравственное превосходство, которое воспитатель всегда долженъ сохранять надъ своими питомцами.— Въ этомъ отношеніи много мѣшала ему и неудержимая страсть къ донжуановскимъ похожденіямъ, безпрестанно отвлекавшая его отъ занятій съ дѣтьми. — По счастію, Пельтъ представлялъ собою величину отрицательную и скорѣе былъ безполезенъ по своей неспособности, чѣмъ опасенъ по вредному вліянію на дѣтей. Онъ находился въ домѣ не долго, и потому неудачный выборъ могъ быть исправленъ и даже принесъ нѣкоторую пользу: новый воспитатель уже былъ избранъ съ большею осмотрительностію.

Въ началѣ 1808 года на мѣсто Пельта поступилъ къ дѣтямъ нѣкто Гатто (Hattot), уроженецъ Лотарингіи, человѣкъ болѣе строгихъ нравственныхъ правилъ, отчасти классикъ, имѣвшій довольно основательныя свѣдѣнія по части математики. Какъ человѣкъ уже нѣсколько пожилой, много испытавшій, много видѣвшій, онъ хотя и не обладалъ особенно обширнымъ умомъ, но здраваго смысла имѣлъ весьма достаточно; къ тому же былъ человѣкъ честный, добросердечный и пріятный разскащикъ, и что важнѣе всего, умѣлъ устранить сухія схоластическія формы тогдашнихъ учебниковъ, облегчить неизбѣжныя трудности и поселить въ отроческой душѣ своихъ питомцевъ жажду знаній и любовь къ труду. Поэтому въ семействѣ Муравьевыхъ Гатто оставилъ по себѣ самую прекрасную

память. Впослѣдствіи, когда войска наши находились во Франціи съ 1815 по 1817 годъ, то старшій изъ Муравьевыхъ, Александръ Николаевичъ, служившій тогда въ корпусѣ графа Воронцова офицеромъ по квартирмейстерской части, старался отыскать тамъ прежняго своего наставника, желая быть по мѣрѣ силъ полезнымъ для него; но всѣ поиски его остались безуспѣшными.

Одновременно съ Гатто былъ приставленъ къ дѣтямъ, для обученія ихъ англійскому языку, молодой человѣкъ Эдуардъ Лоостъ. При этомъ не мѣшаетъ припомнить, что въ первые годы настоящаго столѣтія знаніе англійскаго языка почиталось у насъ несомнѣннымъ признакомъ высшаго образованія. Наши государственные люди были тогда искренно убѣждены въ идеальномъ совершенствѣ англійской конституціи и даже видѣли въ ней готовый образецъ для перестройки нашего государственнаго управленія. Наша знать посылала дѣтей своихъ учиться въ англійскіе университеты и даже для совершеннѣйшаго претворенія потомства своего въ британцевъ, выписывала изъ Англіи кормилицъ и нянекъ. Независимо отъ этихъ чрезмѣрныхъ увлеченій, столь свойственныхъ русской природѣ, знакомство съ англійскими литературою и нравами принесло и свою долю пользы: уваженіе этихъ островитянъ къ семейнымъ добродѣтелямъ и вообще ихъ прямое и трезвое отношеніе къ жизни не остались безъ нѣкотораго вліянія на тогдашнее наше общество. Весьма естественно поэтому, что англійскій языкъ долженъ былъ войти и въ програму образованія молодыхъ Муравьевыхъ. Наставникъ англійскаго языка, Лоостъ, былъ истый англичанинъ до конца ногтей. Приходившія въ ту пору почти ежедневныя извѣстія о возрастающемъ могуществѣ Французовъ и объ угнетеніи ими европейскихъ народовъ составляли обычный и неизсякаемый предметъ всѣхъ разговоровъ. Отъ конти-

нентальной системы, навязанной самовластіемъ Наполеона Европѣ, сильно страдала и Англія, отечество Лооста, который при каждомъ извѣстіи о новыхъ захватахъ Французовъ выходилъ изъ себя и часто высказывалъ негодованіе свое въ такихъ преувеличенныхъ выраженіяхъ, что невольно возбуждалъ общій смѣхъ. Дѣти, всегда подмѣчающія слабыя или смѣшныя стороны старшихъ, сейчасъ же замѣтили и комическую ненависть къ Французамъ своего наставника, человѣка впрочемъ вовсе незлобиваго. — Кромѣ Французовъ, Лоостъ крѣпко недолюбливалъ и самого Наполеона. Стоило только похвалить его, или даже хоть что нибудь французское, какъ Лоостъ тотчасъ же считалъ обязанностію протестовать. Для этого онъ обыкновенно сбрасывалъ съ себя сюртукъ, объявляя, что Наполеонъ не стоитъ того, чтобъ говорить о немъ въ сюртукѣ изъ англійскаго сукна и потомъ, ставши на колѣни передъ стуломъ, произносилъ всевозможныя клятвы о вѣчной и непримиримой враждѣ къ Наполеону и Французамъ. Эта торжественная сцена завершалась обыкновенно страшной возней: Лоостъ вооружался вмѣсто пики половой щеткой и гонялся за дѣтьми по всѣмъ комнатамъ, воображая, что преслѣдуетъ самого Наполеона. Поднималась необычайная суматоха, хохотъ, крикъ и гамъ, пока не являлся добродушный Гатто и не останавливалъ воинственныхъ увлеченій расходившагося представителя Великобританіи.

Таковы собранныя нами воспоминанія о дѣтствѣ Муравьева, переданныя намъ не задолго передъ смертью самимъ очевидцемъ и участникомъ описанныхъ игръ, сенаторомъ Александромъ Николаевичемъ Мордвиновымъ, двоюроднымъ братомъ Муравьева, сохранившимъ къ нему дружбу свою до конца его жизни. Мордвиновъ воспитывался въ домѣ у Муравьевыхъ около двухъ лѣтъ и въ началѣ 1809 года по желанію родителей своихъ разстался

съ семействомъ Муравьевыхъ и отправился въ С.-Петербургъ [6]).

Преподаваніе наукъ распредѣлено было слѣдующимъ образомъ: Гатто занимался съ дѣтьми латинскимъ языкомъ, ариѳметикой, геометріей и географіей. — Самъ Николай Николаевичъ училъ ихъ исторіи, алгебрѣ, геодезіи и военнымъ наукамъ. Но изъ всѣхъ отраслей знаній наибольшая часть времени посвящалась преподаванію математическихъ наукъ. — Михаилъ Николаевичъ отставалъ отъ своихъ братьевъ, особенно отъ брата Николая [7]) и Мордвинова, какъ по наукамъ, такъ и по изученію языковъ. Они часто подтрунивали надъ нимъ, называя его въ шутку тупягой. Со слезами на глазахъ онъ проглатывалъ обидныя насмѣшки своихъ товарищей, но молчалъ и терпѣлъ, потому что дѣйствительно, особенно въ началѣ, отста-

[6]) Мордвиновъ, Александръ Николаевичъ, значится по формулярному списку: въ службѣ съ 31 декабря 1806, въ 4-мъ классѣ 17 марта 1831 г. Въ тайные совѣтники произведенъ 6 декабря 1842 года. Сенаторомъ съ 1846 года. Въ тридцатыхъ годахъ былъ помощникомъ управляющаго III Отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи. Подъ конецъ жизни былъ первоприсутствующимъ сенаторомъ и умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника въ 1869 году.

[7]) Вообще всѣ Муравьевы отличались большою способностью къ изученію языковъ: Н. Н. Муравьевъ (Карскій), кромѣ латинскаго, англійскаго, нѣмецкаго, французскаго и польскаго, свободно объяснялся съ дагестанцами по-татарски, читалъ въ персидскомъ оригиналѣ Саади и Гафиза, объяснялся съ султаномъ по-турецки безъ переводчика, читалъ по-арабски Коранъ и по-еврейски Талмудъ. Андрей Николаевичъ, кромѣ русскаго, свободно владѣетъ семью языками. Изъ пяти братьевъ, Михаилъ Николаевичъ былъ слабѣе всѣхъ по части языкознанія, но и онъ довольно порядочно былъ знакомъ: съ латинскимъ, англійскимъ, французскимъ и нѣмецкимъ языками; учился и польскому — въ 1827 году, когда былъ вице-губернаторомъ въ Витебскѣ, но зналъ его плохо.

валъ отъ нихъ. Впрочемъ ему и трудно было услѣдить за ними: всѣ они были старше его нѣсколькими годами; но если наука доставалась ему съ тяжкимъ трудомъ, за то однажды усвоенное имъ знаніе уже вполнѣ дѣлалось его умственнымъ достояніемъ; отвлеченную научную истину онъ умѣлъ тотчасъ же примѣнить къ различнымъ случаямъ практической жизни. Способность эта, развиваясь съ лѣтами, особенно сдѣлалась очевидною, когда пришлось ему ознакомиться съ высшей математикой. Впослѣдствіи, соученики его измѣнили прежнее свое мнѣніе, и старшій его братъ, Николай Николаевичъ, часто говаривалъ, «изъ всѣхъ насъ, братъ Михайло вышелъ самый способный».

Говоря о домашнемъ воспитаніи М. Н. Муравьева, нельзя не упомянуть и о важнѣйшей сторонѣ этого воспитанія—именно религіозной. Собранныя нами по этому предмету свѣдѣнія заключаются въ слѣдующемъ: по исповѣднымъ вѣдомостямъ Воскресенской, что на Дмитровкѣ, церкви за 1804 г., показано: проживающій въ домѣ генералъ-маіора князя Урусова его пасынокъ подполковникъ Н. Н. Муравьевъ 36 лѣтъ, жена его Александра Михайловна 31 года и при нихъ дѣти: Александръ 13, Николай 11 и Михаилъ 9 лѣтъ были у Св. Причастія. Безъ сомнѣнія, изъ этого свидѣтельства, удостовѣряющаго только совершеніе извѣстнаго обряда цѣлымъ семействомъ, хотя и нельзя еще сдѣлать прямаго вывода о религіозныхъ впечатлѣніяхъ, полученныхъ Муравьевыми въ родительскомъ домѣ, но за неимѣніемъ другихъ данныхъ и это полуофиціальное свѣдѣніе, воскрешая въ нашей памяти прекрасный и патріархальный обычай, невольно переноситъ насъ къ той знакомой жизненной обстановкѣ, среди которой мы всѣ когда-то жили и среди которой протекла безмятежная юность Муравьева. Если обратиться затѣмъ къ образу домашняго воспитанія, повсе-

мѣстно наблюдавшемуся въ томъ сословіи, къ которому принадлежалъ Муравьевъ, то мы встрѣтимъ, что въ тѣ времена, какъ и до сихъ поръ это водится въ нашихъ старинныхъ дворянскихъ домахъ, религіозное воспитаніе дѣтей составляло и составляетъ первую обязанность матерей. Онѣ начинаютъ учить ребенка, когда малютка не умѣетъ еще лепетать словъ, осѣнять себя крестнымъ знаменіемъ, потомъ начиная съ молитвы о родителяхъ, постепенно научаютъ дѣтей и прочимъ главнымъ молитвамъ, а впослѣдствіи, когда ребенокъ немного подростетъ, то священной исторіи и обязанностямъ христіанина. Всѣ семейныя преданія свидѣтельствуютъ, что родительница Михаила Николаевича была женщина набожная, высокихъ нравственныхъ правилъ и притомъ умная и чадолюбивая мать, и потому нѣтъ никакого повода предполагать, чтобы она не исполнила одной изъ важнѣйшихъ своихъ обязанностей. Къ этому необходимо присовокупить, что приведенныя уже нами, при другомъ случаѣ, слова покойнаго графа также подтверждаютъ, хотя и косвенно, благотворное вліяніе матери на его духовное развитіе: «если мы вышли порядочными людьми, а не сорванцами, говорилъ онъ, то за все это обязаны единственно покойной матушкѣ.» Судя по строгому исполненію Михаиломъ Николаевичемъ въ теченіе всей своей жизни обрядовъ нашей Церкви, превосходному знанію ея потребностей и интересовъ и, наконецъ, по важнымъ заслугамъ, оказаннымъ имъ дѣлу православія во время возсоединенія уніатовъ и въ 1863 году, нельзя и сомнѣваться, чтобы такіе прекрасные плоды могли произрасти безъ обильнаго посѣва, брошеннаго въ его отроческую душу устами любящей матери. Однимъ только прозорливымъ сердцемъ матери и можно объяснить, почему вліяніе иностранцевъ, окружавшихъ юность М. Н. Муравьева, не заглушило въ

немъ тѣхъ религіозныхъ чувствъ, изъ которыхъ создается нравственный составъ русскаго человѣка.

Благодаря своимъ способностямъ и настойчивости, не отступавшей ни предъ какими трудами, онъ вскорѣ не только сравнялся въ наукахъ съ своими сверстниками, но даже превзошелъ ихъ. Домашнее преподаваніе математическихъ наукъ уже оказалось неудовлетворительнымъ для двѣнадцатилѣтняго Муравьева. Отыскивая болѣе простора къ пріобрѣтенію знаній, онъ нашелъ случай сблизиться со многими студентами московскаго университета. Пользовавшіеся въ ту пору между своими сверстниками славою лучшихъ математиковъ: Щепкинъ, Афанасьевъ и Терюхинъ сдѣлались ближайшими его друзьями [8]. Всѣ они были старше его годами двумя или тремя. Не взи-

---

[8] Щепкинъ, Павелъ Степановичъ, ординарный профессоръ чистой математики, род. 4 ноября 1793 г. По окончаніи въ 1811 г. курса наукъ получилъ ст. кандидата и потомъ магистра; впослѣдствіи преподавалъ въ Университетѣ поочередно всѣ части чистой математики до конца 1833 г.; былъ нѣкоторое время непремѣннымъ секретаремъ университетскаго совѣта, деканомъ физико-математическаго отдѣленія и исправляющимъ должность ректора. Ум. 15 іюля 1836 г. Студенты любили его за добродушіе, ясное и вразумительное преподаваніе и неистощимую веселость.— Афанасьевъ, Пафнутій Алексѣевичъ, въ 1814 г. удостоенъ степени магистра физико-математическихъ наукъ. Читалъ одно время въ Университетѣ алгебру, геометрію и тригонометрію; издалъ нѣсколько математическихъ сочиненій и умеръ преждевременно (1822 г.), вслѣдствіе чрезмѣрныхъ ученыхъ занятій. О Терюхинѣ намъ извѣстно только, что онъ читалъ алгебру и геометрію въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ въ Московской Гимназіи и что учениками его были М. П. Погодинъ и Θ. И. Тютчевъ, сохранившіе до сихъ поръ пріятное воспоминаніе объ его дѣльномъ преподаваніи. О Щепкинѣ и Афанасьевѣ можно найти болѣе подробныя біографическія свѣдѣнія въ Словарѣ профессоровъ Московскаго Университета.

рая однако же на значительную разницу возраста, между ними установились сношенія дружескаго равенства. Съ ними проводилъ онъ долгіе зимніе вечера, увлекаясь иногда за полночь вычисленіями аналитической геометріи. Эти дружескія связи, имѣвшія въ основаніи одну научную цѣль, были плодотворны по своимъ послѣдствіямъ: они дали практическое направленіе его уму, опредѣлили на долгое время характеръ его служебной дѣятельности и, можетъ быть, уберегли отъ тѣхъ опасностей, которыми судьба усѣяла его жизненное поприще.

Въ 1809 году, а по другимъ свѣдѣніямъ въ 1810 году, Муравьевъ поступилъ въ физико-математическое отдѣленіе московскаго университета своекоштнымъ студентомъ. Въ то время этотъ университетъ находился въ цвѣтущемъ состояніи. Уже въ царствованіе императрицы Екатерины, питомцы его стали появляться на всѣхъ поприщахъ государственной дѣятельности, не исключая даже военной и духовной. Не многіе изъ древнѣйшихъ университетовъ въ Европѣ могли похвалиться такимъ богатствомъ музеевъ, заключавшихъ въ себѣ неоцѣненныя сокровища науки и всевозможныя пособія для основательнаго образованія русской молодежи. Государи и частные люди приносили въ даръ университету капиталы, библіотеки, минцъ-кабинеты и громадныя коллекціи разнообразныхъ произведеній природы. Слава московскаго университета привлекала слушателей со всѣхъ концовъ Россіи и даже иностранцевъ. Счастливый выборъ кураторовъ и попечителей много способствовалъ такому процвѣтанію университета. Въ особенности благопріятно было для него назначеніе попечителемъ бывшаго питомца сего университета, Михаила Никитича Муравьева. Ему обязанъ университетъ умноженіемъ своихъ вещественныхъ средствъ, рядомъ полезныхъ преобразованій, составленіемъ устава,

развитіемъ медицинскаго факультета, повсемѣстнымъ учрежденіемъ гимназій и, что едва ли не важнѣе всего, подготовкой даровитыхъ русскихъ профессоровъ, при содѣйствіи которыхъ представилась впослѣдствіи возможность ввести преподаваніе всѣхъ предметовъ, читавшихся до того на половину на иностранныхъ языкахъ, на отечественномъ языкѣ. Умная дѣятельность этого замѣчательнаго въ лѣтописяхъ отечественнаго просвѣщенія человѣка сдѣлала имя Муравьевыхъ предметомъ всеобщаго уваженія [9]).

Михаилъ Николаевичъ поступилъ въ университетъ спустя уже года два послѣ кончины своего однофамильца и дальняго родственника, Михаила Никитича Муравьева. Ему тогда было отъ роду съ небольшимъ двѣнадцать или тринадцать лѣтъ. Такое раннее поступленіе въ университетъ

---

[9]) Михаилъ Никитичъ Муравьевъ, сынъ тайнаго совѣтника и сенатора Никиты Артамоновича, род. 25 октября 1757 г. Началъ службу въ измайловскомъ полку и въ чинѣ поручика въ 1784 году „опредѣленъ приставникомъ къ великимъ князьямъ Александру и Константину Павловичамъ для обученія ихъ русскому языку, нравственности и словесности.“ При вступленіи на престолъ Александра Павловича, онъ былъ назначенъ сенаторомъ и въ то же время состоящимъ при особѣ Его Величества у принятія прошеній, подаваемыхъ на высочайшее имя; въ 1803 году товарищемъ министра народнаго просвѣщенія и съ тѣмъ вмѣстѣ попечителемъ московскаго университета. Умеръ 28 іюля 1807 года. По необъяснимому заблужденію нашихъ соотечественниковъ, повторяющихъ слова иностранцевъ, вся слава добродѣтелей императора Александра приписывается обыкновенно Лагарпу. Въ дѣйствительности же вліяніе этого корыстолюбиваго и ловкаго швейцарца на воспитаніе сего государя не только нельзя назвать благотворнымъ, но даже и безвреднымъ. Великая заслуга Муравьева заключалась именно въ ослабленіи космополитическихъ взглядовъ и равнодушія ко всему русскому, внушавшихся Лагарпомъ неопытному отроку во время бесѣдъ своихъ. Поэтому, названіе ученика Лагарпа, придаваемое иностранцами императору Алек-

въ тѣ времена допускалось. Университетское начальство наблюдало только при пріемѣ, чтобы поступающій былъ достаточно развитъ и подготовленъ къ слушанію лекцій. Пожаръ 1812 года истребилъ всѣ дѣла московскаго университета, такъ что въ настоящемъ университетскомъ архивѣ не сохранилось почти никакихъ памятниковъ о прежнемъ времени; не существуетъ поэтому и никакихъ свѣдѣній о пріемномъ экзаменѣ М. Н. Муравьева, а также объ его окончательномъ испытаніи.

Изъ «Исторіи Императорскаго Московскаго Университета», составленной профессоромъ Шевыревымъ, можно видѣть, какіе предметы читались въ то время въ физико-математическомъ отдѣленіи, въ которое поступилъ Муравьевъ. Изъ свѣдѣній, собранныхъ почтеннымъ профессоромъ, оказывается, что Муравьеву довелось слушать слѣдующихъ профессоровъ: *Гольдбаха*, читавшаго тригонометрическую практику съ употребленіемъ инструментовъ; кромѣ астрономіи онъ преподавалъ математическую и физическую географію съ практическими наблюденіями для сочиненія географическихъ картъ; гидрографію, хронологію и гномонику, — сверхъ того занималъ студентовъ математическими сочиненіями; *Панкевича*, излагавшаго механику, гидравлику, аэрометрію съ объясненіемъ устройства машинъ; оптику, перспективу, катоптрику и діоптрику; сферическую тригонометрію; сферическую и теоретическую астрономію и навигацію; *Двигубскаго*, читавшаго технологію; *Загорскаго*, дифференціальное и интегральное исчисленія

сандру I, едва ли прилично употреблять намъ Русскимъ въ видѣ прибавочнаго достоинства или похвалы этому Государю. Муравьевъ извѣстенъ также какъ писатель съ многостороннимъ классическимъ образованіемъ и какъ покровитель Карамзина, своимъ ходатайствомъ у императора открывшій ему путь къ занятіямъ Исторіею Государства Россійскаго.

и высшую геометрію. [10]) Бывшій воспитанникъ 1-го кадетскаго корпуса и впослѣдствіи магистръ и профессоръ военныхъ наукъ *Мягковъ* преподавалъ тогда фортификацію, артиллерію, баллистику и о построеніи подземныхъ укрѣпленій [11]).

Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ слушалъ университетскія лекціи не долго, всего года два, и, какъ можно полагать, на основаніи сохранившихся документовъ, оставилъ университетъ въ первой половинѣ 1811 года. Безъ сомнѣнія, курсъ наукъ, прослушанныхъ имъ въ университетѣ, не отличался искуспительнымъ энциклопедизмомъ или тою всеобъемлемостію, которая только скользитъ по вершинамъ человѣческихъ знаній, не касаясь самой сущности дѣла или цѣли науки, но за то его университетскія свѣдѣнія составляли добрую подготовку для созданія основательнаго математика и полезнаго гражданина. Къ числу выгодъ, пріобрѣтаемыхъ молодыми людьми отъ образованія въ общественныхъ заведеніяхъ, должно также присоединить и тѣ товарищескія связи, которыя окрѣпнувъ съ годами, много облегчаютъ впослѣдствіи жизненный путь и по воспоминаніямъ своимъ до конца существованія нашего сохраняютъ всю прелестъ весенной поры нашей жизни. Изъ такихъ знакомствъ, начавшихся въ стѣнахъ

---

[10]) Съ увольненіемъ его въ отставку 15 января 1810 г., на его мѣсто опредѣленъ былъ ординарнымъ профессоромъ статскій совѣтникъ Суворовъ.

[11]) О Гавріилѣ Ивановичѣ Мягковѣ въ Біографическомъ Словарѣ профессоровъ Импер. Моск Университета показано, будто 8 августа 1785 г. онъ записанъ былъ въ павловскій благородный кадетскій корпусъ; но этого корпуса тогда еще не существовало; онъ учрежденъ 19 февраля 1829 года, вмѣсто бывшаго военно-сиротскаго дома, основаннаго великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ не ранѣе 1793 г., для призрѣнія обоего пола дѣтей, оставшихся послѣ инвалидовъ и придворныхъ служителей.

университета, нельзя не упомянуть о дружескихъ сношеніяхъ молодаго Муравьева съ тремя даровитыми братьями Перовскими, изъ которыхъ двое заняли потомъ весьма видныя мѣста между нашими государственными людьми и одинъ, подъ псевдонимомъ Погорѣльскаго, пріобрѣлъ извѣстность какъ литераторъ.

———

Глава III.

Основаніе студентомъ М. Н. Муравьевымъ Московскаго Общества Математиковъ. — Прекращеніе лекцій по случаю войны 1812 года.

Послѣдніе мѣсяцы 1810 года Николай Николаевичъ находился въ С.-Петербургѣ, куда онъ ѣздилъ для опредѣленія на службу втораго своего сына Николая, колонновожатымъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части, гдѣ старшій его сынъ Александръ служилъ уже около года. Во время довольно продолжительнаго отсутствія отца, студентъ Михаилъ Николаевичъ оставался въ Москвѣ полнымъ хозяиномъ дома. Подъ его надзоромъ находились двое младшихъ братьевъ, Андрей и Сергій, бывшіе тогда еще во младенчествѣ.

Къ этому времени, то есть къ концу 1810 года, должно отнести составленіе Михаиломъ Николаевичемъ устава Московскаго Общества Математиковъ — обстоятельство весьма интересное и по своимъ послѣдствіямъ и какъ первый опытъ его общественной дѣятельности. Общество это составлено было имъ большею частію изъ товарищей его,

любителей математики, студентовъ и кандидатовъ университета, къ которымъ присоединились потомъ и нѣкоторые изъ старшихъ преподавателей. — Оно имѣло цѣлью распространеніе въ Россіи математическихъ знаній посредствомъ изданія лучшихъ современныхъ сочиненій. Составленный молодымъ Муравьевымъ черновый проэктъ устава общества по возвращеніи въ Москву отца былъ переданъ сему послѣднему на разсмотрѣніе.

Покойный А. П. Болотовъ полагалъ, что первая мысль этого устава, равно какъ и самаго общества, возникла вслѣдствіе основавшихся около того времени разныхъ ученыхъ обществъ при московскомъ университетѣ, напр. императорскаго — исторіи и древностей россійскихъ и потомъ любителей россійской словесности. Но Общество любителей словесности основалось позднѣе Московскаго Общества Математиковъ, по крайней мѣрѣ уставъ сего послѣдняго, какъ видно изъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія, получилъ высочайшее утвержденіе двумя мѣсяцами ранѣе устава общества любителей россійской словесности.

Едва ли не будетъ ближе къ истинѣ искать происхожденія Общества Математиковъ въ пробудившемся тогда всеобщемъ умственномъ движеніи, особенно между университетскою молодежью, не удовлетворявшеюся старинными программами своихъ старыхъ профессоровъ. Не могли же оставаться въ сторонѣ отъ этого движенія одни точныя науки, примѣненіе которыхъ къ ежедневнымъ потребностямъ общества встрѣчались на каждомъ шагу. Весьма основательно замѣчаетъ въ своей брошюрѣ г. Путята, что въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ западной Европѣ математическія науки были въ полномъ своемъ развитіи, озарялись знаменитостью именъ Лагранжа, Лапласа, Монжа, Лежандра и многихъ другихъ, привлекали всеобщее внима-

ніе и значительно измѣнили характеръ и систему всего прежняго ученія. При преобразованіи учебной части во Франціи, послѣ первыхъ бурь революціи, математика была поставлена во главѣ предметовъ преподаванія. Слава политехнической школы простиралась повсюду. Направленіе это отразилось и въ нашемъ отечествѣ. Польза математики неоспорима для образованнаго военнаго человѣка, а большинство молодыхъ людей готовилось у насъ къ военной службѣ. Всѣ стали учиться математикѣ, которая при первыхъ порывахъ сдѣлалась, такъ сказать, модною наукою. Возникшая въ головѣ молодаго Муравьева мысль объ основаніи Общества Математиковъ, безъ сомнѣнія, составляетъ немаловажную заслугу въ дѣлѣ распространенія у насъ одной изъ самыхъ полезныхъ для общежитія отрасли знаній. Нельзя не удивляться необыкновенной проницательности юнаго математика, умѣвшаго угадать настоятельную потребность своего времени.

Первоначальной редакціи устава Общества Математиковъ до насъ не дошло. Извѣстно только, что при самомъ началѣ предполагалось направить дѣятельность Общества къ занятіямъ преимущественно ученымъ и, какъ можно судить на основаніи показаній современниковъ, — къ издательскимъ. Члены общества должны были способствовать распространенію математическихъ познаній посредствомъ изданія сочиненій и переводовъ. Для обсужденія порядка будущей дѣятельности общества и опредѣленія правилъ устава первые члены Общества Математиковъ собирались на засѣданія въ домѣ Муравьевыхъ, на Большой Дмитровкѣ. — При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи первоначальной редакціи устава, по статьямъ, пришлось отказаться отъ многихъ предположеній, казавшихся сначала основательными. Извѣстная всѣмъ медленность распространенія полезныхъ истинъ даже въ сословіяхъ, полу-

чившихъ уже нѣкоторое образованіе, должна была породить осмотрительность въ затратѣ небольшихъ еще средствъ и силъ общества на предпріятія сомнительныя, къ каковымъ, по всей справедливости, слѣдовало отнести и изданія математическихъ книгъ, имѣющихъ весьма немногихъ потребителей. Засѣданія эти, обыкновенно происходившія въ присутствіи Николая Николаевича Муравьева, привели къ выводу весьма практическому, что умноженіе математическихъ книгъ не составляетъ еще лучшаго способа къ распространенію математическихъ знаній. Склоняя молодыхъ ученыхъ къ этому выводу, Николай Николаевичъ, подъ предсѣдательствомъ котораго происходило разсмотрѣніе устава, замѣтилъ, что прежде чѣмъ приступать къ изданію математическихъ сочиненій, не мѣшало бы еще озаботиться о подготовкѣ людей, способныхъ пользоваться подобными сочиненіями, что въ настоящее время число такихъ людей весьма ограничено, и поэтому полагаетъ, что цѣль общества всего скорѣе будетъ достигнута открытіемъ публичныхъ и безденежныхъ лекцій математическихъ и военныхъ наукъ въ современномъ ихъ состояніи. — Къ этому имъ было добавлено, что для чтенія лекцій онъ предоставляетъ въ своемъ домѣ безплатное помѣщеніе, имѣющіяся у него книги, инструменты и другія учебныя пособія, и самъ охотно приметъ на себя преподаваніе военныхъ наукъ.

Послѣ такого великодушнаго предложенія предсѣдателя уже не могло быть и рѣчи о возраженіяхъ. Основательность и вѣрность сдѣланныхъ имъ замѣчаній были такъ очевидны, что нельзя было съ ними не согласиться. Уставъ былъ измѣненъ, и съ тѣмъ вмѣстѣ дѣятельность общества изъ ученой превратилась въ учебную, какъ болѣе соотвѣтственную общественнымъ потребностямъ.

Измѣненный такимъ образомъ уставъ Общества мате-

матиковъ былъ представленъ Николаемъ Николаевичемъ Муравьевымъ тогдашнему попечителю московскаго университета, тайному совѣтнику Павлу Ивановичу Голенищеву-Кутузову [1]) при слѣдующемъ весьма интересномъ письмѣ.

«Милостивый государь, Павелъ Ивановичъ! Посвятивъ себя на воспитаніе моихъ дѣтей, не имѣлъ я времени привести въ исполненіе давняго моего намѣренія, заняться преподаваніемъ курса военныхъ наукъ молодымъ людямъ, предназначающимъ себя въ военную службу. Нынѣ возвратясь изъ С-Петербурга, куда ѣздилъ я для записки въ службу втораго моего сына въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части, гдѣ служитъ и старшій его братъ, нашелъ я, что третій

---

[1]) П. И. Голенищевъ-Кутузовъ, тайный совѣтникъ и сенаторъ, попечитель московскаго учебнаго округа, род. въ ноябрѣ 1767 г. Бывъ записанъ въ дѣтствѣ въ военную службу, оставался въ ней до полковничьяго чина. Произведенъ въ полковники екатеринославскаго кирасирскаго полка 25 декабря 1796. — Въ 1798 г. произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники съ назначеніемъ кураторомъ московскаго университета. За сочиненіе проекта о преобразованіи московскаго университетскаго пансіона въ кадетскій корпусъ пожалованъ въ тайные совѣтники 12 іюня 1800 г. Въ ноябрѣ 1803 уволенъ отъ должности куратора. Назначенъ сенаторомъ 22 августа 1805 г. Былъ женатъ на княжнѣ Еленѣ Ивановнѣ Долгоруковой. Въ Бѣжецкомъ уѣздѣ имѣлъ 487 душъ. Впослѣдствіи снова былъ назначенъ кураторомъ московскаго университета. Вмѣстѣ съ графомъ Д. И. Хвостовымъ и Григоріемъ Серг. Салтыковымъ издавали въ 1804—1806 годахъ журналъ „Другъ Просвѣщенія“ для печатанія собственныхъ стиховъ. Вмѣстѣ съ Н. Н. Муравьевымъ онъ былъ членомъ масонской ложи. Въ письмахъ своихъ къ министру народнаго просвѣщенія онъ писалъ, что вышедшая тогда въ свѣтъ Исторія Карамзина весьма либерально написана и производитъ въ молодежи сильное возбужденіе. Нынѣ, въ нѣкоторыхъ изданіяхъ, назвали по этому поводу

изъ моихъ дѣтей, большой любитель математики, съ нѣкоторыми изъ кандидатовъ и студентовъ московскаго университета составилъ Общество Математиковъ. Я немедля присоединился къ нимъ и, замѣтивъ въ нихъ истинныя и основательныя въ математикѣ познанія и даже навыкъ и способность сообщать оныя другимъ, рѣшился не только привести въ дѣйство давно предположенный мною планъ курса военныхъ наукъ; но распространить сіе ученіе преподаваніемъ всей чистой математики и изъ смѣшанной механику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ. Вышеписанные сотрудники мои, будучи одушевлены истинною любовію къ отечеству, безъ малѣйшаго противурѣчія всѣ дали на то согласіе, почему и расположили сіи курсы въ слѣдующемъ порядкѣ: ариѳметику съ алгеброй будетъ преподавать г. студентъ Терюхинъ, по руководству универсальной ариѳметики г. Силера, съ дополненіемъ къ оной новыхъ по сей части открытій, придерживаясь лучшихъ новѣйшихъ писателей; геометрію, тригонометрію плоскую и сферическую г. студентъ Щепкинъ, по руководству г. Лежандра, высшую геометрію, т. е. аналитическую, сынъ мой, студентъ Муравьевъ, по руководству гг. Гарнье, Біота и Лакроа; дифференціальное и интегральное исчисленіе г. студентъ Андреевъ, по руководству г. Безу; механику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ г. кандидатъ Аѳанасьевъ, по руководству г. Боссю; военныя же науки

Голенищева-Кутузова доносчикомъ. Но тогда это мнѣніе было всеобще. Одинъ изъ декабристовъ въ письмѣ своемъ къ императору Николаю прямо говоритъ, что сочиненія Карамзина были одною изъ главныхъ причинъ революціоннаго движенія въ Россіи, приведшаго декабристовъ на Сенатскую площадь. Этотъ ложный выводъ происходитъ отъ склонности людей объяснять великія событія маленькими причинами. Голенищевъ-Кутузовъ умеръ въ 1828 году.

будутъ преподаваемы мною. Тактика по правиламъ г. Гиберта. Высшая же тактика по сочиненіямъ г. Жомини. Фортификація долговременная и полевая по сочиненіямъ г. Нуазе де Ст. Поль; сверхъ сего теорія и практика съемки плановъ астролябіей, менсуломъ, на глазомѣръ, нивелированіе; тутъ же будутъ производимы примѣры военныхъ описаній дорогъ, мѣстоположеній, разбиваніе на землѣ полевыхъ укрѣпленій, лагерей и для осады, траншеи, паралели, батареи, однимъ словомъ: показано будетъ въ теоріи и практикѣ все, что до военнаго искуства по квартирмейстерской части принадлежитъ и притомъ съ раченіемъ свойственнымъ человѣку, осмѣливающемуся мыслить, что военное искусство и устройство въ войскѣ составляютъ одну изъ главнѣйшихъ частей, спопѣшествующихъ государственному благу.

Имѣя не малое собраніе нужныхъ для сего книгъ и инструментовъ, почту себя счастливымъ, если труды наши и средства къ тому соединенныя будутъ имѣть желаемый успѣхъ и доставятъ въ военную службу Его Императорскаго Величества нѣсколько достойныхъ офицеровъ.

Нужнымъ еще поставляю донести вашему превосходительству, что какъ выше изъясненные математическіе классы будутъ вдругъ преподаваться, то каждый желающій пользоваться сими лекціями можетъ по мѣрѣ степени своихъ познаній приступать прямо къ слушанію той части математики, которая еще ему неизвѣстна. Доставленіемъ въ службу Его Императорскаго Величества двухъ сыновей своихъ, которые, надѣюсь, не обезславятъ меня, я считалъ еще не исполненнымъ долгъ свой, а потому и рѣшился заняться приготовленіемъ молодыхъ людей на службу, будучи движимъ къ тому единою любовію къ отечеству, а не корыстію, которая всегда была чужда моимъ чувствамъ, употребляя на то безъ всякой

платы и труды, и книги, и инструменты мнѣ принадлежащіе. Къ тому я присовокупить долженъ, что и въ сотрудникахъ моихъ встрѣтилъ я столь же безкорыстныя намѣренія, а чрезъ то приведенъ въ возможность выполнить мой планъ во всѣхъ его отношеніяхъ.

Для большаго оправданія своей ревности члены общества предприняли на себя трудъ переводить полезныя математическія книги, какъ-то: г. кандидатъ Аѳанасьевъ съ гг. студентами Щепкинымъ и Андреевымъ съ французскаго на россійскій: Architecture hydraulique de Prony, сынъ мой, студентъ Михайло Муравьевъ: Géométrie analytique par Garnier, а студентъ Никита Муравьевъ: Eléments de Géométrie par Legendre.

Ваше превосходительство будучи попечителемъ московскаго университета и принадлежащаго къ нему округа, не только по званію, но и по просвѣщенію своему и душевному расположенію привести въ цвѣтущее состояніе все, ввѣренное вашему начальству, безпрерывно показываете опыты неутомимаго покровительства вашего всѣмъ тѣмъ, которые съ усердіемъ устремляютъ свои способности къ распространенію просвѣщенія. Осмѣливаюсь всепокорнѣйше просить ваше превосходительство, удостоить какъ собраніе общества нашего, такъ и лекціи своимъ посѣщеніемъ, и тѣмъ усилить ревность чистѣйшаго нашего отечеству приношенія.»

Попечитель московскаго учебнаго округа съ большимъ сочувствіемъ отнесся къ обществу московскихъ математиковъ и, какъ можно видѣть изъ представленія его къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, [2]) самъ присутствовалъ на лекціяхъ, читавшихся на Большой Дмитровкѣ, еще до утвержденія общества оффиціальнымъ по-

[2]) Отъ 23 марта, № 283. См. подлин. дѣло № 10474 въ Архивѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

рядкомъ. Въ этомъ представленіи онъ писалъ графу Разумовскому, что отставный подполковникъ Муравьевъ составилъ Общество Математиковъ, которое приняло намѣреніе, преподавать для желающихъ безденежно математическій курсъ; самъ же Муравьевъ будетъ преподавать военныя науки; съ показаніемъ всего того, что до военнаго искуства по квартирмейстерской части принадлежитъ, желая пріуготовить тѣмъ молодыхъ людей для поступленія въ военную службу. Онъ отдаетъ собственную квартиру, въ которой производимо будетъ преподаваніе наукъ, равнымъ образомъ книги и инструменты, для того нужные. Общество, которое на первый разъ составилось изъ студентовъ и кандидатовъ московскаго университета, приняло также намѣреніе издавать переводы и сочиненія по части математики. Къ этому попечитель присовокупляетъ, что онъ присутствовалъ при засѣданіи общества и съ удовольствіемъ видѣлъ какъ благоразумныя распоряженія учредителя, подполковника Муравьева, такъ удобство дома, достаточное число инструментовъ и весьма хорошую библіотеку, также охотность слушающихъ преподаваемыя лекціи, каковыхъ слушателей находится уже до шестнадцати человѣкъ. Испрашивая затѣмъ содѣйствія министра къ исходатайствованію высочайшаго утвержденія Общества Математиковъ, онъ заключаетъ свое представленіе слѣдующими словами, обрисовывающими взглядъ тогдашняго общества на обязанности воспитателей юношества: «сугубо побуждался я сею мыслію, что поелику въ недавнемъ времени институтъ подъ надзоромъ г. Измайлова подъ чужимъ именемъ, съ весьма дорогою платою по 1500 руб. въ годъ, по денежнымъ расчетамъ заведенный, неоцѣненное монаршее вниманіе и щедроту обратилъ на г. Измайлова, потому единственно, что дворянинъ принялъ на себя заботливость съ учебнымъ заве-

деніемъ сопряженную, то какого же одобренія, какого подкрѣпленія достоинъ г. Муравьевъ, рѣшившійся дѣйствовать безъ всякихъ корыстныхъ расчисленій, безъ всякихъ видовъ, изъ единыя любви къ отечеству и изъ желанія блага собратіи своей дворянамъ.»

Патріотическій поступокъ Муравьева графъ Разумовскій довелъ до свѣдѣнія императора Александра Павловича, представя при томъ и уставъ Общества Математиковъ на высочайшее утвержденіе, которое и состоялось 7 апрѣля 1811 г. При этомъ Государь приказалъ объявить подполковнику Муравьеву свое благоволеніе за похвальный подвигъ и съ тѣмъ вмѣстѣ пожаловалъ ему брильянтовый перстень съ изображеніемъ вязью своего имени. [3]).

Московское Общество Математиковъ открыло дѣйствія свои, т. е. чтеніе лекцій съ первой недѣли великаго поста 1811 г. Когда же получено было отъ попечителя учебнаго округа увѣдомленіе о высочайшемъ утвержденіи устава, то въ президенты общества былъ избранъ Н. Н. Муравьевъ, а вице-президентомъ или директоромъ — основатель Общества и составитель устава, студентъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, имѣвшій отъ роду въ апрѣлѣ 1811 года *четырнадцать лѣтъ и шесть мѣсяцевъ*. Онъ былъ душою общества, возникшаго по его мысли, и при основаніи его читалъ аналитическую и начертательную

[3]) Уставъ Общества Математиковъ, помѣщенный нами въ приложеніяхъ къ настоящей главѣ № I, выписанъ изъ дѣлъ министерства народнаго просвѣщенія, куда онъ былъ представленъ на утвержденіе П. И. Голенищевымъ-Кутузовымъ. Въ томъ же дѣлѣ находится и подлинный всеподданнѣйшій докладъ графа Разумовскаго, изъ котораго также видно, что первая мысль объ основаніи Общества Математиковъ принадлежитъ студенту Михаилу Муравьеву.

геометрію — предметъ не преподававшійся еще въ то время въ университетѣ. Раннее развитіе его душевныхъ способностей, необыкновенная для его юнаго возраста зрѣлость ума и неутомимая настойчивость въ достиженіи однажды избранной цѣли, еще въ то время пріобрѣли ему большое вліяніе и довѣріе между своими товарищами и сочленами по обществу.

Дѣятельность Общества не прекращалась въ теченіе всего 1811 года, и лѣтнее время проведено было не безъ пользы. Московскіе математики приглашены были въ имѣніе Муравьевыхъ, село Осташово [3]), находящееся въ Можайскомъ уѣздѣ. Здѣсь все лѣто они занимались подъ руководствомъ своего президента геодезическими работами и къ половинѣ августа, ко времени переселенія въ Москву, изготовили подробный топографическій планъ всей окрестной мѣстности. Изъ отчета, представленнаго президентомъ попечителю московскаго учебнаго округа въ ноябрѣ мѣсяцѣ того же года, послѣ годичнаго экзамена, видно, что всѣхъ слушателей было 20 человѣкъ; что экзамены происходили по особымъ правиламъ: для каждой части ученія написаны были вопросы, на особыхъ листкахъ, по одиночкѣ свернутыхъ, изъ коихъ каждый учащійся бралъ одинъ листокъ наудачу и отвѣчалъ не единымъ предложеніемъ, удовлетворяющимъ вопросу, но тутъ же выводилъ и доказательства; что успѣхи слушателей, сдѣланные въ этотъ первый годъ дѣятельности Общества, окончательно убѣждаютъ въ возможности окончить въ два года весь курсъ чистой математики, а изъ прикладной механику твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, форти-

---

[1]) Село Осташово или Долголядье,—Александровское тожъ, по волоколамскому тракту въ 100 верстахъ отъ Москвы, перешло къ Н. Н. отъ его отчима, кн. Урусова. Нынѣ оно принадлежитъ Николаю Павловичу Шипову.

фикацію, тактику и геодезію со всѣми принадлежащими къ ней практическими дѣйствіями. При этомъ представленъ былъ снятый въ теченіе лѣта планъ, который, какъ сказано въ отчетѣ, отличается не столько чистотою рисовки, на которую впрочемъ и не было тогда обращено особеннаго вниманія, сколько аккуратнымъ представленіемъ предметовъ внутренней ситуаціи, сообразно съ правилами, принятыми при военныхъ съемкахъ. Кромѣ того занятія Общества состояли въ переводахъ: первая часть гидравлической архитектуры Прони была переведена вся; курсъ математики Сюзана оканчивался; изъ курса математики Лакруа: ариѳметика, геометрія и аналитическая геометрія уже были переведены вполнѣ, а остальныя части должны быть окончены переводомъ въ непродолжительномъ времени; переводился также трактатъ Бетанкура о составленіи машинъ. «Но крайне затрудняемся,» говоритъ далѣе предсѣдатель, «отпечатаніемъ сихъ книгъ, ибо сіе требуетъ не малаго иждивенія; разсматривая же какую пользу сіи книги могутъ принести, полагаю, что архитектура гидравлическая и трактатъ о составленіи машинъ наипачѣ полезны быть могутъ служащимъ въ инженерахъ путей сообщенія, а потому смѣю надѣяться, что его императорское высочество принцъ Гольштейнъ-Ольденбургскій [4]) не отринетъ нашего прошенія и мо-

[5]) Принцъ Петръ-Фридрихъ-Георгій Гольштейнъ Ольденбургскій въ супружествѣ имѣлъ великую княжну Екатерину Павловну (бывшую потомъ королевою Виртембергскою и умершую 9 января 1819 года), былъ съ 18 апрѣля 1809 г. главнымъ директоромъ путей сообщенія и по званію тверскаго генералъ-губернатора жилъ въ Твери. Принцъ Георгій Ольденбургскій — личность весьма почтенная, оставившая по себѣ въ народныхъ преданіяхъ самую прекрасную память человѣка, пожертвовавшаго жизнію для облегченія страданій бѣдствующаго человѣчества. Послѣ бородинскаго сраженія, тысячи раненыхъ были привезены въ Тверь и устроены

жетъ быть доставить средства къ отпечатанію оныхъ; что же касается до курсовъ математики, то осмѣливаюсь ожидать отъ представительства вашего превосходительства предъ его сіятельствомъ графомъ Алексѣемъ Кирилловичемъ разрѣшенія на отпечатаніе оныхъ на казенный коштъ, въ типографіи московскаго университета, предоставляя всѣ экземпляры въ пользу сей типографіи, ибо мы ищемъ не прибытка, а желаемъ только доказать усердіе наше къ пользѣ отечества, въ коемъ поддержаны покровительствомъ его сіятельства г. министра просвѣщенія и вашего превосходительства.

Въ теченіе года поступили въ члены Общества слѣдующія лица, въ почетные: генералъ-адъютантъ князь Петръ Михайловичъ Волконскій и инженеръ-генералъ-маіоръ путей сообщенія Александръ Александровичъ Саблуковъ (сынъ крестнаго отца М. Н. Муравьева). Въ ординарные члены: Петръ Александровичъ Рахмановъ, свиты его величества подполковникъ Густавъ Ивановичъ Шефлеръ, поручикъ Павелъ Акимовичъ Сулима, подпоручикъ Александръ Николаевичъ Муравьевъ, докторъ физико-математическихъ наукъ Дмитрій Александровичъ Облеуховъ, кандидаты: Ѳедоръ Ивановичъ Чумаковъ и Алексѣй Петровичъ Терликовъ.

попеченіемъ принца Георгія. Но чрезмѣрное сосредоточеніе раненыхъ и борьба съ госпитальнымъ вѣдомствомъ одолѣли великодушныя усилія принца. По человѣколюбію своему проводя цѣлые дни, а иногда и ночи во временныхъ лазаретахъ, онъ наконецъ подвергнулся заразительному вліянію госпитальной горячки, отъ которой и умеръ 17 декабря 1812 г. Прахъ сего принца преданъ землѣ въ городѣ Ольденбургѣ. Послѣ него остался единственный сынъ, нынѣ здравствующій принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, родившійся 14 августа 1812 года, основатель Императорскаго училища правовѣдѣнія, для котораго пожертвовалъ милліонъ рублей.

Приведенное нами извлеченіе изъ годоваго отчета даетъ поводъ полагать, что московскіе математики вели дѣла свои весьма удовлетворительно: добрая слава, распространившаяся объ ихъ полезныхъ и совершенно безкорыстныхъ трудахъ, безъ сомнѣнія, не мало способствовала умноженію ихъ Общества. Въ числѣ членовъ, пожелавшихъ принять участіе въ трудахъ или по крайней мѣрѣ заявить свое сочувствіе къ Обществу, мы видимъ при самомъ началѣ его существованія два имени, пользовавшіяся въ то время большою извѣстностію: князя П. М. Волконскаго и капитана Рахманова. Первый былъ неотлучнымъ спутникомъ императора Александра I-го во время частыхъ его путешествій по Россіи, его походнымъ докладчикомъ по дѣламъ военной коллегіи (упразднена 27 января 1812 года) и военнаго департамента и, по положенію своему, имѣлъ сильное вліяніе на совершавшіяся въ военномъ вѣдомствѣ преобразованія. Второй, Рахмановъ, принадлежалъ къ числу даровитѣйшихъ офицеровъ квартирмейстерской части, былъ основателемъ и первымъ редакторомъ «Военнаго Журнала» и въ кругу военныхъ пользовался общимъ и справедливо заслуженнымъ уваженіемъ. Но едва-ли не лучшимъ доказательствомъ успѣховъ юнаго Общества было умноженіе числа слушателей, явившихся на второй годъ уже въ числѣ тридцати человѣкъ, не взирая на условія пріема, отличавшіяся большою строгостію для вновь поступающихъ.

Московское Общество математиковъ было зародышемъ Московскаго Учебнаго Заведенія для колонновожатыхъ и имѣло связь съ производившимся въ то время преобразованіемъ квартирмейстерской части (нынѣшняго генеральнаго штаба). Князь П. М. Волконскій, назначенный въ маѣ 1810 года управляющимъ квартирмейстерскою частію, прилагалъ особое попеченіе о лучшемъ устрой-

ствѣ этой части и привлеченіи на службу въ нее хорошо подготовленныхъ и образованныхъ офицеровъ и всѣми средствами поощрялъ поступленіе въ колонновожатые молодыхъ людей обладавшихъ основательными свѣдѣніями въ математическихъ наукахъ. Для ознакомленія же ихъ съ военными науками и усовершествованія въ математикѣ установлено было для нихъ преподаваніе лекцій въ штабѣ нѣкоторыми изъ старшихъ офицеровъ. Основанное между тѣмъ въ Москвѣ Общество Математиковъ клонилось къ той же цѣли, и потому князь Волконскій, принявъ званіе почетнаго члена Общества Математиковъ, принялъ это Общество подъ свое покровительство. Познакомившись ближе съ Н. Н. Муравьевымъ, онъ увидѣлъ въ немъ полезнаго сотрудника, который частными средствами содѣйствовалъ усиліямъ его возвысить и усовершенствовать одну изъ важнѣйшихъ отраслей военной службы. Съ того времени онъ постоянно возбуждалъ и поощрялъ учебную дѣятельность Н. Н. Муравьева.

Приближеніе отечественной войны положило конецъ мирнымъ занятіямъ Общества Математиковъ. Главный дѣятель и двигатель Общества М. Н. Муравьевъ отправился въ Петербургъ и въ декабрѣ мѣсяцѣ поступилъ на службу колонновожатымъ. Вскорѣ послѣ того и самъ президентъ Общества, вызванный въ Нижній Новгородъ для формированія ополченія, также долженъ былъ оставить Москву. За нимъ большинство молодежи, давно уже порывавшейся въ дѣйствующую армію, тотчасъ поступило на службу въ колонновожатые [6]); остальные, болѣе нетерпѣливые, еще прежде опредѣлились въ разные полки. Такимъ образомъ

[6]) Въ числѣ этихъ молодыхъ людей находились: извѣстный потомъ генералъ-маіоръ Бурцовъ, убитый подъ Байбуртомъ, кн. В. С. Голицынъ, впослѣдствіи флигель-адъют., Колошинъ, Филиповичъ, Юрьевъ, Кекъ и друг.

скромныя аудиторіи на Большой Дмитровкѣ совершенно опустѣли. И слушатели и наставники обратились къ математикѣ совсѣмъ иного рода, къ разрѣшенію задачъ той головоломной механики, которая губитъ лучшій цвѣтъ человѣчества, начиная съ первой страницы Книги Бытія и до настоящей минуты.

Мы сочли нужнымъ войти въ нѣкоторыя подробности о Московскомъ Обществѣ Математиковъ и собрать, на сколько то было намъ доступно, въ сохранившихся въ разныхъ архивахъ, а также въ изданіяхъ частныхъ лицъ, свидѣтельства о полезной, хотя и кратковременной его дѣятельности.

Поводомъ къ этому послужило между прочимъ и то обстоятельство, что самое существованіе Общества Математиковъ было подвергнуто одно время сомнѣнію. Покойный С. П. Шевыревъ съ своей прекрасной «Исторіи Императорскаго Московскаго Университета» говоритъ: что многіе молодые ученые готовы были принять участіе въ этомъ Обществѣ, что попечитель много содѣйствовалъ ему и ходатайствовалъ объ утвержденіи, но что «дѣло не состоялось, потому что главный двигатель его не принадлежалъ къ университету и устремилъ въ иную сторону свои полезныя дѣйствія.»

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что къ этому выводу былъ приведенъ почтенный профессоръ отсутствіемъ въ дѣлахъ университета переписки объ учрежденіи Общества Математиковъ, которая, по всѣмъ вѣроятіямъ, вмѣстѣ съ другими дѣлами университетскаго архива, была истреблена пожаромъ 1812 года.

Глава IV.

Поступленіе Муравьева въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Война 1812 года (по запискамъ Н. Н. Муравьева). — Курута. — Бенигсенъ. — Тяжелая рана при Бородинѣ. — Генеральный штабъ того времени. — Московское заведеніе для колонновожатыхъ. — Историческій очеркъ генеральнаго штаба въ Россіи. — Заслуги Муравьевыхъ.

Выше уже было упомянуто о поступленіи М. Н. Муравьева въ декабрѣ 1811 года въ колонновожатые. Такъ какъ для производства въ офицеры обычай требовалъ отъ всѣхъ колонновожатыхъ удостовѣренія въ пріобрѣтеніи ими основательныхъ познаній въ математикѣ, то вѣроятно съ этой цѣлію бывшій вице-президентъ Общества Математиковъ по желанію отца и былъ подвергнутъ экзамену академикомъ Гурьевымъ [1]). Въ оригинальномъ свидѣтельствѣ

---

[1]) Гурьевъ, Семенъ Емельяновичъ, род. въ 1762 г. въ Лужскомъ уѣздѣ. Отецъ его, небогатый дворянинъ, служившій подъ начальствомъ извѣстнаго Кирилова геодезистомъ при сенатѣ, записалъ его въ Артиллерійскій инженерный корпусъ въ 1778 г., откуда Гурьевъ выпущенъ въ 1784 г. въ артиллерію штыкъ-юнкеромъ. Въ 1793 г. онъ вышелъ въ отставку капитаномъ и чрезъ

строгаго и скупаго на похвалы академика изложенъ слѣдующій довольно любопытный отзывъ: «чинилъ испытаніе поступившему нынѣ въ корпусъ колоновожатыхъ, дворянину Михайлѣ Муравьеву, въ чистой и прикладной математикѣ и по испытаніи оказалось, что онъ имѣетъ весьма хорошія способности и особенную склонность къ симъ наукамъ. Судя по лѣтамъ его, совсѣмъ ожидать было не можно, чтобы познанія его, въ оныхъ такъ далеко простирались, и паче всего то достопримѣчательно, что ему, юношѣ еще, извѣстны лучшіе по симъ предметамъ писатели, которыхъ сочиненія онъ удобно понимаетъ и разбираетъ. По сему безъ сомнѣнія надѣяться можно, что со временемъ, когда достигнетъ до совершеннолѣтія, онъ ознаменуетъ себя отличными успѣхами.»

Въ званіи колонновожатаго Муравьевъ былъ всего одинъ мѣсяцъ, и 27 января 1812 года получилъ первый офицерскій чинъ прапорщика свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Изъ числа произведенныхъ тогда 18 человѣкъ въ офицеры, Михаилъ Муравьевъ былъ поставленъ въ спискѣ старшимъ, а Артамонъ Муравьевъ послѣднимъ. Вмѣстѣ съ нимъ были произведены: графъ Апраксинъ, графъ Сергѣй Строгановъ, Лукашъ, Глазовъ, оба Мейендорфа, Даненбергъ, Фаленбергъ, Цвѣтковъ, Дит-

три года поступилъ адъюнктомъ въ академію наукъ. Въ 1798 г. онъ былъ уже дѣйствительнымъ академикомъ. Кромѣ главнаго завѣдыванія надъ академическою гимназіею съ ноября 1803 г. Гурьевъ преподавалъ еще математику въ духовной академіи и училищѣ корабельной архитектуры. Онъ былъ также членомъ россійской академіи и основателемъ Техническаго Журнала. Ему принадлежатъ первыя на русскомъ языкѣ сочиненія о высшемъ математическомъ анализѣ и нѣсколько весьма полезныхъ для мореходства изданій. Умеръ въ дек. 1813 г. Митрополитъ Евгеній въ своемъ Словарѣ ошибочно относитъ смерть его къ 1814 году.

маръ, Рамбургъ и др. — Кромѣ вышеприведеннаго испытанія академика Гурьева, Муравьевъ былъ подвергнутъ еще другому въ главномъ штабѣ и оказался свѣдущѣе своихъ экзаменаторовъ. На другой день послѣ производства въ офицеры, Муравьева назначили дежурнымъ смотрителемъ надъ колонновожатыми и преподавателемъ математики вмѣсто старшаго его брата Николая [2]. Вскорѣ послѣ этого онъ былъ назначенъ по распоряженію князя Волконскаго экзаменаторомъ при главномъ штабѣ. Бывшій тогда предсѣдателемъ департамента дѣлъ военныхъ въ государственномъ совѣтѣ графъ А. А. Аракчеевъ, имѣя въ виду необыкновенную молодость Муравьева, усомнился въ способности его экзаменовать другихъ и назвалъ при этомъ Муравьева ребенкомъ Когда же князь Волконскій продолжалъ отстаивать сдѣланное имъ назначеніе и предложилъ графу лично удостовѣриться въ экзаменаторскихъ способностяхъ молодаго офицера, то графъ Аракчеевъ самъ явился на экзаменъ, внимательно слѣдилъ за каждымъ словомъ Муравьева и сдѣлалъ ему нѣсколько вопросовъ, на которые тотъ отвѣчалъ весьма удовлетворительно. Князь Волконскій, замѣтивъ, что молодой экзаменаторъ произвелъ благопріятное впечатлѣніе на графа, наконецъ спросилъ его: какъ же вы теперь изволите полагать, можетъ онъ исполнять обязанность экзаменатора, или же еще молодъ? — Графъ Аракчеевъ, вообще нелюбившій отказываться отъ своихъ мнѣній, на этотъ разъ отвѣтилъ: «можетъ и очень можетъ; что же касается до его молодости, то, съ Божіею помощію, недостатокъ этотъ съ годами совершенно исправится.»

---

[2]) Дежурные смотрители водили колонновожатыхъ учиться фронтовой службѣ въ экзерциргаузъ, гдѣ ихъ ставили во фронтъ для командованія взводами. Это дѣлалось по окончаніи экзаменовъ до объявленія высочайшимъ приказомъ производства въ офицеры.

Учебныя занятія Муравьева вскорѣ, однакожъ должны были прекратиться. На западной границѣ Россіи наполеоновскія полчища собирались грозными тучами. Ни для кого не было сомнѣнія, что приближается борьба, долженствовавшая рѣшить участь нашего отечества и съ тѣмъ вмѣстѣ судьбу Европы, давно уже пресмыкавшейся у пятъ вѣнчаннаго полководца. Во всѣхъ управленіяхъ военнаго вѣдомства всю зиму кипѣла у насъ сильная дѣятельность. — Наконецъ въ концѣ марта военный министръ Барклай де-Толли выѣхалъ въ Вильну для принятія начальства надъ 1-ю западною арміею. Лица, принадлежавшія къ штабу его, выѣхали изъ Петербурга еще прежде. Въ началѣ апрѣля отправился туда же и молодой Муравьевъ, въ числѣ прочихъ прикомандированный къ штабу арміи. Въ Вильнѣ впродолженіе полутора мѣсяца онъ оставался почти безъ дѣла, и только 1 іюня, когда состоялось распредѣленіе офицеровъ квартирмейстерской части по корпусамъ и дивизіямъ, онъ, вмѣстѣ съ братьями своими Александромъ и Николаемъ, получили назначеніе состоять при штабѣ 5-го или гвардейскаго корпуса, бывшаго въ то время подъ начальствомъ цесаревича Константина Павловича. Муравьевъ отправился къ мѣсту новаго своего служенія въ г. Свенцяны, грязный жидовскій городокъ въ 76 верстахъ отъ Вильны. Когда, съ открытіемъ военныхъ дѣйствій, войска 1-й арміи, уступая натиску превосходнаго числомъ непріятеля, отступили къ этому городу, находившемуся въ центрѣ расположенія всей арміи, то 5-й корпусъ, а за нимъ и остальные направились въ лагерь подъ Дриссою.

«По приходѣ къ Смоленску,» говоритъ въ своихъ неизданныхъ запискахъ Н. Н. Муравьевъ, «мы стали лагеремъ въ двухъ верстахъ отъ города. Квартира великаго князя была на мызѣ: такъ какъ мнѣ и брату не было

никакихъ занятій, то мы отправились на нѣсколько времени посѣтить знакомыхъ.

Братъ Михайло отправился въ семеновскій полкъ, гдѣ его любили, а я — въ кавалергардскій, къ Луппну, и мы такимъ образомъ провели дня три. Александръ находился при генералѣ Лавровѣ, командовавшемъ тогда гвардейскою пѣхотою. Служба наша не была видная, но трудовая, ибо почти не проходило ни одной ночи, въ которую бы насъ куда нибудь не посылали. Мы обносились платьемъ и обувью и не имѣли достаточно денегъ, чтобы за-ново обшиться; завелись насѣкомыя; наши лошади потощали отъ безпрерывной ѣзды и отъ недостатка въ кормѣ. Михайло началъ слабѣть въ силахъ своихъ, но поудержался въ здоровьѣ до Бородинскаго сраженія, гдѣ онъ, какъ самъ потомъ мнѣ говорилъ: «къ счастію былъ раненъ, не будучи въ состояніи болѣе выдержать усталости и нужды».— У меня открылась цынготная болѣзнь. Всѣ приказанія и распоряженія по войскамъ гвардейскаго корпуса передаваемы были отъ его высочества чрезъ состоявшаго при его особѣ и исправлявшаго должность оберъ-квартирмейстера, гвардейскаго корпуса полковника Куруту, и потому офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба находились въ его вѣдѣніи.» Нижеслѣдующія подробности, извлеченныя изъ упомянутыхъ записокъ Н. Н. Муравьева, могутъ дать нѣкоторое понятіе какъ о нравственныхъ свойствахъ этой личности, игравшей въ свое время весьма значительную ролю [3]), такъ и вообще о службѣ офицеровъ генеральнаго штаба въ эпоху отечественной войны.

---

[3]) Графъ Д. Д. Курута род. въ 1773 году, первоначально воспитывался въ греческомъ кадетскомъ корпусѣ и въ августѣ 1786 г. былъ опредѣленъ къ великому князю Константину Павловичу для обученія его греческому языку. По прошествіи двухъ лѣтъ онъ поступилъ въ гребный флотъ мичманомъ, гдѣ и служилъ

«Курута мало безпокоился о нашемъ положеніи, говоритъ Муравьевъ, а только былъ ласковъ и съ привѣтствіями безпрестанно посылалъ насъ по разнымъ порученіямъ. Братъ Михайло сказывалъ мнѣ, что, возвратясь однажды очень поздно на ночлегъ, и чувствуя лихорадку, онъ залѣзъ въ шалашъ, построенный для Куруты, пока тотъ гдѣ-то ужиналъ. Шелъ сильный дождь, и братъ, продрогшій отъ озноба, уснулъ. Курута вскорѣ пришелъ и, разбудивъ его, сталъ выговаривать ему, что онъ забылся и не долженъ былъ въ его шалашѣ ложиться. Братъ молчалъ; когда же Дмитрій Дмитріевичъ перестал говорить, то Михайло легъ больной на дождѣ. Тогда Курутѣ сдѣлалось совѣстно; онъ призвалъ брата и сказалъ ему: вы дурно сдѣлали, что вошли въ мой шалашъ, а я еще хуже, что васъ выгналъ — и затѣмъ легъ себѣ спокойно, не пригласивъ къ себѣ брата, который охотнѣе бы согласился умереть на дождѣ, чѣмъ проситься подъ крышу къ

до 1803 г., въ которомъ былъ произведенъ въ подполковники съ переводомъ въ квартирмейстерскую часть. Въ 1808 году въ чинѣ полковника назначенъ адъютантомъ къ цесаревичу, а чрезъ два года—директоромъ 2-го кадетскаго корпуса и шефомъ дворянскаго полка. Съ открытіемъ отечественной войны онъ былъ назначенъ оберъ-квартирмейстеромъ гвардейскаго корпуса, а 25 декабря произведенъ въ генералъ-маіоры. Съ 1813 г. онъ состоялъ при цесаревичѣ въ званіи начальника штаба, а съ 1815 г. въ Варшавѣ начальникомъ главнаго штаба войскъ л.-гв. Литовскаго корпуса и польской арміи, которые подчинены были цесаревичу. Въ 1826 г. 3 февр. онъ получилъ Владиміра 1-й степени, а въ августѣ, во время коронаціи, графское достоинство, какъ сказано въ рескриптѣ, въ воздаяніе отличныхъ заслугъ, оказанныхъ отечеству, государю императору и во время долговременнаго служенія при великомъ князѣ. Въ 1828 г. Курута произведенъ въ полные генералы. По кончинѣ цесаревича онъ состоялъ при особѣ Его Величества и въ послѣднее время членомъ военнаго совѣта. Умеръ бездѣтнымъ 16 марта 1833 года.

человѣку, который счелъ бы сіе за величайшую милость, и потому, онъ не жалуясь на болѣзнь, провелъ ночь на дождѣ. Братъ Михайло обладалъ необыкновенною твердостію духа, которая являлась у него еще въ ребячествѣ. Часто случалось, что Константинъ Павловичъ, видя насъ ночующими на дворѣ у огня и въ полной одеждѣ, т. е. въ прожженыхъ толстыхъ шинеляхъ и худыхъ сапогахъ, называлъ насъ въ шутку *тептерями*, но мы не переставали исправлять должность слуги и убирать своихъ лошадей, потому что никого не имѣли для прислуги. Впрочемъ данная намъ кличка *тептерь* не сопрягалась съ понятіемъ о неблагонадежныхъ офицерахъ; напротивъ того, мы постоянно слышали похвалы отъ своего начальника, и службу нашу всегда одобряли.»

По прибытіи къ арміи князя Кутузова, старшій братъ Михаила Николаевича, Александръ, былъ командированъ въ арріергардъ въ распоряженіе генерала Коновницына; второй же, Николай, былъ переведенъ въ новую главную квартиру подъ команду генерала Вистицкаго. Самъ же Михаилъ Николаевичъ, при дальнѣйшемъ отступленіи къ Можайску, постоянно слѣдовалъ съ гвардейскимъ корпусомъ до 21-го августа, когда главная квартира подошла къ Колоцкому монастырю. Здѣсь Муравьевъ получилъ приказаніе явиться къ вновь назначенному начальникомъ главнаго штаба западныхъ армій графу Беннигсену и состоять при немъ для исполненія порученій.

Графъ Леонтій Леонтьевичъ Беннигсенъ (род. 1745 г. въ Брауншвейгѣ, умеръ въ Ганноверѣ 1826 г.), бывшій виленскимъ генералъ-губернаторомъ и главнокомандующимъ арміею во время прусской войны 1806 — 1807 г., жилъ по заключеніи тильзитскаго мира въ Закретѣ, прекрасномъ своемъ имѣніи въ 3 верстахъ отъ Вильны. [4])

[4]) Бывъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, онъ женился вторымъ

Обладая несомнѣнными военными талантами, рѣшимостію и холоднымъ расчетливымъ умомъ, Беннигсенъ съ тѣмъ вмѣстѣ былъ надменен, неблагодаренъ и склоненъ къ проискамъ. — Высокій и стройный, онъ, по словамъ Д. Давыдова, возвышался надъ полками какъ знамя, но сердце солдатъ къ нему не лежало; они какъ-то нѣмо къ нему относились, боялись его, но не любили. Назначеніе главнокомандующимъ арміею Барклая де-Толли, еще весьма недавно служившаго подъ его начальствомъ, не давало ему покоя. Находясь при главной арміи со времени выступленія ея изъ Вильны, Беннигсенъ былъ свидѣтелемъ постоянно возраставшаго недовѣрія войскъ къ новому своему предводителю. Солдаты и офицеры не могли равнодушно видѣть унынія и слезъ православнаго народа, оставляемаго на жертву шляхты, жидовъ и французовъ — трехъ адскихъ бичей, подъ которыми должна была терзаться несчастная страна. Не только офицеры, но и генералы явно осуждали распоряженія своего главнаго военачальника, не стѣсняясь даже присутствіемъ нижнихъ чиновъ. Неудовольствіе въ войскахъ, невидѣвшихъ конца своему отступленію, увеличивалось съ каждымъ переходомъ и, наконецъ, съ сдачею Смоленска — этого древняго русскаго достоянія, достигло крайнихъ предѣловъ. Объѣзжая подъ Смоленскомъ войска, главнокомандующій могъ собственными ушами слышать ропотъ противъ себя своихъ подчиненныхъ. Между высшими чинами арміи въ то же время брошена была анархическая мысль объ избраніи инаго

бракомъ на одной шляхтянкѣ, дочери дворецкаго въ домѣ Тизенгауза. Графиня Шуазель-Гуфье, урожденная Тизенгаузъ, въ своихъ запискахъ разсказываетъ, что при первыхъ родахъ жена графа Беннигсена разрѣшилась отъ бремени мертворожденнымъ ребенкомъ, задушеннымъ петлей, образовавшейся на его шеѣ изъ пуповины.

главнокомандующаго изъ числа двухъ старѣйшихъ полководцевъ, находившихся при арміи. Полководцы эти были: Багратіонъ и Беннигсенъ. Трудно рѣшить теперь, въ чьемъ умѣ могла зародиться подобная мысль: въ головѣ ли англійскаго коммисара Роберта Вильсона, слѣдовавшаго при главной квартирѣ, или же у честолюбиваго ганноверца Беннигсена; но можно съ достовѣрностію полагать, что никогда чистая душа Багратіона не была источникомъ себялюбивыхъ замысловъ или безначалія, разбивающаго въ дребезги повиновеніе младшаго къ старшему — основный догматъ не только войска, но и всякаго благоустроеннаго общества. Какъ бы то ни было, но Барклай былъ вынужденъ просить Беннигсена удалиться изъ арміи. Новый главнокомандующій, князь Кутузовъ, назначилъ его, какъ уже было упомянуто, своимъ начальникомъ главнаго штаба. Надо полагать, что дарованія Беннигсена дѣйствительно были необыкновенны, если принять въ соображеніе, что онъ до конца своей службы не зналъ языка, которымъ говорила русская армія, и что всѣ бумаги переводились для него на французскій языкъ. Можно посудить, какова же должна быть армія, которая и при непонимавшемъ ее предводителѣ могла отражать съ успѣхомъ удары, наносимые ей первымъ полководцемъ въ мірѣ. Положеніе офицеровъ квартирмейстерской части, состоявшихъ при Беннигсенѣ, по временамъ было весьма тягостно: кромѣ исполненія другихъ обязанностей, они иногда должны были просиживать ночи за переводами съ русскаго на французскій языкъ важнѣйшихъ бумагъ и печатныхъ распоряженій, указовъ и манифестовъ. Такимъ образомъ въ самый разгаръ сраженія при Шевардинѣ, почти подъ выстрѣлами непріятеля, Муравьеву довелось заниматься упражненіями въ переводахъ для своего начальника. Но при Беннигсенѣ Муравьевъ состоялъ весьма недолгое

время. Въ день Бородинскаго сраженія, находясь на батареѣ Раевскаго, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Беннигсена, Муравьевъ былъ раненъ ядромъ въ лѣвую ляжку. Снарядъ вырвалъ часть мускуловъ, но по счастію не задѣлъ самой берцовой кости. Повалившись вмѣстѣ съ убитою лошадью, Муравьевъ въ безпамятствѣ распростерся на землѣ.

Было уже около 11 часовъ. Въ это время прискакалъ съ лѣваго фланга въ село Горки съ какимъ-то донесеніемъ къ главнокомандующему адъютантъ Беннигсена поручикъ л.-гв. семеновскаго полка кн. Голицынъ. Бурка его была въ крови. Обратившись къ стоявшимъ тутъ же двумъ братьямъ Муравьевымъ, Александру и Николаю Николаевичамъ, онъ имъ сказалъ: «это кровь брата вашего Михаила.» Къ этому Голицынъ присовокупилъ, что стоя съ нимъ рядомъ, онъ видѣлъ, какъ его сбило ядромъ съ лошади, но что затѣмъ не знаетъ, остался ли онъ въ живыхъ или нѣтъ. Въ запискахъ своихъ Н. Н. Муравьевъ говоритъ: «не выражу того чувства, которое поразило насъ при семъ ужасномъ зрѣлищѣ и вѣсти. Мы поскакали съ Александромъ на лѣвый флангъ по разнымъ дорогамъ, и я скоро потерялъ его изъ вида. Встревоженный участью брата, который представлялся мнѣ стонающимъ среди убитыхъ, я мало обращалъ вниманія на ядра, которыя летали какъ пули, осматривалъ груды мертвыхъ и раненыхъ, спрашивалъ всѣхъ, но не нашелъ брата и ничего не могъ о немъ узнать. Подвигавшіяся въ это время къ нашимъ линіямъ громады французской конницы и завязавшійся рукопашный бой побудили меня пріостановиться..... Участь брата Михаила тревожила меня. Если его не успѣли вынести съ поля сраженія до этой схватки, то навѣрное не могъ онъ уже быть въ живыхъ; если же успѣли, то его надобно было искать

въ Татаркахъ. Слѣдуя за ранеными, я спустился въ лощину, по коей они тянулись вереницею и куда попадали только непріятельскія гранаты, добивавшія ихъ осколками своихъ взрывовъ. По всей лощинѣ стояли лужи крови, среди которыхъ многіе изъ раненыхъ умирали въ судорожныхъ страданіяхъ. Въ такомъ же положеніи находилось множество изувѣченныхъ лошадей, боровшихся со смертію. Картина ужасная! Стонъ и вопль смѣшивался со свистомъ ядеръ и гранатъ! Выѣхавъ на большую дорогу, я поворотилъ вправо къ Татаркамъ; но никто о братѣ ничего не зналъ; люди наши однако говорили, будто видѣли его сидѣвшимъ саженяхъ въ 30-ти отъ большой дороги. Александръ возвратился съ лѣваго фланга и также не нашелъ брата. И такъ мы полагали Михайлу въ числѣ того множества раненыхъ, которыхъ члены были разметаны ядрами, или раздавлены артиллеріею.... Но въ надеждѣ еще найти его, Александръ, на всякой случай, выпросилъ у Вистицкаго позволеніе, ѣхать въ Москву, чтобы искать брата по дорогѣ между множествомъ раненыхъ, которыхъ везли на подводахъ. Такъ какъ мы во всемъ терпѣли большой недостатокъ, то условились съ Александромъ, чтобы мнѣ отпроситься въ село Осташово, взять оттуда нѣсколько лошадей, продовольствія и, если бы оказалось возможнымъ, денегъ. Село сіе лежитъ въ 35-ти верстахъ отъ Бородина и 41 отъ Можайска.—Вистицкій отпустилъ меня 27 августа ввечеру. Я отправился одинъ верхомъ рысью, но отъѣхавъ верстъ 8, встрѣтилъ казачій постъ, который меня не пустилъ далѣе, говоря, что имѣютъ строгое приказаніе никого не пропускать по этой дорогѣ, потому что непріятель ее уже занялъ. Это было справедливо, ибо тутъ же приведены были плѣнные французы разъѣздомъ казаковъ, отъ которыхъ я узналъ, что они взяли плѣнныхъ въ селѣ

Бражниковѣ, отстоящемъ отъ нашей деревни на одну версту. И такъ ночью я возвратился назадъ.»

«Въ Осташово заходило человѣкъ 60 французскихъ мародеровъ, которые побили стекла въ домѣ, сорвали съ биліарда сукно и поколотили управителя; но болѣе ничего не могли сдѣлать, потому что собравшіеся крестьяне часть ихъ выгнали, а другую убили. Рано по утру, 28 числа, мы снова отправились отыскивать брата Михайлу. Медленно ѣхали среди множества раненныхъ и всѣхъ распрашивали, описывая имъ примѣты брата, но ничего не узнали. Наконецъ подпоручикъ Хомутовъ, ѣхавшій мимо, сказалъ намъ, что 27 числа онъ видѣлъ брата Михайлу жестоко раненаго на тѣлегѣ, которую везъ московскій ратникъ, и что братъ поручилъ ему извѣстить насъ о себѣ. Равнодушіе товарища Хомутова, не извѣстившаго насъ о томъ наканунѣ, заслуживаетъ всякаго порицанія и онъ не миновалъ нашихъ упрековъ. Мы продолжали путь свой и розысканія—проѣзжая черезъ селенія; одинъ изъ насъ заходилъ во всѣ избы по правой сторонѣ улицы, а другой по лѣвой. Но въ этотъ день мы его не нашли. Я остался ночевать въ главной квартирѣ, Александръ же поѣхалъ далѣе. 29 числа я отправился въ Москву. Въ горестномъ положеніи увидѣлъ я столицу.... Я прискакалъ въ свой домъ, полагая найти тамъ отца и братьевъ. Старшій кучеръ, испуганный, подбѣжалъ ко мнѣ и не узнавъ меня, принялъ лошадь. Я съ шумомъ вбѣжалъ въ комнаты, но Александръ, встрѣтивъ меня, остановилъ: «тише, тише,» сказалъ онъ — «Михайло умираетъ; у него антоновъ огонь показался и теперь ему дѣлаютъ операцію.» Осторожно войдя въ батюшкинъ кабинетъ, я увидѣлъ брата Михайлу, лежащаго на спинѣ; докторъ Лемеръ (Lemaire) вырѣзывалъ ему снова рану и пускалъ изъ нея кровь. Михайло, узнавъ меня, кивнулъ

головой и во все время мучительной операціи лицо его не измѣнялось. Пріятель его Петръ Александровичъ Пусторослевъ тутъ же находился. Домъ уже былъ почти со всѣмъ пустъ. Князь Урусовъ выѣхалъ съ батюшкой въ Нижній-Новгородъ, куда все московское дворянство укрылось. Въ домѣ осталось только нѣсколько старыхъ слугъ нашихъ и тѣ вещи, которыхъ за скоростію не успѣли вывести. Я вышелъ изъ комнаты раненаго. Лемеръ окончивъ операцію, подалъ намъ нѣкоторую надежду на выздоровленіе брата, впрочемъ очень малую. Ввечеру Александръ разсказалъ мнѣ случившееся съ Михайломъ, по его собственнымъ словамъ.»

«Во время Бородинскаго сраженія Михайло находился при начальникѣ главнаго штаба, генералѣ Беннигсенѣ на Раевскаго батареѣ въ самомъ сильномъ огнѣ. Непріятельское ядро ударило лошадь его въ грудь и, пронизавъ ее на сквозь, задѣло брата по лѣвой ляжкѣ такъ, что сорвало все мясо съ поврежденіемъ мышицъ и оголило кость. Судя по обширности раны, ядро казалось было двѣнадцати-фунтовое. Брату былъ 16-й годъ отъ роду. Михайлу отнесли сажени на двѣ въ сторону, гдѣ онъ неизвѣстно сколько времени пролежалъ въ безпамятствѣ. Онъ не помнилъ, какъ ударило его ядромъ, но пришедши въ память, увидѣлъ себя лежащимъ среди убитыхъ. Не подозрѣвая себя раненымъ, онъ сначала немогъ сообразить, что случилось съ нимъ и съ его лошадью, лежавшею въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него. Михайло хотѣлъ было встать, но едва приподнялся, какъ узналъ и почувствовалъ тогда сильную боль, увидѣлъ свою рану, кровь и разлетѣвшуюся въ дребезги шпагу свою. Хотя онъ былъ очень слабъ, но имѣлъ еще довольно силы, чтобы нѣсколько приподняться и просить подлѣ него стоявшаго Беннигсена, чтобы его вынесли съ поля сраженія.

Беннигсенъ приказалъ вынести раненаго, что было исполнено четырьмя рядовыми, положившими его на свои шинели. Когда же они вынесли его изъ огня, то положили на землю. Братъ далъ имъ послѣдній червонецъ и просилъ ихъ не оставлять его, но трое изъ нихъ ушли, оставя свои ружья, а четвертый, отъискавъ подводу безъ лошади, взвалилъ его на тѣлегу, самъ взявшись за оглобли, вывезъ ее на большую дорогу и также ушелъ, оставя ружье свое на тѣлегѣ. Михайло просилъ мимо ѣхавшаго лекаря, чтобы онъ его перевязалъ, но лекарь сначала не обращалъ на него вниманія: когда же братъ сказалъ ему, что онъ адъютантъ Беннигсена, то лекарь взялъ тряпку и завязалъ ему ногу просто узломъ. Въ это время подошелъ къ брату какой-то раненый гренадерскій поручикъ—нѣсколько хмѣльной, и сѣвъ ему на ногу, сталъ разсказывать о подвигахъ своего полка. Михайло просилъ его отслониться, но поручикъ ничего слышать не хотѣлъ, увѣряя, что онъ такое же право имѣетъ на тѣлегу. Такое положеніе на большой дорогѣ было очень непріятно. Мимо брата провезли другую тѣлегу съ ранеными солдатами. Кто-то изъ состраданія привязалъ оглобли братниной тѣлеги къ первой и она потащилась потихоньку въ Можайскъ. Братъ былъ такъ слабъ, что его провезли мимо людей нашихъ и онъ не имѣлъ силы сказать, чтобы остановили его тѣлегу. Такимъ образомъ онъ былъ привезенъ въ Можайскъ, гдѣ опять съ тѣлеги положили его на землю и бросили одного среди умирающихъ. Сколько разъ ожидалъ онъ быть задавленнымъ артиллеріею или повозками. Ввечеру московскій ратникъ перенесъ его въ избу и, подложивъ ему пукъ соломы въ изголовье, также ушелъ. Тутъ увѣрился Михайло, что смерть его неизбѣжна; онъ не могъ двигаться и пролежалъ такимъ образомъ всю ночь одинъ. Въ избу его заглядывали многіе,

но видя раненаго, уходили и запирали двери, дабы не слышать просьбы о помощи. Участь многихъ раненыхъ!

«Нечаяннымъ образомъ зашелъ въ эту избу лейбъ-гвардіи казачьяго полка урядникъ Андріяновъ, который служилъ при штабѣ великаго князя. Онъ узналъ брата и принесъ нѣсколько яицъ въ смятку, которыми Михайло и утолилъ свой голодъ. При уходѣ Андріянова, братъ его просилъ написать мѣломъ на воротахъ: «Муравьевъ 5-й». Ночь была холодная; платье же на немъ было изорвано ядромъ. 27-го поутру войска наши уже отступали чрезъ Можайскъ и надежды къ спасенію, казалось, никакой болѣе не оставалось, какъ неожиданный случай вывелъ брата изъ сего положенія. Когда до Бородинскаго сраженія Александръ состоялъ въ арріергардѣ, при Коновницынѣ, товарищемъ при немъ находился квартирмейстерской части подпоручикъ Юнгъ, который передъ сраженіемъ заболѣлъ и уѣхалъ въ Можайскъ. Увидя надпись на воротахъ, онъ вошелъ въ избу и увидѣлъ Михайлу, котораго онъ прежде не зналъ; не менѣе того долгъ сослуживца вызывалъ его на помощь. Юнгъ отыскалъ подводу съ проводникомъ и положивъ брата на тѣлегу, отправилъ ее въ Москву. По счастію случилось, что подводчикъ былъ изъ деревни Лукина, князя Урусова. Крестьянинъ приложилъ все стараніе свое, чтобы облегчить положеніе знакомаго ему барина и довезъ его до 30-й версты, недоѣзжая Москвы. Михайло просилъ вездѣ надписывать его имя на избахъ, въ которыхъ онъ останавливался, дабы мы могли его найти. Александръ и нашелъ его по этимъ надписямъ. Онъ тотчасъ поѣхалъ въ Москву, досталъ тамъ коляску, которую привезъ къ Михайлѣ и уложивъ его, продолжалъ путь. Пріѣхавъ въ Москву, онъ послалъ извѣстить Пустораслева, который и пригласилъ извѣстнаго оператора Лемера. Но когда

сняли съ ноги повязку, то увидѣли что антоновъ огонь уже показался. Я пріѣхалъ въ Москву въ то самое время, какъ рану снова разтравляли.»

«Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, Михайло пріѣзжалъ въ отпускъ къ отцу въ деревню и отыскивалъ лукинскаго крестьянина, чтобы его наградить; но его въ деревнѣ не было. Онъ съ того времени не возвращался и никакого слуха о немъ не было. Вѣроятно, что онъ погибъ во время войны въ числѣ многихъ ратниковъ, не возвращавшихся въ дома свои. Я слышалъ отъ Михайлы, что въ минуту, когда онъ лежа на поле сраженія, опомнился среди мертвыхъ, то утѣшался мыслію о пріобрѣтенномъ правѣ оставить армію, размышляя, что если ему суждено умереть отъ раны, то и смерть сія предпочтительнѣе того, что онъ могъ ожидать отъ усталости и изнеможенія, ибо онъ давно уже перемогался. Труды его и переносимыя нужды становились свыше силъ. Если ему предстояло выздоровленіе, то онъ все-таки предпочиталъ страданія отъ раны тѣмъ, которыя онъ долженъ былъ переносить на службѣ. Посему можно судить о тогдашнемъ положеніи нашемъ. Мы съ Александромъ были постарѣе Михайлы и отъ того могли лучше переносить усталость и труды, но истощилось и наше терпѣніе!

«Денегъ у насъ между тѣмъ не было ни гроша, а надобно было отправить раненаго брата въ Нижній Новгородъ къ отцу: надобно было ему въ дорогу достать лекаря и снабдить кое-какимъ продовольствіемъ. Я поѣхалъ къ бывшему тогда въ Москвѣ полиціймейстеру Александру Александровичу Волкову, двоюродному брату отца. У него во всѣхъ комнагахъ лежали знакомые ему раненые гвардейскіе офицеры, за которыми онъ ухаживалъ. На просьбу въ займы денегъ, онъ вынулъ бумажникъ и далъ мнѣ счесть, сколько у него ихъ осталось. Я нашелъ 120

рублей и онъ мнѣ отдалъ половину ихъ. Съ шестидесятью рублями я возвратился домой. Александръ съ своей стороны также досталъ нѣсколько денегъ, и мы отдали ихъ Михаилѣ.»

«Заложивъ оставшуюся въ сараѣ коляску парою, мы отправили на ней раненаго. За нимъ же ѣхала тѣлега съ поклажей, а за тѣлегою шли оставшіеся дворовые люди, старики, бабы и ребятишки. Пустополѣвъ также отправлялся въ Нижній Новгородъ; онъ поѣхалъ вмѣстѣ съ братомъ и съ ними извѣстный врачъ того времени, Мудровъ [5]), который полюбилъ брата, лечилъ и спасъ во второй разъ отъ смерти. Александръ проводилъ обозъ сей верстъ 20 за Москву, и тамъ простился съ Михаиломъ, не надѣясь когда либо съ нимъ опять свидѣться, потому что когда сняли перевязку, то нашли, что антоновъ огонь вновь открылся. Съ тѣхъ поръ о братѣ я ничего не слышалъ до времени обратнаго занятія нами Вильны.»

Подъ родительскимъ кровомъ и при попеченіяхъ М.

---

[5]) Мудровъ, Матвѣй Яковлевичъ, род. 23 марта 1772 г., въ Вологдѣ, сынъ священника, пѣшкомъ отправился учиться въ Москву и, по окончаніи курса въ университетѣ, былъ отправленъ за границу и тамъ слушалъ лекціи Гуфеланда и другихъ знаменитыхъ врачей. — Сдѣлавшись потомъ профессоромъ, онъ издалъ множество уважаемыхъ въ медицинѣ трактатовъ, образовалъ поколѣніе превосходныхъ врачей и пріобрѣлъ безграничное довѣріе отъ всѣхъ прибѣгавшихъ къ его совѣтамъ. Записывая въ продолженіе многолѣтней своей практики болѣзни всѣхъ обращавшихся къ нему больныхъ, онъ оставилъ десятки томовъ наблюденій, безпримѣрныхъ по своей тщательности и добросовѣстности. Умеръ 8 іюля 1831 г. въ Петербургѣ, среди неустанныхъ своихъ трудовъ по прекращенію холеры, и похороненъ на новомъ холерномъ кладбищѣ за церковію Св. Сампсона.

Я. Мудрова, Муравьевъ скоро сталъ поправляться. Находясь тогда въ Нижнемъ Новгородѣ, Муравьевъ получилъ извѣстіе о пожалованіи ему за раны, полученныя при Бородинѣ, орденъ Св. Владиміра 4-й ст. съ бантомъ, — награду въ то время весьма важную, даже и не для шестнадцатилѣтняго прапорщика. Въ началѣ слѣдующаго 1813 года, какъ только рана закрылась, онъ отправился къ войскамъ, находившимся тогда за границей, и состоялъ при начальникѣ главнаго штаба. Въ августѣ участвовалъ въ трехдневномъ сраженіи при Дрезденѣ и въ концѣ сентября командированъ былъ въ Петербургъ. Здѣсь онъ оставался до начала мая 1814 года, когда былъ отправленъ съ порученіемъ на Кавказъ. Въ половинѣ февраля 1815 года снова былъ командированъ на Кавказъ, и также по особенному порученію. Объ этихъ командировкахъ мы ничего не можемъ сообщить, такъ какъ въ дѣлахъ генеральнаго штаба не сохранилось о томъ никакихъ свѣдѣній. Можно однакожъ думать, что сдѣланное Муравьеву порученіе было исполнено удовлетворительно, потому что тотчасъ по возвращеніи изъ первой командировки на Кавказъ онъ былъ переведенъ въ гвардейскій генеральный штабъ подпоручикомъ со старшинствомъ съ 16 августа 1813 года. Изъ частныхъ же сообщеній, относящихся къ этому періоду времени, извѣстно только, что Муравьевъ находился въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль въ Пятигорскѣ для пользованія своей раненой ноги тамошними минеральными источниками и что онъ пріобрѣлъ тутъ себѣ множество друзей своимъ прямодушіемъ и неистощимымъ остроуміемъ. Въ числѣ лицъ, вспоминавшихъ потомъ съ удовольствіемъ о знакомствѣ съ нимъ на водахъ, былъ нѣкто Іеронимъ Стрѣльбицкій, помѣщикъ Слонимскаго уѣзда, сосланный на жительство въ Пятигорскъ за поступленіе въ войска, формирован-

ныя въ Слонимѣ генераломъ Конопкой для французской арміи [6].

Въ Петербургѣ Муравьевъ жилъ въ 1815 г. въ Грязной улицѣ, въ домѣ Крестовскаго, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Николаемъ, двумя Колошиными и Бурцовымъ, сослуживцами своими по генеральному штабу. Отецъ давалъ ему, какъ и другимъ братьямъ, по 60 руб. ассигнаціями въ годъ, — пособіе чрезвычайно умѣренное, заставлявшее его, какъ онъ говорилъ, скитаться по периферіямъ сто-

---

[6]) Конопка, слонимскій шляхтичъ, служилъ въ состоявшихъ при французской арміи наемныхъ польскихъ войскахъ, отличился въ сраженіи противъ англичанъ при Альбуферѣ и, по производствѣ въ 1812 г. въ генералы, отправленъ въ Варшаву для формированія польской кавалеріи. Когда по прибытіи Наполеона въ Вильну, тамошнее дворянство т. е. шляхта, пожелало вооружиться на свой счетъ съ тѣмъ, чтобы составить подъ начальствомъ Огинскаго почетную гвардію, то вооружившуюся шляхту и студентовъ Виленскаго Университета пригласили поступить въ 3-й легкоконный гвардейскій уланскій полкъ, формированіе котораго поручено было Конопкѣ, избравшему своею резиденціею Слонимъ — мѣсто своей родины. Въ числѣ прочихъ тогда поступили въ эту гвардію: Пильсудскій, Бріоте, Платеръ, Ренне, Ромеръ, Хлевинскій, Померпацкій, Стравинскій, два Воловича, Пузино, Лясковичъ, Забелло, Нарбутъ, Михаловскій, Абрамовичъ, Вепржовскій, Лавриновичъ и Могильницкій. Полковымъ адъютантомъ былъ Стрѣльбицкій. Формированіе однакожъ шло довольно вяло; вмѣсто предположенныхъ 6 эскадроновъ, едва было набрано 4, имѣвшихъ всѣ вмѣстѣ до 500 всадниковъ. Человѣкъ безъ образованія, очень недальнаго ума, прирожденный хвастунъ и самохвалъ, Конопка проводилъ все время въ попойкахъ и за картами. Упоенный венгерскимъ и лестью своихъ земляковъ, онъ отвѣчалъ похвальбами на всѣ дѣлаемыя ему предостереженія о близости русскихъ. Наконецъ, 8 октября, часа въ три, передъ разсвѣтомъ, явился вдругъ, какъ снѣгъ на голову, Чаплицъ съ казаками и гусарами, и послѣ короткой схватки, перебивъ человѣкъ до 100 шляхты, остальныхъ перевязалъ и отправилъ въ Брестъ для разбора. Изъ числа зна-

лицы. Живя въ пятеромъ артелью, они имѣли общій столъ. Едва ли нужно добавлять, что обѣдъ молодыхъ офицеровъ не отличался лукулловскою изысканностью. По возвращеніи изъ похода Муравьевъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Николаемъ расположились на жительствѣ въ деревянномъ одноэтажномъ домѣ гофъ-фурьера Сергѣя Захаровича Крылова, существующемъ и понынѣ въ переулкѣ, раздѣляющемъ Аракчеевскія казармы. Старшій братъ, Александръ Николаевичъ, жилъ особо въ Офицерской улицѣ, во второмъ домѣ отъ Вознесенскаго проспекта. Служба въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ оставляла Муравьеву очень много досужаго времени, особливо зимой. Къ этому времени, кажется, слѣдуетъ отнести первый его ученый трудъ, написанный подъ вліяніемъ впечатлѣній, вынесенныхъ имъ съ Кавказской линіи. Въ то время еще не существовало хотя сколько нибудь удовлетворительной карты Кавказа. Неимѣніе достаточнаго числа хорошихъ геодезистовъ, знакомыхъ съ употребленіемъ барометра при опредѣленіи высотъ, составляло главнѣйшее препятствіе къ производству на Кавказѣ правильной и точной съемки. Для устраненія этого недостатка, Муравьевъ всѣ свои досуги въ 1816 и 1817 годахъ посвящалъ составленію руководства, названнаго имъ: «Измѣреніе высотъ посредствомъ барометрическихъ наблюденій». Это руководство, оставшееся въ рукописи, по всѣмъ

чительныхъ суммъ, полученныхъ Конопкою отъ французскаго правительства, подрядчики не получили ничего, а въ казенномъ ящикѣ Чаплицъ нашелъ всего съ небольшимъ 7,000 р. Слонимскіе гвардейцы были отправлены потомъ на жительство въ восточныя губерніи и на Кавказъ, а въ 1815 году всѣ прощены и возвращены на родину — въ томъ числѣ Конопка и Стрѣльбицкій. — *Pradt.* Histoire de l'ambassade en Pologne, page 204. — *П. Кукольникъ.* Воспоминанія о Вильнѣ. *Богдановичъ.* Исторія кампаніи 1812 года.

вѣроятіямъ, предназначалось имъ для преподаванія въ московскомъ учебномъ заведеніи для колонновожатыхъ. Никогда не бывъ большимъ охотникомъ до театровъ, концертовъ и прочихъ развлеченій, которыми изобилуетъ столица, онъ большую часть времени проводилъ въ чтеніи или за любимыми своими математическими выкладками. Подобная уединенная жизнь и выборъ занятій, вызывавшихъ на размышленіе, весьма естественно должны были породить въ душѣ его рядъ убѣжденій, независимыхъ отъ окружавшей его среды. Брошенный въ водоворотъ жизни несовершеннолѣтнимъ еще юношей, онъ очень рано пріобрѣлъ привычку, обходиться безъ посторонней помощи и съ тѣмъ вмѣстѣ навыкъ руководить дѣйствіями другихъ, хотя не на широкомъ поприщѣ преподавателя аналитической геометріи, но все-таки, поприщѣ весьма удовлетворительномъ для самолюбія пятнадцатилѣтняго юноши. Съ производствомъ же въ офицеры порученная ему обязанность экзаменатора при главномъ штабѣ, конечно, вовсе не удовлетворяла ни снѣдавшей его жажды къ дѣятельности, ни его честолюбія. Старинное государственное правило: si vis pacem para bellum казалось было тогда забыто: изъ офицеровъ генеральнаго штаба не подготовлялись для будущихъ армій предводители и администраторы; они уже не изучали театры войнъ въ политическомъ, экономическомъ и другихъ отношеніяхъ. Утрачивая свою спеціальность, они исполняли при войскахъ роль жалонерныхъ офицеровъ, и часть ихъ, находившаяся при польской арміи, получила малиновый приборъ. Изъ дѣлъ того времени видно, что чрезъ генеральный штабъ выписывались для придворныхъ дамъ варшавскіе башмаки. Вообще кругъ обязанностей офицеровъ квартирмейстерской части съ окончаніемъ войны принялъ одностороннее техническое направленіе военныхъ топографовъ и ограниче-

вался составленіемъ маршрутовъ, расквартированіемъ войскъ и съемками. Самая служба въ генеральномъ штабѣ не взирая на мощное покровительство князя Волконскаго, не представляла особой заманчивости: вся карьера заканчивалась чиномъ полковника и только немногіе поднимались выше. Поэтому Муравьевъ былъ недоволенъ своимъ служебнымъ положеніемъ и въ ожиданіи лучшаго. сидѣлъ у моря и ожидалъ погоды.

По окончаніи войны съ французами, отецъ Михаила Николаевича вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, съ тѣмъ, чтобы посвятить всѣ досуги свои хозяйству и устройству своихъ имѣній. Но эта рѣшимость продолжалась однако же очень не долго. Вскорѣ Николай Николаевичъ занялся по прежнему образованіемъ молодыхъ людей, готовившихъ себя къ военному поприщу. Не взирая на очевидныя невыгоды для хозяйства, Николай Николаевичъ возобновилъ у себя чтеніе лекцій, вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ своего сына, побуждаемаго, какъ кажется, честолюбивымъ желаніемъ, сдѣлаться со временемъ преемникомъ своего отца и вмѣсто Общества для чтенія математическихъ лекцій создать другое, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, постоянное правительственное учрежденіе для образованія офицеровъ генеральнаго штаба. Очень можетъ быть также, что Муравьевъ, опасаясь склонности своего отца къ дорогимъ и опаснымъ агрономическимъ опытамъ, думалъ направить дѣятельность отца къ занятіямъ болѣе опредѣленнымъ, совершенно знакомымъ и не столь разорительнымъ. Во всякомъ случаѣ, какое бы ни было тайное побужденіе къ открытію этихъ лекцій и, наконецъ, кому бы ни принадлежала эта благая мысль, отцу или сыну, но лекціи были открыты въ самомъ началѣ 1815 года, въ томъ же домѣ на Большой Дмитровкѣ, въ томъ же самомъ размѣрѣ и на тѣхъ же са-

мыхъ основаніяхъ, какъ онѣ читались до 1812 года въ Обществѣ Математиковъ, возникшемъ, какъ мы уже видѣли, по мысли молодаго Муравьева. Не взирая на свое краткое существованіе, прежнее Общество Математиковъ принесло уже хорошіе плоды. Вышедшіе изъ него молодые люди поступили въ 1812 году на службу въ армію и вообще всѣ оказались отличными офицерами. Въ продолженіе отечественной войны они были распредѣлены по различнымъ корпусамъ и частямъ арміи и назначены къ исправленію обязанностей офицеровъ квартирмейстерской части; — въ слѣдующемъ 1813 году уже всѣ они были переведены въ квартирмейстерскую часть, а въ 1814 г. нѣкоторые изъ нихъ и въ гвардейскій генеральный штабъ. Знаніями своими и отличнымъ исполненіемъ обязанностей, они обратили общее вниманіе какъ на себя, такъ и на Н. Н. Муравьева, давшаго имъ въ столь короткое время такое отличное для квартирмейстерской службы образованіе. Князь Волконскій, имѣвшій возможность въ предшествовавшія войны убѣдиться въ способностяхъ офицеровъ, вышедшихъ изъ Общества Математиковъ, предложилъ Николаю Николаевичу Муравьеву чрезъ его сына Михаила Николаевича, возобновить чтеніе лекцій, но уже не въ видѣ Общества Математиковъ, но съ цѣлію болѣе опредѣленною и подъ названіемъ Московскаго Учебнаго Заведенія для колонновожатыхъ, съ тѣмъ, что тѣ изъ молодыхъ людей, его слушателей, которые пожелаютъ служить по квартирмейстерской части, могутъ немедленно вступить въ службу колонновожатыми. Двѣнадцать человѣкъ тотчасъ же приняли это предложеніе.

По прежнему, лѣто было посвящено практическимъ работамъ, ознакомленію съ геодезическими инструментами и съемкѣ плановъ. Занятія эти производились въ 12 верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Хорошевѣ. Въ сентябрѣ 1815

года Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ возвращаясь съ Кавказской Линіи, гдѣ онъ находился по дѣламъ службы, провелъ нѣсколько дней у своего отца въ Осташовскомъ имѣніи. По случаю открывшейся раны, онъ ходилъ тогда на костыляхъ. Пребываніе его въ деревнѣ доставило ему возможность на мѣстѣ увидѣть лѣтнія занятія молодыхъ людей, препровожденіе ими своего свободнаго времени и, наконецъ, соотвѣтственность всей научной подготовки съ будущимъ служебнымъ поприщемъ. Наблюденія его оказались не совсѣмъ удовлетворительными. Молодые люди, по большей части дѣти богатыхъ и извѣстныхъ фамилій, освободясь отъ родительскаго надзора, не только слабо занимались науками или геодезическими работами, но, пользуясь мягкосердечіемъ и можетъ быть чрезмѣрною снисходительностію его отца, не мало времени проводили въ пирушкахъ, праздности и забавахъ, выходившихъ по временамъ изъ разряда дѣтскихъ. Хотя по случаю пріѣзда Михаила Николаевича, колонновожатые сочли нужнымъ пріостановить свою разгульную жизнь, но непривычная сдержка не могла долго продолжаться. При первомъ случаѣ, Михаилъ Николаевичъ счелъ долгомъ обратить вниманіе отца на распущенность довѣренныхъ ему юношей и неминуемый затѣмъ упадокъ ихъ заведенія въ общественномъ мнѣніи и въ глазахъ князя Волконскаго. Эта бесѣда съ отцомъ не осталась безъ добрыхъ послѣдствій. По общему соглашенію, были обсуждены необходимыя мѣры для занятій молодежи и лучшаго ими управленія и съ тѣмъ вмѣстѣ составленъ планъ для будущаго устройства основаннаго ими заведенія. Муравьевъ видѣлъ, что отецъ его, уже утомленный лѣтами, несетъ на себѣ трудъ превышающій силы одного человѣка, и что ему нуженъ помощникъ. Осенью того же года, съ началомъ новаго курса, поступили еще 13 человѣкъ въ колонновожатые.

Для преподаванія математики были приглашены: профессора московскаго университета Чумаковъ и магистръ Щепкинъ, старинные члены Общества Математиковъ; а преподаваніе географіи и статистики принялъ на себя ректоръ университета, трудолюбивый профессоръ Геймъ, издатель извѣстнаго французско-русскаго словаря. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что эти почтенные московскіе профессора, получавшіе весьма умѣренное содержаніе отъ университета, приняли на себя преподаваніе безъ всякаго возмездія—образецъ безкорыстія, достойный всевозможнаго подражанія, но столь рѣдко уже встрѣчаемый нами! Между тѣмъ Михаилъ Николаевичъ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, отдавая отчетъ князю Волконскому о поѣздкѣ своей на Кавказскую Линію, упомянулъ между прочимъ, что на обратномъ пути заѣзжалъ къ своему отцу и видѣлъ тамъ лѣтнія занятія колонновожатыхъ. При возникшихъ по этому случаю распросахъ князя, Муравьевъ между прочимъ объяснилъ, что если смотрѣть на московское заведеніе для колонновожатыхъ, какъ на разсадникъ хорошо образованныхъ офицеровъ для квартирмейстерской части, то желательно бы было воспитывающихся пріучать къ ихъ будущему поприщу, ознакомленіемъ съ нѣкоторыми военными порядками и требованіями дисциплины; между тѣмъ отецъ его, занятый хозяйственнымъ управленіемъ заведенія и въ то же время преподаваніемъ нѣсколькихъ предметовъ, при всемъ желаніи не можетъ имѣть достаточнаго надзора надъ юношами въ неклассное время, несетъ вообще труды свыше своихъ силъ и нуждается въ офицерахъ, которые бы могли быть его помощниками, какъ для поддержанія дисциплинарнаго порядка, такъ и для облегченія его въ преподаваніи военныхъ наукъ, незнакомыхъ профессорамъ университета.

Замѣчанія Муравьева были одобрены княземъ Волконскимъ и приняты къ свѣдѣнію. Объ этомъ можно судить по сдѣланнымъ вскорѣ распоряженіямъ. Такимъ образомъ въ концѣ 1815 года колонновожатые стали обучаться фронтовой службѣ, для чего командированы были лучшіе унтеръ-офицеры изъ квартировавшей въ Москвѣ дивизіи. Одежда слушателей установлена была однообразною и шита по образцу колонновожатыхъ, состоявшихъ на службѣ. Изъ одного донесенія Н. Н. Муравьева къ князю Волконскому видно, что даже образцы одежды были высылаемы изъ Петербурга подпоручикомъ гвардейскаго генеральнаго штаба Муравьевымъ 5-мъ. Молодой экзаменаторъ находился въ безпрестанной перепискѣ съ своимъ родителемъ, которому сообщалъ изъ Петербурга о всѣхъ новостяхъ и преобразованіяхъ по военному вѣдомству.

Между тѣмъ число новыхъ слушателей безпрестанно возрастало: въ 1816 г. поступили колонновожатыми еще 19 человѣкъ и на лѣтнее время всѣ отправились съ Н. Н. Муравьевымъ въ имѣніе его село Осташово. Въ іюнѣ Муравьевъ извѣстилъ своего отца о пріѣздѣ въ августѣ мѣсяцѣ въ Москву Государя, присовокупляя при томъ, что съ Государемъ прибудетъ и кн. Волконскій, который вѣроятно самъ пожелаетъ убѣдиться въ успѣхахъ колонновожатыхъ, для чего совѣтовалъ отцу немедленно перебраться въ городъ и не щадить трудовъ для приготовленія команды своей наилучшимъ образомъ. При этомъ сообщилъ отцу для соображенія роспись или програму офицерскихъ экзаменовъ, объявленную въ приказѣ по квартирмейстерской части 2 марта № 58. Князь Волконскій, одновременно съ Государемъ прибывшій въ Москву, дѣйствительно, для повѣрки успѣховъ колонновожатыхъ по части наукъ, назначилъ имъ публичное испытаніе въ своемъ присутствіи, на которые были приглашены многіе гене-

ралы, находившіеся тогда въ Москвѣ въ свитѣ государевой. — Въ числѣ посѣтителей были графъ Аракчеевъ и генералъ-адъютантъ Дибичъ. — Недовольствуясь предметами, опредѣленными вышеприведенною росписью, многіе изъ колонновожатыхъ весьма удовлетворительно отвѣчали еще изъ аналитической геометріи, коническихъ сѣченій и геодезіи.

Послѣдствія этого испытанія были очень важны для Московскаго заведенія колонновожатыхъ. Въ день тезоименитства государя, 30 августа, одиннадцать человѣкъ изъ нихъ были произведены въ прапорщики свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Тогда же Н. Н. Муравьевъ, по приглашенію, снова вступилъ въ службу генералъ-маіоромъ свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Изъ числа новопроизведенныхъ офицеровъ оставлены при немъ, для преподаванія математики и другихъ наукъ — прапорщики Вельяминовъ-Зерновъ, Христіани и Бахметевъ и прикомандированъ на тотъ же предметъ гвардейскаго генеральнаго штаба прапорщикъ Колошинъ. Этими офицерами были замѣнены приглашенные для преподаванія профессора московскаго университета. Но едва ли не самымъ важнымъ назначеніемъ было прикомандированіе къ московскому заведенію М. Н. Муравьева, бывшаго тогда уже поручикомъ гвардейскаго генеральнаго штаба. Съ его прибытіемъ заведеніе колонновожатыхъ получило ту внѣшнюю военную обстановку, которая вызывалась новымъ направленіемъ заведенія. Первое дѣло, которымъ онъ занялся съ особымъ рвеніемъ, было составленіе подробныхъ программъ всѣмъ наукамъ, читавшимся до того колонновожатымъ безъ строгой системы, отъ чего нѣкоторые второстепенные предметы читались слишкомъ обширно и отнимали время отъ преподаванія предметовъ существенно необходимыхъ. Для устраненія

такого неудобства составлена была тогда имъ новая программа наукъ, отличавшаяся лучшимъ распредѣленіемъ учебныхъ занятій. По утвержденіи княземъ Волконскимъ 17 сентября 1817 г., она была напечатана отдѣльною книгой подъ заглавіемъ: «Программа для испытанія колонновожатыхъ Московскаго учебнаго заведенія, подъ начальствомъ г. генералъ-маіора Муравьева состоящаго» [7]. — Предметы преподаванія, опредѣленные этой программой, были слѣдующіе: I. изъ математики: 1) ариѳметика; 2) алгебра, до уравненія 2 степени включительно; 3) геометрія; 4) тригонометрія плоская; 5) тригонометрія сферическая; 6) приложеніе алгебры къ геометріи вообще и аналитическая геометрія со включеніемъ коническихъ сѣченій и 7) начала высшей геодезіи. II. изъ военныхъ наукъ: 1) фортификація полевая; 2) фортификація долговременная; 3) начальныя основанія артиллеріи, и 4) тактика. Сверхъ того исторія русская и всеобщая, географія и черченіе особенно ситуаціонныхъ плановъ. — Изъ языковъ кромѣ основательнаго знанія русскаго, требовался при поступленіи который нибудь изъ иностранныхъ: французскій или нѣмецкій.—Для усовершенствованія же въ русскомъ и французскомъ языкахъ занимали воспитанниковъ уже въ самомъ заведеніи упражненіями въ переводахъ и сочиненіями. Всѣ означенные въ программѣ предметы были распредѣлены на четыре класса: четвертый, самый младшій, продолжался одинъ мѣсяцъ. Онъ считался пріуготовительнымъ для вновь поступающихъ. Изъ него переходили въ третій классъ, дѣлившійся на два отдѣленія, изъ которыхъ второе при началѣ не существовало, но образовалось по окончаніи четвертаго класса. Въ немъ занимались всего полтора мѣсяца и потомъ поступали на два

[7]) Книга эта была напечатана въ томъ же году въ Москвѣ, въ университетской типографіи, въ большую четвертку.

съ половиною мѣсяца въ первое отдѣленіе того же класса. Изъ третьяго класса переходили во второй, въ которомъ оставались не болѣе двухъ мѣсяцевъ, и затѣмъ переходили въ первый классъ. Такимъ образомъ весь курсъ оканчивался въ теченіе года, но если кто не выдерживалъ экзамена въ которомъ либо классѣ, то оставался въ заведеніи еще на годъ. Кромѣ предметовъ, показанныхъ въ выше приведенной программѣ, излагались еще существовавшія въ то время правила для продовольствія, одежды и вооруженія нижнихъ чиновъ. Правила эти составляли краткій и несовершенный курсъ военнаго хозяйства. Впослѣдствіи, при учрежденіи офицерскихъ классовъ присовокуплено было преподаваніе краткой астрономіи, теоретической и практической и краткой военной исторіи. Устройство этихъ классовъ было поручено особому комитету, предсѣдателемъ котораго назначенъ былъ М. Н. Муравьевъ, а членами П. И. Колошинъ и В. Х. Христіани [8]). — Такимъ образомъ курсы были пополнены тѣми специальными предметами, которые по современнымъ понятіямъ считались необходимыми для образованія ученыхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Не обширное, но основательное знаніе этихъ предметовъ требовалось во всей строгости на экзаменахъ и главный характеръ ученія состоялъ въ томъ, чтобы возбудить любовь къ наукамъ и доставить средства заниматься ими потомъ въ продолженіе жизни.

Кромѣ вышеупомянутыхъ программъ М. Н. Муравьевъ

---

[8]) Василій Христіановичъ Христіани впослѣдствіи былъ генералъ-контролеромъ военныхъ отчетовъ и тайнымъ совѣтникомъ, умеръ въ 1859 г. Петръ Ивановичъ Колошинъ родился 11 октября 1794 года. Служилъ въ генеральномъ штабѣ до капитанскаго чина; впослѣдствіи же находился въ гражданской службѣ и умеръ въ С.-Петербургѣ, въ чинѣ тайнаго совѣтника, 16 декабря 1849 года.

составилъ еще уставъ для Московскаго Учебнаго заведенія, которымъ оно и руководствовалось до конца своего существованія. Проэктъ этого устава былъ утвержденъ кн. Волконскимъ 23 октября 1819 года и въ томъ же году появился въ печати подъ названіемъ: «Учрежденіе Учебнаго заведенія для колонновожатыхъ». Такъ какъ при дѣлахъ генеральнаго штаба не сохранилось экземпляра этого устава и онъ не былъ включенъ въ Полное Собраніе Законовъ, хотя и носитъ на себѣ нѣкоторые признаки высочайшаго утвержденія, какъ наприм. право употреблять печать съ государственнымъ гербомъ, то выписываемъ здѣсь нѣкоторыя правила изъ сего устава, любопытныя какъ матеріалъ для исторіи нашего генеральнаго штаба. — Заведеніе имѣло цѣлію пріуготовленіе россійскаго дворянства къ военному званію; особенно же къ службѣ генеральнаго штаба. Такъ какъ всѣ поступающіе въ заведеніе должны были имѣть по крайней мѣрѣ 15 лѣтъ отъ роду и оставаться жительствовать въ родительскихъ домахъ; посему нравственное образованіе, хотя и входитъ въ непремѣнную цѣль сего учебнаго заведенія, однакожъ по невозможности, какъ изъ вышесказанныхъ причинъ явствуетъ, всегда за онымъ блюсти, предоставляется благомыслію родителей, которые конечно обращали особенное вниманіе на сію важнѣйшую отрасль воспитанія. При всемъ томъ Учебное заведеніе для колонновожатыхъ, занимаясь умственнымъ образованіемъ юношества для военной службы, всевозможное обращаетъ вниманіе и на нравственное, принимая самыя строгія мѣры для прекращенія всякихъ благородному званію неприличныхъ поступковъ. — Число учащихся ничѣмъ не ограничивается. Тѣ изъ нихъ, которые желали поступить въ генеральный штабъ, должны были подать о томъ прошенія и если имѣли 16 лѣтъ отъ роду, то по испытаніи принимались въ колонновожатые. Колонно-

вожатымъ опредѣлено отъ казны по положенію квартирмейстерской части жалованье и указный мѣсячный провіантъ. Число ихъ не должно было превышать 60 человѣкъ; желающіе же и достойные принятія въ службу сверхъ сего числа могли быть приняты, но не пользовались ни жалованьемъ, ни провіантомъ до поступленія въ комплектъ. Учащіеся съ колонновожатыми, слушая преподаваніе наукъ, поступали наравнѣ съ ними въ разные классы и подчинялись общимъ порядкамъ. По сдѣланномъ испытаніи, колонновожатые ежегодно производились въ офицеры генеральнаго штаба. Шесть мѣсяцевъ въ году, т. е. съ 1 ноября по 1 мая, заведеніе находилось въ Москвѣ; остальные же шесть мѣсяцевъ для практическихъ занятій проводило внѣ города. Зимніе мѣсяцы посвящались теоретическимъ занятіямъ, а лѣтомъ къ теоріи присоединялась практика, и колонновожатые вмѣстѣ съ учащимися прикомандировывались къ офицерамъ, составлявшимъ большую тригонометрическую и топографическую съемку московской губерніи; они также занимались разбивкою лагерей и полевыхъ укрѣпленій. Сверхъ того каждый день и впродолженіе цѣлаго года, исключая времени, посвящаемаго на съемку, колонновожатые и учащіеся, въ часы утра, свободные отъ преподаванія наукъ, занимались черченіемъ и рисованіемъ плановъ. Учебное заведеніе для колонновожатыхъ, не уклоняясь отъ цѣли пріуготовлять юношество, попеченіямъ его ввѣренное, для военной службы, предполагало сверхъ того ознаменовать свое существованіе составленіемъ большой тригонометрической съемки московской губерніи. Заведеніе имѣло печать съ изображеніемъ государственнаго герба.

Приведенные выше программа и уставъ Московскаго Учебнаго заведенія безъ сомнѣнія много способствовали внѣшнему порядку, безъ котораго не могла быть дости-

гнута благая цѣль самаго заведенія; но чтобы судить съ нѣкоторою основательностію о заслугахъ, оказанныхъ Муравьевыми, отцомъ и сыномъ, отечественному просвѣщенію, необходимо выслушать показанія бывшихъ воспитанниковъ Московскаго заведенія. Одинъ изъ нихъ, уже въ преклонныхъ лѣтахъ и которому пришлось, какъ онъ самъ говоритъ, испить горькую чашу испытаній, сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ весьма любопытныя подробности о мѣстѣ своего воспитанія [9]).

«Въ нашемъ заведеніи,» говоритъ онъ, «между взрослыми воспитанниками существовала такая связь и такое усердіе помогать другъ другу, что каждый съ удовольствіемъ готовъ былъ отказываться отъ самыхъ естественныхъ для молодости удовольствій, чтобы передавать или объяснять товарищу то, что онъ не хорошо понималъ, или когда случайно пропускалъ лекцію. Сами даже офицеры на дому своемъ охотно занимались съ тѣми, кто просилъ ихъ показать что нибудь, не понятое ими. Случалось даже обращаться за поясненіями къ самому генералу, и онъ всегда съ удовольствіемъ удовлетворялъ нашу любознательность. Этотъ духъ товарищества и взаимнаго желанія помогать другъ другу, былъ слѣдствіемъ того направленія, которому онъ умѣлъ подчинить наши юные умы. Въ Осташовѣ, на квартирахъ у крестьянъ мы помѣщались по двое и по трое. Каждый избиралъ себѣ въ товарищи того, съ кѣмъ онъ былъ болѣе близокъ, кто болѣе сходился съ нимъ въ характерѣ и въ образѣ мыслей. При этомъ входили въ расчетъ и финансовыя средства. Богатые обыкновенно жили по одиначкѣ или съ такими же богатыми. — Имѣвшіе ограниченные способы находили

[9]) См. Записки Басаргина въ „Русскомъ Архивѣ“ за 1868 годъ и въ первой книжкѣ „Девятнадцатый Вѣкъ“, изд. П. И. Бартенева.

равныхъ себѣ по состоянію. Хотя многіе изъ колонновожатыхъ были люди зажиточные, даже богачи и знатнаго аристократическаго рода, но это не дѣлало разницы между ними и небогатыми, исключая только неравенства расходовъ. Въ этомъ отношеніи надобно отдать полную справедливость тогдашнему начальству. Какъ самъ генералъ, такъ и всѣ офицеры не оказывали ни малѣйшаго предпочтенія однимъ передъ другими. Тотъ только, кто хорошо учился, кто хорошо, благородно велъ себя, пользовался справедливымъ вниманіемъ начальства и уваженіемъ товарищей. Замѣчу здѣсь, что всего чаще даже попадались подъ взысканіе молодые аристократы. Имѣя болѣе средствъ, они иногда позволяли себѣ юношескія шалости, за которыя нерѣдко сажали ихъ подъ арестъ. Между нами самими, богатство и знатность не имѣли большаго вѣса и никто не обращалъ вниманія на эти прибавочныя къ личности преимущества. Безнаказанно не проходило ничего. Но тутъ поступаемо было Н. Николаевичемъ съ величайшимъ тактомъ, съ большою осмотрительностію и совершеннымъ знаніемъ юношеской природы. Принимались въ соображеніе — не столько самый проступокъ, сколько причина, побудившая къ нему. Если эта причина не имѣла ничего въ себѣ противнаго правиламъ нравственности, если это было увлеченіе, слѣдствіе прежняго неправильнаго воспитанія, пылкаго характера, необдуманности, рѣзвости, однимъ словомъ, если провинившійся не сдѣлалъ ничего такого, чтобы унижало его — наказаніе было легкое, иногда ограничивалось простымъ выговоромъ или увѣщаніемъ. Но за то, когда поступокъ показывалъ испорченность характера, явный предосудительный порокъ, тогда взыскивалось очень строго, и виновный подвергался иногда исключенію изъ заведенія. Безъ преувеличенія можно сказать, что вышедшіе изъ этого заведенія молодые люди отличались — осо-

бенно въ то время — не только своимъ образованіемъ, своимъ усердіемъ къ службѣ и ревностнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей, но и прямотою, честностію своего характера. Многіе изъ нихъ теперь уже государственные люди, другіе — мирные граждане, нѣкоторымъ пришлось испить горькую чашу испытаній, но всѣ они — я увѣренъ — честно шли по тому пути, который выпалъ на долю каждаго, и съ достоинствомъ сохранили то, что было посѣяно и развито въ нихъ, въ юношескія ихъ лѣта.»

Кромѣ приготовленія молодыхъ людей для службы въ генеральномъ штабѣ, въ стѣнахъ Московскаго Учебнаго заведенія положено также начало и образовавшемуся впослѣдствіи корпусу топографовъ. При заведеніи устроены были классы для обученія сначала крестьянскихъ мальчиковъ изъ крѣпостныхъ Муравьева, а потомъ присоединены къ нимъ и двадцать кантонистовъ, учившихся подобно колонновожатымъ топографической съемкѣ и рисованію плановъ. Когда же 28 января 1822 года послѣдовало учрежденіе при генеральномъ штабѣ особаго корпуса топографовъ, то 11 человѣкъ изъ нихъ поступили въ топографы перваго, а семь въ топографы втораго разряда. Изъ этихъ топографовъ нѣкоторые впослѣдствіи оказались весьма способными и полезными офицерами, а одинъ, полковникъ межевыхъ инженеровъ, Мамонтовъ, былъ преподавателемъ высшей геодезіи и черченія въ Константиновскомъ межевомъ институтѣ.

Въ началѣ 1823 года, отецъ Михаила Николаевича просилъ объ увольненіи своемъ въ отставку, какъ онъ выразился тогда въ письмѣ своемъ къ кн. Волконскому: «по совершенному разстройству своего состоянія и слабости здоровья.» Кн. Волконскій, отвѣчая ему на это письмо, говоритъ между прочимъ: «чрезъ увольненіе ваше я теряю въ васъ, къ душевному прискорбію моему, достойнѣйшаго

сотрудника моего по службѣ; поставляю пріятнѣйшимъ себѣ долгомъ изъявить вамъ искреннѣйшую мою благодарность за тѣ особенные труды ваши, которые вы прилагали къ образованію колонновожатыхъ. Многіе изъ нихъ уже сдѣлались отличными офицерами, и квартирмейстерская часть останется навсегда вамъ обязанною. Правилами и методою вашею въ обученіи молодыхъ людей будутъ навсегда руководствоваться въ училищѣ колонновожатыхъ безъ малѣйшаго отъ оныхъ отступленія.» — Онъ былъ уволенъ отъ службы за болѣзнію и съ мундиромъ 15 февраля 1823 года, какъ значится въ его указѣ объ отставкѣ. Изъ этого указа можно видѣть, что имѣнія его находились въ пяти губерніяхъ: с.-петербургской въ лужскомъ, тверской въ бѣжецкомъ, костромской въ кинешемскомъ, московской въ можайскомъ и орловской въ кромскомъ уѣздахъ. — Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ онъ не бывалъ уже нѣсколько лѣтъ и, какъ всегда бываетъ при заглазномъ управленіи, доходы съ имѣній съ каждымъ годомъ стали уменьшаться. Между тѣмъ управленіе Московскимъ Учебнымъ заведеніемъ и кромѣ того порученною ему съемкою московской губерніи требовало неотлучнаго пребыванія его въ Москвѣ, особенно въ лѣтнее время. — Отвлекая отъ надзора за хозяйствомъ, Заведеніе для колонновожатыхъ сверхъ того поглощало и всѣ доходы съ имѣній Муравьевыхъ. Впослѣдствіи издержки до того сдѣлались значительными, что пришлось прибѣгнуть къ займамъ. Наконецъ Николай Николаевичъ былъ вынужденъ просить кн. Волконскаго объ исходатайствованіи пособія для поддержки заведенія, существованіе котораго становилось сомнительнымъ. — Изъ дѣлъ не видно, была ли удовлетворена его просьба, но долги уплачивались еще долгое время. Изъ пяти сыновей, четверо уже состояли на службѣ и получали изъ родительскаго дома весьма скромныя субсидіи,

и то еще не постоянно, а когда случится. Чтобы понять, до какой степени денежная помощь дѣтямъ, служившимъ въ столицѣ, въ гвардейскомъ генеральномъ штабѣ, была ограничена, то необходимо припомнить при этомъ, что каждый изъ сыновей Н. Н. Муравьева получалъ отъ своего отца, всего-на-все, по пяти рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ. Но къ чести Муравьевыхъ слѣдуетъ сказать, что никогда, ни одинъ изъ нихъ, не только не позволилъ себѣ сдѣлать отцу намека, но даже и подумать о раззорительности учебнаго заведенія для ихъ благосостоянія. Напротивъ, братья Муравьевы почитали всѣ отяготительныя для нихъ издержки на заведеніе не пожертвованіемъ, а естественною обязанностію и прямымъ долгомъ въ отношеніи своей великой родины. — Бремя занятій Николая Николаевича еще болѣе увеличилось, когда помощникъ его во всѣхъ трудахъ, Михаилъ Николаевичъ, вышедшій въ отставку еще ранѣе, окончательно покинулъ дѣятельность свою по Московскому Учебному заведенію.

Съ выходомъ М. Н. Муравьева, а потомъ и отца его въ отставку, должно было прекратиться существованіе Московскаго Учебнаго заведенія для колонновожатыхъ. На основаніи высочайшаго повелѣнія отъ 19 февраля, небольшое число молодыхъ людей, оставшихся тамъ послѣ выпуска въ офицеры, было отправлено въ С.-Петербургъ, во вновь учрежденное училище колонновожатыхъ, директоромъ котораго былъ назначенъ генералъ-маіоръ Хатовъ, извѣстный переводчикъ Исторіи Бутурлина о нашествіи на Россію Наполеона въ 1812 г. — Но училище это существовало не долго; оно было упразднено въ 1826 г.

Имя Муравьевыхъ такъ тѣсно связано съ генеральнымъ штабомъ, особенно въ началѣ столѣтія, что мы полагаемъ не лишнимъ привести здѣсь нѣсколько историческихъ замѣтокъ объ этомъ учрежденіи въ Россіи, едва ли

не болѣе важномъ нынѣ въ государственномъ отношеніи, чѣмъ въ военномъ. Полагаю, что замѣтки эти будутъ интересны и потому, что исторіи генеральнаго штаба донынѣ еще не имѣется въ печати [10]).

Подобно всѣмъ учрежденіямъ въ мірѣ и генеральный штабъ и его обязанности въ началѣ представлялись нашимъ военнымъ администраторамъ довольно смутно и даже отрицательно. Такимъ образомъ Адамъ Вейде, посыланный Петромъ I въ Австрію для изученія военныхъ учрежденій, въ своемъ воинскомъ уставѣ говоритъ о генералъ-квартирмейстерѣ, высшей должности генеральнаго штаба, что «сей чинъ есть въ русской землѣ ни къ чему не потребенъ.» — Первый государственный актъ, въ которомъ упоминается о составѣ и устройствѣ генеральнаго штаба, составляетъ указъ правительствующаго сената 23 іюня 1712 года, опредѣляющій жалованье чинамъ генеральнаго штаба. Затѣмъ въ воинскомъ уставѣ, подписанномъ Петромъ I въ Данцигѣ 30 марта 1716 года, посвящена особая глава для чиновъ генеральнаго штаба. Но, слѣдуетъ замѣтить, какъ въ упомянутомъ указѣ, такъ и въ воинскомъ уставѣ, подъ именемъ генеральнаго штаба подразумѣвался тогда весь личный составъ управленія арміею и всѣ нестроевые чины. Такимъ образомъ не только весь генералитетъ, начиная съ генералиссимуса, но и адъютанты, священники, доктора, аптекаря, фискалы, курьеры, коммисарскіе подъячіе и даже аптека входили въ составъ генеральнаго штаба. Собственно же квартирмейстерская часть, по смыслу устава, ограничивалась обязанностію вести военный журналъ, собирать топографиче-

---

[10]) При этомъ приношу искреннюю признательность многоуважаемому князю Н. С. Голицыну за сообщеніе имъ мнѣ нѣкоторыхъ свѣдѣній по этой части.

скія свѣдѣнія, размѣщать войска въ лагеряхъ и на квартирахъ и добывать проводниковъ. Знаніе фортификаціи и артиллеріи, послѣдней не обязательно, требовалось только отъ генералъ-квартирмейстера и его помощника. Картографическая часть заключалась въ составленіи чертежей лагернаго распоряженія. Фельдмаршалъ Минихъ видѣлъ въ чинахъ квартирмейстерской части военныхъ топографовъ, обращалъ постоянное вниманіе на картографическія ихъ работы, составилъ очень хорошія карты всѣхъ театровъ войнъ, въ коихъ начальствовалъ надъ войсками, и планы всѣхъ крѣпостей; но, по необъяснимому заблужденію, вооружался противъ тригонометрической съемки и всѣми доводами убѣждалъ Екатерину II пріостановить начатое въ 1763 г. измѣреніе перваго треугольника (петропавловскій шпицъ, петергофская и кронштадтская колокольни). [11]) Указомъ 4 января 1763 года опредѣлено имѣть при военной коллегіи и въ войскахъ 38 колоночныхъ офицеровъ, и 27 іюля 1764 г. данъ имъ въ первый разъ и особый мундиръ. Въ какомъ положеніи находился тогда генеральный штабъ, можно видѣть изъ донесенія въ военную коллегію генералъ-квартирмейстера 2-й арміи, — генералъ-маіора Бауера, который говоритъ, что въ нѣкоторыхъ чинахъ генеральнаго штаба вовсе не было надобности; въ другихъ же ощущался крайній недостатокъ, для пополненія котораго приходилось брать изъ полковъ офицеровъ вовсе незнакомыхъ съ службою гене-

---

[11]) Бюшингъ въ своемъ „Магазинѣ" напечаталъ далеко не всѣ письма фельдмаршала Миниха къ императрицѣ. Большинство писемъ, въ высшей степени любопытныхъ, хранится въ оригиналѣ у потомковъ графа въ Копенгагенѣ. Генералъ-адъютантъ О. Б. Рихтеръ, бывъ въ Даніи въ 1858 или 1859 годахъ, снялъ копіи съ этихъ писемъ и доставилъ въ библіотеку генеральнаго штаба. Въ этихъ-то письмахъ и упоминается о первомъ треугольникѣ.

ральнаго штаба, что скудость жалованья, одинаковаго съ полевыми полками, при безпрестанныхъ командировкахъ и разъѣздахъ, заставляли всѣхъ уклоняться отъ этой службы, а служащихъ — переходить въ полки и другія мѣста, и наконецъ, что штатами не положено имѣть необходимо нужныхъ при арміи, особливо въ военное время, колонновожатыхъ унтеръ-офицерскаго званія. Вслѣдствіе этого донесенія, указомъ 30 января 1772 года опредѣлены были новые штаты и отпускъ на содержаніе чиновъ генеральнаго штаба изъ доходовъ камеръ-коллегіи 24,844 руб. — Съ тѣмъ вмѣстѣ все управленіе генеральнаго штаба сосредоточено было въ лицѣ генералъ-квартирмейстера и вновь учрежденной экспедиціи генеральнаго штаба. Къ этому времени относится составленіе квартирмейстерскими офицерами, подъ руководствомъ генерала Бауера, извѣстной карты Молдавіи, гравированной въ 1771 году въ Амстердамѣ, оказавшейся впрочемъ въ послѣдующую съ Турціею войну 1789 — 1791 до того неудовлетворительною для расквартированія войскъ, что полкамъ неоднократно доводилось блуждать по нѣскольку недѣль, тщетно отыскивая селенія, которыхъ въ дѣйствительности не существовало.

По воцареніи императора Павла I-го, экспедиція эта за упущенія была упразднена, а чины ея распредѣлены въ другія войска. Вмѣсто ея учреждена въ декабрѣ 1796 года собственная для особы Его Величества чертежная. Съ назначеніемъ генералъ - квартирмейстеромъ барона Аракчеева изъ этой чертежной образовано собственное Его Величества депо картъ, на обязанность котораго возложено было составленіе и изданіе картъ *для общественнаго употребленія.* Въ 1800 году, географическій департаментъ, состоявшій съ 1733 года при академіи наукъ и съ 1797 года при экспедиціи государственнаго

хозяйства, былъ причисленъ къ депо картъ. Такимъ образомъ всѣ картографическія работы въ государствѣ сосредоточены были въ одномъ учрежденіи, издавшемъ въ 1799 году весьма хорошую генеральную карту Россіи. Тогда же было произведено нѣсколько съемокъ по западнымъ границамъ имперіи. Упраздненная же въ 1796 году квартирмейстерская часть, въ 1798 году вновь образована подъ названіемъ свиты Его Величества по квартирмейстерской части. Управленіе этою частью графа Сухтелена съ іюля 1801 по май 1810 года ознаменовалось соединеніемъ въ 1804 году квартирмейстерской части съ топографическою. Для пополненія квартирмейстерской части офицерами, разрѣшено было по примѣру подпрапорщиковъ прочихъ войскъ, принимать въ службу колонновожатыхъ унтеръ-офицерскаго званія изъ дворянъ, которые для практическаго усовершенствованія распредѣлялись потомъ по государственнымъ съемкамъ и въ депо картъ. Кромѣ того въ сентябрѣ 1809 года состоялось распоряженіе о замѣщеніи дежурныхъ штабъ-офицеровъ въ дивизіяхъ и корпусахъ офицерами свиты Его Величества. Съ назначеніемъ 23 мая 1810 года управляющимъ квартирмейстерскою частію князя Волконскаго исходатайствовано было имъ, для поощренія служащихъ, производство въ чины, одинаковое съ офицерами кадетскихъ корпусовъ, при чемъ былъ уничтоженъ тогда маіорскій чинъ. Въ 1812 году 27 января собственное Его Величества депо картъ было преобразовано въ военно-топографическое депо съ цѣлію собиранія, составленія и храненія картъ, плановъ, чертежей, топографическихъ и статистическихъ описаній, журналовъ и донесеній о военныхъ дѣйствіяхъ, проэктовъ и диспозицій наступательной и оборонительной войны и особенно для сочиненія изъ всѣхъ собираемыхъ матеріаловъ основательныхъ

историческихъ записокъ. Квартирмейстерская часть получила новое, лучшее устройство, сохранившееся до послѣдняго времени. Но главнѣйшее вниманіе князя Волконскаго было обращено на личный составъ квартирмейстерской части, переполненный иностранцами французской, сардинской и австрійской службы. Въ офицерскихъ спискахъ генеральнаго штаба тогда числилось много иностранцевъ: Мишо, Вольцогенъ, Коцебу, графъ де-Местръ, (Ксаверій) и др., можетъ быть и весьма достойные люди въ извѣстныхъ отношеніяхъ, но для службы генеральнаго штаба совершенно безполезные, не оставившіе въ ней ни малѣйшаго слѣда своей ученой, военной или иной дѣятельности. При такихъ-то обстоятельствахъ возникшія по мысли Муравьевыхъ Московское Общество Математиковъ и потомъ Заведеніе для колонновожатыхъ, подготовивъ рядъ способныхъ людей, доставили возможность правительству образовать впослѣдствіи генеральный штабъ преимущественно изъ русскихъ уроженцевъ.

Московское учебное заведеніе для колонновожатыхъ было продолженіемъ Московскаго Общества Математиковъ. Какъ то, такъ и другое были основаны и преобразованы по мысли Михаила Николаевича, который написавъ для обоихъ этихъ учрежденій уставы и опредѣливъ предметы ихъ занятій, былъ по истинѣ душою ихъ, главнѣйшимъ двигателемъ и распорядителемъ до конца ихъ существованія. Отецъ Михаила Николаевича, уже утомленный годами и часто прихварывавшій, предоставилъ все внутреннее управленіе заведеніемъ своему сыну. Встрѣчая иногда какое-нибудь упущеніе или ошибку со стороны колонновожатыхъ, Николай Николаевичъ говаривалъ имъ полушутя: «берегитесь, чтобъ не узналъ объ этомъ Михаилъ Николаевичъ.»

Въ Московское учебное заведеніе, какъ свидѣтель-

ствуетъ Н. В. Путята, поступило съ 1812 по 1823 г. около 180 человѣкъ колонновожатыхъ и нѣсколько пажей. Выпущены же изъ него офицерами 138 человѣкъ, въ томъ числѣ 127 въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части и 11-ть въ разные армейскіе полки [12]). Можно положительно сказать, что большая часть офицеровъ генеральнаго штаба того времени были учениками Муравьева, образовавшимися въ Учебномъ Заведеніи для колонновожатыхъ или посѣщавшими курсы Общества Математиковъ. Многіе изъ бывшихъ воспитанниковъ Московскаго Учебнаго Заведенія съ честію занимали и занимаютъ еще высшія мѣста въ государственной службѣ, напримѣръ: дѣйствительный тайный совѣтникъ Павелъ Александровичъ Мухановъ, членъ государственнаго совѣта и предсѣдатель археографической ком. бывшій главнымъ директоромъ народнаго просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, одинъ изъ просвѣщенныхъ патріотовъ и знатоковъ исторіи Польши и Западной Россіи, издавшій въ свѣтъ въ теченіи сорока лѣтъ рядъ любопытнѣйшихъ историческихъ памятниковъ и документовъ; покойный Павелъ Алексѣевичъ Тучковъ, бывшій начальникомъ военно-топографическаго депо и потомъ московскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ; Павелъ Евстафьевичъ Коцебу, бывшій начальникомъ главнаго штаба арміи, а нынѣ начальникомъ одесскаго военнаго округа; баронъ Вильгельмъ Карловичъ Ливенъ, бывшій генералъ-квартирмейстеромъ главнаго штаба Его Величества и начальникомъ рижскаго военнаго округа; сенаторъ Василій Христіановичъ Христіани, бывшій генералъ-контролеромъ военныхъ отчетовъ; генералъ-лейтенантъ Дмитрій Сергѣе-

[12]) Списокъ офицерамъ, выпущеннымъ изъ Московскаго заведенія колонновожатыхъ, мы помѣстили въ приложеніи № 11.

вичъ Левшинъ, бывшій попечитель харьковскаго учебнаго округа: генералы отъ инфантеріи: Александръ Клеонаковичъ Ушаковъ, покрывшій себя славою при совершеніи имъ кровопролитной переправы чрезъ Дунай въ 1854 году и Михаилъ Мартыновичъ Роговскій, — оба состоятъ нынѣ членами военнаго совѣта; Алексѣй Павловичъ Болотовъ, бывшій профессоромъ геодезіи въ военной академіи, издавшій нѣсколько весьма полезныхъ математическихъ сочиненій; Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій, извѣстный знатокъ русской библіографіи и археологіи и нѣкоторые другіе. Нельзя не присоединить къ этой плеядѣ даровитыхъ людей и управлявшаго Московскою оружейною Палатою, умершаго 11 Января 1870 года, извѣстнаго Александра Ѳомича Вельтмана, столь много обогатившаго и русскую археологію и литературу прекрасными своими трудами.

Глава V.

Женитьба Муравьева. — Выходъ въ отставку. — Неудачи по хозяйству. — Голодъ въ Смоленской губерніи. — Обзоръ законодательства по народному продовольствію. — Энергическія мѣры Муравьева. — Сенаторъ Мертваго.

Въ сентябрѣ 1815 года, при возвращеніи Муравьева съ Кавказской Линіи въ С.-Петербургъ, онъ провелъ около двухъ мѣсяцевъ въ Осташовѣ у своего отца. Къ этому времени слѣдуетъ отнести начало знакомства его съ почтеннымъ семействомъ Шереметевыхъ, жившимъ по сосѣдству, въ своемъ наслѣдственномъ селѣ Покровскомъ, въ 30 верстахъ отъ Осташова. Это знакомство имѣло важныя послѣдствія для М. Н. Муравьева. Около трехъ лѣтъ спустя, онъ вступилъ въ бракъ съ старшею дочерью отставнаго гвардіи капитанъ-поручика Василія Петровича Шереметева, семнадцатилѣтнею тогда дѣвицею Пелагеею Васильевною. Обрядъ вѣнчанія былъ совершонъ 26 августа 1818 года съ обычною торжественностію, въ только что отстроенной и за недѣлю освященной церкви Покровскаго села.

Сдѣлавшись семьяниномъ, Муравьевъ полагалъ совершенно оставить военную службу и заняться сельскимъ хозяйствомъ. Кромѣ домашнихъ обстоятельствъ, требовавшихъ совершенной свободы отъ служебныхъ обязанностей, буколическое настроеніе его духа поддерживалось еще и раной на ногѣ, безпрестанно открывавшейся и мѣшавшей ему сидѣть на конѣ, а слѣдовательно расчитывать на занятіе высшихъ должностей въ военной іерархіи. Все это онъ изложилъ тогда въ письмѣ своемъ къ управляющему дѣлами квартирмейстерской части генералъ-маіору Селявину. Извѣщая его о подачѣ прошенія на Высочайшее имя объ увольненіи отъ службы, Муравьевъ просилъ Селявина до выхода указа объ отставкѣ дозволить ему отправиться въ отпускъ въ Смоленскую губернію, гдѣ находилось женино имѣніе. Селявинъ выславъ Муравьеву разрѣшеніе ѣхать въ деревню, въ отвѣтѣ своемъ къ нему сообщилъ, что по всѣмъ вѣроятіямъ князь Волконскій скорѣе рѣшится уволить его въ отпускъ на полтора года, чѣмъ дастъ согласіе на его отставку. Селявинъ не ошибся въ своемъ предположеніи. Князь Волконскій, находившійся тогда при Государѣ въ Веймарѣ, возвратилъ Муравьеву прошеніе при своемъ письмѣ отъ 25 ноября 1818 г., въ которомъ, упомянувъ объ его полезной службѣ и необходимости удержать его на оной, разрѣшилъ Муравьеву находиться въ отпуску столько времени, сколько то для его здоровья нужно будетъ. При этомъ поручилъ ему, по нахожденію его въ Смоленской губерніи, заняться исполненіемъ брульоновъ атласа этой губерніи. Лестное вниманіе князя Волконскаго къ службѣ Муравьева заставило его на этотъ разъ отказаться отъ намѣренія своего выдти въ отставку. Пробывъ лѣтнее время въ Смоленской губерніи, осенью онъ возвратился въ Москву къ обычнымъ занятіямъ своимъ съ колонновожатыми.

Между тѣмъ 28 марта 1820 года Муравьевъ былъ произведенъ въ капитаны гвардейскаго генеральнаго штаба и черезъ мѣсяцъ переведенъ подполковникомъ въ свиту Его Величества по квартирмейстерской части. Вѣроятно для удержанія его на службѣ назначено было производить Муравьеву съ 1 сентября прибавочное жалованье изъ экономической суммы квартирмейстерской части по 3000 рублей въ годъ.

Въ концѣ 1820 года Муравьевъ снова подалъ прошеніе объ увольненіи его въ отставку. Это прошеніе сопровождалось письмомъ отца Муравьева къ князю Волконскому, въ которомъ онъ, по изложеніи всѣхъ обстоятельствъ, побуждавшихъ сына его прекратить свою служебную дѣятельность, просилъ не удерживать его болѣе на службѣ. Съ какимъ огорченіемъ кн. Волконскій разставался съ своимъ подчиненнымъ, можно видѣть изъ его письма: «имѣя много опытовъ,» писалъ онъ [1]) къ отцу Муравьева, «сколько отличнаго усердія къ службѣ сына вашего, подполковника Муравьева, столько и рѣдкихъ его способностей, я съ большимъ сожалѣніемъ рѣшился войти съ представленіемъ къ Государю Императору объ увольненіи его отъ службы, которая лишается въ немъ одного изъ достойнѣйшихъ офицеровъ; но таковое увольненіе его, будучи согласно съ желаніемъ вашего превосходительства и необходимымъ по мыслямъ сына вашего, я не считалъ себя вправѣ положить оному какое либо препятствіе.» Указъ объ отставкѣ Муравьева подписанъ княземъ Волконскимъ въ Лайбахѣ 20 ноября 1820 года.

Оставивъ службу, Муравьевъ переселился изъ Москвы съ молодою супругою своею въ имѣніе ея, село Лазицы, находящееся въ 50 верстахъ отъ Рославля къ сторонѣ

---

[1]) Изъ Троппавы отъ 11-го ноября 1820 г.

Ельни. Сдѣлавшись мирнымъ гражданиномъ, онъ принялся съ обычною ему горячностію за хозяйство. Но первые опыты его по этой части были весьма неудачны. Довольно обширный винокуренный заводъ, построенный съ большими издержками, не только не вознаградилъ расходовъ, но даже ввелъ его въ большія убытки. Весь расчетъ былъ основанъ на чрезвычайной дешевизнѣ въ тѣхъ мѣстахъ хлѣба, который по недостатку путей сообщенія и отсутствію сбыта весьма выгодно было обращать на выкуриваніе вина. Но когда заводъ былъ выстроенъ, то Смоленскую и сосѣднія губерніи постигъ двухлѣтній неурожай; цѣна на хлѣбъ поднялась чрезвычайно высоко, и Муравьеву пришлось покупать его дорогою цѣною, уже не для выкуриванія вина, а для продовольствованія своихъ крестьянъ. При такихъ неблагопріятныхъ для виннаго производства обстоятельствахъ не могло быть и рѣчи о выкуркѣ вина и заводъ по необходимости все время оставался празднымъ. Въ это тяжкое для народа время. Муравьевъ устроилъ въ своей винокурнѣ мірскую столовую, въ которой приготовляема была пища для продовольствія его крестьянъ. Болѣе года они питались на его счетъ, приходя ежедневно до полутораста, а иногда и болѣе человѣкъ. Много приходило голодовавшихъ крестьянъ и изъ сосѣднихъ имѣній. [2]) Преданія объ этихъ обѣдахъ сохранились до настоящаго времени между лазицкими стариками; они съ бла-

[2]) „Въ 1820 году извѣстный голодъ въ нашемъ краѣ понудилъ меня издержать 20 т. руб. для прокормленія крестьянъ; но извѣстно, что отъ недостатка хлѣба отощалъ скотъ и крестьяне потерпѣли упадокъ въ лошадяхъ, который однакожъ немедленно вознагражденъ былъ и крестьяне въ 1823 году въ томъ же положеніи, въ каковомъ были въ 1818 году“. Изъ собственноручной записки М. Н. Муравьева по управленію лазицкимъ имѣніемъ, писанной въ 1824 или 1825 годахъ.

годарностію еще и понынѣ воспоминаютъ о попеченіяхъ тогдашняго своего владѣльца.

Если голодъ, одолѣвавшій въ ту пору смолянъ, совершенно разстроилъ всѣ денежные расчеты Муравьева, за то въ нравственномъ отношеніи пріобрѣтенія его оказались весьма важными. Крестьяне видѣли въ немъ своего кормильца и защитника; бѣдные мѣстные дворяне — свою опору и своего руководителя. Такъ какъ времена народныхъ бѣдствій лучше всего обрисовываютъ существующее законодательство, заботы администраціи, распоряженія мѣстныхъ властей и частную дѣятельность, то полагаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о неурожаѣ 1820 года и участіи, которое принималъ тогда Муравьевъ въ борьбѣ съ этимъ бѣдствіемъ.

Кому не извѣстно, что Россія принадлежитъ къ числу счастливѣйшихъ странъ, надѣленныхъ неистощимыми средствами для продовольствія многочисленнаго населенія; кто также не читалъ въ нашихъ лѣтописяхъ потрясающихъ повѣствованій опустошенія цѣлыхъ областей повальными болѣзнями, основную причину которыхъ нужно искать въ крайней скудости первыхъ условій для поддержанія жизни.

Въ прежнія времена, при исконномъ плодородіи нашихъ земель, можетъ быть, правительственныя заботы о народномъ продовольствіи и были излишними, но съ размноженіемъ населенія и особенно съ учрежденіемъ постояннаго войска, необходимость устройства обширныхъ государственныхъ запасовъ хлѣба, сдѣлалась настоятельною. [3]) Въ другихъ странахъ вопросъ о народномъ продоволь-

[3]) У насъ еще не существуетъ исторіи народнаго продовольствія. Похвальная попытка со стороны Хозяйственнаго департамента Министерства внутреннихъ дѣлъ была однакоже сдѣлана въ 1859 и 1860 годахъ изданіемъ сборника офиціальныхъ рас-

ствіи не составляетъ вопроса государственнаго, но предметъ торговли или простыхъ денежныхъ операцій — тамъ все дѣло заключается въ привозѣ хлѣба изъ Россіи или Америки. Но совсѣмъ иное дѣло у насъ, когда случится неурожай въ двадцати губерніяхъ Великой Россіи. Тогда вдругъ поднимутся изъ-подъ земли неразрѣшимые вопросы: гдѣ купить и какъ доставить на мѣсто потребное количество хлѣба? Только одна мудрая предусмотрительность можетъ спасти страну отъ страшнаго бѣдствія. — Какъ бы то ни было, но у насъ первые хлѣбные магазины учреждены были для продовольствія войскъ, поселенныхъ для охраненія границы въ городахъ и острогахъ, такъ называемыхъ польскихъ городовъ, то есть расположенныхъ *въ дикомъ полѣ* (Тула, Лихвинъ, Ряжскъ и пр.), и во вновь завоеванной Сибири. Въ систему продовольствія пограничныхъ городовъ въ XVII вѣкѣ входило устройство по городамъ государевыхъ житницъ, мельницъ и правильной отчетности о приходо-расходѣ всякаго хлѣба выборными чиновниками, носившими названіе житныхъ головъ и старостъ. Даже и заведенные при Петрѣ Великомъ хлѣбные магазины, указами его отъ 11 февраля 1721 и 20 и 23 января 1724 г., предназначались не для народнаго продовольствія, а въ видахъ исключительно военныхъ, что можно видѣть изъ самаго расположенія магазиновъ, не внутри государства, а вблизи пограничной черты. [4])

поряженій по этому предмету, подъ заглавіемъ: „Матеріалы по вопросу о обезпеченіи продовольствія“, но весь этотъ сборникъ, не замѣнявшій впрочемъ исторіи народнаго продовольствія, погибъ во время пожара 1861 года.

[4]) Изъ девяти мѣстъ, первоначально предполагавшихся для заведенія хлѣбныхъ магазиновъ, Петромъ I избраны только шесть: Петербургъ, Рига, на Дону, на Днѣпрѣ, или Деснѣ, Смоленскъ и Астрахань.

Что касается до народнаго продовольствія, то вся забота о немъ возложена была на губернаторовъ, которые обязаны были ежегодно, не позже ноября, доносить на высочайшее имя и въ сенатъ объ урожаѣ озимаго и яроваго хлѣба, съ показаніемъ, могутъ-ли жители продовольствоваться своимъ хлѣбомъ. Изданный въ видахъ облегченія народныхъ нуждъ указъ 19 января 1761 г. предписывалъ земскимъ исправникамъ, при недостаткѣ хлѣба, продовольствовать крестьянъ на счетъ нерадивыхъ объ экономіи помѣщиковъ. Можно вообразить себѣ всю массу злоупотребленій, возникшихъ вслѣдствіе этого указа, предоставлявшаго во власть исправниковъ распоряженіе имуществомъ дворянъ и заботу о продовольствіи народа. Недостаточность законодательныхъ мѣръ для огражденія государства отъ печальныхъ послѣдствій неурожаевъ побудила императрицу Екатерину II, вскорѣ по вступленіи на престолъ, 20 августа 1762 г., учинить при сенатѣ особую комиссію для заведенія во всѣхъ городахъ государственныхъ запасныхъ магазиновъ, въ тѣхъ видахъ, чтобы правительство всегда могло имѣть въ своихъ рукахъ цѣны на хлѣбъ. Видя однакожъ медленность и неуспѣшныя дѣйствія этой комиссіи, она поручила 27 марта слѣдующаго года двумъ членамъ ея, генералъ-поручику Веймарну и генералъ-маіору Бекетову, представить особый докладъ относительно устройства народнаго продовольствія. Веймарнъ и Бекетовъ въ докладѣ своемъ изложили всѣ неудобства предложенныхъ еще въ 1754 г. фельдмаршаломъ П. И. Шуваловымъ обширныхъ государственныхъ хлѣбныхъ магазиновъ, вмѣсто которыхъ они полагали болѣе удобнымъ обязательное для казенныхъ и владѣльческихъ имѣній повсемѣстное учрежденіе сельскихъ запасныхъ магазиновъ, въ которыхъ бы безпереводно хранилась двухъгодовая пропорція хлѣба для продовольствія жителей и обсѣмене-

нія ихъ полей. Но предположенія Веймарна и Бекетова тогда не были приведены въ исполненіе. Въ 1765 г. однакожъ было объявлено о заведеніи въ каждой экономической деревнѣ магазиновъ съ годовымъ запасомъ хлѣба (двѣ четверти); но это полезное мѣропріятіе, въ примѣненіи къ владѣльческимъ имѣніямъ, осталось почти безъ исполненія. Въ послѣдующіе годы учреждались хлѣбные магазины только въ городахъ: въ 1766 г. въ Петербургѣ, въ 1786 въ Твери, Вышнемъ-Волочкѣ, Новгородѣ и Москвѣ. Во времена же неурожаевъ, мѣстныя власти, на основаніи указа 10 февраля 1723 г., обыкновенно прибѣгали къ опечатанію складовъ хлѣба у купцовъ, промышленниковъ и помѣщиковъ, имѣвшихъ у себя значительные его запасы.

Не ранѣе, какъ 29 ноября 1799 г., вслѣдствіе проэкта, поданнаго генералъ-провіантмейстеромъ Обольяниковымъ, приступлено было къ осуществленію мысли Веймарна и Бекетова относительно обязательнаго устройства въ казенныхъ и владѣльческихъ имѣніяхъ сельскихъ запасныхъ магазиновъ. — Между тѣмъ продовольствіе крестьянъ своими помѣщиками было вновь подтверждено указомъ 21 февраля 1811 г., на основаніи котораго имѣнія помѣщиковъ, не исполнившихъ этой обязанности, были отбираемы въ казенное управленіе, впредь до возвращенія употребленныхъ казною издержекъ на продовольствіе крестьянъ, а также и уплаты всѣхъ казенныхъ податей. Что-же касается до закона о сельскихъ магазинахъ, совершенно устранявшаго гибельныя послѣдствія неурожаевъ, то онъ до такой степени былъ медленно приводимъ въ исполненіе, что къ концу царствованія императора Николая Павловича, послѣ неоднократныхъ отсрочекъ, еще во многихъ селеніяхъ не было приступлено къ постройкѣ магазиновъ. Было даже одно время (1817 — 1833 г., когда самая необхо-

димость сельскихъ магазиновъ была подвергнута сомнѣнію и сборъ съ крестьянъ хлѣба, какъ безполезное обремененіе народа, предполагалось навсегда уничтожить на томъ шаткомъ основаніи, что народное продовольствіе достаточно обезпечено отвѣтственностію во владѣльческихъ имѣніяхъ помѣщиковъ, а въ казенныхъ — подлежащихъ начальствъ [5]).

Неурожай, случившійся въ 1820 г. въ Смоленской и Черниговской губерніяхъ, особенно былъ неблагопріятенъ

---

[5]) Указомъ 14-го апрѣля 1822 года упразднены были въ 12 губерніяхъ, въ томъ числѣ и Смоленской, сельскіе магазины, въ замѣнъ которыхъ учрежденъ былъ для составленія продовольственнаго капитала денежный сборъ съ каждой ревизской души по 25 коп. Нельзя при этомъ не выразить удивленія къ вѣрности административныхъ взлядовъ императора Александра I-го, въ теченіи пяти лѣтъ не утверждавшаго этого указа и наконецъ рѣшившагося, скрѣпя сердце подписать его только вслѣдствіе повторенныхъ представленій графа Кочубея, поклонника всѣхъ англійскихъ учрежденій, въ томъ числѣ и продовольственныхъ капиталовъ. Императоръ внутренно былъ убѣжденъ, что обеспеченіе народнаго продовольствія въ Россіи должно быть основано на хорошо организованной системѣ сельскихъ хлѣбныхъ магазиновъ, а отнюдь не на продовольственныхъ капиталахъ, которые представляютъ лишь нѣкоторое подспорье и то при частныхъ или незначительныхъ неурожаяхъ. Страшныя бѣдствія, обнаружившіяся уже въ послѣдующее царствованіе, послѣ неурожая 1833 г., вполнѣ оправдали отвращеніе Александра I отъ системы продовольственныхъ капиталовъ, весьма спокойной и удобной для администраціи, но совершенно непригодной для спасенія громадныхъ населеній отъ голода во время неурожаевъ, обнаруживающихся въ хлѣбородныхъ областяхъ, или на обширныхъ пространствахъ. Отчетность и храненіе хлѣба въ магазинахъ требуютъ искуства и извѣстной настойчивости, безъ которыхъ, конечно, будетъ всегда пропадать ежегодно пятая часть ссыпнаго хлѣба, какъ это установилось въ Кіевской губерніи вслѣдствіе предполагаемой невозможности обуздать хищничество мѣстныхъ мышей.

для Рославльскаго и Ельнинскаго уѣздовъ. Недостатокъ хлѣба въ этихъ уѣздахъ обнаружился еще въ августѣ, сначала у крестьянъ трехъ крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ помѣстья и въ другихъ губерніяхъ, а потомъ въ имѣніяхъ прочихъ помѣщиковъ. Для огражденія поселянъ отъ голода, весь хлѣбъ, хранившійся въ сельскихъ магазинахъ, былъ розданъ крестьянамъ на руки. Но такъ какъ ссыпка зерна начата была только съ 1816 года [6]), и потомъ въ 1818 пріостановлена, то выданный изъ магазиновъ хлѣбъ былъ каплей въ морѣ, утолившей народный голодъ только на мгновеніе. Житницы помѣщиковъ, по большей части мелкопомѣстныхъ и небогатыхъ, неоправившихся еще отъ разореній войны 1812 г., также были пусты. Въ этой крайности народъ, одолѣваемый голодомъ, сталъ употреблять въ пищу предметы неудобоваримые для желудка: рѣдьку, лебеду, жолуди и древесную кору. Всѣ дороги покрылись крестьянами, ихъ женами и дѣтьми, покинувшими свои жилища и просившими у проѣзжихъ подаянія. Исправникъ доносилъ тогда губернатору, что Рославль, не взирая на всѣ принятыя имъ мѣры, ежедневно наводняется толпами нищихъ, стекающихся со всѣхъ сторонъ. Неоднократныя донесенія исправника и уѣзднаго предводителя дворянства о совершенномъ оскудѣніи въ странѣ продовольственныхъ запасовъ вынудили наконецъ губернское правленіе разрѣшить, въ случаѣ дѣйствительной надобности, раздачу хлѣба изъ сельскихъ магазиновъ. Это разрѣшеніе сопровождалось предписаніемъ къ исправнику, напомнить помѣщикамъ

---

[6]) По поводу возвращенія въ это время хлѣба, выданнаго правительствомъ въ 1813 г. въ ссуду экономическимъ и удѣльнымъ Смоленской губерніи интересно прочесть письмо графа Аракчеева къ государю отъ 10 сентября 1816 г. Ист. Царствованія Императора Александра I, т. VI, въ приложеніяхъ стр. 90.

указъ 21 февраля 1811 г. обязывавшій ихъ продовольствовать своихъ крестьянъ во время неурожаевъ. Но распоряженіе это пришло уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ раздачи всего хлѣба, имѣвшагося не только въ сельскихъ магазинахъ, но и въ собственныхъ житницахъ помѣщиковъ. Уѣздныя власти, не перестававшія между тѣмъ доносить губернскому правленію объ истощеніи въ странѣ всѣхъ способовъ къ продовольствію и о совершенной невозможности для народа уплачивать государственныя подати, просили исходатайствованія денежнаго вспомоществованія для закупокъ хлѣба. Еще въ началѣ октября рославское дворянство, по совѣту Муравьева, представило губернатору коллективное прошеніе въ томъ же смыслѣ. Губернское правленіе, послѣ долгихъ откладываній, предписало открыть въ Рославлѣ коммиссію подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя, котораго обязало подъ строжайшею отвѣтственностію обезпечить жителей хлѣбомъ для продовольствія и засѣва полей и озаботиться при томъ неукоснительнымъ внесеніемъ податей. Рославская коммиссія открывъ свои дѣйствія опечатаніемъ у хлѣбныхъ торговцевъ наличнаго хлѣба, испрашивала у губернатора разрѣшенія роздать его жителямъ на извѣстныхъ условіяхъ. Исправлявшій тогда должность губернатора, по случаю смерти барона Аша [7]), вице-губернаторъ Денибековъ, человѣкъ нерѣшительный и охотникъ до многописанія, былъ поставленъ этимъ пред-

[7]) Бездѣйствіе мѣстныхъ властей по случаю голода первоначально произошло отъ безпечности барона Аша. Преемникъ его поддерживалъ это бездѣйствіе и потому отвѣтственность должна падать на обоихъ. Баронъ Владиміръ Ивановичъ Ашъ былъ гражданскимъ губернаторомъ Смоленска еще во время отечественной войны и тогда онъ пріобрѣлъ уже себѣ славу неспособнаго человѣка. Не давая себѣ труда разузнать, гдѣ находится наша ар-

ставленіемъ коммиссіи въ чрезвычайное затрудненіе. Съ одной стороны онъ предвидѣлъ, что выдача коммиссіи разрѣшенія распорядиться чужимъ хлѣбомъ поведетъ къ неминуемымъ жалобамъ на него и большой отвѣтственности, съ другой же позднее донесеніе о неурожаѣ и голодѣ, изнурявшемъ еще съ осени предшествовавшаго года губернію, ввѣренную его управленію, подвергало его снова отвѣтственности не менѣе тяжкой предъ министромъ и очень можетъ быть удаленію отъ должности. Находясь такимъ образомъ между молотомъ и наковальней, Денибековъ избралъ для себя средній путь, едва ли не самый худшій: ничего не доносилъ министру и не давалъ разрѣшенія коммиссіи распорядиться опечатаннымъ хлѣбомъ. Изъятый такимъ образомъ отъ продажи частный хлѣбъ, попавъ подъ запрещеніе, еще болѣе возвысился въ цѣнѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ затруднились и самые способы народнаго продовольстія.

Между тѣмъ Рославское дворянство, не видя никакихъ распоряженій со стороны губернскихъ властей, находилось въ крайнемъ недоразумѣніи. Въ своемъ прошеніи къ губернатору оно изложило всю невозможность обезпечить народное продовольствіе мѣстными средствами и необходимость заимообразнаго отпуска суммъ для покупки и подвоза хлѣба изъ плодородныхъ губерній. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, а объ ассигнованіи суммъ не было слуха. Цѣна на хлѣбъ поднялась между тѣмъ до чудовищной дороговизны. Смертность постепенно увеличивалась.

———

мія, онъ распорядился отправкою всѣхъ обозовъ съ хлѣбомъ на Порѣчье въ Витебскъ, давно уже занятый непріятелемъ. Ермоловъ былъ вынужденъ по этому случаю замѣтить ему, что грозящая опасность губерніи могла бы допустить большее съ его стороны любопытство. См. Зап. А. П. Ермолова, стр. 45.

Въ этихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Муравьевъ оказалъ громадную услугу Смоленской губерніи. Руководя дѣйствіями дворянства, избѣгавшаго явной ссоры съ губернскими властями, онъ предложилъ дворянамъ сначала послать губернатору упомянутое коллективное прошеніе. На это они охотно согласились. Потомъ онъ убѣдилъ ихъ сдѣлать обращеніе къ благотворительности московскаго дворянства. И это предложеніе было ими одобрено. Имѣя въ Москвѣ множество знакомыхъ, онъ описалъ имъ яркими красками горестное положеніе смолянъ, томимыхъ голодомъ, и просилъ открыть въ ихъ пользу денежную подписку. Подписка эта пошла довольно успѣшно, и собранные на первый разъ 18,000 руб. были отправлены къ Муравьеву. По полученіи этихъ денегъ въ началѣ марта, онъ, оповѣстивъ о томъ дворянъ, предложилъ имъ съѣхаться въ Рославлѣ для распоряженія присланными деньгами. Воспользовавшись съѣздомъ дворянъ, Муравьевъ изложилъ имъ бездѣйствіе и неспособность губернскихъ властей, вывести ихъ изъ тяжкаго положенія, неминуемость вторичнаго неурожая и, наконецъ, необходимость прибѣгнуть съ просьбою къ самому министру о скорѣйшей помощи бѣдствующему народу. Для достиженія этой цѣли, онъ предложилъ составить актъ о настоящемъ положеніи уѣзда. Предположеніе это было одобрено, и на подлинномъ актѣ въ числѣ подписей на второмъ мѣстѣ значится: «подполковникъ и кавалеръ Михаилъ Николаевъ сынъ Муравьевъ.» Какъ актъ, такъ и письмо къ министру писаны рукою служителя Муравьева Ивана Дамаскина. Въ этомъ актѣ, сохранившемся понынѣ при дѣлахъ министерства [8]), было из-

[8]) См. дѣло хозяйственнаго департамента министерства внутр. дѣлъ № 136.

ложено, что губернское начальство, не взирая на неоднократныя донесенія и представленія, не принимаетъ никакихъ мѣръ къ огражденію жителей отъ непрестанно усиливающагося голода, что съ наступленіемъ весны голодъ еще болѣе увеличитъ общее отчаяніе, ибо озимыя поля засѣяны не были и за употребленіемъ всѣхъ сѣмянъ въ пищу, нечѣмъ засѣять и яровыхъ, что не предвидя возможности отвратить эти ужасныя бѣдствія, при всѣхъ стараніяхъ помѣщиковъ, большею частію бѣдныхъ, и не зная доведено ли о томъ до свѣдѣнія высшаго правительства, рославское дворянство просило своего предводителя, А. Д. Храповицкаго, повергнуть настоящее положеніе уѣзда на усмотрѣніе министра, но что онъ отказался отъ представленія сего прошенія, полагая сіе выступленіемъ изъ границъ должности его; но какъ бѣдствіе, постигшее уѣздъ, превосходитъ всякую мѣру и отъ медленности пособія могутъ произойти самыя несчастныя послѣдствія, то дворянство и рѣшилось сей случай, выходящій изъ обыкновеннаго хода дѣлъ, представить чрезъ бывшихъ предводителей дворянства Ѳ. С. Бородавицина и М. Н. Булычева на усмотрѣніе его сіятельства и просить объ оказаніи правительствомъ заимообразнаго пособія.

Актъ этотъ при письмѣ означенныхъ двухъ депутатовъ дворянства и былъ представленъ къ графу Кочубею 14 марта 1821 года. Губернское начальство, провѣдавъ объ этомъ неожиданномъ поступкѣ рославльскихъ дворянъ, съ своей стороны поспѣшило представить графу Кочубею распоряженія свои къ отвращенію затрудненій въ народномъ продовольствіи и испрашивало разрѣшенія роздать жителямъ описанный у торговцевъ хлѣбъ. Представленія рославльскаго дворянства и смоленскаго губернскаго правленія прибыли въ министерство въ одинъ день—25 марта. Въ одно время съ этими двумя донесеніями было сообщено и отъ

московскаго генералъ-губернатора объ открытіи въ Москвѣ для голодающихъ жителей Рославскаго уѣзда подписки, по которой уже и собрано свыше 30 т. рублей.

Можно себѣ представить удивленіе графа Кочубея, когда вдругъ онъ получилъ три донесенія о голодѣ въ Смоленской губерніи, существовавшемъ уже болѣе семи мѣсяцевъ. По его представленію комитетъ министровъ немедленно назначилъ рославскимъ дворянамъ ссуду отъ казны въ 50,000 рублей; что же касается до описанія у промышленниковъ хлѣба, то оно немедленно было отмѣнено, какъ несогласное съ новѣйшими постановленіями о свободѣ хлѣбной торговли, принятой нашимъ правительствомъ за правило. Но послѣдствія непростительной безпечности смоленскаго губернскаго правленія были велики: потративъ всю зиму на безполезную переписку, оно не только не озаботилось привлеченіемъ хлѣба въ губернію, но напротивъ наложеніемъ запрещенія на запасы, принадлежавшіе частнымъ лицамъ, возвысило цѣны на хлѣбъ, отчего большая часть полей осталась незасѣянными и на слѣдующій 1821 годъ. Такимъ образомъ за неурожаемъ перваго года, происшедшаго отъ явленій естественныхъ, неподвластныхъ человѣческой волѣ, въ слѣдующемъ году, наступилъ второй неурожай, искуственный, произведенный очевидною неспособностью губернскаго начальства. Безъ сомнѣнія, упущенія мѣстныхъ властей не имѣли бы такихъ грустныхъ послѣдствій, еслибъ закромы сельскихъ магазиновъ были туго набиты зерномъ; но, къ несчастію, наполненіе магазиновъ началось недавно и петербургскія власти увлечены были въ то время ложною идею о безполезности хлѣбныхъ магазиновъ для народнаго продовольствія, которое, по ихъ мнѣнію, достаточно уже обезпечивалось отвѣтственностію помѣщиковъ за пропитаніе своихъ крестьянъ, какъ будто

эта призрачная и отдаленная отвѣтственность, въ минуты опасности, могла замѣнить питательныя свойства хлѣба или спасти бѣдствующее населеніе отъ голодной смерти.

Не взирая однако на полученныя рославскими дворянами вслѣдствіе энергическихъ стараній Муравьева денежныя пособія, недостатокъ въ хлѣбѣ былъ такъ великъ, что угрожалъ полямъ и на 1822 годъ, остаться безъ обсѣмененія. Эта опасность побудила наконецъ правительство отправить на мѣсто для принятія скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ извѣстнаго сенатора Д. Б. Мертваго [9]), который тотчасъ нашелъ достойныхъ сотрудниковъ и средства помочь общественному бѣдствію. О дальнѣйшей дѣятельности Муравьева по устраненію въ Смоленской губерніи голода мы не имѣемъ официальныхъ указаній; да впрочемъ и не представляется въ нихъ особенной надобности. Недостатокъ этотъ совершенно пополняется

---

[9]) Дмитрій Борисовичъ Мертваго родился 5-го апрѣля 1760 года; въ службу вступилъ въ 1775 году. Съ 1787 по 1797 г. былъ совѣтникомъ Уфимскаго намѣстническаго правленія. Дѣятельность и справедливость его надолго сохранились въ памяти всѣхъ сословій губерніи. Съ 1797 по 1802 годъ былъ членомъ провіантской экспедиціи, гдѣ своими достоинствами и способностями обратилъ на себя вниманіе общества и сталъ извѣстенъ императору Павлу. Въ 1802 опредѣленъ начальникомъ поступившихъ въ казенное управленіе Крымскихъ соляныхъ промысловъ; въ 1803 г. Таврическимъ гражданскимъ губернаторомъ; 1807 генералъ-провіантмейстеромъ; 1810 уволенъ по прошенію отъ службы. Въ 1817 г. назначенъ сенаторомъ въ Москву, гдѣ и скончался 23 іюня 1824 г. Женатъ былъ на Варварѣ Марковнѣ Полтарацкой. С. Т. Аксаковъ, бывшій его крестнымъ сыномъ, говоритъ о Мертваго: „многоуважаемая память моего покойнаго крестнаго отца, въ обширномъ и строгомъ смыслѣ честнѣйшаго человѣка, котораго вся жизнь была борьба правды и чести съ ложью и подлою корыстью, постоянно жила и живетъ въ душѣ моей“. См. Записки Д. Б. Мертваго въ Русск. Арх. за 1867 г. №№ 8 и 9.

свидѣтельствомъ Д. Б. Мертваго. Изъ письма этого честнѣйшаго и благороднѣйшаго изъ людей той эпохи можно видѣть, какъ высоко онъ цѣнилъ дружбу и умную дѣятельность М. Н. Муравьева. «Покорнѣйше благодарю за писаніе отъ 9-го ноября,» писалъ къ нему Мертваго, «содержащееся въ немъ изъясненіе дружества ко мнѣ, мнѣ пріятно, лестно и драгоцѣнно, ибо познавъ васъ не по обхожденію и не на балахъ, а по дѣламъ образующимъ человѣка во всемъ пространствѣ слова, мнѣ сладко любить васъ, коль паче знать, что и вы меня любите.» Переходя затѣмъ ко множеству встрѣченныхъ имъ затрудненій, онъ говоритъ: «какъ быть, должно было торопиться представленіемъ о количествѣ надобности. Мнѣ казалось, что за всякій часъ промедленія, отвѣтъ предъ Богомъ въ совѣсти видящимъ, дать я долженъ. При сихъ то обстоятельствахъ, сколько разъ пролетала мысль и если былъ со мною мой безцѣнный почтенный Михаилъ Николаевичъ, сколько-бы убавилось моей заботы; онъ бы пособилъ мнѣ нести сію тяжесть и поднялъ-бы на свои плеча больше чѣмъ я поднять могу.» Въ заключеніе онъ упоминаетъ о дешевой, предложенной Муравьевымъ, покупкѣ въ сосѣднихъ губерніяхъ хлѣба избранными дворянами: «сія цѣна здѣсь удивляетъ. Но вы повѣрите, что сіи коммиссіонеры и умѣютъ и хотятъ добра. Вы, мой почтенный, положили основаніе сему избранію и вамъ я больше всѣхъ благодаренъ. Чтобы видѣть нищету въ гнѣздѣ ея, проѣзжалъ я изъ Ельни въ Рославль чрезъ болотистыя мѣста: тамъ то желалъ-бы я провести празднолюбцевъ разжирѣвшихъ въ счастіи и имъ показать состояніе человѣчества.».

Эти искреннія и даже трогательныя отношенія по-

[10]) Смотри Приложеніе II.

чтеннаго Д. Б. Мертваго къ молодому человѣку, въ то время незначительному помѣщику, представляютъ обоихъ въ весьма выгодномъ свѣтѣ. Не взирая на явный перевѣсъ своей опытности и знанія людей, почтенный сенаторъ, говорившій рѣзкія истины самому Аракчееву, не затруднился отдать справедливость двадцатипятилѣтнему Муравьеву, дружбу котораго считалъ для себя лестною и драгоцѣнною и которому приписывалъ успѣхъ своихъ дѣйствій по обезпеченію въ странѣ народнаго продовольствія.

Глава VI.

Литература тайныхъ обществъ въ Россіи. — Общія причины: отреченіе отъ престола цесаревича Константина Павловича. — Военныя поселенія и графъ Аракчеевъ. — Магницкій и Руничъ. — Возмущеніе Семеновскаго полка. — Возстановленіе Царства Польскаго. — Истинныя причины тайныхъ обществъ. — Арестъ М. Н. Муравьева. — Заточеніе. — Образованіе тайныхъ обществъ. — Пестель, авторъ Союза Спасенія. — Борьба съ нимъ Муравьевыхъ. — Ходъ этой борьбы по разсказу С. Н. Муравьева. — Планъ похода противъ Пестеля. — Наставленія стараго дипломата Бакунина. — Уставъ Союза Благоденствія. — Степень участія офицеровъ генеральнаго штаба въ тайныхъ обществахъ. — Принятіе устава Союза Благоденствія. — Кратковременное торжество и неудача Муравьевыхъ. — Выходъ изъ Союза. — Освобожденіе Муравьева изъ заточенія. — Важныя послѣдствія тайныхъ обществъ для Россіи. — Отношенія Императора Николая къ декабристамъ.

М. Н. Муравьевъ былъ прикосновенъ къ извѣстному дѣлу 14 декабря 1825 г. о тайныхъ злоумышленныхъ обществахъ. Для документальнаго изученія этихъ обществъ, возникшихъ въ послѣдніе годы царствованія императора Александра I, до весьма недавняго времени существовало только два источника: извѣстное всеподданнѣйшее

Донесеніе Слѣдственной Комиссіи отъ 30 мая 1826 г. и Донесеніе Варшавскаго Слѣдственнаго Комитета главнокомандующему польскою арміею великому князю Константину Павловичу отъ 22 декабря того же года, [1]) появившееся въ 1871 г. сочиненіе г. Богдановича: «Исторія царствованія императора Александра I» составляетъ затѣмъ единственный источникъ для изученія этого событія, на достовѣрность котораго можно положиться, такъ какъ авторъ имѣлъ случай пользоваться разсмотрѣніемъ подлиннаго дѣла. Весьма естественно, что при такомъ небогатствѣ обнародованныхъ объ этомъ дѣлѣ документовъ, оно остается понынѣ вообще мало выясненнымъ нашею литературою. Иностранные писатели, занимавшіеся новѣйшею

[1]) Донесеніе Слѣдственной Комиссіи было издано при „Сенатскихъ вѣдомостяхъ“ и газетахъ „Русскомъ Инвалидѣ“ и „Сѣверной Пчелѣ“. Кромѣ того, отпечатано по высочайшему повелѣнію особою книжкой при военной типографіи на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Донесеніе Варшавскаго Слѣдственнаго Комитета, по всѣмъ вѣроятіямъ, было сдѣлано первоначально на польскомъ языкѣ, ибо существуютъ два варіанта этого донесенія: одинъ изданный въ газетѣ „Русскій Инвалидъ“ 1827 г. въ іюнѣ, въ №№ 155—161. Этотъ варіантъ лучшій и въ немъ Варшавскій комитетъ названъ комиссіею. Вторый варіантъ варшавскаго донесенія изданъ отдѣльною книжкою въ 8 долю и безъ означенія типографіи. Но судя по шрифту нужно думать, что книжка выпущена въ свѣтъ изъ военной типографіи. Слогъ этого варіанта весьма небреженъ и мѣстами теменъ. Вообще говоря, Донесеніе Варшавскаго Комитета отличается чрезвычайною запутанностію, празднословіемъ, неполнотою и неумѣреннымъ желаніемъ оправдать и выгородить мятежныя стремленія польской шляхты. Неизвѣстно, понесла ли она заслуженную кару закона, но большинство лицъ, упоминаемыхъ въ донесеніи, встрѣчается потомъ въ рядахъ мятежной польской арміи въ 1831 г. Преданный Россіи графъ Красинскій отказался подписать это донесеніе.

исторіею Россіи, также не разъяснили происхожденія тогдашнихъ тайныхъ обществъ, закончившихъ свою политическую дѣятельность на Сенатской площади. Не болѣе помогли раскрытію истины поклонники декабристовъ и даже самые участники тайныхъ обществъ и декабрскаго возмущенія, изъ которыхъ многіе оставили весьма интересные разсказы о тогдашнихъ происшествіяхъ и собственныхъ злоключеніяхъ. Вообще всѣ изданныя ими въ недавнее время за границей записки въ высшей степени любопытны, хотя и представляютъ честолюбивые замыслы заговорщиковъ въ розовомъ свѣтѣ. Въ этихъ запискахъ очень мало можно найти искреннихъ указаній на ходъ заговора или настоящія побужденія заговорщиковъ; если же о томъ и говорится, то все какъ то вскользь или мимоходомъ, за то изложеніе длиннаго ряда страданій и несчастій иногда волнующихъ душу, даетъ обильныя свѣдѣнія о времени ихъ заточенія и ссылки. Но какъ этотъ предметъ принадлежитъ къ позднѣйшему періоду существованія декабристовъ и относится не къ публичной, а къ частной ихъ жизни, то и самое изложеніе, хотя и обаятельно дѣйствуетъ на чувства, но очень мало даетъ пищи для изслѣдователя, занятаго изученіемъ болѣе важныхъ и широкихъ явленій исторіи.

Одинъ изъ главнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ по своему уму и многостороннему образованію декабристовъ, Николай Тургеневъ, случайно избѣжавшій наказанія, издалъ за границею въ 1847 г. довольно объемистую книгу, въ которой подробно разобравъ при помощи французскаго адвоката Шедестанжа донесеніе слѣдственной коммисіи и приговоръ верховнаго уголовнаго суда, — представилъ оба эти документа, какъ произведенія пристрастныя и неимѣющія прочной юридической почвы. Но высказавшись въ этомъ разборѣ первымъ мученикомъ за

крестьянскую свободу, Тургеневъ въ то же время не затруднился заявить и свое горячее сочувствіе къ возстановленію независимой Польши изъ Русскихъ областей, населенныхъ нѣсколькими милліонами православныхъ крестьянъ, обрекая ихъ такимъ образомъ на самое тяжкое рабство. Появившаяся въ 1857 году книга барона М. А. Корфа: «Восшествіе на престолъ императора Николая I», въ которой объ образованіи тайныхъ обществъ въ Россіи даже и не упоминалось, подала поводъ къ изданію въ Лондонѣ возраженія, наполненнаго безусловными восхваленіями не только всѣхъ участниковъ тайныхъ обществъ, но даже и самаго возмущенія на площади 14 декабря 1825 года. Въ то же время появился въ Лондонѣ сборникъ, названный Герценомъ «Полярною Звѣздою», по имени альманаха, издававшагося въ С.-Петербургѣ съ 1823—1825 г. Кондратьемъ Рылѣевымъ и А. Бестужевымъ. На обверткѣ этого сборника въ медальонѣ изображены были профили пяти главнѣйшихъ участниковъ декабрскаго мятежа, заплатившихъ жизнію за свои политическія убѣжденія. Но и въ этихъ произведеніяхъ, изданныхъ тамъ, гдѣ печать никогда не стѣснялась въ своихъ сужденіяхъ о Россіи, нѣтъ однакожъ объясненія ни настоящихъ побужденій къ основанію тайныхъ обществъ, ни постепеннаго ихъ развитія, ни, наконецъ, тѣхъ загадочныхъ обстоятельствъ, которыя заставили ихъ въ несчастное утро 14 декабря обратиться къ грубой внѣшней силѣ оружія.

Теперь, когда прошло уже около полувѣка послѣ самаго событія; когда уже всѣ дѣятели тогдашнихъ тайныхъ обществъ одинъ за другимъ улеглись подъ снѣжными сугробами Сибири, когда и самое дѣло, надѣлавшее въ свое время столько шуму и тревоги, покрылось густымъ слоемъ архивной пыли, — можно судить спокойно и безпристрастно о тайныхъ обществахъ и объ участникахъ

14 декабря, на томъ простомъ основаніи, что люди, принявшіе на себя публичную дѣятельность, должны подлежать и публичному обсужденію. Безъ сомнѣнія, смѣшно бы было въ настоящее время приходить въ дѣтскій восторгъ отъ безплоднаго геройства людей 14 декабря, начавшихъ свою политическую дѣятельность съ тайныхъ обществъ и закончившихъ ее недостойнымъ обольщеніемъ простодушныхъ солдатъ, повѣрившихъ слову и чести своихъ начальниковъ и всю жизнь потомъ оплакивавшихъ свое простодушіе. Съ другой стороны нельзя имѣть никакого уваженія къ очевиднымъ вымысламъ и явной клеветѣ, встрѣчаемымъ въ недавно изданныхъ запискахъ одного автора, очевидно написанныхъ не столько для предостереженія будущихъ поколѣній отъ легкомысленныхъ увлеченій или для разъясненія сущности дѣла, сколько для лицемѣрнаго заявленія собственной благонамѣренности. Въ настоящее время насъ болѣе интересуютъ причины, породившія рядъ тайныхъ обществъ, безплодно потратившихъ свои силы на отысканіе новыхъ, болѣе европейскихъ, какъ тогда думали, формъ для нашего государственнаго строя. Не менѣе также любопытно и разрѣшеніе вопроса, какое мѣсто долженъ занять въ нашей исторіи эпизодъ о тайныхъ обществахъ съ кровавою развязкой 14 декабря?

Не измѣненіе порядка престолонаслѣдія, установленнаго императоромъ Павломъ I, и не вступленіе на престолъ великаго князя Николая Павловича помимо старшаго его брата, составляло причину тайныхъ обществъ, которыя, какъ видно изъ самаго Донесенія Слѣдственной Комиссіи, получили начало свое еще въ 1816 году, то есть еще въ то время, когда не было еще и рѣчи о брачномъ разводѣ великаго князя Константина Павловича и о вызванномъ этимъ разводомъ устраненіи его отъ наслѣдованія всероссійскаго престола. Хотя самый актъ отре-

ченія и составлялъ до кончины императора Александра I государственную тайну, но объ устраненіи великаго князя Константина Павловича отъ престола можно было однакоже догадываться изъ словъ манифеста 20 марта 1820 г., обнародованнаго въ самый день расторженія брака его съ великою княгинею Анною Өеодоровною. — Означеннымъ манифестомъ было торжественно объявлено, что лицо императорской фамиліи, вступившее въ брачный союзъ съ лицомъ, неимѣющимъ соотвѣтственнаго достоинства, то есть непринадлежащимъ ни къ какому царственному или владѣтельному дому, не можетъ сообщить ему правъ, принадлежащихъ членамъ императорской фамиліи, и что дѣти, отъ такого союза происшедшія, не имѣютъ права на наслѣдованіе престола. Хотя лично великій князь Константинъ Павловичъ и не былъ лишенъ правъ на престолонаслѣдіе и даже не наименованъ въ означенномъ манифестѣ; но истинный смыслъ и цѣль его не могли быть тайною ни для кого, ибо чрезвычайный случай, подавшій поводъ къ изданію манифеста, указывалъ прямо на великаго князя Константина Павловича, который былъ единственнымъ членомъ императорской фамиліи, вступившимъ въ бракъ съ лицомъ не принадлежавшимъ ни къ одному изъ владѣтельныхъ домовъ. Вторая супруга великаго князя, какъ извѣстно, принадлежала къ небогатой фамиліи Грудзинскихъ, изъ польской шляхты города Быдгоща (Бромберга). Уже по совершеніи бракосочетанія, указомъ отъ 4 августа, Іоанна Грудзинская получила для себя и своего потомства титулъ княгини Ловичской [2]), по имени по-

[2]) Въ изданной неизвѣстнымъ авторомъ въ 1867 г. брошюркѣ подъ заглавіемъ: „Воспоминанія о покойномъ генералъ-адъютантѣ Карлѣ Карловичѣ Мердерѣ“ говорится, будто княгиня Ловичская пользовалась титуломъ императорскаго высочества. Сколько намъ извѣстно, о бракѣ великаго князя Константина Павловича

жалованнаго императоромъ Александромъ великому князю въ 1816 г. мѣстечка Ловичъ, находящагося въ недальномъ разстояніи отъ Варшавы.

Во все продолжительное царствованіе императора Александра I-го, великій князь Константинъ Павловичъ не только не былъ объявленъ наслѣдникомъ престола, но, напротивъ, подъ самый конецъ жизни брата своего, силою вышеприведеннаго манифеста, поставленъ былъ въ необходимость отказаться отъ наслѣдованія престола, ибо вторая супруга его утрачивала возможность воспользоваться самыми важными послѣдствіями отъ брака, а потомство навсегда устранялось не только отъ престолонаслѣдія, но даже и отъ всѣхъ правъ, предоставленныхъ членамъ императорской фамиліи, въ томъ числѣ и титула императорскаго высочества.

Манифестъ 20 марта 1820 г. былъ дополнительнымъ актомъ учрежденія объ императорской фамиліи, установленнаго, какъ мы уже упомянули въ 1797 г. Въ силу этого учрежденія ни одинъ членъ императорскаго дома не имѣетъ права вступить въ брачный союзъ безъ согласія царствующаго государя. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что независимо отъ препятствій, долженствовавшихъ возникнуть при расторженіи брака со стороны духовной

не было, согласно установившемуся обычаю, оффиціальнаго объявленія. Слѣдовательно, бракъ сей принадлежалъ къ числу морганатическихъ, т. е. такихъ, когда жена не можетъ пользоваться правами и преимуществами, присвоенными высокому происхожденію супруга. Вслѣдствіе сего, имя княгини Ловичъ, какъ непринадлежавшей къ членамъ императорской фамиліи, не упоминалось на эктеніяхъ и титуломъ она не пользовалась. Вообще имя ея чрезвычайно рѣдко упоминается въ современныхъ оффиціальныхъ памятникахъ. Единственное исключеніе составляетъ, какъ кажется, наименованіе въ 1826 г. одного изъ фрегатовъ Балтійскаго флота ея именемъ.

власти, ни императоръ Александръ I, ни родительница его, императрица Марія Θеодоровна, не могли дать безусловнаго своего согласія на вторичный бракъ великаго князя Константина Павловича съ особою, которая по происхожденію своему и по воспитанію не только не могла возбудить къ себѣ довѣрія или сочувствія народа, но напротивъ возбуждала основательныя и весьма важныя его опасенія. Какъ въ политическомъ отношеніи, такъ и въ практической жизни, распоряженіе означеннаго манифеста было въ высшей степени благоразумно и полезно, въ особенности если принять во вниманіе случай, подавшій поводъ къ его обнародованію.

Государственный актъ этотъ, несомнѣнно свидѣтельствующій о дальновидности и патріотизмѣ императора Александра I-го, имѣлъ въ виду устраненіе тѣхъ многосложныхъ послѣдствій, которыя неминуемо должны были потрясти всѣ нравственныя основы нашего отечества, если бы на престолъ православной Россіи, и во главѣ императорской семьи явилась женщина, воспитанная въ предразсудкахъ и заблужденіяхъ латинства. Великій князь впрочемъ и самъ очень хорошо понималъ, что «женитьбою своею на полькѣ Грудзинской, онъ поставилъ себя относительно къ націи въ двусмысленное положеніе.» [3])

---

[3]) Великій князь Константинъ Павловичъ род. 27 апрѣля 1779 г., скончался въ Витебскѣ 15 іюня 1831 г. отъ холеры, къ которой подготовленъ былъ можетъ быть и душевными огорченіями. Благодаря его заботамъ была сформирована превосходная польская армія, въ тактическомъ образованіи которой намъ пришлось убѣдиться во время войны 1831 года. Великій князь поляковъ всегда называлъ: мои поляки, и, наконецъ, чтобы болѣе съ ними сблизиться, самъ женился на полькѣ. Конечно, мы теперь можемъ все это осуждать, но искренность, съ которою было совершено примиреніе двухъ народностей, со стороны нашего Государя и Государева Брата, не можетъ быть подвергнута сомнѣнію.

Вышеприведенныя обстоятельства, кажется, достаточно уже убѣждаютъ, что антиправительственная дѣятельность тайныхъ обществъ и наконецъ самое возмущеніе 14 декабря имѣли источникомъ вовсе не возстановленіе будто бы нарушенныхъ правъ великаго князя Константина Павловича, а какія-то иныя, болѣе отдаленныя по времени,

---

Можно упрекать Александра и Константина въ чрезмѣрномъ благодушіи, въ избыткѣ довѣрчивости, но нельзя отвергать высокой, идеальной честности побужденій, клонившихся къ благу Россіи и всего славянства. Въ письмахъ своихъ къ графу Густаву Штакельбергу, посланныхъ изъ Слонима и Витебска, великій князь описывалъ свое горестное положеніе и снѣдавшую его тоску при мысли, что вся Россія будетъ его винить за покровительство злѣйшимъ ея врагамъ, за то, что онъ ихъ образовалъ на погибель своихъ соотечественниковъ, что всѣ жертвы войны должны лечь камнемъ на его совѣсть. Эти душевныя страданія не давали покоя великому князю и, наконецъ, свели его въ могилу. Читая его предсмертныя письма, нѣтъ возможности удержаться отъ слезъ. Впрочемъ, не однѣ душевныя тревоги были причиною преждевременной смерти великаго князя: свели его также во гробъ и богатырскія привычки и крайнее неискусство докторовъ, окружавшихъ его смертный одръ. Онъ любилъ во всякую пору окачиваться холодною водою, а во время жаровъ тереться льдомъ; былъ охотникъ до жирныхъ, классическихъ блюдъ нашей кухни, особенно до кулебякъ. Неоправившись еще отъ простуды, послѣ вечерней прогулки по городу, онъ заговорился на крыльцѣ съ состоявшимъ при его особѣ контръ-адмираломъ Колзаковымъ и хотя почувствовалъ ознобъ, но покушалъ ягодъ со сливками. Передъ утромъ обнаружились признаки холеры. Единственный въ городѣ врачъ, умѣвшій пользовать отъ этой болѣзни, полковый лѣкарь Горскій, къ несчастью не былъ допущенъ къ великому князю Куришемъ, Гюбенталемъ и другими врачами, людьми пожилыми и неимѣвшими еще случая ознакомиться съ свойствами этой новой въ то время болѣзни, которую считали они заразительною. Около семи часовъ вечера его не стало. Въ смерти великаго князя заграничные писатели обвиняли графа Орлова, но дѣло въ томъ, что гр. Орловъ въ 1831 году въ Витебскѣ не бывалъ.

причины. Раскрытые варшавскимъ слѣдственнымъ комитетомъ и петербургскою коммиссію переговоры декабристовъ съ поляками объ умерщвленіи великаго князя также доказываютъ, что интересы цесаревича и даже самое существованіе его нисколько не совпадали съ видами заговорщиковъ.

Многіе полагаютъ, будто тайныя общества возбуждены были учрежденіемъ военныхъ поселеній и непомѣрнымъ властолюбіемъ завѣдывавшаго ими графа А. А. Аракчеева. Но при нѣсколько серьозной оцѣнкѣ событій окажется, что военныя поселенія не были плодомъ минутной прихоти или административной фантазіи, но государственною необходимостію, предъ которой нужно было преклониться болѣе или менѣе частнымъ интересамъ. Военныя поселенія были учреждены въ то тяжкое время, когда Россія была раззорена рядомъ непрерывныхъ войнъ съ Франціею, Швеціею, Турціею и на Кавказѣ, когда обнаружилось государственное банкротство въ 1809 г., пріостановлены были платежи казеннымъ подрядчикамъ, и не взирая на значительное возвышеніе налоговъ и совершенное почти прекращеніе государственныхъ работъ, казначейство не въ силахъ было удовлетворить, безъ пособія внѣшнихъ займовъ, чрезвычайныхъ расходовъ. Но еще разорительнѣе всѣхъ войнъ была для насъ континентальная система, совершенно убившая нашу внѣшнюю торговлю, а съ тѣмъ вмѣстѣ и самые важные источники доходовъ [4]). Такое отчаянное положеніе финансовъ побу-

[4]) Возникло множество невообразимыхъ въ настоящее время затрудненій, вслѣдствіе прекратившагося привоза такъ называемыхъ колоніальныхъ произведеній, напримѣръ, недостатокъ коркового или пробковаго дерева, составляющаго по видимому ничтожный предметъ ввозной торговли, произвелъ однакожъ тогда остановку въ продажѣ водки, которую нечѣмъ было закупоривать,

дило императора Александра прибѣгнуть къ чрезвычайнымъ мѣрамъ, необходимымъ для спасенія государства, отъ тѣхъ бѣдствій, которыя уже обратили остальную Европу въ провинціи французской имперіи. Одною изъ такихъ мѣръ и было учрежденіе военныхъ поселеній, допускавшее значительныя сокращенія въ самыхъ обременительныхъ для казны расходахъ — на содержаніе войскъ.

Въ исторіи Рима это учрежденіе занимало весьма почтенное мѣсто. Вся тайна продолжительнаго могущества римлянъ, ихъ вещественнаго благосостоянія и умственнаго превосходства, можетъ быть объяснена только глубокообдуманною системой поселенія въ завоеванныхъ областяхъ легіоновъ, всюду приносившихъ съ собою и своихъ боговъ, свои обычаи, законы, языкъ и литературу. Ничего почти не стоившее содержаніе многочисленныхъ римскихъ армій [5]) дало возможность государству сберечь несмѣтныя сокровища, поднять званіе римскаго гражданина до безпримѣрной высоты и оставить памятники искуствъ, изумляющіе отдаленное потомство своею громадностью и вѣковѣчностью.

а съ тѣмъ вмѣстѣ уменьшеніе самаго главнаго источника казенныхъ доходовъ. Такимъ образомъ, вопросъ закупориванія бутылокъ поднялся вдругъ на высоту государственнаго вопроса, надъ которымъ пришлось призадуматься. Одинъ чиновникъ министерства финансовъ, предложившій въ замѣнъ корковой пробки бумажную, свернутую по особому способу, выручилъ изъ затрудненія нашихъ финансистовъ, за что и былъ награжденъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени.

[5]) Области должны были содержать кромѣ легіоновъ, множество римскихъ чиновниковъ, получавшихъ, смотря по мѣсту, опредѣленные оклады деньгами и натурой. Въ числѣ отпусковъ послѣдняго рода, римское интендантство, на основаніи положенія, должно было снабжать губернатора провинціи, въ случаѣ если онъ не женатъ, одною наложницей, quod sine his esse non possent, сказано въ текстѣ.

Въ Австріи военныя поселенія также играли весьма важную роль. Военная граница, населенная воинственнымъ славянскимъ племенемъ, не разъ спасала Австрію отъ опустошительныхъ набѣговъ турокъ. Но справедливость требуетъ сказать, что военныя поселенія, принесшія для Австріи столько пользы и услугъ, находятся далеко не въ цвѣтущемъ состояніи, которое вообще объясняется тѣмъ, что поселенцы военной границы не принадлежатъ къ господствующему въ Австріи, германскому племени. Но нигдѣ военныя поселенія не представляютъ столь поучительнаго зрѣлища, какъ въ Швеціи. Здѣсь вся армія, со временъ Карла XI, уже въ теченіи двухъ вѣковъ, водворена на казенныхъ земляхъ, и начиная отъ генерала и до солдата, всѣ надѣлены соотвѣтственными участками земли. — Такимъ образомъ, во времена мира, лучшая часть населенія, цвѣтущая здоровьемъ и избыткомъ физическихъ силъ, не только не составляетъ для государства бремени, но и вноситъ въ общую сокровищницу народнаго богатства свою долю труда.

Учрежденіе военныхъ поселеній, удешевлявшее содержаніе войскъ, не было ново и въ Россіи. Заселеніе всѣхъ окраинъ нашего государства воинственными казаками, дѣтьми боярскими и дворянами существовало еще въ XV вѣкѣ. Во многихъ мѣстахъ поселенія эти устраивались даже вольными людьми и помимо всякаго правительственнаго вмѣшательства. На южныхъ и восточныхъ предѣлахъ русскаго племени, поселенія эти существуютъ и понынѣ въ своей старинной своеобычной формѣ казачьихъ войскъ, снабжающихъ нашу армію лучшими наѣздниками въ мірѣ. Что касается до первоначальной мысли устройства военныхъ поселеній, то она должна принадлежать искреннѣйшему патріоту и извѣстному финансисту, адмиралу Мордвинову, предложившему 10 іюня 1810 года, въ мнѣніи

своемъ, какъ предсѣдателя департамента экономіи въ государственномъ совѣтѣ, о надѣленіи войскъ землею изъ казенныхъ дачъ въ размѣрѣ 2000 десятинъ на каждый баталіонъ, съ тѣмъ, чтобы войска, занимаясь земледѣліемъ, озабочивались сами своимъ продовольствіемъ. Замѣчательно, что при обсужденіи этой государственной мѣры, вызванной крайнею запутанностію финансовъ, графъ Аракчеевъ всегда былъ на сторонѣ ея противниковъ. Проэктъ графа Мордвинова однакожъ полюбился императору Александру, и послѣ многихъ измѣненій, государь положилъ начало поселенію войскъ въ видѣ опыта и безъ огласки, еще въ 1811 г., въ Климовичскомъ старостве Могилевской губерніи, гдѣ и были водворены по одному баталіону изъ Полоцкаго и Елецкаго полковъ; но война 1812 года пріостановила дальнѣйшее развитіе этой мѣры. Съ окончаніемъ заграничныхъ войнъ запутанное состояніе нашихъ финансовъ не прекратилось; они находились въ томъ же положеніи, какъ и предъ отечественною войною. Очевидная необходимость капитальнаго исправленія этой важной отрасли государственнаго хозяйства не давала покоя императору Александру, на опытѣ извѣдавшему всю опасность внѣшнихъ займовъ. Послѣ всѣхъ жертвъ, понесенныхъ въ предшествовавшія войны, на нашу долю достались только неоплатные долги, слава и Польша, которую послѣ либеральнаго французскаго управленія, можно было уподобить выжатому лимону. Большая часть жителей западной половины Имперіи, опустошенной войною, не только не въ силахъ была платить подати, но еще просила о пособіи. При такихъ обстоятельствахъ весьма естественно должна была снова возникнуть мысль о военныхъ поселеніяхъ. Такъ и случилось: вслѣдъ за окончаніемъ заграничныхъ войнъ, 1 января 1815 года, когда, можно сказать, носился еще въ воздухѣ пороховой дымъ, состоялось Положеніе о

поселеніи Елецкаго полка. Въ 1817 году приступлено было къ постепенному водворенію на казенныхъ земляхъ Новгородской, а впослѣдствіи и Витебской губерніи нѣкоторой части войскъ, съ тѣмъ чтобы солдатъ, живя у крестьянина и помогая ему въ обработкѣ полей, продовольствовался уже отъ земли, а не отъ государства. Но подчиняя мирнаго земледѣльца постоянной военной диктатурѣ и мелочной регламентаціи, совершенно сковывавшей свободу его дѣйствій, правительству приходилось разрѣшить чрезвычайно трудную и почти невозможную задачу. Къ несчастію, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ насиліе и незаконныя дѣйствія администраціи простерлись до сумасбродства. Правительственные чиновники, чтобы составить опредѣленное число тяголъ въ деревнѣ, вѣнчали сотнями поселенныхъ солдатъ съ дочерьми крестьянъ по жребію, не спрашивая ихъ согласія. Были случаи, что многія дѣвушки, по совершеніи брачнаго обряда, при выходѣ изъ храма, предавали себя смерти. Даже самое поселенное хозяйство при началѣ не приносило ожидаемыхъ выгодъ. Нѣкоторыя изъ назначенныхъ на поселеніе войскъ должны были строить для себя новыя деревни. Бывъ высланы для сего въ мартѣ мѣсяцѣ, они располагались бивуаками на снѣгу, рубили лѣсъ и изъ сыраго дерева строили для себя избы, которыя должны были окончить къ началу полевыхъ работъ. Цѣлыя роты поражены были куриной слѣпотой. Несвоевременные и тяжкіе труды порождали въ войскахъ столь же великую смертность, какая бываетъ послѣ кровопролитнаго сраженія. Хотя всѣ эти безпорядки потомъ и были прекращены и управленіе совершенно измѣнилось, особенно въ послѣдующее царствованіе, послѣ новогородскаго возмущенія, [6]) но первоначальная дурная слава и всеобщее

[6]) Мнѣ доводилось слышать отъ нѣсколькихъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ дѣлами того времени и заслуживающихъ довѣріе,

недовѣріе къ военнымъ поселеніямъ преслѣдовали ихъ до конца существованія [7]). Та форма, по которой были осуществлены военныя поселенія, очевидно была непригодною для практики и, потому поселенія должны были пасть. За границею это учрежденіе было оцѣнено болѣе практически: иностранная журналистика разразилась рядомъ статей, указывавшихъ на возникновеніе въ Россіи новой механической силы, чрезвычайно грозной и опасной для спокойствія Европы.

Устройство поселеній было возложено на графа А. А. Аракчеева, оффиціально носившаго званіе предсѣдателя де-

что вслѣдъ за возстаніемъ польской шляхты въ 1830 году были высланы изъ Варшавы многіе эмиссары и для возмущенія Новогородскихъ военныхъ поселеній, но въ дѣлахъ, бывшихъ въ моихъ рукахъ, мнѣ не случалось однако встрѣчать какихъ либо свѣдѣній о наказаніи или поимкѣ эмиссаровъ.

[7]) Въ тѣ времена носились даже слухи, будто военныя поселенія не только не уменьшили издержекъ казны на содержаніе войскъ, для чего они собственно и были учреждены, но напротивъ ввели казну въ огромные расходы. Не вдаваясь въ разрѣшеніе финансоваго вопроса, мы полагаемъ однако не лишнимъ упомянуть, что въ апрѣлѣ 1826 года, когда Аракчеевъ испрашивалъ разрѣшенія, отправиться для поправленія здоровья къ Карлсбадскимъ водамъ, то въ письмѣ своемъ къ императору Николаю представилъ, что за всѣми расходами на содержаніе военныхъ поселеній, имѣется сбереженныхъ имъ и хранящихся въ наличности свыше 32-хъ милліоновъ рублей. Эти-то сбереженія и доставили возможность правительству не только сдѣлать всѣ необходимыя приготовленія, но и съ успѣхомъ окончить возгорѣвшуюся въ то время персидскую войну. Что касается до поселеннаго хозяйства, то оно находилось въ цвѣтущемъ состояніи. Въ поселеніяхъ неурожаевъ не знали; они снабжали Петербургъ въ изобиліи овсомъ, сѣномъ и другими произведеніями сельскаго хозяйства. Новогородскіе помѣщики и въ настоящее время придерживаются той же методы земледѣлія, которая заведена была въ поселеніяхъ, и признаютъ ее за лучшую.

партамента дѣлъ военныхъ въ государственномъ совѣтѣ, неоффиціально же онъ былъ довѣреннымъ лицомъ императора Александра, докладывавшимъ дѣла отъ всѣхъ министерствъ. Сынъ бѣднаго дворянина, безъ связей и протекцій, Аракчеевъ быстро возвысился изъ учителей математики до высшихъ должностей, благодаря только личнымъ своимъ дарованіямъ, необыкновенному уму, изумительному трудолюбію и едва ли не болѣе возбуждающему удивленіе безкорыстію. Пренебрегая связями съ знатью и незнакомый съ удовольствіями семейной и свѣтской жизни [8]), Аракчеевъ всецѣло посвятилъ себя службѣ государю, отъ котораго не принималъ ни наградъ, ни отличій. — Изъ орденовъ имѣлъ только пожалованные ему императоромъ Павломъ въ 1797 году Св. Анны и Александра Невскаго.

---

[8]) Графъ Аракчеевъ былъ женатъ на Хомутовой, съ которою жилъ врознь. Разлука произошла слѣдующимъ образомъ. Проѣзжая однажды по Итальянской улицѣ, Аракчеевъ замѣтилъ постройку большаго каменнаго дома. Узнавъ, что домъ строится оберъ-полицмейстеромъ, получающимъ 100,000 р. экстраординарной суммы на секретные расходы, Аракчеевъ доложилъ объ этомъ подозрительномъ обстоятельствѣ Государю. Состоялось высочайшее повелѣніе, произвести Аракчееву ревизію экстраординарной суммы. Оберъ-полицмейстеръ сталъ умолять Государя объ отмѣнѣ ревизіи, но приказано повиноваться. Книга тотчасъ же была представлена для ревизіи. Можно себѣ представить изумленіе Аракчеева, когда онъ прочелъ, что жена его два раза уже получила изъ этой суммы по 5,000 рублей. По обревизованіи книги, Аракчеевъ всю ночь проходилъ по кабинету. Рано утромъ приказалъ онъ своему камердинеру позвать жену, какъ только проснется. Когда она вошла къ нему въ кабинетъ, онъ встрѣтилъ ее словами: „вы, сударыня, изволите брать взятки съ полиціи?“ Я не понимаю, о чемъ вы говорите, сказала она. — „Я говорю, что вы взяли отъ оберъ-полицмейстера два раза по 5,000 рублей!“..... Я бы никогда ихъ не взяла, еслибъ маменька.... Но графъ не позволилъ ей продолжать и объявилъ тономъ, не допускавшимъ возраженій: „женщина, ко-

Императоръ однажды пожаловалъ ему свой портретъ, украшенный драгоцѣнными камнями для ношенія на шеѣ; Аракчеевъ принялъ портретъ, но брилліанты возвратилъ въ кабинетъ Его Величества. Во время пребыванія своего въ Парижѣ Александръ произвелъ графа Аракчеева въ фельдмаршалы, о чемъ собственноручный былъ уже написанъ рескриптъ, но онъ отказался и просилъ государя отмѣнить это пожалованіе. Говорятъ, что Аракчеевъ, если сохранилъ довѣренность къ себѣ императора Александра, то благодаря одному угодничеству и подлой лести [9]). Но стоитъ только подумать, бывалъ ли когда нибудь недостатокъ въ угодникахъ при дворахъ государей вообще и при дворѣ Александра въ особенности; все дѣло въ томъ, что Аракчеевъ имѣлъ и кой-какія иныя достоинства, которыхъ у другихъ угодниковъ не было. Къ тому же Александръ былъ не такой государь, котораго возможно бы было обманывать въ теченіи четверти столѣтія. Должно припомнить, какихъ просвѣщенныхъ и умныхъ докладчиковъ имѣлъ Александръ: Сперанскаго, Кочубея, Новосильцова

торая состоитъ на содержаніи тайной полиціи, не можетъ болѣе оставаться у меня въ домѣ. Извольте убираться куда хотите; чтобы черезъ часъ вашего духа у меня не пахло.“ Потомъ Аракчеевъ сдѣлалъ связь съ извѣстной Настасьей Минкиной, бывшей крѣпостной у помѣщика Ямбургскаго уѣзда Веймарна. Народъ прозывалъ её источницей, то есть: обворожительницей или ворожеей.

[9]) Никакое стремленіе угодить государю, никакія обстоятельства, не могли переломить его крутаго нрава. Онъ зналъ напримѣръ, что Государю не по сердцу его обхожденіе съ Кутайсовымъ; но сказать Кутайсову *вы* было выше силъ Аракчеева и онъ обходился съ нимъ по старинѣ, напоминавшей темное происхожденіе Кутайсова. Только въ царствованіе Александра, Аракчеевъ смягчился къ нему, какъ къ настоящему слугѣ Государя, общаго ихъ благодѣтеля. См. „Свѣд. о гр. А. А. Аракчеевѣ, соб. Ратчемъ.“ Воен. Сб. 1861 г. № 5.

и другихъ, докладывавшихъ каждый по своей специальности; но не взирая однакожъ на всѣ достоинства этихъ людей, перевѣсъ государева довѣрія всегда былъ на сторонѣ Аракчеева, завѣдывавшаго не одною, а всѣми отраслями государственнаго управленія. Вѣроятно кромѣ безкорыстія, государь цѣнилъ и другія качества Аракчеева; напримѣръ его распорядительность, благодаря которой такъ счастливо окончена финляндская война и наша разстроенная артиллерія доведена до высокой степени совершенства. Благодаря тому же Аракчееву обузданы страшныя расхищенія по коммисаріатской, провіантской, госпитальной и инженерной частямъ, съ которыми тщетно боролись всѣ наши прежніе администраторы. Очень можетъ быть, что государь оцѣнилъ и то чувство, которымъ руководился Аракчеевъ, предлагая первый въ 1812 г. назначить главнокомандующимъ арміями князя Кутузова, личнаго своего врага. Аракчеевъ былъ необходимъ для Александра, какъ неподкупный и вѣрный исполнитель его воли; онъ былъ необходимъ и для Россіи, желавшей освободиться отъ злоупотребленій, заразившихъ всѣ отрасли нашей администраціи. Говорятъ также, что Аракчеевъ былъ лишенъ всякаго образованія, но это едва ли справедливо: онъ былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ въ артиллерійскомъ и инженерномъ корпусѣ, гдѣ получали въ то время лучшее образованіе, откуда вышли полезнѣйшіе для службы дѣятели, откуда наконецъ вышелъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ дипломатовъ и полководцевъ — князь Кутузовъ - Смоленскій. Аракчеевъ за успѣхи въ наукахъ получилъ золотую медаль и былъ преподавателемъ еще до производства въ офицеры, а потомъ въ домѣ князя Салтыкова. Изъ языковъ Аракчеевъ зналъ только французскій, на которомъ впрочемъ не говорилъ. Онъ дѣйствительно не обладалъ свѣтскимъ образованіемъ, необходимымъ для дипломата

или царедворца, но на эти профессіи онъ никогда не предъявлялъ своихъ притязаній. За то никто изъ государственныхъ людей того времени не покровительствовалъ столько народному просвѣщенію *на дѣлѣ*, какъ Аракчеевъ; онъ постоянно слѣдилъ за обученіемъ поселянъ ремесламъ и поддерживалъ ланкастерскія школы до конца своего управленія. Уничтоженныя вездѣ, въ военныхъ поселеніяхъ эти школы просуществовали до тридцатыхъ годовъ и привели къ результатамъ, которые можно назвать утѣшительными [10]). Аракчеевскіе каллиграфы и чертежники славились своимъ искусствомъ, впослѣдствіи упавшимъ. Онъ былъ замѣчательнѣйшимъ военнымъ администраторомъ своего времени, которому равнаго тогда не имѣло ни одно изъ европейскихъ государствъ. Врагъ всякихъ увлеченій, безстрастный систематикъ, превосходный дѣлецъ, изучившій до малѣйшихъ подробностей всѣ части административнаго механизма, Аракчеевъ никогда не удовлетворялся однимъ бумажнымъ распоряженіемъ, но требовалъ быстраго и точнаго исполненія на самомъ дѣлѣ. Своимъ приближеннымъ онъ часто говаривалъ: «мы все сдѣлаемъ; отъ насъ русскихъ нужно требовать невозможнаго, чтобы достичь возможнаго.» Необходительный, своеобычный и жесткій въ обхожденіи, онъ считалъ людей за алгебраическіе знаки, годные лишь для разрѣшенія извѣстныхъ государственныхъ задачъ. Безъ пощады преслѣдуя расплодившіяся въ то время взяточничество, нерадѣніе и бездѣйствіе, онъ былъ истиннымъ бичомъ для всѣхъ, кто не подчинялся его желѣзной волѣ: однихъ

[10]) Изъ дѣлъ Комитета для учрежденія училищъ взаимнаго обученія видно, что въ 1828 году въ округахъ военнаго поселенія школъ по методѣ взаимнаго обученія было 198, въ коихъ находилось учащихся 21,362 человѣка. Дѣло 1831 года, картонъ № 516.

предавалъ слѣдствію и суду, другихъ противъ желанія удерживалъ на службѣ, третьихъ подвергалъ самому строгому контролю. «Я знаю, что меня крѣпко бранятъ, говорилъ Аракчеевъ, но что же дѣлать; вѣдь дѣти всегда плачутъ, когда ихъ моютъ.» — За свою преслѣдовательность онъ пріобрѣлъ отъ своихъ современниковъ славу самовластнаго и жестокосердаго временщика.

Грубый и безчеловѣчный, особенно при началѣ своего поприща, Аракчеевъ былъ сынъ своего суроваго времени. Какъ ни ненавистна была для современниковъ, въ томъ числѣ и декабристовъ, желѣзная и угрюмая личность Аракчеева, но для потомства она представляется нѣсколько иначе. Не можетъ же оно смотрѣть на государственнаго человѣка, управлявшаго важнѣйшими дѣлами въ имперіи и бывшаго въ теченіи двадцати лѣтъ ближайшимъ совѣтникомъ и правою рукою просвѣщеннѣйшаго изъ европейскихъ государей, глазами людей, выгнанныхъ имъ изъ службы за пороки или неспособность; не можетъ же оно, подобно современникамъ, любоваться безъ конца одними дрязгами его домашней жизни и въ то же время оставлять безъ вниманія его заслуги, его безкорыстіе, съ которымъ могло сравниться только безкорыстіе одного Румянцова, его государственную дѣятельность и, наконецъ, завѣщаніе всего имущества на пользу общую [11]). До сихъ

---

[11]) Для характеристики графа Аракчеева, мы полагаемъ не лишнимъ прибавить нѣсколько собранныхъ нами замѣтокъ. Однажды когда Сперанскій, прогостивъ у него нѣсколько дней въ с. Грузинѣ, сталъ уѣзжать, то Аракчеевъ, простившись съ нимъ, долго еще провожалъ глазами удалявшійся экипажъ Сперанскаго, и когда тотъ скрылся изъ виду, то онъ сказалъ бывшему тутъ-же соборному грузинскому протоіерею Николаю Степановичу Ильинскому: „еслибъ мнѣ Богъ далъ только четвертую долю его ума, то я былъ бы великимъ человѣкомъ.“ Когда возникли сомнѣнія

поръ еще не имѣется въ виду, да и едва-ли когда нибудь отыщется какое либо современное свидѣтельство, удосто-

---

объ отпускѣ Карамзину изъ государственнаго казначейства денегъ на отпечатаніе его Исторіи, то Аракчеевъ поручилъ передать ему, что въ случаѣ, если по какимъ либо причинамъ казна не выдастъ ему просимыхъ денегъ, то онъ съ удовольствіемъ предложилъ бы ему 50 т. для сего изданія. Въ пріемной залѣ Аракчеева собиралось до ста лицъ, ожидавшихъ его съ рапортами, докладами и для представленій по разнымъ случаямъ. Въ числѣ другихъ ожидали выхода графа иногда болѣе получаса и великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ. Аракчеевъ, войдя въ залу, обыкновенно садился на диванъ и начиналъ принимать рапорты отъ начальниковъ разныхъ частей, выслушивалъ ихъ донесенія, дѣлалъ вопросы и замѣчанія. Спустя минутъ пять, или десять, онъ обращался къ великимъ князьямъ, которые между тѣмъ все время стояли: „можете сѣсть, Ваше Высочество", говорилъ онъ, обводя глазами великихъ князей и съ едва примѣтнымъ наклоненіемъ головы. Будущій владыко Россіи безъ малѣйшаго признака неудовольствія или нетерпѣнія подчинялся суровымъ требованіемъ службы. Эти продолжительныя ожиданія въ пріемной и поздніе приглашенія великихъ князей сѣсть, происходили каждый разъ и всегда однообразно, такъ что подавали поводъ, предполагать, что дѣлались по извѣстной программѣ, предписанной самимъ императоромъ. Кончина императора Александра повергла Аракчеева въ неописанную горесть, едва не помрачившую его разсудокъ. Онъ сдѣлался сосредоточенъ, задумчивъ и печаль свою обнаруживалъ въ какой-то необычайной и своеобразной формѣ. Если онъ обѣдалъ одинъ, то на столъ ставились два куверта и если въ саду, то столъ накрывался возлѣ бюста императора Александра Павловича, предъ которымъ и ставился другой кувертъ. На младшемъ мѣстѣ садился самъ Аракчеевъ. Когда по окончаніи обѣда, подносили кофе, то предъ бюстомъ государя, окруженномъ цвѣтами, онъ почтительно ставилъ чашку, изъ которой покойный императоръ всегда кушалъ кофе, когда бывалъ въ Грузинѣ, а другую, обыкновенную, ставилъ предъ собою. Просидѣвъ около часа въ размышленіи, Аракчеевъ вставалъ изъ за стола и бережно выливалъ кофе изъ государевой чашки на цвѣты.

вѣряющее, чтобы деспотизмъ Аракчеева или злокачественность военныхъ поселеній столкнули декабристовъ въ тайныя общества. Очевидно, что жестокосердіе Аракчеева и народныя страданія не вошли въ списокъ причинъ, породившихъ тайныя общества, которыя основались и созрѣвали подъ вліяніемъ какихъ-то иныхъ, не столь осязательныхъ побужденій.

Полагаютъ также, будто тайныя общества были возбуждены неблагоразумными дѣйствіями Магницкаго и Рунича, двухъ вліятельныхъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія, стремившихся подъ видомъ интересовъ православія и верховной власти къ удовлетворенію затѣй собственнаго честолюбія. Преувеличенными донесеніями своими они полагали возбудить правительство даже противъ самаго существованія университетовъ, представляя ихъ разсадниками невѣрія и нравственнаго растлѣнія, угрожающими спокойствію государства. Изъ сохранившихся дѣлъ министерства видно, что въ главномъ правленіи училищъ былъ поднятъ вопросъ объ упраздненіи казанскаго университета; но по счастію одинъ изъ членовъ правленія, просвѣщенный С. С. Уваровъ, отстоялъ существованіе этого разсадника науки. Въ представленномъ мнѣніи, онъ съ благородною откровенностію далъ замѣтить всю несообразность увлеченій Магницкаго, заставившихъ, какъ онъ выразился, «министерство народнаго просвѣщенія вмѣсто основанія или усовершенствованія высшихъ училищъ и распространенія всѣхъ способовъ ученія, разсуждать предъ лицомъ отечества о преданіи политической смерти одного изъ русскихъ университетовъ, съ толикимъ трудомъ сооруженныхъ.» — Но тогдашніе университетскіе безпорядки, равно какъ и ошибочныя дѣйствія Магницкаго и Рунича принадлежатъ къ явленіямъ весьма обыкновеннымъ и даже неразлучнымъ

съ жизнію всѣхъ подобныхъ учрежденій. Кромѣ отсутствія какихъ либо свидѣтельствъ, указывающихъ на связь тогдашнихъ университетскихъ безпорядковъ съ тайными обществами, необходимо также имѣть въ виду, что проэктъ Магницкаго объ упраздненіи казанскаго университета и слѣдствіе, произведенное Руничемъ при с.-петербургскомъ университетѣ случились въ 1819 и концѣ 1821 годовъ, слѣдовательно спустя уже много лѣтъ послѣ основанія тайныхъ обществъ. Что касается до вольномыслія университетской науки, о которомъ такъ много въ то время говорили, то оно не доставило въ тайныя общества ни одного профессора и, сколько извѣстно, ни одного студента изъ вышеуказанныхъ двухъ университетовъ.

Столь же неосновательно и предположеніе, будто строгія мѣры, принятыя правительствомъ по поводу возмущенія Семеновскаго полка, послужили поводомъ къ образованію тайныхъ обществъ.

Истинною и единственною причиною возмущенія было вовсе не жестокосердіе полковника Шварца, а назначеніе полковаго командира въ гвардейскій полкъ изъ арміи. Въ этомъ назначеніи гвардейскіе офицеры видѣли не только нарушеніе привилегіи своей, освященной временемъ, снабжать армію полковыми командирами, но и нововведеніе, невыгодное для ихъ движенія по службѣ и подчиняющее гвардію общимъ военнымъ законамъ, безразлично относящимся ко всѣмъ чинамъ русской арміи. Въ возникшемъ отсюда неудовольствіи офицеровъ и нужно отыскивать ключа къ раскрытію настоящихъ причинъ этого печальнаго событія. Безъ этой тайной побудительной причины не возможно было бы объяснить, почему самыя законныя и дѣльныя требованія полковника Шварца могли подать поводъ къ непокорности, безпримѣрной

въ нашихъ войскахъ. Такъ какъ истинныя причины этого событія вообще малоизвѣстны и оно еще не имѣло правильной и правдивой оцѣнки, то мы полагаемъ не лишнимъ представить по этому предмету нѣсколько свѣдѣній, добытыхъ нами изъ архивовъ и изъ устъ многихъ современниковъ, видѣвшихъ событіе и знавшихъ Шварца. [12])

По окончаніи заграничныхъ войнъ, семеновскій полкъ, сформированный изъ молодыхъ и необыкновенно красивыхъ людей, былъ лучшимъ по своему составу изъ всей гвардіи. Общество офицеровъ также отличалось отъ прочихъ гвардейскихъ полковъ: многіе изъ нихъ принадлежали къ весьма богатымъ дворянскимъ фамиліямъ. Извѣстные лично государю, который былъ шефомъ полка, они пользовались нѣкоторыми снисхожденіями начальства, имѣли доступъ въ высшее петербургское общество и какъ люди, которымъ судьба сулила въ будущемъ львиную долю почестей, богатства и власти, держали себя въ отношеніи прочихъ офицеровъ гвардіи съ тою самоувѣренностію и холодною вѣжливостію, которыя болѣе напо-

---

[12]) До настоящаго времени всѣ свѣдѣнія о семеновской исторіи основывались исключительно на показаніяхъ офицеровъ семеновскаго полка, имѣвшихъ причину представлять дѣло въ выгодномъ для себя свѣтѣ. Для изложенія нашего разсказа, мы прочли никѣмъ еще не тронутое громадное подлинное дѣло о возмущеніи л. гв. семеновскаго полка въ шести большихъ связкахъ изъ архива бывшаго аудиторіатскаго департамента и кромѣ того пользовались показаніями современниковъ, знавшихъ и закулисную, неоффиціальную сторону дѣла: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника А. А. Жандра, генералъ-лейтенантовъ П. П. Пущина, П. М. Дарагана, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Е. Н. Разсказова и другихъ, благоволившихъ сообщить свои воспоминанія. Не могли также оставить безъ вниманія и показаній нижнихъ чиновъ, свидѣтельствовавшихъ, „что всему дѣлу виною были господа.“

минали о покровительствѣ, чѣмъ о простотѣ отношеній, обыкновенно существующихъ между товарищами по ремеслу. Полковый командиръ былъ знатный и богатый баричъ, генералъ-адъютантъ Потемкинъ—личность добродушная, представительная и надѣленная всѣми благами фортуны. Службою онъ мало занимался и смотрѣлъ сквозь пальцы на всѣ отступленія отъ служебныхъ порядковъ своихъ подчиненныхъ. Въ тѣ времена въ гвардейскихъ полкахъ, и особенно въ семеновскомъ полку, господствовали привычки барства, въ силу котораго офицеры никогда не являлись на ротныя и одиночныя ученья и считали дѣломъ недостойнымъ своего призванія заниматься обученіемъ людей, пригонкою одежды и аммуниціи или подробностями солдатской жизни. [13]) На разводы и полковыя или баталіонныя ученья они обыкновенно пріѣзжали въ каретахъ уже на самый плацъ или въ манежъ и, по окончаніи, не слѣдовали вмѣстѣ съ солдатами въ казармы, а тотчасъ же разъѣзжались по домамъ. Всѣ

[13]) Нѣкоторые писатели увѣряютъ, будто благодаря необыкновенно просвѣщеннымъ и гуманнымъ взглядамъ семеновскихъ офицеровъ процвѣтала въ этомъ полку грамотность, и обращеніе съ нижними чинами было столь деликатно, что тѣлесныя наказанія совершенно упразднились. Архивныя дѣла однако же свидѣтельствуютъ противное: только въ одномъ семеновскомъ полку и не было ланкастерскихъ школъ, устроенныхъ въ прочихъ полкахъ гвардіи. Трудно также повѣрить и сердобольному обхожденію офицеровъ съ подчиненными, когда одинъ поручикъ этого полка за нѣсколько дней до возмущенія за ничтожный проступокъ далъ солдату 500 палокъ и потомъ хотѣлъ повторить это наказаніе, вынудившее солдата къ побѣгу. Что касается до произвольнаго упраздненія тѣлесныхъ наказаній по прихоти офицеровъ одного полка, то такое дѣйствіе, подрывающее дисциплину въ прочихъ частяхъ арміи, едвали можетъ заслуживать похвалу или одобреніе, тѣмъ болѣе, что награды и наказанія опредѣлены военными законами.

детали внутренняго управленія и хозяйственной части полка находились въ рукахъ фельдфебелей, искусныхъ, но своекорыстныхъ знатоковъ военнаго хозяйства. По временамъ Государь снисходительно замѣчалъ дурную пригонку или неформенную одежду на людяхъ. Въ 1819 году на смотру новгородскаго гарнизоннаго баталіона Государь нѣсколько разъ повторилъ, что Волковъ (генералъ-маіоръ, комендантъ новгородскій) одѣлъ гарнизонныхъ солдатъ лучше семеновскаго полка. Очень можетъ быть, что до слуха Государя доходили и смутныя извѣстія о частыхъ сходкахъ на квартирѣ Сергѣя Муравьева-Апостола и князя Трубецкаго, гдѣ въ то время собирались будущіе декабристы, семеновскіе офицеры: Матвѣй Муравьевъ-Апостолъ, Якушкинъ, князь Шаховской, Толстой, Тютчевъ, юнкеръ Бестужевъ-Рюминъ и другіе. Изъ словъ князя Меншикова, бывшаго проѣздомъ около того времени въ Москвѣ, видно, что императоръ Александръ былъ извѣстенъ о какихъ-то тайныхъ обществахъ между военными. [14]) Какъ бы то ни было, но Государь счелъ нужнымъ назначить новаго полковаго командира въ семеновскій полкъ. Его выборъ палъ на лучшаго изъ полковыхъ командировъ гренадерскаго корпуса, полковника Шварца, человѣка строгаго и безко-

---

[14]) За нѣсколько недѣль до семеновскаго возмущенія, когда Государь былъ еще въ Петербургѣ, ген.-адъют. Васильчиковъ получилъ отъ одного лица сообщеніе для донесенія Государю о существованіи обширнаго тайнаго политическаго общества, въ которомъ принимали участіе семеновскіе офицеры. Замѣчательно, что Потемкинъ никогда и не подозрѣвалъ о существовавшемъ въ его полку въ продолженіи четырехъ лѣтъ тайномъ политическомъ обществѣ, не подозрѣвалъ, что офицеръ его полка, князь Ѳедоръ Шаховскій, въ октябрѣ 1818 года предлагалъ воспользоваться временемъ, когда семеновскій полкъ будетъ стоять въ караулѣ, для совершенія злодѣйскаго умысла.

рыстнаго, лично извѣстнаго государю по своей храбрости и заслугамъ въ предшествовавшія войны. Шварцъ, бѣдный смоленскій дворянинъ, не имѣвшій никакихъ протекцій, въ теченіе десяти лѣтъ офицерской службы въ арміи, получилъ всѣ чины и ордена за отличіе въ сраженіяхъ. Въ ноябрѣ 1819 года онъ былъ назначенъ командующимъ л. гв. гренадерскимъ полкомъ, а въ половинѣ марта слѣдующаго года переведенъ въ семеновскій полкъ и вслѣдъ за тѣмъ 9 апрѣля 1820 года назначенъ командиромъ этаго полка.

Нечаянное назначеніе новаго полковаго командира изъ арміи совершенно опрокинуло честолюбивые планы офицеровъ, расчитывавшихъ занять мѣсто Потемкина или воспользоваться открывшимися по этому случаю вакансіями для производства въ слѣдующіе чины. Кромѣ того семеновскіе офицеры, у которыхъ при прежнемъ безпечномъ командирѣ полка спокойно собирались всѣ члены тайнаго общества, предчувствовали, что отъ зоркихъ глазъ Шварца не долго будутъ сокрыты ихъ политическія бесѣды. Отсюда началась непримиримая вражда офицеровъ къ Шварцу, окончившаяся его паденіемъ и раскассированіемъ семеновскаго полка. Изъ подлиннаго военно-суднаго дѣла видно, что не прошло еще и мѣсяца со дня перевода Шварца въ семеновскій полкъ, какъ штабъ-офицеры секретно и частнымъ образомъ пріѣзжали къ начальнику штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютанту Бенкендорфу, сообщить о неудовольствіи полка на своего полковаго командира за грубое и строгое его обращеніе съ нижними чинами. Впослѣдствіи, когда учреждена была военно-судная коммисія, то означенные полковники не представили никакого доказательства, что нижніе чины точно жаловались тогда на полковника Шварца. Изъ донесенія же, представленнаго въ комиссію Бенкендорфомъ,

видно, что дѣло шло главнымъ образомъ о неудовольствіи офицеровъ, а не нижнихъ чиновъ, и что офицеры домогались смѣщенія, своего полковаго командира. «Если поступки полковника Шварца, писалъ Бенкендорфъ, возбудили ропотъ офицеровъ, то въ то время, когда я имѣлъ помянутый разговоръ, офицеры должны были знать, сколько не достаточно одного мѣсяца, какъ для оправданія ихъ ропота, такъ и для доказательства неспособности Шварца командовать полкомъ.»

Взгляды новаго полковаго командира на обязанности службы и солдатскую собственность отличались строгою легальностью. Замѣтивъ, что отъ нижнихъ чиновъ требуютъ исправленія аммуниціи за свои деньги, Шварцъ приказомъ по полку 11-го мая обязалъ ротныхъ командировъ, ни подъ какимъ видомъ, не дозволять людямъ покупать на свои деньги казенныхъ вещей, а еще болѣе исправлять ихъ изъ артельной суммы. Весьма естественно, что вновь заводимые Шварцомъ порядки, переранжировка людей, смотры по десяткамъ одежды и аммуниціи, производимые всегда имъ лично, не могли понравиться офицерамъ, которые должны были при томъ присутствовать. Показывая пренебреженіе къ смотрамъ своего полковаго командира, не только ротные командиры, но какъ по суду оказалось, даже полковники отпрашивались отъ нихъ подъ самыми пустыми предлогами, не скрывали своего неудовольствія къ Шварцу передъ нижними чинами и даже въ присутствіи ихъ громко осуждали и подвергали насмѣшкамъ дѣйствія своего начальника. [15]) Одинъ изъ

[15]) О двусмысленномъ поведеніи семеновскихъ офицеровъ писалъ тогда флигель-адъютантъ Д. П. Бутурлинъ къ князю Волконскому, находившемуся въ то время при Государѣ въ Троппавѣ, слѣдующее: Les esprits s'aigrissaient de plus en plus. Les officiers y contribuaient par les imprudentes conversations, qu'ils se permettaient en présence

современниковъ разсказываетъ, что шалости ихъ однажды простерлись до того, что они подговорили за деньги одного жида, продавца колецъ и перстней, ходить по казармамъ и разглашать между солдатами, будто Шварцъ ему, жиду, родной братъ. Около того же времени стали носиться по городу какіе то невѣроятные слухи о чудовищной жестокости Шварца, будто онъ засѣкаетъ солдатъ до смерти, заставляетъ ихъ голыхъ маршировать и распариваетъ имъ въ банѣ колѣна и ступни для полученія игры въ носкѣ.

Назначенные Шварцомъ раза по два или по три въ недѣлю осмотры аммуниціи на двухъ или трехъ десяткахъ солдатъ и были поводомъ къ возмущенію роты Его Величества, заключавшемуся въ томъ, что 16 октября 1820 г., въ 10 часу вечера, она безъ приказанія, подъ предлогомъ переклички, построилась для принесенія ротному командиру капитану Кашкарову коллективной жалобы объ отмѣнѣ назначеннаго на слѣдующій день смотра одному десятку, а также о нежеланіи солдатъ служить съ полковникомъ Шварцомъ. Кашкаровъ, вмѣсто вразумленія нижнихъ чиновъ, сказалъ имъ: «что жъ дѣлать братцы, я и самъ знаю, что вамъ трудно.» По нашимъ законамъ, принесе-

des soldats, et qui avaient pour objet de diffamer encore davantage leur chef, en relevant avec âpreté tout ce qu'il y avait de répréhensible dans sa conduite. Въ другомъ мѣстѣ онъ присовокупляетъ: Les officiers semblent flotter entre la crainte de la honte, qui va rejaillir sur leur corps et le plaisir de se voir vengés de Schwartz. *Исторія царствованія императора Александра*, генералъ-лейтенанта М. И. Богдановича, кн. V, стр. 512. Жихаревъ, ближайшій другъ извѣстнаго Чаадаева, въ біографіи его опредѣлительно говоритъ, что возмущеніе было произведено офицерами, подстрекавшими солдатъ противъ своего полковаго командира. См. *Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ*. Вѣстникъ Европы. 1871 г. кн: VII, стр. 198.

ніе жалобъ нижними чинами дозволяется только на инспекторскомъ смотру или по начальству, и то не иначе, какъ каждому за себя, а не за другихъ; всякія же сходки для составленія или принесенія общихъ просьбъ или жалобъ во всѣхъ благоустроенныхъ арміяхъ составляютъ одно изъ самыхъ тяжкихъ преступленій, за которое, по нашимъ законамъ того времени, виновные должны были подвергнуться смертной казни. Послѣ безплодныхъ увѣщаній начальникомъ штаба, командовавшій корпусомъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ приказалъ привести роту въ манежъ, спросилъ её, но не встрѣтивъ раскаянія, объявилъ нижнимъ чинамъ, что предаетъ ихъ суду и аресту въ Петропавловской крѣпости. Когда вѣсть объ арестованіи роты Его Величества пронеслась по полку, то въ ночь съ 17 на 18 октября, остальныя роты 1-го баталіона также самовольно собрались и стали требовать чрезъ ротныхъ командировъ освобожденія арестованной роты. — Утромъ 18 октября почти весь полкъ былъ въ сборѣ на полковомъ дворѣ, и когда, пріѣхавшіе одинъ за другимъ, начальникъ штаба, генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ и, наконецъ, командовавшій корпусомъ приказывали солдатамъ построиться къ инспекторскому смотру, то 2 и 3 баталіоны хотя и начали было выстраиваться, но люди первыхъ трехъ фузелерныхъ ротъ ихъ расталкивали и кричали изъ толпы объ освобожденіи государевой роты. Тогда генералъ-адъютантъ Васильчиковъ отправилъ весь семеновскій полкъ подъ арестъ въ Петропавловскую крѣпость. Полковникъ Шварцъ, у котораго ночью были выбиты въ квартирѣ стекла, и конюхъ, удерживавшій солдатъ отъ буйства, подвергся побоямъ, не рѣшился выйдти къ полку, почему и былъ отрѣшенъ генералъ-адъютантомъ Васильчиковымъ отъ командованія полкомъ. Послѣ того были наряжены изъ гвардейскихъ штабъ-

офицеровъ двѣ военно-судныя комиссіи подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютантовъ: А. Ѳ. Орлова и В. В. Левашова: одна надъ полковникомъ Шварцомъ, а другая надъ нижними чинами семеновскаго полка. Всѣ дѣйствія Шварца въ продолженіи семимѣсячнаго командованія полкомъ, всѣ распоряженія и взысканія его подвергнуты были самому тщательному разсмотрѣнію и съ строгостію, не допускавшею и мысли о малѣйшемъ ему послабленіи или снисхожденіи. Генералъ-аудиторъ Булычевъ простеръ свою строгость до того, что обвинилъ Шварца за неотпускъ будто бы имъ нижнихъ чиновъ на работу, отъ чего полкъ остался безъ денегъ; когда же по вѣдомостямъ оказалось, что семеновскій полкъ, по количеству выработанныхъ денегъ, былъ богаче другихъ и стоялъ на второмъ мѣстѣ, то вмѣсто того, чтобы сознаться въ несосновательности своего обвиненія, Булычевъ написалъ, что ему остается только удивляться. Офицеры не щадили Шварца и показывали на судѣ, что нижніе чины, приносившіе на него жалобы въ ордонансгаузѣ, были потомъ жестоко наказываемы. Но оказалось, что всѣ наказанія производимы были по предписаніямъ свыше и приказами по полку за весьма важные проступки и даже преступленія, напримѣръ за побѣги; что же касается до жалобъ въ ордонансгаузѣ, то по донесенію коменданта отъ 21 февраля, «на лицо Шварца не поступило ни одной жалобы, а была одна на фельдфебеля Воронова, а другая на завѣдывавшаго швальней поручика Анненкова, но по двумъ слѣдствіямъ, произведеннымъ по симъ жалобамъ по предписанію командовавшаго корпусомъ, оказались они несправедливыми». Кромѣ того Шварцъ обвинялся сослуживцами въ чрезмѣрномъ отягощеніи нижнихъ чиновъ ученьями, отъ чего происходило большое заболѣванье и смертность; что не отпускалъ солдатъ на работу; чрезъ

что полкъ остался безъ денегъ, что по корыстолюбію своему, приказывалъ солдатамъ выметать изъ подъ ларей соръ и выносить его изъ казармы во дворъ, тогда какъ на очистку ямъ отпускалась особая сумма. Но по изслѣдованію оказалось, что ученья производились не чаще, какъ и въ другихъ полкахъ, что больныхъ въ тотъ же періодъ времени, при генералъ-адъютантѣ Потемкинѣ, поступило въ полковый госпиталь 1312 и умерло 28 человѣкъ, тогда какъ въ командованіе Шварца отправленныхъ въ госпиталь было только 1001 и умерло 22 человѣка; что по количеству выработанныхъ денегъ только одинъ полкъ былъ богаче семеновскаго, заработавшаго 29,777 руб. 99 коп.; что очистка ямъ производилась не солдатами, а подрядчикомъ по заключенному контракту; метеніе же ларей и выносъ сора, какъ мѣра опрятности и предохраненія казармъ отъ гнилости, и прежде исполнялись самими нижними чинами.

Но, къ несчастію Шварца, онъ однако же не могъ оправдаться предъ судомъ въ томъ, что не вышелъ къ полку во время возмущенія, что передъ церковными парадами училъ солдатъ такъ долго, что они приходили въ церковь къ половинѣ обѣдни; что, въ нарушеніе закона, наказалъ 20-ю фухтелями двухъ нижнихъ чиновъ, имѣвшихъ знаки отличія военнаго ордена; что приказалъ плевать на подгулявшаго, разстегнутаго и замочившаго чѣмъ-то бѣлыя панталоны стрѣлка Бойченку, который, желая пройти въ свое мѣсто между шереногъ, разстроилъ фронтъ. За всѣ сіи вины полковникъ Шварцъ, приговоренный сначала къ смертной казни чрезъ повѣшеніе, былъ отставленъ отъ службы съ тѣмъ, чтобы впредь никуда не принимать. Нынѣ, по разсмотрѣніи этого печальнаго дѣла, человѣчество кажется можетъ утѣшиться, если въ нашей исторіи однимъ жестокимъ человѣкомъ сдѣлалось менѣе. Безпри-

страстіе требуетъ сказать, что Шварцъ, до назначенія въ семеновскій полкъ, уже командовалъ двумя полками и ни въ одномъ не имѣлъ репутаціи жестокосердаго, надоѣдающаго или безтолковаго командира. Черезъ два года по отставленіи Шварца, онъ былъ снова принятъ на службу прежнимъ полковничьимъ чиномъ — лучшее доказательство, что настоящія причины возмущенія полка заключались не въ личности Шварца, а въ томъ подстреканіи и направленіи умовъ нижнихъ чиновъ постороннимъ внушеніемъ, о которыхъ доносилъ генералъ-адъютантъ Васильчиковъ во всеподданнѣйшемъ своемъ мнѣніи. Нельзя также оставить безъ вниманія одну весьма характеристическую черту Шварца, рѣдко встрѣчавшуюся между его современниками и совершенно упущенную изъ виду позднѣйшимъ поколѣніемъ. Когда въ военно-судную комиссію предъявлены были обвиненія въ корыстолюбіи его и сдѣланы недобросовѣстнѣйшіе начеты, то при разсмотрѣніи мнимыхъ злоупотребленій Шварца, комиссія неожиданно обнаружила, что онъ не только не пользовался, по примѣру прежнихъ полковыхъ командировъ, извѣстными доходами, но еще уступилъ въ пользу солдатъ всю экономію отъ дровъ, свѣчныхъ денегъ и отъ огородовъ, тогда какъ эта экономія, простиравшаяся ежегодно отъ 30 до 40,000 руб. ассигнац., въ силу установившагося и освященнаго временемъ обычая, поступала въ полную собственность предшественниковъ его, изъ которыхъ одинъ имѣлъ свыше 300 т. годоваго дохода отъ своихъ помѣстій. Человѣкъ, обладающій подобнымъ нравственнымъ закаломъ и великодушно отказывающійся отъ своихъ доходовъ въ пользу солдата, едва-ли могъ быть такимъ тираномъ, какимъ его выставили послѣдующіе писатели, повѣрившіе на слово неосновательнымъ слухамъ, распущеннымъ либералами двадцатыхъ годовъ. Двѣ военно-судныя комиссіи

и потомъ третья — дополнительная, не взирая на всѣ старанія, не могли однако же отыскать никакихъ чрезвычайныхъ и даже дѣйствительныхъ жестокостей. Не вѣрилъ жестокосердію Шварца и мятежному духу семеновцевъ и самъ императоръ Александръ, который, получивъ въ Троппавѣ извѣстіе о возмущеніи любимаго имъ полка, въ откровенномъ письмѣ своемъ къ графу Аракчееву писалъ «никто въ свѣтѣ меня не убѣдитъ, чтобы сіе происшествіе было вымышлено солдатами, или происходило единственно, какъ показываютъ, отъ жестокаго обхожденія съ оными полковника Шварца. Онъ былъ всегда извѣстенъ за хорошаго и исправнаго офицера и командовалъ съ честью полкомъ. Отъ чего же вдругъ сдѣлаться ему варваромъ.» Императоръ Николай Павловичъ, которому всѣ подробности семеновскаго возмущенія, конечно, были хорошо извѣстны, не считалъ семеновскихъ солдатъ за возмутителей. Когда въ 1826 году, въ самый разгаръ слѣдственнаго дѣла о декабристахъ, главнокомандующій 1 арміею князь Сакенъ вошелъ съ представленіемъ о переводѣ всѣхъ бывшихъ семеновцовъ въ Кавказскую армію, то государь приказалъ извѣстить фельдмаршала, что отличное усердіе и безпорочное поведеніе этихъ нижнихъ чиновъ, состоявшихъ прежде подъ непосредственнымъ его начальствомъ, лично ему извѣстны и что затѣмъ не полагаетъ необходимымъ прибѣгнуть къ предлагаемой мѣрѣ [16]. Впослѣдствіи, бывали даже случаи, что унтеръ-офицеры стараго семеновскаго полка, служившіе въ арміи, снова были переводимы въ гвардію въ прежній свой полкъ.

Возмущеніе семеновскаго полка было представлено иностранцами, какъ признакъ общественнаго неудовольствія противъ правительства, но въ дѣйствительности оно

[16]) См. дѣла главнаго штаба Его Императорскаго Величества, секретный исходящій журналъ за мартъ мѣсяцъ 1826 года.

не имѣло никакого политическаго смысла и было продуктомъ самаго мелкаго честолюбія. Единственное же сближеніе семеновскаго и декабрскаго возмущеній кажется заключается въ томъ, что въ обоихъ случаяхъ нижніе чины были слѣпыми орудіями, дѣйствовавшими безсознательно, для поддержанія такихъ замысловъ, которые не только имъ были чужды, но даже и ненавистны.

Изъ причинъ, подавшихъ поводъ къ учрежденію тайныхъ обществъ, самою вѣроятною и основательною, конечно, можно бы считать возстановленіе Царства Польскаго съ предоставленіемъ оному особаго представительнаго правленія. Но изъ записокъ декабристовъ, написанныхъ во время нахожденія ихъ въ ссылкѣ, а также изъ другихъ документовъ, оказывается, что эта причина вовсе не заключала такой могущественной соединяющей силы, которая могла бы создать тайныя общества [17]). Напротивъ, значи-

[17]) Объ отдѣленіи отъ Россіи западныхъ губерній для составленія независимаго Польскаго государства была ведена въ январѣ 1824 г. членами южнаго общества негоціація съ польскимъ патріотическимъ обществомъ, условія которой и были внесены въ составленную тогда конвенцію, истребленную впослѣдствіи Юшневскимъ. Полномочными депутатами при этихъ переговорахъ были: съ русской стороны сначала Бестужевъ-Рюминъ, а потомъ Пестель и князь Волконскій, а съ польской сначала подполковникъ Северинъ Крыжановскій, а потомъ князь Антоній Яблоновскій и Гродецкій. Изъ донесенія слѣдственной комиссіи видно: „что южное общество обѣщало признать независимость Польши, возвратить ей завоеванныя области, еще не совсѣмъ слившіяся съ Россіею (qui ne sont pas encore russifiées); между прочими область Бѣлостокскую, губерніи Гродненскую, часть Виленской, Минской и Подольской.“ Изъ донесенія же Варшавскаго слѣдственнаго комитета, представленнаго въ декабрѣ 1826 года, видно, что Польша возстановлялась еще въ болѣе обширномъ размѣрѣ, а именно въ предѣлахъ 1792 года, или безъ Витебской и Могилевской губерніи, присоединенныхъ къ Россіи по первому раздѣлу. Такимъ образомъ пло-

тельное большинство передовыхъ людей той эпохи и даже лицъ, имѣвшихъ преобладающее вліяніе на общій ходъ

дороднѣйшія области имперіи, населенныя православнымъ малороссійскимъ народомъ и составляющія нынѣ Кіевское и Одесское генералъ-губернаторства, великодушно уступлены были Пестелемъ и Бестужевымъ-Рюминымъ польскому шляхетству. Въ этомъ донесеніи сказано: „что предъ началомъ переговоровъ было объявлено княземъ Яблоновскимъ, что такъ какъ единственная цѣль общества, отъ имени котораго онъ дѣйствуетъ, есть возвращеніе независимости Польши въ предѣлахъ бывшихъ до втораго раздѣла оной, то прежде всего ему надобно просить депутатовъ общества русскаго яснаго объявленія, согласно ли сіе общество на независимость его отечества?— Пестель на это отвѣтилъ, „что въ семъ не можетъ быть ни малѣйшаго затрудненія, что если бы и возникли какія либо сомнѣнія на сей счетъ, то жителямъ дадутъ на выборъ присоединиться къ тому или другому государству по своей волѣ." Впослѣдствіи, когда члены сѣвернаго общества стали упрекать членовъ тульчинской думы за уступку полякамъ западныхъ областей, то Пестель и Давыдовъ отвѣчали: „Какъ быть! слово уже дано, и на то была воля южнаго общества." Этотъ отвѣтъ не оставляетъ никакого сомнѣнія не только о существованіи договора или конвенціи, но и о непреложности условій, внесенныхъ въ договоръ.

На второмъ допросѣ въ комиссіи, происходившемъ 13 января, Пестель сознался, что веденные имъ съ поляками переговоры заключались въ пяти слѣдующихъ пунктахъ: 1) признаніе независимости Польши, 2) взаимное содѣйствіе на случай внѣшней войны, 3) одинаковый образъ правленія, 4) поступить полякамъ съ цесаревичемъ, какъ будетъ поступлено въ Россіи съ прочими великими князьями, и 5) увѣдомлять о всѣхъ сношеніяхъ съ другими обществами въ Европѣ, а равно и съ Англіею, и никакихъ не заключать обязательствъ безъ согласія русскихъ заговорщиковъ.

Въ донесеніи варшавскаго слѣдственнаго комитета, преисполненномъ противурѣчіями, подвергается сомнѣнію существованіе этого договора на томъ основаніи, что актъ конвенціи не былъ подписанъ съ польской стороны. Но слѣдуетъ при этомъ имѣть въ виду, что основнымъ правиломъ польскихъ заговорщиковъ всегда запрещались какія либо письменныя сношенія и потому обрядъ

тогдашняго правленія, горячо сочувствовали возстановленію Польши: Не многіе противники этого возстановленія были извѣстны на перечетъ. Изъ особъ же приближенныхъ къ императору Александру и пользовавшихся его довѣріемъ, до сихъ поръ извѣстны только два лица, имѣвшія на столько гражданскаго мужества, чтобы высказать съ должною откровенностію всѣ послѣдствія такого необыкновеннаго мѣропріятія. То были Н. М. Карамзинъ и состоявшій нѣкоторое время въ нашей дипломатической службѣ, корсиканецъ графъ Поццо-ди-Борго [18]). Но только одинъ Кондратій Рылѣевъ въ думѣ своей «Иванъ Сусанинъ» и въ небольшомъ отрывкѣ изъ поэмы «Исповѣдь Наливайки», осмѣлился идти противъ общаго теченія и, на сколько было тогда возможно, доказывалъ своимъ звучнымъ стихомъ всю неспособность шляхетской Польши не только къ свободнымъ учрежденіямъ, но даже къ простому уваженію религіозныхъ чувствъ своихъ согражданъ, обманомъ и насиліемъ принуждаемыхъ къ вѣроотступничеству.

заключенія всѣхъ возможныхъ договоровъ, въ томъ числѣ и конвенцій, происходилъ безъ бумаги и чернилъ. Въ показаніяхъ своихъ Пестель ясно говоритъ: „*сношенія происходили личными переговорами, при чемъ никакой переписки не было.*“ Варшавскій комитетъ, по видимому, полагалъ обязательными для заговорщиковъ дипломатическіе обряды и формы, установленныя для употребленія въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Чтобы упразднить всѣ сомнѣнія по этому поводу, мы помѣщаемъ для любопытныхъ въ приложеніяхъ эту конвенцію, съ автографическаго оригинала, писаннаго рукою Бестужева-Рюмина. (См. Приложеніе № IV).

[18]) Записка Карамзина была подана императору Александру I 17 октября 1819 года. Она напечатана въ Неизданныхъ сочиненіяхъ и перепискѣ Николая Михайловича Карамзина. Ч. I. 1862 г. Записка Поццо-ди-Борго, представленная 8 октября 1814 года, напечатана была въ книгѣ Тургенева: La Russie et les Russes. Tome I, pag. 310. Также въ Histoire d' Alexandre I, Empereur de Russie, par Golovine, 1859 года, стр. 249.

Къ числу противниковъ возстановленія Польши необходимо еще присовокупить бывшаго въ 1813 году предсѣдателемъ временнаго управленія Варшавскаго герцогства В. С. Ланскаго, который во всеподданнѣйшемъ письмѣ своемъ откровенно изъяснилъ, что «въ формируемомъ польскомъ войскѣ питаемъ мы змія, готоваго всегда на насъ излиять ядъ свой» [19]), и генералъ-маіора Орлова, составившаго коллективное прошеніе къ императору Александру I о неудобствахъ распространенія конституціонныхъ учрежденій Царства Польскаго на западныя губерніи, а также о невыгодныхъ послѣдствіяхъ отъ образованія отдѣльнаго Литовскаго корпуса, которое и было уже подписано нѣсколькими лицами; но когда Ѳрловъ узналъ, что подобное прошеніе можетъ быть не угодно государю, то счелъ долгомъ уничтожить его. Николай Тургеневъ замѣчаетъ по поводу этого прошенія, что онъ укорялъ Орлова за узкій и раболѣпный патріотизмъ, завлекшій его за предѣлы благоразумія [20]). Въ упоминаемыхъ нами запискахъ Тургенева можно встрѣтить множество любопытныхъ замѣтокъ, характеризующихъ незрѣлость тогдашняго либерализма и младенческую неопытность нашихъ политическихъ воззрѣній. Ниже приводимый образчикъ можетъ быть лучше всякихъ произвольныхъ умозаключеній дастъ о томъ понятіе. Когда при возстановленіи Царства Польскаго въ

---

[19]) В. С. Ланской представилъ это письмо послѣ обнародованія въ Варшавѣ возстановленія Царства Польскаго и принятія императоромъ Александромъ королевскаго титула. Онъ писалъ, что „вмѣсто покорнаго благодаренія за попеченіе о судьбѣ націи, поляки видятъ въ объявленіи титула короля и въ увѣреніи будущаго конституціоннаго правленія не милость, но опасеніе послѣдствій отъ бѣглеца изъ Эльбы“. Русскій Архивъ 1863 года, стр. 839—842.

[20]) La Russie et les Russes. T. I, Mémoires d'un proscrit: pag. 67—68.

1815 году императоръ Александръ назначилъ въ эту область главнокомандующимъ войсками великаго князя Константина Павловича и комиссаромъ своимъ тайнаго совѣтника Н. Н. Новосильцова, то эти два назначенія, внушенныя благоразумною предусмотрительностью для соглашенія управленія вновь присоединяемой области съ интересами великаго государства, подали поводъ автору упомянутыхъ записокъ къ слѣдующему размышленію: «если, говоритъ онъ, строго судя, конституція еще могла ужиться съ комиссаромъ, то назначеніе главнокомандующаго, очевидно, было излишнимъ. Подобное начальство и конституція не могли вмѣстѣ существовать, хотя лицо, облеченное этимъ начальствомъ, и было тогда же избрано депутатомъ на сеймъ отъ предмѣстья Праги, кровавой памяти.» Престранно звучатъ всѣ эти разсужденія въ устахъ русскаго человѣка, до того проникнутаго либеральнымъ благоговѣніемъ къ польской конституціи, что для нее онъ готовъ принести въ жертву и своихъ соотечественниковъ, и драгоцѣннѣйшіе интересы своей родной страны. Эта космополитическая скорбь, навѣянная на душу посѣдѣлаго заговорщика воспоминаніемъ потерь, понесенныхъ поляками во время знаменитаго штурма Суворова, очень хорошо обрисовываетъ праздный и искуственный либерализмъ стараго поколѣнія, неумѣвшаго взглянуть взглядомъ русскаго человѣка даже на такія событія, въ которыхъ ихъ отцы проливали свою геройскую кровь. Но если насъ непріятно поражаетъ въ нашемъ землякѣ совершенное притупленіе національнаго чувства, то его политическія соображенія возбуждаютъ едва-ли не большее удивленіе. Стоитъ только рѣшить вопросъ: что бы вышло, еслибъ наше правительство, слѣдуя конституціоннымъ вожделѣніямъ Тургенева, рѣшилось безотчетно передать всю военную силу въ Царствѣ Польскомъ въ руки поляковъ?

Можно полагать, что декабристъ Корниловичъ, отличавшійся отъ сотоварищей своихъ по несчастію знаніемъ отечественной исторіи, не принялъ бы на себя печальной роли доставителя къ князю Трубецкому постыдной конвенціи объ уступкѣ полякамъ русскихъ областей, еслибъ не страдалъ подобнымъ же оскудѣніемъ національнаго чувства.

Не считаемъ нужнымъ затѣмъ распространяться о псевдо-великодушномъ желаніи декабристовъ уступить полякамъ возвращенныя отъ Польши древнія наши области, покрытыя сплошнымъ русскимъ населеніемъ; не входимъ также въ разсмотрѣніе, какія именно части нашего государства долженствовали по соображеніямъ и щедротамъ декабристовъ отойти отъ Россіи къ Польшѣ, — для насъ въ настоящемъ случаѣ важенъ только неопровержимый и не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію фактъ предполагавшагося раздѣла нашего отечества, фактъ обнажающій дѣйствительныя чувства и отношенія тайныхъ обществъ къ полякамъ, мечтавшимъ о возстановленіи независимой Польши. Эти чувства и отношенія не только были чужды всякой вражды или зависти къ полякамъ, но напротивъ отличались полнѣйшимъ сочувствіемъ къ постройкѣ польскаго государства на развалинахъ нѣсколькихъ русскихъ областей [21]). Что же могли значить оди-

[21]) Необходимо замѣтить, что въ позднѣйшихъ запискахъ декабристовъ, въ особенности въ изданныхъ въ шестидесятыхъ годахъ, встрѣчается совсѣмъ иной, болѣе зрѣлый взглядъ на отношенія Россіи къ Польшѣ и на другіе вопросы нашей внутренней политики, чѣмъ тотъ, который господствовалъ между ними до 1825 года. Вмѣсто смутныхъ понятій о нравственности, ребяческаго легкомыслія и раболѣпства предъ политическими и соціальными идеалами западной Европы, у посѣдѣвшихъ декабристовъ мы уже встрѣчаемъ ясныя понятія о нравственномъ долгѣ и объ отношеніяхъ къ государству и обществу. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, имѣвшій воз-

ночные голоса Рылѣева или Орлова съ другомъ его Дмитріевымъ-Мамоновымъ, если и считать сихъ послѣднихъ за членовъ тайныхъ обществъ, когда всѣ единицы этихъ обществъ и въ особенности главнѣйшіе руководители всѣми точками души своей принадлежали западной Европѣ, были пропитаны до мозга костей своихъ ея политическими взглядами, простосердечно вѣрили ей въ несправедность уничтоженія шляхетской Польши и съ спокойной совѣстью вели переговоры съ поляками о раздробленіи историческаго наслѣдія русскаго народа. Заблужденіе неестественное и едва-ли не безпримѣрное въ лѣтописяхъ другихъ народовъ, но къ несчастію однако же подтвержденное самымъ ходомъ событій и достовѣрными письменными свидѣтельствами самихъ членовъ тайныхъ обществъ! Нѣтъ, оскорбленное возстановленіемъ Польши національное чувство не было побудительною причиною для учрежденія тайныхъ обществъ.

Гдѣ же наконецъ слѣдуетъ искать настоящихъ причинъ тайныхъ обществъ? Какъ объяснить такое странное явленіе, что лучшіе люди русскаго общества, цвѣтъ

можность познакомиться во время странствій своихъ по Сибири, въ концѣ тридцатыхъ и въ началѣ сороковыхъ годовъ со всѣми декабристами, замѣтивъ, что многіе изъ нихъ не знаютъ первыхъ основаній политическихъ наукъ, спросилъ однажды Никиту Муравьева: какимъ образомъ не бывъ вовсе подготовлены образованіемъ для политической дѣятельности, вы рѣшились принять на себя громадный трудъ всесторонняго преобразованія нашего государства? „Ваше замѣчаніе вѣрно, отвѣчалъ Муравьевъ, мы затѣяли дѣло полными невѣждами и только здѣсь принялись за книги, читаемъ ихъ, учимъ другъ друга и стараемся образовать себя, чтобы поддержать въ публикѣ то доброе мнѣніе, которое она составила о насъ.“ Время умудряющее людей, просвѣтило и декабристовъ. Нынѣ они уже стыдятся прежнихъ своихъ заблужденій, въ томъ числѣ и нелѣпыхъ взглядовъ на польскій вопросъ, господствовавшихъ въ то время.

нашей молодежи, члены древнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ родовъ поднимаютъ руку свою для разтерзанія той страны, за которую ихъ предки ложились костями?

Бросая общій взглядъ на смутную дѣятельность тайныхъ обществъ, закончившихся безплоднымъ взрывомъ 14 декабря, мы видимъ въ этомъ печальномъ явленіи неизбѣжный, строго логическій результатъ того умственнаго движенія, которое господствовало въ нашемъ обществѣ въ первую четвертѣ настоящаго столѣтія. Едва ли нужно договаривать, что это движеніе было послѣдствіемъ того энергическаго толчка, который былъ данъ Россіи мощною волею Петра Великаго. Онъ требовалъ отъ своихъ подданныхъ бритья бородъ, нѣмецкихъ кафтановъ [22]) и знанія иностранныхъ языковъ, чтобы облегчить намъ сношенія съ иностранцами, чтобы скорѣе передать въ свое отечество всѣ сокровища западной науки, чтобы сдѣлать Россію богатою и могущественною; но онъ не думалъ, что чрезъ нѣсколько поколѣній наше общество, послушно его державному указанію, дойдетъ наконецъ до легкомысленнаго презрѣнія основныхъ стихій нашей народной жизни, что со временемъ на русской почвѣ въ роскошныхъ теплицахъ будутъ распускаться такіе экзотическіе цвѣты, какъ нѣмецкіе колонисты, французскіе эмигранты, іезуиты или мальтійскіе кавалеры; онъ не предполагалъ,

[22]) Одинъ изъ весьма извѣстныхъ иностранцевъ —Деместръ отнесся къ этимъ преобразованіямъ довольно оригинально: „я осуждаю, говоритъ онъ, Петра Великаго, который, мнѣ кажется, совершилъ по отношенію къ Русскимъ великую ошибку, дозволивъ себѣ нарушить уваженіе къ своей націи; мнѣ никогда не доводилось читать, чтобы Нума приказывалъ обрѣзывать у римлянъ тогу, или чтобы онъ поступалъ съ ними какъ съ варварами. Хотя децемвиры и ѣздили за законами въ Грецію, но они не привозили грековъ въ Римъ, для сочиненія законовъ.“ Lettres et opuscules inédits du comte Joseph de Maistre, t. II, pag. 367.

что въ пристрастіи нашемъ ко всему иноземному, западныя наши области, присоединенныя оружіемъ, мы наградимъ конституціями, особыми арміями, университетами, бюджетами и такимъ богатствомъ правъ и привилегій, что ни одинъ иноземецъ не пожелаетъ быть русскимъ гражданиномъ. Конечно, какъ смертный, онъ не могъ предвидѣть, что мы занесемся такъ далеко на западъ, и что для пріобрѣтенія науки, мы станемъ приносить въ жертву и всѣ народные наши интересы и не подорожимъ не только роднымъ языкомъ, но даже и своею совѣстью [23]). Въ нашемъ стремленіи на западъ мы дошли къ концу первой четверти настоящаго вѣка до невѣроятнаго отрицанія своего историческаго призванія. Стоитъ только вспомнить наше необъяснимое равнодушіе, съ которымъ мы относились къ единородному намъ уніатскому и даже православному населенію, покрывавшему сплошь всю западную Россію и восточную часть Царства Польскаго. Съ такимъ же равнодушіемъ мы относились къ судьбѣ эстонскаго и латышскаго племенъ въ

[23]) „Цифра іезуитами совращенныхъ въ латинство изъ благородныхъ русскихъ фамилій, начиная съ русскаго дворянина петровскихъ временъ Ладыженскаго, идетъ crescendo въ послѣдующія царствованія, особенно съ эпохи царствованія императора Павла; лучшія русскія фамиліи переходятъ въ латинство; тутъ встрѣчаются имена Бутурлиныхъ, Голицыныхъ, Волконскихъ, Гагариныхъ, Шуваловыхъ, Балабиныхъ, Растопчиныхъ, Толстыхъ, Кологривовыхъ и др.“ См. М. Морошкина: Іезуиты въ Россіи съ царствованія Екатерины II и до нашего времени. Ч. I, стр. VIII. Сюда же кажется принадлежитъ и мало извѣстный французскій литераторъ П. Я. Чаадаевъ, столь прославившійся въ Москвѣ своими католическими воззрѣніями, что, по всей справедливости, можетъ удостоиться чести сопричисленія къ плеядѣ настоящихъ ренегатовъ. Нельзя исключить изъ этой плеяды и декабриста Лунина, посвятившаго себя дуэльному ремеслу и подъ конецъ жизни упивавшемуся прелестями латинскаго требника.

Прибалтійскихъ областяхъ. Съ подобнымъ же забвеніемъ собственныхъ интересовъ мы сохранили въ завоеванной Финляндіи особое управленіе, шведскіе законы и шведскій языкъ, чуждые большинству финскаго племени. Страдая хроническимъ великодушіемъ, мы не задумались въ 1809 году присоединить къ Финляндіи и Выборгскую губернію, древнюю отчину, завѣщанную намъ Господиномъ Великимъ Новгородомъ, и такимъ образомъ своихъ православныхъ земляковъ подчинили шведскимъ законамъ и заставили учиться шведскому языку. До какой степени простиралась наша увѣренность въ превосходствѣ западныхъ просвѣтительныхъ началъ, можно судить изъ того, что министръ внутреннихъ дѣлъ графъ В. П. Кочубей предлагалъ дать іезуитамъ формальное дозволеніе обращать въ латинство подвластные Россіи народы [24]). Съ подобнымъ же непростительнымъ забвеніемъ государственныхъ

---

[24]) Изъ нижеслѣдующаго предложенія въ комитетъ министровъ (въ концѣ 1802 года) графа В. П. Кочубея, управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, можно судить о господствовавшихъ тогда въ правительственныхъ сферахъ космополитическихъ взглядахъ: „внутренній министръ предложилъ, чтобы дозволить іезуитамъ вводить католическую вѣру и даже преклонять въ оную чрезъ миссіонеровъ магометанскіе и идолопоклонническіе народы, обитающіе въ Астраханской, Оренбургской и Сибирской губерніяхъ.“ Записки Г. Р. Державина, стр. 459. Теперь послушаемъ, что говорили о томъ же предметѣ передовые люди общества, доставляющаго правительству дѣятелей. „Въ эти времена правительство смотрѣло подозрительно даже на благочестивыхъ протестантскихъ миссіонеровъ, отправившихся распространять съ обычною имъ ревностію христіанскую нравственность между дикими племенами; оно помѣшало святому дѣлу ихъ пропаганды, которою они желали облагодѣтельствовать самыя отдаленныя и наименѣе просвѣщенныя страны имперіи. Власть видѣла въ нихъ эмиссаровъ европейскаго либерализма.“ См. La Russie et les Russes par N. Tourgueneff. T. I, pag. 127.

и народныхъ интересовъ поступали и декабристы, договариваясь съ поляками о преданіи имъ нашихъ земляковъ, живущихъ въ западныхъ областяхъ Россіи. Нельзя при этомъ не замѣтить, что такой экцентрическій способъ исправленія нашихъ гражданскихъ неустройствъ былъ пущенъ въ ходъ преимущественно тѣми изъ декабристовъ, которые воспитывались не въ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а подъ руководствомъ иноземныхъ наставниковъ [25]). При искренномъ желаніи добра своей родинѣ, мы въ то же время торопились сбросить съ себя всѣ признаки русской народности; питая въ душѣ любовь къ отечеству, мы по странному противурѣчію въ то же время изгнали изъ употребленія свой родной языкъ, замѣнивъ его въ своемъ домашнемъ быту иностраннымъ. Въ эту эпоху не рѣдко доводилось видѣть сановниковъ, занимавшихъ важные посты, которые объяснялись по-русски подобно иностраннымъ ремесленникамъ, поселившимся въ Россіи. Считая родной языкъ неспособнымъ для выраженія утонченныхъ понятій, многіе не могли слышать его звуковъ даже изъ устъ своей прислуги, которую обучали иностраннымъ языкамъ [26]). Отъ пренебреженія къ родному языку не убереглись даже и

[25]) Пестель, два брата Муравьевыхъ-Апостоловъ и Н. Тургеневъ воспитывались за границею. Бестужевъ-Рюминъ такъ плохо зналъ русскій языкъ, что показанія свои доставилъ въ слѣдственную комиссію на французскомъ языкѣ. Изъ дѣла видно, что князь Волконскій, Давыдовъ и Юшневскій, также сочувствовавшіе уступкѣ полякамъ русскихъ областей, воспитывались подъ надзоромъ иностранныхъ гувернеровъ.

[26]) Въ бытность мою лѣтъ 30 тому назадъ въ мѣстечкѣ Корсунѣ, Кіевской губерніи, принадлежавшемъ свѣтлѣйшему князю Лопухину, мнѣ довелось видѣть училище, заведенное для обученія лакейскихъ дѣтей французскому языку.

наши канцеляріи. Въ архивахъ нѣкоторыхъ министерствъ сохранилось множество дѣлъ того времени, веденныхъ на французскомъ языкѣ. Намъ самимъ довелось читать въ архивахъ министерствъ: военнаго и народнаго просвѣщенія множество официальныхъ донесеній и докладовъ, писанныхъ не по-русски, лицами русскаго происхожденія. По окончаніи отечественной войны, даже многіе изъ нашихъ гвардейскихъ солдатъ переняли отъ французовъ по нѣсколько фразъ и привѣтствій. Офицеры въ шутку часто здоровались съ ними по-французски. Нѣкоторые же при обращеніи съ солдатами по службѣ стали употреблять потомъ и въ русскомъ языкѣ мѣстоименіе «вы» вмѣсто искони существовавшаго «ты» [27]). Впрочемъ всѣ эти увлеченія иногда доходили и до полнаго комизма: одинъ изъ гвардейскихъ генераловъ, подъѣзжая къ выстроившимся полкамъ привѣтствовалъ ихъ: «bon jour, люди!» на что солдаты не затрудняясь давали обычный свой отвѣтъ: «здравія желаемъ вашему превосходительству!» [28]).

Всѣ эти праздныя мечты преобразованія Россіи по

---

[27]) Но это французское нововведеніе, не свойственное ни нравамъ нашего народа, ни духу языка и нисколько не упрощавшее отношенія начальниковъ къ подчиненнымъ, однакожъ немедленно было прекращено.

[28]) Въ царствованіе Императора Николая Павловича языкъ привѣтствій нѣсколько измѣнился. Во время венгерской войны 1849 года, когда послѣ передскаго сраженія юный Австрійскій императоръ, только что вступившій тогда на престолъ, пожелалъ увидѣть присланную къ нему на помощь дивизію генерала Панютина, то предварительно къ кому-то обратился для изученія русскихъ военныхъ привѣтствій. Но въ тотъ моментъ, когда онъ подскакалъ къ войскамъ, память ему измѣнила и онъ громко крикнулъ „ради стараться“. Это новое привѣтствіе произвело на солдатъ превосходное впечатлѣніе и они отъ души прокричали ему „ура“.

образу и по подобію латино-германской Европы должны были подъ конецъ породить въ средѣ самаго общества неизбѣжную реакцію. Необходимость оставить ложный путь безконечныхъ подражаній и уступокъ западному идеалу ощущалась еще въ первые дни вступленія на престолъ императора Александра Павловича. Когда обсуждался вопросъ, какое направленіе должна будетъ принять на будущее время наша внѣшняя политика, то между юными совѣтниками сего государя возникли два различныя мнѣнія: одни утверждали, что Россія имѣетъ единственный случай соединить всѣ славянскіе народы въ одну семью, подъ одинъ скипетръ; другіе признавали полезнѣйшимъ сообразоваться съ системою прочихъ европейскихъ державъ [29]). Послѣднее мнѣніе восторжествовало и мы устремились въ водоворотъ европейской политики въ качествѣ универсальныхъ миротворителей и агамемноновъ. Съ безпримѣрнымъ безкорыстіемъ принявъ на себя всѣ протори и убытки и заботы о цѣлости Австріи и Сардиніи, Пруссіи и Швейцаріи, Франціи и Польши, мы даже предлагали однажды папѣ дать убѣжище на православной почвѣ Россіи. На нашъ удѣлъ досталось неисчерпаемое удовольствіе удивляться неблагодарности своихъ политическихъ друзей! Но время отрезвленія еще не наступило: мы должны были испить до дна всю чашу горькихъ разочарованій. Въ нашей общественной и государственной жизни долженъ былъ совершиться крутой поворотъ. Къ несчастію, такіе историческіе повороты въ жизни народовъ не могутъ совершаться безъ тяжкихъ страданій для современниковъ. Стоя у подножія монумента Петра Великаго, декабристы были убѣж-

[29]) Мордвиновъ въ запискѣ своей, поданной Императору Николаю Павловичу въ января 1826 года о положеніи имперіи въ предшествовавшее царствованіе.

дены, что они идутъ вѣрно по указанному великимъ преобразователемъ пути; въ сердцахъ ихъ билась ключомъ горячая любовь къ отечеству; какъ просвѣщенные Европейцы, они полагали облагодѣтельствовать свою родину, давши ей возможность наслаждаться совершеннѣйшими, какъ имъ казалось, политическими учрежденіями западныхъ обществъ. Они не приняли въ расчетъ одного только обстоятельства: прирожденнаго, ни чѣмъ не истребимаго народнаго отвращенія ко всякой власти, идущей въ разрѣзъ самодержавной волѣ представителя и главы русскаго народа. Обстоятельство это, неудобопонятное для людей воспитанныхъ въ западныхъ понятіяхъ и потому исключенное ими изъ своихъ соображеній, разомъ поставило декабристовъ вмѣстѣ со всѣми ихъ политическими утопіями внѣ народныхъ желаній. Не имѣя подъ собою народной почвы, они, подобно Антею древности, должны были погибнуть между небомъ и землею.

Молва о возмущеніи на Сенатской площади проникла въ концѣ декабря 1825 года и въ мирную глушь Рославльскаго уѣзда. Листокъ Русскаго Инвалида, полученный Муравьевымъ наканунѣ Рождественскихъ праздниковъ сообщилъ ему первыя свѣдѣнія о печальномъ происшествіи, поразившемъ его своею неожиданностію. Но эти первыя свѣдѣнія были однако же весьма неудовлетворительны; онѣ не заключали ни подробностей возмущенія, ни главныхъ нарушителей общественнаго спокойствія. Только послѣ Новаго года извѣстія сдѣлались опредѣлительнѣе и даже нѣкоторые изъ главныхъ участниковъ были названы по фамиліямъ. Въ числѣ ихъ были имена князя Сергѣя Трубецкаго, Никиты Муравьева и другихъ его

сослуживцевъ по гвардіи и генеральному штабу, съ которыми онъ былъ знакомъ съ первыхъ дней своей службы. Не менѣе тревожные слухи приносились и съ юга, изъ Кіевской губерніи. Тамъ также было возмущеніе, въ которомъ участвовали его дальніе родственники три брата Муравьева-Апостолы [30]).

[30]) Возмущеніе во 2-й дѣйствующей арміи было парализовано донесеніемъ капитана Майбороды, извѣщавшаго государя еще въ ноябрѣ о громадномъ заговорѣ Пестеля, имѣвшемъ цѣлію арестовать главнокомандующаго 2-ю арміею князя Витгенштейна вмѣстѣ съ его начальникомъ штаба и захватить въ свои руки власть надъ всѣми расположенными въ томъ краѣ войсками. Замыселъ этотъ долженъ былъ осуществиться, когда Пестель со ввѣреннымъ ему Вятскимъ пѣхотнымъ полкомъ вступитъ 1-го января 1826 года для занятія карауловъ въ г. Тульчинъ, гдѣ тогда находилась главная квартира 2-й арміи. Но донесеніе Майбороды, посланное въ Таганрогъ командиромъ 3-го пѣхотнаго корпуса, генераломъ отъ кавалеріи Ротомъ, не застало уже въ живыхъ императора Александра. Находившійся при немъ генералъ-адъютантъ Дибичъ вскрылъ донесеніе и, въ виду чрезвычайной важности обстоятельствъ, тотчасъ же отправилъ генералъ-адъютанта Чернышева въ Тульчинъ, для арестованія Пестеля съ его сообщниками. Князь Витгенштейнъ потребовалъ къ себѣ начальника той дивизіи, гдѣ командовалъ Пестель полкомъ, вмѣстѣ съ бригадными и полковыми командирами. Пестель, ничего не подозрѣвая, пріѣхалъ въ Тульчинъ, въ одной коляскѣ съ своимъ бригаднымъ командиромъ. У заставы онъ былъ взятъ подъ стражу утромъ 13-го декабря, наканунѣ того самаго дня, когда въ Петербургѣ произошло возмущеніе на Сенатской площади. Нельзя при этомъ не замѣтить, что судьба великихъ событій очень часто зависитъ отъ ничтожныхъ обстоятельствъ: Пестель въ послѣднее время очень опасался, чтобы начальникъ штаба П. Д. Киселевъ не лишилъ его за безпорядки по управленію, командованія полкомъ, — тогда всѣ замыслы Пестеля разсыпались бы прахомъ. Генералъ-лейтенантъ Ридигеръ, которому поручено было арестовать полковника Артамона Захаровича Муравьева, командовавшаго въ его дивизіи Ахтырскимъ гусарскимъ полкомъ, позвалъ сего послѣдняго къ себѣ на чай и въ своемъ кабинетѣ отобралъ отъ него

Станціонный смотритель въ Рославлѣ разсказывалъ, какъ двоихъ изъ нихъ, оставшихся въ живыхъ, послѣ дѣла между Устимовкой и Королевкой, провезли арестованными въ Петербургъ. Но по мѣрѣ того какъ разъяснялись событія, омрачившія первые дни наступившаго царствованія, Муравьевъ съ каждымъ днемъ дѣлался грустнѣе и задумчивѣе. Учебныя занятія съ младшимъ братомъ Сергѣемъ, которому онъ до того ежедневно преподавалъ математическія науки, въ это время уже едва обращали его вниманіе. Всѣ эти тревожные слухи о людяхъ близкихъ и знакомыхъ заронили въ душу Муравьева зловѣщее предчувствіе, совершенно разстроившее спокойное теченіе его мирной жизни. Перебирая всѣ обстоятельства своей прошлой жизни, свои знакомства и сношенія со многими лицами, Муравьевъ ясно видѣлъ приближеніе грозы, долженствовав-

саблю. Дивизіонный генералъ Тихановскій имѣлъ неосторожность отправить по командѣ къ командиру Черниговскаго полка подполковнику Гебелю распоряженіе объ арестованіи подполковника Сергѣя Муравьева-Апостола, который, бывъ предупрежденъ о томъ, уѣхалъ изъ села Трилѣсъ, своей баталіонной квартиры, въ Житомиръ. Отыскавъ наконецъ его у поручика Кузьмина, Гебель объявилъ повелѣніе объ арестованіи. Прибывшіе вслѣдъ за тѣмъ офицеры напали на Гебеля, который, израненный, едва спасся отъ смерти. Муравьевъ-Апостолъ вмѣстѣ съ братьями, собравъ полкъ, двинулся къ Василькову, изъ котораго наканунѣ новаго года устремился было къ Бѣлой-Церкви для захвата сокровищъ графини Браницкой. Но находясь въ 10 верстахъ въ с. Гребенкахъ, узналъ, что нельзя расчитывать на поддержку со стороны нижнихъ чиновъ 17-го егерскаго полка, квартировавшаго въ Бѣлой-Церкви. Получивъ при томъ свѣдѣніе о всеобщемъ движеніи войскъ, Муравьевъ-Апостолъ отправился чрезъ Винницкіе Ставы къ Устимовкѣ. Но здѣсь встрѣтился съ отрядомъ Гейсмара и, послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ, взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ Матвѣемъ. Младшій же его братъ, Ипполитъ, наканунѣ прибывшій изъ Петербурга, застрѣлился.

шей разразиться надъ нимъ и надъ близкими ему людьми. Предчувствуя скорое свое арестованіе, Муравьевъ рѣшился, предъ лишеніемъ свободы повидаться съ своимъ семействомъ, съѣздивъ для того въ Москву, гдѣ супруга его съ дѣтьми гостила въ ту пору у своей матери Надежды Николаевны Шереметевой. Говорятъ также, будто Муравьевъ бывъ предупрежденъ о предстоящемъ арестованіи пріятелемъ своимъ Храповицкимъ, распорядился уничтоженіемъ всѣхъ сомнительныхъ бумагъ и затѣмъ тотчасъ же собрался въ дорогу. Вмѣстѣ съ младшимъ братомъ своимъ Сергѣемъ Николаевичемъ, грустный и недовольный онъ выѣхалъ изъ Лазицъ вскорѣ послѣ праздника Крещенія и прибылъ въ Москву 11-го января.

По пути онъ заѣхалъ къ отцу своему въ Осташово провелъ въ бесѣдѣ съ нимъ весь вечеръ, и, оставивъ у него брата своего Сергѣя, на слѣдующій день одинъ отправился въ дорогу. Остановившись у своей тещи, жившей въ то время въ собственномъ домѣ на Бронной, Муравьевъ засталъ все семейство Шереметевыхъ въ великой горести и слезахъ, по случаю арестованія, наканунѣ его пріѣзда въ Москву, И. Д. Якушкина, его свояка, женатаго на Настасьѣ Васильевнѣ Шереметевой. Желая повидаться и побесѣдовать о недавнихъ происшествіяхъ съ своимъ братомъ Александромъ, онъ, тотчасъ послѣ первыхъ привѣтствій, отправилъ къ нему посланца, извѣстить о своемъ пріѣздѣ. Но посланный возвратился съ горестною новостью, повергшею всѣхъ въ неописанную печаль: онъ былъ свидѣтелемъ арестованія Александра Муравьева и опечатанія его бумагъ. При передачѣ отъ него прощальнаго поклона, посланецъ замѣтилъ между прочимъ, что производившій арестъ генералъ-маіоръ Шульгинъ, тогдашній московскій оберъ-полицiймейстеръ, распрашивалъ его очень подробно и о мѣстѣ жительства

Михаила Николаевича Муравьева. Дѣйствительно, на слѣдующій день около 11 часовъ вечера пріѣхалъ Шульгинъ [31]) и объявилъ Муравьеву высочайшее повелѣніе объ его арестованіи. Спокойно выслушавъ вѣсть о постигшемъ его несчастіи, онъ безропотно покорился своей участи. Одѣвшись по дорожному, Муравьевъ и всѣ бывшіе въ комнатѣ усѣлись по мѣстамъ. Когда же, по совершеніи обряда прощанія, по старинному русскому обычаю, онъ поднялся, и наступила минута разставанія; когда нужно было благословить принесенныхъ малютокъ, то твердость духа его нѣсколько поколебалась. При видѣ дѣтей, глаза его наполнились слезами; онъ перецѣловалъ ихъ всѣхъ нѣсколько разъ, потомъ крѣпко обнялъ жену и, какъ бы оторвавшись отъ ея объятій, медленно и безмолвно вышелъ изъ комнаты. Усѣвшись уже въ сани съ генералъ-маіоромъ Шульгинымъ, онъ увидѣлъ стоявшую у крыльца толпу дворовыхъ людей, любившихъ его безъ памяти, мужчинъ и женщинъ, изъ которыхъ многіе подбѣгали къ нему поцѣловать руку. Муравьевъ попросилъ позволенія у Шульгина проститься съ ними; обнявшись съ каждымъ порознь, онъ сказалъ заливавшемуся слезами Дамаскину: «ну прощай, Иванъ, можетъ Богъ приведетъ намъ скоро опять увидѣться.»

Прибывъ въ оберъ-полиціймейстерскую канцелярію, Муравьевъ около часа еще ожидалъ изготовленія нѣкоторыхъ бумагъ, которыя и были потомъ вручены назначенному

---

[31]) Д. И. Шульгинъ, впослѣдствіи генералъ отъ инфантеріи и С.-Петербургской военный генералъ-губернаторъ, умеръ въ 1854 году. Объ арестованіи М. Николаевича Муравьева онъ разсказывалъ состоявшему при немъ для особыхъ порученій полковнику Д. И. Горемыкину, отъ котораго мы позаимствовали помѣщенныя здѣсь подробности.

для сопровожденія его квартальному офицеру Московской полиціи. Чиновникъ этотъ, имя котораго къ несчастію намъ неизвѣстно, былъ московскій старожилъ, много слышавшій отъ народной молвы о Муравьевыхъ и питавшій какое-то особое почтеніе къ членамъ этого рода. Въ силу ли нравственнаго обаянія, которое производитъ на людей добрая слава извѣстныхъ именъ, или вслѣдствіе неотразимаго личнаго вліянія Муравьева на своего спутника, но человѣколюбивое и даже предупредительное обращеніе этого достойнаго чиновника много облегчило тяжкое положеніе узника, лишеннаго душевнаго спокойствія. Онъ оказывалъ Муравьеву всевозможное вниманіе, заботился объ его столѣ, помогалъ перевязывать разболѣвшуюся его рану и услаждалъ грустный путь своими простыми и безъискуственными разсказами. Когда случалось, что мрачное настроеніе духа одолѣвало Муравьева и изъ груди его вырывался тяжкій вздохъ, то спутникъ его, при такихъ случаяхъ, не упускалъ утѣшать его: «да полно вамъ грустить, Михаилъ Николаевичъ; всѣ ваши вздохи ни за грошъ пропадутъ; все перемелется — будетъ мука, а что вы будете близкимъ человѣкомъ къ царю и министромъ, такъ за это я вамъ отвѣчаю своей головой!» При всей безотрадности настоящаго своего положенія, Муравьевъ не могъ воздержаться отъ невольной улыбки, слыша подобныя утѣшенія. Впослѣдствіи, когда довелось быть ему министромъ, то припоминая въ своемъ домашнемъ кругу разные случаи своей жизни, онъ неоднократно разсказывалъ и объ этихъ доброжелательныхъ предсказаніяхъ тогдашняго своего утѣшителя.

По прибытіи въ Петербургъ, Муравьевъ былъ представленъ въ Зимній дворецъ, гдѣ тотчасъ же отобраны были отъ него генералъ-адъютантомъ Левашовымъ необходимыя показанія, а затѣмъ онъ былъ отвезенъ въ Пет-

ропавловскую крѣпость [32]). О времени заключенія его въ крѣпости мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній: не можемъ поэтому сказать, какъ долго онъ въ ней содержался и когда именно переведенъ для леченія своей разболѣвшейся ноги въ 1-й военно-сухопутный, что нынѣ 2-й госпиталь, находящійся на Выборгской сторонѣ. Извѣстно только, что большую часть своего ареста онъ провелъ въ офицерскомъ отдѣленіи этого госпиталя, помѣщавшемся тогда на такъ называемомъ лѣтнемъ дворѣ. Если идти по Сампсоніевскому проспекту отъ Невы, то съ правой стороны изъ-за высокаго, безконечнаго забора будетъ видно довольно ветхое, двухъ-этажное деревянное строеніе, выкрашенное желтой краской, въ которомъ помѣщается теперь отдѣленіе больныхъ душевными болѣзнями. Въ этомъ-то зданіи, построенномъ въ 1807 году для помѣщенія больныхъ офицеровъ, и содержался М. Н. Муравьевъ въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ небольшой угловой комнатѣ втораго этажа, освѣщенной одинокимъ окномъ [33]). Двое часовыхъ стерегли его въ заточеніи: одинъ стоялъ въ коридорѣ у дверей его комнаты, а дру-

[32]) Высочайше учрежденная слѣдственная коммиссія для удобнѣйшаго распредѣленія своихъ занятій, раздѣлилась на два отдѣла: одинъ изъ нихъ занимался разсмотрѣніемъ дѣйствій тайныхъ обществъ въ Петербургѣ и Москвѣ, — другой же производилъ допросы членамъ южныхъ обществъ. Въ первомъ отдѣлѣ первоначальные допросы были снимаемы генералъ-адъютантомъ Левашовымъ, производившимъ слѣдствіе въ 1820 году о возмущеніи семеновскаго полка; во второмъ же генералъ-адъютантомъ Чернышевымъ, имѣвшимъ возможность ознакомиться съ заговоромъ въ южной арміи во время послѣдней поѣздки своей въ Тульчинъ изъ Таганрога.

[33]) Подробности о заключеніи графа М. Н. Муравьева въ 1-мъ военномъ сухопутномъ госпиталѣ получены нами отъ умершаго на 85 году отъ рожденія въ іюлѣ 1870 г. дѣйствительнаго статскаго совѣтника П. К. Афонасьева, главнаго смотрителя С.-Петербург-

гой снаружи подъ окномъ во дворѣ. Затворническая жизнь узника ежедневно нарушалась въ извѣстные часы двукратнымъ посѣщеніемъ старшаго врача и принесеніемъ скромнаго обѣда. Но такъ какъ ключь отъ его темницы хранился у смотрителя госпиталя, чиновника VII класса Ивана Христіановича Шмидта, то всѣ посѣщенія врача и принесеніе обѣда не иначе происходили, какъ въ присутствіи Шмидта, который всегда самъ отпиралъ и запиралъ двери. Безотрадное положеніе, въ которомъ находился Муравьевъ вслѣдствіе лишенія свободы, значительно усугублялось еще отъ системы безмолвія, никѣмъ не нарушавшагося во все время его томительнаго заключенія. Одному только врачу разрѣшалось сдѣлать два, три необходимыхъ вопроса, но затѣмъ никто, ни врачь, ни Шмидтъ, ни фельдшеръ не вступали съ Муравьевымъ ни въ какіе разговоры и на всѣ вопросы его отвѣчали однимъ молчаніемъ. Однажды онъ попытался спросить сторожа: какой сегодня день, середа или четвергъ? Сторожъ угрюмо отвѣтилъ: «не могимъ знать». Эта гробовая безотвѣтственность производила на душу заключеннаго какое-то безнадежное—невыразимо гнетущее чувство.

Видъ изъ окна на дворъ, по которому изрѣдка проходили жившіе въ нижнемъ этажѣ госпитальные инвалиды или ихъ жены, составлялъ единственное его развлеченіе. Но такъ какъ окно, за исключеніемъ верхняго ряда стеколъ, было закрашено свѣтлозеленою масляною краскою, то чтобъ посмотрѣть на дворъ, нужно было встать на подоконникъ или отворить форточку, а съ больною ногой и въ зимніе холода это было не всегда удобно. Однажды

ской больницы Маріи Магдалины, бывшаго съ начала службы унтеръ-офицеромъ въ военно-сухопутномъ госпиталѣ и видѣвшимъ даже самую постройку того флигеля, въ которомъ содержался Муравьевъ.

въ майское утро, въ раздумьи, онъ глядѣлъ изъ растворенной форточки на проходившихъ. Вдругъ видитъ онъ: робко вошла во дворъ женщина, съ платкомъ на головѣ и въ шугаѣ, какой обыкновенно носятъ приходящія стирать бѣлье бѣдныя мѣщанки и солдатки, живущія на Выборгской сторонѣ и на Охтѣ. Она медленно подошла къ часовому, стоявшему подъ самымъ окномъ заключеннаго, и весьма искусно съ нимъ завязала разговоръ о томъ, гдѣ живетъ кастелянша, у которой нанимаются прачки поденно стирать госпитальное бѣлье. Можно представить себѣ изумленіе и чувства Муравьева, когда подъ бѣдной одеждой поденщицы онъ узналъ дорогія для него черты своей любимой супруги, прибѣгнувшей къ невинной хитрости, чтобы увидѣть своего мужа и хоть на мигъ облегчить ему тяжкое одиночество. Нельзя не благоговѣть предъ этой почтенной и вмѣстѣ трогательной чертой супружеской привязанности. Супруга М. Н. Муравьева происходила изъ того почтеннаго и знаменитаго рода, къ которому принадлежала и Наталья Долгорукова. То было замѣчательное время нашей исторіи. Никогда прежде, да никогда и потомъ не проявлялись въ такомъ необыкновенномъ блескѣ и такой трогательной красѣ самопожертвованіе и всѣ супружескія добродѣтели русской женщины.

Тяжкія обвиненія тяготѣли въ тѣ времена надъ Муравьевыми. Два члена этой фамиліи были первыми основателями тайныхъ обществъ. Изъ числа этихъ двухъ, одинъ былъ роднымъ братомъ Михаила Николаевича. Еще двое Муравьевыхъ, дальныхъ родственниковъ, присоединились впослѣдствіи къ петербургскимъ тайнымъ обществамъ. Выше мы уже упомянули о трехъ братьяхъ Муравьевыхъ-Апостолахъ, возмутившихъ часть войскъ, расположенныхъ въ Кіевской губерніи. Вскорѣ по открытіи слѣдственной комиссіи надъ участниками декабрскаго возмущенія, изъ

отвѣтовъ арестованныхъ лицъ обнаружилось, что и Михаилъ Николаевичъ былъ не только стариннымъ членомъ тайныхъ обществъ, но и составителемъ устава Союза Благоденствія. Это любопытное обстоятельство изъ жизни Михаила Николаевича побуждаетъ насъ войти въ нѣкоторыя подробности о томъ, когда и какимъ образомъ стали устроиваться наши тайныя общества. Скудныя свѣдѣнія и намеки, разъсѣянные въ нашей литературѣ, мы старались на сколько возможно пополнить показаніями самихъ участниковъ тайныхъ обществъ и современниковъ, согласить ихъ противурѣчія и представить истину на сколько она намъ доступна въ настоящую минуту.

Выше мы уже упомянули объ общихъ причинахъ, вызвавшихъ у насъ появленіе тайныхъ политическихъ обществъ. Теперь же взглянемъ, какимъ образомъ произошло самое образованіе этихъ обществъ; кто были первыми въ нихъ дѣятелями, какими политическими идеалами они руководствовались и къ какимъ идеаламъ стремился Муравьевъ, а также какія средства полагали заговорщики пустить въ ходъ, чтобы достигнуть своей цѣли.

Первая мысль объ устройствѣ тайнаго политическаго общества у насъ въ Россіи, какъ кажется, навѣяна была подобными же тайными обществами, основанными въ Германіи для низверженія французскаго владычества. Когда въ 1813 году наши войска вступили въ Германію, то патріотическая мысль этихъ обществъ, втайнѣ покровительствуемыхъ владѣтельными государями, полюбилась нашимъ воинамъ, особенно тѣмъ, которые воспитывались за границей. Хотя причина, подавшая поводъ къ учрежденію тайныхъ обществъ въ Германіи, у насъ не существовала, по отсутствію всякаго иноземнаго владычества, но самая мысль таинственной политической дѣятельности, представляющей столько пищи для юнаго честолюбія, ограниченнаго тѣсными

рамками обыденной жизни, показалась столь соблазнительною и заманчивою, что дѣло не могло остановиться на полдорогѣ. Въ особенности же пребываніе нашихъ войскъ во Франціи, издревле славившейся неумѣніемъ подчиняться какой либо власти, произвело сильное впечатлѣніе на понятія нашихъ соотечественниковъ, и безъ того уже пріученныхъ съ дѣтства своими гувернерами къ преклоненію предъ такъ называемыми великими идеями французской революціи. При этомъ необходимо вспомнить, что въ то время вся образованная часть націи, въ особенности обитатели обоихъ столицъ, были увлечены какимъ-то горячечнымъ стремленіемъ къ устройству разныхъ обществъ, ученыхъ, литературныхъ и благотворительныхъ, изъ которыхъ многія существуютъ еще и нынѣ. Это всеобщее стремленіе отчасти поддерживалось и самимъ государемъ, который при началѣ своего царствованія не препятствовалъ существованію масонскихъ ложъ, имѣвшихъ въ числѣ своихъ членовъ очень многихъ лицъ, близкихъ къ государю. Хотя нѣтъ основанія предполагать, будто самъ императоръ былъ членомъ масонства, но что касается до посѣщенія имъ масонской ложи, то въ этомъ едва ли можно сомнѣваться [34]). Свобода въ устройствѣ разныхъ обществъ въ то время была почти безгранична. Въ Михайловскомъ замкѣ, въ квартирѣ графини Буксгевденъ, не-

---

[34]) Александръ Муравьевъ не разъ разсказывалъ своимъ братьямъ, что императоръ во время посѣщенія масонской ложи, при встрѣчѣ съ нимъ, попросилъ его что то объяснить себѣ. Изъясняясь съ государемъ, Муравьевъ обращался къ нему, по масонскому обычаю, во второмъ лицѣ единственнаго числа. Это обстоятельство произвело на государя, какъ можно было замѣтить, неблагопріятное впечатлѣніе, и послѣ того, кажется, онъ болѣе не пріѣзжалъ уже въ ложу. Съ той поры, по словамъ Муравьева, началось видимое неудовольствіе къ нему императора. А. Муравьевъ былъ начальникомъ ложи Трехъ Добродѣтелей.

большое общество едва не открыто проповѣдывало новое религіозное ученіе, извѣстное подъ названіемъ хлыстовщины, или кружащихся дервишей, собираясь еженедѣльно для отправленія своихъ сумасбродныхъ обрядовъ или радѣній и привлекая въ среду свою довѣрчивыхъ неофитовъ. Терпимость въ этомъ отношеніи была столь велика, что къ проживавшему тогда въ Петербургѣ главѣ скопцовъ, крестьянину Селиванову, на поклоненіе и для религіозныхъ бесѣдъ съѣзжались сотни лицъ, даже изъ высшаго круга, и увлеченіе наконецъ простерлось до того, что одинъ скопецъ и скопитель, камергеръ Еленскій, рѣшился представить статсъ-секретарю Новосильцову офиціальную записку объ исходатайствованіи высочайшаго покровительства для скопческой ереси. Современники той эпохи весьма часто и теперь говорятъ: «Да кто же не былъ въ наше время масономъ или членомъ какого либо общества?» Но были тогда люди, которымъ не могли понравиться литературныя, ученыя или иныя общества, имѣвшія цѣлію одно пріятное препровожденіе времени. Извѣстный Кургановъ [35]), еще въ началѣ царствованія

[35]) Кургановъ, Николай Гавриловичъ, родился въ Москвѣ 1726 г. Подъ руководствомъ Попова и Красильникова, онъ упражнялся много лѣтъ въ астрономическихъ наблюденіяхъ на академической обсерваторіи. Потомъ ѣздилъ съ Красильниковымъ моремъ въ лифляндскіе и эстляндскіе города и на острова для опредѣленія тамъ широтъ, долготъ и склоненія компаса, съ цѣлію исправленія картъ. Съ 1750 года, говоритъ Кургановъ, былъ еще профессоръ Гришовъ, который со мною отправлялъ важныя астрономическія наблюденія больше года въ Аренсбургѣ, ради точности лунной теоріи, потребной для исправнаго сысканія долготъ на морѣ, и сіе было 1752 года. Онъ производилъ потомъ инструментальныя наблюденія надъ прохожденіемъ Венеры въ 1761 и 1769 годахъ, съ колокольни Благовѣщенской церкви, въ присутствіи ученыхъ полковниковъ Шубина и Дьякова, капитана Смирнова и доктора Штелина. Кромѣ

Екатерины, писалъ о лицемѣріи масоновъ и безплодности ихъ засѣданій. Масонство двадцатыхъ годовъ едва ли было болѣе привлекательнымъ и интереснымъ, хотя извѣстный говорунъ Н. И. Гречъ, другъ начальника тогдашней тайной полиціи фонъ-Фока, и весьма усердно оживлялъ въ ложѣ Астреи вечернія бесѣды сочленовъ потоками своего краснорѣчія. В. Н. Каразинъ въ 1820 году, во время засѣданія общества «Соревнователей», торжественно замѣтилъ о бросающейся всѣмъ въ глаза пустотѣ занятій и изданій общества и о необходимости придать имъ болѣе строгое и ученое направленіе. Почти въ то же самое время М. Орловъ высказалъ членамъ Арзамаса подобное же замѣчаніе, но въ болѣе скромной и мягкой формѣ желанія обратить дѣятельность своихъ сочленовъ къ занятіямъ болѣе достойнымъ просвѣщенныхъ людей. Весьма естественно, что такая кроткая, мирная общественная дѣятельность не могла быть по сердцу тогдашнихъ молодыхъ военныхъ людей, кипѣвшихъ честолюбіемъ и привыкшихъ

упомянутыхъ Евгеніемъ сочиненій, Кургановъ издалъ: 1) Описаніе гаррисоновыхъ морскихъ часовъ, 2) астрономической морской календарь, 3) Новый способъ счисленія хода корабля и вооруженіе флота, 4) Синопсисъ натуральной философіи, 5) Штурманская наука или морской путеводитель, 6) Универсальная ариѳметика или всеобщій числовникъ, 7) Россійская универсальная грамматика или всеобщее письмословіе, 1769. Мы рѣшились упомянуть объ астрономическихъ трудахъ Курганова и его изданіяхъ, потому что о нихъ не упоминается въ Словарѣ писателей митрополита Евгенія. Произведенія Курганова были пересыпаны анекдотами, не лишенными остроумія, и потому скоро раскупались. Такимъ образомъ намекая на дурно изданный академіею календарь, Кургановъ говоритъ: „Нѣгдѣ одинъ календарщикъ былъ вопрошенъ, для чего его предсказанія погодъ не столь сбываются лѣтомъ, какъ зимою, а особливо въ 1768 году? Отвѣчалъ: „для того, что лѣтомъ обыкновенно молебствуютъ, либо о дождѣ, либо о ведрѣ, а зимою нѣтъ.» Кургановъ умеръ 13 января 1796 года.

мечемъ разсѣкать всѣ затрудненія на пути жизни. Уставъ италіянскихъ угольщиковъ болѣе согласовался съ душевнымъ настроеніемъ тогдашней молодежи. Вскорѣ по возвращеніи изъ Франціи въ 1816 году гвардейскіе офицеры: Александръ Николаевичъ Муравьевъ, старшій братъ Михаила Николаевича, Никита Михайловичъ Муравьевъ, князья Сергѣй Трубецкой и Илья Долгоруковъ, Ѳедоръ Глинка, Новиковъ, Лунинъ и семеновскіе офицеры: князь Шаховскій, Сергѣй и Матвѣй Муравьевы-Апостолы и Якушкинъ, задумали основать тайное общество по образцу недавно ими видѣнныхъ за границей.

Для изслѣдователя, прочитывающаго нынѣ подлинныя показанія этихъ основателей тайныхъ политическихъ обществъ, любопытнѣе всего то обстоятельство, что главнѣйшимъ своимъ побужденіемъ всѣ они согласно выставляли несоотвѣтственность нашего гражданскаго и общественнаго строя съ тѣмъ, который довелось имъ увидѣть за границей. Пестель же, въ которомъ олицетворялись всѣ задушевныя стремленія декабристовъ, еще откровеннѣе обрисовалъ въ своихъ показаніяхъ неглубокій источникъ, изъ котораго онъ черпалъ идеи для своихъ реформъ, сознавшись, что несоблюденіе въ нашемъ государственномъ управленіи политическихъ правилъ, прочитанныхъ имъ въ сочиненіяхъ Руссо, Бенжамена Констана, Дестутъ-де-Траси и другихъ авторовъ, а также заманчивыя похвалы въ газетахъ американской конституціи, побудили его заняться переустройствомъ Россіи. Къ необходимости преобразованій декабристы приведены были не путемъ основательнаго изученія своихъ родныхъ учрежденій, но привычкою съ дѣтства вращаться между иностранцами и усвоеніемъ отъ нихъ убѣжденія, что только чужеземныя формы политической жизни могутъ осчастливить Россію. Эта ослѣпленная, неудержи-

мая страсть къ подражанію и неразборчивому позаимствованію составляетъ неизмѣнную психическую черту декабристовъ, объ односторонности которой они кажется и не подозрѣвали. Даже лучшія изъ ихъ увлеченій лишены самобытности, напримѣръ, освобожденіе крестьянъ не было у нихъ плодомъ наблюденій, извлеченныхъ изъ дѣйствительной жизни, но случайностію, навѣянною извнѣ, и если привлекло къ себѣ сочувствіе Тургенева, то не потому, что народъ или государство терпѣли отъ неравноправности многочисленнаго и полезнаго сословія гражданъ, но потому, что судьбѣ угодно было случайно приблизить Николая Тургенева къ извѣстному министру Штейну, занимавшемуся въ Пруссіи устройствомъ земледѣльческаго сословія.

Въ февралѣ 1817 года Никитой Муравьевымъ былъ введенъ въ этотъ кружокъ Павелъ Пестель, служившій въ Митавѣ адъютантомъ при князѣ Витгенштейнѣ, командирѣ 1-го пѣхотнаго корпуса, бывшаго впослѣдствіи главнокомандующимъ южною арміею, благодѣтельствовавшемъ Пестелю, а потомъ исходатайствовавшемъ ему званіе командира Вятскаго пѣхотнаго полка. Съ появленіемъ этого новаго лица въ кружкѣ молодыхъ людей, бесѣды, до того неопредѣленныя, направились къ отысканію и подготовленію средствъ для совершенія въ государствѣ переворота, долженствовавшаго создать въ Россіи образъ правленія, сходный съ существующими въ другихъ странахъ Западной Европы. Люди, наиболѣе знавшіе народные нравы и потребности Россіи, говорили въ пользу монархическаго правленія. Но большинство, пораженное новизнами, видѣнными за границей, почитало весь строй нашей государственной и общественной жизни старымъ хламомъ, годнымъ лишь для уничтоженія. Наиболѣе нравился тотъ образъ правленія, который былъ наименѣе извѣстенъ;

соблазнялись неистовыми сценами временъ террора девяностыхъ годовъ, то есть тѣмъ, что заслуживало одного омерзѣнія. Политическія реформы при пособіи кинжала казались самыми практическими. Къ чести князя Ильи Долгорукова и Шипова, на квартирѣ котораго происходила бесѣда, должно замѣтить, что они первые возстали смѣло и рѣшительно противъ сумазбродныхъ увлеченій Пестеля, впервые высказавшаго преступную мысль о цареубійствѣ. Вскорѣ однакожъ немногіе сторонники монархическаго правленія должны были смолкнуть предъ краснорѣчіемъ Пестеля и республиканскій образъ правленія былъ признанъ за наиболѣе совершенный. Всѣ препятствія, долженствовавшія возникнуть при введеніи этого новаго правленія, предполагалось уничтожить кровавыми мѣрами, не стѣсняясь обиліемъ жертвъ. Отвратительный цинизмъ, съ которымъ потомъ обсуждались эти мѣры и предлагались услуги для торжества республиканскихъ идей, невольно заставляетъ сомнѣваться и въ свободолюбивыхъ понятіяхъ сторонниковъ Пестеля и въ пригодности полученнаго ими воспитанія, столь скуднаго понятіями о долгѣ и нравственности и столь богатаго легкомысліемъ и пустословіемъ французскихъ трагедій. Небольшой кружокъ офицеровъ гвардейскаго корпуса, подчинившись вліянію Пестеля, вскорѣ превратился въ настоящій заговоръ или тайное политическое общество, получившее названіе Союза Спасенія или истинныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества. Для руководства этому новому обществу Пестель сочинилъ уставъ на началахъ двойственной нравственности, изъ которыхъ одна была для посвященныхъ въ истинныя цѣли общества, а другая для непосвященныхъ. Такимъ образомъ негласною цѣлію общества было уничтоженіе въ государствѣ монархической власти и созданіе на ея мѣстѣ республиканскаго правленія; при чемъ съ буколи-

ческимъ простодушіемъ предполагалось превратить Имперію въ группу федеративныхъ областей; гласною же цѣлію — способствовать всему полезному, если не содѣйствіемъ, то хотя изъявленіемъ одобренія, оглашая предосудительные поступки недостойныхъ общей довѣренности чиновниковъ, особенно же стараться усиливать общество пріобрѣтеніемъ новыхъ надежныхъ членовъ. Общество, подраздѣленное Пестелемъ на братій, мужей и бояръ, управлялось верховнымъ соборомъ бояръ, и вновь вступившій въ общество, обязанъ былъ давать клятву о храненіи втайнѣ всего, что ему откроютъ, хотя бы то и было несогласно съ его мнѣніемъ. Законодательный трудъ Пестеля, при всей своей незрѣлости и крайней заносчивости, однако же доставилъ ему преобладающее вліяніе на общество. Сынъ жестокосердаго и самовластнаго генералъ-губернатора Сибири, Павелъ Пестель былъ замѣчателенъ по своему упрямому и необузданному характеру, превосходной памяти и увлекательному дару слова. Къ рѣчамъ своимъ онъ обыкновенно приготовлялся и любилъ уснащать ихъ глубокою эрудиціею, но при повѣркѣ однакожъ весьма часто оказывалось, что запасъ ея былъ очень не великъ. При всѣхъ способностяхъ своего ума и отличномъ внѣшнемъ образованіи, онъ совершенно не зналъ Россіи, которую думалъ преобразовать, и всѣ свои свѣдѣнія о ней почерпалъ преимущественно изъ французскихъ писателей, искони славившихся своимъ невѣдѣніемъ и непониманіемъ всего, что относится къ Россіи. Такимъ образомъ въ уставѣ своемъ, названномъ имъ впослѣдствіи Русскою Правдой, при раздѣленіи Россіи на федеральныя области, онъ обнаружилъ незнакомство съ самыми элементарными географическими понятіями: по отдѣленіи отъ государства въ составъ будущей Польши почти всѣхъ западныхъ областей, онъ образовалъ изъ трехъ прибалтій-

скихъ губерній, Новгородской и Тверской особую область, которой придалъ названіе Холмогорской; а изъ губерній: Архангельской, Ярославской, Вологодской, Костромской и Пермской — Сѣверскую или Сѣверянскую. Въ нравственномъ отношеніи, онъ представлялъ полнѣйшее ничтожество: приглядываясь къ себялюбивымъ инстинктамъ его, презрѣнію чужихъ правъ, непомѣрному высокомѣрію и склонности къ насильственнымъ мѣрамъ, казалось, что природа хотѣла совокупить въ немъ всѣ грубыя страсти, отличающія мелкихъ деспотовъ Средней Азіи. Нѣмецъ по происхожденію, иностранецъ по воспитанію, протестантъ по религіи, онъ не былъ связанъ съ Россіею никакимъ родственнымъ, безконечнымъ по любви, чувствомъ; она не столько была для него отечествомъ, какъ страною себялюбивой эксплоатаціи. По своимъ политическимъ воззрѣніямъ Пестель скорѣе всего подходилъ къ разряду крайнихъ макіавелистовъ, для которыхъ нѣтъ въ мірѣ ничего святаго. Нельзя читать безъ невольнаго отвращенія, попытокъ Пестеля устроить заговоръ въ заговорѣ противъ своихъ товарищей-декабристовъ, съ тѣмъ, чтобы самому воспользоваться всѣми плодами замышляемаго переворота. Двуличіе и вѣроломство съ особенною яркостію обнаружились во время слѣдствія въ предположеніи его, чтобы послѣ истребленія царствующей фамиліи, всѣхъ заговорщиковъ-убійцъ, имъ же возбужденныхъ, немедленно предать смертной казни и такимъ образомъ, явивъ себя предъ народомъ мстителемъ за императорскую фамилію, отклонить отъ себя и отъ своихъ друзей всякое подозрѣніе въ гнусномъ злодѣйствѣ. Никита Муравьевъ, находясь уже въ Сибири, отзывался о немъ въ выраженіяхъ, исполненныхъ глубочайшаго презрѣнія, и почиталъ его главнымъ виновникомъ общаго несчастія, втянувшимъ декабристовъ въ омутъ безумныхъ революціонныхъ утопій.

Для полноты характеристики Пестеля необходимо еще присовокупить, что для возбужденія въ нижнихъ чинахъ своего полка неудовольствія противъ императора Александра I, онъ подвергалъ ихъ жесточайшимъ наказаніямъ, при которыхъ обыкновенно изъявлялъ притворное сожаленіе къ истязуемымъ, увѣряя ихъ, будто жестокость ему предписана свыше. «Пусть думаютъ, говорилъ онъ, что не мы, а высшее начальство и самъ государь причиною излишней строгости.»

Поведеніе Пестеля при слѣдствіи не отличалось достоинствомъ и прямодушіемъ, которыхъ слѣдовало бы ожидать отъ человѣка съ устоявшимися убѣжденіями. На первомъ допросѣ, онъ отперся отъ всего и объявилъ, что кромѣ масонскихъ ложъ, онъ никогда не былъ членомъ какихъ-либо тайныхъ обществъ, а о Союзѣ Благоденствія даже и не слыхалъ. Впослѣдствіи же, когда масса уликъ и обличеній заставила его выдти изъ системы безусловныхъ запирательствъ, онъ сталъ припутывать къ дѣлу, безъ всякой надобности, множество лицъ, или совершенно постороннихъ заговору, или же давно уже прервавшихъ всякую связь съ тайными обществами. На однихъ онъ взводилъ преувеличенныя обвиненія, на другихъ же набрасывалъ роковыя подозрѣнія, за которыя пришлось потомъ многимъ поплатиться. Такимъ образомъ, онъ показалъ на доктора Вольфа, человѣка смирнаго и добродушнаго, будто ни одинъ членъ не проповѣдывалъ такъ кровопролитіе, какъ онъ. Можетъ быть, подобною тактикой, онъ думалъ поставить правительство въ затрудненіе, полагая, что привлеченіе къ дѣлу множества лицъ заставитъ прекратить дальнѣйшее слѣдствіе и оставить виновныхъ безъ наказанія; но подобный расчетъ не могъ имѣть успѣха и показалъ только недоброжелательное отношеніе его къ своимъ сотоварищамъ по несчастію. Поэто-

му никто не имѣлъ столько очныхъ ставокъ и прискорбныхъ обличеній въ искаженіи правды, какъ Пестель. Въ этомъ отношеніи, онъ составлялъ рѣзкую противоположность съ Рылѣевымъ, который нисколько не скрывалъ своихъ прежнихъ увлеченій, откровенно разсказалъ свое участіе въ заговорѣ и, выставивъ себя главнымъ двигателемъ возмущенія, привлекъ на свою голову наибольшую тяжесть обвиненій, какъ полагаютъ, съ цѣлію освободить своихъ друзей отъ грозной отвѣтственности. Это обстоятельство, кажется, объясняетъ, почему общественное мнѣніе отнеслось къ Рылѣеву благосклоннѣе, чѣмъ къ прочимъ политическимъ преступникамъ [36]. Въ то время

---

[36]) Рылѣевъ, К. Ѳ., былъ главнымъ распорядителемъ возмущенія на Сенатской площади, обдуманнаго въ его квартирѣ, находившейся на перепутьѣ и сдѣлавшейся для заговорщиковъ сборнымъ пунктомъ. Бывъ арестованъ около полуночи 14 декабря, онъ въ ту же ночь на допросѣ откровенно высказалъ свою ролю, стараясь ослабить вину сотоварищей. Бывъ убѣжденъ, что все обойдется мирно, онъ былъ въ отчаяніи отъ безпорядковъ и кровопролитія, которыя по его мнѣнію произошли единственно отъ неприбытія на площадь князя Трубецкаго. „Опытъ показалъ, что мы мечтали, полагаясь на такихъ людей, каковъ князь Трубецкой. Страшась, чтобы подобные же люди не затѣяли чего нибудь подобнаго на югѣ, я долгомъ совѣсти и честнаго гражданина почитаю объявить, что около Кіева, въ полкахъ, существуетъ общество. . . . Открывъ откровенно и рѣшительно, что мнѣ извѣстно, я прошу одной милости пощадить молодыхъ людей, вовлеченныхъ въ общество, и вспомнить, что духъ времени — такая сила, предъ которою они не въ состояніи были устоять.» По поводу сношеній съ адмираломъ Мордвиновымъ, онъ отвѣтилъ: „г. Мордвинова узналъ я по собственному его желанію и былъ у него съ Ѳ. Н. Глинкою. Поводомъ сего была ода, мною написанная, въ коей я объ немъ упоминалъ. Чрезъ нѣсколько времени, онъ предложилъ мнѣ мѣсто въ Американской компаніи, правителя канцеляріи, которое я получилъ въ началѣ прошлаго года. Послѣ того, имѣлъ съ нимъ сношенія по

носился въ городѣ слухъ, очень похожій на истину, будто по разсмотрѣніи доклада, представленнаго верховнымъ уголовнымъ судомъ, императоръ Николай выразился слѣдующимъ образомъ о главныхъ виновникахъ смуты: «Въ Пестелѣ я вижу соединеніе всѣхъ пороковъ заговорщика, въ Рылѣевѣ же — всѣхъ добродѣтелей.»

Съ теченіемъ времени Союзъ Спасенія хотя и увеличивался въ своемъ составѣ, но за то многіе члены, вдумавшіеся въ планы своего законодателя, стали отставать отъ союза и затѣмъ прекратили всякія съ нимъ сношенія. Союзъ предполагалъ присоединить къ себѣ кружокъ Михаила Орлова, но не имѣлъ въ томъ успѣха. Орловъ думалъ составить общество только для наблюденія за лихоимствомъ и другими безпорядками внутренняго управ-

дѣламъ компаніи и видѣлся у него по утрамъ, когда было нужно.“ О Грибоѣдовѣ онъ показалъ; „Грибоѣдова я не принималъ въ общество; я испытывалъ его, но нашедъ, что онъ не вѣритъ возможности преобразовать правительство, оставилъ его въ покоѣ. Если же онъ принадлежитъ обществу, то могъ его принять кн. Одоевскій, съ которымъ онъ жилъ, или кто либо на югѣ, когда онъ тамъ былъ.“ Вся ложь несбыточныхъ замысловъ развернулась передъ Рылѣевымъ, когда онъ, стоя на углу Сената, увидѣлъ выстрѣлы, кровь и падавшія жертвы. Сознавая съ этой минуты свою преступность и неизбѣжность тяжкаго искупленія, Рылѣевъ смѣло и рѣшительно раскрылъ предъ коммиссіею всѣ свои дѣйствія: „Признаюсь чистосердечно, говорилъ онъ, что я самъ себя почитаю главнѣйшимъ виновникомъ происшествія 14 декабря, ибо не смотря на все вышесказанное, я могъ остановить оное и не только того не подумалъ сдѣлать, а напротивъ еще преступною ревностію своею служилъ для другихъ самымъ гибельнымъ примѣромъ. Словомъ, если нужна казнь для блага Россіи, то я одинъ ее заслуживаю, и давно молю Создателя, чтобы все кончилось на мнѣ, а всѣ другіе чтобы были возвращены ихъ семействамъ, отечеству и доброму государю его великодушіемъ и милосердіемъ.“ Біографическія свѣдѣнія о Рылѣевѣ были напечатаны мною въ мартовской книжкѣ Русскаго Вѣстника за 1869 годъ.

ленія, однако же не иначе, какъ испросивъ на то высочайшее одобреніе [37]).

Неопредѣленность цѣли и невозможность исполненія большей части пестелевскаго устава стали ощущаться самими членами союза. Не за долго передъ отъѣздомъ Пестеля весною 1818 года въ южную армію, куда онъ отправился по случаю назначенія князя Витгенштейна главнокомандующимъ 2-ю арміею, было сдѣлано предложеніе вступить въ союзъ Михаилу Николаевичу Муравьеву вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ его друзей [38]). Изъ донесенія слѣдственной комиссіи извѣстно, что этотъ кружокъ не иначе соглашался присоединиться къ союзу, какъ съ тѣмъ, чтобы союзъ ограничился медленнымъ дѣйствіемъ на мнѣнія, чтобы уставъ онаго, основанный на клятвахъ, правилѣ слѣпаго повиновенія и проповѣдывавшій насиліе, употребленіе страшныхъ средствъ яда и кинжала, былъ отмѣненъ и вмѣсто его принятъ другой, отвѣчающій дѣйствительнымъ, а не мечтательнымъ потребностямъ русскаго общества и потому болѣе удобный для осуществленія. При этомъ предполагалось вмѣсто устава Союза Спасенія, принять другой нѣмецкій Уставъ Союза Добродѣтели или Тугендбунда. Изъ того же донесенія видно, что

[37]) О генералъ-маіорѣ Михаилѣ Орловѣ смотри Донесеніе слѣдственной комиссіи 30 мая 1826 г., стр. 9. *Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля.* Москва 1866 г. кн. III, ч. V, стр. 52 — 53 *La Russie et les Russes par N. Tourgueneff*, Paris. 1847 г. *Изъ дневника и воспоминаній И. П. Липранди* въ *Русскомъ Архивѣ* *1866 г.* *Въ Русской Старинѣ* 1872 г., письмо графа П. Х. Граббе. Считаемъ излишнимъ оправдывать Орлова отъ клеветъ, взведенныхъ на него однимъ декабристомъ, извѣстнымъ по своему легкомыслію.

[38]) По словамъ Пестеля, М. Н. Муравьевъ и Бурцовъ поступили въ Союзъ Спасенія позднѣе прочихъ, но до отъѣзда его въ южную армію, послѣдовавшаго въ маѣ 1818 года. Слѣдовательно, между февралемъ 1817 и маемъ 1818 годовъ.

члены Союза Спасенія, бывшіе тогда въ Москвѣ съ отрядомъ гвардіи, колебались нѣкоторое время въ принятіи новаго устава, но что подъ конецъ рѣшились однако же отстать отъ прежняго, составленнаго Пестелемъ.

Борьба изъ-за устава, возникшая тогда въ средѣ заговорщиковъ, представляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ эпизодовъ тогдашнихъ тайныхъ обществъ. Это была борьба мечтательныхъ увлеченій съ дѣйствительною жизнію, истиннаго просвѣщенія съ ложнымъ, національныхъ идей съ чужеземными и, если угодно, здраваго смысла съ горячечнымъ бредомъ. Въ этой борьбѣ одна изъ самыхъ видныхъ ролей принадлежитъ М. Н. Муравьеву. Оппозиція, организовавшаяся тогда противъ Пестеля, съ цѣлію освободить изъ-подъ его вліянія участниковъ Союза Спасенія, съ великими усиліями была устроена самимъ Муравьевымъ; по крайней мѣрѣ нельзя сомнѣваться, что онъ былъ даже и по словамъ донесенія комиссіи главнымъ редакторомъ новаго устава, совершенно разстроившаго властолюбивыя надежды Пестеля подчинить себѣ членовъ союза въ Петербургѣ и Москвѣ, а также и сѣверное общество, гораздо позднѣе составившееся. Выше мы уже охарактеризовали, на сколько позволили имѣющіеся источники, истинныя побужденія Пестеля; далѣе читатели увидятъ, какими убѣжденіями руководствовался Муравьевъ, вступая въ борьбу съ своимъ противникомъ.

Современники, имѣвшіе возможность близко знать обстоятельства той эпохи, [39]) утверждаютъ, что передѣлка нѣмецкаго устава на русскій ладъ и примѣненіе его къ потребностямъ русскаго общества должны всецѣло принад-

---

[39]) Послѣдующее изложеніе основано главнымъ образомъ на разсказѣ С. Н. Муравьева, роднаго брата покойнаго графа Михаила Николаевича. Принося ему при семъ глубочайшую нашу признательность за доставленіе любопытныхъ свѣдѣній, мы замѣ-

лежать Михаилу Николаевичу Муравьеву, котораго положительно называютъ главнымъ редакторомъ новаго устава, извѣстнаго подъ названіемъ Союза Благоденствія. Правдоподобность этого неоффиціальнаго показанія подтверждается еще и тѣмъ, что современники объясняютъ при томъ и самую причину его дѣятельнаго участія въ составленіи устава Союза Благоденствія. Они говорятъ, что первое предложеніе М. Н. Муравьеву о поступленіи въ союзъ было сдѣлано старшимъ его братомъ Александромъ; но потому-ли, что сей послѣдній не умѣлъ хорошо объяснить цѣлей союза, или потому, что Михаилъ Николаевичъ не слишкомъ-то довѣрялъ благоразумію брата, при всѣхъ своихъ добрыхъ качествахъ человѣка, необыкновенно восторженнаго и способнаго на всевозможныя увлеченія, но только Муравьевъ присталъ къ союзу уже потомъ, когда увидѣлъ, что большая часть его сослуживцевъ и знакомыхъ также принадлежатъ къ Союзу Спасенія. Необходимо при этомъ замѣтить, что общество, называемое нами этимъ именемъ, при началѣ существовало болѣе на бумагѣ, высказывало мысли свои безъ соблюденія какой либо тайны и сочло бы тогда за шутку, еслибъ кому вздумалось назвать членовъ его политическими заговорщиками. При множествѣ безпрестанно возникавшихъ и исчезавшихъ въ то время обществъ, Союзъ Спасенія представлялся Муравьеву чѣмъ-то въ родѣ Общества Математиковъ, или, пожалуй, масонства, собиравшагося въ часы досуга побесѣдовать объ общественныхъ дѣлахъ и послѣднихъ политическихъ новостяхъ. Вообще говоря, вступали въ общество, бесѣдовали въ немъ и спорили съ какою-то легкомысленностію и безсознательностію, нисколько

тимъ, что эти неофиціальныя свѣдѣнія составляютъ весьма важныя дополненія и объясненія для документовъ, изданныхъ правительствомъ.

не придавая цѣны своимъ рѣчамъ и не подозрѣвая, что за безумныя слова придется впослѣдствіи подвергнуться почти столь же тяжкой отвѣтственности, какъ и за дѣйствія. Рѣзкія и пылкія выходки, имѣвшія основаніемъ одно желаніе порисоваться, иногда выходили изъ устъ людей, которые, какъ говорится, неспособны были обидѣть и мухи. Неумѣнье сохранять тайну, неспособность къ дисциплинировкѣ и неизлечимая распущенность, постоянно характеризовали всѣ поступки заговорщиковъ. Несмотря на стѣснительные обряды для поступленія въ Союзъ, случалось, что присутствовали при преніяхъ и принимали въ нихъ участіе люди вовсе не принадлежавшіе къ тайнымъ обществамъ. Даже и въ позднѣйшія времена, члены этихъ обществъ не только свои личныя убѣжденія, но даже и предположенія, обсуждавшіяся на совѣщаніяхъ, высказывали громко въ частныхъ домахъ, въ присутствіи лицъ мало знакомыхъ. Наканунѣ декабрскаго возмущенія, на одномъ многолюдномъ вечерѣ, за ужиномъ, Якубовичъ открыто говорилъ, что завтра произойдетъ возмущеніе гвардіи. Всѣ слушали и молчали. Повторяемъ, присоединенію своему къ Союзу Муравьевъ не придавалъ никакой особой важности.

Недоумѣнія съ его стороны возникли уже потомъ, когда однажды Александръ Муравьевъ явился къ нему съ небольшимъ узелкомъ подъ мышкой. Молча развязавъ узелъ, онъ вынулъ изъ него обложенное малиновымъ бархатомъ Евангеліе и крестъ, которые и положилъ на столѣ. Послѣ этихъ приготовленій, за которыми М. Н. Муравьевъ слѣдилъ съ нѣкоторымъ и весьма естественнымъ недоумѣніемъ, Александръ Николаевичъ обратился къ своему брату съ краткою рѣчью объ обязанностяхъ его, какъ члена тайнаго общества, произнести клятву въ безусловномъ повиновеніи высшимъ членамъ Союза Спа-

сенія и храненіи тайны. Эта формальность показалась М. Н. Муравьеву весьма подозрительною и возбудила между братьями оживленное объясненіе. Вообще не любившій подчиняться какому бы то ни было посторонпему вліянію, Муравьевъ наотрѣзъ отказался отъ этой формальности, замѣтивъ, что, до поступленія въ домъ умалишенныхъ, не можетъ дать на себя подобную кабальную запись, нравственно обязывавшую его покориться всѣмъ, даже самымъ сумасброднымъ требованіямъ распорядителей Союза. Для вразумленія своего несговорчиваго брата, Александръ Муравьевъ принесъ наконецъ уставъ Пестеля, долженствовавшій, по его мнѣнію, совершенно прекратить всѣ недоразумѣнія. Но этотъ послѣдній аргументъ произвелъ дѣйствіе, совершенно обратное. Самолюбивый и неспособный увлекаться громкими фразами, Муравьевъ не могъ примириться съ мыслію, признать въ Пестелѣ какую либо способность къ ролѣ законодателя. При этомъ необходимо замѣтить, что Муравьевъ, уже написавшій два устава (для Общества Математиковъ и Московскаго заведенія для колонновожатыхъ), не безъ основанія почиталъ себя знатокомъ по части сочиненія уставовъ. То произведеніе Пестеля, которое въ то время носило названіе устава Союза Спасенія, а потомъ Русской Правды, поразило Муравьева странною смѣсью какого-то идиллическаго, почти дѣтскаго невѣдѣнія самыхъ обыкновенныхъ предметовъ и чрезвычайно широкихъ политическихъ и даже соціальныхъ затѣй, предъ которыми остановилось бы и смѣлое воображеніе самаго Томаса Моруса. Трезвый умъ Муравьева не могъ примириться съ такими фантазіями, какъ превращеніе однимъ почеркомъ пера единой, нераздѣльной могущественной Россіи въ федерацію боярскихъ республикъ. Ему показалось смѣшнымъ и неумѣстнымъ примѣненіе разныхъ сценическихъ эффектовъ,

кинжаловъ, яда и таинственныхъ обрядовъ къ практикѣ русской жизни. При всей снисходительности къ безцеремонному отношенію Пестеля къ исторіи и политикѣ, нельзя было читать безъ нѣкотораго изумленія смѣлый проэктъ о созданіи во владѣніяхъ и на счетъ Турціи новаго Іудейскаго царства. Пестель полагалъ осуществить этотъ проэктъ отправленіемъ въ Малую Азію двухъ милліоновъ Евреевъ, живущихъ въ Россіи и Польшѣ, въ одной партіи. Затѣмъ всѣ его заботы о дальнѣйшей судьбѣ мозаическаго племени остановились предъ соображеніемъ, отправить ли ихъ подъ конвоемъ или безъ конвоя! Кромѣ того, преобразовательныя его соображенія производили невольныя подозрѣнія и по совершенному отсутствію нравственныхъ началъ и честности убѣжденій. Въ самомъ дѣлѣ, какое довѣріе можно было имѣть къ реформамъ его, основаннымъ исключительно на хитрости и насиліи? Можно ли было повѣрить человѣку, написавшему уставъ для тайныхъ обществъ и помѣстившему въ томъ же уставѣ статью о необходимости немедленнаго ихъ запрещенія, какъ только установится временное правительство? Возможно ли было питать уваженіе къ вождю либеральной партіи, если для прочности новаго конституціоннаго правительства онъ считалъ первою потребностію устройство искуснаго и дѣятельнаго шпіонства, въ которомъ бы шпіонами были люди умные и самой чистой нравственности. Хотя во многихъ мѣстахъ устава и встрѣчались порывы самаго смѣлаго республиканства, но признаковъ просвѣщеннаго народолюбія или предоставленія всѣмъ сословіямъ необходимой доли равноправности въ немъ вовсе не было замѣтно. Напротивъ, были мѣста, ясно намекавшія на такую сосредоточенность власти, которая могла существовать только при самомъ крутомъ единоличномъ правленіи. Эта несообразность можетъ быть объяснена тѣмъ, что Пестель,

составитель устава Союза Спасенія, былъ снѣдаемъ неограниченнымъ честолюбіемъ и, по общему мнѣнію декабристовъ, имѣлъ тайное желаніе воспользоваться всѣми плодами подготовляемаго переворота въ Россіи для достиженія своихъ личныхъ цѣлей. Одинъ изъ самыхъ прямодушныхъ декабристовъ, К. Рылѣевъ, сомнѣвался даже, чтобы скромная роля Вашингтона могла удовлетворить его ненасытное властолюбіе.

Чтеніе Пестелевскаго устава открыло глаза М. Н. Муравьеву и окончательно утвердило его въ рѣшимости не подчиняться правиламъ этого устава, который и по формѣ своей и по содержанію дѣйствительно былъ ниже всякой критики. Но дѣло однако же не могло окончиться однимъ отказомъ Муравьева отъ исполненія условій союза. Съ одной стороны, всѣ члены союза, по большей части его знакомые, желали непремѣнно имѣть его въ своей средѣ: всѣ они хорошо знали его трезвый и проницательный умъ, мѣткость сужденій и твердый не по лѣтамъ характеръ. Съ присоединеніемъ его къ Союзу Спасенія, общество увеличилось бы множествомъ, находившихся подъ его вліяніемъ, молодыхъ людей съ замѣчательными дарованіями. Напротивъ того, въ случаѣ его отказа отъ поступленія въ союзъ, можно было ожидать, что и многіе изъ прежнихъ членовъ отстанутъ отъ него. Съ другой стороны нельзя было и Михаилу Николаевичу прервать вдругъ всѣ сношенія съ обществомъ и бросить такимъ образомъ своего брата, главнаго вчинателя Союза Спасенія, въ жертву всѣхъ случайностей предпріятія, очевидно неосновательнаго и не предвѣщавшаго никакихъ добрыхъ послѣдствій. Необходимо здѣсь еще припомнить, что независимо отъ родственныхъ узъ, М. Н. Муравьевъ былъ еще связанъ съ своимъ братомъ и узами самой живой благодарности: ему онъ былъ обязанъ спасеніемъ своей

жизни, когда послѣ Бородинскаго побоища, раненный и безпомощный, онъ лежалъ въ Можайскѣ на соломѣ и былъ покинутъ всѣми на явную и неизбѣжную смерть. Александръ Николаевичъ былъ также поставленъ въ чрезвычайное затрудненіе: исполненные любви и неотразимые по своей логикѣ доводы брата поколебали увѣренность его не только въ возможность осуществленія безобразныхъ политическихъ проэктовъ, но, что важнѣе всего, и въ самую честность затѣяннаго дѣла, въ которое онъ между тѣмъ увлекъ многихъ изъ своихъ пріятелей. Такъ или иначе нужно было поправить дѣло и вывести своего брата съ честью изъ чрезвычайно затруднительнаго положенія. Къ несчастію, затрудненія усложнялись еще и тѣмъ, что кромѣ брата Александра, долгъ совѣсти требовалъ вырвать изъ опасности и другихъ лицъ, увлеченныхъ въ тайныя общества его братомъ. Эту трудную и чрезвычайно сложную задачу М. Н. Муравьевъ предположилъ разрѣшить слѣдующимъ образомъ: Такъ какъ вся сущность дѣла заключалась въ ложномъ направленіи общества, происходившемъ изъ устава Пестеля, то очевидно, что прежде всего необходимо было сломить это препятствіе. Для совершенія такой операціи представлялось только одно средство—общее согласіе членовъ союза признать уставъ Пестеля негоднымъ и вмѣсто него составить другой, который бы лучше опредѣлилъ цѣль общества, обязанности членовъ и порядокъ дѣятельности. Тогда, полагалъ М. Н. Муравьевъ, можно будетъ написать какой угодно уставъ, даже и такой, что само правительство не затруднится его утвердить. По невозможности распущенія или закрытія Союза Спасенія, Муравьевы полагали дать незамѣтно новое направленіе его дѣятельности, болѣе разумное и плодотворное, чѣмъ безсильныя потуги къ зарожденію политическихъ реформъ. Такое измѣненіе, конечно, могло быть совершено

только съ большою осторожностію. При возбужденной однажды въ обществѣ жаждѣ къ политической дѣятельности, такъ или иначе слѣдовало ее утолить. Отказъ въ удовлетвореніи этой потребности не упразднялъ ее, а только направлялъ членовъ къ Пестелю, источнику всего зла. Муравьевы очень хорошо понимали это затрудненіе, и чтобы спасти своихъ друзей отъ гибельнаго столкновенія съ дѣйствительностію, они придумали дать пищу этой неугомонной дѣятельности, очень похожую на политическую, почти столь же кипучую, разнообразную, требующую знаній и гражданскаго мужества, но болѣе полезную и честную и непредставлявшую опасностей, сопряженныхъ съ ремесломъ заговорщика или спеціалиста по части революцій. Этотъ политическій суррогатъ представлялся М. Н. Муравьеву въ видѣ нѣмецкаго устава, сослужившаго для Германіи столь великую службу во время борьбы ея за независимость въ 1813 году. Не задолго предъ отъѣздомъ своимъ въ Москву, Муравьевъ получилъ отъ князя П. П. Лопухина книжку журнала Freywillige Blätter, въ которой находился уставъ Тугендбунда, въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ, по словамъ издателя, представленъ Штейномъ въ 1808 году на утвержденіе Прусскаго короля. Планъ похода противъ пестелевскаго устава заключался въ слѣдующемъ: дѣло должно было начаться съ заявленія въ первомъ же засѣданіи Союза о необходимости передѣлки устава, недостатки котораго слѣдовало разобрать во всей подробности, останавливаясь въ особенности на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нравственный цинизмъ или невѣжество Пестеля обнаруживались съ особою яркостію. Нападенія на уставъ должны были вестись настойчиво до тѣхъ поръ, пока Союзъ не признаетъ необходимости избранія комиссіи для составленія новаго устава. Доказать же несостоятельность его было очень не трудно; самъ Пестель пода-

валъ оружіе въ руки своихъ противниковъ; почти каждая строка его устава была переполнена заблужденіями, ошибками или чрезвычайною неопытностію. Предполагалось выбрать въ комиссію двухъ Муравьевыхъ — Александра и Михаила и Петра Колошина, отъ котораго Муравьевъ секретовъ не имѣлъ.

Здѣсь мы должны сдѣлать небольшое отступленіе, чтобы охарактеризовать лицо, имѣвшее въ то время громадное вліяніе на политическія убѣжденія Муравьева и на всѣ его дѣйствія. Въ кабинетѣ этого лица выработался планъ похода противъ Пестеля. Мы говоримъ здѣсь о родственникѣ Муравьева по матери, Александрѣ Михайловичѣ Бакунинѣ, человѣкѣ весьма умномъ, высокопросвѣщенномъ и уважаемомъ всею губерніею. Въ прежнія времена онъ долго жилъ въ Италіи и, если не ошибаемся, состоялъ на службѣ при посланникѣ нашемъ въ Неаполѣ Италинскомъ [40]); по выходѣ же въ отставку, проживалъ въ имѣніи своемъ Тверской губерніи, Новоторжскаго уѣзда, въ селѣ Премухинѣ. Во время трехлѣтняго пребыванія въ Твери великой княгини Екатерины Павловны, Бакунинъ былъ изъ числа немногихъ лицъ, пользовавшихся вниманіемъ ея и удостоившихся приглашеній на вечера. Одно время она даже предлагала ему, безъ сомнѣнія по уполно-

[40]) Италинскій, Андрей Яковл., род. въ Ромнахъ 1745 г. Состоялъ при миссіи въ Неаполѣ, сначала совѣтникомъ, а потомъ полномочнымъ министромъ съ 1783 по 9 іюля 1802 г., когда былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ въ Константинополь. Здѣсь онъ находился до времени разрыва, а потомъ при дунайской арміи. По случаю заключеннаго мира онъ получилъ 31 іюня 1812 г. орденъ св. Александра Невск. и опредѣленъ по прежнему въ Константинополь. Въ 1816 г. въ томъ же званіи перемѣщенъ ко дворамъ римскому и флорентинскому. Въ дѣйств. тайные совѣтники пожалованъ не задолго предъ смертью и умеръ 27 іюня 1827 года.

мочію свыше, принять на себя обязанности попечителя казанскаго учебнаго округа. Онъ однакоже предпочелъ занятія хозяйствомъ и впослѣдствіи удовольствовался скромнымъ званіемъ попечителя тверской гимназіи. Къ этому-то Бакунину Муравьевъ питалъ неограниченное довѣріе и во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ своей жизни обращался за совѣтами. Участіе въ политическомъ обществѣ брата Александра давно уже тревожило Муравьева и заставляло призадуматься о послѣдствіяхъ. По этому поводу уже не разъ были у него бесѣды съ Бакунинымъ, который, какъ бывшій свидѣтель кровавой революціи въ Неаполѣ, очень хорошо понималъ, къ чему можетъ привести подобная дѣятельность у насъ. По полученіи отъ брата своего устава Союза Спасенія, Муравьевъ переслалъ рукопись къ Бакунину, прося его сообщить свое мнѣніе объ уставѣ. Въ отвѣтѣ своемъ, Бакунинъ, сдѣлавъ обстоятельный разборъ устава, въ заключеніе выразилъ, не лишенный оригинальности, взглядъ свой вообще на дѣятельность тайныхъ обществъ и на истинное призваніе русскаго дворянства. Бывъ довольно хорошо знакомъ съ потребностями Россіи, Бакунинъ, по политическимъ своимъ воззрѣніямъ, былъ строгій консерваторъ и монархистъ, на опытѣ извѣдавшій кровавыя неудобства перехода верховной власти въ руки людей, не обладающихъ другими качествами, кромѣ свободолюбія. Въ либеральныхъ стремленіяхъ императора Александра, дарованіи полякамъ конституціи и обѣщаніи распространить ее на западныя губерніи, Бакунинъ видѣлъ временное, ошибочное направленіе правительства, увлеченнаго поклоненіемъ западнымъ идеямъ. Осуждая увлеченія тогдашнихъ молодыхъ людей, бредившихъ конституціями, онъ по этому поводу высказалъ Муравьеву, что необходимость въ измѣненіи образа правленія существуетъ только въ воображеніи весьма небольшаго кружка молодежи, не-

давшей себѣ труда взвѣсить всѣхъ бѣдственныхъ послѣдствій, которыя неминуемо произойдутъ отъ малѣйшаго ослабленія верховной власти въ странѣ, раскинутой на необъятное пространство и не имѣющей кромѣ самодержавія никакой органической связи между своими частями. Только благодаря этой власти, Россія хотя медленно, но безостановочно подвигается къ сплоченію посредствомъ законовъ, вѣры и языка разрозненныхъ народностей въ одно здоровое политическое тѣло. Успѣшный ходъ этой великой внутренней работы невозможенъ безъ пособія той правительственной силы, которая создается только единствомъ власти. Усиленіе, а не умаленіе этой власти можетъ обезпечить развитіе народнаго благосостоянія въ нашемъ небогатомъ и рѣдко населенномъ государствѣ. На это неостанавливающееся развитіе иностранцы смотрятъ съ опасеніемъ и завистію, предчувствуя, можетъ быть, что со временемъ порабощенные славяне въ Австріи и Турціи также предъявятъ свои права на самобытное существованіе. Всенародное участіе въ управленіи страною есть мечта, навѣянная намъ микроскопическими республиками древней Греціи; но всѣмъ извѣстно, долго ли они просуществовали? Всѣ эти паутинныя государства были развѣяны однимъ взмахомъ перваго орлинаго крыла. Въ странахъ теплыхъ, богатыхъ и густо населенныхъ, обилующихъ множествомъ образованныхъ и праздныхъ людей, ограниченныя монархіи еще могутъ существовать безъ особаго неудобства; но при нашихъ пространствахъ, суровомъ климатѣ и въ виду неустанной европейской вражды, мы не можемъ переносить аттрибуты верховной власти въ руки другаго сословія, не только не приготовленнаго къ политической жизни, но, по своему младенчеству, и ненаучившагося еще уваженію къ законамъ, если только законъ не подкрѣпленъ механическою силой.

Поэтому самодержавіе представляется у насъ явленіемъ не столько необходимымъ или нужнымъ для интересовъ династическихъ, сколько потребностію для народа и безопасности государственной. Къ этому нужно еще присовокупить, что всѣ конституціонныя монархіи устроивались до сихъ поръ на католической или протестантской почвѣ; но еще понынѣ не было произведено опыта подобныхъ насажденій на почвѣ, проникнутой православіемъ. Ученіе о происхожденіи верховной власти у насъ совсѣмъ иное, чѣмъ въ западной Европѣ: тамъ оно имѣетъ основу гражданскую, у насъ же чисто нравственную — патріархальную. Поэтому связь между монархомъ и народомъ у насъ несравненно крѣпче и безопаснѣе отъ попытокъ всякихъ антрепренеровъ конституцій, чѣмъ въ другихъ странахъ. Наконецъ, если уроки прошлаго должны руководить нашими настоящими дѣйствіями, то мы увидимъ, что всѣ усопшія славянскія государства, Чехія, великое княжество Галицкое, Польша, Новгородъ и Псковъ, погибли отъ одной и той же причины — отъ ослабленія или упадка верховной власти. Поэтому для всякаго честнаго и просвѣщеннаго человѣка существуетъ только одинъ путь — посильное поддержаніе власти и существующихъ законовъ. Какъ бы ни была по временамъ плоха эта власть, но до послѣдней капли крови слѣдуетъ за нее стоять и умирать. Не путемъ анархіи, насилій или заговоровъ противъ правительства мы можемъ достигнуть благоденствія, но распространяя въ народѣ любовь къ труду, трезвости, порядку, чистоплотности и честности; ознакомляя его съ ремеслами и искуствами и развивая просвѣщеніе, мы получимъ возможность исторгнуть его изъ нищеты, и съ тѣмъ вмѣстѣ создать дорогія учрежденія, существующія на западѣ вслѣдствіе громаднаго перевѣса вещественнаго богатства. На эти-то важные пред-

меты и нужно направить дѣятельность вашихъ товарищей, откинувъ всякія политическія шалости и ребяческую игру въ конституціи.

Таковы были политическія убѣжденія стараго дипломата, проникнутаго глубокимъ недовѣріемъ, почти презрѣніемъ къ политическимъ мечтамъ своихъ современниковъ. Муравьевъ усвоилъ эти убѣжденія и, найдя въ нихъ нравственную опору для своихъ дѣйствій, принялъ ихъ за основаніе при составленіи устава Союза Благоденствія.

Неудовлетворительность устава Союза Спасенія впрочемъ была замѣчена еще и прежде другими членами, почувствовавшими невольное отвращеніе къ идеямъ Пестеля. Князь Долгоруковъ и Лопухинъ и братья Шипова, кажется, прежде другихъ, высказали свое мнѣніе по поводу этого устава. О недостаткахъ его можно встрѣтить много замѣтокъ и въ показаніяхъ князя Трубецкаго и Никиты Муравьева. Не мало было членовъ, которые при всемъ своемъ патріотизмѣ не пожелали сдѣлаться заговорщиками. Муравьевъ воспользовался этимъ недовольствомъ и при каждомъ удобномъ случаѣ подшучивалъ надъ уставомъ, увѣряя, что онъ составленъ для разбойниковъ муромскихъ лѣсовъ. Ближайшій его другъ и повѣренный всѣхъ тайнъ, П. И. Колошинъ, дѣйствовалъ усердно и въ томъ же духѣ. Но усерднѣе всѣхъ порицалъ уставъ Пестеля И. Д. Якушкинъ, къ которому онъ былъ присланъ изъ Петербурга съ предложеніемъ вступить въ бояре. Присоединенный Якушкинымъ къ союзу полковый его командиръ фонъ-Визинъ и другіе члены раздѣляли взгляды Муравьева на уставъ. Постоянныя насмѣшки произвели желанное дѣйствіе и большинство стало убѣждаться въ необходимости другаго законоположенія для ихъ общества. Послѣ непродолжительнаго существованія, уставъ Союза Спасенія до такой степени былъ поколебленъ Муравьевымъ въ

общемъ мнѣніи членовъ, что почти всѣми почитался за недѣйствительный.

Засѣданія членовъ происходили тогда въ Москвѣ, куда въ послѣднихъ числахъ сентября 1818 года прибылъ отрядъ гвардіи по случаю торжественной закладки храма Спасителя на Воробьевыхъ горахъ, и оставался тамъ часть слѣдующаго года. Съ отрядомъ прибыли въ Москву и петербургскіе члены Союза Спасенія. Такимъ образомъ засѣданія, на которыхъ возбуждена была рѣчь о перемѣнѣ устава, заключали въ себѣ всѣхъ главныхъ членовъ Союза: Никиту и Александра Муравьевыхъ, Сергѣя и Матвѣя Муравьевыхъ-Апостоловъ, князя Шаховскаго, Якушкина и прибывшаго уже потомъ князя Трубецкаго. Кромѣ того тутъ еще находились Глинка, двое фонъ-Визиныхъ, Михаилъ Муравьевъ, Колошинъ, Бурцовъ и многіе другіе. Прошло нѣсколько безплодныхъ засѣданій въ преніяхъ и спорахъ о томъ, какое дать устройство обществу и въ чемъ должна будетъ заключаться его дѣятельность, но окончательнаго рѣшенія однакожъ не послѣдовало, хотя большинство и соглашалось, что прежній уставъ былъ неудовлетворителенъ. Тогда-то Михаилъ Муравьевъ и Колошинъ представили переводъ на русскій языкъ устава Тугендбунда, требуя введенія его съ примѣненіемъ къ русскимъ нравамъ и особому положенію Россіи; но были поддержаны только Никитой Муравьевымъ, Бурцовымъ, Якушкинымъ и фонъ-Визинымъ. Прочіе, въ томъ числѣ и многіе изъ коренныхъ членовъ настаивали на сохраненіи прежняго устава. Поэтому Муравьевъ объявилъ, что совѣсть не дозволяетъ ему оставаться въ такомъ обществѣ, занятія котораго и самая судьба зависятъ отъ произвола нѣсколькихъ лицъ, обладающихъ при томъ правомъ умерщвлять своихъ товарищей.

Нельзя при этомъ не обратить вниманія, что противъ революціонныхъ стремленій пестелевскаго устава первыми тогда возстали пятеро офицеровъ генеральнаго штаба (три Муравьевыхъ, Колошинъ и Бурцовъ), что, если двое изъ нихъ, Александръ и Никита Муравьевы и были зачинщиками тайныхъ обществъ; то они же первые образумились и рѣшились оставить ложный путь насильственныхъ переворотовъ. Офицеры генеральнаго штаба, какъ люди высшаго образованія, конечно не могли быть чуждыми господствовавшему въ то время умственному движенію или оставаться внѣ потока либеральныхъ идей, волновавшихъ и увлекавшихъ тогдашнее общество, не исключая и самаго императора Александра. Изъ всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба однако же только одинъ Никита Муравьевъ былъ помѣщенъ верховнымъ уголовнымъ судомъ въ число 31 преступниковъ 1-го разряда, но и онъ, во уваженіе совершенной откровенности и чистосердечнаго признанія, былъ отличенъ отъ прочихъ смягченіемъ наказанія [41]). Четверо наиболѣе затѣмъ преступныхъ (Крюковъ, Корниловичъ, Фаленбергъ и Бобрищевъ-Пушкинъ) были виновны въ изъявленіи согласія на замыслы, придуманные не ими, и въ привлеченіи товарищей въ заговоръ, который по ихъ убѣжденію казался неосуществимымъ. Какъ эти четверо, такъ и всѣ остальные затѣмъ офицеры этого корпуса принадлежали къ южной арміи, играли роли весьма второстепенныя и ничтожныя и, очевидно, были увлечены въ общую бѣду какимъ-то неотразимымъ, демоническимъ вліяніемъ Пе-

---

[41]) По всѣмъ вѣроятіямъ основаніемъ для смягченія кары послужили слова, сказанныя имъ въ собраніи заговорщиковъ: „je vais dire à ces messieurs, que la famille impériale est sacrée“ (я объявлю этимъ господамъ, что императорская фамилія должна быть священна).

стеля. Вообще же пассивное участіе въ заговорѣ офицеровъ генеральнаго штаба доказывается и тѣмъ, что ни одинъ изъ нихъ не принималъ участія въ возмущеніи ни въ Петербургѣ, ни около Василькова, — если не считать юнаго, только что произведеннаго въ офицеры, Ипполита Муравьева-Апостола, дѣйствовавшаго при Королевкѣ подъ вліяніемъ братской любви [42]). Поэтому распространенные понынѣ упреки на офицеровъ генеральнаго штаба, будто они были главными и ревностнѣйшими участниками тайныхъ обществъ или декабрскаго возмущенія, едва-ли могутъ быть справедливы по отсутствію прочнаго основанія. Не то важно, принадлежали ли они къ извѣстной средѣ, въ которую втолкнула ихъ судьба, но какъ они дѣйствовали на эту среду? Отрицательныя дѣйствія двухъ братьевъ Муравьевыхъ, Колошина и Бурцова могутъ служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ.

Спокойное и торжественное заявленіе Муравьева произвело сильное впечатлѣніе и невольно заставило многихъ взвѣсить тѣ цѣли, къ которымъ они стремились. Всѣ чувствовали справедливость его словъ и сознавали, что съ его выходомъ, половина членовъ оставитъ общество. Въ это время случилось происшествіе, заставившее всѣхъ снова обратиться къ предложенному Муравьевымъ уставу. Князь Трубецкой прислалъ изъ Петербурга къ Якушкину письмо, извѣщавшее его, будто императоръ рѣшилъ присоединить къ Польшѣ западныя области и, предвидя со стороны русскихъ сопротивленіе, думаетъ со всею царскою фамиліею отправиться въ Варшаву и тамъ обнародовать манифестъ объ освобожденіи крестьянъ; при чемъ

[42]) Такой же юноша былъ и подпоручикъ гвардейскаго генеральнаго штаба графъ Коновницынъ, не имѣвшій еще 18 лѣтъ отъ роду и незадолго до того выпущенный въ офицеры изъ царскосельскаго лицейскаго пансіона.

сообщалъ, что при возникшемъ смятеніи крестьянъ противъ помѣщиковъ, западныя области будутъ присоединены къ Царству Польскому. Это нелѣпое извѣстіе подало поводъ къ заявленію со стороны Якушкина готовности покуситься на жизнь императора. «Убійца не долженъ жить, сказалъ онъ; я совершу ударъ и потомъ самъ застрѣлюсь.» Князь Трубецкой, призванный для объясненій по поводу письма въ Москву, вынужденъ былъ согласиться въ неосновательности своего сообщенія. Тогда сторонники Муравьева заговорили, что настоящій случай лучше всего показываетъ, къ какимъ послѣдствіямъ можетъ привести одно нелѣпое письмо, если уставомъ общества не опредѣлится открытая для всѣхъ членовъ цѣль, если не устранятся изъ него двойная нравственность, политическія реформы и произволъ думы. Когда, послѣ прибытія князя Трубецкаго, все разъяснилось и члены успокоились, то избрана была коммиссія для передѣлки устава, предложеннаго Муравьевымъ. Кромѣ двухъ братьевъ Муравьевыхъ и Колошина, вызвались принять участіе въ работахъ комиссіи Никита Муравьевъ и князь Трубецкой, не жаловавшіе Пестеля за его высокомѣріе и самонадѣянность. Такъ какъ оба они не принадлежали къ интимному кружку братьевъ Муравьевыхъ, то сотрудничество ихъ оказалось безполезнымъ. Никита Муравьевъ хотя на общихъ засѣданіяхъ и вооружался противъ устава Пестеля, но отъ политической ломки однако же не могъ отрѣшиться. Поэтому и составленныя имъ предположенія о занятіяхъ и цѣляхъ общества не могли войти въ составъ устава Союза Благоденствія. Сотрудникъ Муравьева по работамъ въ комиссіи, П. И. Колошинъ, нашелъ, что написанная Никитой Муравьевымъ часть устава не соотвѣтствуетъ прочимъ. Послѣ четырехмѣсячной работы уставъ Союза Благоденствія получилъ оконча-

тельную, всѣми одобренную редакцію. Внѣшняя сторона новаго устава была позаимствована, какъ уже выше сказано, изъ нѣмецкаго устава Тугендбунда и на долю Михаила Николаевича досталось перевести изъ него на русскій языкъ двѣ главы; остальное переводилъ П. И. Колошинъ. Но существенная часть новаго устава, опредѣлившая направленіе и будущую дѣятельность общества, была составлена за-ново. Въ прежнюю форму вложено было новое содержаніе. Нѣтъ нужды говорить, что этотъ уставъ, измѣнившій даже самое названіе общества, начавшагося съ этой поры именоваться Союзомъ Благоденствія, составлялъ рѣзкую противоположность съ уставомъ Пестеля. Вмѣсто легкомысленныхъ экспериментовъ самой неразборчивой и все разрушающей ломки, встрѣчаемой у него на каждой почти строкѣ, Муравьевъ въ своемъ уставѣ проводилъ вездѣ начала зиждительныя, ничего не разрушая и не задаваясь такою трудною задачею, какъ общественная и политическая перестройка русскаго государства; онъ хорошо понималъ, что рѣшеніе подобной задачи не подъ силу не только нѣсколькимъ десяткамъ молодыхъ и неопытныхъ офицеровъ, но даже и для самыхъ могущественныхъ правительствъ; онъ ограничился указаніемъ четырехъ категорій дѣятельности, обнимавшихъ каждая исправленіе такихъ общественныхъ недуговъ, отъ которыхъ наиболѣе въ то время страдала наша юная гражданственность. Имѣя недовѣріе ко всякой таинственной дѣятельности, Муравьевъ хотѣлъ, чтобы Союзъ Благоденствія былъ открытымъ обществомъ и предлагалъ составленный имъ уставъ представить на утвержденіе императора Александра. Но на подобное предложеніе не могли согласиться молодые честолюбцы, горѣвшіе желаніемъ разомъ раздвинуть кругъ своей неугомонной дѣятельности. Въ то время еще у всѣхъ была передъ глазами книга

французской революціи, поднявшей вдругъ на высоту общества множество лицъ, вращавшихся до того въ безвѣстности и ничтожествѣ. Снѣдавшая эту молодежь неутолимая жажда власти и извѣстности помѣшала осуществленію добрыхъ намѣреній Муравьевыхъ. Но хотя уставъ и не получилъ высочайшаго одобренія, все-таки побѣда Муравьевыхъ была не маловажна: новыя правила Союза Благоденствія указывали и на истинно полезную и широкую цѣль, и на честныя средства для ея достиженія. Уставъ Союза Благоденствія составляетъ главнѣйшій документъ тайныхъ политическихъ обществъ александровской эпохи, на основаніи котораго русское общественное мнѣніе привыкло судить и понынѣ судитъ о декабристахъ, забывая, что значительная доля изъ нихъ отвергала осторожныя и благоразумныя правила Союза Благоденствія.

Въ такихъ выраженіяхъ заключается приведенное нами преданіе современниковъ объ участіи М. Н. Муравьева въ тайныхъ политическихъ обществахъ и о происхожденіи устава Союза Благоденствія.

Въ новомъ уставѣ было изъяснено, что одно благо отечества есть цѣль союза, что сія цѣль не можетъ быть противна желаніямъ правительства, что правительство, не смотря на свое могущественное вліяніе, имѣетъ нужду въ содѣйствіи частныхъ людей, что учреждаемое общество хочетъ быть ревностнымъ пособникомъ въ добрѣ, и не скрывая своихъ намѣреній отъ граждань благомыслящихъ, только для избѣжанія нареканій злобы и ненависти будетъ трудиться втайнѣ. Члены дѣлились на четыре разряда или отрасли; каждый долженъ былъ приписаться къ одной изъ нихъ, не отказываясь совершенно и отъ занятій по другимъ. Въ первой предметомъ дѣятельности было человѣколюбіе, то есть успѣхи частной и общей

благотворительности: она имѣла надзоръ за всѣми благотворительными заведеніями, увѣдомляя начальство оныхъ и самое правительство о могущихъ вкрасться въ оныя злоупотребленіяхъ и безпорядкахъ, равно и о средствахъ исправленія или усовершенствованія. Во второй—умственное и нравственное образованіе распространеніемъ познаній, заведеніемъ училищъ, особенно ланкастерскихъ, и вообще содѣйствіемъ въ воспитаніи юношества, равно и чрезъ примѣръ доброй нравственности, разговоры и сочиненія, съ симъ и съ цѣлію общества сообразныя. Членамъ сей второй отрасли порученъ былъ надзоръ за всѣми школами; они должны были питать въ юношествѣ любовь ко всему отечественному, препятствуя по возможности воспитанію за границей и всякому чужеземному вліянію. Въ третьей отрасли вниманіе было обращено на дѣйствія судовъ; члены обязывались не уклоняться отъ должностей по выборамъ дворянства и другихъ въ порядкѣ судебномъ, исправлять оныя съ усердіемъ и точностію, сверхъ того наблюдать за теченіемъ дѣлъ сего рода, ободряя чиновниковъ безкорыстныхъ и прямодушныхъ, даже помогая имъ деньгами, удерживая слабыхъ, вразумляя незнающихъ, обличая безсовѣстныхъ и доводя ихъ поступки до свѣдѣнія правительства. Наконецъ члены четвертой отрасли должны были заниматься предметами, относящимися къ политической экономіи: стараться отыскивать, опредѣлять непреложныя правила общественнаго богатства, способствовать распространенію всякаго рода промышленности, утверждать общій кредитъ и противиться монополіямъ. Членамъ не воспрещалось самимъ обращать вниманіе мѣстныхъ начальствъ на замѣчаемыя ими злоупотребленія, хотя вообще до свѣдѣнія правительства они должны были доходить чрезъ правленіе союза.

Написанный Муравьевымъ уставъ составлялъ одну

первую часть и назывался иногда, по цвѣту переплета, «Зеленою книгой». Вторая часть, сочиненная Никитой Муравьевымъ, какъ мы уже упомянули, была отвергнута обществомъ и сожжена А. Н. Муравьевымъ въ 1822 году, то есть спустя уже три года, какъ онъ прекратилъ всѣ свои сношенія съ Союзомъ Благоденствія.

Напрасно однакоже думали Муравьевы, что тетрадь составленнаго ими устава въ самомъ дѣлѣ можетъ измѣнить роковое направленіе цѣлаго общества, проникнутаго убѣжденіемъ, что только путемъ насилія можно достигнуть исправленія несовершенствъ нашей гражданской жизни. Убѣжденіе несчастное, хотя и свойственное людямъ, исключительно посвятившимъ себя военному ремеслу. Уставъ Союза Благоденствія былъ принятъ въ Москвѣ и Петербургѣ, но въ южномъ обществѣ Пестель не признавалъ новаго устава и дѣйствовалъ совершенно независимо. Хотя при слѣдствіи онъ и увѣрялъ, будто принялъ уставъ Союза Благоденствія, но на дѣлѣ этотъ уставъ былъ имъ отвергнутъ и если показывался вновь поступающимъ членамъ, то собственно для привлеченія ихъ въ заговоръ. Всѣ дѣйствія южнаго общества, руководимаго Пестелемъ, противурѣчатъ и духу и буквѣ устава Союза Благоденствія. Длинный рядъ всевозможныхъ успѣховъ на жизненномъ поприщѣ ослѣпилъ его разсудокъ и породилъ въ душѣ глубокое убѣжденіе, доходившее до фанатическаго вѣрованія въ собственную геніальность, что предъ его дальновидностію должны будутъ исчезнуть всѣ препятствія, существующія для остальнаго человѣчества. «Вліяніе его, говорится въ извѣстномъ донесеніи, бывало рѣдко оспариваемо близкими къ нему сообщниками, однако же въ исходѣ 1820 года и между бывшими въ семъ краѣ (то есть въ расположеніи южной арміи) начали оказываться холодность, несогласіе въ мнѣніяхъ

и возникали жаркіе споры на собраніяхъ, кои бывали у Пестеля и Юшневскаго (генералъ-интендантъ 2-й арміи). Пестель предлагалъ для прекращенія разномыслія устроить дикторство; но это предложеніе было отвергнуто, а положено быть въ Москвѣ съѣзду депутатовъ союза, для точнѣйшаго опредѣленія цѣли и дѣйствій онаго.» На этомъ-то съѣздѣ, происходившемъ въ февралѣ 1821 года, положено было на общемъ засѣданіи уничтожить Союзъ Благоденствія: Тургеневъ, какъ предсѣдатель отъ имени всѣхъ уполномоченныхъ членовъ, объявилъ прочимъ, что ихъ сообщество разрушилось совершенно и навсегда, какъ по возникшему въономъ разномыслію, такъ и для того, чтобы не возбудить подозрѣній правительства. Въ числѣ другихъ членовъ, на засѣданіяхъ этого съѣзда присутствовалъ и М. Н. Муравьевъ. Но это уже были послѣднія сношенія его съ членами союза, съ закрытіемъ котораго прекратилась и дѣятельность Муравьева въ тайныхъ политическихъ обществахъ. Братъ его, Александръ, покинулъ тайныя общества еще въ маѣ 1819 года. Въ показаніяхъ своихъ предъ слѣдственною коммиссіею, онъ говоритъ: «Лучь горней благодати коснулся моей души омраченной; я вдругъ увидѣлъ бездну, надъ которой стоялъ съ несчастными сообщниками, и долго, въ слезахъ раскаянія молилъ небо простить мнѣ, ихъ и мои преступленія. Богъ услышалъ грѣшника; Онъ въ теченіи шести лѣтъ испытывалъ меня тяжкими крестами, смертію дѣтей, страданіемъ жены, разстройствомъ имущества, наконецъ и праведнымъ гнѣвомъ государя и карою закона.» Разсказывая объ измѣненіи своего образа мыслей, онъ присовокупляетъ, что нѣсколько времени онъ не могъ побѣдить ложнаго стыда, и только отклонялся отъ прежнихъ занятій и разговоровъ, но въ 1819 году превозмогъ себя и письменно объявилъ коренному союзу о своемъ мнѣніи,

прося и заклиная всѣхъ послѣдовать его примѣру, отказаться отъ всякихъ противузаконныхъ предпріятій и мыслей. Коренной союзъ отвѣчалъ ему увѣреніями успокоительными, что соглашается съ нимъ и уничтожаетъ общество, которое однакожъ продолжало существовать и было упразднено, какъ мы уже видѣли, только въ февралѣ 1821 года. Послѣдующія событія однако же показываютъ, что и это упраздненіе общества было сдѣлано только для виду и вслѣдствіе рѣшительности мѣръ, обнаруженной правительствомъ по случаю возмущенія Семеновскаго полка.

Изъ вышеприведенныхъ обстоятельствъ можно видѣть, что М. Н. Муравьевъ не только не былъ заговорщикомъ, но даже сдѣлалъ все, что было возможно сдѣлать честному человѣку для уничтоженія заговора, устроеннаго Пестелемъ. Оппозиція Муравьева, какъ мы уже видѣли, имѣла два основанія: одно необходимость вырвать брата Александра изъ дѣла въ высшей степени опаснаго и другое — чисто личное, непомѣрное самолюбіе, не допускавшее его преклониться предъ авторитетомъ Пестеля, который онъ впрочемъ оцѣнилъ безъ ошибки. Эта оппозиція Муравьева выражалась въ написанномъ имъ уставѣ Союза Благоденствія, изъ котораго были исключены политическія цѣли, потомъ въ разрывѣ членовъ сѣвернаго общества съ южнымъ, не могшимъ высвободиться отъ вліянія Пестеля, и наконецъ въ закрытіи самаго союза въ началѣ 1821 года, когда благоразумнѣйшая часть общества Муравьевъ, Михайло Орловъ и другіе должны были отшатнуться отъ людей, невѣдавшихъ, что творятъ.

Изъ представленнаго нами очерка можно видѣть, что Муравьевъ былъ арестованъ за свои старинныя сношенія съ тайнымъ обществомъ, прекратившіяся почти за пять лѣтъ до декабрскаго возмущенія, что эти полузабытыя и давнишнія сношенія никогда не имѣли преступнаго ха-

рактера, напротивъ постоянно клонились къ отвращенію своихъ друзей отъ тѣхъ несбыточныхъ утопій, которыя бывъ порождены иноземнымъ воспитаніемъ и неразумнымъ пристрастіемъ къ несвойственнымъ нашему народу соціальнымъ и политическимъ идеаламъ, погубили лучшій цвѣтъ нашей молодежи.

Совершенное отсутствіе обвиненій, конечно, должно было привести къ освобожденію Муравьева изъ заточенія. Вообще правительство не преслѣдовало сторонниковъ Союза Благоденствія; многихъ членовъ его оно даже не потребовало къ отвѣту. Они сохранили свое общественное и служебное положеніе. Только тѣ изъ нихъ подверглись отвѣтственности, которые и по закрытіи Союза поддерживали связи съ Пестелемъ или съ заговорщиками вновь образовавшагося Сѣвернаго общества. Какъ только слѣдственная комиссія окончила свои занятія, то и было сдѣлано распоряженіе о прекращеніи дальнѣйшаго ареста. Товарищъ дѣтства, А. Н. Мордвиновъ, узнавшій о томъ еще прежде, чѣмъ было сообщено начальству госпиталя, поспѣшилъ извѣстить объ этой радости супругу Муравьева, которая въ прекрасное лѣтнее утро, 3 іюня, пріѣхала къ своему мужу.

Мы предоставляемъ воображенію читателей представить себѣ всю радость свиданія послѣ столь долгой разлуки.

Дѣло о декабристахъ, вскрывшее столько язвъ, разъѣдавшихъ наше общество, имѣло великія и благотворныя послѣдствія для Россіи. Оно вдругъ озарило ту страшную бездну, въ которую государство могло низринуться, еслибы замыслы заговорщиковъ хотя отчасти увѣнчались успѣхомъ. Конечно, ни въ какомъ случаѣ торжество этихъ опасныхъ идеалистовъ не могло быть продолжительно и

законный порядокъ вскорѣ былъ бы возстановленъ, но самое существованіе обширнаго заговора въ теченіи столь продолжительнаго времени уже показывало не нормальное состояніе нашего общества, въ особенности той его части, которая послужила для распространенія заговора столь удобною почвой. Хотя всѣ декабристы, почти безъ исключенія, принадлежали къ военному сословію и дворянству, но они не были представителями ни того, ни другаго. Они не составляли и русской интеллигенціи, хотя всѣ безъ исключенія были люди благовоспитанные и болѣе или менѣе образованные. Они были представителями той части нашего общества, которая, бывъ воспитана иноземцами, совершенно утратила всѣ признаки русской народности. Порвавъ всѣ нравственныя связи съ своимъ отечествомъ, эти политическіе протестанты избрали своею духовной родиной Европу. Поэтому, ихъ праздный и непросвѣщенный наукою патріотизмъ едвали не былъ опаснѣе для русскаго народа самой ослѣпленной вражды чужеземцевъ. Напрасно декабристы въ показаніяхъ своихъ говорили о множествѣ недостатковъ и злоупотребленій нашей администраціи и увѣряли въ искренности желанія своего облагодѣтельствовать Россію свободными учрежденіями, существующими въ другихъ государствахъ. Ничего разумнаго однако же придумать они не могли для исправленія нашихъ гражданскихъ непорядковъ; все ихъ творчество ограничивалось однимъ жалкимъ подражаніемъ такимъ формамъ общественной жизни, для которыхъ у насъ не доставало внутренняго содержанія. Изъ опечатанныхъ у нихъ бумагъ и собственныхъ ихъ показаній можно было видѣть всю безконечную пустоту ихъ политическихъ идеаловъ, отмѣченныхъ необыкновенною скудостью оригинальности и обиліемъ самонадѣянности. Сдѣлавшись эмиссарами европейскихъ идей, они и

не подозрѣвали, что ихъ отечество имѣетъ собственныя: религію, нравственность, политику, исторію и цѣлый складъ общественной жизни, которыхъ нельзя измѣнять по произволу. Знакомые съ Россіей по наслышкѣ, декабристы не замѣтили, что при несомнѣнномъ превосходствѣ Европы въ техническихъ знаніяхъ и искуствахъ, Россія обладаетъ и такими учрежденіями, которыхъ многія государства не въ силахъ создать у себя, напримѣръ религіозную независимость. Россія также свободна отъ той двойственной нравственности, которая на западѣ разъединяетъ церковь и государство или торгуетъ индульгенціями. Декабристы забыли, что Западная Европа за всѣ плоды просвѣщенія, которыми она нынѣ наслаждается, обязана мощнымъ раменамъ Россіи, защитившей ее отъ грознаго наплыва Монголовъ. Убѣжденные по наслышкѣ въ превосходствѣ американской конституціи, они полагали замѣнить ею самодержавіе, какъ будто десть бумаги можетъ въ самомъ дѣлѣ упрочить счастіе русскаго народа, который они знали еще менѣе конституціи; увлеченные празднымъ либерализмомъ, они, повидимому, также забыли, что только количество частной свободы, принесенной въ жертву своему отечеству, можетъ создать сильное государство, способное для осуществленія полезныхъ человѣчеству цѣлей.

По своимъ отрицательнымъ свойствамъ, дѣло о декабристахъ было полезно для Россіи и потому, что послужило поводомъ къ той благотворной реакціи, которая, пріостановивъ систему подражаній, ознаменовала гордымъ самоуваженіемъ наступившее царствованіе и спасла великое дѣло русскаго народа отъ неминуемаго крушенія. Молодой государь смѣлою рукою повернулъ круто кормило государственнаго корабля на путь національной политики. Этотъ рѣшительный поворотъ нашелъ прочную

опору въ твердомъ и независимомъ характерѣ императора Николая. Здравый взглядъ государя на внѣшнія отношенія Россіи выразился въ отвѣтѣ его посланнику, графу Дернбергу, заявившему на Сенатской площади, что присутствіе представителей Европы въ свитѣ государевой должно служить подтвержденіемъ правъ его на престолъ: «Это наше домашнее дѣло», отвѣтилъ императоръ Николай, «въ которомъ Европа ровно ничего не понимаетъ!» Конечно, новое направленіе политики должно было встрѣтить много препятствій, борьба съ которыми не всегда могла увѣнчаться успѣхомъ, но тѣмъ не менѣе въ общемъ характерѣ царствованія императора Николая нельзя не признать систематическаго отрицанія устарѣлой политики своего предшественника.

Эта достопочтенная и мало понятая современниками заслуга отечеству принадлежитъ безъ раздѣла личной дальновидности императора Николая. Заслуга тѣмъ болѣе приносящая ему честь, что до самой кончины своего предшественника онъ былъ совершенно устраненъ отъ всѣхъ государственныхъ дѣлъ. Не далѣе какъ за два мѣсяца до кончины Александра, онъ былъ назначенъ на скромный постъ начальника дивизіи. Изъ всѣхъ словъ и послѣдующихъ дѣйствій сего государя всегда можно было видѣть безграничное уваженіе его къ памяти своего предшественника, котораго онъ почиталъ какъ благодѣтеля и отца. Поэтому надо полагать, что отрицаніе прежней правительственной системы произошло тогда не вслѣдствіе личнаго произвола или пренебреженія къ памяти императора Александра, но какъ удовлетвореніе настоятельнымъ потребностямъ времени. Всеобщее недовольство прежней системой было очень велико. Декабристъ баронъ Штейнгель въ письмѣ своемъ къ императору прямо говоритъ, что всѣ были встревожены и огорчены словами

манифеста, въ которомъ было сказано, что новое царствованіе будетъ продолженіемъ прежняго. Это отрицаніе на первыхъ порахъ выразилось и въ важнѣйшемъ вопросѣ внутренней политики, отношеніяхъ къ Польшѣ. Не далѣе, какъ черезъ три недѣли, онъ опредѣлилъ, нисколько не заботясь о ватиканскихъ перунахъ, положить конецъ латинскому прозелитизму въ западной Россіи, другими словами, уничтожить постыдное уніатство, столь несообразное съ нашими законами и понятіями о вѣротерпимости [43]). Переставъ обращать вниманіе на то, что скажетъ Европа, онъ приказалъ немедленно по вступленіи на престолъ роздать войскамъ не выданныя еще медали за взятіе Парижа, не стѣсняясь, что эта награда можетъ огорчить Французовъ. Могущественнымъ дѣйствіемъ произведенной имъ реакціи призваны были къ дѣятельности забытыя дотолѣ духовныя силы русскаго народа, пособившія создать рядъ славныхъ дѣлъ, которыми мы гордимся и теперь. Силою этой реакціи было издано Полное Собраніе русскихъ законовъ и приведено въ порядокъ отечественное законодательство. Съ тѣмъ вмѣстѣ былъ упраздненъ обвѣтшалый литовскій статутъ и обращена въ археологическій документъ разорванная поляками конституція. Въ силу той же реакціи были закрыты безполезные для просвѣщенія иностранные университеты въ Вильнѣ и Варшавѣ; прекращена унія, отобраны отъ латинскаго духовенства имѣнія, закрыты базиліанскіе и многіе, другихъ орденовъ, монастыри. Для основательнаго знакомства съ

[43]) Прочитавъ представленный директоромъ департамента иностранныхъ исповѣданій Г. И. Карташевскимъ весьма дѣльный докладъ о необходимости освободить уніатовъ, отъ вліянія папистовъ, государь былъ такъ доволенъ предположеніями Карташевскаго, что назначилъ ему 10 января 1826 г. пожизненную пенсію въ 3000 руб.

минувшими судьбами отечества учреждена Археографическая экспедиція, издавшая памятники русской исторіи; приняты мѣры для стѣсненія заграничнаго воспитанія и абсентеизма; православіемъ повѣяло даже и въ такихъ темныхъ углахъ Россіи, какъ Прибалтійскій край. Торжество русской народности отразилось и на зодчествѣ православныхъ храмовъ и даже на обычаяхъ Двора, къ которому дамы должны были уже являться въ русскихъ сарафанахъ и кокошникахъ. Русскіе художники произвели Послѣдній день Помпеи, Мѣднаго змія и для храма Св. Исаакія образцы искусства необыкновенной красоты. Національное направленіе отразилось и на дѣлахъ внѣшней политики: никто не будетъ отрицать, что въ числѣ побудительныхъ причинъ венгерской и двухъ восточныхъ войнъ на первомъ мѣстѣ стояли — защита угнетенныхъ славянъ и православія.

Таковы были въ главныхъ чертахъ послѣдствія декабрскаго возмущенія. Но еще не вдругъ умственная жизнь общества направилась по новому руслу; не могло же оно разомъ отказаться отъ прежняго низкопоклонства предъ Европой, или отъ старой привычки къ подражаніямъ: еще не скоро отрезвляющее дѣйствіе наступившей реакціи могло принести ожидаемые плоды. Старое поколѣніе, произведшее платоническихъ любовниковъ американской конституціи, продолжало скорбѣть о прошедшемъ и видѣло въ декабристахъ несчастныхъ жертвъ, безъ вины пострадавшихъ за одинаковыя съ нимъ убѣжденія. Никто однако же не далъ себѣ труда оцѣнить по достоинству эти убѣжденія, казавшіяся и для самихъ современниковъ хотя и неудобными для осуществленія, но за то очень либеральными. Впрочемъ и въ смыслѣ свободолюбія, убѣжденія эти оказывались несостоятельными, ибо имъ не доставало ни просвѣщенія, ни честнаго отношенія къ своимъ со-

отечественникамъ. Благоразумнѣйшая и просвѣщенная часть тайныхъ обществъ отдѣлилась отъ декабристовъ и не захотѣла съ ними имѣть общенія, когда удостовѣрилась, что они посягаютъ на самые драгоцѣнные интересы русскаго народа. Любопытная борьба съ этимъ ложнымъ, антинаціональнымъ направленіемъ большинства тогдашней интеллигенціи ознаменовала тридцатилѣтнее царствованіе императора Николая. Мы еще будемъ имѣть случай не разъ возвращаться къ этой борьбѣ, пережившей сего государя и неоконченной до настоящей минуты. Что же касается до самихъ заговорщиковъ, то великодушіе и снисходительность къ нимъ тогдашней власти лучше всего свидѣтельствуютъ о спокойномъ и правосудномъ отношеніи императора къ декабристамъ. Для внимательнаго изслѣдователя эти отношенія представляются любопытными и потому, что многіе участники тайныхъ обществъ, въ томъ числѣ и Муравьевы, въ его царствованіе достигаютъ до весьма высокихъ должностей въ государствѣ. Эти отношенія выразились въ умѣренности и незлобіи, съ которыми производилось разслѣдованіе. Членъ слѣдственной комиссіи великій князь Михаилъ Павловичъ, при самомъ началѣ, объявилъ своимъ сотоварищамъ отъ имени государя: «стараться болѣе всего отыскивать не преступниковъ, а невинныхъ.» Уже при концѣ своей жизни, декабристъ Батенковъ, одинъ изъ наиболѣе пострадавшихъ узниковъ, разсказывалъ, что во время слѣдствія хотя и содержали ихъ строго, но притѣсненій не дѣлали, допросы снимались безъ оскорбленій и вообще обходились съ ними очень человѣколюбиво; старики генералы хотѣли только знать истину, и когда доводилось писать отвѣты на вопросы, то нерѣдко, въ случаѣ затрудненій, они сами подсказывали, какъ лучше отписаться. Даже на близкія сношенія съ заговорщиками государь смотрѣлъ весьма снисходи-

тельно. Узнавъ изъ допросовъ князя Одоевскаго, что пріятель его А. А. Жандръ укрылъ его у себя и доставилъ средства къ побѣгу, государь потребовалъ къ себѣ укрывателя. Жандръ откровенно признался, что снабдилъ Одоевскаго шубой и деньгами. На это государь строго замѣтилъ ему: «такимъ образомъ, ты осмѣлился укрывать преступника, котораго я приказалъ арестовать».... Простите ваше величество, я не зналъ объ этомъ повелѣніи.... я виноватъ, но осмѣливаюсь думать, что на моемъ мѣстѣ точно также поступили бы и ваше величество.—Уже безъ всякаго гнѣва государь отвѣтилъ на это: «Совѣтую тебѣ впередъ быть благоразумнѣе.» Впослѣдствіи этотъ Жандръ былъ первоприсутствующимъ сенаторомъ и дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ [44]).

---

[44]) Жандръ, Андрей Андреевичъ, род. въ 1786 г. и на седьмомъ году отъ рожденія остался сиротою послѣ смерти отца, с.-петербургскаго полицмейстера. Онъ сначала служилъ въ сенатѣ, потомъ въ военно-счетной экспедиціи, былъ директоромъ канцеляріи морскаго министерства. Впослѣдствіи былъ членомъ адмиралтействъ-совѣта и управляющимъ черноморскою ревизіонною коммисіею и, наконецъ, первоприсутствующимъ сенаторомъ въ департаментѣ герольдіи. Во времени своей молодости, онъ былъ близокъ со многими извѣстными въ ту пору литераторами. Къ числу его друзей принадлежали: Грибоѣдовъ, А. Пушкинъ, Бѣгичевъ, Крыловъ, кн. Шаховской, Хмѣльницкій, Д. Давыдовъ, Катенинъ, Рылѣевъ, князь Одоевскій и многіе другіе. Его неистощимая память, необыкновенная наблюдательность и какой-то добродушный, сатирическій юморъ, всегда придавали его бесѣдѣ особенную занимательность. До конца своей многолѣтней жизни онъ сохранилъ всю юношескую пылкость своей прекрасной души. Вмѣстѣ съ Грибоѣдовымъ онъ написалъ, для знаменитой въ свое время актрисы К. С. Семеновой, комедію: „Притворная невѣрность“, напеч. въ 1818 г. Имъ же написана, въ подражаніе Шиллеру, миѳологическое представленіе, „Семела“, въ 1825 году. Жандръ умеръ 12 января 1873 г. Грибоѣдовъ подарилъ ему собственноручно переписанный экзем-

По рѣшенію верховнаго уголовнаго суда, пятеро наиболѣе виновныхъ въ вооруженномъ возстаніи поплатились жизнію за свои преступленія; всѣ же прочія отдѣлались болѣе или менѣе продолжительною ссылкой, собственно говоря, географическою перемѣною своего мѣстопребыванія. Но и эти наказанія съ теченіемъ времени не разъ были смягчаемы и слагаемы въ силу манифестовъ и по другимъ случаямъ. Строгій монархъ никогда не мстилъ своимъ врагамъ, замышлявшимъ лишить его жизни и престола; но когда было можно, охотно облегчалъ ихъ участь. Его вниманіе къ сосланнымъ иногда выражалось въ формѣ весьма своеобразной и съ принятіемъ всѣхъ мѣръ, чтобъ не возникли слухи о его мягкосердечіи, которыхъ онъ, сколько извѣстно, не очень жаловалъ. Нижеприведенный случай можетъ подтвердить наши слова. Бывшій экзекуторъ въ управѣ благочинія П. Г. Подгорный, служившій прежде въ фельдъегерскомъ корпусѣ, незадолго передъ своею смертію, разсказывалъ: бывъ неоднократно посыланъ его величествомъ съ бумагами въ Сибирь, предъ

пляръ своей комедіи: „Горе отъ ума", который Жандръ полагалъ, послѣ своей смерти передать въ Императорскую публичную библіотеку. Говоря объ А. А. Жандрѣ, нельзя не упомянуть о необыкновенной, платонической связи его съ Варварою Семеновною Миклашевичъ, женщиною весьма образованною, религіозною и нѣсколько эксцентрическою, съ которою онъ жилъ чуть ли не болѣе двадцати лѣтъ. Она оказала когда-то ему большую услугу, когда онъ былъ въ стѣсненномъ положеніи. Впослѣдствіи же, когда В. С. обѣднѣла, то Жандръ предложилъ ей, раздѣлить съ нимъ его жилище и средства для жизни. Петербургское общество уважило эту необыкновенную связь, ѣздило на вечера къ Жандру и радушно принимало посѣщенія его и Варвары Семеновны. Она занималась литературой и написала извѣстный романъ: „Село Михайловское или помѣщикъ XVIII столѣтія", появившійся въ печати уже послѣ ея смерти.

отправленіемъ я обыкновенно призывался въ кабинетъ. Государь мнѣ выдавалъ нѣсколько сотъ рублей съ приказаніемъ купить пудъ чаю, а на остальныя деньги Жукова табаку и все роздать въ Сибири сосланнымъ по четырнадцатому декабрю. Отпуская меня, государь грозилъ пальцемъ, примолвливая: «но да сохранитъ тебя Богъ примѣшивать тутъ мое имя; чтобы ни одна живая душа не знала, что посылка идетъ отъ меня; а если спросятъ отъ кого, то отвѣчай, что изъ Москвы, отъ неизвѣстныхъ благотворителей».

Глава VII.

Дибичъ. — Зачисленіе Муравьева на службу. — Записка его къ императору Николаю. — Назначеніе вице-губернаторомъ въ Витебскъ. — Назначеніе гражданскимъ губернаторомъ въ Могилевъ. Положеніе Бѣлоруссіи предъ возмущеніемъ 1830 года. Всеподданнѣйшій отчетъ. — Упраздненіе Литовскаго статута. — Записки о преобразованіяхъ по учебной части. — Упраздненіе Виленскаго университета.

Вскорѣ по освобожденіи изъ пятимѣсячнаго заточенія, Муравьеву случилось однажды встрѣтиться съ генералъ-адъютантомъ барономъ Дибичемъ, который, какъ старый офицеръ генеральнаго штаба, давно уже зналъ Муравьева съ самой лучшей стороны и всегда принималъ въ судьбѣ его живое участіе. — Дибичу очень хорошо было извѣстно все дѣло декабристовъ и въ особенности доля участія въ этомъ дѣлѣ каждаго изъ Муравьевыхъ. Дибичъ встрѣтилъ Муравьева какъ стараго сослуживца и выразилъ свою радость, что онъ остался цѣлъ и невредимъ послѣ страшнаго крушенія, сломившаго многихъ изъ ихъ общихъ товарищей. — Внимательное отношеніе Дибича къ Муравьеву, его распросы о томъ, что онъ полагаетъ

съ собою дѣлать, чѣмъ думаетъ заняться и, наконецъ, дружескій совѣтъ вступить въ службу, въ которой, какъ онъ выразился, всегда найдется мѣсто для людей съ его способностями, — побудили Муравьева воспользоваться предложеніемъ барона Дибича. Благодаря радушному содѣйствію этого лица, пользовавшагося въ то время большою довѣренностію императора Николая Павловича, Муравьевъ снова былъ зачисленъ на службу, въ первыхъ числахъ іюля 1826 года, подполковникомъ съ состояніемъ по арміи, то есть получилъ право носить военный мундиръ, но безъ назначенія къ какой либо должности. — Положеніе Муравьева нѣсколько улучшилось отъ такой перемѣны. Принятіе на службу уже свидѣтельствовало, что правительство не считаетъ его въ числѣ лицъ, подозрительныхъ по своимъ политическимъ взглядамъ. — Такъ прошелъ весь 1826 годъ.

По своему нравственному складу Муравьевъ не могъ оставаться въ бездѣйствіи. Перебирая свои старыя бумаги и записки, набросанныя имъ во время многолѣтняго пребыванія своего въ Смоленской деревнѣ, онъ рѣшился воспользоваться множествомъ любопытныхъ замѣтокъ объ устройствѣ и необыкновенныхъ злоупотребленіяхъ тогдашнихъ гражданскихъ управленій, съ которыми довелось ему находиться въ частыхъ сношеніяхъ, начиная со времени неурожая 1820 года. Изъ этихъ-то отрывочныхъ замѣтокъ Муравьевъ задумалъ надосугѣ составить нѣчто цѣлое и, въ теченіе лѣта и осени 1826 года, занялся приведеніемъ ихъ въ порядокъ. — Плодомъ этихъ занятій было составленіе записки объ улучшеніи мѣстныхъ административныхъ и судебныхъ учрежденій и истребленіи въ нихъ взяточничества.

Записку эту Муравьевъ представилъ Годударю при своемъ письмѣ отъ 20 января 1827 года. Въ письмѣ

своемъ, написанномъ по-французски, Муравьевъ говоритъ. «бывъ вынужденъ, лѣтъ семь тому назадъ, вслѣдствіе своей раны оставить военное поприще и поселиться въ отдаленной отъ столицы провинціи, я старался употребить съ пользою свободное время, подготовляя себя къ ознакомленію съ гражданскою службою, единственной,— въ которой я могъ бы еще надѣяться служить моему Государю. Уединеніе доставило мнѣ необходимый досугъ для изученія существующаго у насъ устройства внутренняго административнаго управленія, печальныхъ злоупотребленій повсюду совершаемыхъ, уничтоженія или искаженія самыхъ полезныхъ установленій и, наконецъ, гибельнаго вліянія такого порядка вещей на общественную нравственность. При видѣ этого печальнаго зрѣлища, у меня всегда надрывалось сердце отъ невозможности быть полезнымъ своимъ существованіемъ на гражданскомъ поприщѣ, почему и долженъ былъ ограничиться наблюденіемъ и записываніемъ своихъ замѣчаній объ этомъ источникѣ зла, подтачивающаго наши нравы и породившаго почти всеобщую страсть къ лихоимству и продажности. Можетъ быть, Государь, я и ошибаюсь въ своихъ замѣчаніяхъ о предметѣ столь великой важности, но осмѣливаюсь представить Вашему Величеству свои размышленія, будучи убѣжденъ въ великодушіи и снисходительности, съ которыми Вы примете всякое чувство честное и искренное, внушенное вѣрноподданному естественною привязанностію къ своему Государю и желаніемъ споспѣшествовать своими слабыми силами всеобщему благу.» — Далѣе Муравьевъ говоритъ, «что представляемая имъ краткая записка составляетъ извлеченіе изъ большаго собранія наблюденій, что если основная мысль этой записки удостоится вниманія, то онъ можетъ представить другую, более подробную, подкрѣпленную примѣрами, извле-

ченными изъ опыта, равно какъ и практическими указаніями для исправленія зла. — Въ заключеніи своемъ Муравьевъ поясняетъ, что въ этомъ трудѣ онъ говоритъ вообще, не указывая на неправильныя дѣйствія отдѣльныхъ лицъ, ибо имѣетъ въ виду не намѣреніе вредить кому либо, а найти лѣкарство для исправленія зла, заразившаго наши административныя и судебныя учрежденія.»

На сохранившейся съ этой записки копіи помѣчено собственною рукою Муравьева: «подана Государю Императору 20 генваря 1827 года. Карандашемъ сдѣланныя отмѣтки суть мѣста, Государемъ замѣченныя, при отсылкѣ сей бумаги графу Кочубею, съ которой сія есть копія. 31-го Января того же года, при представленіи, Государь Императоръ лично изволилъ меня благодарить.»

Чтобы дать понятіе объ откровенности, съ которою Муравьевъ относился къ неудовлетворительности тогдашняго порядка вещей, мы приведемъ здѣсь нѣкоторые отрывки изъ представленныхъ имъ тогда записокъ, обратившіе на себя вниманіе императора Николая I-го.

«Ни въ которомъ сословіи, говоритъ Муравьевъ, ни въ частномъ, ни въ общемъ воспитаніи, страсть къ лихоимству не внушается, кромѣ довольно многочисленнаго разряда бѣдныхъ дворянъ и разночинцевъ, отдающихъ обыкновенно дѣтей своихъ въ самые юные годы на обученіе, т. е. на развратъ въ правительственныя мѣста; что тамъ несчастные юноши сіи безъ всякаго надзора и въ нищетѣ научаясь безсмысленному писанію, вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ совершенныя познанія всей промышленности торга служебнаго; научаются безстыдно брать взятки и познавъ весь смыслъ и теорію губернской гражданской службы, состоящей по большой части лишь въ очищеніи бумагъ, въ явномъ лицепріятіи и лихоимствѣ, мнимымъ порядкомъ закона прикрытыми, современемъ

занимаютъ мѣста столоначальниковъ, секретарей всѣхъ палатъ и даже письмоводителей у самихъ губернаторовъ; тутъ они по своему произволу рѣшаютъ дѣла и еще болѣе утверждаютъ постыдную сію систему лихоимства, извлекая свои частныя выгоды и поощряя ненаказанностію своею другихъ на подобныя дѣйствія. — Въ сихъ-то людяхъ (заключается) разсадникъ большей части чиновниковъ гражданской губернской службы, школа, въ которой образуются наши законовѣды, которые часто подъ скромнымъ именемъ секретарей управляютъ цѣлыми губерніями и областями; можно ли ожидать отъ такого образованія иныхъ плодовъ и отъ подобныхъ чиновниковъ правды и правосудія.»

Объ университетскихъ профессорахъ Муравьевъ сообщаетъ слѣдующія замѣчанія: «обратите вниманіе на многіе наши университеты и вы увидите профессоровъ, читающихъ, подъ предлогомъ высшихъ наукъ, самыя элементарныя части оныхъ, приличныя гимназіямъ; въ преподаваніи не найдете ни постепенности, ни методы; профессоръ преподаетъ ту азбуку, которую затвердилъ тому тридцать лѣтъ; наука двинулась впередъ, а онъ остался при старомъ и сдѣлался совершенно ей чуждымъ. У насъ профессора не имѣютъ надобности заниматься науками и слѣдовать за ихъ успѣхами; они ищутъ чиновъ; ничто другое не подстрекаетъ ихъ честолюбія и любви къ наукѣ они не имѣютъ. — Между тѣмъ спокойная, лѣнивая и безполезная жизнь ихъ доставляетъ имъ чины и они любимы начальниками за смиренномудріе, а на успѣхи ихъ преподаванія никто не обращаетъ вниманія. Устройте, чтобы профессора обязаны были издавать ежегодно въ свѣтъ свои лекціи и вы увидите, что большая половина оныхъ столько уже чужды наукамъ, что не въ состояніи будутъ сего исполнить. – У насъ наука среди

великолѣпныхъ зданій, для нее сооруженныхъ, при множествѣ служителей, поставленныхъ для прославленія и распространенія благодѣтельнаго свѣта ея, есть настоящая сирота. Прислужники ея носятъ лишь наружную примѣту — мундиръ почтеннаго званія своего; они нисколько не преданы ей, а подъ предлогомъ мнимаго усердія ищутъ лишь величія свѣтскаго, а не смиренной славы, приличной служителямъ наукъ, — вотъ причина, почему науки чужды еще нашему отечеству; они тамъ водворяются и пускаютъ корни свои, гдѣ имъ душою преданы и служатъ изъ фанатической къ нимъ любви.»

Совершенно новая въ то время мысль устройства въ нашихъ городахъ ремесленныхъ училищъ выражается имъ слѣдующимъ образомъ: «желательно, чтобы кромѣ существующихъ уже учебныхъ заведеній, были еще въ нѣкоторыхъ городахъ, особенно въ столицахъ устроены народныя училища, имѣющія предметомъ не одну теорію наукъ, но самое простое примѣненіе оныхъ къ искуствамъ и ремесламъ; извѣстно, что большое преимущество англійскихъ мастеровыхъ надъ мастеровыми прочихъ государствъ происходитъ не столько отъ врожденнаго искуства рукъ, какъ отъ теоретико-практическаго образованія, котораго у насъ въ семъ классѣ совершенно нѣтъ, и потому сродная склонность русскихъ къ переимчивости и удивительные могущіе быть успѣхи въ издѣліяхъ, — въ невѣжествѣ мастеровыхъ нашихъ имѣютъ ужасную и необоримую преграду. — Всѣ довольно совершенныя издѣлія, дѣлаемыя въ Россіи, производятся же русскими подъ смотрѣніемъ иностранныхъ подмастерьевъ. Придайте нашимъ мастеровымъ поверхностныя свѣдѣнія сихъ иностранцевъ и увидите искуства водворенныя у насъ прочно, и сами безъ толчковъ иноземныхъ возрастающія.»

Для устройства многочисленнаго класса бѣдныхъ дво-

рянъ Муравьевъ предлагаетъ устроить въ губернскихъ городахъ училища на самомъ умѣренномъ казенномъ содержаніи, съ тѣмъ, чтобы можно было въ нихъ, каждому, смотря по способностямъ, получить удовлетворительныя свѣдѣнія для поступленія въ военную службу, для законовѣдѣнія и стряпческаго производства дѣлъ, для хозяйства и даже для теоретическаго и практическаго занятія ремеслами и художествами. По поводу послѣдняго предложенія Муравьевъ замѣчаетъ: «сіе послѣднее можетъ показаться страннымъ; но ежели обратить вниманіе на сей многочисленный классъ бѣдныхъ дворянъ, не имѣющихъ средства къ существованію, то, конечно, увидимъ необходимость его образовать и занять чѣмъ либо полезнымъ для государства, хотя бы и ремеслами. Я думаю, что столь многочисленное сословіе праздныхъ людей, въ теперешнемъ положеніи, весьма для государства пагубно и, кромѣ того, каждый бѣдный дворянинъ самъ тяготится своимъ праздненствомъ и невѣжествомъ. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, особенно пограничныхъ къ древнимъ польскимъ предѣламъ, есть еще особенный разрядъ бѣдныхъ дворянъ, живущихъ цѣлыми деревнями въ видѣ однодворцевъ; они сами обработываютъ свою землю, которой весьма мало имѣютъ, и по свойственной имъ лѣни, невѣжеству, распутству, нищетѣ и гордости, пріобрѣтаемыхъ отъ своихъ привилегій, поставляютъ за стыдъ заниматься какимъ либо ремесломъ, а потому обыкновенно питаются мірскимъ подаяніемъ, которое снискиваютъ въ сосѣдственныхъ губерніяхъ, и въ побродяжествѣ своемъ стыда не полагаютъ; другіе же предаются грабежу и разбою — впрочемъ можно ли отъ нихъ ожидать иной жизни» [1]).

[1]) Муравьевъ говоритъ здѣсь о шляхтѣ, многочисленномъ сословіи, доставшемся намъ по наслѣдству отъ бывшаго Польскаго

Разсматривая образованіе юношества въ частныхъ пансіонахъ, Муравьевъ по этому поводу дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: «такъ какъ воспитаніе юношества по существу своему и важности въ государственномъ отношеніи не можетъ быть отраслью промышленности и предметомъ денежнаго барыша, то весьма бы полезно было отнять сей торгъ у иностранцевъ и даже у русскихъ, пансіонами своими къ сей цѣли стремящихся..... необходимо немедленно подчинить сіи вольные, теперь существующіе пансіоны, предоставленные мнимому присмотру университетовъ и потому, совершенному произволу промышленниковъ, устроителей ихъ, иной строжайшей отвѣтственности и постояннымъ правиламъ, дабы тѣмъ отвратить источникъ

государства, въ которомъ она составляла классъ свободныхъ людей, обязанныхъ поголовною воинскою повинностію. Хотя въ старинныхъ польскихъ памятникахъ она и именовалась рыцарскимъ сословіемъ, но, по свойству своихъ обязанностей и общественному положенію, она соотвѣтствовала нашимъ однодворцамъ и формировалась обыкновенно помѣщиками или высшею шляхтой изъ двории и разныхъ челядинцевъ: лакеевъ, конюховъ, поваровъ, кучеровъ, форейторовъ и туземцовъ, перешедшихъ изъ православія въ папизмъ. Послѣ раздѣла Польши, правительство наше, смѣшавъ эту низшую шляхту съ высшей — въ одно сословіе, сопричислило вслѣдствіе такого созвучія названій, безъ разбора, въ полномъ составѣ къ благородному россійскому дворянству. Такимъ образомъ, уволивъ шляхту отъ поголовной воинской повинности, наше правительство умножило ея права и безъ того весьма обширныя и освободило отъ единственной обязанности защищать государство. Державинъ полагалъ сформировать изъ шляхты ландмилицкіе полки. Къ несчастію, это многолюдное сословіе, простиравшееся еще тогда до полумилліона, голодное и надменное, привыкшее къ праздности и тянувшее своими преданіями къ прежнему порядку вещей, было предоставлено собственной участи и вскорѣ образовало во вновь присоединенныхъ къ Россіи областяхъ тотъ горючій матеріалъ, котораго періодическіе взрывы мы видѣли еще въ недавнее время.

разврата ими часто вселяемый, въ сердца воспитанниковъ. Необходимо также остановить промышленность иноземцевъ, неизвѣстной нравственности, часто съ купленными аттестатами скитающихся по государству, которые по слѣпотѣ родителей и для мнимой надобности правильнаго выговора иностранныхъ языковъ, пріемлются въ гувернеры или наставники къ россійскому юношеству; отъ нихъ весьма часто кромѣ разврата нравственности и безполезной траты времени для юношей не бываетъ иныхъ плодовъ. — Въ замѣну же сихъ наставниковъ бродягъ учредить приличныя заведенія, въ которыхъ бы истинные образователи юношества могли составиться.»

Къ канцелярской тайнѣ Муравьевъ отнесся весьма неблагопріятно и даже выставляетъ ее источникомъ постоянныхъ злоупотребленій. «Соблюдаемая тайна, говоритъ онъ, во всѣхъ дѣлахъ судныхъ и слѣдственныхъ, не подвергая дѣйствія чиновниковъ благодѣтельному сужденію мнѣнія общаго, дѣлаетъ неизвѣстными ихъ нравственныя достоинства и отъемля у хорошихъ чиновниковъ пріятную для нихъ молву ихъ соотечественниковъ, сохраняетъ втайнѣ постыдныя дѣйствія чиновниковъ неблагонамѣренныхъ. — Отъ сего послѣдствіемъ необходимая порча нравственности служащихъ, самоуправства, лицепріятія и многія злоупотребленія. Гдѣ тайна, тамъ всегда удобно возродиться злу, особенно когда постановленія сему способствуютъ. — Допущеніемъ тайнаго производства дѣлъ правительство усыпляя мнѣніе общее и отнимая соревнованіе и стремленіе къ пользѣ, само лишаетъ себя возможности судить о достойныхъ чиновникахъ, ибо не будучи вспомоществуемо мнѣніемъ общимъ, совершенно, такъ сказать, отвлекаетъ себя отъ государства. По сей причинѣ правительство теперь по большой части судитъ о людяхъ не по истиннымъ ихъ нравственнымъ и умственнымъ достоин-

ствамъ, а по исправности бумажнаго порядка, которымъ всегда удобно прикрываются всѣ злоупотребленія; а потому назначеніе въ губернаторы, вице-губернаторы, предсѣдатели палатъ и къ прочимъ губернскимъ должностямъ дѣлается лишь по разсмотрѣнію чиновъ и искательству.»

Жалуясь на безпрестанныя выступленія изъ законныхъ границъ власти, генералъ-губернаторовъ, губернаторовъ и приближенныхъ къ нимъ чиновниковъ, Муравьевъ говоритъ: «когда въ губерніи существуетъ самоуправство, тогда мнѣніе судей не свободно и исполнительная власть, смѣшиваясь съ судебною, отъемлетъ у подсудимаго, не имѣющаго покровителей, всѣ способы къ оправданію, и обратно, иногда виновнаго освобождаетъ отъ преслѣдованія закона. Подобные примѣры, довольно часто у насъ встрѣчающіеся, породили необходимость снискивать не правосудія, а всѣми возможными и угодными для судей способами ихъ доброжелательства; отъ чего утвердилось неуваженіе къ судіямъ и закону, развратилось мнѣніе народное и утвердилась несчастная истина, что съ деньгами будешь всегда правъ.»

Говоря объ укоренившемся въ гражданскомъ вѣдомствѣ взяточничествѣ и необходимости принятія противъ него сильныхъ мѣръ, Муравьевъ замѣчаетъ: «никакія строгія, но справедливыя мѣры не страшны для народа, они гибельны для законопреступниковъ, но пріятны массѣ людей, сохранившихъ добрыя правила и желающихъ блага общаго.»

Не менѣе также любопытно мнѣніе Муравьева о неудовлетворительности общихъ постановленій, особенно по финансовой части, и необходимости предварительно издавать ихъ въ видѣ опыта:.... «кромѣ сказанныхъ причинъ зла, встрѣчаются еще многія весьма важныя, въ числѣ которыхъ я поставляю обнародованіе иногда постановле-

ній, которыя по теоріи могутъ быть весьма хорошими, но въ приложеніяхъ, особенно въ Россіи, часто не возможны и даже гибельны. Постановленія, изданныя въ Дрезденѣ, могутъ примѣниться ко всѣмъ частямъ сего малаго королевства; но въ Россіи, гдѣ столько разнообразныхъ царствъ и областей, гдѣ выгоды однихъ часто противуположны выгодамъ другихъ, общія постановленія существовать не могутъ, и потому какъ скоро таковыя издаются, то почти всегда въ неудобностяхъ своихъ не выполняются и порождаютъ ужаснѣйшее зло, презрѣніе велѣній правительства и мздоимство со стороны мнимыхъ исполнителей онаго.— Примѣромъ тому можетъ служить гильдейское положеніе, казенная продажа вина, паспорты на тридцативерстное разстояніе и проч., которыхъ постановленій несчастныя послѣдствія я самъ былъ свидѣтелемъ. — Мнѣ кажется необходимымъ для предупрежденія подобныхъ бѣдствій, чтобы таковыя общія постановленія, особенно финансовыя, вліяющія столько на благосостояніе народа, прежде настоящаго утвержденія, первый годъ приводились бы въ дѣйствіе съ обязанностію извѣстнымъ властямъ въ губерніяхъ присылать о неудобствахъ ихъ свои замѣчанія; ибо, мнѣ кажется, не возможно требовать отъ министровъ толикаго знанія всѣхъ подробностей государства, столь многообразнаго, чтобы сдѣлать постановленія безошибочныя для всѣхъ частей онаго.»

При всей отрывочности и безсвязности сдѣланныхъ нами извлеченій изъ записокъ Муравьева, можно однако же видѣть, что летаргическое состояніе главнѣйшихъ отраслей тогдашняго внутренняго управленія было не столько продуктомъ воображенія или прихотливой критики Муравьева, сколько печальною дѣйствительностью, засвидѣтельствованною впослѣдствіи и другими лицами, имѣвшими возможность ближе наблюдать за общимъ ходомъ

дѣлъ того времени. Кромѣ вѣрнаго изображенія недостатковъ нашей гражданственности, записка Муравьева, не взирая на многія несовершенства, представляетъ еще любопытныя черты для характеристики ея составителя. Въ авторѣ ея видна спокойная наблюдательность, практическій умъ и замѣчательная зрѣлость взглядовъ на самые важные вопросы внутренней политики и управленія, вопросы и понынѣ смутно представляющіеся большинству такъ-называемаго нашего образованнаго общества. Въ описываемое же нами время общество не столько занималось изученіемъ бытовыхъ особенностей нашего народа, сколько вопросами высшей политики, почерпая основу для своихъ убѣжденій не изъ явленій дѣйствительной жизни, а изъ макулатурныхъ произведеній заграничной печати. Отъ такого несовершеннаго пріема преобразователей могли произойти одни только реформы, но не улучшенія, и вмѣсто ожидаемой пользы для общества получались лишь административныя новизны, нерѣдко превращавшія сносный порядокъ вещей въ совершенно неудобный для практической жизни. Къ чести Муравьева должно сказать, что представленныя имъ замѣчанія цѣликомъ взяты изъ дѣйствительности; даже самая рѣзкость ихъ отчасти свидѣтельствуетъ о свѣжемъ, не потерпѣвшемъ еще транзитнаго пути, происхожденіи. Рядомъ съ больными мѣстами нашей гражданственности онъ указываетъ и на простѣйшія, домашнія средства для ихъ исправленія. Безъ сомнѣнія, нѣкоторыя изъ предлагаемыхъ имъ средствъ, какъ напримѣръ о привлеченіи дѣтей бѣдныхъ дворянъ къ изученію ремеслъ, очень трудны и едва-ли возможны для осуществленія, но самая мысль учрежденія во всѣхъ городахъ ремесленныхъ училищъ, конечно, могла быть высказана только такимъ лицомъ, которому хорошо извѣстны истинныя потребности своего оте-

чества. Къ тому же, предлагаемыя Муравьевымъ училища если непригодны были для низшихъ слоевъ дворянства, вслѣдствіе сословныхъ предразсудковъ, то для реальнаго или техническаго образованія прочихъ сословій подобныя ремесленныя школы безспорно были бы истиннымъ благодѣяніемъ.

Повторяемъ, что при оцѣнкѣ внутренняго достоинства представленныхъ тогда Муравьевымъ замѣтокъ о потребностяхъ нашего общества необходимо имѣть въ виду, что если нѣкоторыя изъ предположеній его и не были приведены въ исполненіе, то это обстоятельство нисколько не уменьшаетъ очевиднаго ихъ практическаго достоинства. Недостатки общества или управленія не могутъ быть внезапно устраняемы. Время ихъ создало, время должно постепенно и изгладить ихъ. Впрочемъ, мы и не думали придавать замѣткамъ Муравьева значеніе широкой программы для государственнаго преобразованія. Для насъ, особенно въ настоящую минуту, записки его несравненно важнѣе и любопытнѣе, какъ вѣрная, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ и рѣзкая картина того положенія административныхъ и судебныхъ учрежденій, въ какомъ ихъ засталъ императоръ Николай Павловичъ при восшествіи своемъ на престолъ. Конечно, эта яркая картина однихъ недостатковъ государственнаго домостроительства той эпохи представляетъ мало утѣшительнаго, но очень можетъ быть, что впечатлѣніе, произведенное этой картиной на молодаго и энергическаго государя, принесло свою долю пользы и хотя отчасти споспѣшествовало совершенію въ послѣдующее тридцатилѣтіе неоспоримыхъ успѣховъ нашей гражданственности и такихъ громадныхъ законодательныхъ сооруженій, какъ Сводъ и Полное Собраніе Законовъ. Выраженные Муравьевымъ въ своихъ запискахъ взгляды на тогдашнюю учебную часть не огра-

ничились одними только университетами; они коснулись и воспитанія въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ, сдѣлавшихся предметомъ самыхъ недостойныхъ спекуляцій. Выше мы уже высказали свое мнѣніе о замѣчаніи Муравьева относительно важности для народнаго образованія предложенныхъ имъ ремесленныхъ училищъ, — замѣчаніи нисколько не утратившемъ своей свѣжести, даже и въ настоящую минуту. Будущій историкъ судебныхъ учрежденій въ Россіи, конечно, поспѣшитъ записать подмѣченный Муравьевымъ обычай, нынѣ уже исчезнувшій, но въ то время повсемѣстно существовавшій въ приказномъ сословіи, отдавать дѣтей своихъ для обученія судебному письмоводству и законамъ въ мѣстные суды. Конечно, такой способъ юридическаго образованія могъ изрѣдка доставлять дѣльцовъ для отдѣльныхъ частей обширной правительственной машины, но вообще порождалъ массу приказныхъ рутиперовъ, почти столь же недобросовѣстныхъ, сколько незнакомыхъ съ духомъ цѣлаго законодательства своей страны. Можно затѣмъ представить себѣ, сколько происходило въ то время неправдъ и злоупотребленій отъ недостатка правительственнаго сборника законовъ и какихъ либо школъ для образованія русскихъ правовѣдовъ. Судя по отмѣткамъ государя, желавшаго прежде всего узнать истинное положеніе разныхъ частей управленія, эта сторона записокъ Муравьева преимущественно и обратила на себя его вниманіе.

Необыкновенно смѣлое и прямодушное изложеніе темныхъ сторонъ нашего гражданскаго строя не только не возбудило неудовольствія со стороны императора Николая, но, напротивъ, записка была принята со вниманіемъ и даже съ признательностью, о которой, какъ мы упомянули выше, Муравьевъ отмѣтилъ на своемъ черновомъ письмѣ къ государю. Послѣднее обстоятельство было весь-

ма добрымъ знакомъ и подавало надежду Муравьеву выпутаться наконецъ изъ того неопредѣленнаго положенія, въ которое поставили его неблагопріятныя обстоятельства.

Впослѣдствіи графъ Кочубей потребовалъ отъ Муравьева доставленія дополнительныхъ свѣдѣній по нѣкоторымъ мѣстамъ записки, почему Муравьевъ и представилъ въ первыхъ числахъ марта другую записку, не менѣе интересную. Кромѣ этихъ двухъ, около того же времени, были имъ представлены еще двѣ записки, но какая судьба постигла ихъ, намъ неизвѣстно [2]).

Обстоятельства Муравьева дѣйствительно вскорѣ стали поправляться. Въ половинѣ апрѣля 1827 года онъ былъ причисленъ къ министерству финансовъ, а вскорѣ затѣмъ, 12 іюня, получилъ назначеніе вице-губернаторомъ въ Витебскъ съ чиномъ коллежскаго совѣтника. Въ то время министромъ финансовъ былъ извѣстный Егоръ Францовичъ Канкринъ, женатый на Катеринѣ Захаровнѣ Муравьевой, братъ которой, полковникъ и командиръ ахтырскаго гусарскаго полка, Артамонъ Захаровичъ, въ одинъ день съ М. Н. Муравьевымъ былъ произведенъ въ офицеры, вмѣстѣ съ нимъ поступилъ на службу въ генеральный штабъ и всегда находился съ Муравьевымъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Поэтому, хотя Катерина Захаровна Канкрина и приходилась дальнею родственницею М. Н. Муравьеву, въ третьемъ или даже четвертомъ колѣнѣ, но по всѣмъ вѣроятіямъ, дружба съ братомъ ея, а отчасти и старинная фамильная связь, остались не безъ вліянія на назначеніе Муравьева вице-губернаторомъ. При этомъ необходимо имѣть въ виду и то обстоятельство, что вице-губернаторская должность въ ту пору подчинена была министерству финансовъ и соот-

[2]) Изъ вышепомянутыхъ четырехъ записокъ, первая и вторая помѣщены нами въ Приложеніяхъ №№ V и VI.

вѣтствовала нынѣшнимъ управляющимъ казенными палатами. О служебной дѣятельности Муравьева во время пребыванія его въ Витебскѣ мы не могли собрать никакихъ свѣдѣній. Изъ словъ же самаго Муравьева, сказанныхъ имъ впослѣдствіи, во время пребыванія въ Вильнѣ въ 1864 году, извѣстно только, что предъ отправленіемъ къ мѣсту своего назначенія онъ взялъ съ собою десятка полтора книгъ, въ числѣ которыхъ находилось и извѣстное сочиненіе Бантыша-Каменскаго «О возникшей въ Польшѣ уніи».—Онъ говорилъ, что живя въ Витебскѣ, читалъ съ большимъ любопытствомъ эту дѣльную и полезную книгу, ознакомившую его съ минувшими судьбами Православной Церкви въ Западной Россіи.

Въ Витебскѣ Муравьевъ пробылъ съ небольшимъ годъ. Въ половинѣ сентября 1828 года онъ былъ назначенъ вмѣсто дѣйствительнаго статскаго совѣтника И. Ѳ. Максимова, могилевскимъ гражданскимъ губернаторомъ, съ производствомъ въ статскіе совѣтники. Неожиданное назначеніе Муравьева на важный постъ начальника губерніи было видимымъ знакомъ особаго довѣрія къ нему императора Николая. Такъ какъ по существовавшимъ въ то время правиламъ о порядкѣ прохожденія службы, чинъ коллежскаго совѣтника не соотвѣтствовалъ новому званію его, то вмѣстѣ съ назначеніемъ Муравьева на губернаторскую должность онъ былъ произведенъ и въ слѣдующій чинъ. Благосклонное вниманіе государя открывало Муравьеву широкое поприще дѣятельности, на которомъ представлялась возможность развернуться тѣмъ великодушнымъ и полезнымъ предположеніямъ, о которыхъ за полтора года до того онъ излагалъ въ своихъ запискахъ къ государю.

Могилевская губернія, какъ извѣстно, принадлежитъ къ числу тѣхъ двухъ бѣлорусскихъ губерній, которыя воз-

вращены были отъ Польши по первому раздѣлу. Введенные здѣсь въ 1773 году петровскіе гражданскіе порядки, уже нѣсколько устарѣвшіе и въ самой Россіи, хотя и не могли совершенно вытѣснить безпарядья, искони господствовавшаго въ рѣчи посполитой, но послѣ двадцатилѣтняго подчиненія русскому закону, русскіе гражданскіе порядки однако же утвердились столь прочно, что въ административномъ, финансовомъ и судебномъ отношеніяхъ Могилевская губернія уже не представляла зрѣлища вновь завоеванной области; напротивъ въ этихъ отношеніяхъ она скорѣе походила на смежныя съ нею великорусскія губерніи, ибо въ присутственныхъ мѣстахъ всѣ чиновники были Русскіе и все дѣлопроизводство шло исключительно на русскомъ языкѣ. Что касается до признаковъ политической неблагонадежности, то таковой въ бѣлорусскомъ населеніи вовсе не замѣчалось; напротивъ, оно не только безъ сожалѣнія, но съ радостными надеждами примкнуло къ новому государству, и только немногіе изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, да сотни три монаховъ и ксендзовъ изъ польскаго духовенства напоминали еще своимъ говоромъ и костюмами о бывшей рѣчи посполитой, но и они сидѣли смирно, и если иногда шевелились, то развѣ для заискиванія благосклонности русскихъ властей. Этому много способствовало благоразумное и твердое управленіе перваго бѣлорусскаго генералъ-губернатора, графа Захара Григорьевича Чернышева, который неуклонно слѣдуя однажды принятой правительственной системѣ, не отступая отъ нее ни на волосъ и не употребляя крутыхъ мѣръ, пріучилъ Поляковъ охотно повиноваться русскимъ законамъ. Не взирая на явную неспособность и ошибки его преемника Пассека, даже шляхта стала, повидимому, примиряться съ новымъ своимъ положеніемъ. Но возстановленіе императоромъ Павломъ ли-

товскаго статута въ Бѣлоруссіи все измѣнило: благотворнымъ гражданскимъ насажденіямъ мудрой императрицы Екатерины нанесенъ былъ тяжкій ударъ; насажденія эти увяли и заглохли, не принеся плодовъ, которые начинали уже поспѣвать. Уже не далеко было то время, когда долженствовало произойти полное и всестороннее сліяніе Бѣлоруссіи съ Имперіею, и, что важнѣе всего, сліяніе мирное, произведенное кроткимъ дѣйствіемъ закона, никого не обидѣвшее, никого не разорившее, обошедшееся безъ слезъ и почти незамѣтно даже для жителей, принадлежавшихъ по своему происхожденію къ польскому племени. Съ возобновленіемъ литовскаго статута возвратилось прежнее господство шляхты, возвратились къ жизни погребенныя еще за четверть столѣтія несбыточныя надежды Поляковъ на возстановленіе независимой Польши. Неожиданная перемѣна правительственной системы повергла многочисленное русское населеніе, къ которому принадлежитъ вся масса земледѣльцевъ, въ то апатическое состояніе, въ которомъ засталъ его Муравьевъ въ 1828 году. — Столкновеніе, происшедшее при встрѣчѣ двухъ законодательствъ, совершенно противуположныхъ по своему духу и по цѣли, неминуемо должно было отразиться на ходѣ администраціи, правосудія и на самомъ языкѣ дѣлопроизводства, которое съ этой поры постепенно стало превращаться въ польское и съ тѣмъ вмѣстѣ сдѣлалось чрезвычайно сложно, запутанно и обременено излишнею обрядностью и множествомъ устарѣвшихъ и безполезныхъ формъ. — Къ этому необходимо еще присовокупить, что съ возвращеніемъ литовскаго статута, мѣстныя управленія стали наводняться чиновниками изъ польской шляхты, которые мало-по-малу стали вытѣснять изъ присутственныхъ мѣстъ русскихъ уроженцевъ. Новое поколѣніе туземныхъ чиновниковъ вообще занималось не столько

исполненіемъ распоряженій, поступавшихъ изъ высшихъ инстанцій, сколько очисткой текущихъ бумагъ и своевременнымъ занесеніемъ ихъ въ свои журналы. Неудовлетворяя многочисленнымъ, ежедневно возникающимъ гражданскимъ потребностямъ народа, постоянно принося ихъ въ жертву ненужнымъ формальностямъ, новое поколѣніе чиновниковъ, казалось, напрягало самыя искреннія усилія, чтобы обиліемъ неправдъ и всевозможныхъ беззаконій наглядно убѣдить народонаселеніе въ совершенной непригодности русскихъ порядковъ. Въ такой системѣ дѣйствій, недобросовѣстные чиновники были вспомоществуемы и самымъ литовскимъ законодательствомъ, которое на первой своей страницѣ называло жителей Имперіи и чужеземцами и заграничниками [3]). Законы, развившіе въ народонаселеніи страны, такое враждебное чувство къ Русскому Государству и областной антагонизмъ, съ теченіемъ времени конечно, должны были принести весьма горькіе плоды. Въ 1812 году по вступленіи Французовъ въ Смоленскъ, къ Наполеону явилась депутація отъ дворянства Могилевской губерніи. Находившійся во главѣ депутаціи обозный литовскій и разныхъ орденовъ кавалеръ Прозоръ произнесъ восторженную рѣчь, въ которой, свидѣтельствуя о сорокалѣтней тираніи Русскихъ, съ тѣмъ вмѣстѣ повергалъ къ стопамъ Наполеона отъ имени губерніи дань вѣрности и преданности своихъ соотчичей. Въ искренности этихъ чувствъ онъ клялся прахомъ предковъ своихъ, многократно обагрявшихъ русскою кровью то побоище (т. е. Смоленскъ), гдѣ его величество одержалъ надъ ними (т. е. Русскими) знаменитую побѣду. Введеніе литовскаго статута, истолкованное

[3]) См. Статутъ Великаго Княжества Литовскаго, изд. въ С.-Петербургѣ, при Правительствующемъ Сенатѣ 1811, часть I, параграфъ 2-й.

народомъ, какъ намѣреніе правительства возстановить въ краѣ Польское государство, пособило шляхтѣ принять на себя представительство за все населеніе. Туманъ былъ такъ великъ, что сбитая съ толку мѣстная православная консисторія разослала по губерніи, отъ имени архіерея, циркулярныя предписанія поминать на эктеніяхъ, во время богослуженія, благовѣрнаго государя Наполеона Карловича и супругу его. Изъ всей эпархіи только одинъ священникъ въ г. Копысѣ отказался отъ исполненія такого нелѣпаго распоряженія. Этотъ священникъ былъ Врончепко, отецъ будущаго министра финансовъ. По окончаніи войны, архіепископъ могилевскій, Варлаамъ Шищацкій, былъ преданъ суду и лишенъ сана. Во время торжественнаго обряда, происходившаго по этому случаю въ Черниговѣ, Варлаамъ, другъ знаменитаго витіи Анастасія Братановскаго, плакалъ и призывалъ Бога въ свидѣтели своей невинности.

Послѣ объѣзда всѣхъ уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ Могилевской губерніи, предъ Муравьевымъ раскрылась грустная картина неестественнаго положенія тогдашней администраціи, правосудія и просвѣщенія, картина, въ которой темныя пятна принадлежали не одной бюрократіи, но въ извѣстной степени и неудовлетворительности самихъ учрежденій. Плохихъ чиновниковъ конечно можно было замѣнить другими, но измѣненіе учрежденій превышало губернаторскую власть. Къ чести Муравьева должно сказать, что онъ не отступилъ отъ борьбы даже и съ препятствіями, имѣвшими корень въ несовершенствѣ нашего законодательства. Въ своемъ всеподданнѣйшемъ отчетѣ, представленномъ въ декабрѣ 1830 года, Муравьевъ доносилъ слѣдующее: «Несуществованіе точнаго опредѣлительнаго порядка въ канцелярскомъ производствѣ дѣлъ, по присутственнымъ мѣстамъ и должной отчетности

въ оныхъ, есть, безъ всякаго сомнѣнія, главнѣйшею причиною столь часто въ оныхъ обнаруживающагося неустройства. Важный сей предметъ, оставленный совершенно на произволъ дѣлопроизводителей о сю пору, не былъ достаточно опредѣленъ; ибо изданныя на счетъ канцелярскаго порядка въ разныя времена, въ продолженіе ста лѣтъ, правила и формы большею частію поверхностно касались до настоящаго ихъ устройства и, не будучи соображены съ нынѣшнимъ теченіемъ дѣлъ и мѣстными удобствами, не токмо что не служатъ къ удержанію порядка, но по невозможности своей остаются большею частію безъ примѣненія.... я почелъ необходимымъ, въ дополненіе сдѣланныхъ мною по сему предмету мѣстныхъ распоряженій, чтобы дать вполнѣ столь необходимому устройству подлежащую правильность, (имѣвъ уже опытъ успѣха и пользы введенія онаго по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ ввѣренной мнѣ губерніи),—вызвать опытнѣйшихъ дѣлопроизводителей изъ разныхъ уѣздовъ, которые на общемъ совѣщаніи, разсмотрѣвъ предложенный имъ порядокъ и дополнивъ своими замѣчаніями, представили оный на окончательное заключеніе губернскаго правленія, которое сообразивъ его сколько возможно съ существующими узаконеніями и мѣстными удобствами, разослало для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ, примѣняясь къ свойственному каждой инстанціи образу производства подробныя формы, описаніе оныхъ, таблицы аналитической классификаціи предметовъ и занятій каждаго присутственнаго мѣста. Сдѣланная нынѣ мною, согласно сему, подробная ревизія присутственныхъ мѣстъ, доставила пріятное удовлетвореніе, что вводимый порядокъ надлежащимъ образомъ утвердился въ большей части губерніи. Но здѣсь долгомъ поставляю доложить, что самое сіе устройство присутственныхъ мѣстъ могло бы значительно

быть облегчено, если бы угодно было правительству обратить вниманіе на сей важный предметъ; ибо я, какъ частный начальникъ, будучи вынужденъ по необходимости приступить къ сему, не смѣлъ дѣлать распоряженій, превышающихъ мѣру правъ моихъ и потому, устроивая должную отчетность въ дѣлахъ и правильность въ производствѣ оныхъ, долженъ былъ сохранить и тѣ правила, которыя закономъ были предписаны и по неудобности своей затрудняютъ лишь дѣлопроизводителей, не принося ни малѣйшей пользы, и притомъ подобныя распоряженія, относящіяся прямо къ обязанности высшаго правительства, будучи сдѣланы мѣстнымъ начальникомъ, кромѣ неминуемаго несовершенства оныхъ, не могутъ быть надлежащимъ образомъ полезны, ибо подвержены произволу, а потому и измѣненію всякаго новаго начальника.»

Выражая Государю мнѣніе свое о неудовлетворительности существующаго дѣлопроизводства, Муравьевъ однакоже имѣлъ въ виду не столько одинъ внѣшній порядокъ или даже лучшее распредѣленіе занятій низшихъ правительственныхъ учрежденій, сколько подчиненіе гражданскаго управленія страны общимъ законамъ Имперіи. Для достиженія этой важной цѣли онъ писалъ о необходимости упраздненія литовскаго статута, вызывавшейся множествомъ вновь возникшихъ общественныхъ вопросовъ, нарожденныхъ новою, болѣе равноправною и человѣколюбивою гражданственностію, подъ покровительствомъ которой каждое сословіе и даже каждый членъ общеста должны были пріобрѣсть свои права и защиту закона. Литовскій статутъ не разрѣшалъ этихъ вопросовъ, онъ былъ составленъ въ иное время и для инаго гражданскаго строя [4]). Кромѣ того это древнерусское уложеніе,

[4]) Сигизмундъ I въ 1522 году повелѣлъ всѣ законы, права и привилегіи литовскаго народа собрать въ одну книгу. Не прежде

послѣ множества измѣненій, произведенныхъ въ немъ въ теченіе почти трехъ столѣтій, содержало въ себѣ столько противурѣчій и обветшалыхъ законоположеній, утратившихъ всякой смыслъ для современной жизни, что сдѣ-

---

какъ въ 1529 году неизвѣстные составители исполнили волю короля, и такимъ образомъ получилъ начало *первый старый статутъ литовскій*, который былъ утвержденъ королемъ 1 января 1530 года и съ этого времени пріобрѣлъ силу закона. Этотъ статутъ, писанный на русскомъ языкѣ, не былъ напечатанъ. Русскіе списки его находились одинъ въ библіотекѣ бывшаго варшавскаго общества друзей наукъ, другой въ библіотекѣ виленскаго университета, третій въ библіотекѣ графа Дзялынскаго въ Познани. Современный латинскій переводъ его находился въ пулавской библіотекѣ; польскій найденъ былъ въ Вильнѣ въ 1828 году, въ кармелитской библіотекѣ. Графъ Дзялынскій предполагалъ въ 1829 году напечатать этотъ статутъ на трехъ языкахъ въ Познани и даже началъ, но не окончилъ этого изданія. Вскорѣ замѣчены были въ первомъ статутѣ неполности, пропуски и недостатокъ положительныхъ узаконеній относительно судопроизводства, отчего воеводы, каштеляны и старосты распоряжались произвольно. Все это побудило Сигизмунда-Августа поручить опытнымъ законовѣдамъ разсмотрѣть этотъ статутъ, привести въ порядокъ всѣ статьи, исправить нѣкоторыя ошибки и вновь начертать положеніе о судопроизводствѣ. Это *второе изданіе статута*, разсмотрѣнное на съѣздахъ въ Бѣльскѣ въ 1564 году и въ Вильнѣ 1566 года, утвержденное королемъ, извѣстно подъ названіемъ статута Сигизмунда-Августа или Волынскаго. Это второе изданіе статута литовскаго также было написано на русскомъ языкѣ. Русскіе списки его найдены въ библіотекѣ графа Румянцова въ С.-Петербургѣ, въ пулавской библіотекѣ и въ библіотекѣ графа Ходкевича въ Млыновѣ (Волынской губерніи). Латинскій переводъ сего статута находится въ библіотекѣ графа Хрептовича въ Щорсахъ. Не взирая на опредѣленіе сейма 1647 года, и этотъ статутъ не былъ напечатанъ. Необходимость исправленія и пополненія статута побудили назначить депутатовъ для новаго его изданія. Трудами ихъ составился *третій статутъ литовскій*, утвержденный королемъ Сигизмундомъ III 28 января 1588 года. Онъ напечатанъ на русскомъ языкѣ, по

лалось совершенно непригоднымъ для употребленія. Не слѣдуетъ также забывать, что статутъ литовскій, имѣвшій главнымъ основаніемъ своимъ признаніе права полной поземельной собственности только за одними дворянскими родами и не допускавшій перехода ея къ простолюдинамъ, былъ приспособленъ исключительно къ интересамъ польской шляхты, то есть такого сословія, которое по количеству преимуществъ и отсутствію обязанностей не могло существовать въ благоустроенномъ государствѣ. Русское законодательство, при всѣхъ своихъ недостаткахъ, всегда однако отличалось стремленіемъ къ правосудному распредѣленію правъ и обязанностей между всѣми сословіями и не оставляло безъ покровительства ни одного члена государства. Даже самое крѣпостное право никогда не проявлялось на русской землѣ въ той явно несправедливой и безчеловѣчной формѣ, въ какой оно существовало въ католическихъ государствахъ западной Европы. Въ Россіи это право никогда не могло достигнуть той ясности и юридической законченности, которою напримѣръ оно пользовалось въ шляхетской Польшѣ, гдѣ всякой шляхтичъ могъ съ чистою совѣстью и при покровительствѣ закона лишить не только собственности или чести, но и самой жизни беззащитнаго земледѣльца, живущаго въ его владѣніяхъ. Возбужденный Муравьевымъ вопросъ о замѣнѣ одного законодательства другимъ нѣсколько выходилъ изъ обычнаго круга губернаторскихъ обязанностей и едва ли не потому Муравьевъ главнымъ образомъ налегалъ на встрѣченныя имъ затрудненія по части дѣлопроизводства. Нельзя не обратить вниманія, что, въ

стараніямъ канцлера литовскаго Льва Сапеги, въ типографіи Мамоница въ томъ же году и слѣдующихъ, но съ выставленіемъ всегда одного и того же года на заглавіи. — Первый польскій переводъ появился въ 1614 году.

представленіи своемъ, Муравьевъ высказалъ государю и такія мысли, которыя многимъ показались новыми спустя слишкомъ тридцать лѣтъ и которыя уже въ наше время общественное мнѣніе освятило своимъ единодушнымъ одобреніемъ. Нижеприведенное небольшое извлеченіе изъ помянутаго представленія или всеподданнѣйшаго отчета лучше всего можетъ подтвердить справедливость нашихъ словъ.

«Въ продолженіе близь двухъ лѣтъ управленія моего Могилевскою губерніею, съ большимъ вниманіемъ наблюдая за ходомъ производства дѣлъ и духомъ самихъ обывателей, я вездѣ старался, гдѣ только законъ и порядокъ дозволялъ, вводить россійское производство и потому смѣло могу доложить вашему императорскому величеству, что край сей безъ малѣйшаго затрудненія или неудовольствія можетъ быть приведенъ къ единообразному съ Россіею положенію и что, ежели о сю пору оный еще не совершенно, такъ сказать, слился съ оною, то сему болѣе причиною, что не было предпринято должныхъ мѣръ; ибо еще въ 1773 году права русскія были здѣсь совершенно введены, и теперь, еслибъ на то была воля вашего императорскаго величества, не предстояло бы къ водворенію оныхъ никакихъ особенныхъ затрудненій. — Я достаточно на опытѣ удостовѣрился, что съ весьма малымъ усиліемъ правительства можно достигнуть до сего необходимаго преобразованія края, собственно для него полезнаго; ибо даже многимъ здѣсь кореннымъ обывателямъ польское производство, особенно по кредитнымъ дѣламъ, совершенно отяготительно, и ежели, со введеніемъ русскихъ правъ, вашему императорскому величеству благоугодно будетъ повелѣть, ввести и преподаваніе предметовъ въ училищахъ на русскомъ языкѣ, то весьма скоро край сей совершенно сблизится съ Россіею, котораго мнимое отдаленіе отъ оной существуетъ болѣе во мнѣніи, нежели на самомъ

дѣлѣ, и сіе самое мнѣніе или недовѣріе можетъ возродить таковое же со стороны обывателей Бѣлоруссіи и слѣдовательно отдалить время необходимо скорѣйшаго присоединенія края сего къ Россіи, какъ къ первоначальному отечеству своему. — Я не смѣю болѣе распространяться о семъ важномъ политическомъ предметѣ, ибо оный зависитъ отъ мыслей и наблюденій, а потому можетъ быть представленъ въ иномъ видѣ; но я, какъ вѣрноподданный и вмѣстѣ Русскій, стремлюсь единственно ко благу; съ тѣмъ вмѣстѣ не могу не излить чистосердечно мнѣніе, извлеченное изъ двухгодоваго внимательнаго наблюденія, что Могилевская губернія весьма скоро можетъ быть совершенно слита правами и духомъ съ Россіею съ весьма малыми усиліями правительства и съ нѣкоторымъ лишь съ его стороны снисходительнымъ и довѣрчивымъ обхожденіемъ съ обывателями, не отчуждая края сего, столь продолжительно бѣдствовавшаго по причинѣ постигшихъ его въ разное время несчастій, отъ милостиваго отеческаго попеченія вашего императорскаго величества. Я воздерживаюсь подробнымъ разсмотрѣніемъ сего весьма необходимаго преобразованія края сего, осмѣливаясь нынѣ вкратцѣ всеподданнѣйше донести вашему императорскому величеству, что для совершенія сего достаточно имѣть изъявленіе священной воли вашего императорскаго величества и благоразумнаго мѣстнаго исполненія, ибо Могилевская губернія, по существу своему, не есть край столь намъ чуждый, чтобы неудобно было оный совершенно слить съ Россіею.»

Указъ правительствующему сенату объ упраздненіи литовскаго статута въ Бѣлоруссіи и о замѣнѣ его общими законами Имперіи состоялся 1 января 1831 года [5]. —

[5]) Смотри Пол. Собр. Зак. № 4233. 1 января 1831 года. Именной указъ правит. сенату.

Мы не могли отыскать въ нашихъ государственныхъ архивахъ подлиннаго всеподданнѣйшаго отчета Муравьева по управленію Могилевскою губерніею за 1830 годъ, но, судя по черновымъ бумагамъ, надо полагать, что онъ былъ представленъ во второй половинѣ декабря 1830 года.— Изъ сопоставленія выше приведенныхъ чиселъ можно видѣть, съ какою поспѣшностію была осуществлена полезная мысль Муравьева объ уничтоженіи тѣхъ искуственныхъ преградъ, которыя безъ всякой надобности препятствовали цѣлые десятки лѣтъ единству управленія и увѣковѣчивали антагонизмъ между жителями одного и того же государства. — Изъ этой же поспѣшности можно видѣть, какъ близко принималъ императоръ Николай къ своему сердцу политическое и гражданское объединеніе областей, присоединенныхъ къ Россіи въ предшествовавшія царствованія.

Упраздненіе литовскаго статута въ Бѣлорусскомъ краѣ, обнародованное вслѣдъ за возмущеніемъ, вспыхнувшимъ тогда въ Варшавѣ, произошло такъ неожиданно и кстати, что поразило изумленіемъ шляхетство обѣихъ бѣлорусскихъ губерній, которое изъ этого распоряженія увидѣло не встревоженную податливость, а спокойное дѣйствіе правительства рѣшительнаго и увѣреннаго въ своемъ могуществѣ. И дѣйствительно, впечатлѣніе было такъ продолжительно и сильно, что въ предѣлахъ Могилевской губерніи, въ теченіи всего 1831 года, шляхта оставалась спокойною и не принимала никакого участія въ образованіи конфедерацій и шаекъ, происходившемъ въ прочихъ литовскихъ губерніяхъ. Въ Витебской же губерніи только въ трехъ уѣздахъ произошли незначительные безпорядки, но и тѣ были скоро прекращены.

Конечно, большая часть дворянства Могилевской губерніи, вслѣдствіе своего польскаго происхожденія, не

могла сочувствовать уничтоженію покровительствовавшаго его привилегіямъ литовскаго статута и введенію вмѣсто него русскихъ административныхъ и судебныхъ порядковъ. Но при видѣ столь рѣшительнаго дѣйствія со стороны правительства, дворянство сочло необходимымъ, отклонить отъ себя всякое подозрѣніе въ сочувствіи варшавскому возмущенію и съ этой цѣлію поспѣшило составить всеподданнѣйшій адресъ съ изъявленіемъ, какъ оно выразилось, «своего торжественнаго восторга по случаю оказанной имъ милости» (т. е. уничтоженія литовскаго статута), при чемъ удостовѣряло, что «бывъ преисполнено въ глубинѣ (души) вѣрноподданническихъ чувствъ своихъ искреннимъ и душевнымъ умиленіемъ столь радостнаго событія, принесло предъ алтаремъ Царя Царей благодарственныя моленія за отеческія попеченія благодѣтельнаго монарха, удостоившаго присоединеніемъ страны сей, издревле скипетру его подвластной, политическими и гражданскими постановленіями къ общему составу государства.» — Означенный адресъ, по подписаніи всѣми предводителями дворянства, 6-го февраля 1831 года, былъ представленъ Муравьеву, который далъ свое согласіе на отправленіе его съ тремя депутатами отъ могилевскаго дворянства въ С.-Петербургъ для поднесенія императору.

Къ этому же времени слѣдуетъ отнести и записку Муравьева, представленную имъ императору Николаю 22 декабря 1830 года о необходимости преобразованія учебныхъ заведеній въ западномъ краѣ. Записка эта имѣетъ нѣкоторую историческую важность въ томъ отношеніи, что послужила первымъ основаніемъ для закрытія виленскаго университета. — Такъ какъ это любопытное событіе до сихъ поръ принадлежитъ къ числу малоизвѣстныхъ, и въ нашей печати еще не было оцѣ-

нено, съ надлежащимъ безпристрастіемъ, то мы сочли не лишнимъ сообщить здѣсь нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній по этому предмету. Изъ упомянутой записки видно, что самымъ существеннымъ дѣломъ для освобожденія страны отъ разлива ложныхъ и невѣжественныхъ понятій Муравьевъ полагалъ немедленное введеніе русскаго языка и устраненіе латинскаго духовенства, въ особенности монаховъ разныхъ орденовъ, отъ участія въ образованіи и воспитаніи юношества; для достиженія же сей послѣдней цѣли онъ находилъ необходимымъ, по мѣрѣ устройства школъ съ русскими учителями, постепенно закрывать состоявшія при монастыряхъ духовныя училища. «Фанатическій духъ католицизма, писалъ Муравьевъ, болѣе сосредоточенный въ монашествующихъ орденахъ и соединенный большею частію съ нѣкоторымъ отчужденіемъ отъ всего русскаго и со стремленіемъ къ поддержанію націонализма, долженъ обратить особенное строжайшее вниманіе правительства. — Оному довольно извѣстно, сколько необходимо положить сему злу коренную преграду, лишивъ монашествующее духовенство права заниматься воспитаніемъ юношества, почему и предположено уже уничтоженіе духовныхъ при монастыряхъ училищъ съ замѣненіемъ оныхъ свѣтскими. — Весьма полезно бы было ввести преподаваніе учебныхъ въ сихъ училищахъ предметовъ на русскомъ языкѣ.» При этомъ Муравьевъ полагалъ однако же, «что должно избѣгать уничтоженія существующихъ учебныхъ заведеній, доколѣ не учредятся новыя; сверхъ сего, онъ считалъ необходимымъ запретить римско-католическому духовенству воспитаніе дѣтей и въ домахъ, подъ видомъ домашнихъ капеллановъ.»

Записка была передана Государемъ на заключеніе къ товарищу министра народнаго просвѣщенія статсъ-секретарю Блудову, который по разсмотрѣніи предположеній

Муравьева нашелъ, что «запрещеніе римско-католическому духовенству заниматься воспитаніемъ дѣтей въ домахъ еще не могло быть приведено въ дѣйствіе, ибо мѣра сія сильно поразила бы умы и отвратила бы ихъ отъ расположенія содѣйствовать цѣли правительства въ другихъ отношеніяхъ. Сверхъ того, нѣтъ никакихъ способовъ исполнить таковое предположеніе. Кто будетъ наблюдать за происходящимъ внутри семействъ и домовъ? И не властенъ ли всякій помѣщикъ имѣть учителя аббата, не называя его своимъ капелланомъ? Для отвращенія же неудобствъ домашняго, по большей части недостаточнаго, а иногда и вреднаго воспитанія, чрезъ людей вовсе неизвѣстныхъ правительству одно только средство: сдѣлать публичное воспитаніе столь хорошимъ, чтобы родители, по убѣжденію въ пользѣ онаго, сами отдавали бы дѣтей въ учебныя заведенія; но преобразованіе училищъ есть дѣло многотрудное и требующее не только стараній, но и долгаго времени и благопріятныхъ обстоятельствъ. Что касается до уничтоженія духовныхъ училищъ и преподаванія наукъ въ имѣющихъ замѣнить оныя свѣтскихъ — на русскомъ языкѣ, то всѣ сіи предположенія имѣются уже въ виду министерства народнаго просвѣщенія.»

Блудовъ препроводилъ записку Муравьева, съ вышеприведенными замѣчаніями своими въ особый комитетъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ князя А. Н. Голицына, который изъявивъ согласіе свое съ мнѣніемъ Блудова, счелъ нужнымъ только сообщить министру народнаго просвѣщенія и попечителю бѣлорусскаго учебнаго округа о приложеніи всевозможнаго съ ихъ стороны старанія къ скорѣйшему исполненію находящихся въ виду ихъ предположеній, имѣя постоянною цѣлью направленіе публичнаго воспитанія къ сближенію тамошнихъ жителей съ природными Россіянами.

Д. Н. Блудовъ, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей минувшаго царствованія, въ то время мало еще былъ знакомъ съ вліяніемъ латинскаго духовенства на общество, и, по видимому, не подозрѣвалъ, что это духовенство, ни въ какомъ случаѣ, не выпуститъ безъ борьбы изъ своихъ рукъ такого могущественнаго средства содержать общество въ повиновеніи, какъ воспитаніе юношества и воспрепятствуетъ родителямъ отдавать дѣтей въ училища, основанныя правительствомъ, сколь бы превосходно они ни были устроены. По странному заблужденію, Блудовъ не только заботился о поддержаніи благосклонности къ русскому правительству латинскаго духовенства, въ то самое время, когда оно волновало своими фанатическими проповѣдями весь западный край, но съ истинно славянскимъ благодушіемъ ожидалъ даже отъ него какого-то содѣйствія цѣлямъ правительства. По видимому, онъ еще не зналъ, что латинское духовенство, по принципу, никогда и ни въ какомъ случаѣ не станетъ содѣйствовать видамъ русскаго правительства, если только эти виды не согласны съ преданіями и волею римскаго епископа. — Хотя Муравьевъ въ своей запискѣ и говоритъ вообще о необходимости устранить латинское духовенство отъ вліянія на образованіе юношества не только въ публичныхъ заведеніяхъ, но и въ частныхъ домахъ, но Блудовъ отвергалъ самую возможность осуществленія предложеній Муравьева на томъ слабомъ основаніи, что правительство не можетъ наблюдать за домашнимъ образованіемъ и что частное лицо, имѣющее своего капеллана, всегда можетъ назвать его аббатомъ, какъ будто все дѣло заключалось въ одномъ названіи; поэтому и вопросъ Блудова, кто будетъ слѣдить за происходящимъ внутри семействъ или домовъ, едва ли былъ умѣстенъ, ибо Муравьевъ писалъ не объ устройствѣ секретной полиціи для

обнаруженія семейныхъ тайнъ или нескромнаго вмѣшательства въ домашнюю жизнь, а о предохраненіи будущихъ русскихъ гражданъ отъ вреднаго вліянія недобросовѣстныхъ наставниковъ. — Легко понять, что наблюденіе за исполненіемъ распоряженій правительства, воспрещавшихъ духовенству заниматься образованіемъ юношества, могло быть поручено тому самому учрежденію, на которое возложено государствомъ попеченіе о народномъ просвѣщеніи; въ случаѣ же, еслибъ и это учрежденіе встрѣтило какія либо препятствія къ исполненію закона, то мѣстная власть, обязанная наблюдать за правильностію мѣръ и вѣсовъ и за невыдѣлкою фальшивой монеты, всегда могла бы остановить подпольную работу ослушнаго аббата или монаха, не навлекая на себя упрека въ нарушеніи святости домашняго очага. — Оставлять же далѣе общественное образованіе въ рукахъ духовенства,— явно враждебнаго правительству, значило допускать безпрепятственное распространеніе зла, которое со временемъ должно было принести и, какъ мы были свидѣтелями потомъ, дѣйствительно принесло печальные плоды.

Рѣшеніе возбужденнаго Муравьевымъ вопроса, какъ мы уже видѣли, нисколько не подвинулось отъ разсмотрѣнія его въ Петербургѣ, ибо посланный къ попечителю совѣтъ о направленіи воспитанія къ сближенію туземцевъ съ Русскими ни къ чему не обязывалъ и нисколько не измѣнялъ ни враждебныхъ чувствъ преподавателей, по большей части Поляковъ, къ русскому обществу и государству, ни самаго направленія преподаванія, оставшагося, по прежнему, въ рукахъ латинскаго духовенства. Между тѣмъ въ Западной Россіи, на самомъ мѣстѣ угасавшаго мятежа, потребность учебной реформы для всѣхъ представлялась дѣломъ первостепенной важности. Питомцы польскихъ школъ и университетовъ не

научались ни любви къ своимъ согражданамъ, ни повиновенію законамъ: множество гимназистовъ и большинство студентовъ Виленскаго университета и Волынскаго лицея (Кременецкой гимназіи) вмѣстѣ съ своими наставниками при первомъ удобномъ случаѣ вступали въ ряды мятежниковъ. При самомъ началѣ возстанія на Жмуди, виленскіе студенты являются усерднѣйшими проводниками анархіи, приведшей въ затрудненіе самихъ предводителей возмущенія. Глава литовскаго возстанія, Залузскій, едва могъ остановить неистовства, произведенныя ими въ Поневежѣ въ половинѣ апрѣля, когда они сбирались перевѣшать нѣсколькихъ евреевъ, схваченныхъ ими наудачу. «Чернь, подстрекаемая студентами, говоритъ Смитъ, неистовствовала до вечера (18 апрѣля); была даже рѣчь о введеніи патріотическаго клуба, объ избраніи народныхъ цензоровъ, о необходимости системы террора, дабы отвратить мнимую измѣну и подѣйствовать на равнодушныхъ, умѣренныхъ и аристократовъ. Только съ прибытіемъ вооруженной силы удалось укротить это волненіе.» Во время вторженія въ Литву Хлаповскаго, къ нему за одинъ разъ присоединилось 340 виленскихъ студентовъ [6]). Удаленные изъ университета за безпорядки 1823 года профессора: Іоахимъ Лелевель и Голуховскій сдѣлались, первый однимъ изъ главнѣйшихъ членовъ революціоннаго правительства, а послѣдній ревностнымъ руководителемъ возстанія въ Царствѣ Польскомъ; помощникъ библіотекаря Казимиръ Контримъ былъ главнымъ казначеемъ въ отрядѣ Гелгуда. Кромѣ того, присоединились

---

[6]) La Lithuanie et sa dernière insurrection, par Michel Pietkiewicz. 1832 стр. 140 и слѣд. Сообщаемое авторомъ настроеніе университетской молодежи весьма достаточно объясняетъ необходимость послѣдовавшаго за тѣмъ закрытія виленскаго университета.

къ мятежу и многіе чиновники, состоявшіе при университетской канцеляріи [7]).

Уже не въ первый разъ виленскій университетъ обнаруживалъ свою неисцѣлимую, хроническую ненависть ко всему, что только имѣю связь съ русскою народностью. Основанный іезуитами въ 1578 году, сначала подъ видомъ коллегіума, съ опредѣленною цѣлью распространенія папизма между православными и реформатами, умножившимися тогда въ Литвѣ, онъ до конца своего существованія всегда оставался вѣренъ духу нетерпимости и прозелитизма. Во время нашествія Наполеона, въ 1812 году, изъ стѣнъ виленскаго университета вышли первые охотники для поступленія въ французскую армію, уже занявшую западныя области Россіи. Вступленіе Чарторыжскаго, послѣ шестилѣтняго отсутствія, въ должность куратора университета въ 1816 году было эпохою усиленнаго возбужденія ненависти къ Россіи и организаціи тайныхъ обществъ подъ разными названіями, но съ одною цѣлью-возстановленія Польши въ границахъ 1772 года. Чтобы составить себѣ понятіе о широтѣ заговора, веденнаго тогда въ Вильнѣ, достаточно имѣть въ виду, что не только профессора университета и гимназій, но даже начальницы и наставницы женскихъ школъ и пансіоновъ не остались безъ тайныхъ инструкцій и внушеній отъ

---

[7]) При просмотрѣ дѣла о закрытіи виленскаго университета въ архивѣ мин. нар. просв. № 44770, мы нашли списокъ слѣдующихъ чиновниковъ, самовольно отлучившихся изъ Вильны въ маѣ 1831 г.: помощникъ архитектора кандидатъ Ульянъ Гроссъ помощникъ директора обсерваторіи кандидатъ Мартынъ Жилинскій, учитель гимназіи Герардъ Гроностайскій, учитель уѣзднаго училища кандидатъ Ипполитъ Климашевскій, низшіе канцелярскіе чиновники: Адамъ Невядомскій, Кипріянъ Каменскій, Семенъ Трацевскій. Изъ сихъ лицъ ни одинъ не воротился; учитель же Климашевскій захваченъ въ числѣ мятежниковъ.

князя Чарторижскаго. Сенаторъ Н. Н. Новосильцовъ, производившій въ 1823 году слѣдствіе по безпорядкамъ, обнаружившимся въ университетѣ и виленскомъ учебномъ округѣ, представилъ великому князю Константину Павловичу правила, данныя княземъ Чарторижскимъ для воспитанія дѣвицъ: «....коимъ надлежало внушать понятіе о самостоятельной вольной Польшѣ, съ тѣмъ, дабы онѣ въ будущее время, содѣлавшись матерьми, передавали съ материнскимъ молокомъ сыновьямъ своимъ любовь къ свободному отечеству и ненависть къ Русскимъ». Кромѣ профессоровъ, усердно помогали раздувать эту вражду и лица латинскаго духовенства, которыхъ при виленскомъ университетѣ состояло не менѣе двѣнадцати человѣкъ [8]). Вѣчно праздная и эпикурейская жизнь этихъ тунеядцевъ, незнакомыхъ съ обязанностями семьянина, можетъ быть не менѣе способствовала нравственной испорченности юношества, какъ и ядовитыя внушенія Лелевеля, Голуховскаго или Жеготы Онацевича. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что если виленскіе студенты и приняли такое дѣятельное участіе въ шляхетскомъ возмущеніи, то не столько въ томъ были виноваты правленіе универ-

---

[8]) Ординарные профессора: каѳедральный каноникъ Іоаннъ Скиделль, протоіерей Михаилъ Бобровскій. Экстраординарный профессоръ ксендзъ Антоній Фіялковскій; проповѣдникъ университетской церкви ксендзъ Игнатій Боровскій, докторъ богословія ксендзъ Аніолъ Довгирдъ. — Сверхъ сего при университетской церкви состояли священники: Юрій Витовтъ, Каликстъ Коссаковскій, Адамъ Войткевичъ, Михаилъ Проневичъ, Ѳома Киселевичъ, Діонисій Пацевичъ и Антоній Климашевскій. Изъ упоминаемыхъ здѣсь лицъ Бобровскій принадлежалъ къ уніатскому исповѣданію и впослѣдствіи, какъ говорятъ, былъ сторонникомъ возсоединенія уніатовъ съ православною церковію. — Кромѣ вышеприведенныхъ лицъ преподавателемъ въ университетѣ былъ еще прелатъ Клонгевичъ, съ 1828 года исправлявшій должность виленскаго епископа.

ситета и даже сами студенты, сколько общая система и ошибочное, не сообразенное съ народными потребностями, устройство тогдашняго народнаго просвѣщенія, имѣвшаго во главѣ своей свѣтлѣйшаго князя Ливена, человѣка не столько занимавшагося отправленіемъ обширныхъ обязанностей своего высокаго званія, сколько строгимъ исполненіемъ гернгутерскихъ обрядовъ.

Въ системѣ высшихъ учебныхъ заведеній дѣйствительно было нѣчто необыкновенное. Изъ восьми университетовъ, тогда существовавшихъ въ Россіи, только четыре были русскіе; въ прочихъ же (гельсингфорскій, дерптскій, варшавскій и виленскій) преподаваніе наукъ производимо было на иностранныхъ языкахъ, неизвѣстныхъ Русскимъ; поэтому университеты сіи, хотя и содержимы были насчетъ русскаго правительства, но нисколько не способствовали развитію просвѣщенія въ Россіи, ибо въ числѣ слушателей своихъ вовсе не имѣли студентовъ русскаго племени. Весьма естественно, что при такомъ пестромъ космополитическомъ составѣ учебной части, не имѣвшемъ примѣра въ исторіи какой либо страны, должны были получиться выводы совершенно противуположные видамъ правительства. Пограничныя области, отличающіяся уже отъ центральныхъ — въ религіозномъ отношеніи, при допущеніи въ нихъ университетовъ, исключавшихъ преподаваніе наукъ на языкѣ господствующей націи, не только не ослабляли старинной политической оторванности этихъ областей отъ государства, но еще развивали и увѣковѣчивали въ нихъ самую непримиримую умственную и духовную рознь. — Осуществленіе государственнаго единства и прочность русскаго владычества, конечно, были немыслимы при подобномъ устройствѣ общественнаго образованія. Такимъ образомъ вся нравственная связь пограничныхъ областей съ государствомъ была порвана. Служа

польской идеѣ, виленскій университетъ и училища въ западныхъ губерніяхъ приготовили цѣлую массу людей, служившихъ мятежу, образовали эмиграцію, породили литературу, воспѣвавшую предательство и измѣну, и создали Мицкевичей, Лелевелей, Ходзько и другихъ писателей, прославившихся пропагандою самой ослѣпленной ненависти къ русской народности [9]. — Шляхетское возмущеніе 1831 года и послѣдующія событія довольно убѣди-

---

[9]) Студентами виленскаго университета истреблено множество письменныхъ памятниковъ, важныхъ для исторіи Руси и Православія въ предѣлахъ Польши. Къ числу такихъ истребителей должно присоединить бывшаго профессора виленскаго университета и потомъ библіотекаря въ бывшемъ румянцовскомъ музеѣ Жеготу Онацевича, пойманнаго въ библіотекѣ генеральнаго штаба библіотекаремъ Бегакеромъ на мѣстѣ преступленія, когда онъ вырывалъ листы изъ рукописи, обличавшей русское происхожденіе одной польской фамиліи. Уже въ недавнее время много надѣлалъ вреда и Горшковскій, состоявшій на службѣ по учебному вѣдомству въ Черниговѣ. Подъ предлогомъ ученыхъ розысканій, получивъ дозволеніе заниматься въ мѣстныхъ архивахъ и между прочимъ въ библіотекѣ черниговской семинаріи, онъ окончилъ свои занятія тѣмъ, что выкралъ множество драгоцѣнныхъ матеріаловъ и съ тѣмъ вмѣстѣ бѣжалъ въ Римъ, гдѣ поступилъ въ орденъ іезуитовъ. Благодаря таковой дѣятельности, уничтожены всѣ слѣды существовавшаго когда-то въ Польшѣ православія и славянской письменности. Не столько время, сколько фанатическое ожесточеніе истребило всѣ древнѣйшія польскія рукописи, писанныя кирилицей, такъ что нынѣ ни императорская публичная библіотека, ни одно книгохранилище въ Польшѣ не обладаютъ памятниками первобытной польской письменности. Систематическое истребленіе представителями виленской науки памятниковъ исторіи, можетъ дать понятіе о свойствѣ доктринъ, исходившихъ изъ стѣнъ университета и, подобно нравственной заразѣ, губившихъ въ народѣ прирожденное чувство уваженія къ остаткамъ старины, неприкосновеннымъ даже и для дикарей. При такомъ направленіи науки можно судить о степени достовѣрности польской исторіи.

тельно доказали совершенную несостоятельность системы народнаго просвѣщенія съ иностранными университетами. Поэтому всѣ мѣстныя власти въ западномъ краѣ, въ томъ числѣ и Муравьевъ, имѣвшія случай видѣть живые продукты виленской науки, были убѣждены въ невозможности дальнѣйшаго существованія такихъ учебныхъ заведеній, которыя вмѣсто миролюбивыхъ и полезныхъ граждань, образуютъ однихъ лишь враговъ общественнаго порядка и предводителей мятежа.

Муравьевъ, занимавшійся въ продолженіи 1831 года производствомъ обширнаго слѣдствія о политическихъ преступникахъ и съ тѣмъ вмѣстѣ устройствомъ гражданскаго управленія въ западномъ краѣ, о чемъ мы будемъ говорить впослѣдствіи, имѣлъ превосходный случай познакомиться съ дѣйствительными причинами тогдашняго шляхетскаго мятежа и съ тою ролей, какую играли виленскіе студенты въ тогдашнихъ политическихъ смутахъ. Плодомъ этого близкаго знакомства съ мятежомъ, было убѣжденіе Муравьева въ совершенной безполезности дальнѣйшаго поддержанія внутри государства иностранныхъ учебныхъ заведеній, которыя вмѣсто распространенія полезныхъ знаній, воспитываютъ въ сердцахъ юношей пристрастіе къ чуждымъ національностямъ и къ такимъ несуществующимъ государствамъ, которыя прекратили свою самобытную политическую жизнь, или же которыя могутъ создаваться лишь при пособіи богатаго юношескаго воображенія. Убѣжденный въ основательности предположеній своихъ, Муравьевъ представилъ государю 29 августа вторую записку, уже не объ одной реформѣ учебной части, но и о необходимости немедленнаго закрытія виленскаго университета. — Въ запискѣ этой онъ говоритъ между прочимъ: «необходимо рѣшительно уничтожить гнѣздилище литовскаго вольнодумства раскассированіемъ виленскаго университета по разнымъ

училищамъ во внутрь Имперіи, преобразовавъ постепенно всю учебную часть на основаніи россійскихъ заведеній и отнявъ у духовенства право заниматься образованіемъ юношества.» Въ другомъ мѣстѣ записки своей Муравьевъ изъясняетъ: «раскассированіе же и уничтоженіе навсегда виленскаго университета можно исполнить немедленно, ибо оный существуетъ теперь лишь по одному имени и большая часть воспитывавшагося въ немъ юношества, и даже много учителей разошлись и толпами пристали къ бунтовщикамъ. Университетъ сей, столь прославляемый въ общемъ мнѣніи Поляковъ, вовсе не есть источникомъ должнаго просвѣщенія. — Литовское дворянство, какъ бы по нѣкоему предубѣжденію, посылаетъ туда своихъ дѣтей, которыя проводя дни въ праздности и вольнодумствѣ, не обучаясь ничему основательному, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ праздношатанія, возвращаются домой, получивъ нѣкій наружный блескъ вреднаго полупросвѣщенія и рѣшительное основаніе вольнодумства. Одно сословіе шляхты и разночинцовъ пріобрѣтало, при томъ же впрочемъ вольнодумствѣ, нѣкоторыя знанія, особенно по части духовной, медицинской и адвокатской; также дѣти экономовъ, комиссаровъ и прочихъ бѣднѣйшихъ сословій пользовались нѣкоторыми выгодами онаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтали еще болѣе духа вольнодумства, безвѣрія и разврата?»

Одновременно съ запискою Муравьева, была представлена государю генералъ-адъютантомъ С. П. Шиповымъ, за долго до того ознакомившимся съ потребностями и положеніемъ нашего западнаго края и въ особенности Подольской губерніи, подобная же — едва ли не болѣе обстоятельная записка о крайне неудовлетворительномъ положеніи учебной части въ юго-западныхъ губерніяхъ. Эта записка такъ интересна во многихъ отношеніяхъ, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать

изъ нее небольшое извлеченіе: «Происходящіе отъ польскаго племени дворяне понынѣ еще составляютъ въ тамошнемъ краѣ народъ чужеземный, враждебный Россіи. Изъ нихъ, рожденные до присоединенія сего края отъ Польши къ Россіи, воспоминаютъ о вольности, коею пользовались они во время польской олигархіи, и питаютъ ненависть къ правительству, обуздавшему сію буйность. Возрастающіе принимаютъ таковое враждебное чувство отъ отцовъ своихъ, укореняютъ и усиливаютъ оное въ училищахъ, гимназіяхъ и виленскомъ университетѣ. Въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе наукъ производится вообще на языкѣ польскомъ; обученіе и надзоръ за воспитанниками предоставленъ исключительно Полякамъ, родившимся въ подданствѣ Польши. Наставники сіи, какъ народъ покоренный, питаютъ ненависть къ побѣдителямъ, пылаютъ враждою къ правительству и народу русскому и передаютъ сіи чувства своимъ питомцамъ. Воспитанники, даже коренные Русскіе, нечувствительно получаютъ тѣ же чувства и правила и дѣлаются враждебными Россіи Поляками. Такимъ образомъ возрастаетъ цѣлое поколѣніе людей, упитывающихся чувствами вражды и мести къ тому народу, коего они должны быть согражданами, къ тому правительству, коему они обязаны своимъ благосостояніемъ и безопасностію. Воспитаніемъ дворянскаго юношества занимались наиболѣе іезуиты, до изгнанія ихъ изъ Россіи. Воспитатели сіи, происхожденіемъ большею частію Поляки-католики, притомъ монахи и фанатики, съ чувствомъ вражды къ Россіи, поселяемой въ своихъ воспитанниковъ, соединяли ненависть къ православному исповѣданію. Нѣкоторые богатые молодые дворяне воспитываются въ Вѣнѣ или Парижѣ и посѣщаютъ другіе города Европы; но какъ они не предполагаютъ слѣдовать по какому либо поприщу, на коемъ бы могли способности свои

употребить въ пользу общую, то сіе чужеземное воспитаніе и путешествіе, предпринятыя безъ всякой общественной цѣли, доставляютъ имъ только поверхностныя ничтожныя познанія.» — Къ этому генералъ Шиповъ присовокупилъ, что «воспитаніе юношества, на истинныхъ государственныхъ началахъ основанное, онъ почитаетъ главнѣйшимъ средствомъ къ измѣненію враждебнаго противъ Россіи духа польскаго дворянства, къ возрожденію въ немъ преданности къ правительству, братской приверженности къ согражданамъ и любви къ настоящему своему отечеству. Преобразованіе воспитанія, по мнѣнію его, поручить должно человѣку просвѣщенному, благоразумному, съ твердостію характера, истинную любовь къ отечеству соединяющему, учителей и наставниковъ постепенно опредѣлять изъ обучавшихся въ главномъ педагогическомъ институтѣ, особенно для преподаванія исторіи, коренныхъ Русскихъ, или хотя частію и иноплеменныхъ, но только не Поляковъ; поставить имъ въ обязанность имѣть главною цѣлію возрожденіе и утвержденіе въ обучающемся юношествѣ тѣхъ государственныхъ добродѣтелей, о коихъ выше упомянуто.»

Мы не имѣли въ своемъ распоряженіи полныхъ записокъ Муравьева и Шипова, но помѣстили здѣсь только тѣ изъ нихъ извлеченія, которыя находятся въ журналѣ комитета по дѣламъ возвращенныхъ отъ Польши губерній [10]). — Изъ этого въ высшей степени любопытнаго документа читатели могутъ увидѣть, какъ велико было же-

---

[10]) Изъ означеннаго комитетскаго журнала, состоявшагося еще 26 октября 1831 года и помѣщеннаго нами въ приложеніяхъ (см. Прилож. № VII), можно видѣть, что при самомъ учрежденіи комитета поручено было ему войти въ разсмотрѣніе предположенія о закрытіи виленскаго университета и волынскаго лицея, возбужденнаго первоначально записками Муравьева и Шипова.

ланіе нашихъ государственныхъ людей сохранить университетъ; какія усилія были ими сдѣланы, чтобы по крайней мѣрѣ отсрочить его закрытіе, необходимость котораго они однакожъ сознавали. Не менѣе любопытна записка куратора виленскаго университета Н. Н. Новосильцова, написанная имъ въ защиту администраціи подвѣдомственнаго учебнаго округа, также свидѣтельствуетъ объ искреннемъ желаніи предохранить университетъ отъ предстоявшаго паденія. Впрочемъ, всѣ доводы Новосильцова преимущественно клонились къ оправданію собственнаго управленія, которое между тѣмъ вовсе не нуждалось ни въ какихъ оправданіяхъ, ибо со стороны высшаго учебнаго начальства, т. е. самого куратора и ректора Пеликана, были приняты всѣ необходимыя мѣры для удержанія молодежи отъ присоединенія къ мятежу. Не взирая на несомнѣнную преданность высшихъ университетскихъ властей и даже нѣкоторыхъ профессоровъ правительству, въ умахъ университетской молодежи, все-таки выработывались такія политическія воззрѣнія, которыя влекли се въ шайки мятежниковъ. Было очевидно, что никакая администрація не создастъ любви къ наукѣ тамъ, гдѣ всѣ помышленія молодежи направлены къ политическимъ экспериментамъ. Нравственное давленіе мѣстнаго общества, въ особенности же ядовитое вліяніе латинскаго духовенства на университетъ было слишкомъ сильно, и тридцатишестилѣтній опытъ уже достаточно разъяснилъ, что дальнѣйшее существованіе университета въ Вильнѣ несовмѣстимо съ спокойствіемъ страны. Не взирая на все свое краснорѣчіе, Новосильцову, конечно, трудно было убѣдить правительство въ томъ, что виленскій университетъ, составлявшій въ дѣйствительности шляхетское сходбище для изученія политическихъ теорій, направленныхъ къ потрясенію въ краѣ русскаго владычества, могъ

18

бы способствовать, хотя отчасти, просвѣщенію русскаго народа.

Впрочемъ Новосильцовъ, какъ кажется, и самъ чувствовалъ несостоятельность тогдашняго устройства учебной части въ нашихъ западныхъ губерніяхъ. Изъ той же записки его видно, что вмѣсто университета и прочихъ учебныхъ заведеній, онъ признавалъ болѣе полезнымъ учредить закрытыя учебныя заведенія, на подобіе существовавшихъ тогда во Франціи коллегій. При этомъ Новосильцовъ не только раздѣлялъ мысль, высказанную Муравьевымъ еще до начала мятежа, о введеніи въ училищахъ западнаго края преподаванія наукъ на русскомъ языкѣ, но еще подкрѣпилъ ее новыми доводами. Нельзя при этомъ не обратить вниманія на нижеслѣдующія его слова: «надлежитъ также вездѣ въ томъ краѣ, начиная съ университета, постепенно вводить преподаваніе наукъ на языкѣ русскомъ, ибо разность въ языкахъ всегда питаетъ взаимную недовѣрчивость. Филологическое изслѣдованіе языка и даже простое его изученіе пробуждаютъ историческія воспоминанія о нѣкогда бывшей самостоятельности и независимости государства, а въ сихъ источникахъ кроются сѣмена безпрерывныхъ мятежныхъ усилій, а также чувствъ ненависти и зависти, что все, совокупляясь вмѣстѣ, рождаетъ злые умыслы. Постепенное введеніе преподаванія, сначала одной, двухъ, потомъ болѣе, а наконецъ и всѣхъ наукъ на языкѣ русскомъ, какъ въ самомъ университетѣ, такъ и въ цѣломъ округѣ, можетъ тому сильно противодѣйствовать.» Изъ вышеприведеннаго же комитетскаго журнала видно, что и тогдашній министръ финансовъ, Канкринъ, также *не находилъ препятствія* къ тому, чтобы вездѣ учились по-русски и русскіе принимали участіе въ воспитаніи.

Въ 1832 году послѣдовало закрытіе волынскаго ли-

цея и виленскаго университета, отъ котораго оставленъ былъ одинъ только медицинскій факультетъ, просуществовавшій еще втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, подъ именемъ виленской медико-хирургической академіи, но въ 1839 году и это учрежденіе было закрыто, по тѣмъ же самымъ причинамъ, по которымъ былъ закрытъ и университетъ. Высланный парижскимъ демократическимъ обществомъ полупомѣшанный фанатикъ, эмиссаръ Конарскій нанесъ послѣдній ударъ этому послѣднему обломку виленскаго университета.

Отъ упраздненія виленскаго университета и волынскаго лицея просвѣщеніе русскаго народа нисколько не пострадало; напротивъ много выиграло, ибо денежныя средства, отпускавшіяся до того изъ казны на эти заведенія, обращены были на возникшій 15 іюля 1834 года новый русскій университетъ Св. Владиміра въ Кіевѣ и на открытые вслѣдъ затѣмъ два кадетскіе корпуса, въ Полоцкѣ и Полтавѣ. Общая система устройства народнаго образованія въ государствѣ также получила болѣе правильности и единства, освободясь наконецъ отъ готическаго учрежденія, созданнаго суевѣріемъ и поддерживавшагося самымъ грубымъ фанатизмомъ.

Глава VIII.

Историческій очеркъ отношеній Польши къ Россіи. — Возмущеніе шляхты Западныхъ губерній латинскимъ духовенствомъ. — Двуличное поведеніе епископовъ Клонгевича и князей Іосифа и Симона Гедройцевъ. — Кто остался вѣренъ законному Правительству? — Распоряженія Муравьева въ Могилевской губерніи. — Штабъ резервной арміи. — Муравьевъ исполняетъ должность генералъ-квартирмейстера и генералъ-полицеймейстера. — Возстановленіе Муравьевымъ законной власти въ Лепельскомъ и Дисненскомъ уѣздахъ. — Разборъ мятежниковъ въ мѣстечкѣ Глубокомъ. — Замѣчаніе графа Толстаго Муравьеву. — Распоряженія его въ Виленской губерніи и на Жмуди. — Образъ жизни Муравьева. Непріятности съ разными лицами. Записка, поданная имъ государю въ Петербургѣ о ходѣ мятежа въ западныхъ губерніяхъ.

Улучшеніе внутреннихъ административныхъ порядковъ въ губерніи, устройство хорошей полиціи, торжество русскаго законодательства и другія мирныя занятія Муравьева вскорѣ должны были пріостановиться. Въ послѣднихъ числахъ ноября 1830 года пронеслась по Западной Россіи вѣсть о вспыхнувшемъ въ Варшавѣ возмущеніи и о выступленіи оттуда въ Россію великаго князя Константина Павловича съ небольшимъ отрядомъ

войскъ, оставшихся вѣрными своему долгу. Вслѣдъ за тѣмъ была сформирована, подъ начальствомъ фельдмаршала графа Дибича-Забалканскаго, дѣйствующая армія для усмиренія возмутившейся въ Царствѣ Польскомъ шляхты. Войска же, находившіяся въ прилежащихъ къ Царству губерніяхъ, поступили въ составъ резервной арміи, надъ которою главнокомандующимъ былъ назначенъ генералъ отъ инфантеріи графъ П. А. Толстой [1]. Назначеніе его въ званіе главнокомандующаго состоялось уже въ то время, когда вся страна находилась въ полномъ броженіи. Вслѣдствіе ли поспѣшности или неудовлетворительности первыхъ донесеній, представлявшихъ маловажнымъ вспыхнувшее тогда на Жмуди шляхетское возмущеніе, графъ не сформировалъ для порученной ему арміи особаго штаба, соотвѣтственнаго важности обстоятельствъ, но удовольствовался готовымъ штабомъ Военныхъ Поселеній, которыми онъ начальствовалъ со времени удаленія отъ дѣлъ графа Аракчеева. Но штабъ военныхъ поселеній бывъ учрежденъ для завѣдыванія мир-

[1] Указомъ правительствующему сенату отъ 9 апрѣля 1831 г. графъ Толстой былъ назначенъ главнокомандующимъ резервною арміею съ подчиненіемъ ему Витебской, Могилевской и Минской губерній. Позднѣе же, высочайшими повелѣніями отъ 31 мая и 10 іюня, по случаю удаленія дѣйствующей арміи отъ границъ Имперіи, губерніи Гродненская и Виленская, вмѣстѣ съ Бѣлостокскою областію, были также подчинены графу Толстому, съ предоставленіемъ ему правъ и власти главнокомандующаго большою дѣйствующею арміею. Бывъ главнокомандующимъ резервною арміею, графъ Толстой съ тѣмъ вмѣстѣ носилъ титутъ и управляющаго главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества по военному поселенію. Хотя назначеніе графа Толстаго главнокомандующимъ и состоялось только 9 апрѣля, но въ дѣлахъ уже имѣются распоряженія его по движенію войскъ и гражданскому управленію въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ отъ 27 марта 1831 г.

ными занятіями войскъ, а не для войны, не заключалъ въ своемъ составѣ должностей, необходимыхъ для успѣшнаго управленія военными дѣйствіями противъ непріятеля. Такимъ образомъ въ штабѣ графа Толстаго не существовало должностей генералъ-квартирмейстера, генералъ-полицмейстера и другихъ. Вся масса разнородныхъ дѣлъ сосредоточивалась въ рукахъ дѣятельнаго и энергическаго начальника штаба генералъ-адьютанта Клейнмихеля, имѣвшаго при себѣ небольшую канцелярію. По прибытіи въ Витебскъ, графъ тотчасъ же замѣтилъ неудовлетворительность состоявшаго при немъ штаба. Встрѣтивъ въ числѣ представлявшихся ему лицъ, Муравьева, прибывшаго въ ту пору въ Витебскъ, графъ Толстой предложилъ ему, состоять въ его распоряженіи при штабѣ арміи для исполненія особыхъ порученій. Принявъ предложеніе графа, Муравьевъ отправился въ Могилевъ для сдѣланія необходимыхъ распоряженій на время своего отсутствія. Изъ сохранившихся отъ того времени черновыхъ бумагъ можно видѣть, что въ кратковременное пребываніе Муравьева въ Витебскѣ, онъ былъ занятъ составленіемъ для главнокомандующаго многихъ весьма важныхъ бумагъ, инструкцій военнымъ губернаторамъ, предписаній отряднымъ начальникамъ и всеподданнѣйшихъ донесеній. Мы имѣемъ въ своихъ рукахъ написанный тогда Муравьевымъ черновой проэктъ прокламаціи къ жителямъ Литовскихъ губерній, не получившій впрочемъ одобренія, такъ какъ Муравьевъ обращался преимущественно къ непокорной части населенія, польскому шляхетству и латинскому духовенству, приглашая ихъ не отступать отъ вѣрноподданническаго долга. Изданная же графомъ Толстымъ прокламація была обращена къ одному только сельскому населенію, не принимавшему участія въ возмущеніи противъ русскаго владычества и съ недовѣріемъ взиравшему на

козни, затѣянныя высшими сословіями. Мы упоминаемъ объ несостоявшейся прокламаціи Муравьева потому только, что она обрисовываетъ два разныхъ взгляда на одинъ и тотъ же предметъ: одинъ практическаго, но не государственнаго человѣка, и другой — государственнаго человѣка, не отличившаго друзей отъ враговъ.

Разнообразная и усиленная дѣятельность въ этотъ тревожный періодъ жизни Муравьева доставила ему превосходный случай ознакомиться на практикѣ съ общественною постройкой нашихъ западныхъ областей и въ особенности съ политическимъ и религіознымъ ихъ положеніемъ. Благодаря наблюдательности своей, неоставившей безъ вниманія на одной особенности Западнаго края, незабывшей даже родственныхъ связей мѣстной олигархіи, игравшихъ столь важную роль во всѣхъ смутахъ этой страны, Муравьевъ пріобрѣлъ обширный запасъ опытности, изумлявшей даже старожиловъ и знатоковъ края и доставившей ему возможность впослѣдствіи оказать государству немаловажныя услуги. Послѣ кратковременной поѣздки въ Могилевъ, Муравьеву было поручено графомъ Толстымъ успокоеніе въ Витебской, сѣверной части Минской и Виленской губерніяхъ волненій польской шляхты, приступившей тогда къ составленію конфедерацій и одиночному истребленію русскихъ. Вообще эта пора его жизни едвали не принадлежитъ къ числу наиболѣе любопытныхъ и достойныхъ для изученія уже и потому, что средства, употребленныя Муравьевымъ въ 1863 году, къ возвращенію мятежнаго римско-католическаго духовенства и шляхты къ своему долгу, составляютъ лишь повтореніе, конечно, въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, мѣропріятій, сдѣланныхъ Муравьевымъ въ 1831 году.

Вспыхнувшее въ то время возмущеніе не было возстаніемъ польскаго народа, но мятежомъ одного только

польскаго духовенства и шляхты, составляющихъ одно шляхетское сословіе, взявшееся за оружіе съ цѣлію, возвратить себѣ прежнія шляхетскія права, несовмѣстимыя съ правами прочихъ сословій. Раздѣлъ Польши, поставившій предѣлъ своеволію и разнузданности шляхты, положилъ основаніе новой гражданственности, болѣе справедливой и равноправной, существующей въ другихъ христіанскихъ государствахъ. Но равноправность, столь полезная и необходимая для жизни прочихъ сословій, не могла придтись по сердцу шляхты: воспоминанія о прежней свободѣ, о томъ роскошномъ раздольѣ, когда каждый шляхтичь считалъ себя законнымъ наслѣдникомъ польскаго престола, когда не только честь, но даже собственность и самая жизнь подвластныхъ земледѣльцевъ зависѣли отъ его произвола, — такія воспоминанія, конечно, не могли скоро забыться. Новый порядокъ вещей едва ли еще не болѣе былъ противенъ выгодамъ польскаго духовенства, по происхожденію своему также принадлежавшаго къ шляхетству. Оно теряло власть, вліяніе и, что чувствительнѣе всего, свои обширныя помѣстья, покрывавшія одиннадцатую часть польской государственной территоріи. Во время самостоятельности Польши, оно имѣло первенствующій голосъ въ законодательствѣ и во всѣхъ дѣлахъ внѣшней и внутренней политики. Новый порядокъ вещей обрекалъ его на совершенное политическое безмолвіе. Съ водвореніемъ русскаго владычества въ западномъ краѣ, духовенству не только пришлось отказаться на будущее время отъ всякой религіозной пропаганды, но и отъ всѣхъ почти духовныхъ завоеваній, совершенныхъ со временъ Ягайлы. Воспитанное въ духѣ прозелитизма и нетерпимости, польское духовенство должно было вдругъ переродиться нравственно; отказаться отъ своихъ вѣковыхъ преданій и ограничиться, подобно православному духовенству, скромнымъ исполне-

ніемъ однихъ религіозныхъ обязанностей. Такого перерожденія не случилось, и духовенство не отказалось ни отъ своей политической дѣятельности, ни отъ своей пропаганды, ни отъ тлѣнныхъ благъ сего міра. Оно предпочло вступить въ борьбу съ новымъ порядкомъ вещей, ни сколько не обращая вниманія ни на несоразмѣрность тѣхъ вещественныхъ силъ, которыми обладалъ могущественный противникъ, ни на неизмѣримыя бѣдствія, въ которыя эта борьба, должна будетъ повергнуть несчастное населеніе Польши. Впрочемъ эта борьба была не новая; она началась почти съ той самой минуты, когда свѣтъ евангельскаго ученія впервые озарилъ славянскіе народы. Конечно, здѣсь не мѣсто говорить объ исторіи латинскаго духовенства въ Польшѣ, но мы полагаемъ необходимымъ, ознакомить читателя съ преданіями того общества и той мѣстности, гдѣ довелось дѣйствовать Муравьеву. Для насъ, Русскихъ, интересно также знать, откуда именно происходитъ та искуственная вражда къ намъ Поляковъ, которую иностранцы обыкновенно называютъ племенною. Зная происхожденіе и свойства недуга, можно будетъ лучше понять, почему Муравьевъ при выборѣ средствъ для исцѣленія дѣйствовалъ такъ, а не иначе.

Поляки, подобно прочимъ славянскимъ народамъ, приняли первоначально христіанство изъ Византіи отъ греческихъ проповѣдниковъ. Вдохновенная проповѣдь двухъ солунскихъ братьевъ Кирилла и Меѳодія, озаривъ свѣтомъ истинной вѣры Болгарію, Далмацію, Иллирію и Моравію, скоро проникла и въ Польшу. Польскій князь Мечиславъ, при вступленіи въ супружество съ богемскою княжною Домбровкою, принялъ св. крещеніе по восточному обряду. Ученіе восточной церкви, водворявшее всюду любовь и согласіе и примирявшее людей съ неизбѣжными несовершенствами гражданской жизни, поразило славянскіе народы своею дивною нравственною чистотою. Новое уче-

ніе распространилось быстро и потому, что новые проповѣдники не имѣя никакихъ корыстныхъ или честолюбивыхъ видовъ, не употребляли насилія и проповѣдывали на языкѣ народномъ, для всѣхъ понятномъ и доступномъ.

Уже потомъ, послѣ неудачныхъ попытокъ распространенія латинства въ Богеміи, нѣкто Адальбертъ или Войтехъ, велеградскій епископъ, считаемый папистами первосвятителемъ Поляковъ, явился въ Великую Польшу въ 997 году, то есть спустя 32 года послѣ принятія Мечиславомъ христіанства, когда религія православная сдѣлалась уже господствующею и государственною. Миссія этого Адальберта заключалась не столько въ насажденіи христіанскихъ добродѣтелей между язычниками, сколько въ распространеніи папской власти между православными, подчиненными церковной юрисдикціи константинопольскихъ патріарховъ. О томъ, что свѣтъ истинной вѣры принесенъ былъ въ Польшу не изъ Рима, а греческими проповѣдниками, можетъ свидѣтельствовать и всеобщее празднованіе въ прежнія времена 9-го марта — памяти святыхъ Кирилла и Меѳодія, почитавшихся не только просвѣтителями Польши, но даже и покровителями (патронами) ея. Празднованіе это было установлено самою римскою церковію и употреблявшіяся при томъ всенародныя молитвы были печатаемы до половины XVII вѣка во всѣхъ тогдашнихъ польскихъ служебникахъ [2]). Не мѣ-

[2]) „Qui nos per beatos pontifices et confessores tuos, nostros que patronos Cyrillum et Methodium ad unitatem fidei Christianae vocare dignatus est“, т. е. Боже, удостоившій призвать насъ къ единству вѣры христіанской чрезъ блаженныхъ епископовъ и исповѣдниковъ твоихъ, а нашихъ покровителей Кирилла и Меѳодія. Officia prorgia patronorum regni Poloniae. Lugd. Batavorum. 1637 г. Харьковскій профессоръ Лавровскій въ любопытномъ изслѣдованіи своемъ: „Кириллъ и Меѳодій“, Харьковъ, 1863 г., говоритъ, что на сеймѣ въ Кромерижѣ въ 1380 г. епископъ Іоаннъ изъ Вшеруба (ны-

шаетъ при этомъ замѣтить, что отвращеніе Поляковъ отъ латинскаго обряда въ тѣ времена было такъ сильно, что Адальбертъ, знавшій основательно польскій языкъ, при всей ревности къ папизму, никогда не осмѣливался, въ проповѣдяхъ своихъ, касаться восточнаго богослуженія или обрядовъ; онъ ограничивался только подготовленіемъ умовъ народа и князя къ будущему принятію латинства, проповѣдуя о верховномъ главенствѣ папы надъ церковію. Этотъ ревностный эмиссаръ папы потомъ былъ убитъ негостепріимными жителями прусскаго Поморья. — Римъ, по заведенному порядку, тотчасъ же включилъ его въ сонмъ святыхъ, а позднѣйшіе польскіе монахи присоединили его къ числу литераторовъ, приписавъ ему составленіе «Гимна Богородицѣ», сочиненнаго спустя нѣсколько столѣтій [3]. Какъ бы то ни было, но со времени появленія этого Адальберта или Войтеха, начались въ Польшѣ внутреннія смуты. Распространяя папизмъ, изувѣрное латинское духовенство отбирало отъ православныхъ храмы и безпрестанно воздвигало гоненія на низшіе слои народа, сроднившіеся съ Православіемъ, — гоненія, терзавшія страну въ теченіе многихъ вѣковъ.

Не взирая на постоянное стремленіе папъ къ искорененію въ предѣлахъ Польши восточнаго православія и

нѣшняго Неймарка въ Силезіи) впервые заявилъ о святости епископовъ Кирилла и Меѳодія, о благотворной дѣятельности ихъ на почвѣ христіанства въ Моравіи и объ обязанности потомства почтить ихъ церковнымъ празднествомъ. Причисленіе къ лику святыхъ двухъ православныхъ святителей, г. Лавровскій объясняетъ, обычною политикою христіанскаго Рима усвоивать себѣ православныхъ святыхъ для облегченія духовныхъ завоеваній, подобно тому, какъ Римъ языческій, покоряя вселенную, принималъ въ своей пантеонъ божества враждебныхъ народовъ. Стр. 569.

[3]) Чацкій отвергаетъ предположеніе объ авторствѣ Адальберта; см. его O Litewskich j Polskich prawach.

содѣйствіе къ тому шляхты, оно однакоже довольно долго удерживалось между Поляками, жителями деревень. Объ этомъ свидѣтельствуютъ даже и многіе польскіе писатели: одинъ изъ новѣйшихъ, Собѣщанскій замѣчаетъ, что даже въ 1254 г., при перенесеніи мощей св. Станислава, въ числѣ прочихъ епископовъ, присутствовалъ и русскій епископъ, считавшійся архимандритомъ (опатомъ), находившагося близь Кракова Опатовскаго монастыря. О бытности этого епископа въ 1287 г. на похоронахъ великаго князя Краковскаго Лестка Казимировича упоминается и въ нашей Ипатьевской лѣтописи [4]. О господствѣ православія въ Польшѣ могутъ также свидѣтельствовать нѣкоторые обычаи Восточной Церкви, весьма долгое время сохранявшіеся между польскимъ духовенствомъ, напримѣръ, браки бѣлаго духовенства, не взирая на строгое воспрещеніе ихъ на краковскомъ соборѣ, въ 1197 г., — просуществовали еще цѣлыхъ два столѣтія. Возникшія поэтому поводу на петриковскомъ сеймѣ въ 1550 г. сомнѣнія и споры доказываютъ всеобщее сочувствіе польскаго духовенства къ этому древнему обычаю. Сигизмундъ-Августъ, отправляя въ 1556 г. пословъ на тридентскій соборъ, поручилъ имъ даже просить папу Павла IV о разрѣшеніи польскимъ священникамъ вступать въ бракъ. Постановленіе Григорія VII о безженствѣ духовенства такъ туго принималось въ Польшѣ, что даже въ XVI вѣкѣ одинъ каноникъ, Станиславъ Оржеховскій, рѣшился открыто нарушить противоестественный законъ, и Папа разрѣшилъ ему этотъ бракъ, не въ примѣръ другимъ, своею резолюціею: «tibi soli».

Нельзя также не обратить вниманія и на то обстоятельство, что въ западной части нынѣшняго Царства

---

[4]) Собѣщанскій, Wycieczka archeologiczna, стр 54 и 59. Ипатьевская лѣтопись, стр. 213.

Польскаго почти всѣ древнѣйшіе памятники церковнаго зодчества, восходящіе къ XI вѣку, принадлежатъ храмамъ восточнаго православія, въ которыхъ богослуженіе первоначально совершалось по обрядамъ греческой Церкви. Кромѣ стиля самой постройки, обличающаго греческіе образцы, самое внутреннее расположеніе храмовъ, устроенныхъ греческимъ крестомъ и съ олтаремъ, обращеннымъ къ востоку, свидѣтельствуетъ о приспособленіи зданій для восточнаго богослуженія. Такова древнѣйшая во всей Польшѣ краковская церковь св. Креста на Клепаржѣ, постройку которой нѣкоторые изслѣдователи относятъ ко временамъ, предшествовавшимъ принятію христіанства Мечиславомъ. Тотъ же самый характеръ постройки замѣчается и въ двухъ древнѣйшихъ гнѣзненскихъ соборныхъ храмахъ: каѳедральномъ и другомъ коллегіальномъ св. Георгія; въ нынѣшнемъ люблинскомъ костелѣ св. Николая чудотворца; въ Ченстоховской церкви св. Варвары, а также въ церквахъ, находящихся въ мѣстечкахъ Шидловцѣ, Вонхоцкѣ, что близь Радома, и во многихъ другихъ, свидѣтельствующихъ и по нынѣ о существовавшемъ когда-то, но уже угасшемъ въ тѣхъ мѣстахъ, свѣтѣ Восточнаго Православія. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ костеловъ иногда открываются на стѣнахъ старинныя славянскія письмена, не употреблявшіяся въ латинской церкви. Такимъ образомъ въ находящемся на Вавелѣ, при краковскомъ замкѣ, каѳедральномъ соборѣ, возобновленномъ послѣ пожара 1359 г., недавно замѣчены были на стѣнахъ русскія надписи, написанныя кирилловскими буквами [5]). Чтобы судить о числѣ православныхъ церквей, бывшихъ

[5]) Надписи эти покрыты слоемъ живописи позднѣйшаго времени. Въ 1868 году около памятника Ягайлы, прислоненнаго къ стѣнѣ, краска въ нѣкоторыхъ мѣстахъ отстала отъ стѣны и обнажила древнюю кирилловскую надпись, свидѣтельствующую, что

въ Польшѣ еще при Сигизмундѣ III, столь извѣстномъ своими религіозными преслѣдованіями, достаточно будетъ сказать, что подъ конецъ его царствованія, въ 1623 году, во время случившагося на одномъ изъ краковскихъ предмѣстій пожара, сгорѣло три православныхъ церкви [6]).

Существованіе когда-то близкихъ и родственныхъ отношеній между Поляками и Русскими, кромѣ тождества религіи, подтверждается еще и тождествомъ языка. Одинъ изъ наиболѣе уважаемыхъ польскихъ ученыхъ говоритъ по этому случаю, что «ученіе двухъ солунскихъ апостоловъ было прежде всего посѣяно и возращено между Славянами Ростислава и Святополка, которыхъ государство простиралось до истоковъ Буга и лѣваго берега Вислы. Взлелѣянный здѣсь впервые письменный языкъ, на которомъ распространена среди Поляковъ вѣра Христова, сдѣлался образцомъ письменности для всѣхъ Славянъ, и *все, что не писано было тогда и долго послѣ того въ Польшѣ мѣстными уроженцами,—писалось не иначе, какъ только изобрѣтенными Кирилломъ буквами.* Объ этомъ ясно свидѣтельствуетъ старая легенда о Кириллѣ, деньга Болеслава храбраго съ кирилловскою надписью, хроника Ярослава, написанная кириллицею въ 1219 году каноникомъ каѳедральнаго собора въ Плоцкѣ и найденныя въ кенигсбергскомъ архивѣ еще болѣе старинныя польскія книги, писанныя этимъ письмомъ, о которыхъ упоминаетъ Нѣсецкій и другіе достовѣрные свидѣтели. Кирилловскія буквы невольно выходятъ тамъ и сямъ изъ подъ пера переписчика псалтыря Маргариты (Małgorzaty).—Эти па-

церковь сія: „пописана бысть благоизволеніемъ великого короля пресвѣтлаго Казиміра за Божіей милости короля Польскаго и великаго князя Литовскаго и Русскаго".

[6]) Погодинъ. См. въ его Историческомъ сборникѣ Львовскую русскую лѣтопись, 3,239.

мятники достаточно свидѣтельствуютъ, что кириллица была нѣкогда во всеобщемъ употребленіи въ Польшѣ, а составленныя Меѳодіемъ и преемниками его церковныя книги послужили образцами, по которымъ Поляки и другіе Славяне первоначально образовали свой письменный языкъ» [7]).

Географическое положеніе двухъ племенъ, отсутствіе между ними естественныхъ границъ, употребленіе общихъ всѣмъ Славянамъ кирилловскихъ письменъ и, что важнѣе всего, единство вѣры и языка представляли, казалось, превосходные задатки для будущаго соединенія этихъ племенъ въ одно общее политическое тѣло. — Но на этомъ пути, указанномъ, по видимому, самимъ Провидѣніемъ, западные Славяне должны были встрѣтить неодолимыя препятствія со стороны римскихъ первосвященниковъ, направлявшихъ удары нѣмецкихъ императоровъ на грудь народовъ, получившихъ христіанство изъ Византіи. Одни терзали славянскій міръ для цѣлей вещественныхъ, другіе для расширенія своей духовной власти. Впослѣдствіи, Полякамъ хотя и удалось устранить нѣмецкихъ императоровъ

---

[7]) Линде, Słownik języka polskiego. — Предисловіе стр. 10 и 11 Деньга Болеслава храбраго, о которой упоминаетъ Линде, нынѣ существуетъ только въ трехъ экземплярахъ. Съ одной стороны на ней вытиснуто изображеніе Болеслава, а съ другой византійскій крестъ. Одна найдена въ 1847 г. около Кракова, близь Пинчова; принадлежала сначала фотографу Байеру, а потомъ поступила къ какому-то графу; рисунокъ съ нея снятъ г. Строчинскимъ, а описаніе издано извѣстнымъ нумизматомъ, академикомъ А. А. Куникомъ. Вторая найдена въ Познани или Помераніи, принесена Евреями въ Берлинъ и пріобрѣтена г. Кене; третья, лучшая изъ всѣхъ, найдена въ 1863 г. на островѣ Борнгольмѣ и хранится въ Копенгагенскомъ музеѣ. Всѣ три разнаго штемпеля. Существуютъ еще монеты этого князя, также имѣющія византійскій крестъ, но съ латинскими надписями. Болеславъ на этихъ монетахъ именуется *dux*, а не *rex*.

отъ вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла, но отъ своекорыстной политики римскихъ папъ они никогда уже не могли освободиться, и Польша, постоянно наводняемая толпами иноземныхъ монаховъ и миссіонеровъ, вскорѣ совершенно утратила любимую народомъ славянскую литургію и съ тѣмъ вмѣстѣ надежды на правильное и самобытное развитіе своей гражданственности. Вся послѣдующая затѣмъ польская исторія представляетъ картину постепеннаго развитія теократической власти на счетъ государства. Эта власть была страшна не для однихъ народовъ. Отъ нее трепетали и прирожденные блюстители гражданскаго развитія страны въ духѣ народности, польскіе короли, не находившіе опоры въ невѣжественномъ обществѣ. Недостатокъ съ ихъ стороны ревности къ прозелитизму или раболѣпства предъ папой были причиною преждевременной кончины двухъ лучшихъ польскихъ государей: Сигизмунда-Августа и Владислава IV, отличавшихся просвѣщенною вѣротерпимостью.

Пользуясь безграничнымъ вліяніемъ на всѣ государственныя дѣла, духовенство постепенно разрушало древній патріархальный строй славянскихъ общинъ, замѣнивъ его новыми, феодальными порядками, господствовавшими въ западной Европѣ. Древніе, неписанные обычаи, имѣвшіе до того силу закона, замѣнились рядомъ законоположеній и статутовъ, написанныхъ на непонятной латыни, крайне обременительныхъ для народа, но способствовавшихъ умноженію доходовъ духовенства. Нѣкоторыя изъ такихъ установленій, напримѣръ сборъ десятины, были поводомъ къ безпрестаннымъ народнымъ смутамъ, и, если упрочились, то омоченныя потоками слезъ и крови. Изъ числа средствъ, употребленныхъ для распространенія папизма между православными, не должно забывать и костровъ инквизиціи, учрежденной въ Галичѣ въ 1381 году,

то есть ровно за столѣтіе прежде, чѣмъ въ Испаніи, вообще почитающейся колыбелью инквизиціи. — [8]) Владѣя одиннадцатою частью всѣхъ въ государствѣ земель, духовенство было богатѣйшимъ вотчинникомъ и потому весьма естественно должно было заботиться о расширеніи такъ называемыхъ патримоніальныхъ правъ, предоставлявшихъ помѣщику власть, располагать жизнію живущихъ на его землѣ сельчанъ. Порабощенію народному оно содѣйствовало еще и потому, что само, по происхожденію своему, принадлежало къ шляхетскому сословію. — Хотя въ средніе вѣка, во всѣхъ странахъ, власть вотчинника надъ земледѣльцемъ вообще не отличалась особою кротостью или человѣколюбіемъ, но, кажется, ни въ одномъ изъ христіанскихъ государствъ помѣщичья власть не достигала до такихъ чрезвычайныхъ выраженій суровости, какъ въ Польскомъ государствѣ. Рабство даже было освящено самимъ закономъ: на основаніи вислицкаго статута 1374 г., была постановлена головщизна или пѣня за голову, которую долженъ былъ платить шляхтичъ за убитаго земледѣльца. Эта пѣня опредѣлена была статутомъ въ десять марокъ серебра и, по скудости бывшей тогда въ обращеніи монеты, составляла нѣкоторую охрану для человѣческой жизни. — Но съ теченіемъ времени, вслѣдствіе порчи монеты, пониженія курса и другихъ причинъ, цѣнность марки значительно упала. Въ половинѣ XV вѣка десять марокъ стоили 370 франковъ; около 1500 году цѣна ихъ понизилась до 150; въ 1570 году за десять марокъ уже давали только 90 франковъ, а около 1607 г. 70. — Въ 1730 году, десять марокъ стоили всего-на-все 15 франковъ; ко времени же вступленія на престолъ Ста-

[8]) Вскорѣ по учрежденіи въ 1377 г., латинской митрополіи въ Галичѣ, открыта была, на основаніи буллы папы Урбана VI въ 1381 г. и инквизиція. См. Нарушевича.

нислава Понятовскаго курсъ на человѣческую жизнь понизился еще на полтинникъ, такъ что убіеніе земледѣльца могло обойтись на наши деньги не дороже трехъ рублей съ четвертакомъ. — Должно при этомъ еще замѣтить, что судъ могъ подвергнуть этой пени шляхтича, только за убійство чужаго хлопа, а отнюдь не такого, который проживалъ на собственной землѣ помѣщика, ибо, по польскимъ законамъ, земледѣльцы не могли обращаться въ судебныя мѣста съ какими либо жалобами или исками помимо своего помѣщика, который и былъ ихъ законнымъ защитникомъ. Весьма естественно, что при такомъ гражданскомъ порядкѣ, не могло возникать жалобъ со стороны земледѣльца на своего вотчинника [9]). Вообще отвѣтственность шляхтича за убійство своего хлопа если и существовала въ нѣкоторыхъ памятникахъ польскаго законодательства, то только на бумагѣ, а отнюдь не въ практикѣ жизни. Въ XVI и XVII. вѣкахъ, когда Волынь и Украйна стали наводняться польскою шляхтою, производившею поземельные захваты и страшныя насилія, то существовавшіе тамъ, по древнему обычаю, копные суды позывая шляхту на свой судъ за убійство крестьянъ, получали не рѣдко въ отвѣтъ, что убитые крестьяне составляли ихъ собственность, и что ни кто не въ правѣ требовать отъ нихъ отчета въ томъ, какое они сдѣлали употребленіе изъ своей собственности [10]). — Не взирая на

---

[9]) Oeuvres du philosophe bienfaisant. 2 vol. 1764. Въ этомъ произведеніи бывшаго претендента на польской престолъ, Станислава Лещинскаго, можно найти любопытныя замѣтки о существовавшемъ тогда рабствѣ польскихъ земледѣльцевъ. См. также Лелевеля: Considérations sur l'état politique de l'ancienne Pologne, page 194.

[10]) Эту печальную дѣйствительность свидѣтельствуютъ тысячи актовъ городскихъ и мѣстныхъ судовъ, хранящихся нынѣ въ Кіевской археографической комиссіи. Любопытные могутъ сами про-

очевидное неправосудіе, законъ головщизны оставался однакоже неизмѣннымъ почти до самаго конца существованія Польскаго государства. Императрица Екатерина II, возведшая на польскій престолъ Станислава Понятовскаго, потребовала уничтоженія этого позорнаго закона. Когда полномочный посолъ ея, князь Н. В. Репнинъ, объявилъ въ 1768 году, на радомскомъ сеймѣ, непремѣнное желаніе императрицы, то духовенство, имѣя во главѣ епископовъ Солтыка и Залусскаго, съ геройствомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, единодушно возстало противъ посягательствъ князя Репнина на свою свободу. Не взирая однакоже на грозную бурю, поднявшуюся со стороны благочестивыхъ епископовъ, единственный голосъ князя Репнина восторжествовалъ надъ остаткомъ варварства, противорѣчившемъ всѣмъ основаніямъ христіанскаго ученія. Послѣ четырехвѣковаго существованія, головщизна была навсегда уничтожена. Вышеприведенный случай на радомскомъ сеймѣ можетъ служить образчикомъ тогдашнихъ понятій польскаго духовенства о гражданской свободѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ, — степени просвѣщенія лучшихъ его представителей. — Польскіе писатели усердно умалчиваютъ объ этомъ важномъ событіи, которое по всей справедливости слѣдо-

честь, какъ панъ Михаилъ Ласскій, въ 1573 году, предалъ смерти съ спокойною совѣстью четырехъ крестьянъ, для завладѣнія, ихъ имуществомъ, въ изслѣдованіи извѣстнаго Н. Д. Иванишева: „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ юго-западной Россіи“ Кіевъ, 1863 г., стр. 31. Въ русскихъ областяхъ, составлявшихъ три четверти всего польскаго государства, рабства вообще не существовало до прибытія Поляковъ. *Крѣпостное право и порабощеніе земледѣльческаго сословія начались со времени раздачи Ягайловичами русскихъ земель польскому дворянству.* Объ этомъ явленіи въ Червоной Руси свидѣтельствуетъ Д. Зубрицкій въ своей „Критико-исторической повѣсти Червоной или Галицкой Руси.“ 1845 г. стр. 137.

вало бы почитать началомъ освобожденія польскаго народа отъ крѣпостной зависимости.

Впрочемъ въ исторіи польскаго народа встрѣчается благословенный, хотя и кратковременный періодъ самобытнаго и независимаго отъ Рима развитія гражданственности. Къ этому періоду должно отнести царствованія Сигизмунда Стараго и Сигизмунда Августа, когда папы, занятыя дѣлами реформаціи на западѣ, пріостановили свое вмѣшательство во внутреннія дѣла этой страны. Въ этотъ счастливый и едва ли не лучшій періодъ польской исторіи совершилось много отрадныхъ событій, появилось много даровитыхъ людей; тогда-то явились на свѣтъ литовскій статутъ, библія на польскомъ языкѣ, любопытная хроника Мартина Бѣльскаго, повсюду истребленная потомъ латинскимъ духовенствомъ, развернулась отечественная литература и установилась неизвѣстная въ тогдашней Европѣ религіозная терпимость. Успѣхи реформаціи побудили папу Павла IV принять энергическія мѣры для возстановленія упадающаго латинства. Съ этой цѣлію, какъ извѣстно, и былъ учрежденъ въ 1540 г. орденъ іезуитовъ. Кардиналъ Гозіусъ (Hosen) призвалъ этотъ орденъ въ 1564 году въ Польшу, гдѣ реформа очень распространилась, а черезъ четыре года іезуиты были уже водворены и въ Вильнѣ. Одинъ изъ польскихъ писателей (Валеріанъ Красинскій) говоритъ по этому случаю, «что за эту роковую услугу Гозіусъ пріобрѣлъ себѣ вѣчную благодарность отъ Рима и столь же вѣчныя проклятія отъ своихъ соотечественниковъ» [11]).

Не стѣсняясь въ выборѣ средствъ, іезуиты остались

---

[11]) Essai sur l'histoire religieuse des nations slaves par le comte Valérien Krasinski. Paris. 1853. Книга появилась въ этомъ году въ двухъ переводахъ съ англійскаго языка, и оба изданы въ Парижѣ.

побѣдителями въ борьбѣ съ реформатами и протестантами, враждовавшими между собою и не заключившими оборонительнаго союза съ православными. Покровительствуемые безхарактернымъ королемъ, они освободились посредствомъ отравы отъ опаснѣйшаго изъ своихъ противниковъ — Фирлея. Но православная Литва, имѣя особое отъ Польши управленіе, не представляла въ тѣ времена удобной почвы для духовныхъ завоеваній. Эту особенность и самостоятельность необходимо было уничтожить. Происшедшее въ 1569 году на люблинскомъ сеймѣ насильственное соединеніе Литвы съ Польшею однакожь не произвело ожидаемаго слиянія; напротивъ, умножило лишь международную ненависть двухъ племенъ, безъ всякой пользы для государства. Чтобы понять, до какой степени было не по сердцу жителямъ Литовскаго княжества, такъ называемое добровольное соединеніе Литвы съ Польшей, мы припомнимъ потрясающую сцену, завершившую люблинскій сеймъ. На послѣднемъ засѣданіи этого сейма, представители Литвы упали на колѣни предъ королемъ и, заливаясь слезами, стали умолять его, чтобы онъ не предавалъ ихъ вѣчному позору предъ потомствомъ, требуя отъ нихъ утвержденія своимъ согласіемъ отдачу ихъ, честныхъ людей, какъ рабовъ, Польской Коронѣ, что впрочемъ и несуществуетъ обычая, чтобы рабы утверждали даръ своихъ господъ и, въ заключеніе прибавили они, еслибъ мы это утвердили, то закрѣпили бы за Польшею унаслѣдованіе себя и съ тѣмъ вмѣстѣ собственное порабощеніе [12]).

Успѣхи Баторія въ войнѣ съ Россіею до такой степени воспламенили воображеніе и надежды іезуитовъ на легкое покореніе обширнаго Московскаго государства духовному владычеству Рима, что находившійся тогда въ

[12]) Кояловичъ. Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года. С.-Петербургъ. 1869 г.

Старицѣ, при дворѣ Іоанна Грознаго для переговоровъ, іезуитъ Антоній Поссевинъ доносилъ папѣ: «великія зданія не совершаются въ одинъ день; только труду и постоянству Провидѣніе предоставляетъ успѣхи евангельской «проповѣди. Вообще я полагаю, что даже безъ особаго «труда, одними бесѣдами о религіи можно будетъ подѣй«ствовать на сердца дворянства; доброй же примѣръ бу«детъ лучше всѣхъ словъ. Необходимо будетъ изучить «языкъ страны, потомъ написать на этомъ языкѣ книги «и распространить ихъ въ средѣ народа, въ особенности, «если по миру Ливонія достанется польскому королю, ибо «тогда при помощи семинарій, которыя нужно будетъ «устроить въ Дерптѣ и въ другихъ мѣстахъ, проповѣд«ники Евангелія получатъ возможность съ безопасностію «проникнуть въ самое сердце Московіи. Такимъ образомъ, «безъ шуму и незамѣтно будутъ устранены препятствія, «по нынѣ казавшіяся непреодолимыми.» — Планъ Поссевина объ уніи осуществился въ 1594 году, когда нѣсколько недостойныхъ православныхъ епископовъ, опасаясь строгаго патріаршаго суда за свои преступленія, рѣшились отступиться отъ своей вѣры. — Не взирая однакоже на отпаденіе пастырей отъ паствы, массы народонаселенія въ значительномъ большинствѣ остались вѣрны православію. Общая опасность, грозившая самому драгоцѣнному чувству человѣка — свободѣ совѣсти, побудила населеніе Западной Россіи прибѣгнуть къ учрежденію при церквахъ религіозныхъ общинъ изъ лучшихъ людей каждаго прихода, извѣстныхъ своимъ благочестіемъ и ревностію къ охраненію правъ церкви отъ посягательствъ иновѣрцевъ. — Эти общины, имѣвшія названіе православныхъ церковныхъ братствъ, вскорѣ собрали значительные капиталы, учредили типографіи, книжные склады, библіотеки и школы и образовали множество дѣятелей, прославившихся

въ борьбѣ съ латинствомъ, покровительствуемымъ польскими королями [13]). Вмѣсто одиночной и разрозненной борьбы съ отдѣльными лицами, іезуиты встрѣтили повсюду дружное, совокупное сопротивленіе церковныхъ братствъ. Эти-то братства, представляющія любопытное видоизмѣненіе древней славянской общины, — имѣли громадныя послѣдствія — они спасли въ польскомъ государствѣ русскій народъ и православіе отъ неминуемой гибели и подготовили возвращеніе древней отчины Св. Владиміра къ его законнымъ преемникамъ. Обнародованіе уніи послужило съ тѣмъ вмѣстѣ сигналомъ для первыхъ казацкихъ возстаній, безпощадно громившихъ папизмъ и представлявшихъ собою вооруженный народной протестъ противъ насилія и нетерпимости.

Въ сорокапятилѣтнее царствованіе Сигизмунда III, несчастная Польша, можно сказать, окончательно превратилась изъ самобытнаго государства въ провинцію папской области. Вся Литва и Волынь покрылись сѣтью іезуитскихъ коллегіумовъ [14]) и училищъ, излившихъ на

---

[13]) Первыя братства впрочемъ основаны были нѣсколько ранѣе, въ первой половинѣ XV вѣка, когда учрежденіе инквизиціи и флорентійскій соборъ возбудили всеобщія опасенія между православными населявшими польское государство. Львовское братство учредилось въ 1439 г., Виленское въ 1458 г. Журналъ мин. нар. просвѣщ. 1838, IX. — І. Флерова, „О православныхъ церковныхъ братствахъ.“ С.-Петербургъ. 1857 г., стр. 8.

[14]) Zycie j męczeństwo błagosłowianego Andrzeia Boboli. Lwow. 1855. Изъ этого житія можно видѣть, какъ былъ великъ наплывъ іезуитовъ въ Западную Россію въ началѣ XVII вѣка, обнаруживавшій приготовленія ихъ къ будущей кампаніи. Что касается до самаго Андрея Боболи, то это лицо или, по крайней мѣрѣ мученія его, принадлежатъ къ числу апокрифическихъ. Авторъ житія увѣряетъ, что онъ былъ замученъ казаками въ Пинскѣ, а Крашевскій въ своей „Исторіи города Вильны“ свидѣтельствуетъ, на основаніи достовѣрныхъ документовъ, что Андрей Боболи умеръ отъ чумы,

Польшу всѣ роды бѣдствій, до того ей невѣдомыхъ. Іезуитское воспитаніе, систематически подрывая въ молодомъ поколѣніи уваженіе къ родительской власти, внесло раздоръ въ святилищѣ семьи. Неудивительно поэтому, если впослѣдствіи взаимная ненависть проникла весь составъ общества, превращаясь, смотря по обстоятельствамъ, то въ вражду религіозную, то въ племенную или сословную. — Воспитанные или вдохновляемые іезуитами вельможи польскіе говорили на сеймахъ великолѣпныя рѣчи, по образцамъ Цицерона, но послушно подписывали сеймовые протоколы, составленные благочестивыми отцами. Такимъ образомъ изъ дневника люблинскаго сейма можно видѣть, что всѣми дѣлами этого сейма и отвѣтами короля, руководилъ краковскій епископъ Филиппъ Падневскій [15]). Напрасно одинокій голосъ умнаго и дальновиднаго Яна Замойскаго предупреждалъ Поляковъ объ опасности, грозившей отечеству отъ сумасбродныхъ предпріятій, затѣваемыхъ духовенствомъ; напрасно указывалъ онъ на печальныя послѣдствія козней іезуитовъ, выславшихъ въ Россію цѣлую коллекцію самозванцевъ для разыгрыванія гнусныхъ комедій; напрасно также совѣтовалъ Замойскій Сигизмунду, дать лучшее воспитаніе своему сыну, наслѣднику престола, и прогнать окружавшихъ его иноземныхъ воспитателей, чтобы юный принцъ научился лю-

въ г. Вильнѣ. Тѣло его находится въ Полоцкомъ Доминиканскомъ монастырѣ и служитъ предметомъ почитанія и доходною статьею. Это вымышленное житіе, съ описаніемъ небывалыхъ мученій, было издано также и въ Парижѣ на французскомъ языкѣ, очевидно съ цѣлію возбужденія сочувствія французскихъ папистовъ къ несчастному положенію польской церкви въ Россіи. Вообще говоря, житіе Боболи представляетъ превосходный образчикъ католическихъ спекуляцій, расчитанныхъ на простодушіе читателей.

[15]) Кояловичъ, Дневникъ Люблинскаго сейма 1569 года. С.-Петербургъ. 1869 года.

бить польскій народъ, уважать правосудіе, слушать мудрые совѣты и избѣгать льстецовъ. Голосъ Замойскаго раздавался въ пустынѣ. Сигизмундъ до такой степени вѣрилъ въ обращеніе Россіи въ латинство, посредствомъ самозванцевъ, что рѣшился дать въ своемъ дворцѣ аудіенцію Гришкѣ Отрепьеву. Покорный волѣ іезуитовъ, Сигизмундъ имѣлъ отвращеніе отъ всякаго проявленія въ обществѣ національнаго чувства. Однажды вздумалось наслѣднику престола, юному королевичу Владиславу, надѣть на себя старинное польское платье. За этотъ невинный поступокъ іезуиты пребольно посѣкли розгами юнаго королевича [16]). До чего доводило покровительство Сигизмунда прозелитизму, достаточно вспомнить о неистовствахъ, извѣстнаго по своему полоумію, полоцкаго епископа Іосафата Кунцевича, выкапывавшаго изъ могилъ мертвецовъ за отказъ ихъ при жизни присоединиться къ папизму. Истощивъ народное терпѣніе, этотъ изувѣръ былъ наконецъ убитъ витебскою чернью и уже въ наше время сопричисленъ папою къ лику святыхъ. Страшныя казни, произведенныя тогда въ Витебскѣ, конечно не исцѣлили народной вражды къ государству.

Уничтожая безжалостно всѣ нравственныя связи западныхъ славянъ съ восточными, латинство породило между ними раздоръ и ненависть; взамѣнъ древняго братства явилась кровная вражда. Даже общія для двухъ народовъ этнографическія свойства стали измѣняться отъ разлагающаго вліянія Рима. Унію, какъ видоизмѣненіе папизма, можно уподобить этнографической лабораторіи, въ которой народы разлагаются, перегораютъ и улетучиваются, совершенно утративъ всѣ признаки первоначальнаго сво-

---

[16]) Лелевель. См. его Исторію, разсказанную дядей своимъ племянникамъ. Она переведена и на французскій языкъ, подъ заглавіемъ: Histoire de Pologne par Joachim Lelewel. 1844.

его происхожденія. Съ теченіемъ времени, обширныя населенія теряютъ свой языкъ, обычаи, образъ жизни и древнюю патріархальную чистоту нравовъ. Хотя и не произошло видимаго повальнаго истребленія народа какою нибудь заразою или черною немощью и не случилось прилива иной національности; но вы напрасно будете искать слѣдовъ древняго народа — онъ исчезъ, онъ истребленъ безъ слѣда тлетворнымъ дѣйствіемъ уніи. Такимъ образомъ, вы не найдете теперь слѣдовъ малорусскаго племени на берегахъ Вислы, у притоковъ Вепря, — его давно уже тутъ нѣтъ, и только въ лѣтописяхъ сохранилось извѣстіе, что тутъ когда-то жило родное намъ племя, осѣненное скипетромъ св. Владиміра Равноапостольнаго.

Возстаніе Богдана Хмѣльницкаго въ 1648 году обнаружило совершенное разстройство всякаго гражданскаго порядка въ Польскомъ государствѣ. Гражданская власть, утратившая всякую самостоятельность, не имѣла способовъ оградить честь, собственность и даже самую жизнь беззащитныхъ гражданъ отъ притѣсненій сильнаго; ничтожество ея особенно обнаружилось по отношенію къ клерикальной корпораціи, разнузданность которой и бѣшеный фанатизмъ превосходили всякое воображеніе. Такое неестественное, безгосударственное положеніе страны не могло быть продолжительно. Достаточно было одной искры, чтобы накипѣвшая ненависть малороссійскаго народа къ эмиссарамъ латинства мгновенно превратилась въ страшный пожаръ, охватившій большую часть польскаго государства. Поэтому, едва ли будетъ основательно, объяснять единодушное возстаніе Малой Россіи личными побужденіями грознаго предводителя казаковъ, похищеніемъ у Хмѣльницкаго клочка земли или оскорбленіемъ его сына. Народная месть, на этотъ разъ правосудная,

разразившись прежде всего надъ миссіонерами ненавистной уніи, указала на главныхъ виновниковъ и истинный источникъ общественной анархіи. Хмѣльницкій возсталъ не изъ личныхъ побужденій и даже не для освобожденія одного малороссійскаго племени, а для освобожденія всего русскаго народа отъ тлетворнаго вліянія папизма: его полководцы пытались поднять Бѣлоруссію и Полѣсье, въ которыя они вступили со стороны Бобруйска и Пинска. Но дорого обошлось несчастнымъ Бѣлоруссамъ и Полѣшукамъ заступничество Хмѣльницкаго: стражникъ Мирскій истребилъ православный Пинскъ съ 3,000 жителей, не пощадивъ ни стариковъ, ни женщинъ, ни даже младенцевъ. Гетманъ же Янушъ Радзивилъ, взявъ на честное слово Бобруйскъ, обезглавилъ, повѣсилъ и посадилъ на колъ до тысячи человѣкъ; остальному же населенію далъ свободу, отрубивъ предварительно руки [17]).

Въ 1654 году, Малороссія отдѣлилась отъ Польши и присоединеніемъ своимъ къ Россіи положила начало распаденію польскаго государства. Но при Хмѣльницкомъ присоединились къ Россіи только Малороссіяне лѣваго или восточнаго берега Днѣпра. Остальная же этнографическая область малороссійскаго племени, Волынь, Подолія, Люблинское воеводство и вся Галиція до Ярослава и Санока остались въ составѣ Польскаго государства. До сихъ поръ еще не существуетъ исторіи русскаго народа въ предѣлахъ бывшей рѣчи посполитой, она понынѣ еще представляетъ одни только чистыя страницы, ожидающія безпристрастнаго изслѣдователя. — Но, со временемъ, когда улягутся страсти и истина восторжествуетъ, то потомство съ изумленіемъ увидитъ, что Польша вознесена была на высоту величія не одною шляхтой, но и

[17]) Акты, относящіеся къ исторіи южной и западной Россіи, изд. археогр. коммисіею. Томъ III, № 243, стр. 297.

благодаря мощнымъ раменамъ малороссійскаго племени. Будущее поколѣніе увидитъ также, сколько крови это племя пролило для расширенія предѣловъ Польши; узнаетъ, что это государство многими лучами своей славы обязано лишь единому мужеству этихъ пріимчивыхъ и безстрашныхъ рыцарей. — Кровь малороссійскихъ казаковъ проливалась на поляхъ Венгріи, когда нужно было для интересовъ австрійскаго дома остановить успѣхи трансильванскаго князя Бетлема Габора. Безвѣстно и безъ всякой пользы для русскаго дѣла, груды казацкихъ костей были сложены съ 1636 по 1638 годъ по разнымъ угламъ Франціи, при взятіи Вердюна и во время осады Дюнкирхена [18]). — Польскіе писатели едва упоминаютъ о томъ, что малороссійскіе казаки втеченіе двухъ столѣтій заслоняли Польшу своею грудью отъ набѣговъ Крымцевъ и Турокъ, — про то вѣдаютъ только многочисленные курганы въ степяхъ Украйны, — эти нѣмые свидѣтели минувшихъ жертвъ. Наконецъ, мы спросимъ всѣхъ безпристрастныхъ людей, была ли какая нибудь возможность для Яна Собесскаго освободить Вѣну, безъ содѣйствія казацкихъ полковъ, привыкшихъ къ побѣдамъ надъ крымцами и турками? Поляки, столь похваляющіеся нынѣ пе-

[18]) О бытности въ это время казаковъ во Франціи мы не имѣемъ обстоятельныхъ свѣдѣній, но полагаемъ, что они посланы были одновременно съ Яномъ Казиміромъ, бывшимъ потомъ польскимъ королемъ. О пребываніи же казаковъ въ числѣ шести или семи тысячъ во Фландріи и во Франціи упоминаютъ два писателя: Пьеръ Шевалье въ посвященіи книги своей, бывшему французскому посланнику въ Польшѣ, графу де Брежи: Histoire de la guerre des cosaques contre la Pologne. 1663 и Кулешъ въ книгѣ: Wiara prawoslawna, напечатанной въ 1704 г., на польскомъ языкѣ, готическими буквами. — Фактъ любопытный и несомнѣнный, заслуживающій особаго изслѣдованія, тѣмъ болѣе, что съ казаками находился тогда во Франціи и Богданъ Хмѣльницкій.

редъ Европой освобожденіемъ Вѣны, повидимому, совершенно забыли, что этотъ король едва не погибъ отъ руки злодѣя Верыги-Даровскаго; что предки ихъ, сколько могли, мѣшали королю выступить въ походъ, подвергали его оскорбленіямъ и даже за помощь, оказанную Яномъ Собесскимъ Австрійцамъ, лишили впослѣдствіи сына его, Константина, правъ на польскій престолъ.

Девятымъ пунктомъ московскаго договора было постановлено, «чтобы всѣмъ людямъ благочестивой греческой вѣры, пребывающимъ въ Коронѣ Польской и въ Великомъ Княжествѣ Литовскомъ, никакого утѣсненія и къ вѣрѣ римской принужденія чинить не велѣть и быти то не имѣетъ» [19]).

Вышеприведенное условіе московскаго договора, предоставлявшее Россіи право охраненія въ предѣлахъ Польши своихъ единовѣрцевъ, никогда однакожъ со стороны Поляковъ не соблюдалось; напротивъ, преслѣдованія и вражда къ Православію время отъ времени еще усугублялись. Многочисленныя жалобы православныхъ были присылаемы въ синодъ и потомъ препровождаемы въ Варшаву къ нашимъ резидентамъ для исходатайствованія отъ польскаго правительства удовлетворенія. Но, къ несчастію, въ тѣ времена наши дипломатическіе чиновники въ Польшѣ были большею частію изъ иностранцевъ, которыхъ вся дѣятельность и сношенія съ польскимъ правительствомъ, заключались главнымъ образомъ въ дипломатическихъ отпискахъ; что же касается до духовныхъ потребностей народа или интересовъ религіозныхъ, совершенно для нихъ чуждыхъ, то

---

[19]) Полное Собраніе Законовъ. II. № 1186.—Московскій договоръ былъ заключенъ 26 апрѣля 1686 года. Поляки называютъ его Гримультовскимъ по имени подписавшаго, старшаго изъ пяти полномочныхъ пословъ, познанскаго воеводы Криштофа Гримультовскаго.

все покровительство ихъ бѣдствующей православной Церкви и ея послѣдователямъ ограничивалось одною вялою перепиской[20]). Къ началу царствованія императрицы Екатерины II утѣсненія православныхъ достигли до чрезвычайныхъ размѣровъ: однихъ жалобъ по отобранію церквей простиралось свыше полутораста. — Сверхъ того, Святѣйшій Синодъ былъ заваленъ жалобами на истязанія, увѣчья и смертоубійства, употреблявшіяся латинскимъ духовенствомъ при обращеніи православныхъ въ унію. — Но всѣ фанатическія вакханаліи этого духовенства оставались однако же совершенно безнаказанными. При дальнѣйшемъ равнодушіи нашего правительства къ судьбѣ Церкви въ Западной Россіи угрожало совершенное ея истребленіе. Съ тѣмъ вмѣстѣ родственное намъ по происхожденію, преданіямъ, вѣрѣ и языку населеніе, съ принятіемъ латинства, окончательно разрывало всѣ эти нравственныя связи и изъ друзей превращалось въ злѣйшихъ враговъ Россіи. Вообще говоря, порабощеніе русскаго народа въ Польшѣ было значительно суровѣе монгольскаго ига, когда-то тяготѣвшаго надъ Восточною Русью, ибо Монголы никогда не покушались на совѣсть подвластныхъ имъ народовъ.

Императрица Екатерина II, возведшая на польской престолъ Станислава Понятовскаго, потребовала отъ него уравненія правъ православныхъ съ остальными подданными Польскаго государства. Вопросъ о правахъ диссидентовъ, какъ мы уже видѣли, былъ вовсе не пустой предлогъ для вмѣшательства во внутреннія дѣла Польши, но вопросъ жизненный для безопасности Русскаго государства. — Сначала императрица полагала окончить его миролюбиво и даже не настаивала на уравненіи всѣхъ правъ,

[20]) Переписка Гросса по притѣсненіямъ Виленскаго православнаго братства можетъ служить образчикомъ совершенной безуспѣшности дипломатическаго покровительства.

но только нѣкоторыхъ, существенно необходимыхъ православному населенію для безопаснаго отправленія своей религіи. — Это весьма умѣренное и справедливое требованіе не только не было удовлетворено, но возбудило отчаянную оппозицію со стороны епископовъ, предводимыхъ папскимъ нунціемъ, кардиналомъ Висконти. Оглушительный ихъ вопль на радомскомъ сеймѣ въ 1768 г. о гибели католической вѣры, нисколько однакоже не измѣнилъ требованій князя Репнина, который весьма спокойно попросилъ ихъ воздержаться отъ крику, замѣтивъ, что если онъ самъ начнетъ шумѣть, то можетъ быть очень худо. Видя невозможность запугать Русскихъ въ Варшавѣ, куда сеймъ былъ переведенъ изъ Радома, латинское духовенство принялось тогда проповѣдывать крестовый походъ противъ православія на Волыни и Украйнѣ. Исправлявшій должность Петра Пустынника, бердичевскій кармелитъ Марко, съ крестомъ въ рукахъ, обходилъ околицы и застѣнки и призывалъ шляхту на защиту погибающей вѣры. Какъ и во времена лиги во Франціи, монахи никому не давали разрѣшенія въ грѣхахъ, если кающійся не давалъ присяги и обязательства поступить въ конфедерацію и потерпѣть мученичество за вѣру: папская булла и подстрекательства нунція Висконти увлекли праздную шляхту въ крестовый походъ противъ еретической Россіи. — На знаменахъ конфедератовъ былъ изображенъ раненый бѣлый орелъ, съ девизомъ: Aut vincere aut mori et pro religione et libertate.

Этотъ комическій походъ противъ Русскихъ извѣстенъ въ польской исторіи подъ названіемъ барской конфедераціи. Шляхетская сволочь и уніатскіе неофиты были единственными крестоносцами этого похода, ограничившагося буйствомъ, шумными пиршествами, крупною картежною игрой и безконечными похвальбами собственнаго мужества

и свободолюбія [21]). Случившееся около того времени публичное сожженіе медленнымъ огнемъ въ Ольшанкѣ престарѣлаго церковнаго старосты Даніила Кушнира, истощило наконецъ долготерпѣніе народное. Мучительная смерть, ни въ чемъ неповиннаго и благочестиваго старца, вопіяла къ небу о правосудіи, котораго на польской землѣ давно уже не было. Грозное возстаніе малороссійскаго народа, подъ предводительствомъ Гонты и Желѣзняка, мгновенно охватило всю Заднѣпровскую Украйну. Польша начинала разваливаться не отъ напору внѣшняго давленія, а отъ страшнаго внутренняго пожара, произведеннаго изувѣрствомъ духовенства и истребившаго до-тла тѣ нрав-

---

[21]) Польскіе и французскіе писатели изображаютъ обыкновенно тогдашнія конфедераціи какими-то легальными и почтенными союзами свободолюбивыхъ гражданъ, соединявшихся для возстановленія законнаго порядка. На дѣлѣ, это были шайки вооруженной и невѣжественной шляхты, называвшей себя новыми крыжаками (крестоносцами) и совершавшей безнаказанно всѣ роды самыхъ гнусныхъ преступленій, начиная съ грабежа и ночныхъ убійствъ до поджоговъ. — „Le royaume étoit inondé d'écrits injurieux contre Stanislas-Auguste; et quels étoient les auteurs de ces libelles où l'on noircissoit ainsi la vertu? Des brigands souillés de sang, chargés des dépouilles de l'honnête citoyen, ligués avec les ennemis de l'état, qui la torche et le sabre à la main crioient à l'injustice! On trouvoit souvent dans Varsovie des amas des matières combustibles; on découvrit même dans le palais du roi un paquet de poudre: dix minutes plus tard la mèche déja allumée y mettoit le feu. Enfin le nom de confédéré devint odieux". Histoire générale de Pologne, par Solignac. 1780. Amsterdam. VI, 197 — 200. Дюмурье, тогдашній французскій эмиссаръ, лично знавшій представителей барской конфедераціи и оставившій записки о знакомствѣ съ ними, говоритъ о конфедератахъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Изъ тѣхъ же записокъ можно видѣть, что возбужденіе Поляковъ и Турковъ къ войнѣ съ Россіею было предпринято вовсе не для выгодъ Польши, а для личныхъ интересовъ французскаго министра герцога Шаузеля. Mémoires du général Dumouriez. 106 — 115.

ственныя и гражданскія связи, безъ которыхъ невозможно существованіе ни одного общества. Но отъ начинавшагося государственнаго разложенія, Польша была спасена на тотъ разъ императрицею Екатериною, приславшею, по убѣдительнымъ просьбамъ польскаго правительства, полковника Кречетникова для усмиренія возставшихъ Украинцевъ. Вмѣсто благодарности за великодушную помощь, латинское духовенство распространило молву, будто императрица прислала къ запорожскому кошевому атаману Петру Кальнишевскому указъ о всеобщемъ истребленіи Поляковъ и Жидовъ [23]). Съ возстановленіемъ въ странѣ спокойствія, бѣдствія однако не прекратились: народъ подвергся страшному мщенію духовенства и шляхты. Особою суровостью въ это печальное время отличался одинъ изъ барскихъ конфедератовъ, региментарь Іосифъ Стемпковскій: онъ повѣсилъ въ Лисянкѣ до шести сотъ человѣкъ казаковъ безъ суда и слѣдствія. Двѣ судныя комиссіи, учрежденныя въ Коднѣ и Львовѣ, поступали не менѣе жестокосердо: не проходило дня безъ преданія позорной смерти нѣсколькихъ жертвъ. Императрица пришла въ ужасъ, при извѣстіи объ этихъ безполезныхъ жестокостяхъ, и настоятельно потребовала немедленнаго прекращенія казней. Заступничество императрицы за православныхъ, основанное на ясномъ текстѣ трактатовъ, привело въ страшное негодованіе кардинала Висконти, видѣвшаго въ требованіи Россіи вмѣшательство иновѣрной государыни въ дѣла, исключительно подлежащія верховному рѣшенію римскаго первосвященника. По коварному совѣту этого изувѣра, польское правительство хотя и приказало тотчасъ же закрыть судилища и сжечь всѣ письменныя дѣла о возстаніи казаковъ или гайдамаковъ, какъ ихъ тогда называли, но съ тѣмъ вмѣстѣ рас-

[23]) Recueil des traités et conventions concernant la Pologne, par le comte d'Angeberg. Page 62.

порядилось, чтобы всѣхъ находящихся подъ стражею, еще не осужденныхъ и можетъ быть невинныхъ, немедленно предать смерти. Такимъ образомъ во Львовѣ въ одинъ день было казнено до трехъ сотъ человѣкъ [24]).

Духовенство и шляхта почитали всѣ эти крайнія мѣры необходимыми для поддержанія своего упадающаго владычества. — Но дѣйствуя жестоко и неправосудно въ отношеніи народа, они внутри страны вооружали противъ себя всю массу обширнаго населенія. Внѣшняя польская политика отличалась небольшею дальновидностію. Польскій посолъ въ Константинополѣ, вспомоществуемый французскимъ посланникомъ, вдвоемъ подстрекали Турковъ, объявить войну Россіи. Эти недостойные происки увѣнчались успѣхомъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, закоренѣлая непріязнь католической Польши къ Россіи, окончательно убѣдила императрицу въ совершенной невозможности расчитывать на благодарность, дружбу или даже простое исполненіе принятыхъ Поляками на себя обязательствъ. Прочность международныхъ договоровъ оказывалась весьма сомнительною съ такою страною, гдѣ легкомысленная игра честнымъ словомъ и вѣроломство были дѣломъ самымъ обычнымъ, гдѣ представители государства, начиная съ сенаторовъ и великаго короннаго канцлера епископа Млод-

---

[24]) О возстаніи гайдамаковъ смотри *Маркевича,* Исторію Малороссіи, II, стр. 670 и 671. — Архивъ Югозападной Россіи. Часть I, томъ II. *Лелевеля,* Considerations sur l'état politique de l'ancienne Pologne, page 306. — Адама Мощинскаго, Pamiętniki do historyi Polskiej, стр. 126 — 130. Со времени казней Стемпковскаго, въ Лисянкѣ, у тамошнихъ дѣвушекъ, вошло въ обычай вплетать въ косу, между разноцвѣтными лентами, одну черную. Лелевель хотя и говоритъ, что во Львовѣ было тогда казнено 300 человѣкъ, но имѣя въ виду его пристрастіе и привычку къ уменьшенію подобныхъ цифръ, можно полагать, что число совершонныхъ тогда казней было гораздо значительнѣе.

зеевскаго и кончая примасомъ Подоскимъ и даже самимъ королемъ, не стыдились выпрашивать у русскаго посланника денежныя субсидіи и въ то же время интриговать противъ Россіи.

Пораженіе Турковъ при Чесмѣ, Ларгѣ и Кагулѣ тотчасъ же отозвалось и въ Польшѣ. Преувеличенныя надежды Поляковъ на помощь Франціи были разбиты въ дребезги: вмѣсто ожидаемыхъ грудъ золота и армій, явилось нѣсколько авантюристовъ съ пустыми руками. Поведеніе Поляковъ мгновенно измѣнилось, и послѣ высокомѣрія и заносчивости ихъ, вдругъ наступили упадокъ духа, кротость и уступчивость. Пользуясь такимъ настроеніемъ польскаго общества, Австрійцы въ началѣ августа 1770 года, безъ всякаго шуму и огласки, передвинули пограничные столбы и заняли своими войсками и чиновниками, лежащій въ юго-западномъ углу Польши, и составлявшій часть польскаго государства, Сандечскій повѣтъ, въ которомъ находились: плодородное Спижское староство и богатѣйшія въ Европѣ соляныя копи Бохніи и Велички, снабжающія солью всю Польшу, Венгрію, нѣмецкія земли Австріи, Силезію и Чехію. Это необыкновенное нарушеніе международнаго права было совершено подъ предлогомъ возвращенія неправильно принадлежащей Полякамъ территоріи. Дѣло въ томъ, что въ 1108 году Болеславъ Кривоустый, при выдачѣ въ замужство своей дочери Юдифи за Стефана, сына Коломана Венгерскаго, отдалъ за нею въ приданое Спижскую землю, съ условіемъ возвращенія оной польской коронѣ послѣ смерти Стефана. — Но такъ какъ условіе это соблюдено не было, то Ягайло, для миролюбиваго окончанія давнишней тяжбы, выдалъ въ 1412 году императору Сигизмунду въ займы 37,000 пражскихъ копъ грошей, подъ залогъ Спижскаго староства, и такимъ образомъ возвра-

тилъ оное въ составъ королевства, какъ уже имущество невыкупленное. Не говоря уже о трехъ съ половиною вѣкахъ безспорнаго владѣнія Спижемъ и почтенной гражданской давности, захватъ Австрійцевъ былъ еще несправедливъ и потому, что домогательства ихъ могли касаться одного только Спижа, составляющаго небольшую часть повѣта; Австрійцы же захватили себѣ весь Сандечскій повѣтъ и часть Щовскаго съ соляными копями, то есть, такія земли, которыя никогда не входили въ составъ вновь возбужденной тяжбы. — Этотъ захватъ польской земли, имѣвшій всѣ свойства дѣянія уголовнаго, и былъ первымъ починомъ политическаго распаденія Польши, совершившагося спустя два года. Нельзя не обратить здѣсь вниманія на обстоятельство первостепенной важности, что отчужденіе польской территоріи было совершено Австріею не только безъ какого либо соглашенія или совѣщанія съ Россіею или Пруссіею, но даже и безъ всякаго увѣдомленія. — Такимъ образомъ, чувствительная Марія-Терезія, проливавшая слезы о печальной судьбѣ Поляковъ, является самою предпріимчивою и главною виновницею раздѣла Польскаго государства.

Водвореніе австрійской администраціи на польской землѣ произошло такъ тихо и незамѣтно, что Фридрихъ Великій узналъ обо всемъ спустя уже нѣсколько мѣсяцевъ, и то случайно, когда въ берлинской полиціи на паспортѣ какого-то Пеликанека, прибывшаго изъ Велички, разглядѣли двуглавый австрійскій орелъ. Это обстоятельство обратило вниманіе прусскаго короля, увидѣвшаго ясно, что учрежденіе на польской землѣ управленія, обставленнаго всѣми атрибутами законной власти и дѣйствующаго во имя австрійскаго императора, было не случайною или временною мѣрою, но окончательнымъ и прочнымъ водвореніемъ въ странѣ австрійскаго владычества.

Уже на слѣдующій годъ, когда при заключеніи мирнаго договора между Россіею и Турціею возникли препятствія со стороны Австріи, несоглашавшейся на образованіе независимаго Молдо-Влахійскаго княжества и уступку для Россіи небольшаго острова въ Архипелагѣ, то прусскій король въ депешѣ своей отъ 2 марта 1771 года извѣстилъ императрицу о новомъ пріобрѣтеніи Австріи, которое, судя по всѣмъ примѣтамъ, она не выпуститъ изъ своихъ рукъ, не бывъ принуждена къ тому силою оружія [25]). — «Все это заставляетъ меня думать, писалъ Фридрихъ Великій, что и мы съ Россіею также должны воспользоваться настоящимъ случаемъ и, подражая примѣру вѣнскаго двора, озаботиться доставленіемъ себѣ какой либо существенной выгоды. Мнѣ кажется, что для Россіи все равно, откуда бы ни пришлось ей получить вознагражденіе, слѣдующее за военныя издержки. — И такъ какъ настоящая война возникла изъ-за Польши, то я не знаю, почему бы изъ пограничныхъ польскихъ областей не быть и самому вознагражденію. Что касается до меня, то не желая допускать перевѣса

[25]) Potsdam, le 2 Mars 1771...... Par le contenu du passeport que l'administration du district, dont la cour de Vienne s'est mise en possession en Pologne, a fait expédier à un staroste Pelikaneyk, il parait assez clairement, que cette cour regarde déjà ce district avec ses dépendances comme un état incorporé à son royaume de Hongrie, et il n'est pas à présumer, qu'elle s'en dessaisira sans y être obligé par une force superieure. Cette idée me conduit à une autre et me fait juger que le meilleur sera, que la Russie et moi nous profitions également de cette conjoncture, et qu'en imitant l'exemple de la cour de Vienne, nous pourvoyons nous-mêmes à nos intérêts et nons procurions aussi quelque avantage réel. Il me semble, qu'il doit-être indifférent à la Russie, de quel coté lui vient le dédommagement. *Fred. de Smitt.* Frederic II, Catherine II et le partage de la Pologne. 1861. Collection des documents serv. à l'hist. du partage de la Pologne, page 12.

на сторону Австріи, я также не могу оставаться безъ подобнаго же пріобрѣтенія какой нибудь части Польши. Это мнѣ послужитъ возмѣщеніемъ за субсидіи и другія убытки, понесенные въ теченіе этой войны.»

Приведенная нами депеша прусскаго короля къ посланнику своему въ Петербургѣ графу Сольмсу вообще почитается основнымъ документомъ, въ которомъ впервые была высказана мысль о раздѣлѣ Польши. — На основаніи этой-то депеши и произносится обыкновенно обвиненіе Фридриха Великаго въ починѣ своекорыстнаго замысла на неприкосновенность дружественной страны. Что же касается до совершившагося за семь мѣсяцевъ передъ тѣмъ уже не замысла, а настоящаго захвата Сандечскаго и Щовскаго повѣтовъ со Спижемъ, Бохніей и Величкой, то этотъ поступокъ Австріи совершенно оставленъ безъ вниманія, какъ кажется потому, что дѣло было сдѣлано безъ всякой дипломатической болтовни, торжественныхъ нотъ и заявленій, а благоразумно и съ надлежащимъ соблюденіемъ канцелярской тайны. Когда же наступилъ судъ исторіи, то по недостатку другихъ, древнѣйшей даты, письменныхъ свидѣтельствъ и были представлены, вышеприведенная депеша со всею послѣдующей перепиской, въ видѣ уликъ, ясно свидѣтельствующихъ злонамѣренныя противъ Польши козни Пруссіи и ея соучастницы Россіи. — Такимъ образомъ неизбѣжныя и логическія послѣдствія получили уголовное значеніе самой причины. Вслѣдствіе такой оцѣнки событій, Австрія, первая и главная виновница распаденія Польши, не только освободилась отъ должной отвѣтственности, но еще представила изъ себя умилительное зрѣлище угнетённой женщины, со слезами подчиняющейся жестокому приговору судьбы, то есть принятію въ свое владѣніе Галиціи, — лучшей и богатѣйшей изъ польскихъ областей.

Фридрихъ Великій дѣйствительно всѣми мѣрами убѣждалъ императрицу взять въ вознагражденіе вмѣсто небольшаго турецкаго острова обширную польскую область. Сочувствіе короля къ такому способу возмѣщенія военныхъ издержекъ основывалось главнымъ образомъ на возможности вознаградить при томъ и себя небольшимъ участкомъ Польши, за субсидіи, уплаченныя имъ Россіи, по случаю турецкой войны. Весьма естественно, что король, имѣя въ виду уже совершившееся поземельное расширеніе Австріи, возъимѣлъ желаніе присоединить къ Пруссіи широкую полосу польскихъ земель, тянувшихся вдоль Вислы къ Данцигу и совершенно раздѣлявшихъ восточную половину королевства отъ западной. — Справедливость требуетъ сказать, что присоединеніе этихъ земель къ Пруссіи было дѣломъ настоятельной надобности. Разрозненность владѣній была чрезвычайно невыгодна въ административномъ, финансовомъ и военномъ отношеніяхъ; объ нее разбивались, какъ о подводные камни, самыя лучшія мѣропріятія прусскаго правительства и, кромѣ того, она подавала поводъ къ безпрестаннымъ ссорамъ двухъ сосѣднихъ народовъ.

Дипломатическая переписка, возбужденная Фридрихомъ Великимъ, закончилась, какъ извѣстно, договоромъ о первомъ раздѣлѣ Польши, подписаннымъ полномочными Россіи, Австріи и Пруссіи, въ С. Петербургѣ 25-го іюля 1772 года. Это было первое предостереженіе латинской Польшѣ за всѣ предшествовавшія ея неправды, въ особенности же за нарушеніе самаго неприкосновеннаго изъ народныхъ правъ — свободы совѣсти. — Обезсиленная и уменьшенная въ своемъ объемѣ, Польша и въ послѣдующія за тѣмъ времена осталась однакоже вѣрна своимъ традиціоннымъ заблужденіямъ, своей религіозной нетерпимости и презрѣнію духовныхъ потребностей народа.—

Этотъ характеръ польской исторіи отразился на всей внутренней жизни тогдашней Польши. Хотя въ это время и пробудилось нѣкоторое умственное движеніе, но народная нравственность, въ особенности въ высшихъ слояхъ общества, нисколько отъ того не улучшилась, напротивъ потерпѣла сильное пораженіе отъ прилива республиканскихъ идей изъ Франціи. Принесенное оттуда ученіе о свободѣ, особенно личной, совершенно истребило немногія, еще обращавшіяся въ публикѣ, понятія о нравственности и необходимости повиновенія законамъ.— Свобода отъ всѣхъ, даже самыхъ священныхъ обязанностей, семейныхъ, общественныхъ и государственныхъ проникла весь составъ польскаго общества. Это извращенное приложеніе свободы отразилось и на дѣлахъ внѣшней политики. Въ 1789 году Польское правительство рѣшилось воспользоваться затрудненіями Россіи, вынужденной одновременно вести войну съ Турціею и Швеціею. Оно почло себя свободнымъ отъ обязательствъ трактата, на основаніи которыхъ Польша предоставила намъ право, въ случаѣ войны съ Турціею, прохода войскъ и заготовленія для нихъ продовольствія и фуража въ предѣлахъ Польскаго государства; сверхъ того сосредоточила свои войска на нашей границѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ возобновила въ Литвѣ и на Украйнѣ преслѣдованія православныхъ. Подъ пустымъ предлогомъ, епископъ луцкій, Викторъ Садковскій былъ взятъ подъ стражу и скованный, подвергнутъ въ Варшавѣ жесточайшему заключенію. Увлекаясь въ одно и тоже время такъ называемыми великими идеями французской революціи и самою мрачною религіозною нетерпимостью, Поляки полагали возможнымъ возвратить области, отторгнутыя по первому раздѣлу тремя могущественными державами; были убѣждены, что для достиженія этой цѣли стоитъ только написать новое государственное

уложеніе, способное произвести всеобщій восторгъ, и что тогда шляхта, воспламененная либеральной конституціей, низвергнетъ всѣхъ своихъ враговъ и снова создастъ Польшу еще болѣе обширную, могущественную и независимую. Новое уложеніе однако-же не прикоснулось ни къ непомѣрному самовластію шляхты и духовенства, ни къ смягченію закоренѣлой религіозной нетерпимости, ни къ облегченію судьбы земледѣльческаго сословія. Такимъ образомъ, конституція 3-го мая, написанная Коллонтаемъ и Игнатіемъ Потоцкимъ, составляла скорѣе незрѣлое литературное произведеніе, имѣвшее цѣлію придать шляхетскому самоуправству видъ законности, чѣмъ государственное уложеніе, правосудно распредѣлявшее права и обязанности между всѣми сословіями націи. При такихъ органическихъ недостаткахъ, новая конституція, конечно, не могла возстановить, а тѣмъ болѣе спасти Польшу отъ распаденія. Къ тому же самое обнародованіе конституціи равносильно было объявленію войны Россіи и Пруссіи, гарантировавшимъ liberum veto и избирательный, а не наслѣдственный образъ правленія; ибо съ шляхетскимъ государствомъ, правильно организованнымъ и руководимымъ римскимъ изувѣрствомъ, было бы несравненно труднѣе для нихъ имѣть дѣло, чѣмъ съ шляхтой, разрозненной на партіи [26].

Императрица наконецъ убѣдилась, что Россія никогда не будетъ имѣть въ шляхетской Польшѣ спокойнаго

---

[26]) Отецъ Фридриха Великаго, на своемъ смертномъ одрѣ, завѣщалъ своему сыну не допускать въ Польшѣ учрежденія наслѣдственной монархіи, но всѣми силами стараться, чтобы она оставалась республикою. Droysen. Friedrich-Wilhelm I, König von Preussen. II. 234. — Эти предсмертныя слова опытнаго короля невольно заставляютъ призадуматься о достоинствѣ республиканскаго правленія.

и безопаснаго сосѣда. Въ іюлѣ мѣсяцѣ 1793 года совершился второй раздѣлъ Польши. Но и это второе предостереженіе не образумило шляхту; въ слѣдующемъ году она снова поднялась подъ предводительствомъ предпріимчиваго своего собрата Ѳаддея Костюшки, [27]) который

[27]) *Костюшко*, Ѳаддей, родился 12 февраля 1746 г. въ имѣніи Пусловскихъ въ Меречовщизнѣ, Новогрудскаго уѣзда. Отецъ его, ченшовый шляхтичь Іосифъ Костюшко, имѣлъ званіе обозпаго и въ качествѣ эконома управлялъ дер. Тришиной, принадлежавшей брестскому уніатскому епископу Млодовскому. Въ Святѣйшемъ Синодѣ имѣется дѣло 1775 года о покражѣ имъ у проѣзжихъ мужиковъ сельдей и соли. Это обстоятельство заставляетъ думать, что въ жилахъ Костюшки не текла княжеская кровь, какъ о томъ увѣряетъ Леопардъ Ходзько. Потомъ онъ держалъ въ арендѣ сел. Сѣхновичи, около Бреста, гдѣ за жестокость свою былъ убитъ крестьянами. Едва ли не этотъ случай, а вовсе не любовь въ Сосновскую, побудилъ молодаго Костюшку, отправиться въ Соединенные Штаты. Казиміръ Пулавскій, бѣжавшій отъ смертной казни за покушеніе на жизнь короля, представилъ его Вашингтону, и 18 октября 1776 г. онъ поступилъ волонтеромъ въ американскія войска въ качествѣ инженера. Потомъ былъ адъютантомъ при генералахъ Гатѣ, Армстронгѣ, Гринѣ и Вашингтонѣ. — Въ 1783 году сдѣланъ бригаднымъ генераломъ и кавалеромъ ордена Цинцината. Въ 1785 онъ возвратился въ Европу. Въ 1796 г. императоръ Павелъ даровалъ ему свободу, драгоцѣнную шубу, экипажъ и 50,000 руб., причемъ взято съ него единственное обязательство: отправиться въ Америку; но Костюшко измѣнилъ данному слову и, прибывъ въ Бордо для отправленія за океанъ, возвратился въ Парижъ. Дѣло въ томъ, что въ это самое время Домбровскій формировалъ въ Италіи польскіе легіоны, предназначенные для составленія кадровъ будущей польской арміи при открытіи войны съ Россіею. Онъ поселился потомъ у нѣкоего Цельтнера въ Золотурнѣ. При открытіи похода противъ Россіи въ 1806 г., Наполеонъ напечаталъ прокламацію въ Полякамъ, подписанную Костюшкой, который впослѣдствіи отъ нее отрекался, увѣряя, будто не смѣлъ обнаружить подлога. Недостатокъ письменнаго его отреченія или протеста подаетъ поводъ къ очень сильнымъ сомнѣніямъ на счетъ благодарности

провозглашенъ былъ сю въ Краковѣ диктаторомъ и генераллисимусомъ. Когда извѣстіе о краковскихъ происшествіяхъ достигло до Варшавы, Поляки въ страстной четвертокъ, 6-го апрѣля 1794 года, вѣроломно вырѣзали ночью, находившійся въ Варшавѣ, подъ начальствомъ генерала Игельстрома, русскій отрядъ. Возстаніе распространилось потомъ по всей Польшѣ и Литвѣ; Вильна была на время очищена Русскими. Въ Варшавѣ французскій терроръ былъ скопированъ въ точности: то же легкомысліе, тѣ же якобинскіе клубы и тѣ же безтолковыя казни. До какихъ сумасбродствъ доходили тогда Поляки, можно видѣть изъ того, что даже на правительственныхъ документахъ того времени, напримѣръ ассигнаціяхъ, изображалась фригійская шапка. Вѣроломство однакоже не принесло большой пользы, хотя Костюшко и оказалъ величайшія усилія для возстановленія независимости своего отечества. Видя невозможность борьбы безъ участія народа, Костюшко обѣщалъ ему землю и свободу; но коснувшись такимъ образомъ самыхъ жизненныхъ интересовъ шляхты и духовенства, онъ возстановилъ противъ себя эти два сословія. Безпрестанно огорчаемый эгоистическою недальновидностію своихъ земляковъ, онъ въ то же время долженъ былъ для обузданія своекорыстнаго духовенства принимать энергическія мѣры: два епископа погибли на эшафотѣ и одинъ былъ имъ помилованъ, во уваженіе ходатайства папскаго нунція кардинала Литты. Въ Литвѣ,

---

Костюшки къ Россіи. — Въ 1815 году онъ пріѣзжалъ въ Вѣну. Умеръ 15 октября 1817 года въ Золотурнѣ. — О военныхъ способностяхъ его довольно трудно сдѣлать какое либо заключеніе, по ограниченности круга военныхъ дѣйствій его, въ родѣ дѣла при Дубенкѣ. Единственное же сраженіе, въ которомъ онъ участвовалъ, при Мацеовицахъ, было невыгодно для него. Вообще это герой небывалыхъ подвиговъ и неосуществившихся побѣдъ.

духовенство напрягало всевозможныя усилія къ воспламенѣнію народной войны, но на его призывъ отозвалась только шляхта. Въ Вильнѣ при приступѣ русскихъ войскъ къ Острой Брамѣ, изъ оконъ этаго зданія былъ убитъ ружейнымъ выстрѣломъ, направленнымъ доминиканскимъ священникомъ, храбрый полковникъ Дѣевъ. Но всѣ эти чрезвычайныя усилія оказались однако напрасными: народъ остался пассивнымъ зрителемъ пораженія шляхты. Израненный и взятый въ плѣнъ при Мацеовицахъ, Костюшко былъ отправленъ въ Петербургъ на жительство въ роскошныя палаты князя Орлова [28]).

[28]) Это зданіе нынѣ принадлежитъ вѣдомству учрежденій императрицы Маріи и находится на лѣвой сторонѣ Мойки, близь Краснаго моста, гдѣ поставленъ бюстъ И. И. Бецкому. Въ этомъ зданіи, выстроенномъ банкиромъ Штегельманомъ, жилъ генералъ-поручикъ графъ Θедоръ Евстафьевичъ Ангальтъ, бывшій главнымъ начальникомъ 1-го кадетскаго корпуса (съ 8 ноября 1786 по 24-е мая 1794 г.). — Зданіе это составляло потомъ собственность князя Гр. Гр. Орлова и, по смерти его въ 1783 г., перешло по наслѣдству къ графу Ал. Гр. Бобринскому. У польскихъ писателей можно встрѣтить чрезвычайно подробныя описанія страданій Костюшки въ подводныхъ казаматахъ Петропавловской крѣпости, обремененнаго цѣпями, томимаго голодомъ и сыростью и претерпѣвающаго гоненія отъ стражи, и проч. — Въ дѣйствительности же оказывается, что Костюшко никогда и не бывалъ въ крѣпости, что проживалъ въ палатахъ Орлова, которыя назывались всѣми иностранцами дворцомъ (Pallast, palais, palazzo), что имѣлъ придворный столъ, библіотеку, экипажъ, въ которомъ когда хотѣлъ выѣзжалъ по городу, доктора и прислугу. Прочіе плѣнные поляки: Нѣмцевичъ, Мостовскій, Вавржецкій, Капостасъ и башмачникъ Килинскій дѣйствительно содержались въ крѣпости, въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Изъ Килинскаго впослѣдствіи шляхта сдѣлала своего героя и понынѣ читаетъ съ наслажденіемъ его записки, составленныя впрочемъ другимъ лицомъ. Нѣмцевичъ замѣчаетъ, что по слогу его писемъ и по привычкѣ къ крѣпкимъ напиткамъ, въ немъ обнаруживались склонности первобытнаго его ремесла. Цинизмъ

Политическая жизнь Польши закончилась штурмомъ Праги и послѣдовавшимъ затѣмъ въ 1795 году третьимъ и послѣднимъ раздѣломъ.

Причины, побудившія каждую изъ трехъ державъ приступить къ раздѣлу Польши, были различны: Австрія, какъ мы уже видѣли, основывала свои права на какихъ-то археологическихъ, забытыхъ въ теченіи четырехъ сотъ лѣтъ, документахъ, которые она обѣщала со временемъ показать, но лишь по умиротвореніи Польши. [29]) Въ дѣйствительности же она стремилась къ завладѣнію обильнѣйшими въ Европѣ соляными копями, приносившими громадный и неистощимый доходъ. Права Пруссіи хотя также заключались въ денежномъ искѣ, но самый искъ былъ правиленъ, ибо основывался на расходахъ дѣйствительно понесенныхъ Пруссіею во время турецкой войны. Изъ переписки Фридриха Великаго, относящейся къ той эпохѣ, можно видѣть, что истинныя причины, побудившія короля приступить къ раздѣлу Польши, заключались съ одной стороны въ весьма законномъ желаніи не допустить перевѣса на сторону Австріи, увеличивавшей на счетъ Польши свое народонаселеніе, земли и доходы, и съ другой крайнею необходимостью въ исправленіи недостатковъ географическаго очертанія Пруссіи. Изъ вышепри-

---

его до того простирался, что Петроній, при сравненіи съ Килинскимъ, показался бы весталкой. Онъ былъ весьма набоженъ и любилъ справлять всѣ праздники: „alors, il mettait ses plus beaux habits polonais, et une maqnifigne ceinture broché d'or et de soie, le tout pour aller aux commodités; car le malheureux ne pouvait aller nulle part ailleurs.“ Notes sur ma captivité à St. Pétersbourg. J. U. Niemcewicz. Paris. 1843 г.

[29]) См. депешу графа Сольмса къ графу Панину, писанную вѣроятно послѣ депеши отъ 2 марта, собственною рукою графа Сольмса и не имѣющею числа. Дѣла Главн. москов. арх. минист. иностр. дѣлъ.

веденнаго усматривается, что участіе Фридриха Великаго въ раздѣлѣ Польши было нѣсколько иного свойства, чѣмъ участіе Австріи, начавшей съ завладѣнія чужою территоріею путемъ насилія и потомъ уже занявшейся подъисканіемъ приличныхъ правъ на захваченную территорію. Образъ дѣйствій Фридриха Великаго отличался достоинствомъ и легальностію: онъ началъ съ предъявленія своихъ правъ и затѣмъ, не прибѣгая къ насилію, сталъ домогаться путемъ переговоровъ и соглашеній соотвѣтственнаго для себя участка польской территоріи. Къ тому же право Пруссіи имѣло за себя ясный гражданскій законъ и ни въ какомъ случаѣ не могло быть отнесено къ области легендъ, обладающихъ однимъ археологическимъ достоинствомъ. Нельзя также ставить въ укоръ Фридриху Великому и посылку принца Генриха въ Петербургъ, имѣвшую весьма полезную для Пруссіи, хотя и не выгодную для Польши, негоціацію. Сверхъ сего необходимо принять во вниманіе, что если изъ памяти Фридриха Великаго и исчезли двухвѣковыя преслѣдованія его единовѣрцевъ, протестантовъ въ Польшѣ и даже кровавыя торунскія казни изъ за неснятой при проходѣ процессіи шапки, то, конечно, ни въ какомъ случаѣ, не могли быть имъ забыты сдѣланныя во время семилѣтней войны со стороны Польши, но отвергнутыя Россіею, предложенія о раздѣлѣ Прусскаго государства.

Что касается до Россіи, приступившей къ переговорамъ о раздѣлѣ позднѣе другихъ и съ видимою неохотою [30]), то ей не было надобности представлять ко взы-

[30]) Россія не отвѣчала на первоначальное предложеніе о раздѣлѣ втеченіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ (со 2-го марта по 16-е мая). Тогда графъ Сольмсъ написалъ къ графу Панину энергическое письмо объ ускореніи отвѣтомъ, ибо, писалъ онъ, король принимаетъ это дѣло близко къ своему сердцу и не отступится

сканію полуистлѣвшіе пергамены или свѣжія еще казначейскія квитанціи объ уплатѣ субсидій; нравственное чувство не дозволяло Россіи прибѣгать къ выдумкѣ предлоговъ или ссылаться на необходимость округленія своихъ границъ. Въ виду всей этой жалкой дипломатической казуистики, плохо прикрывавшей неудержимую жажду къ пріобрѣтенію, Россія не могла не видѣть приближенія той роковой минуты, когда должна была безвозвратно рѣшиться судьба Поляковъ, хотя враговъ, но все-таки единоплеменниковъ нашихъ. Изнеможенная въ войнѣ съ Турціею и Швеціею, не могла же Россія предпринять войну съ Австріею ради отнятыхъ ею земель отъ Польши или съ Пруссіею, уже объявившей, что она не отступится отъ раздѣла и въ случаѣ надобности распорядится съ Польшею по своему усмотрѣнію. Ввязавшись въ эти двѣ войны съ союзниками своими, Россіи пришлось бы отказаться отъ всѣхъ успѣховъ, пріобрѣтенныхъ въ войнѣ съ Турціею, которая конечно не преминула бы возвратить всѣ свои территоріальныя утраты. Не могла Россія оставаться также и безучастною къ судьбѣ славянскихъ племенъ, входившихъ въ составъ Польскаго государства. При неудержимомъ «лакомствѣ» Пруссіи и особливо Австріи, могло случиться, что границы этихъ монархій придвинулись бы къ Бугу и можетъ быть къ Днѣпру. Поэтому, скрѣпя сердце, Россія должна была принять участіе въ неотвратимомъ распаденіи Польши. Говорятъ, что въ семействѣ графовъ Паниныхъ до сихъ поръ сохранилось преданіе, будто Никита Ивановичъ Панинъ, завѣдывавшій дѣлами внѣшней политики съ 1763 года, при обсужденіи перваго предложенія прусскаго короля о

отъ него, при чемъ просилъ взаключеніе не подвергать терпѣніе короля слишкомъ тяжкому испытанію. См. депешу г. Сольмса отъ 16-го мая въ Гл. моск. арх. мин. ин. дѣлъ.

раздѣлѣ Польши, стоя на колѣняхъ, умолялъ императрицу воспротивиться честолюбивымъ видамъ Пруссіи, ибо кромѣ Литовцевъ, много въ то время было Поляковъ, искренно желавшихъ связать судьбу своего отечества съ Россіею. Дальновиднѣйшіе изъ нихъ, давно уже предвидѣли неизбѣжность политическаго слiянiя двухъ государствъ. Торжественныя попытки къ такому слiянiю были дѣлаемы Поляками неоднократно со временъ царя Алексѣя Михайловича. [31]) Съ этою цѣлiю даже присылались къ нашимъ государямъ оффиціальныя посольства и заключались договоры. Въ февралѣ 1707 года во время львовскаго сейма, Поляки подъ предсѣдательствомъ примаса Шембека, провозгласивъ междуцарствіе по случаю отказа отъ польской короны Августа II, избрали на польской престолъ царевича Алексѣя Петровича. Нравственныя и религiозныя связи Русскихъ съ многочисленнымъ православнымъ населенiемъ Польши, составлявшимъ около трехъ четвертей общаго народонаселенія этого государства, поддерживались непрерывно со временъ царя Іоанна Васильевича III. Единственнымъ препятствiемъ такому благотворному для двухъ государствъ соединенiю всегда была своекорыстная политика римскихъ первосвященниковъ, одержимыхъ неизлѣчимою мономаніей духовныхъ завоеваній въ средѣ русскаго народа. Находясь вѣчно на послугахъ у папы или Франціи и не создавъ для себя національной политики, Польша должна была, рано или поздно, такъ или иначе, сдѣлаться спутникомъ или войти въ составъ могущественнѣйшаго изъ славянскихъ государствъ. Конечно, для Русскихъ было желательно, чтобы это слiянiе произошло полюбовно, по братски, пу-

---

[31]) См. Договорныя статьи въ октябрѣ 1858 г. объ избраніи царя Алексѣя Михайловича на польской престолъ и великое княжество Литовское, въ Собраніи государственныхъ граматъ и договоровъ. Томъ IV, стр. 1 — 30.

темъ соглашеній и добровольныхъ уступокъ. Предложеніе Пруссіи наносило ударъ этому миролюбивому сближенію двухъ славянскихъ племенъ. Было отъ чего становиться на колѣни и заливаться слезами графу Панину, русскому душою и сердцемъ! Повторяемъ, для Россіи не было надобности придумывать предлоги для уничтоженія несчастной Польши. Если бы понадобилось намъ предъявить свои права, то, конечно, не только высшее правосудіе признало бы ихъ достойными уваженія, но даже и всѣ спеціалисты международнаго права въ Западной Европѣ, по крайней мѣрѣ тѣ, у которыхъ еще не притупилось прирожденное сознаніе добра и зла. Наше право омочено потоками крови, непрестанно проливавшейся втеченіи семи вѣковъ, въ безчисленныхъ войнахъ, всегда возбужденныхъ Поляками подъ разными предлогами, а иногда и безъ всякихъ предлоговъ, но съ одною неизмѣнною цѣлію порабощенія русскаго народа тѣмъ суевѣріямъ Рима, отъ которыхъ уже освободилась часть Европы. Съ кѣмъ бы изъ сосѣдей не происходило столкновеніе Россіи, Польша всегда становилась на сторонѣ противниковъ и никогда не была въ числѣ ея союзниковъ. Вражда Польши неоднократно ставила Россію на край гибели: не разъ Поляки во времена глубокаго мира вторгались во внутрь государства, опустошали русскія области, наводняли страну тучею самозванцевъ, подходили къ самой столицѣ, однажды даже овладѣли ею, плѣнили русскаго государя и немилосердно уморили его въ темницѣ. Польша была постояннымъ гнѣздомъ вѣковѣчныхъ козней папы и вертепомъ всѣхъ происковъ Франціи противъ Россіи. Наконецъ бывъ въ союзѣ съ Россіею, Польша возбудила противъ нее разомъ двѣ войны и сама встала въ враждебное къ ней положеніе. Систематическое несоблюденіе трактатовъ и неисправимый, хроническій разладъ политики съ нравственностію должны

же были наконецъ имѣть предѣлъ. Не въ силу денежныхъ исковъ, а ради собственной безопасности, необходимой для ея существованія, Россія имѣла право уничтожить государство второстепенное, неимѣвшее ни народа, ни будущности и вредное по своей нравственной импотенціи, не только для сосѣдей, но и для собственныхъ подданныхъ. Наконецъ, Россія не отторгала отъ Польши странъ, населенныхъ Поляками, но возвращала свои собственныя, древнія русскія области, населенныя единороднымъ и единовѣрнымъ русскимъ племенемъ. Право Россіи составляетъ высшее изъ всѣхъ человѣческихъ правъ, право самосохраненія.

Совсѣмъ иного рода были отношенія Австріи и Пруссіи къ Польскому государству: никогда Польша не отнимала отъ этихъ государствъ областей, никогда не грозила ихъ спокойствію, а тѣмъ болѣе существованію; напротивъ, всегда находилась въ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ одиновѣрною Австріею, спасенною ею отъ гибели, и съ протестантскою Пруссіею, которая, возникнувъ на польской землѣ, была, можно сказать, дѣтищемъ Польши, вскормленнымъ на ея груди. Поэтому, всякое обобщеніе правъ Россіи на Польшу съ правами другихъ государствъ будетъ столь же ошибочно и несправедливо, какъ уподобленіе законныхъ правъ мужа на сожительство съ женою, претензіямъ двухъ ловкихъ и расчетливыхъ волокитъ.

Если Россія приступила неохотно къ раздѣлу Польши, то вовсе не потому, чтобы сомнѣвалась въ своей правотѣ, или колебалась въ своемъ правѣ, вычеркнуть Польшу изъ списка государствъ, но потому, что населяющія эту страну славянскія племена, родственныя ей по языку и происхожденію, поступая въ составъ Австріи или Пруссіи, неминуемо долженствовали быть поглощены чуждыми народностями. Видимое отвращеніе Россіи въ особенности

происходило оттого, что силою роковыхъ обстоятельствъ, она вынуждена была не только допустить къ участію въ раздѣлѣ Польши иноплеменниковъ, но и подтвердить своимъ согласіемъ сомнительную законность ихъ пріобрѣтеній. Огорченіе Россіи происходило отъ состраданія къ несчастной судьбѣ польскаго народа, но, конечно, не простиралось на Польское государство, давно уже представлявшее среди европейскаго благоустройства безобразную политическую развалину, паденіе которой было предсказано самими Поляками. Еще въ XVI вѣкѣ іезуитъ Петръ Скарга, указывая на чрезвычайный упадокъ общественной нравственности, всеобщую продажность и неуваженіе къ законамъ, публично съ церковной каѳедры предупреждалъ Поляковъ о неминуемомъ паденіи ихъ отечества. Другой іезуитъ, по разстриженіи сдѣлавшійся королемъ, Янъ-Казиміръ, при отреченіи своемъ отъ престола въ 1668 году, подобно Скаргѣ, совѣтовалъ Полякамъ одуматься, предвѣщая въ противномъ случаѣ раздробленіе государства между сосѣдями, причемъ наименовалъ даже безъ ошибки, къ какимъ государствамъ, какія именно отойдутъ области. Внутреннее разложеніе Польши, какъ мы уже замѣтили, выразилось еще въ 1654 году отдѣленіемъ отъ нее Малороссіи. Заднѣпровская Украйна въ 1703 году также возстала, чтобы подчиниться Россіи или Турціи; но время было неудачно выбрано возмутившимися казаками. Въ запискахъ Станислава Лещинскаго не разъ встрѣчается грустное предчувствіе близкаго паденія Польши. Неминуемость распаденія ея до такой степени сознавалась современниками, что одинъ польскій корлоь, Августъ III, самъ предлагалъ Россіи, раздѣленіе ея во время семилѣтней войны. Онъ желалъ уступить Россіи восточную половину Польскаго государства по Нѣманъ и Бугъ, лишь бы Россія согласилась Королевскую и Герцогскую Пруссію съ Кур-

ляндіей предоставить во власть Саксонскаго дома. Мысль о раздѣлѣ Польши, носившаяся въ воздухѣ уже втеченіи двухъ вѣковъ, до такой степени сдѣлалась всеобщею во второй половинѣ XVIII вѣка, что при самомъ началѣ войны Россіи съ Турціею въ 1768 году, даже Турки секретно предлагали Австріи раздѣлить Польшу [32]), и хотя предложеніе это въ ту пору было отклонено Кауницомъ, но по занятіи Австрійцами Сандечскаго округа, въ октябрѣ 1770 года, Турки возобновили свой проектъ дѣлежа Польши. Предложеніе Турокъ тѣмъ болѣе замѣчательно, что они находились тогда съ Польшею въ тѣснѣйшемъ союзѣ и даже предприняли войну противъ Россіи, собственно за цѣлость Польскаго государства.

Таковы были побужденія каждой изъ трехъ державъ, принимавшихъ участіе въ раздѣлѣ Польши. Для Россіи, сверхъ того существовала еще необходимость, прочнаго огражденія православія отъ неотвязчивой пропаганды папизма, какъ опаснѣйшей изъ политическихъ доктринъ, подрывающей въ самомъ корнѣ, подъ видомъ распространенія христіанства, уваженіе народовъ къ законамъ, безъ которыхъ не можетъ существовать въ обществѣ порядка, и къ верховной власти монарховъ, столь необходимой для приданія этому порядку государственнаго единства.

[32]) „Le sultan espéra même séduire tout à fait l'Autriche en lui proposant, pour prix d'une alliance offensive et défensive, de l'aider à reprendre la Silésie, de disposer du trône de Pologne en faveur du roi de Saxe, ou même, après avoir chassé les Russes du territoire polonais, de partager entre eux ce pays. Mais le prince de Kaunitz refusa d'entrer dans cette voie, bornant alors tous ses efforts à faire accepter la médiation de sa cour. Ainsi, au moment où la Porte prenait les armes pour protéger la Pologne contre les prétention de la Russie, elle concevait elle-même le dessin d'un partage de ce Pays, pour s'en approprier les dépouilles.“ *Hammer. Histoire de l'empire Ottoman.*

Свидѣтельства исторіи указывали, что единственный источникъ вражды, раздѣлявшей Поляковъ и Русскихъ, заключался не въ политическихъ особенностяхъ двухъ родственныхъ народовъ, но въ той религіозной розни, которая была создана роковымъ вліяніемъ Рима, превратившаго Польское государство въ покорную провинцію папской области. Отъ того-то Польша и была всегда слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Папы. Для императрицы Екатерины необходимо было рѣшить дилемму, не представлявшую впрочемъ сомнѣній: или вѣчно подвергаться ударамъ папизма или же вырвать изъ рукъ римскаго епископа опасное оружіе. Императрица избрала послѣдній путь дѣйствій и совершила его для гражданскаго преуспѣянія народовъ и спасенія христіанской цивилизаціи, весьма счастливо. Провидѣніе благословило этотъ величайшій подвигъ ея продолжительнаго царствованія.

Ученые, занимавшіеся международнымъ правомъ, основаннымъ на преданіяхъ феодальной Европы, по глубокому невѣдѣнію своему исторіи славянскихъ народовъ, въ особенности Россіи и Польши, до настоящаго времени еще не могли оцѣнить съ спокойнымъ безпристрастіемъ и достаточною всесторонностію всѣхъ благотворныхъ послѣдствій, доставленныхъ Европѣ своевременнымъ упраздненіемъ теократической республики, давно уже доказавшей свою неспособность къ самостоятельной политической жизни. Дотолѣ государства и народы уничтожались однимъ только механическимъ ихъ истребленіемъ, грубою силою оружія, силою физическою. Упраздненіе Польши какъ государства было совершено силою высшаго порядка, силою чисто нравственною, безъ пролитія крови, безъ повальнаго казненія противниковъ, но путемъ мирныхъ трактатовъ или взаимныхъ соглашеній. Раздѣлъ Польши, столь необходимый для безмятежнаго и безопаснаго существо-

ванія сосѣднихъ государствъ, представляетъ для каждаго безпристрастнаго мыслителя утѣшительное зрѣлище — торжества человѣческаго правосудія, еще въ первый разъ безкровнаго, и международнаго права, основаннаго на здравыхъ и истинно христіанскихъ началахъ.

Послѣ паденія Праги, остатки вооруженной шляхты, вмѣстѣ съ своими предводителями, Домбровскимъ, Заіончекомъ и другими, удалились за границу, пламенѣя мщеніемъ и злобою къ Россіи. Въ числѣ выходцевъ находился и одинъ изъ главныхъ участниковъ виленскаго возстанія, Михаилъ Огинскій. По его проэкту, представленному первому консулу Бонапарте, въ 1796 году были сформированы при французской арміи польскіе легіоны, съ цѣлію подготовить кадры для будущей польской арміи, когда политическія обстоятельства дозволятъ ей дѣйствовать противъ Россіи. Съ теченіемъ времени, эти легіоны умножились и составили двѣ дивизіи. Къ стыду славянскаго племени, должно при этомъ замѣтить, что изъ всѣхъ европейскихъ народовъ, только одни Поляки добровольно вызвались служить во французской арміи въ качествѣ наемныхъ войскъ: они помогали Французамъ порабощать другіе свободные народы Европы: Итальянцевъ и Австрійцевъ, Пруссаковъ и Испанцевъ. Франція посылала ихъ даже въ Новый Свѣтъ для покоренія свободныхъ негровъ въ Санъ-Доминго.

Щадя кровь Французовъ, Наполеонъ посылалъ Поляковъ въ самыя опасныя мѣста. Въ то время, когда шляхта столь безразсудно и легкомысленно проливала свою кровь для порабощенія свободныхъ народовъ, въ 1807 году, послѣ тильзитскаго мира, было образовано Наполеономъ Великое Герцогство Варшавское изъ частей Польши, отошедшихъ по раздѣламъ къ Австріи и Пруссіи. Великимъ герцогомъ былъ назначенъ Саксонскій король; Польша же

получила французскіе гражданскіе законы и конституцію, на основаніи которой народные представители не должны были обсуждать дѣлаемыя имъ предложенія, но только молча подавать свои голоса. Въ напыщенныхъ выраженіяхъ было объявлено объ уничтоженіи рабства и равенствѣ передъ закономъ — принципахъ очень громкихъ, но долго еще остававшихся въ состояніи отвлеченной мечты. Свобода и независимость, о которыхъ такъ хлопотали Поляки, также были мнимыя: французскій резидентъ, подобно римскому проконсулу, самовластно управлялъ герцогствомъ, съ котораго всѣ доходы обращены были на исправное содержаніе многочисленной арміи, поглощавшей всѣ средства страны.

При открытіи войны 1812 года было доставлено во французскую армію собственно герцогствомъ Варшавскимъ 85,700 человѣкъ. Если присоединить къ этой цифрѣ шляхту Виленской и Гродненской губерній, также вооружившуюся въ числѣ 6 или 7,000 человѣкъ, то весь польскій контингентъ будетъ простираться свыше 90,000 человѣкъ [33]). Дворянство западныхъ и даже Могилевской губерніи отнеслось съ полнѣйшимъ сочувствіемъ къ Французамъ, спѣшило представить Наполеону восторженные вѣрноподданическіе адресы, немедленно организовало временныя правленія и сдѣлало значительныя пожертвованія

[33]) Pradt, „Histoire de l'ambassade,“ стр. 85. Петкевичъ въ своей книгѣ: „La Lithuanie et sa dernière insurrection“ говоритъ, что въ 1806 и 1809 годахъ поступило въ ряды наполеоновской арміи 12,000 литовскихъ уроженцевъ. Если не взирая на всѣ препятствія, противопоставленныя русскимъ правительствомъ къ переходу черезъ границу, въ два года перешло въ ряды непріятелей 12,000 человѣкъ, то въ 1812 г., когда шляхтѣ можно было безпрепятственно соединиться съ Французами, конечно поступило въ ихъ ряды несравненно болѣе и можетъ быть вдвое противъ показанныхъ нами 7,000 человѣкъ.

деньгами, вещами, продовольствіемъ и фуражемъ. Изъ всѣхъ народовъ, вторгнувшихся тогда въ Россію, ни одинъ не обнаружилъ такой страсти къ безполезному раззоренію жилищъ и такой безпощадной ненависти къ Русскимъ, какъ Поляки великой арміи: наши крестьяне постоянно замѣчали, что изъ французскихъ солдатъ, которые умѣли объясняться по-русски, были наиболѣе жестокосерды и хищны. Чтобы составить приблизительное понятіе о Полякахъ, находившихся въ арміи Наполеона, то не касаясь мелкой шляхты, служившей въ качествѣ простыхъ солдатъ, всегда своевольной и склонной къ насилію, замѣтимъ только, что первѣйшій богачъ во всей Польшѣ, князь Доминикъ Радзивилъ, служившій тогда во французской арміи полковникомъ и сформировавшій на свой счетъ цѣлый полкъ, едва ли съ тѣмъ вмѣстѣ не былъ и первымъ грабителемъ. Адмиралъ Чичаговъ, въ своихъ запискахъ, разсказываетъ между прочимъ, про этого Радзивила, что онъ вывезъ изъ Россіи награбленнаго имущества пятьдесятъ возовъ, но что въ ту минуту, когда радзивиловскій обозъ съ добычею въѣзжалъ 12-го ноября въ Несвижъ, средоточіе и столицу княжескихъ имѣній, то съ другой стороны вступили въ городъ русскія войска и тотчасъ же отобрали похищенное. Въ числѣ добычи много оказалось церковныхъ сосудовъ, крестовъ, паникадилъ и серебряныхъ окладовъ, сорванныхъ съ образовъ, украшавшихъ московскіе храмы. Донскіе казаки, непривыкшіе къ подобному варварству, возвратили по принадлежности святотатственную добычу — въ настоящее время она украшаетъ въ Петербургѣ Казанскую церковь.

По изгнаніи изъ Россіи Французовъ, императоръ Александръ пріѣхалъ въ Вильну. Оставленное своими защитниками, многовиновное литовское шляхетство, бывъ собрано во дворцѣ, съ трепетомъ ожидало рѣшенія своей

участи. При выходѣ монарха изъ внутреннихъ покоевъ, шляхта повергласъ ницъ, умоляя о пощадѣ. Великодушный государь, забывъ все прошлое, закрылъ лицо рукою и даровалъ всепрощеніе. Великодушіе было по истинѣ безпримѣрное, ибо правомъ на всепрощеніе воспользовались потомъ даже и тѣ, которые въ послѣдующіе годы сражались противъ Русскихъ въ рядахъ французской арміи. Однакожъ все было забыто, все прощено, даже и взятые съ оружіемъ въ рукахъ уроженцы Литвы и вмѣсто казни отправленные въ ссылку, были возвращены въ свои домы. Казалось, императоръ Александръ желалъ истощить всѣ возможныя средства для совершеннаго примиренія двухъ славянскихъ народовъ. Можетъ быть онъ и ошибался, ибо не польской народъ враждовалъ противъ Россіи, а только ничтожная часть его, — неугомонная шляхта, подстрекаемая духовенствомъ, утратившимъ уже довѣріе народа вслѣдствіе дурной жизни, нравственной нищеты, любостяжанія и неисправимой склонности къ обману. Народъ, ожидавшій правосуднаго по заслугамъ воздаянія крамольникамъ, увлекавшимъ его въ ряды непріятелей, съ прискорбіемъ услышалъ вѣсть о всепрощеніи, предоставлявшемъ шляхтѣ возможность отомстить мирному земледѣльческому сословію за отказъ сражаться противъ своего государя и своихъ земляковъ.

Паденіе Наполеона совершенно измѣнило карту Европы. Государства, участвовавшія въ низверженіи завоевателя, потребовали себѣ вознагражденія за понесенные убытки: Англія, Австрія, Пруссія, Швеція и прочія союзныя государства были удовлетворены щедрымъ расширеніемъ границъ своихъ на счетъ владѣній, принадлежавшихъ Наполеону и его союзникамъ. Въ удѣлъ Россіи, главной виновницы переворота, досталось герцогство Варшавское, обнаженное отъ герцогства Познанскаго, до-

ставшагося Пруссіи, — Краковской области, признанной независимою, и округа Велички, поступившаго въ составъ Австрійской Галиціи.

Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ одинъ изъ участниковъ этихъ войнъ, что Россія могла требовать и пріобрѣсти гораздо болѣе въ эту эпоху вещественной и нравственной ея силы, когда не остылъ еще пепелъ Москвы, курившейся на жертвенникѣ отечества, и штыки двухъ сотъ пятидесятитысячнаго боелюбиваго ея войска сверкали посреди Франціи, не взирая на хвастовство Французовъ, гораздо болѣе побѣжденной, чѣмъ Наполеонъ, и усталой Германіи, побѣжденной собственными своими побѣдами.

Но императоръ Александръ довольствовался участкомъ, дающимъ Россіи полное право гражданства въ Европѣ, слово въ совѣщаніяхъ государствъ ее составляющихъ и чугунный шаръ на кровавыхъ баллотировкахъ спорныхъ мнѣній совѣщателей, — это для Россіи. Для себя государь обрѣталъ въ Царствѣ Польскомъ область, пробную для введенія и распространенія того рода постановленій, коихъ духъ, возникнувъ съ низверженіемъ Наполеона, очаровывалъ его упованіемъ, превзойти противоположнымъ путемъ славу падшаго его соперника.

Раздѣлъ признанъ и утвержденъ 21-го апрѣля (3-го мая) 1815 года торжественнымъ актомъ уполномоченныхъ трехъ державъ, Австріи, Пруссіи и Россіи, присутствовавшихъ на вѣнскомъ конгрессѣ. Вотъ статья трактата, относящаяся къ Россіи и Царству Польскому, помѣщенная въ договорѣ съ Пруссіею (статья 5): «Герцогство «Варшавское, за исключеніемъ тѣхъ частей онаго, коимъ «въ предъидущихъ статьяхъ и трактатѣ сего же дня «подписанномъ между Его Величествомъ Императоромъ «Всероссійскимъ, Его Величествомъ Королемъ Прусскимъ, «положено иное назначеніе: *навсегда присоединяется къ*

«*Имперіи Всероссійской.* (Условіе чистое, ясное, безъ двусмыслія и слѣдовательно не требующее комментарій). «Оно въ силу своей конституціи будетъ въ неразрывной «съ Россіею связи и во владѣніи Его Величества Импе-«ратора Всероссійскаго, наслѣдниковъ его и преемни-«ковъ *на вѣчныя времена.*» Образъ конституціи, о коей здѣсь упоминается, увидимъ въ послѣднихъ строкахъ выписки изъ сего акта. Дѣло въ томъ, что высокія договаривающіяся стороны, какъ будто не достаточно успокоенныя на счетъ выраженія, опредѣляющаго выше о неприкосновенномъ и вѣчномъ подданствѣ Царства Польскаго Россіи, снова и немедленно обращаются къ тому же предмету, прибавляя къ слову *навсегда* слова: *на вѣчныя времена.* «Его Императорское Величество подчиняетъ благо-«усмотрѣнію своему дарованіе сему государству, пользую-«щемуся особымъ управленіемъ, такого внутренняго рас-«пространенія, какое признаетъ удобнымъ» (т. е. распространеніе образа правленія, дарованнаго Царству Польскому, на польско-россійскія губерніи и присоединеніе ихъ къ сему царству). Разумѣется, что приведеніе въ исполненіе сего условія *предоставляется*, какъ выше видно, *единой волѣ Императора;* особенное же управленіе Царства здѣсь ясно требуется. «Его Величество присо-«вокупляетъ къ прочимъ своимъ титуламъ и титулъ царя, «короля польскаго, сообразно съ обычаями и постанов-«леніями, существующими на сей предметъ въ Россіи,» то есть Императоръ Всероссійскій къ титулу царя Казанскаго и царя Астраханскаго получаетъ право присовокупить и титулъ царя Польскаго. «Поляки, подданные вы-«сокихъ договаривающихся сторонъ, Россіи, Австріи и «Пруссіи, будутъ имѣть представительство и учрежденія «національныя, согласныя съ тѣмъ образомъ политиче-«скаго существованія, который каждымъ изъ правительствъ

«будетъ признанъ за полезнѣйшій и приличнѣйшій для «нихъ въ кругу его владѣній» [34]). Спрашивается: какой образъ политическаго существованія можетъ быть признанъ *за полезнѣйшій и приличнѣйшій* для области, поступающей въ кругъ владѣнія великаго государства *на вѣчныя времена?* Тотъ ли, коего духъ болѣе согласуется съ духомъ политическаго существованія государства, ту область къ себѣ присоединяющаго, или тотъ, который рѣшительно противоположенъ учрежденіямъ, искони въ семъ государствѣ существующимъ? Безъ сомнѣнія первый. Разсуждать иначе, было бы руководствоваться односторонними доводами, модою мнѣній, метафизическими отвлеченностями, а не благоразуміемъ, внушающимъ усилія не къ разрозненію, а напротивъ къ приведенію духа всѣхъ учрежденій, коими пользуются области, составляющія многочисленное государство, къ общему знаменателю; безъ чего нѣтъ единства, а единство есть сила.

По подписаніи условій уполномоченными Россіи и Пруссія подобныя же условія заключены были съ Австрійскимъ дворомъ, изъ коихъ внесены они были въ актъ

---

[34]) Art. V. Le duché de Varsovie, à l'exception des provinces et districts dont il a été autrement disposé dans les articles suivants, est réuni à l'empire de Russie. Il y sera lié irrévocablement par sa constitution, pour être possédé par sa Majesté l'empereur de toutes les Russies, ses héritiers et ses successeurs à perpétueté. Sa Majesté impériale se reserve de donner à cet état, jouissant d'une administration distincte, l'extension intérieur qu'elle jugera convenable. Elle prendra avec ses outres titres celui de czar, roi de Pologne, conformément au protocole usité et consacré pour les titres attachés à ses autres possessions. — Les polonais, sujets respectifs de la Russie, de l'Autriche et de la Prusse, obtiendront une représentation et des institutions nationales, réglées d'après le mode d'existence politique que chacun des gouvernements auxquels ils appartiennent jugera utile et convenable de leur accorder.

вѣнскаго конгресса 28-го мая (9-го іюня) 1815 года уполномоченными осьми державъ, приглашенныхъ къ участію во всеобщемъ трактатѣ. Вслѣдствіе чего императоръ Александръ, вооруженный правами, торжественно признанными главнѣйшими европейскими государствами, приступилъ къ дѣлу: во-1) Его Величество принялъ Царство Польское въ вѣчное и потомственное владѣніе; во 2) онъ не разсудилъ распространить дарованный имъ образъ правленія Царству Польскому на польско-россійскія губерніи и присоединить ихъ къ царству; въ 3) онъ присовокупилъ къ титулу царя Казанскаго и Астраханскаго титулъ царя Польскаго и наконецъ въ 4) Его Величество обладалъ всѣмъ правомъ и всѣми предлогами, отклониться отъ введенія въ Царство Польское представительнаго правленія, какъ учрежденія чрезъ мѣру рѣзко разнствующагося съ учрежденіями, искони въ Россіи существующими, и потому, какъ самаго *безполезнѣйшаго и неприличнѣйшаго* для самодержавно управляемаго государства, въ кругъ владѣнія коего поступило означенное царство. Вся обязанность Его Величества ограничилась дарованіемъ сему царству отдѣльнаго и особеннаго управленія, подобно управленію Великаго Княжества Финляндскаго.

Вотъ на какихъ основаніяхъ Россія пріобрѣла въ 1815 году Царство Польское на вѣчныя времена.

Вновь пріобрѣтенный край представлялъ во многихъ отношеніяхъ страну полудикую, покрытую полуразвалившимися лачугами, въ которыхъ гнѣздились грязь и нищета, и до того лишенную путей сообщенія, что Наполеонъ, увязая съ своею арміею въ невылазныхъ ея топяхъ, говорилъ, что открылъ въ Польшѣ пятую стихію — грязь. Великолѣпные костелы, обширные каменные монастыри и роскошные дворцы польскихъ магнатовъ, соору-

женные кровію и потомъ народа, ни сколько не смягчали грустнаго впечатлѣнія, производимаго общимъ видомъ страны. Съ присоединеніемъ Царства къ Россіи, въ короткое время все въ немъ измѣнилось: земледѣліе, мануфактуры, торговля и финансы царства приводимы были неослабнымъ попеченіемъ русскаго правительства въ цвѣтущее положеніе. Въ первые годы владычества Россіи всѣ расходы Царства, изнуреннаго войною, контрибуціями и континентальною системою, приняты были Россіею на себя, тогда какъ всѣ доходы Царства обращены были на устройство и на внутреннія его потребности; учреждены банковыя ссуды для торговыхъ оборотовъ и кредитная касса, изъ коей роздано было отъ 72 до 106 милліоновъ русскихъ рублей для поддержки земледѣлія въ Царствѣ; уменьшены пошлины до одного процента съ привоза польскихъ суконъ въ Россію, отъ чего потеря таможенныхъ доходовъ Имперіи дошла въ теченіи пятнадцати лѣтъ до 60 милліоновъ рубл., и увеличено жалованье войскамъ, коего окладъ вчетверо превышалъ окладъ, опредѣленный русскому воинству; всякаго рода оружіе, порохъ и заряды для польской арміи снабжены были Россіею. Этого мало: россійское правительство улучшило по новому очерку и возобновило почти развалившуюся крѣпость Замостье, столько впослѣдствіи повредившую операціямъ нашимъ противъ мятежниковъ. Русскій корпусъ, расположенный по границамъ царства, получилъ образованіе особое; всѣ Россіяне, въ немъ служившіе, поступили въ коренные россійскіе корпуса, внутри Имперіи расположенные, а изъ нихъ выбраны были уроженцы западно-русскихъ губерній и поступили въ составъ того корпуса, наименованнаго Литовскимъ и поставленнаго на самой границѣ Царства. Опредѣленъ былъ осмилѣтній срокъ службы рядовымъ солдатамъ польской арміи—луч-

шее средство обратить мало по малу всю націю къ познанію военнаго ремесла и, при первомъ востребованіи къ бою уволенныхъ отъ службы, удвоить или утроить армію, не теряя времени на обученіе новопоступившихъ въ ряды ополченія, что и случилось. Императоръ Александръ даровавъ Польшѣ весьма либеральную конституцію и широкое представительное правленіе увѣренъ былъ, что милосердіемъ, щедротами, отеческимъ попеченіемъ о благосостояніи царства, похвалами и знаками отличія, возвышающими души воиновъ, можно будетъ сроднить обѣ націи и, прекративъ вражду, искони между ними существующую, слить обѣ части въ единое цѣлое. — Вышло иначе: мѣропріятіе это не только имѣло противное дѣйствіе ожидаемому, но предоставило Полякамъ тѣ способы къ возстанію и поддержанію борьбы съ Россіею, о коихъ они и мыслить не смѣли. Публичныя сеймовыя пренія сдѣлались источникомъ столкновеній шляхты съ правительствомъ [35]). Прирожденное тщеславіе Поляковъ, ихъ привычка къ своеволію и совершенное неумѣнье подчиняться законамъ, подрывали въ самомъ корнѣ новый общественной строй Польши. Вмѣсто обсужденія законодательныхъ вопросовъ, сеймъ сдѣлался поприщемъ, на которомъ нунціи, ради пріобрѣтенія личной извѣстности своимъ краснорѣчіемъ, отличались необузданными выраженіями; забвеніемъ всѣхъ приличій и буйными выходками

[35]) Можно себѣ представить, до какой степени простиралась въ то время вражда къ русскимъ, когда въ 1819 году было воспрещено, даже для желающихъ, преподаваніе въ воеводскихъ школахъ русскаго языка, хотя на расходы по учебной части и было выдано безвозвратно изъ доходовъ Имперіи 8 милліоновъ рублей. Нужно при этомъ замѣтить, что въ областяхъ, присоединенныхъ къ Пруссіи по первому раздѣлу, устновлено еще въ 1773 г. преподаваніе наукъ во всѣхъ училищахъ не иначе, какъ на нѣмецкомъ языкѣ. Mémoires de Michel Oginski, tome I.

противъ самой власти, даровавшей имъ представительное правленіе. Разливъ духа своеволія могъ проникнуть въ нѣдра арміи и всего народонаселенія Польши. Императоръ Александръ постигъ опасность и повелѣлъ производить пренія безъ свидѣтелей и безъ обнародованія оныхъ. Сеймъ умолкъ для любопытныхъ, путь къ удовлетворенію честолюбія пресѣкся для честолюбивыхъ и одно изъ средствъ къ возбужденію на возстаніе исчезло для закоснѣлыхъ враговъ Россіи.

Но изъ донесенія Варшавскаго Слѣдственнаго Комитета 1826 года видно, что зародышъ заговора въ царствѣ возникъ не въ 1820 году, когда закрыты были публичныя пренія въ палатѣ нунціевъ, какъ полагаетъ Д. И. Давыдовъ, рукописью [36]) котораго мы пользовались при настоящемъ изложеніи, а гораздо ранѣе. Изъ означеннаго донесенія видно, что первоначальная мысль заговора объ отдѣленіи Польши отъ Россіи была обработываема еще въ концѣ 1814 года Обществомъ Правдивыхъ Поляковъ, т. е., въ то самое время, когда императоръ Александръ вмѣстѣ съ Новосильцевымъ занимался составленіемъ для возстановляемаго имъ Царства Польскаго конституціи.

[36]) Извѣстный партизанъ Д. И. Давыдовъ, по поводу напечатанной въ Парижѣ въ 1833 г. Романомъ Солтыкомъ книги: La Pologne précis historique, politique et militaire de la révolution, написалъ критическій ея разборъ, — едва ли не лучшее изъ всѣхъ его сочиненій, къ несчастію, не доведенное однакожъ до конца. Эта рукопись была издана въ 1865 г. въ Лондонѣ въ типографіи поляка Тхоржевскаго, который подвергъ ее самому безсовѣстному искаженію, урѣзавъ многія классическія мѣста, разъяснявшія неблаговидныя продѣлки Поляковъ. Въ 1872 г. на страницахъ „Русской Старины", это произведеніе Давыдова напечатано подъ заглавіемъ: „Воспоминаніе о польской войнѣ 1831 года" и доведено уже до взятія Варшавы, но слогъ этихъ воспоминаній нѣсколько отличается отъ слога рукописи, полученной мною еще въ 1847 г.

«Козни таились, говоритъ Давыдовъ, подъ личиною преданности, услужливости, униженій и даже отвратительнаго пресмыкательства заговорщиковъ. Нельзя забыть степень раболѣпства при сношеніи по службѣ съ цесаревичемъ въ дни безмятежія, людей, выброшенныхъ бунтомъ въ высшія званія и тогда уже немедленно приступившихъ къ явному оскорбленію великаго князя словомъ и дѣломъ. Всѣ вообще, но болѣе тѣ изъ нихъ, которые управляли какими либо важными военными учрежденіями или частями войскъ, старались, на перекоръ собственной ненависти къ фронтовой службѣ, оказывать безграничное рвеніе къ ней и всячески угождать въ этомъ отношеніи всѣмъ малѣйшимъ намекамъ цесаревича. Цѣль ихъ состояла въ пріобрѣтеніи симъ средствомъ благосклонности и довѣренности его, дабы, пользуясь ими, испрашивать чрезъ него улучшеніе частей имъ ввѣренныхъ и такимъ образомъ мало по малу приготовить и устроить царству способы къ борьбѣ съ Россіею; такъ, напримѣръ, испросили они перемѣну всѣхъ ружей въ арміи, подъ предлогомъ ихъ неспособности, и когда было прислано изъ Россіи нѣсколько тысячь ружей, — таковыя были приняты, а мнимо неспособныя удержаны и употреблены противъ насъ во время возстанія. То же было относительно пушекъ, пороху, зарядовъ и другихъ военныхъ снабженій. Испрошено позволеніе обнести Варшаву глубокимъ рвомъ и высокою насыпью подъ предлогомъ прегражденія ввоза контрабанды, и наконецъ, незадолго предъ возстаніемъ, явилось предложеніе цесаревичу о построеніи крѣпости въ Тирасполѣ, противъ самаго Бреста-Литовскаго; однакоже предложеніе это имъ было отвергнуто. Это происходило въ царствѣ; но отрасли заговора простирались далѣе. Польско-россійскія губерніи были также втайнѣ причастны къ царству, и можно сказать, что сей обширный заговоръ за-

ключалъ въ себѣ все народонаселеніе шляхетства, простирающееся отъ береговъ Варты до береговъ Двины и Днѣпра.»

Ходъ возмущенія въ Варшавѣ и Царствѣ Польскомъ не входитъ въ предѣлы нашего труда. Мы полагаемъ даже излишнимъ представлять своимъ читателямъ картину механическаго подавленія мятежа въ 1831 году въ нашихъ западныхъ областяхъ. Эта внѣшняя сторона событія довольно хорошо изложена въ извѣстной книгѣ почтеннаго Ѳ. И. Смита. Но онъ не касался внутренней стороны явленія, объяснивъ все дѣло увлеченіемъ молодежи, патріотическимъ желаніемъ, создать независимое Польское государство. Силу этихъ патріотическихъ чувствъ авторъ нерѣдко распространяетъ и на народныя массы и даже на сословіе земледѣльцевъ, чего въ дѣйствительности вовсе не было, но въ чемъ усердно хотѣли увѣрить всѣхъ Поляки. Удивительнѣе всего то, что Смитъ во все не коснулся главнѣйшаго дѣятеля и двигателя мятежа въ западной Россіи, безъ содѣйствія котораго не могло бы и случиться самаго возстанія; онъ ни слова не говоритъ о повсемѣстномъ, тайномъ и явномъ возбужденіи шляхты католическимъ духовенствомъ. Такимъ образомъ возмущеніе одного сословія преобразилось, подъ перомъ автора, въ возстаніе цѣлаго народа и вмѣсто шляхетскаго мятежа представилось взорамъ читателя зрѣлище народной войны, котораго однако сами современники и очевидцы не замѣтили. Ничего не говорятъ о народной войнѣ и современные памятники, свидѣтельствующіе противное, то есть, возстаніе только одной шляхты. Только при такомъ неправильномъ воззрѣніи на мятежъ 1831 года, авторъ могъ оставить безъ вниманія громадныя вулканическія работы римскаго духовенства и взвести на народъ несправедливое обвиненіе въ небывалой враждѣ къ Русскимъ. Почтенный Смитъ не обратилъ

при этомъ вниманія на то важное обстоятельство, что на почвѣ бывшаго Польскаго государства никогда народной войны не бывало; но если когда народъ и брался за оружіе, то противъ самихъ же Поляковъ. [37]) Напрасно въ 1794 году, Костюшко разсылалъ свои прокламаціи къ народу, печатая ихъ на русскомъ языкѣ и церковно-славянскимъ шрифтомъ; напрасно также въ 1812 году шляхта старалась подвинуть народъ къ войнѣ противъ Русскихъ; народъ однако не пошевельнулся. Также и въ 1831 году, не взирая на всѣ усилія ксендзовъ и шляхты, возбудить въ народѣ вражду, народъ сидѣлъ смирно, и русскому офицеру можно было безпрепятственно проѣхать всю Польшу вдоль и поперегъ, нигдѣ не встрѣтивъ ни малѣйшаго недоброжелательства. Поэтому мы полагаемъ болѣе полезнымъ, указать хотя отчасти на главнѣйшую и до сихъ поръ негласную сторону событія, на тотъ мутный источникъ періодическихъ неурядицъ въ нашихъ западныхъ областяхъ, который, подобно подземному ключу, тихо и незамѣтно подмываетъ зданіе нашего государства. Находившіяся въ архивѣ департамента иностранныхъ исповѣданій драгоцѣнныя свѣдѣнія объ этой циклопической дѣятельности латинскаго духовенства, какъ извѣстно, погибли во время пожара 1862 года. Недостатокъ этихъ свѣдѣній былъ особенно ощутителенъ для правительства

[37]) Не мѣшаетъ здѣсь замѣтить, что при поднимавшихся въ Польшѣ народныхъ войнахъ польское правительство всегда прибѣгало подъ защиту русскаго. Такъ было въ 1703 и 1768 годахъ. Прибавимъ къ этому, что и М. Н. Муравьевъ не столько опасался въ 1863 году воинственныхъ подвиговъ со стороны повстанцевъ, сколько взрыва народной мести противъ мѣстныхъ помѣщиковъ и латинскаго духовенства. Съ этой цѣлію и были имъ учреждены сельскіе караулы, получившіе право осматривать паспорты помѣщиковъ. Давъ легальный исходъ возбужденному народному чувству, Муравьевъ затушилъ опасныя страсти.

во время шляхетскаго возстанія 1863 года. Въ настоящее время, только въ невозмутимой глуши архивовъ другихъ вѣдомствъ и то случайно, удается иногда, напасть на слѣдъ этихъ вулканическихъ работъ. Такимъ образомъ намъ посчастливилось совершенно случайно найти нѣсколько любопытныхъ памятниковъ подобной дѣятельности виленскаго епископа Андрея Клонгевича и двухъ самогитскихъ князей-епископовъ Симона и Іосифа Гедройцевъ въ 1831 г., представляющихъ замѣчательные образчики глубокаго нравственнаго упадка латинскаго духовенства и съ тѣмъ вмѣстѣ неистощимаго долготерпѣнія русской власти. Эти документы весьма важны потому, что раскрываютъ, кто были наши истинные враги въ западной Россіи и какимъ дѣйствовали они оружіемъ. Изъ нихъ можно видѣть, что для насъ наиболѣе были опасны не явные, но тайные враги, вооруженные не желѣзомъ и бронею, но безчестнѣйшимъ изъ всѣхъ оружій, — изувѣрною проповѣдью, разсѣвавшею всюду смуту и раздоръ и отравлявшею ядомъ вѣроломнаго слова простодушныя сердца мирныхъ жителей. Эти документы могутъ также дать понятіе о томъ, съ какими препятствіями нужно было тогда бороться мѣстнымъ представителямъ русской власти и при какихъ обстоятельствахъ довелось дѣйствовать Муравьеву.

Одинъ изъ самыхъ характеристическихъ эпизодовъ той эпохи, ярко обрисовывающій заматерелую непріязненность католическаго духовенства къ русской власти, представляется въ сношеніяхъ временнаго военнаго губернатора въ Вильнѣ М. Е. Храповицкаго съ виленскимъ епископомъ Клонгевичемъ [38]). На этихъ-то сношеніяхъ,

[38]) Клонгевичъ, Андрей-Бенедиктъ, докторъ богословія и философіи, епископъ Хризополитанскій, род. въ 1765 году. Первоначально учился въ Илукштѣ, а окончилъ свое ученіе въ виленскомъ университетѣ. Поступивъ въ духовное званіе, былъ инспекто-

понынѣ незамѣченныхъ изслѣдователями, мы считаемъ долгомъ остановить вниманіе читателей, такъ какъ онѣ раскрываютъ обширную, понынѣ недостаточно еще оцѣненную дѣятельность латинскаго духовенства въ 1831 году, по части устройства мятежа въ нашихъ западныхъ областяхъ. — По прибытіи въ Вильну, Храповицкій тотчасъ-же увидѣлъ, что во главѣ враждебной для Россіи партіи стоитъ мѣстный епископъ Клонгевичъ съ подвѣдомственнымъ ему духовенствомъ. Очевидность подпольной работы латинскаго духовенства подтверждалась многими донесеніями, присланными вскорѣ послѣ новаго года изъ сѣверныхъ и западныхъ уѣздовъ губерніи о возмутительныхъ проповѣдяхъ ксендзовъ; открытымъ возмущеніемъ, вспыхнувшимъ въ половинѣ марта на Жмуди, составлявшей тогда западную часть Виленской губерніи,

---

ромъ состоявшей при университетѣ главной семинаріи, въ которой читалъ догматическое богословіе и церковную исторію. Одаренный хорошими способностями, обходительный, вкрадчивый и сдержанный, Клонгевичъ былъ однимъ изъ искуснѣйшихъ враговъ Россіи. Для лучшаго совращенія Русскихъ въ латинство, онъ издалъ въ 1821 году на русскомъ языкѣ катихизисъ римско-католическаго исповѣданія, чрезъ годъ отобранный и истребленный, по распоряженію департамента иностранныхъ исповѣданій. Онъ былъ совѣтникомъ и довѣреннѣйшимъ лицомъ князя Чарторижскаго, поручившаго ему, для лучшаго сокрытія истины, произвести первоначальное слѣдствіе о безпорядкахъ, возникшихъ въ 1823 г. въ Виленскомъ университетѣ. Въ 1828 году онъ наименованъ епископомъ суфраганомъ и администраторомъ виленской епархіи. Тайное содѣйствіе Клонгевича возмущенію 1831 года не подлежитъ сомнѣнію. Князь Долгоруковъ, ходатайствовавшій о возвращеніи его въ Вильну изъ Ярославля, куда онъ былъ отправленъ на жительство, говоритъ въ своемъ секретномъ донесеніи: „Клонгевичъ держится правилъ чистѣйшей нравственности и уставовъ монашескихъ, имѣя впрочемъ здѣсь втайнѣ любовную связь!“ Клонгевичъ ум. въ Вильнѣ 15-го декабря 1841 года.

которое подготовлено было также приходскими ксендзами; возмутительными проповѣдями въ самой Вильнѣ каѳедральнаго проповѣдника Тринковскаго, бѣжавшаго къ мятежникамъ, и, наконецъ, неудавшимся къ Вильнѣ же заговоромъ прапорщика ингерманландскаго пѣхотнаго полка Кудревича, въ которомъ принимали участіе тринитарскіе монахи. Народная молва, съ самаго начала варшавскихъ безпорядковъ, постоянно указывала на латинское духовенство, какъ на главныхъ возбудителей вражды противъ Русскихъ. Даже сами католики, отцы семействъ, говорили, что ихъ дѣти, всегда покорные голосу родителей, по возвращеніи отъ исповѣди, у которой были во время великаго поста, тотчасъ же уходили въ шайки повстанцевъ. Храповицкій поэтому обратился къ самому источнику смуты, къ Клонгевичу. Послѣ неоднократныхъ изустныхъ бесѣдъ съ нимъ, Храповицкій наконецъ потребовалъ отъ него рѣшительныхъ мѣръ для удержанія духовенства отъ раздуванія въ народѣ мятежнаго духа. Въ своемъ офиціальномъ отношеніи къ епископу, Храповицкій просилъ его, какъ пастыря употребить съ своей стороны всѣ средства, предлагаемыя религіею для усмиренія мятежа и прекращенія безпорядковъ, произшедшихъ въ его паствѣ, совѣтовалъ, чтобы онъ озаботился составленіемъ поученій въ такомъ духѣ, въ какомъ они проповѣдуемы были народу отцами первобытной христіанской церкви, которые старались утвердить своихъ слушателей въ ненарушимой вѣрности къ монархамъ. Поученія эти, по отпечатаніи на польскомъ и литовскомъ языкахъ, Храповицкій полагалъ разослать по приходамъ и монастырямъ, чтобы они читаемы были вмѣсто проповѣдей по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Но Клонгевичъ, вмѣсто исполненія законнаго требованія Храповицкаго, завязалъ съ нимъ неумѣстную переписку, увѣряя безъ всякаго стыда, что по-

слѣ изданныхъ высочайшихъ манифестовъ и указовъ, въ которыхъ уже было сообщено о всѣхъ милостяхъ правительства и обязанностяхъ вѣрноподданнаго и послѣ увѣщаній обоихъ митрополитовъ, онъ почитаетъ неумѣстнымъ обращаться къ волнующемуся населенію съ наставленіями, а что впрочемъ онъ готовъ оказать нужное содѣйствіе и составить поученіе для простаго народа; но только не теперь, а по возстановленіи въ виленской епархіи спокойствія и порядка. Храповицкій написалъ уклончивому представителю папизма вразумленіе о необходимости немедленнаго исполненія его требованій. Но Клонгевичъ и затѣмъ не только ничего не сдѣлалъ, но не счелъ даже нужнымъ и отвѣчать. Это забвеніе самыхъ простыхъ правилъ общежитія побудило Храповицкаго сообщить Клонгевичу, что въ виду настоящихъ обстоятельствъ, онъ находитъ дальнѣйшее пребываніе его въ Вильнѣ неудобнымъ и потому предлагаетъ ему, по полученіи настоящей бумаги, отправиться къ главнокомандующему арміею графу Толстому въ г. Минскъ, въ сопровожденіи конвоя, приличнаго для его сана.

Но каково же было изумленіе Храповицкаго, когда чрезъ нѣсколько дней по выѣздѣ епископа, онъ получилъ отъ начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта Чернышева копію съ поданнаго епископомъ Клонгевичемъ доноса на допущенныя будто бы Храповицкимъ притѣсненія латинскаго духовенства, своеволіе и грабежи, совершаемые войсками въ предѣлахъ его управленія. Изъ отношенія Чернышева видно, что государь былъ чрезвычайно огорченъ жалобами представителя мѣстной латинской церкви на своевольное поведеніе войскъ, о которомъ писалъ Клонгевичъ, и приказалъ произвести строжайшее слѣдствіе и взысканіе съ виновныхъ. Нужно ли при этомъ добавлять, что доносъ оказался тканью самой

безсовѣстной лжи, написанной съ цѣлію посѣять недовѣріе между правительствомъ и войсками, между верховною властью и лучшими представителями ея на мѣстѣ. Какъ этотъ доносъ, такъ и отвѣтъ Храповицкаго представляютъ документы высокой важности, ибо опредѣляютъ на сколько русская власть можетъ имѣть довѣрія даже къ высшимъ представителямъ латинскаго духовенства. — Только при пособіи этихъ документовъ можно будетъ имѣть ключъ и къ возстанію литовскихъ губерній въ 1831 году и вообще къ періодическимъ мятежамъ шляхты, вспыхивающимъ время отъ времени въ нашихъ западныхъ областяхъ, безъ всякихъ видимыхъ причинъ [39]).

Впрочемъ, двуличныя дѣйствія епископа Клонгевича не были одиночнымъ явленіемъ: вся латинская іерархія враждовала съ русскимъ правительствомъ. Самогитскій епископъ князь Іосифъ Гедройцъ, вмѣстѣ съ коадъюторомъ своимъ, княземъ Симономъ Гедройцемъ, также были на сторонѣ мятежа: первый изъ нихъ написалъ горячую прокламацію къ народу, призывая его вооружиться противъ Русскихъ на защиту попранной будто бы религіи и для возвращенія литовцамъ независимости отъ московскаго владычества. Разославъ эту прокламацію по всѣмъ приходамъ своей епархіи для всенароднаго прочтенія съ церковнаго амвона, Гедройцъ не удовольствовался этой измѣной законному правительству: онъ циркулярно предписалъ всѣмъ подвѣдомственнымъ ему священникамъ, снять съ костеловъ самые большіе колокола и отправить ихъ для переливки въ орудія, въ м. Ворню, гдѣ былъ устроенъ мятежниками литейный заводъ, которымъ завѣдывалъ нѣкто Нарбутъ съ нѣсколькими инженерными офицерами. Генералъ-маіоръ Ширманъ, донося 23 мая, № 7, о своихъ дѣйствіяхъ

---

[39]) См. Приложенія къ настоящей главѣ № VIII и № IX.

на Жмуди графу Толстому, между прочимъ говоритъ въ своемъ рапортѣ: «главнѣйшее вліяніе на волненіе народа производятъ возмутительныя, неоднократно повторенныя прокламаціи здѣшняго епископа князя Гедройца, кои всѣми священниками съ фанатическимъ восторгомъ публикуются; и хотя мы нынѣ заставляемъ опровергнуть и отбирать таковыя — и уговаривать народъ, обратиться къ прежнимъ мирнымъ занятіямъ и покориться законной власти, разглашая всемилостивѣйшіе указы, но сіе учиняется здѣшними священниками только принужденнымъ образомъ, въ присутствіи нашихъ войскъ; заочно же продолжаютъ свои возмутительныя рѣчи, ибо полагаютъ тѣмъ дѣйствовать сходно желанія г. епископа, имъ объявленнаго въ то время, когда свободно могъ изъяснять оное; нынѣ же въ присутствіи нашемъ принужденнымъ образомъ опять велитъ проповѣдывать въ пользу законной власти.»

Будущій историкъ долженъ будетъ обратить свое вниманіе на развращающее вліяніе на народъ латинскаго духовенства, равно какъ и на неустанное стремленіе этого духовенства создать для себя независимое отъ государственной власти положеніе; другими словами, на систематическое неподчиненіе господствующимъ въ странѣ законамъ. Было замѣчено, что всякому возмущенію обыкновенно предшествовало прибытіе нѣсколькихъ священниковъ и монаховъ подъ видомъ совершенія требъ. Послѣ назидательныхъ бесѣдъ въ конфесіоналѣ, духъ населенія мгновенно измѣнялся. Люди, до того кроткіе, послушные и миролюбивые, вдругъ дѣлались безъ всякой видимой причины, озлобленными противниками власти, отказывались отъ исполненія обязанностей и начинали снаряжаться къ походу и заготовлять оружіе. Но участіе ксендзовъ въ смутахъ, не ограничивалось одними подстрека-

тельствами въ храмахъ во время исповѣди; на сборные пункты, въ станъ мятежниковъ, первыми всегда являлись высланные епископами ксендзы, которые и сопровождали повстанцевъ въ странствіи по лѣсамъ. Увѣренное въ безнаказанности и подъ кровомъ вѣротерпимости, польское духовенство безбоязненно совершало повсемѣстныя злоупотребленія исповѣди, хотя и неуловимыя для законнаго преслѣдованія, но очевидныя по своимъ вреднымъ послѣдствіямъ. Напрасно увѣряютъ нѣкоторые писатели, будто эти злоупотребленія были патріотическимъ порывомъ и индивидуальнымъ увлеченіемъ нѣсколькихъ священниковъ: документы, не подлежащіе никакому сомнѣнію, свидѣтельствуютъ, что всѣ эти преступныя дѣйствія духовенства были продуктомъ системы, предписанной высшею церковною іерархіею, не скупившеюся въ то же время расточать самыя раболѣпныя заявленія предъ правительствомъ о своей покорности и вѣрноподданнической преданности.

Эти епископы, призывавшіе народъ къ оружію и предписывавшіе изъ колоколовъ лить пушки, въ оправданіе свое представляли, что будто принуждены были къ тому насиліемъ со стороны мятежниковъ. Но дѣло въ томъ, что призывъ народа къ оружію съ церковныхъ каѳедръ, произошелъ на Жмуди не послѣ мятежа, но задолго прежде, когда въ краѣ не только не было еще мятежниковъ, принуждавшихъ будто бы служителей алтаря къ чтенію прокламацій, но не возникало и самой мысли о возможности возстанія. Объ этомъ свидѣтельствуютъ очень согласно и сами участники мятежа, издавшіе потомъ за границей свои записки. Но не взирая на очевидность лжи, епископы однакожъ имѣли позорное мужество оправдывать свои дѣйствія малодушіемъ, которое и засвидѣтельствовали собственноручнымъ подписомъ [40]).

---

[40]) См. Приложенія № X и № XI.

Впрочемъ оно оказалось для нихъ очень полезнымъ, такъ какъ по ходатайству рижскаго военнаго губернатора барона Палена, удостовѣрявшаго, что «низшее духовенство Тельшевскаго, Шавельскаго и части Россіенскаго уѣздовъ, оказывало свою преданность престолу и не замѣчено имъ въ злонамѣреніи», князья-епископы Симонъ и Іосифъ Гедройцы оставлены на своихъ мѣстахъ. [41]) Чѣмъ объяснить такое донесеніе рижскаго губернатора, рѣшившагося офиціально свидѣтельствовать о томъ, чего вовсе не было... [42])

Благоразумныя распоряженія Храповицкаго однако же не могли остановить распространенія, въ нашихъ западныхъ областяхъ, шляхетскаго мятежа, столь усердно

---

[41]) О томъ же самомъ духовенствѣ и въ то же самое время епископъ князь Симонъ Гедройцъ свидѣтельствовалъ въ донесеніи своемъ къ Блудову, завѣдывавшему департаментомъ иностранныхъ исповѣданій, „что всѣ почти приходскіе священники самогитской епархіи, болѣе или менѣе, участвовали въ дѣлахъ мятежниковъ *по принужденію* и что онъ полагалъ бы, приличенныхъ въ недобровольной измѣнѣ священниковъ, оставлять при прежнихъ ихъ должностяхъ, впредь до окончательнаго по сему предмету распоряженія.“ Тогда состоялось весьма важное, но забытое впослѣдствіи, повелѣніе императора Николая, чтобы со всѣми лицами духовнаго вѣдомства, принимавшими участіе въ мятежѣ, *поступать наравнѣ какъ съ людьми другихъ сословій.* См. дѣла главнаго штаба по канцеляріи № 1447, отъ 5-го іюня 1831 года.

[42]) Мы указываемъ будущимъ изслѣдователямъ на это противорѣчіе съ дѣйствительностію, не разъ встрѣченное нами при повѣркѣ донесеній барона Палена, противорѣчіе, какъ кажется, примѣченное и современниками, по крайней мѣрѣ по поводу дѣйствій его на Жмуди, столь краснорѣчиво описанныхъ почтеннымъ Ѳ. И. Смитомъ. Изъ донесеній генерала Ширмана не только современнаго свидѣтеля, но и главнаго умиротворителя этой части Литвы видно, что въ самый разгаръ мятежа, во второй половинѣ мая, баронъ Паленъ, напуганный первымъ слухомъ о холерѣ въ войскахъ, внезапно покинулъ отрядъ, даже не сдавъ его никому, и уѣхалъ въ Ригу.

раздуваемаго латинскимъ духовенствомъ. Въ началѣ апрѣля, почти во всѣхъ городахъ Виленской губерніи, шляхта составила конфедераціи, обезоружила мѣстныя инвалидныя команды, разграбила казначейства, провозгласила временное правительство и приступила къ образованію ополченій изъ крестьянъ, увлекая ихъ въ мятежъ угрозами и обѣщаніями. Въ Виленской губерніи только два города оставались еще во власти Русскихъ: Вильно съ ничтожнымъ трехтысячнымъ гарнизономъ и Ковно. Прибывшіе съ Кавказа пять сотъ линейныхъ казаковъ, подъ начальствомъ полковника Верзилина, по усмиренію ошмянскаго мятежа, хотя и возстановили сообщенія Вильны съ сосѣдними губерніями, но пламя возгорѣвшагося возмущенія отъ того не остановилось.

Вѣсть о возстаніи Виленской губерніи взволновала всю литовскую шляхту. Ближайшіе уѣзды Минской губерніи тотчасъ же приступили къ устройству конфедерацій. Признаки волненій стали обнаруживаться и въ уѣздахъ смѣжныхъ съ Могилевскою губерніею, Лепельскомъ, Борисовскомъ и Игуменскомъ, гдѣ шляхта принялась заготовлять оружіе, лить пули и ковать пики. Всѣ вліятельныя фамиліи изъ землевладѣльцевъ этихъ губерній: Адамъ Солтанъ, два брата Корсаки, Михаилъ Ходзько [43]), Рудомина, Цезарь Платеръ, Коркозевичи, Козеллъ, Пршездецкій, Одаховскіе, графы: Августъ Бржостовскій, Антоній Ширинъ, Мостовскій, даже предводи-

[43]) Михаилъ Ходзько, писецъ канцеляріи минскаго гражданскаго губернатора, ревностный участникъ Одаховскаго, ограбившій вилейское казначейство, поражалъ всѣхъ своимъ необыкновеннымъ костюмомъ: онъ былъ одѣтъ въ черное платье, съ нашитыми на немъ бѣлаго цвѣта ребрами и имѣвшаго на шапкѣ также вышитую мертвую голову; въ добавокъ ко всему былъ еще вооруженъ четырьмя пистолетами.

тели дворянства: графы Лопацинскій и Михаилъ Храповицкій, Ромуальдъ Подбипента, Ипполитъ Гечевичъ, сынъ минскаго гражданскаго губернатора, и другіе, приняли участіе въ возмущеніи и сдѣлались пособниками или членами временнаго правительства. Не могла отстать отъ общаго увлеченія и шляхетская молодежь, состоявшая на службѣ юнкерами. — Въ одномъ только отрядѣ мятежниковъ Дисненскаго уѣзда оказалось питомцевъ динабургской юнкерской школы 18 человѣкъ. Чиновники уѣздныхъ присутственныхъ мѣстъ почти поголовно стали въ ряды постанцевъ. Даже одинъ изъ гражданскихъ губернаторовъ имѣлъ сношенія съ предводителями мятежниковъ и не посовѣстился пересылать къ нимъ въ лагерь, съ довѣренными чиновниками, значительныя суммы денегъ, простиравшіяся до нѣсколькихъ сотъ тысячъ рублей. Это происшествіе вскорѣ было приведено въ полную извѣстность, со всѣми юридическими подробностями. Забавнѣе всего то обстоятельство, что губернаторъ, человѣкъ уже не молодой и, слѣдовательно, искушенный жизненнымъ опытомъ, соблазнился званіемъ воеводы, которое ему обѣщено было, когда Польша сдѣлается независимою. Такимъ образомъ всѣ мѣстные органы правительства, за исключеніемъ немногихъ чиновниковъ изъ русскихъ уроженцевъ, все мѣстное дворянство и латинское духовенство, отъ монаха до епископа, были на сторонѣ мятежа. Единственными представителями русской законной власти остались одни начальники инвалидныхъ командъ, престарѣлые поручики или капитаны, проведшіе всю свою службу въ званіи рядовыхъ воиновъ. Только эти обломки александровскихъ армій, громившіе когда-то Наполеона и попиравшіе своими пятами Европу, не измѣнили отечеству, оставаясь вѣрными своему долгу.

Нельзя при этомъ не отозваться съ особою похвалою

о нашихъ старообрядцахъ, которые въ преданности своей къ отечеству явились достойными сынами Россіи. Въ имѣніи графа Хрептовича, м. Холопеничахъ, Борисовскаго уѣзда, засѣлъ обозъ какого-то гусарскаго полка и въ теченіе четырехъ недѣль не могъ выбраться, по неимѣнію подводъ. Всѣ мѣстные помѣщики отказались выслать необходимыя, для поднятія тяжестей, подводы и въ то же время разсылали гонцовъ для приглашенія мятежниковъ воспользоваться легкой добычей. Преданный Русскимъ, управляющій имѣніемъ, Романъ Милодовской не могъ собрать съ своей волости достаточнаго числа лошадей. Старообрядцы Могилевской губерніи услышавъ объ опасности, грозившей казенному имуществу, добровольно и даже безъ всякаго приглашенія, вдругъ явились въ числѣ ста десяти подводъ, подняли все полковое имущество и, вооружившись сами, кто чѣмъ могъ, конвоировали обозъ и доставили въ цѣлости къ мѣсту назначенія въ г. Лепель. [44]) Но не въ одной Могилевской губерніи старообрядцы оказали свою преданность законному правительству: когда всѣ уѣзды Виленской губерніи были уже въ открытомъ возстаніи, Браславскій и Завилейскій уѣзды оставались еще спокойны. Старообрядцы этихъ уѣздовъ, не взирая на распущенные шляхтою слухи о скоромъ будто бы прибытіи генерала Паца, съ 50,000 войска, устроивъ милицію, высылавшую караулы и разъѣзды и долго удерживая въ краѣ спокойствіе, въ ночь съ 28 на 29-е марта, подъ начальствомъ присланнаго къ нимъ изъ Вильны, отставнаго полковника Каховскаго, отразили по-

---

[44]) Смотри подлинное донесеніе полоцкаго коменданта полковника Данилова 2-го, начальнику штаба поселенныхъ войскъ, генералъ-адъютанту Клейнмихелю, отъ 8-го мая 1831 г., № 45, въ дѣлѣ № 57, времен. гражд. отд. Главн. Штаба Его Величества по военному поселенію.

кушеніе мятежниковъ овладѣть Видзами, и если потомъ уступили имъ Свенцяны, то потому только, что свенцянскій исправникъ, отставной капитанъ Яцковскій, передался на сторону злоумышленниковъ. Въ награду за свою службу старообрядцы просили Каховскаго, дозволить имъ лишь позвонить въ колокола, на праздникъ Святой Пасхи. Каховскій, по совѣщаніи съ жандармскимъ штабъ-офицеромъ Мердеромъ, далъ на это свое согласіе. — Сей послѣдній чрезъ графа Бенкендорфа ходатайствовалъ о пожалованіи старообрядцамъ за заслуги колокольнаго звону. По докладу этого ходатайства, послѣдовала резолюція государя: «Вмѣсто звону въ колокола, котораго впредь допускать нельзя будетъ, можно усерднѣйшихъ представить къ наградѣ медалями, по сношенію съ графомъ Толстымъ.» На символическомъ языкѣ всѣхъ народовъ, звукъ колокола знаменуетъ господство въ странѣ религіи, исповѣдуемой верховною властью и большинствомъ народа. Отсюда проистекаетъ, что наиболѣе вѣротерпимыя государства никогда не разрѣшаютъ иновѣрцамъ или сектаторамъ употребленіе колоколовъ. Императоръ Николай, какъ православный государь, не могъ изъявить своего согласія на просьбу старообрядцевъ, ибо хорошо зналъ, что право торжественнаго призванія къ молитвѣ составляетъ привилегію, принадлежащую единой господствующей Церкви.

Не меньшею преданностію къ родинѣ и своему родному государю было проникнуто и сельское населеніе всей западной Россіи, въ то время еще скованное крѣпостнымъ правомъ, по рукамъ и ногамъ; оно хотя и видѣло всеобщую измѣну своихъ помѣщиковъ, но повиновалось имъ слѣпо и безпрекословно. Чтобы понять безвыходное положеніе русскаго населенія страны, мы выпишемъ изъ донесенія полоцкаго коменданта полковника

Данилова 2-го, нѣсколько словъ, составляющихъ драгоцѣнное современное свидѣтельство о неудобствѣ имѣть въ государствѣ землевладѣльцевъ, принадлежащихъ по своей вѣрѣ и традиціямъ къ другому государству, хотя бы и несуществующему: «въ числѣ сихъ плѣнныхъ, говоритъ Даниловъ, оказались: дворовый человѣкъ 1 и крестьянъ 20, всѣ они присоединены къ шайкѣ мятежниковъ совершенно противъ своего желанія, страхомъ наказанія, истребленія ихъ жилищъ комитетомъ мятежниковъ, который устроенъ въ Лужкахъ, и помѣщиками, кои содѣйствовали намѣреніямъ и распоряженіямъ комитета, волею и неволею, своими крестьянами, хлѣбомъ, оружіемъ и водкою. Но какъ крестьяне, частію обманутые и не знавшіе истиннаго намѣренія насильственнаго ихъ сгона въ Лужки, состоятъ подъ неограниченною властію своихъ помѣщиковъ, извѣстныхъ недоброжелательствомъ къ Россіи и напитанныхъ духомъ мятежа, то вообще дворовые люди и крестьяне виновны менѣе шляхтичей, ибо кромѣ сей власти, крестьяне изъ своихъ деревень, будучи подъ строгимъ присмотромъ, поставлены въ Лужки, приведены къ присягѣ и подведены къ двумъ устроеннымъ висѣлицамъ съ тѣмъ, что всякая отлучка изъ стана мятежниковъ накажется висѣлицею, и бывъ раздѣлены по ротамъ и десяткамъ, окружались конною и пѣшею шляхтою и лишены были всякой возможности къ побѣгу; впрочемъ и въ побѣгѣ своемъ они не могли имѣть спасенія, ибо при появленіи въ краѣ, напитанномъ духомъ возмущенія, и въ своемъ жилищѣ крестьянинъ былъ бы взятъ, наказанъ и опять отосланъ въ Лужки и подвергся бы смерти висѣлицею. Но когда толпа мятежниковъ приблизилась къ Деснѣ и они начали переправляться, по принужденію ротнаго командира своего Сологуба, бѣжавшаго юнкера россійской службы, чрезъ рѣку Десну, и по переправѣ были

встрѣчены ружейнымъ огнемъ русскихъ солдатъ, то сіи несчастные люди побросали косы и другое оружіе, и большею частію, хотя были удерживаемы Сологубомъ на мѣстѣ сраженія, но бросились въ сарай и были взяты русскими солдатами, у которыхъ на колѣнахъ просили помилованія, какъ жертвы гнусныхъ страстей своихъ непросвѣщенныхъ помѣщиковъ.»

При первыхъ извѣстіяхъ о варшавскомъ мятежѣ, Муравьевымъ были приняты нѣкоторыя мѣры осторожности, требовавшіяся тогдашними обстоятельствами. Эти мѣры заключались въ устройствѣ полицейскаго наблюденія за лицами, которыхъ преданность къ правительству была сомнительна, а также и за католическими монастырями, не подчиненными до того надзору полиціи и переполненными людьми самыхъ подозрительныхъ свойствъ. О такихъ вредныхъ монастырскихъ привилегіяхъ Муравьевъ писалъ тогда Блудову и графу Бенкендорфу, управлявшему III отдѣленіемъ собственной Его Величества канцеляріи. Когда же разнеслась молва о возстаніи въ Виленской губерніи и броженіе умовъ между шляхтой сдѣлалось очевиднымъ, то для охраненія губерніи отъ подсылки эмиссаровъ и для прекращенія ложныхъ слуховъ, распускаемыхъ сторонниками мятежа, Муравьевъ распорядился въ пограничныхъ съ Минскою губерніею уѣздахъ всю земскую полицію вновь составить изъ коренныхъ Русскихъ и чтобы сосредоточить въ одномъ лицѣ всѣ донесенія о тайныхъ приготовленіяхъ къ возстанію и въ особенности о подпольной работѣ латинскаго духовенства, назначилъ отъ себя довѣреннаго чиновника, котораго и снабдилъ инструкціею для дѣйствій и деньгами на расходы для разсылки лазутчиковъ. Устроенная Муравьевымъ секретная полиція, дѣйствуя по его предписаніямъ, не ограничилась одною Могилевскою губерніею, но

собирала свѣдѣнія о положеніи дѣлъ и всѣхъ козняхъ шляхты и въ сосѣднихъ губерніяхъ. Эти свѣдѣнія оказались въ высшей степени полезными и важными, для прибывшаго тогда въ Витебскъ главнокомандующаго резервною арміею. Необходимо при этомъ имѣть въ виду, что въ Минской, Виленской и многихъ уѣздахъ витебской губерніи земской полиціи въ то время вовсе не существовало, и такъ какъ всѣ начальники губерніи были люди новые, замѣнившіе прежнихъ губернаторовъ польскаго происхожденія, то графъ Толстой, по прибытіи изъ Петербурга на театръ военныхъ дѣйствій, нѣкоторое время оставался безъ всякихъ извѣстій не только о положеніи мятежническихъ шаекъ и о движеніи высланныхъ противъ нихъ отрядовъ, но даже о гражданскомъ управленіи страны, занятой его арміею, такъ какъ почтовыя лошади со станцій, во многихъ мѣстахъ, были сняты мятежниками и сообщенія сдѣлались весьма затруднительными. [45]) Этотъ недостатокъ извѣстій восполнялся въ главной квартирѣ арміи, дѣятельностію агентовъ Муравьева, проникавшихъ всюду и доставлявшихъ обильныя свѣдѣнія не только о положеніи и всѣхъ передвиженіяхъ мятежныхъ шаекъ, но даже и о затѣваемыхъ возстаніяхъ шляхты, которыя не могли укрыться отъ крестьянъ, всегда знавшихъ о заготовкахъ мятежниками оружія, одежды и продовольствія и охотно выдававшихъ всѣ эти тайны своихъ помѣщиковъ. [46]) Бла-

[45]) Не получая никакихъ свѣдѣній отъ минскаго временнаго военнаго губернатора кн. Долгорукова, графъ Толстой вынужденъ былъ потребовать отъ него 19-го апрѣля донесенія съ нарочно посланнымъ фельдъегеремъ, въ какомъ положеніи находится губернія по случаю вспыхнувшаго въ Виленской губерніи возмущенія и какія приняты имъ мѣры и сдѣланы распоряженія для уничтоженія безпорядковъ.

[46]) Смотри донесенія Муравьева въ дѣлахъ Главнаго Штаба Его Величества по военнымъ поселеніямъ во временномъ отдѣленіи.

годаря этимъ свѣдѣніямъ, главнокомандующему, не имѣвшему до того постоянныхъ извѣстій о дѣйствіяхъ даже собственной арміи, представилась возможность своевременно предупреждать опасные замыслы противниковъ. Важность свѣдѣній, ежедневно доставляемыхъ Муравьевымъ, побудила графа Толстаго воспользоваться учрежденною имъ секретною полиціею и распространить кругъ дѣйствій ея на всемъ подвѣдомственномъ ему театрѣ войны. Должно при этомъ замѣтить, что въ штабѣ резервной арміи, сформированномъ изъ готоваго уже штаба военныхъ поселеній, собраніе секретныхъ свѣдѣній о непріятелѣ и странѣ, имъ занимаемой, составляющее одну изъ важнѣйшихъ отраслей военной администраціи, къ несчастію было поручено генералу Тизенгаузену, родственнику графа Дибича-Забалканскаго, вовсе незнакомому съ обязанностями офицера генеральнаго штаба. Лежавшія на немъ двѣ должности — генералъ-квартирмейстера и генералъ-полиціймейстера — очевидно были не подъ силу одному человѣку, незнакомому съ страной, клокотавшей въ то время подобно волкану, отъ мятежей и измѣны. Оставленіе въ штабѣ графа Толстаго этихъ двухъ важныхъ постовъ незанятыми опытными людьми имѣло послѣдствіемъ то затруднительное и рѣдко встрѣчаемое въ исторіи положеніе главнокомандующаго, о которомъ мы выше упомянули. Для военныхъ людей случай этотъ можетъ служить подтвержденіемъ нѣкоторыхъ истинъ, какъ напримѣръ: что преобразованіе штабовъ войскъ, приводимыхъ на военное положеніе, не можетъ быть достигнуто однимъ переименованіемъ, и что завѣдываніе обыкновенною по канцеляріямъ секретною перепиской не имѣетъ ничего общаго съ учрежденіемъ при арміи военной полиціи, или квартирмейстерской части, собирающей о непріятелѣ и о странѣ имъ занятой всѣ необходимыя свѣ-

денія, служащія предводителю военной силы основаніемъ для направленія ея ударовъ.

Съ перваго дня прибытія графа Толстаго въ Витебскъ, начались близкія сношенія его съ Муравьевымъ, единственнымъ человѣкомъ, отъ котораго главнокомандующій могъ получить точныя и разностороннія свѣдѣнія о положеніи страны и духѣ народонаселенія. Нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что Муравьевъ долженъ былъ замѣтить отсутствіе въ штабѣ арміи двухъ необходимыхъ должностей и какъ умный офицеръ генеральнаго штаба, безъ сомнѣнія могъ предвидѣть, хотя отчасти, долженствующія отъ того произойти послѣдствія. Очень можетъ быть, что Муравьевъ, по преданности своей графу, и предупреждалъ его о настоятельной потребности собранія о странѣ и непріятелѣ всѣхъ разнородныхъ свѣдѣній, такъ называемыхъ секретныхъ, составляющихъ главнѣйшее основаніе для всѣхъ распоряженій. Очень можетъ быть, что Муравьевъ говорилъ графу о необходимости сосредоточить собраніе этихъ свѣдѣній при штабѣ арміи, и даже предлагалъ свои услуги. По крайней мѣрѣ по этому поводу состоялось 2 мая распоряженіе графа, предписывавшее Муравьеву устроить эту часть при арміи, съ предоставленіемъ ему обязанности собирать нужныя свѣдѣнія не только въ губерніяхъ Сѣверо-западнаго края, но и въ Кіевской и Волынской. Что же касается до незамѣщенія двухъ вышепомянутыхъ должностей то оно, по всѣмъ вѣроятіямъ, произошло отъ существовавшаго въ то время вообще большаго недостатка въ офицерахъ генеральнаго штаба, въ особенности же знакомыхъ съ военно-административною частію. Временно исправлявшій обѣ эти должности генералъ Тизенгаузенъ, о которомъ мы уже упоминали, былъ совершенно устраненъ отъ дѣлъ. Необъяснимая праздность его въ такое горячее время наконецъ

завершилась увольненіемъ въ отпускъ для приведенія своихъ домашнихъ дѣлъ въ устройство. Нужно замѣтить, что по закону, всѣ подобныя причины для отпусковъ допускаются только въ мирное время, но когда армія находится въ виду непріятеля, то для военнаго человѣка такое увольненіе превращается въ одно изъ обиднѣйшихъ наказаній — изгнаніе изъ арміи. Муравьевъ, заступившій потомъ мѣсто Тизенгаузена, долженъ былъ устроить обѣ отрасли управленія арміи. Обиліе донесеній его и распоряженій достаточно свидѣтельствуютъ о тогдашнихъ трудахъ его. Объ успѣшномъ исправленіи имъ этихъ должностей главнокомандующій уже въ послѣднихъ числахъ мая упоминалъ въ донесеніяхъ своихъ государю.

По всѣмъ вѣроятіямъ, неутвержденіе Муравьева въ означенныхъ должностяхъ произошло отъ того, что какъ эти должности, такъ и самое существованіе арміи не могли быть продолжительны, ибо скорое прекращеніе шляхетскаго мятежа не могло подлежать сомнѣнію. Поэтому-то графъ Толстой и ограничился однимъ временнымъ порученіемъ обязанностей безъ офиціальнаго титула. Исполненіе Муравьевымъ этихъ должностей представляетъ исключительный случай, объясняемый только военными обстоятельствами, а можетъ быть, и личными отношеніями графа Толстаго къ Муравьеву. Хотя нѣтъ ничего удивительнаго, что Муравьевъ, какъ старый офицеръ генеральнаго штаба, исполнялъ временно двѣ должности, принадлежащія къ высшему управленію арміи, но слѣдуетъ припомнить, что онъ въ то время былъ начальникомъ Могилевской губерніи и по занимаемому мѣсту принадлежалъ не къ военному, а къ мирному гражданскому сословію. Состоя офиціально при графѣ Толстомъ для особыхъ порученій, Муравьевъ былъ заваленъ множествомъ дѣлъ самаго разнообразнаго свойства. Но, безъ

сомнѣнія, самымъ важнымъ изъ порученныхъ его личному вѣдѣнію и отвѣтственности дѣлъ, было замѣненіе уничтоженнаго почти повсемѣстно мятежниками гражданскаго управленія — временными военно - полицейскими управленіями, безъ которыхъ обладаніе страною дѣлалось фиктивнымъ призракомъ. Кругъ тогдашней дѣятельности Муравьева простирался на всѣ сѣверо-западныя губерніи, по странной игрѣ судьбы, черезъ тридцать три года, порученныя его управленію, при вновь возникшемъ возмущеніи шляхты и духовенства, но при обстоятельствахъ несравненно болѣе сложныхъ и запутанныхъ.

Выше мы уже упомянули что графъ Толстой отпустилъ Муравьева на нѣсколько дней въ Могилевъ, для передачи управленія губерніею на время отсутствія вице-губернатору Лошкареву.

Вслѣдъ за отъѣздомъ Муравьева изъ Витебска, по случаю вспыхнувшаго тогда возмущенія въ Дисненскомъ (26-го апрѣля) и Лепельскомъ уѣздахъ, графъ Толстой поручилъ начальнику 4-й гусарской дивизіи, генералъ-лейтенанту Каблукову, двинуться съ находившимися подъ его командою войсками въ эти уѣзды и очистить ихъ отъ находившихся въ нихъ мятежниковъ. Такъ какъ вновь назначенный витебскимъ губернаторомъ Шредеръ еще не прибылъ къ своей должности, то графъ Толстой предписалъ Муравьеву 11-го мая немедленно отправиться въ г. Лепель, Витебской губерніи, къ отряду генерала Каблукова, и слѣдуя съ этимъ отрядомъ, озаботиться возстановленіемъ уничтоженнаго мятежниками законнаго порядка.

Послѣ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Могилевѣ Муравьевъ долженъ былъ снова отправиться въ Толочинъ и Лукомль для скорѣйшаго принятія мѣръ на мѣстѣ къ охраненію Могилевской губерніи отъ наплыва мятежныхъ скопищъ Дисненскаго уѣзда, объ успѣ-

хахъ которыхъ тогда распространился преувеличенный слухъ. Но по прибытіи въ Толочинъ, Муравьевъ получилъ вышепомянутое предписаніе главнокомандующаго, поспѣшить своимъ отъѣздомъ въ Лепельскій уѣздъ, куда уже выступилъ изъ м. Череп, Могилевской губерніи отрядъ генерала Каблукова. По прибытіи своемъ въ г. Лепель въ 6 часовъ утра 13 мая, онъ нашелъ, что послѣ пораженія мятежниковъ, предводительствуемыхъ двумя братьями Одаховскими, отъ всего возстанія не осталось даже и слѣда, что остатки бывшихъ шаекъ, поломавъ и бросивъ свое оружіе, вовсе не думаютъ о сопротивленіи власти, но проклинаютъ возстаніе и втихомолку пробираются къ мѣстамъ своего жительства. Къ этому сброду присоединилось множество разнаго рода бродягъ Лепельскаго уѣзда, наводящихъ своимъ появленіемъ страхъ на мѣстныхъ жителей. — «Сему безпорядку причиною, говоритъ Муравьевъ въ своемъ донесеніи отъ 14 мая, мѣстное гражданское управленіе, какъ отъ непринятія прежде предупредительныхъ мѣръ, законами предписанныхъ, такъ и несуществованіе почти земской полиціи, ибо, какъ видно, оная прежде сего весьма слабо дѣйствовала и въ продолженіе послѣднихъ десяти дней оной уже отъ страху и во все нѣтъ.... какъ изъ всѣхъ свѣдѣній видно, что дѣйствовать войскамъ въ семъ уѣздѣ не имѣется противъ кого, а нужно лишь хорошее гражданское управленіе, то я и сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе: 1) раздѣливъ уѣздъ на 48 участковъ, поручилъ каждый участокъ состоятельному помѣщику, который будетъ отвѣчать своею личностію и собственностію за допущеніе по лѣсамъ бродягъ, называемыхъ повстанцами, съ которыми должно поступать на основаніи извѣстныхъ правилъ о поимкѣ разбойниковъ и забирая таковыхъ, представлять за карауломъ въ г. Лепель; 2) всякій помѣщикъ въ своемъ имѣ-

ніи также отвѣчаетъ за допущеніе таковыхъ разбоевъ и безпорядковъ въ своихъ владѣніяхъ, своею личностію и собственностію, какъ нарушитель общаго спокойствія, 3) если бы шатающіяся по лѣсамъ и болотамъ шайки не были покровительствуемы помѣщиками и не получали бы отъ нихъ содержаніе, то конечно не могли бы существовать; они по сію пору никого еще изъ владѣльцевъ не ограбили, чѣмъ доказывается участіе сихъ послѣднихъ, а потому, если помѣщикъ на случай, что не найдетъ себя въ силахъ изловить таковыхъ бродягъ; не дастъ о семъ знать участковому начальнику и мѣстному начальству, то будетъ взятъ подъ арестъ и поступлено съ нимъ, какъ съ злоумышленнымъ нарушителемъ спокойствія.... b) неблагонадежныя и сомнительныя лица вызываются въ Лепель до усмотрѣнія... поставляю лишь долгомъ доложить, что, по мнѣнію моему, система дѣйствій противъ глупыхъ, ободранныхъ нищихъ, называемыхъ повстанцами, должна преимущественно состоять въ энергическомъ гражданскомъ управленіи съ весьма малымъ пособіемъ войскъ; необходимо лишь устроить хорошую тайную полицію, чтобы узнавать объ ихъ скопищахъ, которыя и должно преслѣдовать войско. Характеръ обывателей подлость, низость, трусость и общее недоброжелательство нашему правительству, а потому ихъ легко усмирить. Сожалѣть лишь должно, что гражданское начальство до сего времени никакихъ не предпринимало предупредительныхъ мѣръ, отъ чего нынѣ необходимо потерять нѣсколько дней въ распоряженіяхъ. Не благоугодно ли будетъ прислать сюда благонадежнаго гражданскаго чиновника, которому бы я могъ передать наблюденіе за исполненіемъ сдѣланныхъ распоряженій, ибо какъ скоро получится свѣдѣніе о настоящемъ мѣстѣ скопищъ мятежниковъ, то я буду слѣдовать вмѣстѣ съ отрядомъ; уѣздъ же сей безъ хорошаго

строгаго гражданскаго управленія оставить нельзя, ибо его надобно очистить отъ шатающихся разбойниковъ по лѣсамъ, съ содѣйствіемъ нѣсколькихъ эскадроновъ, которые на случай большихъ скопищъ употреблены быть могутъ. Секретная полиція начинаетъ здѣсь образоваться: богатѣйшіе евреи изъ ближайшихъ мѣстечекъ уже мною были вызваны, которые съ усердіемъ, подъ присягою, то есть, *херимомъ* дали мнѣ нѣсколько секретныхъ ходаковъ, за коихъ они ручаются и сіи послѣдніе разсылаются постепенно во всѣ мѣста уѣзда и далѣе для узнанія скопищъ безсмысленныхъ повстанцевъ; они въ нѣсколько дней обшарютъ весь уѣздъ и узнаютъ всѣхъ недоброжелателей. На счетъ продовольствія войскъ можете быть также покойны, они будутъ имѣть все нужное.... завтра будутъ возстановлены всѣ разграбленныя почты и постепенно водворится гражданское управленіе въ уѣздѣ.»

Муравьевъ принадлежалъ къ числу тѣхъ практическихъ администраторовъ, которые стремятся къ достиженію своей цѣли самыми простыми, уже испытанными и для всѣхъ ясными средствами. Обдумывая свои мѣропріятія, Муравьевъ болѣе всего заботился объ устраненіи всѣхъ недоумѣній и случайностей; чтобы осуществленіе было для всѣхъ удобно и легко, а неисполненіе невыгодно. Онъ никогда не былъ человѣкомъ злосердымъ или жестокимъ, какимъ его выставляла заграничная печать, хотя въ дѣйствіяхъ своихъ и былъ настойчивъ, твердъ и властолюбивъ. Превосходно знакомый съ слабостями человѣческой природы, Муравьевъ, во время шляхетскихъ возмущеній 1831 и 1863 годовъ, наводилъ страхъ на неисполнителей своихъ распоряженій, не насиліемъ или жестокостью, которыми всегда гнушался, но дѣйствуя нравственно, внушеніемъ опасеній за свое благосостояніе и поражая штрафами и денежными въ пользу казны взы-

сканіями. Эту грозную карательную систему онъ впервые примѣнилъ къ помѣщикамъ Лепельскаго и Дисненскаго уѣздовъ, внушивъ имъ опасенія за потерю своего недвижимаго имущества. Наведенный имъ тогда страхъ былъ такъ великъ, что зачинщики возмущенія и члены конфедераціи вдругъ преобразились въ преданнѣйшихъ сторонниковъ правительства, принялись привозить къ Муравьеву виновныхъ и даже предлагали свои услуги для секретныхъ порученій, не за деньги, а изъ чести! Къ рѣшенію всякаго дѣла онъ приступалъ не иначе, какъ обсудивъ его предварительно со всѣхъ сторонъ и выслушавъ различныя мнѣнія; собственное же свое — онъ никогда не считалъ безошибочнымъ и если встрѣчалъ дѣльныя замѣчанія, то охотно выслушивалъ и примѣнялъ ихъ къ дѣлу [47]). — Но если разъ принялъ

---

[47]) Въ подтвержденіе этому мы полагаемъ здѣсь умѣстнымъ привести слѣдующій случай, хотя и принадлежащій къ позднѣйшему періоду жизни Муравьева, но, свидѣтельствующій необыкновенную его разсудительность. Въ бытность уже его министромъ государственныхъ имуществъ, однажды случилось ему ревизовать какую-то губернскую палату. Углубившись въ чтеніе лежавшаго передъ нимъ дѣла, среди господствовавшей въ присутствіи тишины, вдругъ слышитъ онъ долетавшія изъ сосѣдней комнаты, чрезъ пріотворенную дверь, чьи-то слова: „принесла нелегкая этого Муравьева изъ Петербурга; ну что онъ смыслитъ въ ревизіи? его кругомъ надуваютъ, а онъ насъ тутъ мучитъ!“ Муравьевъ перестадъ читать и дослушавъ до конца филиппику, всталъ и отправился въ ту комнату, откуда доносился неблагопріятный отзывъ объ его ревизіи. Узнавъ, что слова были произнесены однимъ изъ стоявшихъ тутъ же чиновниковъ палаты, Муравьевъ привелъ его въ присутствіе и спросилъ: поучите же меня, какъ должно ревизовать и въ чемъ именно меня обманываютъ? Растерявшійся чиновникъ молчалъ. Муравьевъ ободрилъ его и сказавъ, что не считаетъ за стыдъ учиться, настоятельно требовалъ указаній. Наконецъ чиновникъ далъ объясненія и въ числѣ ихъ представилъ столько полезныхъ и дѣльныхъ замѣчаній, что Муравьевъ вскорѣ назначилъ его членомъ, а потомъ и предсѣдателемъ палаты.

рѣшеніе, то отъ подчиненныхъ своихъ уже требовалъ скораго и точнаго исполненія и неотложнаго одолѣнія всѣхъ препятствій. Всякое же затѣмъ донесеніе о затрудненіяхъ, о необходимости отложить или невозможности исполнить его предписаніе, влекло за собою немедленное увольненіе подчиненнаго отъ службы, конечно, если препятствіе не принадлежало къ числу неодолимыхъ. Вообще Муравьевъ былъ врагъ всякихъ проволочекъ, колебаній и полумѣръ. Очевидное желаніе шляхты продлить возстаніе въ ожиданіи вмѣшательства европейскихъ державъ, требовало принятія скорыхъ и рѣшительныхъ мѣръ для прекращенія неурядицы, подтачивавшей и частное благосостояніе, и финансовые способы правительства. При такихъ обстоятельствахъ настойчивость и рѣшительность Муравьева были достоинствами ни чѣмъ незамѣнимыми и весьма скоро пособили возстановленію гражданскаго порядка и совершенному успокоенію мирныхъ жителей. Для того, чтобы читатели могли составить безошибочное понятіе о свойствѣ распоряженій, сдѣланныхъ тогда Муравьевымъ, мы выпишемъ нѣсколько мѣстъ изъ инструкціи, данной имъ тогда лепельскому исправнику и чиновнику Зайковскому, временно назначенному Муравьевымъ для управленія уѣздомъ. [48]) Эта инструкція, написанная въ самый разгаръ войны, въ день остроленскаго сраженія, превосходно изображаетъ тогдашнее время, взгляды русскихъ людей на шляхетскій мятежъ и наконецъ рубенсовскими чертами обрисовываетъ историческій обликъ Муравьева.

Возлагая этою инструкціею на личную отвѣтственность

---

[48]) Константинъ Зайковскій, коллежскій совѣтникъ и членъ могилевскаго губернскаго правленія; прежде былъ исправникомъ въ Лепельскомъ уѣздѣ. Муравьевъ въ бытность свою въ Витебскѣ вице-губернаторомъ познакомился съ этимъ отличнымъ чиновникомъ и пригласилъ его къ себѣ на службу въ Могилевъ.

землевладѣльцевъ уничтоженіе въ ихъ помѣстьяхъ бродягъ, Муравьевъ при этомъ говоритъ... «ибо всякій помѣщикъ «есть ближайшій полицеймейстеръ въ своихъ владѣніяхъ «и отвѣчаетъ своимъ лицомъ и благосостояніемъ за всякое «неустройство и допущеніе злонамѣреннаго безпорядка «предъ правительствомъ. Объявить всѣмъ чрезъ подписки, «что судъ будетъ короткій, расправа скорая и примѣрная, «что я дѣйствую лично самъ, всегда справедливъ, но взы-«скателенъ безъ всякаго снисхожденія къ лицамъ; я все «знаю, что дѣлается въ уѣздѣ; извѣстны мнѣ и тѣ лица, «которыя нарушили вѣрноподданническую присягу или «двусмысленнымъ поведеніемъ возродили на себя сомнѣніе; «я умѣю различать побуждающія причины дѣйствій каж-«даго, кто доброжелательствовалъ мятежникамъ по чув-«ствамъ, по принужденію или легкомысленности и каж-«дому воздамъ достойное по его поступкамъ. Пренебрегая «подлыми дѣйствіями лицъ неблагонамѣренныхъ, даю имъ «самый короткій срокъ опомниться и потому не входя въ «тончайшій разборъ дѣйствій каждаго, назначаю началь-«никами кварталовъ лишь по одному соображенію состоя-«нія каждаго, которымъ они кромѣ своей личности, будутъ «отвѣчать предъ правительствомъ.»

Начальникъ штаба резервной арміи, генералъ-адъютантъ Клейнмихель, по порученію графа Толстаго, сообщилъ Муравьеву, что въ представленной имъ копіи съ своей инструкціи исправнику № 85 [49]), онъ помѣстилъ нѣкоторыя излишнія выраженія противъ помѣщиковъ и что его сіятельство проситъ, дабы подобныхъ выраженій въ предписаніяхъ своихъ онъ впредь не употреблялъ, ограничиваясь прямымъ изложеніемъ сущности дѣла.

Мы съ намѣреніемъ упомянули здѣсь о замѣчаніи,

---

[49]) См. Приложеніе № XII.

полученномъ Муравьевымъ отъ своего начальства, замѣчаніи, въ которомъ отразилась характеристическая и непонятная для иностранцевъ особенность дѣйствій русской власти. Графъ Толстой, пропитанный нашими правительственными преданіями, въ силу которыхъ каждая народность, сословіе или отдѣльное лицо, сколь бы ни были нарушителями интересовъ государства и даже преступны, всегда однакожь находили у русской власти защиту, правосудіе и помилованіе. Мы могли бы представить много примѣровъ этого великодушнаго отношенія къ своимъ врагамъ, примѣровъ, принадлежащихъ именно къ этому времени и поражающихъ своимъ нравственнымъ величіемъ. Такимъ образомъ дѣти предводителей возстанія, павшихъ съ оружіемъ въ рукахъ въ борьбѣ съ русскою властью, были, по повелѣнію императора Николая, приняты въ учебныя заведенія и воспитаны на счетъ правительства; многіе офицеры польской арміи, взятые въ плѣнъ съ оружіемъ въ рукахъ, не только избѣгли суровой кары, опредѣленной законами всѣхъ странъ, но, во уваженіе ихъ молодости, приняты въ службу и дослужились потомъ до генеральскихъ чиновъ. Выше мы уже говорили о предосудительныхъ дѣйствіяхъ римско-католическихъ епископовъ, виленскаго и двухъ самогитскихъ, людей зрѣлыхъ лѣтами и хорошо вѣдавшихъ, что творятъ, но и они всѣ были помилованы и оставлены до смерти на своихъ мѣстахъ. Русская власть, казалось, говорила имъ: я не мщу врагамъ, все забываю, все прощаю, живите только отнынѣ въ мирѣ и счастіи!

По прибытіи 16 мая въ фольварокъ Большіе Дольцы, по дорогѣ изъ Лепеля въ м. Глубокое, Муравьевъ выдавъ отъ себя помѣщику Борисовскаго уѣзда штабъ-капитану Козеллу инструкцію, совершенно подобную лепельской, приказалъ ему немедленно устроить мѣстную полицію въ

Борисовскомъ уѣздѣ изъ наиболѣе достаточныхъ землевладѣльцевъ, имянной списокъ которымъ тутъ же вручилъ Козеллу, обязавъ его ежедневно съ нарочнымъ присылать къ себѣ въ Глубокое подробныя донесенія. Изъ Большихъ Дольцовъ онъ увѣдомлялъ Зайковскаго, что «шайки ободранныхъ повстанцевъ совершенно разбрелись и изъ послѣдняго ихъ сборища Великихъ Долецъ разошлись по лѣсамъ, поломавъ и бросивъ свое оружіе. Для изловленія оныхъ,» говоритъ Муравьевъ, «оставленъ здѣсь особый отрядъ, а мѣстечки Березино и Докшицы, равно Большіе Дольцы и Черница заняты кавалеріею съ частію пѣхоты и сверхъ того образовалъ я въ сей части Борисовскаго уѣзда полицію изъ помѣщиковъ. Минскаго же военнаго губернатора просилъ, послать легкой отрядъ вдоль рѣки Березины отъ Борисова въ деревню Домжерицы, чтобы прочистить Борисовскіе лѣса отъ бродягъ, могущихъ еще въ нихъ скрываться.» Вмѣстѣ съ этимъ Муравьевъ просилъ Зайковскаго немедленно, по сдачѣ управленія Лепельскимъ уѣздомъ чиновнику, назначенному отъ витебскаго губернатора, самому прибыть къ нему въ м. Глубокое, гдѣ онъ по множеству занятій полагалъ пробыть до конца мая. Тогдашній походъ свой по Лепельскому и Дисненскому уѣздамъ Муравьевъ совершилъ при отрядѣ войскъ и верхомъ на конѣ, находя можетъ быть этотъ способъ передвиженія болѣе приличнымъ для представителя гражданской власти, чѣмъ ѣзда въ экипажѣ, хотя для раненой ноги верховая ѣзда и была не совсѣмъ-то удобна. Очень можетъ быть, что Муравьевъ по природѣ своей, любившій всѣ виды власти, не могъ защититься и отъ невиннаго удовольствія хотя на мигъ лично распоряжаться небольшимъ отрядомъ войска, при немъ слѣдовавшаго. Для того, кто хотя однажды испыталъ обаятельную прелесть боеваго поприща, кто своими глазами

видѣлъ, какъ по манію руки полководца перемалываются ядрами въ прахъ тысячи живыхъ существъ, полныхъ силы и надеждъ, кто, наконецъ, самъ принесъ на этомъ поприщѣ въ жертву своей родинѣ частицу собственной жизни, тотъ, конечно, пойметъ естественное влеченіе стараго офицера къ тому роду власти, которая во имя отечества располагаетъ судьбами его земляковъ. На признаки этого влеченія къ военному ремеслу мы будемъ еще имѣть случай указать и впослѣдствіи.

Наконецъ 18 мая Муравьевъ прибылъ въ м. Глубокое, расположенное въ средоточіи густонаселенной мѣстности и возмутившейся шляхты. Эта мѣстность, составлявшая родовую отчину древняго русскаго рода Корсаковъ, во времена самобытной Польши, сдѣлалась стратегическимъ пунктомъ религіозной войны противъ Русскихъ, изъ котораго латинская пропаганда направляла свои удары на беззащитное православіе. Вся окрестная страна во времена Муравьева еще носила свѣжіе слѣды этой борьбы и была усѣяна множествомъ латинскихъ монастырей и великолѣпныхъ, гордо и надмѣнно возвышавшихся къ небу каменныхъ костеловъ, какъ бы свидѣтельствовавшихъ о духовномъ владычествѣ Рима. Здѣсь-то при Сигизмундѣ III, невольный отступникъ отъ православія, воевода Мстиславскій Іосифъ Корсакъ вынужденъ былъ построить сначала приходскій костелъ, а потомъ въ 1639 г. и кармелитскій монастырь, во владѣніе котораго впослѣдствіи перешло и все наслѣдіе Корсаковъ, заключавшее болѣе восьми сотъ дворовъ православнаго населенія, приносившихъ ежегоднаго доходу до ста тысячъ злотыхъ. Кромѣ кармелитскаго монастыря, тотъ же злополучный Корсакъ построилъ еще за озеромъ, верстахъ въ шести отъ Глубокаго, въ м. Березвечѣ, другой обширный и также каменный монастырь для монаховъ базиліанскаго ордена или переодѣтыхъ іезуитовъ. Не въ дальнемъ

разстояніи отъ Глубокаго, находились еще каменные монастыри, одинъ въ селѣ Прозорикахъ для францисканов, а другой въ м. Лужкахъ для піаровъ. Такимъ образомъ, на небольшомъ пространствѣ, среди сплошнаго православнаго населенія находилось четыре римско-католическихъ монастыря, четыре каменныхъ улики давнишнихъ козней латинскаго духовенства; четыре каменныхъ свидѣтельства страданій, великодушія и безпримѣрной вѣротерпимости русскаго народа.

Глубоцкій монастырь былъ окруженъ высокою каменною стѣною и заключалъ въ себѣ, кромѣ великолѣпнаго каменнаго костела, обширныя зданія, въ которыхъ провелъ нѣсколько дней Наполеонъ во время нашествія своего на Россію. Здѣсь же проживалъ въ маѣ 1831 года и Муравьевъ, занимаясь возстановленіемъ въ Дисненскомъ и сѣверной части Борисовскаго уѣздовъ законнаго порядка и допросами шляхты, затѣвавшей возстановленіе рѣчи посполитой польской. Что касается до самихъ отцовъ кармелитовъ, то надо полагать, что возстановленіе стародавней Польши было очень близко къ ихъ сердцу, ибо благочестивые отцы Глубоцкаго монастыря, только за мѣсяцъ до прибытія Муравьева, поставили въ возстаніе триста человѣкъ крестьянъ и шесть ксендзовъ.

Для дѣятельности Муравьева здѣсь было обширное поле. По словамъ Н. Ѳ. Пинкорнелли, состоявшаго въ то время при немъ и присутствовавшаго, въ качествѣ безсмѣннаго ординарца, при всѣхъ допросахъ помѣщиковъ, «только огнеупорная натура Муравьева могла выдержать подобное испытаніе. Опрашивая день и ночь десятки помѣщиковъ и всякаго народу, требуя въ то же время другихъ для повѣрки допросовъ и составляя собственноручно многочисленныя и сложныя донесенія, онъ удѣлялъ для сна такъ мало времени, что никто не зналъ, когда онъ

спитъ.» Возмущеніе Дисненскаго уѣзда было несравненно обширнѣе и важнѣе Лепельскаго. [50]) Здѣсь все мѣстное дворянство открыто присоединилось къ мятежу еще съ первыхъ чиселъ апрѣля, дѣйствуя сначала съ инсургентами сосѣднихъ уѣздовъ Браславскаго, Вилейскаго и Ошмянскаго, а потомъ подъ руководствомъ ксендза піара Лужецкаго монастыря Адама Татура, оно учредило и у себя временное правительство, произвело всеобщее вооруженіе шляхты и крестьянъ, образовало шеститысячный отрядъ съ нѣсколькими пушками и съ одной стороны овладѣло и разграбило уѣздный городъ Дисну, а съ другой — произвело нападеніе на городъ Лепель. И хотя первымъ — шляхта обладала всего втеченіи трехъ сутокъ, бывъ вынуждена очистить его при появленіи отряда полковника Макарова, а въ Лепельскомъ уѣздѣ понесла полное пораженіе отъ войскъ генералъ-лейтенанта Каблукова, но тѣмъ не менѣе всѣ эти судорожныя явленія шляхетскаго своеволія отсрочили умиротвореніе страны по крайней мѣрѣ на цѣлый мѣсяцъ. Мы не считаемъ себя вправѣ утомлять вниманіе читателей изложеніемъ всего хода дисненскаго мятежа или подробностями, не лишенными впрочемъ интереса, допросовъ, снятыхъ тогда Муравьевымъ, но для любопытныхъ помѣщаемъ въ приложеніяхъ отвѣты ксендза Татура, изъ которыхъ можно составить наглядное понятіе и объ образованіи лужковской конфедераціи и объ юридическихъ пріемахъ, наблюдавшихся Муравьевымъ и употребляемыхъ въ тогдашней практикѣ при производствѣ первоначальныхъ дознаній по политическимъ дѣламъ. [51]) — Въ донесеніи

[50]) Изъ дѣла видно, что подготовка лепельскихъ помѣщиковъ къ возстанію была возложена на ксендза лужецкаго піарскаго монастыря Станислава Заленскаго, отправлявшагося въ эту миссію подъ видомъ гувернера.

[51]) См. Приложеніе № XIII.

своемъ отъ 19 мая, посланномъ къ генералъ-адъютанту Клейнмихелю на другой день прибытія въ м. Глубокое, Муравьевъ говоритъ, что «такъ какъ большая часть помѣщиковъ Дисненскаго уѣзда была замѣшана въ возмущеніи, то и нельзя было употребить къ совершенному очищенію уѣзда отъ скитающихся еще повсюду бродягъ и укрывающихся помѣщиковъ, (готовыхъ къ новому возмущенію, лишь бы вышли отсюда войска) тѣ мѣры строгости, которыя имѣли успѣхъ въ Лепельскомъ и Борисовскомъ уѣздахъ, а потому прежде чѣмъ приступать къ какимъ либо распоряженіямъ, желая ближе узнать степень виновности каждаго и отнять у злонамѣренныхъ возможность, предпринимать что либо въ отдаленныхъ частяхъ уѣзда, я послалъ пригласить владѣльцевъ въ м. Глубокое, не показывая никому настоящихъ своихъ намѣреній, съ тѣмъ, чтобы дать время съѣхаться болѣе виновнымъ.» — Въ этотъ день многіе уже прибыли къ Муравьеву, иные находились въ Глубокомъ на свободѣ, съ запрещеніемъ лишь выѣзда, въ ожиданіи прибытія остальныхъ. Муравьевъ при этомъ замѣчаетъ: «что изъ словъ ихъ и поведенія можно видѣть, что они до того увѣрены во всегдашнемъ снисхожденіи правительства и слабости мѣстнаго начальства, что и нынѣ, видя себя уже въ рукахъ, надѣются обыкновенною своею низкопоклонностію и, какъ слышно, даже и подкупомъ, ускользнуть отъ строгаго преслѣдованія законовъ; въ нихъ раскаянія никакого нельзя замѣтить, кромѣ низости, свойственной ихъ характеру, когда они чувствуютъ надъ собою нѣкую грозу и готовы, при первой оплошности начальства, вновь приняться за прежнія дѣйствія. А потому, какъ основательное усмиреніе уѣзда будетъ зависѣть уже не отъ частныхъ, но отъ общихъ мѣръ правительства и мнѣ воля главнокомандующаго посему предмету неизвѣстна, то и ограничился лишь узнаніемъ болѣе виновныхъ, пригла-

шеніемъ ихъ прибыть сюда, не дѣлая никакихъ угрозъ, (ибо оныя были бы безполезны тамъ, гдѣ всѣ почти преступники) и снятіемъ съ нѣкоторыхъ изъ нихъ допросовъ. Прошу разрѣшенія, отправить отсюда въ Динабургскую и Бобруйскую крѣпости тѣхъ изъ нихъ, кои уже извѣстны необузданнымъ своимъ расположеніемъ къ мятежу, были зачинщиками онаго и занимали первыя мѣста; по вывозѣ сихъ людей отсюда, можно будетъ надѣяться совершенно усмирить сей уѣздъ; здѣсь же дѣлать какія либо изысканія было бы совершенно вредно тѣмъ болѣе, что степень виновности ихъ ничѣмъ и никѣмъ не можетъ быть оспорена, и слѣдственную коммиссію можно бы было учредить въ иномъ мѣстѣ; мнѣ казалось бы даже полезнымъ, удерживать ихъ гдѣ-нибудь подалѣе въ крѣпостяхъ во внутренности Имперіи; сіе произведетъ гораздо лучшее вліяніе, ибо я рѣшительно обязанъ нахожусь доложить, что ежели сей разъ правительство не поступитъ съ болѣе виновными зачинщиками мятежа съ примѣрною строгостію и оные не будутъ отсюда удалены, то и ожидать нельзя спокойствія въ уѣздѣ; на имѣнія же ихъ, какъ мнѣ кажется, должно бы было тотчасъ наложить запрещеніе.»

Вмѣстѣ съ донесеніемъ Муравьева, было получено въ главной квартирѣ извѣстіе о вторженіи въ Литву Хлаповскаго, воскресившемъ надежды мятежнаго шляхетства. Графъ Толстой, отправивъ на подкрѣпленіе войскъ, занимавшихъ Вильну, генерала Каблукова съ 1-ю бригадой 4-й гусарской дивизіи и оставивъ въ Глубокомъ только два эскадрона гусаръ, извѣстилъ объ этомъ Муравьева, благодарилъ его за распоряженія и разрѣшилъ «дѣйствительныхъ злоумышленниковъ, въ преступленіи обличенныхъ, отправлять въ Динабургъ.»

Что же касается до общихъ результатовъ пребыванія Муравьева въ мѣстечкѣ Глубокомъ, то мы предоставляемъ ему

самому изложить предъ читателями отчетъ тогдашней своей дѣятельности, который и заимствуемъ изъ донесенія его генералъ-адъютанту Клейнмихелю отъ 25-го мая.

«По всѣмъ полученнымъ свѣдѣніямъ, въ Дисненскомъ уѣздѣ все состоитъ тихо и спокойно, въ Лепельскомъ также; въ части Борисовскаго уѣзда, въ коей устроено было особое полицейское управленіе, уже мало попадается бродягъ и лѣса отъ оныхъ очищены.»

«Приведя въ исполненіе представленныя уже в. пр. распоряженія по Дисненскому уѣзду, я дозволилъ помѣщикамъ разъѣхаться по домамъ, отправивъ пятнадцать человѣкъ изъ оныхъ въ Динабургскую крѣпость, коихъ именной списокъ я имѣлъ уже честь представить.»

«Духъ въ помѣщикахъ значительно улучшился (послѣ отправленія нѣкоторыхъ въ крѣпость), они увидѣли, что съ ними не шутятъ и вдругъ сдѣлались усердны; надѣяться должно, что теперь устроеннымъ полицейскимъ управленіемъ, скоро и остальные виновные будутъ взяты, лѣса очистятся отъ бродягъ и въ уѣздѣ тишина и спокойствіе не будутъ болѣе нарушены.»

«Раскаяніе многихъ уже постигло, за чистосердечіе онаго не ручаюсь, но покрайней мѣрѣ знаю и радуюсь, что въ нихъ духъ возмутительный значительно утихъ и дворянство даже собственнымъ своимъ побужденіемъ просило меня объ единой милости, дозволить имъ изложить въ особомъ актѣ изображеніе чистосердечнаго своего раскаянія. Я не почелъ себя въ правѣ имъ отказать въ принятіи таковаго акта, дабы тѣмъ сколько нибудь успокоить умы, обратить всѣхъ къ ихъ обязанностямъ и дать возможность возвратиться домой всѣмъ послѣдовавшимъ еще за бунтовщиками въ Виленскую губернію, а между тѣмъ постепенно, виновныхъ буду брать и отправлять въ крѣпость.»

«Представленный мнѣ упомянутый актъ вмѣстѣ съ письмомъ, на который впрочемъ полагаться не должно, (ибо народъ сей всегда клятвопреступный готовъ всему измѣнить) я имѣю честь препроводить къ в. пр. для представленія его сіятельству, господину главнокомандующему въ томъ намѣреніи, чтобъ его сіятельство графъ Петръ Александровичъ могъ уже успокоиться на счетъ Дисненскаго уѣзда и видѣть послѣ принятыхъ мѣръ строгости совершенно измѣнившійся въономъ духъ; а при томъ такъ какъ бунтъ въ семъ уѣздѣ былъ общій между помѣщиками и ихъ въ ономъ замѣшано нѣсколько сотъ человѣкъ, то сей актъ можетъ со временемъ служить правительству нѣкоторымъ поводомъ не преслѣдовать менѣе виновныхъ и увлеченныхъ общимъ стремленіемъ.»

«Учрежденное мною полицейское управленіе поручилъ я главному начальству совѣтника могилевскаго губернскаго правленія Зайковскому и всѣ начали исполнять свою обязанность, а потому теперь, при содѣйствіи военнаго начальства, можно быть покойнымъ на счетъ сего уѣзда.»

«Исполнивъ такимъ образомъ волю главнокомандующаго и не имѣя здѣсь ни какихъ особенныхъ занятій, рѣшаюсь испрашивать дальнѣйшихъ приказаній отъ его сіятельства.»

О пребываніи Муравьева въ м. Глубокомъ сохранилось у дисненскихъ помѣщиковъ много преданій, представляющихъ Муравьева по большей части въ видѣ грознаго судіи, наведшаго ужасъ на всѣхъ своими суровыми приговорами и передающихъ, что съ прибытіемъ въ мѣстечко комиссіи военнаго суда, бывшей подъ его предсѣдательствомъ, мирное обиталище кармелитскихъ отшельниковъ превратилось въ мѣстопребываніе страшнаго инквизиціоннаго судилища.

Въ дѣйствительности же дѣло происходило нѣсколько иначе: никакой коммиссіи военнаго суда тутъ не было, а былъ одинъ только Муравьевъ съ вышепомянутымъ совѣтникомъ Зайковскимъ и секретаремъ Ліорко, записывавшимъ показанія, а иногда исполнявшемъ обязанности переводчика. По предоставленной Муравьеву власти, какъ мы уже видѣли, онъ уничтожалъ учрежденныя мѣстнымъ дворянствомъ временныя правительства, арестовывая членовъ и въ особенности главныхъ виновниковъ конфедерацій и распорядителей возстанія. Испытавъ за нѣсколько лѣтъ до того на себѣ бремя тяжкихъ политическихъ обвиненій, Муравьевъ, при исполненіи важной и тяжкой обязанности, возложенной на него довѣріемъ правительства, отнесся къ конфедератамъ съ тѣмъ безпристрастіемъ и спокойствіемъ, которыя облегчили участь множества скомпрометированныхъ лицъ. Весьма понятно что при водвореніи въ странѣ законной власти, онъ не могъ оставить рядомъ съ нею, власть временнаго правительства учрежденнаго шляхтой, и относиться съ почтеніемъ или оставлять безъ вниманія легкомысленныхъ виновниковъ возмущенія причинившихъ столько несчастій. — Хорошо знакомый съ свойствами человѣческой натуры, Муравьевъ очень хорошо зналъ, что въ дѣлахъ политическихъ, массы людей обыкновенно увлекаются единицами и потому всѣхъ низшихъ участниковъ мятежа, крестьянъ, шляхетскую дворню и толпу необразованный шляхты распускалъ по домамъ съ приличными внушеніями. Вся эта толпа, легкомысленно ринувшаяся въ возстаніе или завлеченная въ мятежъ угрозами помѣщиковъ, столь же поспѣшно и радостно разбрелась по домамъ, благословляя Муравьева. Не взирая на такое человѣколюбивое отношеніе къ заблудшимъ, впрочемъ совершенно согласное съ видами великодушнаго государя, Муравьевъ однакожъ навлекъ на себя со сто-

роны мѣстныхъ землевладѣльцевъ, принадлежавшихъ по происхожденію своему къ польскому дворянству, упрекъ въ притѣсненіи конфедератовъ. Но при ближайшемъ разсмотрѣніи этого упрека окажется, что подъ именемъ конфедератовъ эти землевладѣльцы подразумѣвали собственно зачинщиковъ возстанія или свою братью помѣщиковъ и ксендзовъ, а вовсе не крестьянское сословіе, поплатившееся за мятежъ своею жизнію и разстройствомъ домашняго хозяйства. По странному складу понятій мѣстныхъ помѣщиковъ, они воображали, что Муравьевъ, какъ старый декабристъ, если и не будетъ дѣйствовать заодно съ ними, то во всякомъ случаѣ скроетъ всѣ преступныя ихъ козни и устроитъ такъ, что главные зачинщики будутъ освобождены отъ всякой отвѣтственности. Не придавая значенія этому обвиненію, очевидно неправильному, мы не видимъ также достаточнаго основанія обвинять его и за внушенный имъ страхъ, въ особенности если этотъ страхъ дѣйствовалъ непріятно на нервы и воображеніе участниковъ мятежа и нисколько не безпокоилъ мирныхъ жителей. Несравненно были бы опаснѣе для добраго имени Муравьева обвиненія его въ пристрастіи или недобросовѣстности, но, по счастію, подобныхъ нареканій не существуетъ. Вся сумма обвиненій заключается въ томъ, что никакими хитростями нельзя было провести его, соблазнить или упросить; на него не дѣйствовали ни деньги, ни женщины – однимъ словомъ, вся вина его состоитъ въ его неумолимости и неподкупности, такихъ свойствахъ, которыя обыкновенно почитаются добродѣтелями. Въ самоуправномъ и распущенномъ обществѣ, доставшемся намъ по наслѣдству отъ рѣчи посполитой, подобныя обвиненія не только принадлежатъ къ числу возможныхъ, но даже самыхъ обыкновенныхъ. Эта нравственная особенность польскаго общества, поражающая насъ, русскихъ, когда

мы вступаемъ на юридическую почву прежней рѣчи посполитой, составляетъ естественное и неизбѣжное послѣдствіе гражданскихъ порядковъ, создавшихся подъ вліяніемъ духовнаго господства папизма. Въ тѣхъ великихъ обществахъ, гдѣ въ теченіи вѣковъ проповѣдывалось ученіе объ индульгенціяхъ, о возможности избѣгнуть отвѣтственности за самыя тяжкія преступленія и предъ закономъ и предъ своею совѣстью, гдѣ допускались даже денежныя сдѣлки съ нею, едва ли можно предполагать ясныя понятія о вѣчной правдѣ или человѣческомъ правосудіи. Имѣя въ виду эту общеизвѣстную испорченность польскаго общества, мы полагаемъ, что не привычная для него суровость Муравьева, на дѣлѣ была ни чѣмъ инымъ, какъ только строгимъ исполненіемъ своихъ обязанностей. Къ этому убѣжденію мы приходимъ, имѣя въ своихъ рукахъ подлинное дѣло, изъ котораго видно, что Муравьевъ во все судьею не былъ, не могъ слѣдовательно писать и жестокихъ приговоровъ; даже не производилъ и формальнаго слѣдствія, обыкновенно предшествующаго суду, но дѣлалъ только дознаніе, то есть, снималъ первоначальный допросъ съ участниковъ тогдашнихъ смутъ и на основаніи предписанія главнокомандующаго отправлялъ въ Динабургскую крѣпость однихъ только «дѣйствительныхъ злоумышленниковъ, обличенныхъ въ преступленіи.» — Уже тамъ, въ высочайше учрежденной комиссіи военнаго суда, окончательно и независимо отъ вліянія Муравьева рѣшалась ихъ участь. Всѣхъ же прочихъ помѣщиковъ, сочувствовавшихъ мятежникамъ или имѣвшихъ съ ними сношенія и даже подписавшихъ актъ конфедераціи, но не обличенныхъ въ совершеніи особыхъ преступленій: нападеніи на инвалидныя команды, разграбленіи почтъ и казначействъ или убійствѣ русскихъ солдатъ, отсылалъ въ свои имѣнія, съ запрещеніемъ только отлучаться изъ мѣстъ жительства.

Если должно принять за основаніе подлинные документы, вышедшіе изъ-подъ пера недоброжелательнаго къ Муравьеву дисненскаго шляхетства, то и въ нихъ окажется, что даже и это шляхетство отдавало справедливость правосудному отношенію Муравьева къ ихъ легкомысленнымъ увлеченіямъ. Въ письмѣ, при которомъ былъ доставленъ къ Муравьеву предводителемъ дисненскаго дворянства, графомъ Игнатіемъ Лопацинскимъ, упоминаемый нами всеподданнѣйшій адресъ, въ заключеніе были помѣщены слѣдующія, не лишенныя своего значенія для характеристики Муравьева, слова, въ которыхъ отразились возбужденныя имъ въ шляхетствѣ чувства: «при семъ дворянство дисненскаго повѣта не можетъ скрыть чувствъ искреннѣйшей благодарности и признательности къ вашему превосходительству за справедливое, милостивое и снисходительное обращеніе съ онымъ, при открытіи злонамѣренныхъ и клятвопреступныхъ нѣкоторыхъ, къ сожалѣнію и несчастію нашему, собратій нашихъ. Дворянство здѣшняго повѣта осмѣливается льстить себя надеждою, что правота и справедливость вашего превосходительства, будетъ оному защитою предъ престоломъ всемилостивѣйшаго государя нашего».

Изъ вышеприведеннаго, можно кажется съ нѣкоторою основательностью полагать, что всѣ намеки на инквизицію или пытку принадлежатъ къ числу грубыхъ вымысловъ, неимѣющихъ никакого правдоподобія. Весь нравственный складъ Муравьева и вся его послѣдующая жизнь противорѣчатъ подобному обвиненію: онъ былъ въ высшей степени разсудителенъ, просвѣщенъ и благодушенъ. и если былъ, когда нужно, строгъ, требователенъ и настойчивъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы онъ былъ жестокъ и могъ дойти до истязаній, къ которымъ не имѣлъ ни времени, ни надобности прибѣгать. Справедливость впро-

чемъ обязываетъ сказать, что внѣшній видъ его дѣйствительно имѣлъ въ себѣ что-то необыкновенно суровое и грозное, въ особенности въ позднѣйшіе его годы. Ростъ онъ имѣлъ средній, или немного повыше средняго; имѣя крѣпкое, но правильное тѣлосложеніе, онъ однако же никогда не заботился о приданіи своей наружности того убранства, которое производитъ пріятность перваго впечатлѣнія. Непривлекательная его внѣшность и неторопливая походка съ подшаркивающей раненой ногой невольно останавливали вниманіе съ примѣсью какого-то опасенія и почтенія. Плотная, коренастая фигура его, нѣсколько приподнятыя плечи, короткая шея и немного отклоненная назадъ голова, съ низко обстриженными волосами, давали поводъ предполагать въ этой, собранной въ комокъ, натурѣ необыкновенный запасъ силы, мужества и рѣшимости ниспровергнуть на своемъ пути всѣ преграды, для другихъ неодолимыя. Во времена своей молодости, онъ былъ болѣе подвиженъ и худощавъ, но также мало было пріятности и красоты въ его курносой физіономіи, съ нѣсколько выдавшимися впередъ губами и скулами и съ сильно развитою нижнею челюстью около ушей. Изъ-подъ нависшихъ, хотя и не очень густыхъ бровей, спокойно и внимательно всегда смотрѣли два необыкновенно умныхъ и зоркихъ глаза, отъ которыхъ, казалось, ничто не могло укрыться. Если присоединить къ обаянію этихъ, всепроницающихъ глазъ, весьма сжатые и мѣткіе вопросы, неожиданно вонзавшіеся въ самыя сокровенныя стороны разсматриваемаго имъ дѣла, то можно будетъ судить о впечатлѣніи, произведенномъ имъ на тѣхъ, кому пришлось, противъ всякаго чаянія, обнажить тайники своихъ намѣреній. Подобныя разоблаченія особенно были болѣзненны для латинскаго духовенства, къ которому Муравьевъ относился съ преимущественнымъ

вниманіемъ, добираясь до самаго корня всѣхъ побужденій, замысловъ и связей. Изъ нѣкоторыхъ замѣтокъ Муравьева, принадлежащихъ къ этому времени, можно видѣть, что онъ смотрѣлъ на латинское духовенство не столько, какъ на служителей алтаря, насаждающихъ въ сердцахъ народа слово христіанской любви и мира, сколько на пропагандистовъ папизма и такихъ политическихъ доктринъ, которыя не только не способствуютъ нравственному улучшенію человѣчества, но, напротивъ, подрываютъ въ немъ всѣ прирожденныя сѣмена добра, уваженіе къ законамъ, верховной власти и вообще ко всякому авторитету, неимѣющему римскаго происхожденія. Поэтому Муравьевъ не скрывалъ своего глубокаго недовѣрія, а можетъ быть и презрѣнія къ теократической корпораціи, тайно и явно злоупотреблявшей покровительствомъ русскаго закона. Какъ же было представителямъ этого духовенства, этимъ посѣдѣлымъ художникамъ въ распространеніи ложныхъ слуховъ и въ искуствѣ опозоренія самыхъ свѣтлыхъ и благороднѣйшихъ репутацій, оставить Муравьева, опаснѣйшаго изъ своихъ противниковъ, безъ отмщенія. Могли ли всѣ эти товарищи по оружію Игнатія Лойолы, Эскобара, Бузенбаума и другихъ не представить Муравьева въ образѣ Торквемады или герцога Альбы. И дѣйствительно, съ этой поры, потоки самыхъ невѣроятныхъ клеветъ и чудовищныхъ искаженій его общественной и служебной дѣятельности, стали обращаться сначала въ мѣстномъ обществѣ, потомъ въ заграничной печати и, наконецъ, оттуда возвращались къ намъ въ видѣ свѣжихъ новостей. Но, по счастью, Муравьевъ принадлежалъ къ небольшому числу тѣхъ огнеупорныхъ личностей, которыя неспособны были отступить при исполненіи своего долга или призадуматься, при видѣ опасности быть раздавленнымъ лавинами латинской клеветы.

Не имѣя за тѣмъ надобности оправдывать или защищать Муравьева отъ всѣхъ взведенныхъ на него небылицъ, мы приглашаемъ только нашихъ соотечественниковъ подумать о томъ странномъ и необъяснимомъ обстоятельствѣ, что всѣ энергическіе и наиболѣе знаменитые русскіе дѣятели въ Польшѣ и Западномъ краѣ, всѣ безъ исключенія подверглись той же самой участи, какъ и Муравьевъ, начиная съ Петра Великаго и продолжая императрицей Екатериной, Репнинымъ, Суворовымъ, Державинымъ, Новосильцовымъ и кончая Дмитріемъ Бибиковымъ, Константиномъ фонъ-Кауфманомъ, княземъ Черкасскимъ и Николаемъ Милютинымъ — всѣ подверглись самымъ возмутительнымъ и недостойнымъ клеветамъ. Такова ужь общая участь великихъ подвижниковъ нашей земли!

Изъ преданій, собранныхъ нами отъ разныхъ лицъ, о пребываніи Муравьева въ м. Глубокомъ, заслуживаетъ особаго вниманія безъискуственный и дышущій правдою разсказъ почтеннаго И. Ѳ. Пинкорнелли, служившаго юнкеромъ въ нарвскомъ гусарскомъ (нынѣ Его Имп. Высочества Константина Николаевича) полку и состоявшаго въ то время вмѣстѣ съ Парменомъ Кодинцемъ, сыномъ извѣстнаго основателя донской казачей артиллеріи, на безсмѣнныхъ ординарцахъ при Муравьевѣ. Кодинецъ, впрочемъ, послѣ нѣсколькихъ дней былъ отправленъ въ полкъ; Пинкорнелли же во все время пребыванія Муравьева въ Глубокомъ находился безотлучно при немъ. «Я присутствовалъ, говоритъ Пинкорнелли, при многихъ допросахъ помѣщиковъ, приводимыхъ къ Муравьеву, а ихъ перебывало около тысячи. Находясь въ полномъ вооруженіи и при заряженномъ пистолетѣ, я обязанъ былъ во время допросовъ стоять въ сторонѣ между инсургентомъ и Муравьевымъ, для охраненія его въ случаѣ, еслибы опрашиваемый вздумалъ прибѣгнуть къ какому либо насилію.

Но ничего подобнаго не случилось и Муравьевъ не имѣлъ надобности въ моей защитѣ. Вообще ко мнѣ онъ имѣлъ полную довѣренность и неоднократно посылалъ для арестованія помѣщиковъ. Эти посылки были не совсѣмъ безопасны: однажды ночью проѣзжая съ десяткомъ казаковъ черезъ лѣсъ, мы попали на засаду; по насъ было сдѣлано нѣсколько выстрѣловъ, но по счастью насъ всѣхъ Богъ помиловалъ, я же отдѣлался лишь прострѣленнымъ киверомъ. Служба была чрезвычайно трудная, почти невыносимая; по цѣлымъ днямъ приходилось не раздѣваться: днемъ и ночью, въ которомъ бы то ни было часу, какъ только привозили кого либо изъ арестованныхъ, нужно было тотчасъ же доложить Муравьеву, а если онъ спалъ, то разбудить, и примѣра не было, чтобы онъ полѣнился встать или отложилъ допросъ до утра. Вообще съ Муравьевымъ было легко и пріятно служить. Заботливость его и ласковое обращеніе съ своими подчиненными были превыше всякихъ похвалъ. Всѣ окружавшіе не могли надивиться его неутомимости и долготерпѣнію при разспросахъ виновныхъ: онъ видимо бывалъ доволенъ, когда отвѣчали ему смѣло и откровенно, хотя бы и рѣзко, лишь бы говорили правду, но къ несчастью это случалось не всегда. Справедливость требуетъ сказать, что изъ множества лицъ, бывшихъ тогда у допроса, ни одинъ не оказался героемъ; ни одинъ неявилъ той твердости духа, которая заставляетъ уважать и врага, жертвующаго собою для блага своихъ согражданъ. Ни въ одномъ не нашлось на столько мужества, чтобы говорить съ Муравьевымъ безъ подобострастія и самоуниженія. Движимые однимъ чувствомъ самосохраненія, участники мятежа выдавали головою своихъ друзей и знакомыхъ, иногда даже взводили на нихъ неправду; но были и такіе, что запутывали въ дѣло, безъ всякой надобности, своихъ свойственниковъ и даже родныхъ се-

стеръ. Конечно, несчастіе заставляетъ иногда впадать въ ошибки, но повальное отреченіе отъ своихъ убѣжденій и добровольное предательство товарищей, невольно заставляютъ сомнѣваться въ правотѣ дѣла, предпринятаго шляхтой въ 1831 году».

Въ одномъ изъ нашихъ историческихъ журналовъ (Русская Старина 1873, книжка VIII) была напечатана въ минувшемъ году, подъ заглавіемъ: «Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ въ Литвѣ въ 1831 году», замѣтка г. Сорокина, составленная со словъ отца Панкратія, бывшаго гвардіаномъ, а потомъ суперіоромъ въ Глубоцкомъ кармелитскомъ монастырѣ, о хитростяхъ, будто бы употребленныхъ Муравьевымъ при допросахъ политическихъ преступниковъ. Одна изъ хитростей состояла въ томъ, что въ концѣ длиннаго монастырскаго корридора, въ крайней кельѣ, обыкновенно наказывали провинившихся крестьянъ розгами и что раздирающія ихъ вопли, долетая до слуха заключенныхъ въ прочихъ кельяхъ помѣщиковъ, заставляли ихъ думать, что и имъ грозитъ подобная же участь. Г. Сорокинъ полагаетъ что послѣ наведеннаго такимъ образомъ страха, помѣщики готовы были покаяться во всѣхъ своихъ грѣхахъ. Другая хитрость, употреблявшаяся, вѣроятно, при недостаткѣ провинившихся, заключалась въ нанесеніи ударовъ по подушкѣ, причемъ приказывали кому нибудь кричать какъ можно громче, чтобы крикъ былъ услышанъ арестованными. И эта хитрость вела за собою тѣ же послѣдствія, т. е. полное сознаніе въ своей винѣ и открытіе всѣхъ соучастниковъ. Обѣ эти хитрости имѣли цѣлію запугать опрашиваемыхъ и при всей своей кажущейся невинности, все-таки составляли нравственную пытку—дѣйствіе преступное и предосудительное. Чтобы взвести подобное обвиненіе необходимо имѣть какое либо достовѣрное или хотя правдо-

подобное основаніе. Нельзя же приводить въ свидѣтельство болтовню какого нибудь ксендза, извѣстнаго болѣе своею словоохотливостью, чѣмъ правдивостью. Нужно при этомъ еще замѣтить, что о. Панкратій былъ великій шутникъ и мистификаторъ; онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, про которыхъ говорятъ: себѣ на умѣ. При всей своей кажущейся простотѣ, онъ былъ необыкновенный мастеръ обдѣлывать свои дѣла и такъ хитро ихъ устроилъ, что, при закрытіи Глубоцкаго монастыря, остался наслѣдникомъ почти всѣхъ движимыхъ монастырскихъ капиталовъ. Отъ его простоты епископъ и визитаторы только покачивали головою, но сдѣлать ничего не могли, ибо о. Панкратій всегда находилъ сильную защиту со стороны русскихъ властей. Переданный г. Сорокинымъ разсказъ о. Панкратія о хитростяхъ Муравьева мы относимъ къ числу тѣхъ басенъ и мистификацій, которыя столь обильно распускаются мѣстнымъ духовенствомъ и шляхтой обо всѣхъ русскихъ людяхъ, дѣйствующихъ въ западной Россіи и Польшѣ.

Вообще всѣ эти вымыслы отличаются крайнею самоувѣренностію и безбоязненнымъ презрѣніемъ къ истинѣ. Превосходнымъ образчикомъ такого смѣлаго искаженія русскихъ репутацій могутъ служить напечатанныя года три тому назадъ въ Русскомъ Архивѣ воспоминанія гг. Пршеславскаго и Ципринуса о Новосильцовѣ и Пушкинѣ. Къ этому же роду литературы слѣдуетъ отнести и записанный г. Сорокинымъ разсказъ о. Панкратія о М. Н. Муравьевѣ. Не нужно обладать большою дальновидностью, чтобы понять, изъ какого лагеря летятъ всѣ эти снаряды въ представителей нашей литературы и администраціи: не трудно также догадаться, какого рода побужденіями и чувствами руководствуются составители произведеній, изображающихъ Пушкина невѣждой, Новосильцова пьяницей и взяточникомъ, а Муравьева инкви-

зиторомъ. Все это даетъ намъ основаніе, не придавать разсказу отца Панкратія значеніе историческаго свидѣтельства, но отнести его къ числу несовершенныхъ продуктовъ мѣстнаго кармелитскаго творчества.

Находившійся въ то время при Муравьевѣ и имѣвшій квартиру въ самомъ монастырѣ, И. Ѳ. Пинкорнелли свидѣтельствуетъ, что весь этотъ разсказъ о. Панкратія не имѣетъ ни малѣйшаго правдоподобія; что при извѣстномъ умѣ своемъ Муравьевъ не могъ прибѣгать, при производствѣ слѣдствія, къ уловкамъ, употребительнымъ въ тѣ времена только со школьниками, въ общежитіяхъ католическихъ монаховъ; что хитрости, о которыхъ разсказываетъ г. Сорокинъ, — были несвойственны Муравьеву, и наконецъ, проживая въ самомъ монастырѣ и находясь при немъ съ ранняго утра и до поздней ночи, не было возможности скрыть отъ него, Пинкорнелли, подобныя продѣлки, и онъ проходя разъ по двадцати на день по корридору, непремѣнно бы о томъ зналъ лучше другихъ, ибо у Муравьева пользовался большимъ довѣріемъ.

Служебная дѣятельность Муравьева въ эту эпоху его жизни дѣйствительно удивляла своею неутомимостью. Привыкнувъ вставать по утрамъ въ четыре часа, онъ очень много сберегалъ времени для своихъ занятій, которымъ всецѣло посвящалъ себя. Никогда пресыщеніе не разстроивало его желудка или головы. Обычную умѣренность его въ пищѣ можно бы назвать отшельническою: намъ случайно попались въ руки расходныя книжки, веденныя съ 1831 по 1834 годы камердинеромъ его, во время разъѣздовъ по губерніи, изъ которыхъ можно было видѣть, что домашній столъ его былъ очень однообразенъ и обыкновенно состоялъ изъ молока, яицъ, курицы и пшенной крупы. Изъ предметовъ роскоши, дозволенной себѣ Муравьевымъ, значился только жуковскій табакъ, распространенный всюду

нашими маркитантами со времени турецкой войны 1828 года. Только при своемъ желѣзномъ здоровьи Муравьевъ могъ вынести столько трудовъ, тревогъ и безпокойствъ; провести столько безсонныхъ ночей и, кромѣ обязанностей своихъ по званію могилевскаго губернатора, блистательно еще исполнить немаловажныя порученія, возложенныя на него графомъ Толстымъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ, главнокомандующій, испрашивая награжденія этихъ заслугъ, свидѣтельствовалъ предъ государемъ: «могилевскій гражданскій губернаторъ д. ст. сов. Муравьевъ удержалъ ввѣренную ему губернію отъ мятежа, возникшаго въ губерніяхъ съ оною смѣжныхъ. По его способностямъ и испытанному усердію, былъ употребленъ мною, для возстановленія въ Дисненскомъ и Лепельскомъ уѣздахъ законнаго порядка, нарушеннаго возмущеніемъ. Дѣятельностію и благоразумными распоряженіями онъ и сіе порученіе исполнилъ съ желаемымъ успѣхомъ.» — Девятаго іюня Муравьевъ былъ пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Анны 1-й степени. Удовольствіе, испытанное Муравьевымъ при полученіи этого знака монаршей милости, было въ значительной степени разстроено завистію и недоброжелательствомъ тѣхъ лицъ, съ которыми доводилось ему находиться въ служебныхъ сношеніяхъ. Ближайшій начальникъ Муравьева, бѣлорусскій генералъ-губернаторъ князь Н. Н. Хованскій, былъ недоволенъ, что графъ Толстой, не сдѣлавъ съ нимъ предварительнаго сношенія, просилъ государя о наградѣ Муравьева за заслуги, оказанныя имъ внѣ предѣловъ своей губерніи, изъ которой, по его мнѣнію, безъ его согласія, не слѣдовало бы ему и отлучаться. Витебскій губернаторъ Н. И. Шредеръ также счелъ нужнымъ обидѣться тѣмъ, что Муравьевъ, еще до его прибытія въ Витебскъ, распоряжался возстановленіемъ законнаго порядка въ одномъ изъ уѣздовъ подвѣдомственной

ему губерніи. Но и князь Хованскій и Шредеръ забывали, что они сами были подчинены главнокомандующему, которому нельзя же было спрашивать у нихъ разрѣшенія или мнѣнія для своихъ распоряженій, нетерпѣвшихъ притомъ ни малѣйшаго отлагательства. Между тѣмъ собственная ихъ нераспорядительность была такъ велика, что они даже не имѣли въ виду, кого бы назначить на мѣсто Зайковскаго для временнаго управленія Лепельскимъ уѣздомъ, и должны были просить главнокомандующаго объ опредѣленіи въ эту должность состоявшаго при штабѣ арміи полковника Марина.— Умиротвореніе Муравьевымъ Дисненскаго уѣзда, принадлежавшаго въ то время къ Минской губерніи, также подало поводъ къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ со стороны временнаго минскаго военнаго губернатора, князя Н. А. Долгорукова, просившаго графа Толстаго не оставить его извѣщеніемъ, какого рода сдѣлано порученіе могилевскому гражданскому губернатору въ высочайше ввѣренной ему губерніи. Въ основаніи всѣхъ этихъ частныхъ непріязней, оказывались одни себялюбивые расчеты или мелочное самолюбіе; но что касается до исполненія долга или скорѣйшаго прекращенія шляхетской смуты, то все дѣло ограничивалось въ большинствѣ случаевъ одною перепиской. Безтолковщина этихъ канцелярскихъ упражненій иногда доходила до совершеннаго забвенія служебной пользы. Такимъ образомъ витебскій губернаторъ Шредеръ, пріѣзжавшій въ Лепель для повѣрки распоряженій Муравьева, повелъ дѣло не противъ участниковъ мятежа, но противъ Муравьева, котораго обвинялъ въ оскорбленіи мѣстнаго дворянства обидными подозрѣніями въ нарушеніи ими вѣрноподданнической присяги и въ доброжелательствѣ мятежникамъ. Между тѣмъ многіе помѣщики этой губерніи не только пристали къ мятежу, но и предводительствовали шайками мятежниковъ.

Критическій разборъ административныхъ дѣйствій Муравьева былъ явно направленъ къ назначенію надъ нимъ слѣдствія. Судя по донесенію Шредера, можно было подумать, что кровавая борьба съ польскимъ мятежомъ велась тогда не государствомъ, а однимъ военнымъ министерствомъ и безъ согласія на то гражданскаго вѣдомства, которое держалось по видимому противной стороны.

Если къ неудовольствію этихъ вліятельныхъ въ томъ краѣ лицъ, присоединить еще и неудовольствіе мѣстнаго шляхетства, приведеннаго Муравьевымъ въ необходимость отказаться отъ своихъ политическихъ утопій, то получится довольно длинный итогъ имъ нажитыхъ тогда недоброжелателей. Муравьевъ впрочемъ очень хорошо зналъ, что его ретивая дѣятельность и одиночная борьба съ сонливою мѣстною администраціею поставитъ его со многими вліятельными лицами въ непріятныя отношенія. Муравьевъ очень хорошо понималъ также, что отъ того должны будутъ пострадать многіе его личные интересы и даже самое возвышеніе по службѣ. Но такія осторожныя соображенія были чужды Муравьеву, хотя, можетъ быть, и внушались ему людьми, въ преданности которыхъ онъ не могъ сомнѣваться. «Мои распоряженія и замѣчанія могутъ быть непріятны мѣстнымъ главнымъ правителямъ, но я на сіе смотрѣть не буду и сдѣлаю все, что долгъ велитъ,» писалъ Муравьевъ къ графу Толстому на другой день вступленія своего въ Лепельскій уѣздъ. Сговорчивый и укладистый во многихъ отношеніяхъ, довѣрчивый къ своимъ приближеннымъ и даже не безъ нѣкоторыхъ слабостей къ нимъ, онъ въ то же самое время являлся твердымъ и неуступчивымъ, какъ только дѣло касалось до исполненія долга, въ особенности если нужно было постоять за честь русскаго имени. Вообще слово «отечество» въ семействѣ Муравьевыхъ не было пустымъ звукомъ, употребляемымъ

лишь для украшенія слога. При тогдашней борьбѣ съ шляхетскимъ мятежомъ, представлявшимся многимъ въ видѣ войны за свободу и независимость, Муравьевъ видѣлъ опасность для своего отечества, и потому всѣ личные вопросы о своихъ житейскихъ интересахъ предоставилъ надзору жены и благоразумію своего лазицкаго старосты. Только одни недоброжелатели Муравьева могли находить въ гражданскомъ походѣ его противъ лепельской и дисненской шляхты неумѣренный порывъ честолюбія или нескромное желаніе власти. Но выше мы уже видѣли, какъ исполнилъ Муравьевъ свои обязанности при расширеніи круга его дѣйствій и какое употребленіе онъ сдѣлалъ изъ предоставленной ему власти.

Муравьевъ состоялъ при графѣ Толстомъ, какъ сказано въ его формулярномъ спискѣ, для исправленія разныхъ порученій, до первыхъ чиселъ августа, когда упразднена была резервная армія. Въ этотъ промежутокъ времени, по мѣрѣ движенія главнаго штаба арміи въ Минскъ и потомъ въ Россіены, то есть въ ту часть виленской губерніи, которая составляетъ собственно Литву или Жмудь (Самогитія), Муравьевъ вездѣ возстановлялъ гражданское управленіе изъ лицъ русскаго происхожденія, а за неимѣніемъ ихъ, изъ мѣстныхъ жителей, казавшихся преданными правительству. Просматривая списки начальниковъ ключей, назначенныхъ тогда въ четыре жмудскіе уѣзда, мы съ удивленіемъ встрѣтили въ числѣ ихъ даже двухъ ксендзовъ. Не имѣя возможности объяснить это загадочное явленіе, мы полагаемъ, что оно произошло вслѣдствіе совершеннаго отсутствія въ ключѣ мѣстныхъ помѣщиковъ, большею частію поступившихъ въ мятежныя ополченія. Въ позднѣйшихъ инструкціяхъ, выданныхъ Муравьевымъ временнымъ начальникамъ уѣздовъ, уже не встрѣчается тѣхъ рѣзкихъ выраженій, которыя мы видѣли въ

инструкціи лепельскому исправнику. Время и опытъ, всегда измѣняющія мнѣнія людей, придали болѣе спокойствія и зрѣлости этимъ интереснымъ документамъ. [52]) Кромѣ возстановленія законной власти въ взволнованномъ краѣ, главнокомандующимъ были еще возлагаемы на Муравьева нѣкоторыя порученія по заготовленію для арміи продовольствія, но они не представляютъ такой важности, чтобы можно было остановить на нихъ вниманіе читателей.

Въ послѣднихъ числахъ іюля уже было извѣстно о скоромъ упраздненіи резервной арміи. Намъ удалось найти въ дѣлахъ главнаго штаба Его Величества по военному поселенію, относящееся къ этому времени довольно интересное письмо Муравьева, отправленное изъ Вильны 27 іюля, къ генералъ-адъютанту Клейнмихелю, изъ котораго можно видѣть его не совсѣмъ завидное положеніе, и въ то же время горячія заботы о награжденіи своихъ подчиненныхъ. Въ этомъ письмѣ онъ говоритъ: «съ душевнымъ сожалѣніемъ разставаясь съ вами, я исполню послѣднее возлагаемое на меня порученіе въ Гроднѣ, но съ тѣмъ вмѣстѣ прошу избавить меня отъ дальнѣйшихъ порученій и дозволить воспользоваться хотя самымъ краткимъ отпускомъ въ Москву и Петербургъ для свиданія съ семействомъ и дѣтьми моими и устройства будущей судьбы моей; ибо въ Могилевѣ мнѣ оставаться нипочему нельзя: причины сіи вамъ самимъ извѣстны. Я на васъ совершенно полагаюсь и увѣренъ, что не откажете въ семъ своего содѣйствія, и, ежели добрая воля моя и готовность съ усердіемъ служить, достойны какого нибудь уваженія, то единой милости прошу, наградить представленныхъ мною чиновниковъ,

[52]) Въ Приложеніи № XIV къ настоящей главѣ читатели могутъ прочесть списокъ съ циркулярнаго распоряженія Муравьева объ учрежденіи въ трехъ жмудскихъ уѣздахъ Виленской губерніи временныхъ гражданскихъ полицейскихъ управленій, съ приложеніемъ инструкціи для этихъ управленій.

какъ находящихся теперь при мнѣ, такъ и служащихъ въ моей губерніи. Ваше превосходительство сами справедливый начальникъ, а потому я въ совершенномъ уповаціи и увѣренности, что убѣдительнѣйшая просьба моя будетъ исполнена и вы тѣмъ докажете, что службою моею начальство было довольно.»

По окончаніи службы своей при главномъ штабѣ резервной арміи, Муравьевъ отправился въ Петербургъ. Къ великому сожалѣнію нашему, мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о подробностяхъ представленія его императору Николаю по пріѣздѣ въ столицу. — Намъ извѣстно только, что вслѣдствіе разговора, происшедшаго при упомянутомъ представленіи, была подана Муравьевымъ государю въ высшей степени любопытная *Записка о ходѣ мятежа въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ и заключенія о причинахъ столь быстраго развитія онаго, извлеченныя изъ свѣдѣній почерпнутыхъ на мѣстѣ происшествія и подлинныхъ допросовъ.* Въ этой замѣчательной запискѣ Муравьевъ говоритъ, что главною причиною мятежа въ западныхъ губерніяхъ была во все не фанатическая ненависть литовскаго народа къ русскому правительству и даже не желаніе возстановить отечество, но предстрекательства политическихъ обществъ, создавшихся въ Польшѣ и высылавшихъ оттуда множество тайныхъ агентовъ, что при безпредѣльной власти латинскаго духовенства надъ всѣми сословіями обывателей вовсе не существовало въ странѣ сколько нибудь удовлетворительнаго гражданскаго управленія, что неспособность правителей губерній и областей, назначенныхъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, доходила до того, что они узнавали о мятежѣ, когда уже въ уѣздахъ были разрушены правительственныя власти. [53])

[53]) Необходимо припомнить, что подъ конецъ царствованія императора Александра I всѣ почти гражданскіе губернаторы въ

Муравьевъ при этомъ полагаетъ, что если бы страна пользовалась дѣятельнымъ гражданскимъ управленіемъ и хорошею полиціею, то вѣроятно не случилось бы и самаго мятежа. Въ заключеніе онъ говоритъ о необходимости воспользоваться опытомъ прошедшаго и измѣнить существующую систему управленія Западнымъ краемъ: «только одни рѣшительныя мѣры, при благоразумномъ примѣненіи, могутъ упрочить моральное и политическое присоединеніе края сего къ Россіи; теперь настало, продолжаетъ онъ, настоящее время къ сему преобразованію, ибо причинъ для сего слишкомъ много, всѣ обыватели сихъ губерній, болѣе или менѣе, словомъ или дѣломъ, нарушили присягу свою. Умы утомлены и поражены разрушеніемъ ихъ замысловъ и всякая рѣшительная мѣра, въ отношеніи сего края принятая, будетъ почтена справедливою.»

Перечитывая эту записку, невольно приходитъ на мысль, что Муравьевъ, нѣсколько разъ возвращавшійся въ ней къ преступности латинскаго духовенства, осмѣлившагося публично провозглашать въ костелахъ о независимости края отъ Россіи, и припоминавшій то чрезмѣрныя привилегіи и богатства этого духовенства, то безпредѣльное вліяніе его на всѣ сословія, имѣлъ въ виду какую-то реформу этого духовенства или, по крайней мѣрѣ, желаніе сдѣлать изъ этой предпріимчивой и неугомонной корпораціи, сословіе безвредное и послушное государст-

Западныхъ губерніяхъ были польскаго происхожденія. Это было уклоненіемъ отъ неизмѣннаго петровскаго правила, назначать на всѣ высшія должности только лицъ, принадлежащихъ по вѣрѣ и языку къ господствующему Русскому племени. Обнаруженное секретнымъ слѣдствіемъ соучастіе двухъ губернаторовъ въ возмущеніи 1831 года, подтверждаетъ государственную прозорливость великаго преобразователя нашего отечества.

венной власти. Объ этой реформѣ, очевидно касавшейся отношеній духовенства къ папѣ, Муравьевъ однакожь почему-то не говоритъ, но распространяется лишь о неудовлетворительности нашего гражданскаго управленія. Это обстоятельство тѣмъ страннѣе, что въ черновой запискѣ было имъ упомянуто о бывшемъ при императрицѣ Екатеринѣ независимомъ отъ папы церковномъ управленіи въ губерніяхъ, по раздѣлу отошедшихъ отъ Польши [54]). Конечно, при лучшемъ устройствѣ администраціи въ Западномъ краѣ, устранилось бы много безпорядковъ, въ особенности, еслибъ мѣстная администрація составлена была изъ чиновниковъ русскаго происхожденія. Но можно полагать, что такое измѣненіе правительственной системы было бы чисто внѣшнее и не достигло бы нравственнаго слiянія края съ остальнымъ государствомъ, о которомъ говоритъ Муравьевъ. Подобное слiяніе не достигается одною механическою силой административныхъ или полицейскихъ мѣръ. Для совершенія такого этнографическаго процесса недостаточно будетъ и превосходнѣйшее устройство народнаго просвѣщенія и даже всестороннее употребленіе русскаго языка, ибо въ числѣ просвѣтительныхъ началъ самое могущественнѣйшее значеніе имѣетъ религія. На какомъ бы языкѣ ни происходило римское богослуженіе или проповѣдь, но всегда латинскій проповѣдникъ будетъ говорить о непогрѣшимости и главенствѣ папы, другими словами, о подчиненіи государственной власти духовному владычеству Рима; всегда онъ будетъ увѣрять простодушную паству, что измѣна законному государю и правительству будетъ угодна папѣ; всегда

[54]) См. въ Приложеніи № XV Записку о ходѣ мятежа въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ и заключенія о причинахъ столь быстраго развитія онаго, извлеченныя изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ на мѣстѣ происшествія и подлинныхъ допросовъ.

латинскій ксендзъ будетъ во главѣ всѣхъ возстаній противъ Россіи; всегда онъ будетъ возжигать пламя междуусобной войны для возстановленія того государства, въ которомъ господствовала власть римскаго первосвященника. Думать о возможности примиренія римско-католическаго духовенства или римской церкви съ Русскимъ государствомъ — значитъ предаваться самымъ несбыточнымъ мечтамъ и тѣмъ юнымъ увлеченіямъ, о которыхъ съ горькою усмѣшкою мы вспоминаемъ въ годы возмужалости. Поэтому въ Западномъ краѣ, гдѣ многочисленное и богатое дворянство, составляющее мѣстную интеллигенцію и владѣющее всею почти поверхностію страны, принадлежитъ къ папизму, тамъ всякое измѣненіе правительственной системы, безъ измѣненія отношеній мѣстной латинской церкви къ римскому епископу и Русскому государству, приведетъ лишь къ мертворожденнымъ реформамъ, а не къ дѣйствительнымъ улучшеніямъ, не къ тому органическому совокупленію разрозненныхъ частей въ единое государственное тѣло, безъ котораго невозможно и думать о мирномъ сліяніи двухъ народовъ. Оставляя польское духовенство въ прежнемъ раболѣпномъ и неестественномъ отношеніи къ папѣ, русскому правительству пришлось бы примириться съ идеею будущаго возстановленія независимой Польши, другими словами, подготовлять распаденіе собственнаго государства. Вытекающая отсюда очевидная необходимость уничтоженія папизма въ предѣлахъ Имперіи, вовсе не знаменуетъ еще уничтоженія западной церкви или прикосновенія къ религіознымъ вѣрованіямъ польскаго народа, но созданіе самостоятельной польской церкви, независимой отъ такой власти, которая имѣетъ свое пребываніе внѣ предѣловъ государства. Уничтоженіе мертвящаго вліянія Рима на польскую церковь, составляя неизбѣжную задачу русской политики въ

Польшѣ, давно уже занимало самихъ Поляковъ, надѣленныхъ нѣкоторою дальновидностью и просвѣщенною любовью къ своему отечеству. Мечтала объ этомъ и императрица Екатерина II, видѣвшая недостаточность однихъ административныхъ мѣръ для нравственнаго слиянія вновь присоединенныхъ отъ Польши областей съ Имперіею, но къ несчастію Поляковъ и Русскихъ, оказанное въ то же время покровительство іезуитамъ — этимъ ретивѣйшимъ сторонникамъ папизма — обратило въ прахъ всѣ надежды на созданіе въ Россіи католической церкви, независимой отъ папы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и на прекращеніе источника вражды, разъединяющей два родственные народа.

О необходимости возвратиться къ мудрой политикѣ императрицы Екатерины, Муравьевъ намекаетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ своей записки, но видимо воздерживается говорить объ этомъ предметѣ опредѣлительно, можетъ быть потому, что этотъ предметъ касается внѣшнихъ отношеній государства къ Риму, отношеній выходящихъ изъ круга дѣятельности гражданскаго губернатора. Тѣмъ не менѣе Муравьевъ нѣсколько разъ возвращается къ непомѣрному вліянію на общество латинскаго духовенства, говоритъ о бѣдственныхъ урокахъ существующей системы дѣйствій и необходимости измѣненія правительственной системы, при чемъ замѣчаетъ, что только одни рѣшительныя мѣры могутъ упрочить моральное и политическое присоединеніе края сего къ Россіи. — Намъ неизвѣстны подробности разговора его съ императоромъ Николаемъ, неизвѣстны также и всѣ обстоятельства, при которыхъ происходилъ этотъ разговоръ, но позволительно думать, что Муравьевъ вѣроятно имѣлъ основательныя причины, ограничиться разрѣшеніемъ вопроса о духовенствѣ въ предѣлахъ внутренней политики.

Что касается до заключенія, сдѣланнаго Муравьевымъ

въ концѣ записки, о порученіи управленія западныхъ губерній особымъ намѣстникамъ и сосредоточеніи всѣхъ донесеній объ успѣхѣ правительственныхъ реформъ въ собственныхъ рукахъ государя, помимо министровъ, то оно, при очевидной невозможности осуществленія, не вяжется съ текстомъ всей записки. Не взирая на необыкновенную дѣятельность и неутомимость въ трудахъ императора Николая, прибавленіе такихъ громоздкихъ занятій, всецѣло принадлежащихъ министерскому вѣдѣнію, совершенно отвлекло бы вниманіе государя отъ другихъ отраслей государственнаго управленія, не менѣе важныхъ и требующихъ личнаго рѣшенія. Между тѣмъ отстраненіе министра внутреннихъ дѣлъ отъ полученія донесеній о реформахъ, совершаемыхъ въ мѣстной администраціи и полиціи, подлежащихъ прямому его вѣдѣнію, произвело бы неминуемую запутанность въ дѣлахъ и во всякомъ случаѣ обнаружило бы недовѣріе государя къ своему помощнику. Къ этому можно присовокупить, что въ самой запискѣ не представлено никакихъ доводовъ о неудобствѣ или неудовлетворительности распоряженій со стороны министерства, безъ чего не представлялось и надобности устранять министерство отъ прямыхъ своихъ занятій. Такое неожиданное заключеніе Муравьева нисколько однакожь не уменьшаетъ въ высшей степени любопытнаго содержанія остальной части записки.

Въ числѣ черновыхъ бумагъ, сохранившихся отъ того времени, находилась еще въ нашемъ распоряженіи рукопись, исправленная во многихъ мѣстахъ собственною рукою Муравьева, и имѣющая слѣдующее заглавіе: «Записка военныхъ дѣйствій главнокомандующаго резервною арміею графа Петра Александровича Толстаго противъ польскихъ мятежниковъ, вторгнувшихся въ Виленскую губернію подъ командою Гелгуда, Хлаповскаго, Шимановскаго и Роланда,

и соединившихся съ повстанцами Виленской губерніи.» По всѣмъ вѣроятіямъ, графъ Толстой поручилъ Муравьеву, какъ исполнявшему обязанности генералъ-квартирмейстера, составленіе этой записки, имѣющей всѣ признаки журнала военныхъ дѣйствій, обыкновенно представляемаго военному министру всѣми отдѣльными начальниками по окончаніи войны. Такъ какъ въ нашей военной литературѣ не имѣется еще отдѣльнаго послѣдовательнаго изложенія военныхъ дѣйствій резервной арміи въ 1831 году, то мы сочли не лишнимъ, представить эту записку нашимъ читателямъ въ Приложеніяхъ (№ XVI) къ настоящей главѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ I КЪ ГЛАВѢ II.

Уставъ общества математиковъ.

Общество Математиковъ, будучи убѣждено въ необходимомъ содѣйствіи математическихъ наукъ познанію во многихъ частяхъ споспѣшествующихъ государственному благу, при томъ возбуждаемое истинною и чистѣйшею любовію къ отечеству, поставило себѣ непреложнымъ правиломъ всемѣрно стараться о распространеніи познанія математическихъ наукъ между своими соотечественниками, на что предстоятъ три главныя средства: преподаваніе, сочиненія и переводы; почему изъ совокупленія всѣхъ трехъ составилась вся цѣль сего Общества; но какъ изъ прикладныхъ частей математики вообще самыя полезныя суть: механика и военное искусство: то наипаче на нихъ Общество обратило свое вниманіе, и устремило всѣ труды къ пріуготовленію молодыхъ людей особенно въ военную службу.

Здѣсь новое предложеніе явилось на разрѣшеніе: при множествѣ частныхъ учебныхъ заведеній, въ Москвѣ существующихъ, можетъ ли Общество надѣяться найти желающихъ пользоваться его преподаваніемъ? Сіе затрудненіе разрѣшилось слѣдующимъ: такъ какъ военныя науки едва ли въ которомъ изъ сихъ заведеній преподаются; ибо для этой важной части познаній очень мало въ Москвѣ учителей: то Общество имѣетъ въ числѣ своихъ сочленовъ таковаго, который не только теоретически можетъ сію часть преподавать, — также и снятіе плановъ, а при томъ снабженъ онъ и книгами и инструментами къ тому нужными. Сей классъ Общества можетъ принести очевидную пользу, будучи сопровождаемъ лекціями разныхъ частей математики, а именно: ариѳметики съ алгеб-

рою, геометріи съ тригонометріей плоской и сферической, геометріи начертательной, геометріи аналитической, механики твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, дифференціальнаго и интегральнаго исчисленія, преподаваемыми отъ членовъ Общества такъ, что всякой желающій пользоваться лекціями, можетъ избирать къ слушанію тѣ части математики, которыя соотвѣтственны его познаніямъ и предназначенію. Таковое собраніе курсовъ, представляя учащимся большія выгоды, споспѣшествуетъ къ скорѣйшему усовершенствованію прилѣжныхъ, особливо пріобрѣтшихъ уже хотя нѣкоторыя понятія въ какой либо части математики: а таковыхъ очень много. Они могутъ, повторяя на лекціяхъ сіи неоконченныя ими науки, въ тоже время слѣдовать курсу и неизвѣстной еще имъ части; а чрезъ то ускорить окончаніе своего ученія: да и самые тѣ, которые въ математическихъ наукахъ никакихъ еще свѣдѣній не имѣютъ, найдутъ въ Обществѣ всѣ средства къ своему въ нихъ образованію. Ко всему вышесказанному присовокупить должно и то, что Общество, не имѣя въ виду ни какой корысти, единогласно положило преподавать всѣ вышесказанныя лекціи безъ всякой платы; почему и постановило правилами себѣ нижеслѣдующія статьи:

Глава I.

О предметахъ упражненія.

Отдѣленіе 1.

Преподаваніе.

1) Будутъ преподаваться изъ чистой математики ариѳметика вмѣстѣ съ алгеброй, геометрія съ тригонометріей плоской и сферической, геометрія начертательная, высшая, или аналитическая геометрія, дифференціальное и интегральное исчисленія: изъ смѣшенной: механика твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, тактика во всемъ ея пространствѣ, фортификація долговременная и полевая, разбиваніе оной на землѣ, теорія и практика сниманія плановъ мензуломъ, астролябіею и на глазомѣръ, также и нивелированіе.

2) Ежели со временемъ Общество будетъ имѣть большее число членовъ, чрезъ что получитъ возможность преподавать физику, физическую и математическую географію, артиллерію и гражданскую архитектуру, то и сіи науки войдутъ въ число упражненій Общества.

Отдѣленіе 2.

О сочиненіяхъ и переводахъ.

3) Сочиненія и переводы полезныхъ математическихъ книгъ какъ по чистой, такъ и по прикладной математикѣ входятъ въ число упражненій членовъ. Роды этихъ упражненій назначаются обществомъ.

Глава II.

О составѣ общества и общихъ правилахъ въ немъ соблюдаемыхъ.

Отдѣленіе 1.

Составъ общества.

4) Общество состоитъ изъ почетныхъ и ординарныхъ членовъ, изъ коихъ избирается президентъ; а изъ числа только ординарныхъ, директоръ, секретарь и лекторы. Также входятъ въ составъ Общества подъ названіемъ сотрудниковъ тѣ изъ учащихся, которые окажутъ особые успѣхи въ преподаваемыхъ въ обществѣ наукахъ; также къ обществу причисляется и письмоводитель онаго, вспомоществующій секретарю къ содержанію въ порядкѣ письменныхъ дѣлъ.

Отдѣленіе 2.

Общія правила для упражненій общества.

5) Каждую часть преподаванія Общество по большинству голосовъ возлагаетъ на одного изъ своихъ членовъ, смотря на способности онаго.

6) Авторы, коимъ слѣдовать должно въ преподаваніи, избираются Обществомъ по большинству голосовъ. Позволяется однако же лекторамъ пополнять оныя, гдѣ сочтутъ сіе нужнымъ.

7) Сочиненія или переводы разсматриваются либо всѣмъ Обществомъ, либо назначенными отъ Общества для этого членами. Таковое препорученіе можетъ быть сдѣлано и одному изъ членовъ.

8) Тѣ статьи сихъ сочиненій или переводовъ, которыя покажутся разсматривающему члену недостаточными, представляются на разсмотрѣніе обществу, которое даетъ сочинителю или переводчику наставленіе, какъ оныя исправить, или вовсе отмѣняетъ.

Отдѣленіе 3.

Собраніе и экзамены.

9) Общество собирается по приглашенію директора сего Общества, съ позволенія президента, буде онъ не въ отлучкѣ, трактуетъ о предметахъ, относящихся до преподаванія, о представляемыхъ сочленами его сочиненіяхъ и переводахъ, и каждый мѣсяцъ производитъ экзаменъ учащимся.

10) Собранія бываютъ или частныя или общія. Послѣднія отличаются отъ первыхъ тѣмъ, что бываютъ только два раза въ годъ, и на оныя приглашается по волѣ президента неопредѣленное число постороннихъ посѣтителей; притомъ экзамены учащимся дѣлаются въ ихъ присутствіи.

11) Частныя собранія бываютъ по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ мѣсяцъ для частныхъ экзаменовъ и разсужденій о разныхъ предметахъ, въ правилахъ общества постановленныхъ.

12) Всѣ члены должны быть увѣдомлены о назначенномъ днѣ собранія. Если же который изъ нихъ не явился, тотъ не вправѣ протестовать противъ сдѣланнаго въ собраніи какого либо постановленія: а потому Общество рѣшитъ окончательно предлежащія ему сужденія присутствующими членами.

13) Тѣ изъ сотрудниковъ, которые на общихъ экзаменахъ докажутъ свои познанія въ ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи элементарной, начертательной и аналитической, въ тригонометріи плоской и сферической, въ дифференціальномъ и интегральномъ исчисленіяхъ, и въ механикѣ твердыхъ и жидкихъ тѣлъ, поступаютъ въ ординарные члены.

14) Тѣ изъ учащихся, которые на общихъ экзаменахъ докажутъ свои познанія въ ариѳметикѣ, алгебрѣ, геометріи элементарной и аналитической, въ тригонометріи плоской, также въ механикѣ твердыхъ тѣлъ, поступаютъ въ сотрудники Общества.

Отдѣленіе 4.

Разныя общія правила.

15) Общество принимаетъ или отвергаетъ предлагаемыхъ оному новыхъ членовъ чрезъ баллотированіе.

16) Ежели кто изъ членовъ нерадивъ будетъ въ исполненіи своихъ противу Общества обязанностей: то таковаго, по предло-

женію президента, или по представленію директора, съ согласія всѣхъ членовъ, или по большинству голосовъ, Общество исключаетъ изъ членовъ, или буде возложена на него какая нибудь должность, отъ оной его отмѣняетъ и поставляетъ другаго.

17) Журналъ засѣданія Общества въ слѣдующее собраніе читается и подписывается членами почетными, ординарными и сотрудниками, бывшими тогда въ собраніи.

18) Дипломы, выдаваемые членамъ на званія, ими въ Обществѣ занимаемыя, подписываются президентомъ, директоромъ и секретаремъ.

19) Праздничные дни соблюдаются съ положеніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ означеннымъ.

Глава III.

Обязанности и права членовъ вообще.

Отдѣленіе 1.

О почетныхъ членахъ.

20) Почетные члены присутствуютъ на собраніяхъ, и имѣютъ голоса наравнѣ съ ординарными членами.

21) Общество не вправѣ требовать отъ нихъ содѣйствія въ трудахъ своихъ: но не возбраняется почетному члену принимать въ нихъ участіе, только сообразуясь съ постановленіями Общества.

22) Почетные члены въ собраніи Общества занимаютъ мѣста по правую сторону президента.

Отдѣленіе 2.

Объ ординарныхъ членахъ.

23) Каждый ординарный членъ долженъ безотговорочно принимать на себя и исполнять въ точности возлагаемую на него Обществомъ обязанность по предметамъ преподаванія, сочиненій или переводовъ, или по другимъ должностямъ Общества, какъ-то: директора и секретаря.

24) Членъ, занимающійся преподаваніемъ, принимаетъ въ Обществѣ званіе лектора той науки, которую преподаетъ, и сохраняетъ это званіе, пока симъ занимается.

25) Каждый ординарный членъ имѣетъ одинъ голосъ.

26) Ординарные члены занимаютъ мѣста по лѣвую сторону президента, ниже директора и секретаря.

Отдѣленiе 3.

О сотрудникахъ.

27) Сотрудники засѣдаютъ въ Обществѣ, принимаютъ участiе въ сужденiяхъ, но предварительныхъ голосовъ не имѣютъ.

28) Они продолжаютъ слушать лекцiи тѣхъ частей наукъ, которыя ими не пройдены, и подлежатъ экзаменамъ, пока не вступятъ въ ординарные члены.

29) Сотрудники, по назначенiю Общества, могутъ быть занимаемы разными предметами, составляющими упражненiя общества.

30) Они въ обществѣ занимаютъ мѣста по лѣвую сторону президента, и ниже ординарныхъ членовъ.

Глава IV.

Обязанности и права должностныхъ членовъ.

Отдѣленiе 1.

О президентѣ.

31) Президентъ есть глава Общества. Къ нему директоръ относится о всемъ происходящемъ въ Обществѣ: онъ имѣетъ одинъ голосъ, а въ случаѣ равенства голосовъ, принимаетъ второй голосъ.

32) Президентъ избирается на неопредѣленное время.

33) Если что-либо въ обществѣ рѣшится не согласно съ мнѣнiемъ президента, то онъ имѣетъ право словесно или письменно предложить о вторичномъ разсужденiи объ этомъ же предметѣ не позже слѣдующаго собранiя; когда же и при второмъ разсужденiи рѣшатъ по прежнему, тогда уже президентъ не имѣетъ права противорѣчить исполненiю этого опредѣленiя.

34) Въ случаѣ нерадиваго исполненiя должности своей директоромъ, президентъ предлагаетъ Обществу о перемѣнѣ его.

35) Президентъ занимаетъ первое мѣсто въ собранiи.

36) Президентъ можетъ иногда и не присутствовать на частныхъ собранiяхъ, исключая тѣхъ, на которыхъ бываютъ экзамены.

Отдѣленіе 2.

О директорѣ.

37) Директоръ избирается на неопредѣленное время, изъ ординарныхъ членовъ, и непосредственно печется о соблюденіи порядка. Во всѣхъ учрежденіяхъ Общества онъ имѣетъ одинъ голосъ.

38) Директоръ не изъемлется отъ прочихъ обязанностей членовъ, относительно къ преподаванію, сочиненіямъ и переводамъ.

39) Онъ допускаетъ, или отказываетъ желающимъ пользоваться лекціями Общества: отбираетъ мнѣнія, на какіе они курсы ходить намѣрены, и извѣщаетъ о томъ лекторовъ тѣхъ курсовъ, онъ ведетъ списокъ слушателямъ, съ означеніемъ времени ихъ вступленія въ сіе званіе, и курсы ими слушаемые; онъ прочитываетъ имъ при вступленіи правила, Обществомъ для благочинія и успѣховъ постановляемыя, и беретъ съ нихъ въ выполненіи оныхъ подписки. Онъ же по донесеніямъ лекторовъ, нестарательныхъ или неспособныхъ можетъ исключать изъ числа слушателей.

40) Директоръ обязанъ присутствовать на всѣхъ собраніяхъ и занимать первое мѣсто по лѣвую сторону президента; онъ же обо всемъ доноситъ президенту.

41) Директоръ росписываетъ часы преподаванія по удобности каждаго лектора.

42) Если директоръ замѣтитъ нерадѣніе секретаря или котораго либо изъ лекторовъ, то съ позволенія президента представляетъ о семъ Обществу.

Отдѣленіе 3.

О секретарѣ общества.

43) Секретарь Общества избирается на одинъ годъ изъ числа ординарныхъ членовъ, собираетъ и хранитъ у себя дѣла общества, ведетъ журналъ засѣданій, и занимаетъ мѣсто подлѣ директора.

44) Каждые полгода, то есть при общихъ собраніяхъ секретарь представляетъ записку, заключающую всѣ труды Общества въ продолженіе истекшихъ шести мѣсяцевъ.

45) Онъ непосредственно наблюдаетъ за точнымъ исполнені-

емъ должности письмоводителя, и отвѣтствуетъ обществу за порядокъ и сохраненіе дѣлъ общества; въ случаѣ же неисправности письмоводителя доноситъ о томъ директору.

Отдѣленіе 4.

О лекторахъ.

46) Членъ занимающійся преподаваніемъ, принимаетъ въ Обществѣ званіе лектора той науки, которую преподаетъ, и сохраняетъ сіе званіе, пока имъ занимается.

47) Лекторы избираются изъ ординарныхъ членовъ на неопредѣленное время.

48) Каждый изъ лекторовъ имѣетъ право давать вопросы какъ словесные во время лекціи, и заставлять кого либо изъ слушателей повторять уроки прошедшіе, такъ и письменные на домъ.

49) Ежемѣсячно даетъ отчетъ Обществу о пройденныхъ имъ матеріяхъ въ теченіи цѣлаго мѣсяца.

50) Всѣ преподаваемыя части чистой математики должны быть оканчиваемы лекторами въ теченіи одного года; а части смѣшенной математики въ два года.

51) Лекторъ ведетъ списокъ слушающимъ его лекціи съ означеніемъ именъ, ихъ фамилій и времени вступленія.

52) Не допускаетъ въ слушатели иначе, какъ съ позволенія директора.

53) Ежели кто изъ слушателей нарушитъ правила благопристойности, или покажетъ свое нерадѣніе, то лекторъ напоминаетъ ему обязанность его. Ежели же и за этимъ слушатель продолжаетъ уклоняться отъ постановленныхъ правилъ, тогда лекторъ доноситъ о семъ директору.

54) Если же сверхъ всякаго чаянія кто-либо изъ слушателей учинитъ важнѣйшее нарушеніе благопристойности, то и самъ лекторъ немедленно, и не относясь къ директору, имѣетъ право таковаго выслать изъ своего класса.

Отдѣленіе 5.

О письмоводителѣ общества.

55) Письмоводитель Общества можетъ быть избранъ изъ числа сотрудниковъ, и тогда пользуется правами имъ принадлежащими:

если же онъ вступитъ въ званіе письмоводителя изъ особъ обществу постороннихъ, то присутствуетъ на собраніи; сидитъ ниже сотрудниковъ, но не имѣетъ ни голоса, ни права вступать въ сужденія, а есть единственно помощникъ секретаря въ отправленіи письменныхъ дѣлъ.

Глава V.

Обязанности слушателей общества.

56) Въ слушатели допускаются молодые люди, желающіе пользоваться лекціями въ обществѣ постановленными.

57) Они объявляютъ директору лекціи, которыми пользоваться намѣрены, и получаютъ на это отъ директора позволеніе, или отказъ.

58) Каждый слушатель при вступленіи своемъ на особой для сего приготовленной тетради, въ коей означены права на нихъ директора, лектора и обязанности самихъ слушателей, подписываетъ согласіе свое исполнять въ точности вышеизъясненныя постановленія общества.

59) Всякой слушатель обязанъ исправно посѣщать всѣ избранныя имъ лекціи, въ классѣ сохранять молчаніе, уваженіе къ лектору и всякую благопристойность, отвѣчать на вопросы сдѣланные ему лекторомъ, безъ отрицанія и со всевозможною рачительностію и вниманіемъ.

60) Исполняя правила благопристойности, тѣмъ не менѣе должны быть прилежны и рачительны, дабы по истеченіи каждаго мѣсяца въ частномъ собраніи, а по истеченіи шести мѣсяцевъ въ общемъ собраніи дать отчетъ въ своихъ успѣхахъ и знаніи. Въ противномъ случаѣ не исполняющій оныхъ исключенъ будетъ изъ числа слушателей.

Подлинный подписалъ *Г. Алексѣй Разумовскій.*

ПРИЛОЖЕНІЕ II КЪ ГЛАВѢ IV.

Списокъ выпущеннымъ по экзамену офицерамъ изъ Московскаго Учебнаго Заведенія для колонновожатыхъ *).

1816 года, августа 30 дня.

1. Вельяминовъ-Зерновъ, Ѳедоръ Ѳедоровичъ (убитъ на войнѣ съ Турками въ 1828 году, въ чинѣ капитана гвардейскаго генеральнаго штаба).

2. Карцевъ.

3. Христіани, Василій Христіановичъ (тайный совѣтникъ и сенаторъ).

4. Мухановъ 1, Павелъ Александровичъ (умеръ 16 декабря 1871 г., дѣйствительный тайный совѣтникъ, членъ государственнаго совѣта).

5. Воейковъ 1 (въ отставкѣ).

6. Бахметевъ, Николай Ѳедоровичъ (уволенъ отъ службы въ 1823 году, въ чинѣ штабсъ-капитана).

7. Баронъ Черкасовъ (въ отставкѣ).

8. Юшковъ.

9. Мухановъ 2.

10. Корниловичъ.

11. Толстой 2, Василій Петровичъ (умеръ полковникомъ 1817 года, ноября 12 дня).

---

*) Всѣ колонновожатые, о коихъ не упомянуто особо, выпущены были прапорщиками въ свиту Его Императорскаго Величества по квартирмейстерской части.

12. Зубковъ, Василій Петровичъ (дѣйствительный статскій совѣтникъ).

13. Бырдинъ (уволенъ въ 1830 году подполковникомъ).

14. Ушаковъ 8 (коллежскій совѣтникъ).

15. Кандалинцевъ, Николай Ѳедоровичъ (дѣйствительный статскій совѣтникъ).

16. Крюковъ 1-й, Николай Павловичъ (генералъ-маіоръ, въ отставкѣ съ 1836 года).

1817 года, ноября 26 дня.

17. Князь Шаховской, Валентинъ Михайловичъ (умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ 1851 году).

18. Чертковъ (въ отставкѣ).

19. Жемчужниковъ (умеръ въ 1848 году въ чинѣ генералъ-маіора).

20. Шереметевъ, Алексѣй Васильевичъ (въ отставкѣ, коллежскій совѣтникъ).

21. Хрущовъ 2.

22. Вельтманъ, Александръ Ѳомичъ (умеръ въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника 11 января 1870 года).

23. Тютчевъ, Николай Ивановичъ (полковникъ, въ отставкѣ).

24. Ермоловъ, Сергѣй Николаевичъ (генералъ-лейтенантъ).

25. Долинскій, Егоръ Яковлевичъ (въ отставкѣ полковникомъ).

26. Бакунинъ.

27. Евреиновъ (въ отставкѣ).

28. Мартыновъ (въ отставкѣ).

29. Кожевниковъ, Александръ Львовичъ (умеръ въ 1833 году въ чинѣ капитана гвардейскаго генеральнаго штаба).

30. Загорѣцкій.

31. Андреевскій (генералъ-маіоръ, въ отставкѣ съ 1850 г.).

32. Тучковъ 2, Павелъ Алексѣевичъ (генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ).

33. Баронъ Черкасовъ.

34. Воейковъ (въ отставкѣ).

35. Князь Оболенскій.

36. Князь Грузинскій.

37. Обресковъ, Александръ Александровичъ (въ Ольвіопольскій гусарскій полкъ, уволенъ ротмистромъ).

1818 года, мая 10 дня.

38. Лачиновъ.

1819 года, марта 10 дня.

39. Самойловичъ (умеръ въ 1825 году, въ чинѣ поручика).
40. Басаргинъ.
41. Бобрищевъ-Пушкинъ 1.
42. Бобрищевъ-Пушкинъ 2.
43. Аврамовъ.
44. Полторацкій 1, Михаилъ Павловичъ (умеръ въ отставкѣ въ 1851 году).
45. Колошинъ 3.
46. Эссенъ 2.
47. Познанскій (уволенъ въ 1836 году въ чинѣ полковника).
48. Бенкендорфъ.
49. Елагинъ.
50. Коробьинъ (въ отставкѣ).
51. Пасынковъ.
52. Скворцовъ 1 (уволенъ въ 1825 году подпоручикомъ).
53. Скворцовъ 2 (тоже).
54. Крюковъ 2.
55. Ушаковъ 2, Александръ Клеонаковичъ (генералъ отъ инфантеріи).
56. Яковлевъ 3 (подпоручикомъ уволенъ въ 1826 году).
57. Горчаковъ. Владиміръ Петровичъ (въ отставкѣ).
58. Тейльсъ (уволенъ въ 1821 году).
59. Насакинъ (выпущенъ въ Бородинскій пѣхотный полкъ).
60. Зыковъ (выпущенъ въ первый егерскій полкъ).

1820 года, марта 12 дня.

61. Князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, Эсперъ Александровичъ (умеръ въ чинѣ генералъ-маіора).
62. Прибытковъ 1, Павелъ Ивановичъ (генералъ-маіоръ).
63. Полторацкій, Алексѣй Павловичъ (дѣйствительный статскій совѣтникъ).
64. Новосильцовъ, Евграфъ Ивановичъ (предводитель дворянства въ Рузскомъ уѣздѣ).

65. Путята, Николай Васильевичъ (дѣйствительный статскій совѣтникъ. Въ отставкѣ).

66 Яковлевъ 4, Григорій (генералъ-маіоръ).

67. Коцебу 2, Павелъ Астафьевичъ (генералъ отъ инфантеріи. генералъ-адъютантъ Е. И. В.).

68. Петровъ, Николай Васильевичъ.

69. Серебряковъ (умеръ въ 1824 году въ чинѣ подпоручика).

70 Князевъ (въ отставкѣ).

71. Ладыженскій, Михаилъ Васильевичъ (генералъ-лейтенантъ).

72. Навроцкій, Николай Никаноровичъ (въ отставкѣ).

73. Тиличѣевъ.

74. Елагинъ, Александръ Николаевичъ (умеръ).

75. Будбергъ (полковникъ).

76. Михайловъ (въ отставкѣ).

77. Лихаревъ.

78. Левшинъ, Дмитрій Сергѣевичъ (генералъ отъ инфантеріи).

79. Готовицкій 1.

80. Готовицкій 2 (выпущены въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ).

81. Колошинъ 4 (въ Сѣверскій конно-егерскій полкъ).

82. Чашниковъ (выпущенъ въ конно-егерскій Его Величества короля виртембергскаго полкъ).

83. Ганъ (въ Оренбургскій уланскій полкъ).

1821 года, апрѣля 14 дня.

84. Болотовъ, Алексѣй Павловичъ (генералъ-маіоръ).

85. Заикинъ.

86. Полторацкій, Михаилъ Александровичъ (умеръ въ отставкѣ въ 1836 году, штабсъ-капитаномъ).

87. Марковъ (подпоручикъ въ отставкѣ).

88. Арцыбушевъ, Николай Петровичъ (дѣйствительный статскій совѣтникъ).

89. Кекъ 2 (умеръ).

90. Лопухинъ 1 (умеръ).

1821 года, іюля 23 дня.

91. Демидовъ (умеръ).

92. Фонтонъ де Верраіонъ (генералъ-маіоръ).

93. Менжинскій (уволенъ въ 1833 году въ чинѣ капитана).

94. Шредеръ (уволенъ въ 1832 г. въ чинѣ штабсъ-капитана).

95. Тихоцкій (уволенъ въ чинѣ подпоручика въ 1827 году).

96. Сабуровъ 1 (умеръ въ 1837 году въ чинѣ подполковника).

97. Ушаковъ 2.

98. Каменскій, Иванъ Васильевичъ (генералъ-маіоръ).

99. Нѣеловъ (умеръ въ 1832 году въ чинѣ подполковника).

1822 года, января 29 дня.

100. Татариновъ 1 (статскій совѣтникъ).

101. Врощенко, Михаилъ Павловичъ (генералъ-маіоръ).

102. Загряжскій.

103. Роговскій, Михаилъ Мартыновичъ (генералъ отъ инфантеріи, членъ военнаго совѣта).

104. Лугининъ (подполковникъ въ отставкѣ съ 1834 года).

1822 года, февраля 26 дня.

105. Яковлевъ, изъ пажей (уволенъ въ 1826 г. подпоручикомъ).

1823 года, января 29 дня.

106. Пушкинъ, изъ пажей, Иванъ Алексѣевичъ (коллежскій ассессоръ, въ отставкѣ).

107. Полторацкій 4 изъ пажей, Сергѣй Дмитріевичъ (поручикъ, въ отставкѣ).

108. Раевскій (въ чинѣ подпоручика умеръ въ 1825 году).

109. Рахмановъ, Левъ Павловичъ (увол. подпоруч. въ 1825 г.).

110. Юрасовъ (уволенъ подпоручикомъ въ 1826 году).

111. Видау (умеръ въ чинѣ статскаго совѣтника).

112. Баронъ Ливенъ, Василій Карловичъ (генералъ отъ инфантеріи, генералъ-адъютантъ).

113. Юрловъ, Аполлонъ Ивановичъ (увол. подпоруч. въ 1825 г.).

114. Прибытковъ 2 (уволенъ капитаномъ въ 1836 году).

115. Татариновъ 2 (полковникъ).

116. Львовъ (умеръ въ чинѣ дѣйств. статскаго совѣтника).

117. Апухтинъ (умеръ въ 1834 году въ чинѣ капитана).

118. Куликовскій (полковникъ, въ отставкѣ съ 1839 года).

119. Зубовъ 2 (уволенъ въ 1844 году капитаномъ).

120. Камынинъ (умеръ).
121. Змѣевъ (уволенъ подпоручикомъ въ 1826 году).
122. Ивановъ 2.
123. Пассекъ.
124. Князь Львовъ, Владиміръ Владиміровичъ (ст. совѣтникъ).
125. Шабельскій 2 (уволенъ въ 1828 г. въ чинѣ поручика).
126. Дурново 3 (умеръ отъ раны подъ Остроленкою, въ 1831 г., въ чинѣ поручика).
127. Шабельскій 1.
128. Кологривовъ (умеръ).
129. Князь Друцкій 1 (умеръ).
130. Зубовъ 1 (генералъ-лейтенантъ).
131. Вейкардъ, Егоръ Егоровичъ (статскій совѣтникъ).
132. Балкашинъ, Николай Васильевичъ (генералъ-маіоръ).
133. Салтыковъ.
134. Баронъ Корфъ (генералъ-маіоръ).
135. Щербачевъ (уволенъ въ 1830 году поручикомъ).
136. Баженовъ (уволенъ въ 1834 году капитаномъ).
137. Гурьевъ.
138. Бенкендорфъ 2 (выпущенъ въ лейбъ-кирас. Е. И. В. полкъ).

Списокъ прапорщикамъ Свиты Е. Имп. Величества по квартирмейстерской части, произведеннымъ въ подпоручики по экзамену при Московскомъ Учебномъ Заведеніи для Колонновожатыхъ.

1821 года, іюля 23 дня.

1. Полторацкій 1, Михаилъ Павловичъ.
2. Прибытковъ 1, Павелъ Ивановичъ.
3. Путята, Николай Васильевичъ.
4. Коцебу 2-й, Павелъ Астафьевичъ.
5. Князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, Эсперъ Александровичъ.
6. Новосильцовъ, Евграфъ Ивановичъ.
7. Навроцкій, Николай Никаноровичъ.
8. Ладыженскій, Михаилъ Васильевичъ.
9. Петровъ, Николай Васильевичъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ III КЪ ГЛАВѢ V.

Письмо сенатора Д. Б. Мертваго къ М. Н. Муравьеву.

Милостивый государь мой

Михайло Николаевичь.

Покорнѣйше благодарю за писаніе отъ 9 января, Содержащееся въ немъ изъясненіе дружества ко мнѣ, мнѣ пріятно, лестно и драгоцѣнно, ибо познавъ васъ не по обхожденію и не па балахъ, а по дѣламъ, образующимъ человѣка во всемъ пространствѣ слова, мнѣ сладко любить васъ, коль паче знать что и вы меня любите.— Съ 7 генв. по 15 или лутче сказать по 16, ибо окончилась работа во 2-мъ часу по полуночи и курьеръ мой поѣхалъ. Столько было у меня работы, что на спанье всложности 6 часовъ въ сутки не приходилось. При собраніи всѣхъ предводителей и еще избраны были депутаты изъ сихъ. Многіе весма мнѣ полюбились. Просмотрѣно о 2602-хъ семействахъ мелкопомѣстныхъ дворянъ и 894 болше помѣстить признано: что надобно помочи 1482 мелкопомѣстнымъ, у коихъ 15615 душъ мужеска пола, но вить и женщины желудокъ имѣютъ и имъ хлѣбъ дать надобно. — Всѣхъ мелкопомѣстныхъ 37493 души, помочь надобно и такъ сообразите средства, кои я имѣю. Какъ быть, должно было торопитца представленіемъ о количествѣ надобности. Мнѣ казалось что за вслкой часъ промедленія отвѣтъ предъ Богомъ всовѣсти видящимъ дать я долженъ. При сихъ-то обстоятельствахъ сколько разъ пролетала мысль и если бы былъ со мною мой безцѣнный почтенный Михаилъ Николаевичъ. Сколько бы убавилось моей заботы, онъ бы

пособилъ мнѣ нести сію тяжесть и поднялъ бы на свои плеча, болше чемъ я поднять могу. — И такое принялъ понятіе что лутче въ какихъ ніесть мелочныхъ расчетахъ мнѣ ошибитца нежели промешкать время. — Естли вфевралѣ непришлютъ деньги то бѣда неизбѣжная. — Вздѣшнемъ краѣ главное нѣтъ денегъ достаточно въ оборотѣ. И какъ быть когда все источники чрезъ кои втекаютъ деньги изсякли, а все чрезъ которые изтекаютъ расширились. Хлѣбъ изразныхъ мѣстъ провозятъ чрезъ Смоленскую губернію по неимѣнію денегъ у голодныхъ онъ провозитца вбѣлоруссію. Вкалужской губерніи покупаетъ и уже отправляетъ Федоръ Сергѣевичъ а втверской Иванъ Николаевичъ Аничковъ обходитца несколько дешевлѣ рожъ 2 ру. 50 коп. а овесъ 1. 50 пудъ. Сія цѣна здѣсь удивляетъ. Но вы повѣритѣ что сіи комисіонеры и умѣютъ и хотятъ добра. Вы мой почтенный положили основаніе сему избранію и вамъ я болше всѣхъ благодаренъ. Чтобы видѣть нищету вгнѣздѣ ея проѣзжалъ я изЕлни врославль чрезь болотистые мѣста; тамъ то желалъ бы я провѣзти празднолюбцевъ разжирѣвшихъ вщастіи и ими показать состояніе человѣчества.

Прощайте любитѣ искренно васъ любящаго и чтущаго преданнаго слугу Дмитрія Мертваго.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Пелагѣе Васильевнѣ и Надѣждѣ Николаевнѣ.

18 января 1822 г.
Смоленскъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ IV КЪ ГЛАВѢ VI.

Собственноручныя показанія Бестужева-Рюмина о сношеніяхъ съ поляками, писанныя имъ на двухъ языкахъ при допросѣ отъ 27 января 1826 года.

Relation avec les Polonnais.

На кіевскихъ контрактахъ въ 1824 году узналъ я отъ Ходкевича, что въ Польшѣ существуетъ общество, которое узнавъ, что у насъ такое же составилось, желаетъ вступить въ сношенія. Я о семъ донесъ директоріи, которая дала мнѣ порученность заключить договоръ. Вотъ въ чемъ онъ состоялъ:

Aux contracts de Kiew l'année 1824, j'appris de Chodkewitz qu'il existait en Pologne une Société qui ayant entendu dire, qu'il s'en était formé en Russie, desirait entrer en relation. Je fis la dessu mon rapport au Directoire, qui me chargea de conclure un traité — que voici.

Съ нашей стороны:

1) Россія предпочитая имѣть благодарныхъ союзниковъ, на мѣсто тайныхъ враговъ, по окончаніи своего преобразованія отдаетъ независимость Польшѣ.

2) Будетъ сдѣлано новое начертаніе границъ и области не довольно обрусѣвшія, чтобы душевно быть привязанными къ пользѣ Россіи, возвратить Польшѣ.

Engagements des Russes:

1) La Russie preferant des alliés reconnaissans à des ennemis cachés, promet (aussitot que la revolution sera terminer), d'accorder l'indépendance à la Pologne.

2) Il sera fait une nouvelle demarcation de frontières et les provinces qui ne sont pas assez Russifiées, pour embrasser d'ame les interets de notre partie, seront rendue à la Pologne.

3) При семъ кромѣ народности будутъ наблюдать также и мѣстныя выгоды, кои останутся на сторонѣ Россіи, дабы она имѣла хорошую военную границу.

4) Поляки могутъ однакоже надѣяться получить губернію Кродненскую, часть Виленской, Минской и Волынской.

5) Съ утвержденія договора сего, Русское общество будетъ оказывать покровительство полякамъ, имѣющимъ дѣла въ Россіи, буде оныя справедливы.

6) Общество Русское всѣми мѣрами будетъ стараться искоренять ненависть существующую между обоими народами; представляя, что въ просвѣщенномъ вѣкѣ, въ которомъ мы живемъ, польза всѣхъ народовъ одинакова, а закоренѣлая ненависть есть принадлежность временъ варварства.

7) Для дальнѣйшихъ сношеній съ обоихъ сторонъ назначатся депутаты, порученности коихъ будутъ состоять въ томъ: 1) чтобы передавать своимъ Директоріямъ, все что будетъ дано знать однимъ обществомъ другому или что однимъ у другаго потребуется. 2) Депутаты польскіе будутъ увѣдомлять Русское общество о томъ что происходитъ въ Европѣ. 3) Строго запрещается Депутатамъ называть

3) Il sera néanmoins observé des convenances locales, de sorte que la Russie a une bonne frontière militaire.

4) Les Polonnais peuvent cependant compter sur le gouvernement de Grodno, une partie de ceux de Wilna, de Minck et de Wolhynie.

5) Dès la ratification du traité, la Société accordera protection à tous les Polonnais qui se trouveront avoir des affaires en Russie — si elles sont justes.

6) La Société cherchera aussi à extirper l'animosité qui subsiste entre les deux Nations, representant que dans le Siecle de lumières où nous vivons, les interets de tous les Peuples sont les mêmes, et que des haînes inveterées n'appartienne qu'à des temps de barbarie.

7) Pour les relations ultérieures, il sera nommé de part et d'autre par deux commissaires, dont voici les attributions: 1) Les commissaires feront passer à leurs Directoires respectifs, tout ce qui sera demandé ou fait connaitre par une Société à l'autre. 2) Les commissaires Polonnais mettront constamment la Société Russe au fait de ce qui se passe en Europe. 3) Il est sévérement defendu aux commissaires de

или требовать чтобъ назвали кого-либо изъ членовъ обоихъ обществъ. 4) Въ случаѣ, что русской депутатъ познакомится съ членами общества польскаго, или депутатъ польскій съ членами русскаго общества, то отнюдь не открывать, что обои общества вступили въ сношенія. 5) Да происходитъ все между Директоріями посредствомъ депутатовъ. 6) Депутаты ни на что соглашаются, и ничего обѣщать, безъ соизволенія на то своихъ директорій.

Со стороны поляковъ:

1) Поляки обязываются всѣ мѣры употребить, какого бы то рода ни было, дабы Великій Князь Константинъ Павловичъ не могъ возвратиться въ Россію.

2) Возстать въ одно время съ нами.

3) Идти противъ Литовскаго корпуса, буде онъ объявитъ себя противъ насъ.

4) Подавать намъ всѣ помощи въ ихъ возможности состоящія.

5) Устроить сношенія между нами и прочими политическими обществами, существующими въ Европѣ.

6) Увѣдомлять насъ о всѣхъ важныхъ вещахъ, какъ скоро онѣ дойдутъ до ихъ свѣдѣнія.

nommer et d'exiger qu'on nomme les membres de deux Société. 4) Si on en decouvre, que rien ne leur soit communiqué sur les relations qui existent entre les Sociétés de deux Nations; mais que tout se passe de Directoire à Directoire par la voie des commissaires. 5) Les commissaires ne peuvent rien accorder ni promettre en leur propre nom.

Engagements des Polonnais:

1) Les Polonnais s'engagent d'employer des mesures efficaces de quelque nature qu'elle soient, pour empêcher le Grand Duc Constantin de venir en Russie alors que la révolution sera commencée.

2) A se soulever en même temps que nous.

3) A marcher contre le corps de Lithuanie, en cas que celui-ci se declare contre nous.

4) A nous donner tous les secours qui seront en leur puissance.

5) A nous mettre en relations avec les Sociétés politiques secrettes existantes en Europe.

6) A nous mettre au fait de toutes les choses importantes qui parviendront à leur connaissance.

7) Дѣйствовать въ продолженіи революціи такимъ образомъ, какъ имъ предпишется нашимъ обществомъ, коему они признаютъ себя подвластными.

8) Принять правленіе республиканское.

7) A agir pendant la durée de la revolution, de la manière qui leur sera enjointe par notre Société à laquelle ils se reconnaissent subordonnée.

8) A adopter le régime Republicaine.

По утвержденіи договора были назначены депутатами съ нашей стороны Сергѣй Муравьевъ (который ни во что не входилъ) и я.

Со стороны поляковъ Гродецкій и Чаркосскій (сей послѣдній также въ дѣлахъ участія не бралъ).

Après la ratification du traité furent nommé commissaires de la part des Polonnais Grodetzky et Tzarkosky (celui-ci ne se mêla de rien).

De notre part furent nommés commissaires Serge Mourawieff (qui ne se mêla de rien) et moi.

Какъ приведенный трактатъ, такъ и приписка къ нему на двухъ языкахъ, писаны рукою самаго Бестужева-Рюмина и помѣщены здѣсь съ соблюденіемъ орѳографіи и порядка изложенія, какіе соблюдены въ подлинникѣ. Необходимо при этомъ замѣтить, что Бестужевъ-Рюминъ первые отвѣты свои представилъ въ слѣдственную комиссію на французскомъ языкѣ. Надо полагать, что по этому поводу ему было сдѣлано замѣчаніе, ибо при дѣлѣ находится слѣдующее любопытное письмо его отъ 28 января къ генералъ-адъютанту Чернышеву: Mon Général! Ayez la bonté de prier le Comité, qu'il veuille bien me permettre de faire les reponses en français; car je dois avouer à ma honte que j'ai plus l'habitude de cette langue que du russe. J'ai l'honneur d'être, mon Général, votre serviteur Bestoujeff. На этомъ письмѣ сверху написано: „отказано, съ строгимъ подтвержденіемъ чрезъ коменданта, чтобы непремѣнно отвѣчалъ на русскомъ языкѣ“. Вслѣдствіе такого распоряженія и былъ представленъ Бестужевымъ-Рюминымъ въ комиссію русскій текстъ трактата.

ПРИЛОЖЕНІЕ V КЪ ГЛАВѢ VII.

Записка, составленная Муравьевымъ объ уничтоженіи въ присутственныхъ мѣстахъ взяточничества.

Видя на опытѣ, что по несчастію позорное зло стремленія къ лихоимству почти повсемѣстно водворилось во всѣ гражданскія губернскія должности и сильно заразило даже мнѣніе общее, то должно искать оному и причинъ общихъ.

Такъ какъ страсть къ лихоимству перешла въ нравы, то представляются два вопроса на разрѣшеніе: вкореняется ли оно въ понятія наши до службы или во время оной? Ежели до службы, то зависитъ отъ предварительнаго воспитанія частнаго или общаго; ежели во время службы, то неминуемо происходитъ отъ воспитанія мнѣніемъ общимъ и порядка самой службы.

Разбирая всѣ степени принятаго у насъ способа воспитанія, усмотрѣть можно: 1) что хотя вообще попеченіе въ отношеніи образованія нравственности весьма слабо и недостаточно, однакожъ ни въ которомъ сословіи, ни въ частномъ, ни въ общемъ воспитаніи, положительно страсть къ лихоимству не внушается, кромѣ довольно многочисленнаго разряда бѣдныхъ дворянъ и многихъ разночинцевъ, отдающихъ обыкновенно дѣтей своихъ въ юные годы на обученіе, т. е. на развратъ въ присутственныя мѣста; что тамъ несчастные юноши сіи безъ всякаго надзора и въ нищетѣ научаясь безсмысленному писанію и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаютъ совершенныя познанія всей промышленности торга служебнаго; науча-

ются безстыдно брать взятки и познавъ весь смыслъ и теорію губернской гражданской службы, состоящей по большей части лишь въ очищеніи бумагъ, въ явномъ лицепріятіи и лихоимствѣ, мнимымъ порядкомъ законовъ прикрытыми, со временемъ занимаютъ мѣста столоначальниковъ, секретарей всѣхъ палатъ и даже письмоводителей у самихъ губернаторовъ; тутъ они по своему произволу рѣшаютъ дѣла и еще болѣе утверждаютъ постыдную сію систему лихоимства извлекая свои частныя выгоды и поощряя ненаказанностію своею другихъ на подобныя дѣйствія. Въ сихъ то людяхъ разсадникъ большей части чиновниковъ гражданской губернской службы, школа, въ которой образуются законовѣдцы наши; которые часто подъ скромнымъ именемъ секретарей управляютъ цѣлыми губерніями и областями; можно ли ожидать отъ такого образованія иныхъ плодовъ и отъ подобныхъ чиновниковъ правды и правосудія *).

2) Что у насъ воспитаніе въ возрастѣ самыхъ пылкихъ чувствъ и страстей молодаго человѣка (обыкновенное время вступленія его въ службу) чрезъ образованіе мнѣніемъ общимъ, весьма пагубно для нравственности; ибо по несчастію стремится особенно въ нѣдрахъ государства къ одобренію лихоимства; сіе влеченіе такъ велико, что составляетъ почти общую и единственную цѣль всѣхъ принимающихъ на себя обязанности гражданской губернской и уѣздной службы; бѣдственныя послѣдствія сего очевидны и подтверждаются ежедневнымъ опытомъ; упомянутое же образованіе человѣка мнѣніемъ общимъ есть самый важный періодъ воспитанія и часто перемѣняетъ всѣ хорошія наклонности и правила въ малолѣтствѣ пріобрѣтенныя; оно всегда зависитъ и составляется отъ общаго хода, духа и порядка гражданскихъ дѣлъ и потому въ семъ окончательномъ періодѣ воспитанія, *человѣкъ образуется постановленіями.*

*) Тотъ кто не былъ очевиднымъ свидѣтелемъ сего способа воспитанія во внутренности государства, почтетъ оное несбыточнымъ; но по несчастію оное возможно, дѣйствительно существуетъ, и такъ утвердилось обычаемъ, что развращаетъ многочисленный разрядъ несчастныхъ юношей, и потому должно обратить вниманіе правительства; ежели каждое присутственное мѣсто оныхъ образуетъ по два или по три въ годъ, то въ губерніи таковыхъ воспитанниковъ должно быть по крайней мѣрѣ пятьдесять и во всей Россіи конечно болѣе двухъ-тысячь пяти-сотъ; едва ли всѣ въ сложности учебныя казенныя заведенія, въ столицахъ учрежденныя могутъ въ годъ образовать столько юношей! *Примѣч. Муравьева.*

Разсматривая подробно заразу нравственности, отъ сей причины у насъ происходящей, оказывается что оная по различію сословій и состояній въ разныхъ существуетъ степеняхъ; что самое большое зло, во мнѣніи служащихъ въ присутственныхъ мѣстахъ, а тамъ далѣе постепенно укосняется по мѣрѣ отдаленія каждаго отъ сказаннаго источника.

Изъ всѣхъ сихъ подробныхъ изслѣдованій, примѣрами доказанныхъ, надобно неоспоримо заключить; что большая и главная причина зла должна заключаться въ самой гражданской службѣ: ибо неоспоримо что ею образуется мнѣніе общее, которое бывши порядкомъ и духомъ сей службы заражено, образовало и образуетъ еще въ томъ же смыслѣ людей; и такъ не воспитаніе, при всей неосновательности и непрочности онаго у насъ, главною самосостоятельною причиною злоупотребленій, а болѣе сама служба гражданская, которая должна имѣть въ себѣ корень зла, отъ коего развращаются уже нравы народные; ибо доказано, что въ первыхъ возрастахъ жизни ни въ которыхъ сословіяхъ воспитаніемъ не внушается у насъ влеченіе къ лихоимству, исключая въ разрядѣ несчастныхъ юношей, которымъ присутственныя мѣста служатъ школою нравственнаго и умственнаго образованія; а потому служба сія въ теперешнемъ видѣ неоспоримо производитъ: *зло прямое*, раззоряя и утомляя просителей неудовлетвореніемъ справедливости, и *зло косвенное* вреднѣйшее и опаснѣйшее перваго, унижая святость закона, вселяя неуваженіе къ правителямъ и правительству, развращая нравы и образуя въ томъ же смыслѣ цѣлое поколѣніе.

Въ настоящемъ изслѣдованіи своемъ приведенный связью разсужденій, примѣрами доказанныхъ, къ сему заключенію (для отысканія настоящаго корня зла, коего причина неоспоримо находится въ самой гражданской службѣ), я взялъ для совокупленія мыслей примѣръ нужныхъ условій разбойнику, для производства своихъ грабежей.

Первое необходимое для него условіе есть: случай и мѣсто удобное и мрачное для исполненія разбоя; второе надежда и увѣренность въ ненаказанности. — По сходству и сближенію сего промысла съ лихоимствомъ, я долженъ былъ искать тѣхъ же самыхъ условій въ гражданской службѣ, которыя если бы не существовали въ ней, то конечно не могли бы быть источникомъ зла.

Первое, нужное условіе для разбойника, удобство и мрачность мѣста, должно искать для лихоимца, въ неопредѣленности и мрачно-

сти многихъ постановленій и даже нѣкоторыхъ, какъ будто бы въ семъ намѣреніи изданныхъ.

Второе условіе, надежда ненаказанности, въ несуществованіи въ самыхъ постановленіяхъ отвѣтственности и въ ошибочномъ учрежденіи порядка губернской службы, не дающей настоящей возможности наблюдать за служащими и все сіе подтвержденное на опытѣ долговременнымъ безвозбраннымъ продолженіемъ лихоимства всегдашнимъ удобствомъ скрывать подлыя свои дѣйствія и по бумажному порядку избѣгать сужденія законовъ.

Дабы на опытѣ доказать справедливость сказанныхъ причинъ лихоимства, я въ своемъ изложеніи подробно разсмотрѣлъ весь ходъ дѣлъ двухъ коренныхъ, самыхъ важныхъ для блага народа судилищъ земскаго и уѣзднаго судовъ и наблюденіе за ними губернскаго правленія, съ означеніемъ способовъ, употребляемыхъ служащими въ оныхъ для лицепріятія, изъ котораго оказалось: что дѣйствительно зло существуетъ:

1) *Въ нѣкоторыхъ постановленіяхъ*, изъ которыхъ многія не опредѣляютъ и не ограничиваютъ настоящимъ образомъ обязанностей и дѣйствій служащихъ, а потому дозволяютъ имъ во многихъ случаяхъ по своей волѣ и совѣсти производить дѣла, особенно въ земскомъ судѣ.

2) *Въ самомъ порядкѣ взаимнаго наблюденія властей*, которыя не могутъ дѣлать никакого взысканія ибо: a) взыскивать можно когда есть опредѣленность и ясность въ обязанностяхъ, въ противномъ случаѣ взысканія будутъ только пустыя угрозы, b) потому что кромѣ сказанныхъ причинъ, по распредѣленію наблюдательныхъ властей въ губерніи, взысканія и наблюденія весьма затруднительны, c) что самое губернское начальство свыше не подвергается настоящей и должной отвѣтственности, отъ чего послѣдствіемъ: всеобщее усыпленіе въ дѣлахъ губерніи и d) что наблюденіе губернскаго начальства ограничивается лишь посылкою понудительныхъ указовъ, не съ намѣреніемъ ускоренія дѣлъ писанныхъ, ибо они могутъ быть и всегда бываютъ не исполненными, по причинѣ неопредѣленности обязанностей и неясности постановленій, дающихъ подчиненнымъ судилищамъ много способовъ къ пустымъ отговоркамъ; а потому цѣль упомянутыхъ выше указовъ сдѣлалась *не понудительная, а оберегательная*, т. е. оправдывающая губернское правленіе въ нераченіи его на случай какого понужденія свыше или нечаянной ревизіи губерніи; а отъ сей возможности укрывать свое

нерадѣніе и избѣгнуть преслѣдованія закона, породилась еще другая цѣль, *торговая,* заставляющая нижнія судилища въ доходныхъ дѣлахъ по присылкѣ такого указа подѣляться въ своей добычѣ съ пославшимъ оный и потому безвозбранно продолжать свои беззаконія *). Послѣдствія, неминуемо истекаемыя и существующія отъ сказанныхъ выше причинъ суть уничтоженіе всякаго порядка и отвѣтственности сдѣлавшихъ изъ гражданской губернской службы одно цѣлое, связанное взаимными выгодами лицепріятія и лихоимства, развратившее служащихъ, тѣхъ которые съ ними въ частныхъ и по дѣламъ сношеніяхъ и такъ далѣе постепенно всѣ прочія сословія въ сферѣ дѣйствія сего источника зла находящіеся.

Я въ изложеніи своемъ не распространился далѣе сего разбора, а ограничился только подробнымъ изложеніемъ всѣхъ уловокъ къ лицепріятію постановленіями допущенными, съ подробнымъ описаніемъ средствъ, по моему мнѣнію необходимымъ для огражденія отъ нихъ. Ежели сіе мое начертаніе найдется справедливымъ, то не трудно будетъ въ томъ же смыслѣ разсмотрѣть и всѣ прочія губернскія постановленія и найдя источникъ зла, противупоставить оному и приличныя средства, тогда еще болѣе утвердятся неоспоримыя истины.

1) Что страсть къ лихоимству у насъ частію лишь самостоятельно внушается воспитаніемъ многочисленнаго класса юношей въ присутственныхъ мѣстахъ, въ самые юные годы тамъ образующихся: впрочемъ что воспитаніе частное и въ казенныхъ заведеніяхъ хотя и весьма слабо и недостаточно въ отношеніи нравственнаго образованія; но сего подлаго стремленія прямо не внушаетъ, а лишь тѣмъ ошибочно, что не вселяя настоящихъ правилъ истинной вѣры и твердой нравственности, не даетъ молодымъ

*) Дабы вышесказанное не показалось сомнительнымъ, обязанностію поставляю вкратцѣ замѣтить, что столь явное неисполненіе земскаго суда, не подвергается взысканію, ибо оный тоже съ своей стороны ведетъ подробный журналъ мнимыхъ своихъ ежедневныхъ дѣйствій, ни кѣмъ не засвидѣтельствованной и потому часто ложной, изъ котораго всегда усматривается, что множество иныхъ дѣлъ было причиною неисполненія предписаннаго или какія другія невозможности, часто ложныя, ни кѣмъ не утвержденныя, собственно для сего придуманныя и отъ которыхъ отговорокъ, существующія постановленія нисколько не ограждаютъ; — ибо всѣ дѣйствія суда производятся во мракѣ и не подлежа очереди, и потому не подвергаются возможности отвѣтственности *ни за несправедливость, ни за медленность.*

Примѣч. Муравьева.

людямъ, пущеннымъ въ пылу страстей и неопытности на новое, часто соблазнительное поприще жизни, настоящаго кормила и путеводителя, которые бы могли спасти ихъ отъ соблазновъ міра и противустать новымъ внушеніямъ — часто порочнымъ общаго мнѣнія.

2) Что воспитаніе мнѣнія общаго есть самое сильное и важное средство образованія человѣка часто совершенно его перерождаетъ и по несчастію у насъ весьма развратно, ибо всегда зависитъ отъ общаго хода и порядка гражданской службы, и потому образуетъ въ смыслѣ оной т. е. въ стремленіи къ лихоимству, цѣлое поколѣніе.

3) Что по неоспоримому вліянію гражданской службы на составленіе мнѣнія общаго, такъ и по безпристрастному разбору постановленій и порядка службы усматривается: что главная причина разврата находится въ самыхъ постановленіяхъ и порядкѣ оной, что многія узаконенія неясностію, неопредѣленностью и невозможностью исполненія, развращаютъ чиновниковъ и нравственность народа; а потому для совершеннаго уничтоженія зла необходимо употребить въ одно время разныя средства.

1) *Предупредительныя*, имѣющія предметомъ единообразное установленіе воспитанія народа, основаннаго на правилахъ святой вѣры и твердой нравственности и строгое запрещеніе помѣщать юношей несовершеннолѣтнихъ и не приготовленныхъ еще къ службѣ, сверхъ комплекта для обученія грамотѣ и дѣлъ въ присутственныя мѣста, и многія иныя учрежденія, которыя въ подробности изложены въ моемъ опытѣ о причинахъ лихоимства въ Россіи.

2) Средства, прямо колеблющія зловредныя понятія, производящія тревогу во мнѣніи лихоимцевъ, устрашающія законопреступниковъ, воздерживающія слабыхъ въ правилахъ и ободряющія людей честныхъ, теперь по причинѣ зла отъ службы уклонившихся, и наконецъ,

3) Разсмотрѣніе всѣхъ существующихъ постановленій и порядковъ гражданской губернской службы, въ отношеніи неясности, неопредѣленности и не существованія отвѣтственности, и потому улучшенія оныхъ; безъ употребленія сего средства, первыя два будутъ безполезны, а примѣненіе втораго способа увеличитъ лишь число жертвъ безъ всякой пользы. *).

---

*) Причины помянутаго зла и средства къ уничтоженію его въ подробности разсмотрѣны въ опытѣ моемъ о причинахъ лихоимства въ Россіи, который для сего и раздѣленъ на слѣдующіе отдѣлы.

Здѣсь я полагаю нужнымъ сказать, что подъ словомъ перемѣны постановленій и порядка службы я разумѣю не измѣненіе законовъ и вообще устройства производства оной; ибо если законы наши въ теперешнемъ ихъ видѣ исполнялись бы, то неоспоримо все было бы въ наилучшемъ порядкѣ и упрочилось бы благоденствіе народа. Составленіе постояннаго и единообразнаго уложенія, т. е. кодекса, было бы тоже полезно; но я говорю болѣе о разсмотрѣніи и отстраненіи тѣхъ постановленій и перемѣны того порядка службы (lois et ordres administratifs), которые сами даютъ поводъ къ неисполненію и столь мало опредѣляютъ обязанности служащихъ, что отнимаютъ возможность отвѣтственности и наблюденія, а потому порождаютъ злоупотребленія.

Главныя и общія свойства человѣка вездѣ одинаковы и измѣняются только отъ различныхъ впечатлѣній, получаемыхъ въ теченіи жизни; самыя же сильныя и болѣе на него вліяющія суть господствующія понятія общаго мнѣнія, зависящаго отъ постановленій и хода дѣлъ. Истина неоспоримая, что въ нѣкоторомъ возрастѣ *постановленія образуютъ людей,* и потому оныя ограничить и устроить такой порядокъ службы, чтобы люди съ самыми твердыми правилами сколько возможно менѣе имѣли бы средствъ дѣлать зло и нарушать законъ, примѣняя его самопроизвольно по своимъ выгодамъ; при таковомъ устройствѣ съ малѣйшимъ успѣхомъ хорошаго воспитанія и нѣкоторомъ наблюденіи за порядкомъ службы, зло конечно истребится; искоренить же злоупотребленія въ гражданской службѣ вкравшіяся, однимъ помѣщеніемъ честныхъ людей къ должностямъ, есть по мнѣнію моему совершенно невозможно; ибо не естественно сдѣлать безошибочный выборъ такого множества людей твердыхъ въ правилахъ, которые бы не воспользовались неопредѣленностію и соблазномъ въ самихъ постановле-

1) Страсть къ лихоимству въ чиновникахъ гражданскихъ пріобрѣтается ли воспитаніемъ, въ какомъ возрастѣ и гдѣ именно?

2) Общее мнѣніе о терпимости и даже нѣкоторымъ образомъ о законности сего зла, гдѣ и отъ чего порождается?

3) По связи сихъ двухъ вопросовъ съ народнымъ воспитаніемъ спрашивается, какимъ образомъ остановить сію заразу нравственности и мнѣнія общаго?

4) Не существуетъ ли настоящей заразы нравственности и въ самыхъ постановленіяхъ судопроизводства, въ чемъ и какъ именно?

5) Какія средства должно употребить для совершеннаго истребленія сего зла?

Примѣч. Муравьева.

ніяхъ часто существующихъ; мнѣ кажется что при таковомъ искушеніи скорѣе избранные чиновники развратятся нежели злоупотребленія уничтожатся; если бы даже сіе послѣднее могло случится, то было бы временное и не прочное явленіе: ибо корень зла, существуя, при удобныхъ обстоятельствахъ непремѣнно породитъ опять тѣже злоупотребленія.

Краткость сего начертанія не дозволила мнѣ помѣстить всѣхъ доказательствъ въ подробности изложенныхъ въ упомянутомъ опытѣ мною сдѣланномъ о причинахъ лихоимства въ Россіи, и необходимыхъ для утвержденія моихъ заключеній: 1) что понятіе о терпимости и законности лихоимства вообще у насъ положительно воспитаніемъ не внушается въ первыхъ двухъ возрастахъ жизни, т. е. до вступленія въ службу; кромѣ разряда молодыхъ людей въ юные годы помѣщаемыхъ для обученія грамотѣ и дѣламъ въ присутственныя мѣста, который способъ образованія есть безъ сомнѣнія большое зло; что слабое попеченіе родителей о нравственномъ воспитаніи дѣтей своихъ у насъ весьма пагубно для счастія народа, требуетъ необходимаго улучшенія и даже преобразованія; — однакожъ что сіи двѣ причины весьма важныя, много способствующія къ утвержденію зла сами по себѣ не въ силахъ произвести такого общаго стремленія къ лихоимству, каковое у насъ существуетъ во всѣхъ сословіяхъ, особенно въ служащихъ въ гражданской губернской службѣ. — 2) Что мы ежедневно на опытѣ видимъ молодыхъ людей, дѣйствительно имѣвшихъ хорошія, но не твердыя правила и наклонности къ добру, часто совершенно въ нихъ измѣнившихся въ возрастѣ службы и слѣдовательно отъ воспитанія мнѣніемъ общимъ, а потому должны заключить: что постыдныя сіи правила пріобрѣтаются у насъ по большей части во время службы отъ сказаннаго воспитанія мнѣнія общаго, которое всегда зависитъ отъ общаго хода и духа гражданскихъ дѣлъ, и наконецъ убѣдиться, что воспитаніе народное, при всѣхъ его большихъ недостаткахъ, не было и не есть у насъ главною первоначальною причиною стремленія къ лихоимству, но что въ самой службѣ долженъ заключаться корень сего зла, развратившій и непрестанно развращающій еще чиновниковъ и заражающій мнѣніе общее, которое теперь по непрочности нравственнаго воспитанія въ первыхъ возрастахъ и по сказанному корню зла и удобства къ лихоимству въ самыхъ постановленіяхъ и службѣ находящихся, взаимно поддерживаетъ сей развратъ и образуютъ спо-

собныхъ для сего постыднаго промысла чиновниковъ, которые однакоже довершаютъ окончательное заглушеніе совѣсти своей уже въ школѣ самой службы находящимися въ ней неопредѣлительностью, неясностью въ постановленіяхъ и обязанностяхъ, несуществованіемъ отвѣтственности и иными важными причинами (мною въ подробности разсмотрѣнными въ упомянутомъ выше опытѣ) которыя постепенно въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ развращали нравы служащихъ, давали поводъ просителямъ прибѣгать *къ лихоимству*, тѣмъ самымъ вселили неуваженіе къ закону, породили лицепріятіе, уничтожили слабо внушаемое воспитаніемъ правило святой вѣры и доброй нравственности, и наконецъ утвердили *лихоимство*, уничтожившее совершенно священный долгъ присяги и совѣсти, повелѣвающій служить правдою своему государю.

ПРИЛОЖЕНІЕ VI КЪ ГЛАВѢ VII.

Подана графу Кочубею 11-го марта 1827 года. С.-Петербургъ.

По его приказанію.

Главныя и общія свойства человѣка вездѣ одинаковы и измѣняются лишь отъ различныхъ впечатлѣній получаемыхъ въ теченіи жизни; самыя же сильныя и болѣе на него вліяющія, суть господствующія понятія общаго мнѣнія, зависящія отъ постановленій и хода дѣлъ. Истина неоспоримая, что въ нѣкоторомъ возрастѣ постановленія образуютъ людей; а потому должно оныя ограничить и устроить такой порядокъ службы, чтобы люди съ самыми не твердыми правилами, сколько возможно менѣе имѣли средствъ дѣлать зло и нарушать законъ, примѣняя его самопроизвольно къ своимъ выгодамъ. При таковомъ устройствѣ съ малѣйшимъ успѣхомъ хорошаго воспитанія и нѣкоторымъ наблюденіемъ за порядкомъ службы, зло истребится; искоренить же злоупотребленія въ гражданской службѣ вкравшіяся, однимъ помѣщеніемъ честныхъ людей къ должностямъ есть по мнѣнію моему совершенно невозможно; ибо не естественно, чтобы безошибочной сдѣлать выборъ такого множества чиновниковъ твердыхъ въ правилахъ, которые бы не воспользовались неопредѣлительностію и соблазномъ въ самыхъ постановленіяхъ часто существующими; мнѣ кажется, что скорѣе избранные чиновники развратятся, нежели злоупотребленія уничтожатся; если бы даже сіе и могло случиться, то было бы временное и не продолжительное явленіе; ибо корень зла существуя, породилъ бы опять злоупотребленія.

Всѣ дѣйствія и обязанности человѣка должны быть подчинены, кромѣ отвѣтственности къ Богу, еще наблюденію и взысканію гражданскому; безъ сего съ самыми хорошими, но не твердыми наклонностями онъ можетъ совратиться съ должнаго пути. Гражданская отвѣтственность состоитъ: 1) въ дурномъ или хорошемъ мнѣніи согражданъ, или такъ называемомъ стыдѣ и похвалѣ, 2) въ отвѣтственности противъ закона, т. е. награжденіи и наказаніи управляющей власти. Поелику же у насъ всѣ дѣла гражданскія производятся во мракѣ и извѣстны лишь однимъ присутствующимъ, то и весь ходъ оныхъ остается тайною для тѣхъ, которыхъ мнѣніе могло бы устыдить производящихъ неправильныя сужденія. Притомъ же, какъ мы выше видѣли, что отъ долговременнаго продолженія злоупотребленій, теперь даже и понятіе о законности зла почти утвердилось въ мнѣніи общемъ; то по сей причинѣ служащіе ни почему не могутъ ощущать отвѣтственности предъ мнѣніемъ общимъ, или дѣйствія стыда.

За неимѣніемъ выше сказанной отвѣтственности, необходимо по крайней мѣрѣ сильной страхъ строгаго преслѣдованія за злоупотребленія; но и сего у насъ нѣтъ, ибо беззаконія и лихоимство почти всегда безвозбранно и ненаказанно продолжаются; а потому мнѣ кажется, что предположивши даже людей до вступленія въ гражданскую службу не развращенными общимъ мнѣніемъ, то и тогда не имѣвши никакой надъ собою грозы, не страшась сраму мнѣнія общаго и отвѣтственности закона, по большей части, должны неминуемо скоро соблазниться выгодою мздоимства, особенно при существованіи третьей причины или удобности, т. е. постановленій тому способствующихъ; которыя могутъ по доброй волѣ судящихъ примѣняться въ пользу или не въ пользу просителей, и потому дать симъ послѣднимъ поводъ просить судящихъ, подкупать ихъ, а присутствующимъ возможность удовлетворять ихъ и потому сдѣлать изъ службы новую науку, которой главное основаніе и цѣль, есть, извлеченіе частныхъ выгодъ мздоимствомъ, торгуя медленностію и скоростью дѣла; неправильнымъ примѣненіемъ закона и всѣми иными средствами, могущими обогатить и раззорить истцовъ.

Мнѣ кажется, что единственное средство для узнанія способовъ прекратить сіе, есть подробное изслѣдованіе способовъ для производства онаго употребляемыхъ въ разныхъ управленіяхъ; тогда сообразя всѣ оныя не трудно будетъ противуставить имъ и

преграды: для сего я изложу здѣсь то, что могъ касательно сего узнать, въ разныхъ губернскихъ инстанціяхъ.

Власти въ губерніяхъ могутъ раздѣлиться: на судопроизводныя, исполнительныя, наблюдательныя и пекущіяся о государственныхъ доходахъ. Но какъ зло происходитъ вездѣ отъ одной причины, то и ограничусь изслѣдованіемъ дѣйствій земскаго и уѣзднаго судовъ; начну съ инстанціи самой важной для благосостоянія народа, которая по учрежденію о губерніяхъ должна соблюдать благочиніе, добрые нравы и изслѣдовать всѣ преступленія во ввѣренномъ ей уѣздѣ, которая по важной обязанности своей полагаетъ начало всѣмъ дѣламъ уголовнымъ и весьма часто гражданскимъ, можетъ ихъ прекратить въ самомъ корнѣ, обнаружить и скрыть злодѣяніе; которая исполняетъ приговоры верхнихъ судилищъ, словомъ, которая есть самая нужнѣйшая для блага народа, болѣе всѣхъ вліяетъ на его благосостояніе, счастіе и нравственность и которая къ прискорбію такъ унижена, развращена и алчна къ лихоимству, что часто болѣе приноситъ вреда нежели пользы.

Обыкновенныя дѣйствія земскаго суда.

Дѣла земскаго суда могутъ раздѣлиться: на слѣдственныя, исполнительныя и полицейскія.

Дѣла слѣдственныя.

1) Дѣла слѣдственныя производятся обыкновенно не по очереди поступленія прошеній или объявленій, не по важности преступленія, не по необходимости производить слѣдствіе по горячимъ еще слѣдамъ; но по произволу земскаго суда и по видимой имъ отъ онаго выгоды; безъ сей побудительной причины, ничто же не совершается, и за неимѣніемъ оной, многія весьма важныя для благочинія уѣзда дѣла, остаются безъ изслѣдованія, даже и уголовныя терпятъ большое промедленіе.

2) Въ производствѣ самихъ слѣдствій часто не соблюдается справедливости; богатый преступникъ оправдывается, или въ случаѣ слишкомъ большой гласности преступленія и потому невозможности явно оправдать его, дѣло затмѣвается и злодѣй укрывается отъ преслѣдованія закона. Слѣдствія по гражданскимъ дѣ-

ламъ производятся въ томъ же духѣ и обыкновенно оканчиваются по желанію богатѣйшаго.

Изъ сего разбора дѣлъ земскаго суда ясно видно, что законопреступныя дѣйствія и уловка его состоятъ: 1) *въ выигрышп времени.* Симъ способомъ онъ даетъ средство укрываться многимъ уголовнымъ преступленіямъ и потому получаетъ за медленность свою всегда хорошую плату.

2) *Въ неправильномъ изслѣдованіи дѣла или прикрытіи онаго;* но для сего употребляются различныя средства.

a) Въ дѣлахъ по воровству, убійству и боевымъ знакамъ, одно промедленіе въ начатіи изслѣдованія, есть уже способъ покрыть зло; ибо чрезъ сіе дается время скрыть слѣды онаго, сговориться съ виновнымъ, подкупить свидѣтелей и прочее и прочее. Сіе средство въ подобныхъ случаяхъ весьма часто примѣняется.

b) Въ сихъ же дѣлахъ употребляется съ большою выгодою и удачею, *производство* не полнаго слѣдствія. Обыкновенно къ оному прибѣгаютъ, когда виновнаго оправдать нельзя или покрыть, по важности преступленія; тогда земскій судъ дѣлаетъ не полное слѣдствіе, по возможности удаляетъ свидѣтелей и дѣйствуетъ въ пользу преступника; которымъ изслѣдованіемъ, промедливъ сколько возможно болѣе и препроводивъ оное въ уѣздный судъ за невозможностію примѣнить къ нему закона, получаетъ его обратно для пополненія; между тѣмъ многіе мѣсяцы истекли, слѣды зла скрыты и дѣло слѣдствіемъ пояснить не возможно; такимъ образомъ преступленія весьма важныя, принеся значительный доходъ земскому суду, остаются не открытыми или ложно изслѣдованными.

c) Въ сихъ же дѣлахъ, когда преступленіе не такъ гласно и можно его скрыть, тогда кромѣ слабаго изслѣдованія (для удостовѣренія справедливости онаго) дѣлаютъ подложный повальный обыскъ, безъ надлежащей присяги по произволу производителей, или берется отъ знакомыхъ и родныхъ виновнаго свидѣтельство о его добрыхъ правилахъ.

d) Въ дѣлахъ по найденному мертвому тѣлу употребляются съ пользою всѣ тѣже вышесказанныя средства, съ пріобщеніемъ еще ложнаго свидѣтельства врача, находящаго, по вскрытіи убіеннаго, что смерть приключилась отъ *апоплексіи* или *перепоя;* сей последній способъ, служащій къ покрытію преступленія, употребляется также въ иныхъ случаяхъ и къ устраненію селеній, въ которыхъ дѣйствительно отъ таковыхъ причинъ найдено мертвое тѣло; тогда

по освидѣтельствованіи объявляется оно убіеннымъ и невинные поселяне, для избавленія себя отъ безпокойства слѣдствія, для селенія всегда тяжкаго, подносятъ земскому суду значительную дань; послѣ которой члены суда позволивъ похоронить мертваго, удаляются къ производству новыхъ злоупотребленій.

Всѣ выше означенныя уловки промышленности земскаго суда ясно показываютъ и способы, которые употребить должно для прекращенія ихъ; я оныя изложу далѣе, ежели сіе найдется нужнымъ, а теперь дабы не подвергнуть истину сомнѣнію, представлю вкратцѣ существующую отвѣтственность земскаго суда и наблюденіе за онымъ губернскаго правленія.

Земскій судъ подлежитъ непосредственному наблюденію губернатора и правленію его; но какъ по большей части принятая въ губерніяхъ цѣль службы, не есть исполненіе своей обязанности и стремленіе къ благу, а лишь соблюденіе бумажнаго порядка, безъ всякихъ дѣйствій и извлеченіе изъ онаго по возможности частныхъ своихъ выгодъ, то и можетъ земскій судъ безвозбранно продолжать законопреступныя свои дѣйствія, съ нѣкоторою лишь осторожностію и уступкою части своихъ выгодъ губернскому правленію.

Отвѣтственность земскаго суда и наблюденіе за онымъ губернскаго правленія въ отношеніи промедленія дѣлъ.

Когда земскій судъ не выполняетъ какого-нибудь дѣла и страждущій отъ сего проситель бѣденъ, не имѣетъ уважительнаго голоса и потому не смѣетъ и не въ силахъ прибѣгнуть къ жалобѣ на земской судъ, то дѣло остается многіе годы безъ изслѣдованія и часто совершенно уничтожается; на сіе губернское правленіе не обращаетъ никакого вниманія и даже часто сего не знаетъ; ибо многія таковыя прошенія не заносятся въ списокъ дѣлъ. Если же дѣло важно по лицамъ въ немъ участвующимъ, то губернское правленіе для собственной безопасности и полученія выгоды отъ земскаго суда, посылаетъ ему понудительный указъ, котораго цѣль есть торговая: онъ заносится въ журналъ губернскаго правленія, приноситъ ему отъ земскаго суда денежную пользу и остается безъ исполненія: ибо земскій судъ удовлетворивъ намѣреніе онаго, продолжаетъ свои торговые обороты и ведетъ въ обезпеченіе себя мнимый, ложный журналъ, своихъ ежедневныхъ по уѣзду дѣй-

ствій, никѣмъ не засвидѣтельствованный, и изъ котораго усмотрѣть можно, что ему будто бы нѣкогда было немедленно заняться исполненіемъ предписаннаго. Таковыхъ понудительныхъ торговыхъ указовъ, губернское правленіе насылаетъ иногда по одному дѣлу до трехъ и четырехъ, но какъ цѣль оныхъ таже, то и дѣйствіе производятъ они одинаковое и дѣло не подвигается; наконецъ, для соблюденія формы и для большаго обезпеченія себя, губернское правленіе штрафуетъ членовъ земскаго суда вычетомъ изъ жалованья по 15 или 20 рублей; но пеня сія со сторицею взыскивается съ виновнаго и губернское правленіе въ части; потомъ посылается присяжный (подъячій) съ новымъ понудительнымъ указомъ на счетъ и иждивеніе земскаго суда, съ тою же цѣлію и потому съ тѣмъ же успѣхомъ; между тѣмъ, дѣло продлилось, трехлѣтіе истекло, чиновники смѣнились и новые принимаются за то же ремесло. Вотъ всѣ единственныя понудительныя и наблюдательныя дѣйствія губернскаго правленія по многимъ дѣламъ земскаго суда. Вотъ вся отвѣтственность сего послѣдняго; она ограничивается ничтожною пенею, дѣла не подвигаются и бѣднѣйшіе страждутъ; губернское же правленіе по бумажному порядку и земской судъ по своимъ ежедневнымъ журналамъ правы, и не подвергаются сужденію законовъ. Мудрено ли при таковомъ порядкѣ и несуществованіи отвѣтственности, чтобы иначе шли дѣла, и чиновники не извлекали бы изъ оныхъ своихъ выгодъ. Самое лучшее доказательство истины моего писанія есть многія тысячи неконченныхъ почти во всѣхъ губерніяхъ дѣлъ; пускай ихъ разсмотрятъ, тогда ясно познается причина ихъ медленности.

Отвѣтственность земскаго суда и наблюденіе за онымъ губернскаго правленія касательно неправильнаго изслѣдованія или покрытія дѣла.

Здѣсь даже закономъ не положено никакого наблюденія за земскимъ судомъ; все предоставляется его произволу и доброй совѣсти; въ случаѣ же жалобы, губернское правленіе приказываетъ переслѣдовать дѣло часто тѣмъ же чиновникамъ, которые въ первомъ слѣдствіи участвовали или другимъ, посланнымъ отъ него же; въ таковыхъ важныхъ случаяхъ губернское правленіе обыкновенно вмѣшивается частнымъ образомъ въ дѣло, не наблюденіемъ за производствомъ его, а участіемъ лишь въ прибыли, отъ

онаго, получаемой земскимъ судомъ; въ замѣну же того съ своей стороны оно ограждаетъ его отъ отвѣтственности при вторичномъ переслѣдованіи. Тотъ, который сего самъ не видалъ, конечно не повѣритъ сей подлой торговлѣ двухъ исполнительныхъ важнѣйшихъ инстанцій въ губерніи, но не менѣе того, по несчастію, сіе есть истина, которая часто доказывается на опытѣ. Впрочемъ, изъ всего сказаннаго кажется довольно очевидно, что при теперешнемъ порядкѣ службы за неправильное слѣдствіе никакой отвѣтственности не существуетъ и быть не можетъ, доколѣ закономъ не опредѣлятся и не ограничатся дѣйствія земскаго суда и гласностью своего производства не подвергнутся сужденію мнѣнія общаго; въ противномъ случаѣ лицепріятія никогда не прекратятся.

Если по нечаянности, что весьма рѣдко бываетъ, неправильность слѣдствія обнаруживается, чрезъ какія нибудь искательства и старанія важныхъ лицъ или денежныхъ, то производители онаго предаются уголовному суду; но какъ уголовная палата руководствуется тѣмъ же духомъ и порядкомъ, то подсудимые лишь подѣлятся съ ней въ прежней своей добычѣ; дѣло покрывается или виновные оправдываются. Правда, что преданные суду остаются почти совершенно нищими и для приличія отрѣшаются иногда отъ должностей; но какъ причины объ отставкѣ въ указѣ не обозначаютъ, то обыкновенно отправляются они въ другія губерніи на ту же промышленность съ большею нуждою, съ большею алчностію, съ большею осторожностію и опытностію, а потому съ счастливѣйшимъ успѣхомъ; иногда и по большей части рѣшенія палаты бываютъ еще снисходительнѣе, и законопреступники подвергаются лишь выговору или денежной пени.

Обязанностью поставляю замѣтить, что по причинѣ таковыхъ пристрастныхъ сужденій уголовныхъ палатъ, самые законопреступные чиновники всегда безопасны въ своихъ дѣйствіяхъ, а добросовѣстные, не угодившіе какой-либо власти въ губерніи, подвергаются неминуемой гибели, ибо ежели по невинности ихъ и невозможно ихъ осудить, то съ другой стороны, самая протяжка производства суда, временное отрѣшеніе отъ должности и срывы палаты, лишая ихъ и семейства ихъ дневнаго пропитанія суть самое сильное наказаніе для бѣдныхъ, гораздо чувствительнѣйшее самаго приговора законовъ и такъ какъ отдача подъ судъ часто зависитъ отъ губернатора, то и находится у насъ въ губерніи

власть исполнительная, почти всегда соединенная съ судною, отъ чего порождается большое зло и отнимается у честнаго человѣка возможность не слѣдовать общей принятой въ губерніи системы службы.

Вотъ мѣра всей отвѣтственности земскаго суда и наблюденія за нимъ правленія!.. Уловка неполнаго слѣдствія, не подвергаетъ также земскій судъ никакой отвѣтственности, и такъ въ семъ случаѣ, какъ и въ прежнемъ онъ также совершенно обезпеченъ и законъ не постановилъ ни въ чемъ преградъ къ лицепріятію въ производствѣ оныхъ

Ничтожная преграда лицепріятію земскаго суда, закономъ постановленная въ лицѣ стряпчаго.

Законъ теоретически предвидя злоупотребленія земскаго суда, установилъ стряпчаго блюстителемъ справедливости въ уѣздѣ; но какъ цѣль службы въ губерніи почти у всѣхъ одинакова и притомъ одно лицо, особенно подчиненное, не можетъ прекратить зла, ибо въ противномъ случаѣ будетъ угнетено всѣми властями губерніи, то обыкновенно сіе мнимое *око справедливости* бываетъ участникомъ во всѣхъ лицепріятіяхъ и безпорядкахъ земскаго суда, равно и выгодъ его; а потому стряпчій есть просто членъ земскаго суда и какъ прокуроръ въ губерніи дольникъ въ лихоимствѣ прочихъ властей.

Дѣла исполнительныя.

Довольно странно, что дѣла исполнительныя, по существу своему весьма удобныя къ наблюденію, таковымъ же образомъ производятся, какъ и слѣдственныя и даже подвержены еще большимъ безпорядкамъ и злоупотребленіямъ. Исполненіе приговоровъ верхнихъ судилищъ, денежныя взысканія, опись имѣній, сборъ недоимокъ, требованіе отзывовъ отъ частныхъ лицъ и прочее и проч. все производится медленно, почти всегда лицепріязненно, часто не исполняется и служитъ источникомъ дохода земскому суду. Способы для сего употребляемые суть: 1) Протяжка *во времени*, и 2) *неисполненіе* Столь открытые способы нарушенія ясныхъ обязанностей, не подвергаютъ земскій судъ какой либо отвѣтственности: ибо пріемлются отъ него въ оправданіе самыя несправедливыя отговорки, какъ-то: а) *будто бы не нахожденія нужнаго лица*

для спроса въ уѣздъ. Лице же, отъ котораго нужно взять отзывъ, предварительно увѣдомляется отъ суда о пріѣздѣ его и уѣзжаетъ на то время въ смѣжный уѣздъ; судъ бывши или не бывши у него въ домѣ относится въ губернское правленіе о неудачѣ своей; между тѣмъ упомянутая особа живетъ открыто въ помѣстьѣ своемъ и никому до этого надобности нѣтъ; дѣло длится многіе годы и по бумагамъ всѣ исполнительныя инстанціи остаются правыми. б) *Неимѣніе времени исполнить приговоры и разныя требованія по безпрестанному обремененію слѣдственными дѣлами и проч. и проч.* Пользуясь симъ оправданіемъ и безпечностію губернскаго правленія, не опасаясь ни отъ кого жалобы и въ надеждѣ на упомянутыя законныя отговорки часто случается, что и сенатскіе приговоры бываютъ по нѣскольку лѣтъ безъ исполненія; нужныя справки по уѣзду, по требованію другихъ инстанцій, также годы остаются безъ отвѣта; частныя денежныя взысканія не производятся и почти всегда недоимки не взысканы. Главная причина скопленія недоимокъ есть земской судъ; онъ за деньги снисходитъ поселянамъ и обнадеживаетъ ихъ въ своемъ снисхожденіи; всякое посѣщеніе членовъ суда къ неисправнымъ плательщикамъ податей, обращается суду въ доходъ; и онъ вмѣсто исполненія лишь приноситъ обыкновенныя свои отговорки и оправданія губернскому правленію; между тѣмъ годы протекаютъ безъ взысканія податей и наконецъ недоимки до такой степени возрастаютъ, что не существуетъ уже и возможности ихъ собрать.

Ясно видно, что въ исполнительныхъ обязанностяхъ суда, зло дѣлается безъ всякой покрышки и происходитъ 1) отъ несуществованія отвѣтственности земскаго суда и губернскаго правленія. 2) Отъ совершеннаго отстраненія дѣлъ судебныхъ отъ мнѣнія народнаго. 3) Отъ ненаблюденія губернскаго начальства и участія его въ безпорядкѣ и лихоимствѣ. 4) Отъ несоблюденія очереди и порядка въ дѣлахъ. Злоупотребленія сіи покажутся неимовѣрными, но такъ сильно сцѣпленіе зла въ губерніи, что и самыя дѣла, не могущія, какъ кажется, подвергнуться лицепріятію, служатъ самымъ богатымъ источникомъ дохода верхнимъ и нижнимъ властямъ губерніи.

Дѣла полицейскія.

Дѣла полицейскія, по существу своему всегда подвержены болѣе или менѣе лицепріятію, и не могутъ быть съ точностію огра-

пичены закономъ; а потому всегда будетъ въ нихъ вкрадываться зло; но оно можетъ быть сильно умѣрено наблюденіемъ начальства, установленіемъ строгаго порядка, перемѣною постановленій, вынуждающихъ иногда стремиться къ нарушенію ихъ и, наконецъ, возстановленіемъ мнѣнія общаго, подвергающаго спасительному своему вліянію дѣйствія служащихъ.

Когда постановленія прямо противны благосостоянію большой массы народа, сами по себѣ несоотвѣтственны мѣстности и обычаямъ, тогда они невозможны къ исполненію и всегда будутъ нарушены; самый исправный полицейскій присмотръ не въ силахъ будетъ сему противиться.

Дѣла полицейскія въ уѣздѣ могутъ раздѣлиться *первое* на наблюденіе вообще за благочиніемъ, предохраненіе и предупрежденіе причинъ, могущихъ быть опасными для жителей, прекращеніе воровства, грабежей и изловленія бѣглыхъ. *Второе* наблюденіе за исправностію дорогъ, огражденіе жителей отъ обидъ проходящихъ командъ и справедливое распредѣленіе повинностей, подводъ, квартиръ и проч. и проч. *Третіе* наблюденіе за провозомъ закономъ воспрещенныхъ товаровъ, за производствомъ недозволеннаго торга и проч. и проч.

Исполненіе первой статьи.

Очевидно что исполненіе всѣхъ трехъ сихъ статей совершенно зависитъ отъ доброй совѣсти исправниковъ и членовъ земскаго суда, а потому всегда худо исполнено и только что доставляетъ значительный имъ доходъ. Если же бы существовала настоящая отвѣтственность предъ закономъ и мнѣніемъ общимъ, то обязанности первой статьи были бы неминуемо исполнены; много бы уменьшилось воровства и иныхъ безпорядковъ въ уѣздѣ, теперь безъ всякаго страха производимыхъ; бѣглые были бы изловлены, которые теперь безъ всякаго опасенія живутъ въ уѣздахъ и участвуютъ во всѣхъ неблагочиніяхъ. Здѣсь должно замѣтить, что помощники земскаго суда, блюстители благочинія въ деревняхъ, сотскіе и десятскіе въ отношеніи суда тоже, что судъ въ отношеніи губернскаго правленія; они съ бѣглыхъ, воровъ и проч. получаютъ плату и дозволяютъ имъ жить и промышлять въ уѣздѣ; въ случаѣ же слишкомъ сильныхъ и гласныхъ разбоевъ, дѣлятся съ судомъ и такъ рука руку моетъ, начиная съ десятскаго чрезъ

всѣ степени исполнительной власти. Здѣсь надобно замѣтить, что такъ какъ бѣглые и воры, бывши пойманы, часто за деньги отпускаются судомъ, то поселяне и десятскіе знавши сей промыслъ исправника и опасаясь, чтобы сими выпущенными бродягами не было сожжено ихъ селеніе, не токмо что ихъ не ловятъ, но даже иногда даютъ имъ у себя пріютъ.

Исполненіе второй статьи.

Исправленіе дорогъ и справедливое распредѣленіе подводъ по уѣзду должно и могло бы подчиниться тоже точному порядку, но оно теперь совершенно произвольно. Исправленіе дорогъ есть одна изъ труднѣйшихъ повинностей поселянъ, по причинѣ безтолковыхъ распоряженій земскаго суда и губернаторовъ; поднесь еще они дозволяютъ себѣ, вопреки всемилостивѣйшаго указа, предписывать, чтобы высылали на дороги число работниковъ, несоотвѣтственное величинѣ имѣнія и не разбирая времени года. Земская же полиція для проходящихъ командъ выгоняетъ, тоже вопреки постановленій столько подводъ, сколько ей заблагоразсудится, не соблюдая ни очереди, ни порядка, извлекая лишь свои выгоды изъ самопроизвольныхъ сихъ назначеній. Несообразность первыхъ упомянутыхъ требованій и вторыхъ отъ земской полиціи дѣлаютъ, что они всегда худо исполняются, принося лишь доходъ земскому суду, причиною презрѣнія повѣстокъ его и повелѣній губернаторскихъ и наконецъ служатъ поводомъ къ неисполненію даже законныхъ приказаній.

Должно замѣтить, что вообще сколько господа начальники губерній безпечны во всемъ, что касается до исполненія настоящихъ своихъ обязанностей, столько напротивъ того дозволяютъ себѣ необдуманнаго самоуправства и потому исполняемаго только слабѣйшими; господа исправники подражаютъ ихъ примѣру, отъ чего и усиливается совершенное неуваженіе приказаній исполнительной власти; нѣтъ никакой справедливости и порядка въ распредѣленіи обязанностей поселянъ; ближайшіе къ мѣсту требованія терпятъ, отдаленнѣйшіе и тѣ, которые въ силахъ откупиться покойны. Всему сказанному злу опять тѣже причины, — несуществованіе положительныхъ постановленій, наблюденія губернскаго начальства, неопредѣлительность обязанностей, отстраненіе общаго мнѣнія и отвѣтственности служащихъ, ибо иначе сіе зло было бы совершенно прекращено.

Исполненіе третьей статьи.

Наблюденіе за торгомъ и провозомъ закономъ запрещенныхъ товаровъ тоже сопряжено съ большими злоупотребленіями и съ трудомъ можетъ быть по многимъ отношеніямъ ограничено; конечно наблюденіе губернскаго начальства и строгой порядокъ, взысканіе и отвѣтственность, могутъ нѣсколько укротить зло; но уничтожить его способомъ одной полиціи не возможно; здѣсь часто значительною причиною сами постановленія, за исполненіемъ которыхъ наблюдать должно, и которые, по несчастію, иногда подаютъ сами поводъ къ соблазнамъ, нарушенію и тѣмъ развращаютъ народъ и чиновниковъ. Постановленія сіи можно раздѣлить на три разряда.

a) Постановленія явно полезныя для блага, не отяготительныя для общества, сообразныя съ духомъ и понятіями народа и потому всѣми признаваемыя справедливыми. За исключеніемъ таковыхъ, наблюдать полиціи можно, ибо стремящихся къ нарушенію оныхъ не много, одинъ только классъ развратныхъ; напротивъ же того способствующихъ къ открытію зла гораздо болѣе, особенно когда возстановится общее мнѣніе; тогда ежели бы и сама полиція отклонилась отъ своей обязанности, то можно подвергнуть ее строжайшему взысканію и отвѣтственности.

b) Постановленія отяготительныя для большой массы народа, несоотвѣтственныя духу его, мѣстнымъ удобствамъ, способамъ промышленности и потому разоряющія его и, наконецъ:

c) Тѣ, которыя производятъ въ немъ соблазнъ, и потому порождающія преступниковъ.

За исполненіемъ вышесказанныхъ двухъ послѣднихъ родовъ постановленій, никакая полиція не въ силахъ усмотрѣть; а потому и служатъ они только средствомъ дохода оной, внушаютъ народу неуваженіе и презрѣніе къ чиновникамъ и вообще къ постановленіямъ; утверждаютъ обычай и опытомъ доказываютъ возможность всегда избѣгать исполненіе законовъ, платя за сіе и развращая приставовъ исполнителей оныхъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что гильдейское положеніе о торговлѣ, могущее можетъ быть, вообще быть полезно, но по разнообразію областей Россіи и мѣстныхъ удобствъ, клонящееся во многихъ мѣстахъ къ уничтоженію промышленности, не могло быть въ своихъ несообразностяхъ исполнено и потому доставило лишь доходъ земской полиціи и инымъ

исполнительнымъ властямъ, развратило много частныхъ людей и чиновниковъ, научило еще болѣе неуважать законъ, послужило къ усиленію разврата въ отношеніи къ лихоимству, не прекратило желаемой торговли и положивъ преграды торгу, подвергло лишь взяткамъ и обѣднило классъ небогатыхъ промышленниковъ; вотъ вся польза сего постановленія, которое гораздо болѣе развратило чиновниковъ, нежели сколько въ то же время всѣ усилія правительства могли бы образовать людей честныхъ въ училищахъ своихъ.

Мнѣ кажется, что въ ту же категорію должно помѣстить постановленія соблазнительныя, ударяющія на главную страсть народа и явно несправедливыя; ибо воспрещаютъ въ одной области того же государства то, что въ другой позволено и потому неудобны къ исполненію. Продажа въ 29 великороссійскихъ губерніяхъ вина часто испорченнаго по 8 руб. ведро и гораздо лучшаго достоинства въ Бѣлоруссіи и Малороссіи по 2 руб. произвело явное нарушеніе закона, насиліе, грабежи и ужасную наживу земской полиціи и инымъ исполнительнымъ властямъ; отъ сего тоже унизилось во мнѣніи народа достоинство постановленій, развратилось много тысячь служащихъ чиновниковъ, возродились сотни тысячь корчемниковъ, образовалась явная война, вооруженною рукою на границахъ Россіи и привилегированныхъ губерній и увеличилось число преступниковъ, а все сіе отъ несообразнаго постановленія *). Постановленія по смыслу своему, не только дающія поводъ къ воровству, но нѣкоторымъ образомъ узаконяющія оныя, еще не возможнѣе къ исполненію и опаснѣе для блага народа. За исполненіемъ таковыхъ, не существуетъ никакой естественной возможности усмотрѣть. Примѣромъ поставляю продажу вина: казна въ силу постановленій о питейныхъ сборахъ, отпуская вино въ питейные домы по 7 руб. 80 коп. ведро, устано-

*) Не взирая на перемѣну способа откуповъ, корчемство не изсякнетъ, ибо соблазнъ слишкомъ великъ; одна винная стража отъ сего не оградитъ и породитъ лишь преступниковъ; для сего необходимо соблюсти нѣкоторыя постановленія въ цѣнахъ вина на границахъ, съ тѣмъ чтобы переходъ отъ 8-ми до 2-хъ былъ не такъ ощутителенъ; благоразумные откупщики симъ единственнымъ способомъ ограждались отъ корчемства; довольно удивительно, что правительство не руководствуется въ семъ опытомъ частныхъ людей; въ кондиніяхъ воспрещая сіе средство откупщикамъ, кромѣ усиленія корчемства возрождаются симъ еще новые преступники въ самыхъ откупщикахъ, которые сіи условія исполнять не могутъ. *Прим. Муравьева.*

вина еще закономъ, взимать съ продавца нѣкоторую подать за свидѣтельство на питейный домъ, за ярлыкъ для провоза вина и сверхъ того, еще извѣстную плату за покупку казенныхъ мѣръ, наемъ въ казнѣ питейнаго дома и прочія необходимыя издержки, составляющія на питейный домъ, продающій 1 т. ведеръ въ годъ слишкомъ 400 р. расходу или по 40 к. на ведро, и такъ ему оное обходится въ 8 р. 20 к., а по установленію сидѣлецъ продавать его долженъ по 8 руб. ведро; сверхъ того, онъ долженъ еще заплатить за провозъ вина изъ города, отапливать питейный домъ и прокормиться; спрашивается, есть ли возможность ему не плутовать, не обмѣрять, не портить и не продавать дороже вина? *) Но чтобы сіе дѣлать, необходимо оградить себя отъ взысканій начальства и такъ вотъ новый неизбѣжный налогъ, нынѣ приведенный въ систему, дающій винопродавцу полное право нарушать постановленія и переливающійся чрезъ всѣ степени винныхъ наблюдательныхъ властей. Вотъ несчастные плоды таковыхъ постановленій, которыя однакожъ долго не были уничтожены: ибо чѣмъ болѣе онѣ доходны для чиновниковъ, тѣмъ сильнѣе утверждаются, ибо служатъ источникомъ настоящаго и будущаго благосостоянія ихъ, и потому всѣ бывши связаны взаимными выгодами, другъ другу снисходятъ и стараются оныя удержать.

Но кажется, не должно болѣе о семъ распространяться, зло таковыхъ постановленій слишкомъ ясно; очевидно что никакая полиція въ свѣтѣ и никакой бдительный присмотръ не прекратятъ то зло, котораго источникъ въ самыхъ постановленіяхъ.

Послѣдствія изложенныхъ дѣйствій земскаго суда.

Всѣ изложенныя дѣйствія земскаго суда отъ собственнаго разврата чиновниковъ, неопредѣлительности обязанностей или отъ неудобства постановленій происходящія, произвели въ уѣздахъ совершенное къ власти исправника и суда презрѣніе, неуваженіе

*) Я знаю, что мнѣ на сіе возразятъ заступники сей системы казеннаго откупа, что сидѣльцу отпускается вино ведерною мѣрою, а продавать обязанъ онъ мелочною, отъ чего будетъ у него оставаться лишнее вино, которое вознаградитъ вышеупомянутыя издержки. Но во-первыхъ, сего весьма недостаточно, во-вторыхъ самое сіе позволеніе допуская самоволіе, возраждаетъ неминуемо обманъ и плутовство, ибо гдѣ не опредѣлены обязанности, тамъ самоволію, плутовству и самоуправству преградъ не можетъ быть. *Прим. Муравьева.*

закона, неисполненіе предписаній, невыполненіе повинностей уѣздныхъ; утвердили самоуправство, безвозбранное производство воровства и преступленій, часто покрываемыхъ судомъ. Земскій судъ, вмѣсто высокаго и почетнаго назначенія своего, блюстителя благочинія и порядка въ уѣздѣ, есть по большей части хозяинъ дерзкій и наглый въ своихъ поборахъ, особенно гдѣ мало помѣщиковъ и болѣе казенныхъ имѣній и оброчныхъ крестьянъ; низкій, подлый и искательный предъ помѣщиками съ уважительнымъ голосомъ, но напротивъ того дерзкій передъ бѣднѣйшими и всегда неукротимый и жадный въ своихъ поборахъ.

Вотъ послѣдствія существующаго порядка въ исполнительной власти губерніи; кто не жилъ въ уѣздахъ, въ нѣдрахъ государства, конечно сему не повѣритъ, но, по несчастію, сіе есть совершенная истина и необходимо должно положить сему преграды и прекратить ужасное зло повсемѣстно гнѣздящееся въ исполнительныхъ губернскихъ властяхъ, отъ которыхъ зависитъ благосостояніе поселянъ, корень всего судопроизводства, начало всѣхъ дѣлъ и причины неблагочинія.

Все мною сказанное о способахъ ко злу употребляемыхъ въ земскихъ судахъ, есть истинный сколокъ всего, что болѣе или менѣе во всемъ государствѣ производится или производиться можетъ; ежели не всегда сіе дѣлается, то причины тому, побочныя отъ постановленій обстоятельства; удача въ выборѣ губернатора или назначеніе благонамѣренныхъ къ должностямъ губернскимъ и уѣзднымъ чиновниковъ; но какъ на таковую удачу полагаться не должно, ибо она случайная и временная, то и кажется мнѣ, что необходимо изслѣдовавъ во всякомъ управленіи употребляемыя средства ко злу, положить и преграды онымъ; тогда конечно злоупотребленія много уменьшатся. Вотъ единственная цѣль моего писанія и я почту себя счастливымъ, ежели мой несовершенный трудъ сей, можетъ послужить къ пользѣ. Для большой ясности излагаю я ниже сего нѣкоторыя причины, отъ которыхъ, кажется мнѣ, сказанные употребляемые способы ко злу суть непремѣнныя послѣдствія.

Заключеніе.

Изъ сдѣланнаго мною изложенія способовъ употребляемыхъ къ злоупотребленію, явствуетъ, что причиною оныхъ: 1) Дурной выборъ чиновниковъ, 2) Постановленія.

Дурной выборъ чиновниковъ.

Дурной выборъ чиновниковъ происходитъ отъ того, что именитые, достойные дворяне вообще избѣгаютъ службы по выборамъ, особенно должности исправника, а сему причиною:

a) Обязанности его недостаточно опредѣлены.

b) Онъ въ совершенной зависимости отъ исполнительныхъ въ губерніи властей, которыя по неточности и недостатку постановленій должны быть самоуправны.

c) Онъ часто получаетъ отъ нихъ порученія, не приличныя его званію.

d) Не угодивши губернатору, по его произволу можетъ быть отрѣшенъ отъ должности и отданъ подъ судъ; недостатокъ формъ и неопредѣлительность въ обязанностяхъ, можетъ ежечасно его сему подвергнуть и потому утверждаютъ сію зависимость.

e) Невинность не спасетъ его отъ продолжительнаго суда и разоренія.

f) Судъ страшенъ не приговоромъ закона, а медлительностію своею и срывами съ подсудимыхъ, а потому опаснѣе невинному, чѣмъ виновному.

g) Отъ сказанной выше зависимости исправникъ не можетъ быть полезенъ уѣзду, не можетъ имѣть самостоятельнаго голоса, соотвѣтствовать почтенному назначенію своему и неминуемо долженъ взойти въ составъ и цѣль всего губернскаго управленія.

h) Въ должностяхъ штатныхъ т. е. отъ правительства назначенныхъ, чиновники переносятъ съ терпѣніемъ, встрѣчающіяся непріятности и неудачи по службѣ, ибо имѣютъ въ виду лишь свою карьеру: служащіе же по выборамъ не могутъ имѣть сего въ предметѣ и главная цѣль ихъ и награда должны быть, польза уѣзда, самостоятельная цѣнность мѣста и уваженіе сограждамъ, которыя, какъ мы видѣли, теперь существовать не могутъ.

i) Большое множество дѣлъ въ уѣздахъ, съ малымъ числомъ помощниковъ, почти безъ жалованья, сдѣлали изъ исправника болѣе чиновника просто полицейскаго, который кромѣ другихъ непріятностей ведетъ жизнь кочующую, несовмѣстную его сану.

j) Когда усердіе къ службѣ по выборамъ, честолюбіе долженствующее съ оною быть связано, достоинство мѣстъ и общее мнѣніе уѣзда столь сильно подавлены вышесказанными обстоятельствами, тогда не должно удивляться, что выборы столь унизились

и мѣста самыя почтенныя занимаемы людьми, часто несоотвѣтствующими благодѣтельному намѣренію правительства

Отъ сего неминуемыя послѣдствія:

а) Что на выборы съѣзжаются по большой части дворяне, ищущіе не пользы общей, которой принести нельзя, а лишь удовлетворенія своихъ личныхъ корыстолюбивыхъ видовъ, которымъ даетъ поводъ неопредѣлительность и мрачность, существующія въ порядкѣ службы.

b) Которые готовы для сего намѣренія переносить всѣ непріятности.

c) Которые знавши духъ и порядокъ губернской службы рѣшительно безъ стыда, какъ могутъ болѣе наживаются, чтобы было чѣмъ оправдаться въ уголовной палатѣ на случай внезапнаго суда.

d) Которые въ уѣздѣ угождаютъ всѣмъ дворянамъ, имѣющимъ голосъ, связи и богатство, готовы на всѣ несправедливости, неисполняютъ должнаго и знавши всѣ слабыя стороны постановленій, пользуются оными для лицепріятія и наживаются отъ промышленниковъ, поселянъ, бѣглыхъ, воровъ и при покрытіи слѣдствіемъ преступленія.

е) Тамъ гдѣ мало образованія, гдѣ общее мнѣніе не существуетъ, гдѣ никому кромѣ служащихъ неизвѣстно производство дѣлъ, гдѣ они въ незаконной и самовольной зависимости отъ другихъ властей, тамъ только такая система службы возможна и удобна, особенно когда постановленія сему способствуютъ.

Причина зла отъ постановленій.

По настоящему постановленій Земскаго суда разбирать не возможно, ибо они почти не существуютъ и ограничиваются лишь назидательными, нравственными поученіями, весьма добродѣтельными, но неимѣющими въ виду закона, которой долженъ быть всегда точенъ, ясенъ, опредѣлителенъ во всѣхъ случаяхъ, полагаться сколько возможно менѣе на добродѣтель чиновниковъ и потому долженъ давать средства, повѣрять дѣйствія исполнителей онаго, наблюдать за ними и установить отвѣтственность.

Общія постановленія.

1) Исправникъ бывши въ силу учрежденія главою уѣзда, между тѣмъ столько обремененъ теперь мелочными исполнительными

дѣлами внутри онаго, часто неприличными его званію, что онъ дѣйствительно не можетъ содержать въ порядкѣ общія уѣздныя дѣла и сдѣлавшись просто полицейскимъ чиновникомъ уничтожается во мнѣніи. Мнѣ кажется, что не должно смѣшивать должностей, приличныхъ разному званію; не льзя въ одно время быть хорошимъ исправникомъ и проживать все лѣто на канавахъ и дорогахъ, скакать для исполненія самыхъ пустыхъ порученій и получать неприличныя и унизительныя выговоры отъ начальства.

2) Онъ имѣетъ по числу дѣлъ и огромности уѣздовъ, слишкомъ мало помощниковъ, которые бывши безпрестанно въ уѣздѣ не засѣдаютъ почти въ присутствіи земскаго суда.

3) Канцелярскій порядокъ совершенно не существуетъ и зависитъ обыкновенно, по сказаннымъ причинамъ, отъ одного секретаря, часто безграмотнаго; отъ сего порождаются часто лицепріятія и злоупотребленія.

a) Не рѣдко прошенія частныхъ лицъ теряются.

b) Должныя требованія не исполняются.

c) Не соблюдается очереди въ дѣлахъ и оную видѣть нельзя.

d) Пишутъ повѣстки безъ смысла и невозможныя къ исполненію.

Словомъ, недостатокъ канцелярскаго порядка причиною большаго зла и многихъ несправедливостей, ибо отъ недостатка онаго порождается неизвѣстность въ дѣйствіяхъ земскаго суда, даже для самаго начальства; отъемлется отвѣтственность во времени и очереди исполненія дѣлъ и просителю невозможно знать о ходѣ своего прошенія.

Въ дѣлахъ слѣдственныхъ.

1) Не существуетъ ни очереди, ни времени въ зачатіи дѣлъ.

2) Исправникъ и засѣдатели могутъ производить слѣдствія по своему произволу, не подвергаясь никакой отвѣтственности, ибо никому кромѣ стряпчему не предоставлено права ихъ повѣрять; здѣсь лицепріятію нѣтъ преграды и отъ того въ слѣдствіяхъ:

a) Не соблюдается никакого благочинія.

b) Можно сдѣлать ложное слѣдствіе.

c) Можно сдѣлать неполное слѣдствіе.

3) Понятые не суть преграда лицепріятію; они не могутъ удержать отъ онаго, ибо должны дѣлать всегда угодное суду; присяга ихъ есть ничтожная преграда, ибо дѣлается безъ должной

важности и для одной формы; часто они не знаютъ въ чемъ присягаютъ и за безграмотствомъ ихъ, росписывается другой, совсѣмъ въ противномъ ихъ желаніи.

4) Большой и малой повальные обыски суть тоже ничтожные преграды ко злу; ибо поселяне въ показаніяхъ своихъ всегда согласны съ волею суда, и дворяне участвуютъ въ ономъ только тѣ, которыхъ пожелаетъ судъ пригласить или дать заочно подтвердить желаемое.

Изъ всего вышесказаннаго видно: что законъ не подчинивъ дѣйствій суда наблюденію и отвѣтственности, положившись совершенно на добросовѣстность членовъ онаго, самъ далъ поводъ ко злу и потому необходимо сдѣлать въ смыслѣ совершенно новыя постановленія.

Дѣла исполнительныя.

Въ дѣлахъ исполнительныхъ тѣже самыя причины злоупотребленія.

1) Неимѣніе очереди и опредѣленія срока для исполненія.

2) Возможность приносить пустые отговорки и несуществованіе отвѣтственности, а потому послѣдствіемъ просто явное неисполненіе.

3) Недостатокъ исполнительныхъ чиновниковъ.

4) Неопредѣлительность закона въ способахъ исполненія.

5) И наконецъ предоставленія многаго на добрую совѣсть исполнителей, безъ всякаго наблюденія и законной отвѣтственности.

Дѣла полицейскія.

Въ дѣлахъ полицейскихъ тѣже самыя причины зла съ пріобщеніемъ еще часто существенной невозможности, находящейся въ самыхъ тѣхъ постановленіяхъ, за наблюденіемъ которыхъ наблюдать должно.

Наконецъ общія весьма важныя причины зла во всѣхъ трехъ отрасляхъ дѣйствій земскаго суда суть, тайна производства дѣлъ, невозможность участія въ оныхъ мнѣнія уѣзднаго и недостатокъ жалованья.

Балтійскія наши области, гдѣ гораздо менѣе злоупотребленія и тѣже почти постановленія, не могутъ служить примѣромъ и доказать противнаго; тамъ дворянство мало служитъ въ казенныхъ должностяхъ, болѣе образовано, большая часть онаго живетъ въ

своихъ уѣздахъ и потому мнѣніе общее взяло верхъ надъ властью исполнительной; тамъ по сей причинѣ уважается мѣсто, а не чинъ и конечно исправникъ болѣе значитъ въ общемъ мнѣніи, нежели проѣзжій генералъ. У насъ исправникъ можетъ получить непріятность не токмо отъ губернатора или проѣзжаго выше его чина, но даже отъ письмоводителя губернскаго правленія; его ни законъ, ни мнѣніе общее отъ сего не ограждаютъ; онъ въ совершенной зависимости отъ всѣхъ властей и для огражденія себя отъ большихъ непріятностей, долженъ снисходить всѣмъ, ибо заступниковъ не имѣетъ и для сего часто жертвуетъ своею обязанностію, честью и совѣстью.

Наблюдательная власть.

Кажется, что изъ всего вышесказаннаго видно, что наблюдательная власть, столь необходимая во всѣхъ дѣлахъ, теперь въ губерніяхъ существовать не можетъ; тамъ, гдѣ нѣтъ никакой опредѣлительности и точности въ постановленіяхъ, все наблюденіе и преграда злу должны зависѣть отъ личности характера и дѣятельности губернатора; но тѣ самыя причины, которыя возрождаютъ безпорядокъ и лицепріятіе, часто полагаютъ преграду самому благонамѣренному губернатору въ дѣйствіяхъ его для пользы. И такъ порядокъ въ губерніи зависитъ теперь отъ случайности, а не отъ постановленій и отъ того мы видимъ, такъ мало губерній, хорошо управляемыхъ, и такъ много губерній, во зло употребляющихъ закономъ допущенное самоуправство.

ПРИЛОЖЕНІЕ VII КЪ ГЛАВѢ VII.

Копіи съ двухъ журналовъ особаго комитета по дѣламъ возвращенныхъ отъ Польши губерній, касательно мѣръ для улучшенія общественнаго и частнаго въ сихъ губерніяхъ воспитанія и преобразованія виленскаго университета и волынскаго.

1831 года октября 26 комитетъ, назначенный для разсмотрѣнія разныхъ предположеній, относящихся до губерній отъ Польши возвращенныхъ, занимался соображеніемъ о мѣрахъ для улучшенія общественнаго и частнаго въ сихъ губерніяхъ воспитанія.

При учрежденіи сего комитета объявлено оному было между прочимъ высочайшее повелѣніе, войти въ разсмотрѣніе предположенія объ уничтоженіи виленскаго университета и кременецкой гимназіи. Въ томъ же высочайшемъ повелѣніи комитету поставлено было на видъ, что по послѣднимъ донесеніямъ въ университетѣ виленскомъ находится нынѣ не болѣе 30-ти студентовъ. Его величество полагаетъ, что фундуши университета сего, равно какъ и принадлежащіе гимназіи кременецкой, могли бы обращены быть на училищныя заведенія, кои нынѣ существуютъ, или на тѣ, кои впредь учреждены быть могутъ, какъ то, на полоцкій кадетскій корпусъ и проч. Его величество полагаетъ также, что профессора университета виленскаго и гимназіи кременецкой, по надлежащемъ ихъ разборѣ, могутъ быть опредѣлены въ другіе наши университеты и въ иныя училища.

Сверхъ сего, въ виду комитета имѣются разныя другія еще

предположенія, до сего предмета относящіяся, существо коихъ состоитъ въ слѣдующемъ:

I) Бывшій могилевскій гражданскій губернаторъ Муравьевъ въ запискѣ отъ 22 декабря 1830 г. изъяснялъ между прочимъ, что фанатическій духъ католицизма, болѣе сосредоточенный въ монашествующихъ орденахъ и соединенный большею частію съ нѣкоторымъ отчужденіемъ отъ всего русскаго и со стремленіемъ къ поддержанію національизма, долженъ обратить особенное строжайшее вниманіе правительства. Оному довольно извѣстно, сколько необходимо положить сему злу коренную преграду, лишивъ монашествующее духовенство права заниматься воспитаніемъ юношества, почему и предположено уже уничтоженіе духовныхъ при монастыряхъ училищъ съ замѣщеніемъ оныхъ свѣтскими. По мнѣнію Муравьева весьма полезно бы было ввести преподаваніе учебныхъ въ сихъ училищахъ предметовъ на русскомъ языкѣ; онъ думаетъ однако же, что должно избѣгать уничтоженія существующихъ учебныхъ заведеній, доколѣ не учредятся новыя. Сверхъ сего Муравьевъ необходимымъ считаетъ, запретить, римско-католическому духовенству воспитанія дѣтей въ домахъ подъ видомъ домашнихъ капеллановъ.

Статсъ-секретарь Блудовъ, разсматривавшій по высочайшему повелѣнію предположенія Муравьева, полагаетъ, что рѣшительное воспрещеніе римско-католическому духовенству, заниматься воспитаніемъ дѣтей въ домахъ теперь не можетъ еще быть приведено въ дѣйствіе, ибо мѣра сія сильно поразила бы умы и отвратила бы ихъ отъ расположенія, содѣйствовать цѣли правительства въ другихъ отношеніяхъ. Сверхъ того, нѣтъ никакихъ способовъ исполнить такое предположеніе. Кто будетъ наблюдать за происходящимъ внутри семействъ и домовъ? и не властенъ ли всякій помѣщикъ имѣть учителя аббата, не называя его своимъ капелланомъ? Статсъ-секретарь Блудовъ присовокупляетъ къ сему, что для отвращенія неудобствъ домашняго, по большей части недостаточнаго, а иногда и вреднаго воспитанія, чрезъ людей вовсе неизвѣстныхъ правительству одно только средство: сдѣлать публичное воспитаніе столь хорошимъ, чтобы родители, по убѣжденію въ пользѣ онаго, сами отдавали дѣтей въ учебныя заведенія; но преобразованіе училищъ есть дѣло многотрудное и требующее не только стараній, но и долгаго времени и благопріятныхъ обстоятельствъ. Что касается до уничтоженія духовныхъ училищъ и преподаванія наукъ

въ имѣющихъ замѣнить оныя свѣтскихъ на русскомъ языкѣ; то всѣ сіи предположенія уже имѣются въ виду министерства народнаго просвѣщенія, но къ исполненію оныхъ нельзя приступить, какъ и самъ Муравьевъ замѣчаетъ, прежде нежели заведены будутъ вновь предположенныя свѣтскія училища.

Особый комитетъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Голицына, съ вышеизложенными замѣчаніями статсъ-секретаря Блудова совершенно согласенъ и считаетъ только нужнымъ сообщить министерству народнаго просвѣщенія и попечителю Бѣлорусскаго учебнаго округа о приложеніи съ ихъ стороны всевозможнаго старанія къ скорѣйшему исполненію находящихся въ виду ихъ предположеній, имѣя постоянною цѣлію направленіе публичнаго воспитанія къ сближенію тамошнихъ жителей съ природными Россіянами.

II) Генералъ Шиповъ въ представленномъ имъ обозрѣніи Подольской губерніи изъясняетъ, что происходящіе отъ польскаго племени дворяне понынѣ еще составляютъ въ тамошнемъ краю народъ чужеземный, враждебный Россіи. Изъ нихъ рожденные до присоединенія сего края отъ Польши къ Россіи, воспоминаютъ о вольности, коею пользовались они во время польской олигархіи, и питаютъ ненависть къ правительству, обуздавшему сію буйность. Возрастающіе принимаютъ таковое враждебное чувство отъ отцовъ своихъ, укореняютъ и усиливаютъ оное въ училищахъ, гимназіяхъ и виленскомъ университетѣ. Въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ преподаваніе наукъ производится вообще на языкѣ польскомъ; обученіе и надзоръ за воспитанниками предоставленъ исключительно Полякамъ, родившимся въ подданствѣ Польши. Наставники сіи, какъ народъ покоренный, питаютъ ненависть къ побѣдителямъ, пылаютъ враждою къ правительству и народу Русскому и передаютъ сіи чувства своимъ питомцамъ. Воспитанники, даже коренные Русскіе, не чувствительно получаютъ тѣ же чувства и правила и дѣлаются враждебными Россіи Поляками. Такимъ образомъ возрастаетъ цѣлое поколѣніе людей, упитывающихся чувствами вражды и мести къ тому народу, коего они должны быть согражданами, — къ тому правительству, коему обязаны они своимъ благосостояніемъ и безопасностію. Воспитаніемъ дворянскаго юношества занимались наиболѣе іезуиты, до изгнанія ихъ изъ Россіи. Воспитатели сіи происхожденіемъ большею частію Поляки католики, притомъ монахи и фанатики, съ чувствомъ вражды къ Россіи,

поселяемой въ своихъ воспитанниковъ, соединяли ненависть къ православному исповѣданію. Нѣкоторые богатые молодые дворяне воспитываются въ Вѣнѣ или Парижѣ и посѣщаютъ другіе города Европы; но какъ они не предполагаютъ слѣдовать по какому либо поприщу, на коемъ бы способности свои могли употребить въ пользу общую, то сіе чужеземное воспитаніе и путешествія, предпринятыя безъ всякой общеполезной цѣли, доставляютъ имъ только поверхностныя, ничтожныя познанія. Генералъ Шиповъ присовокупляетъ къ сему что воспитаніе юношества, на истинныхъ государственныхъ началахъ основанное, онъ почитаетъ главнѣйшимъ средствомъ къ измѣненію враждебнаго противъ Россіи духа польскаго дворянства, къ возрожденію въ немъ преданности къ правительству, братской приверженности къ согражданамъ и любви къ настоящему своему отечеству. Преобразованіе воспитанія, по мнѣнію его, поручить должно человѣку просвѣщенному, благоразумному, съ твердостію характера истинную любовь къ отечеству соединяющему; учителей и наставниковъ постепенно опредѣлять изъ обучавшихся въ главномъ педагогическомъ институтѣ, особенно для преподаванія исторіи, коренныхъ Русскихъ, или хотя частію и иноплеменныхъ, но только не Поляковъ; поставить имъ въ обязанность, имѣть главною цѣлію возрожденіе и утвержденіе въ обучающемся юношествѣ тѣхъ государственныхъ добродѣтелей, о коихъ выше упомянуто.

Министръ финансовъ въ запискѣ по предположеніямъ генерала Шипова, государю императору представленной, замѣчаетъ что воспитаніе высшихъ классовъ въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ находится не малою частію въ рукахъ католическаго духовенства. На первый разъ невидно никакой основательной надежды отнять воспитаніе изъ рукъ онаго вовсе, тѣмъ болѣе, что всѣ тѣ учители, коихъ можно послать изъ Россіи, покуда не таковы, чтобы могли пріобрѣсть болѣе уваженія, нежели польскіе духовные. Но ничто не препятствуетъ, чтобы вездѣ учились по русски и Русскіе имѣли участіе въ воспитаніи. Въ числѣ же распоряженій, коими можно бы болѣе привязать Поляковъ къ Россіи, министръ финансовъ считаетъ также: 1) преобразованіе виленскаго университета, доходъ коего, кажется, могъ бы достаточенъ быть для двухъ; 2) воспитаніе въ кадетскихъ корпусахъ, хотя нельзя скрывать, что корпусное воспитаніе въ наше время крайне опасно, ибо удаленіе отъ семейной жизни и отъ нуждъ

общества, имѣетъ, какъ и опыты доказываютъ, необходимымъ послѣдствіемъ наклонность жертвовать отвлеченнымъ и фантастическимъ мыслямъ всѣмъ что человѣку должно быть свято.

Особый комитетъ, бывшій подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Голицына, отозвался, что правительство давно уже обратило вниманіе на необходимость ослабить вредное вліяніе виленскаго университета на учащихся, а чрезъ нихъ и на прочихъ жителей. Съ сею цѣлію изъяты изъ Виленскаго учебнаго округа, начально губернія Кіевская, а въ 1824 году и обѣ бѣлорусскія. Сверхъ того, по случаю открывшихся въ семъ университетѣ безпорядковъ иные профессоры и чиновники удалены оттуда, а нѣкоторые размѣщены по другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ во внутреннихъ губерніяхъ. Въ недавнемъ времени государь императоръ, по поводу новаго разграниченія учебныхъ округовъ, соизволилъ признать полезнымъ, еще стѣснить округъ вѣдомства сего университета, оставивъ въ округѣ онаго только губерніи Виленскую и Гродненскую и область Бѣлостокскую и отдѣливъ Минскую губернію къ Бѣлорусскому учебному округу, а Волынскую и Подольскую къ Харьковскому. Такимъ образомъ всѣ возможныя мѣры уже приняты: дальнѣйшія распоряженія объ исправленіи какой либо части въ Виленскомъ университетѣ зависятъ уже отъ попечителя его и министерства народнаго просвѣщенія. Впрочемъ учрежденіе другаго университета въ одной изъ бывшихъ польскихъ губерній едва ли не послужило бы къ распространенію польскаго духа между молодыми людьми тамошняго края. Лучше будетъ назначить мѣсто для новаго высшаго учебнаго заведенія въ одной изъ коренныхъ русскихъ губерній. Но то безъ сомнѣнія справедливо, что нынѣ съ уменьшеніемъ пространства Виленскаго учебнаго округа, и часть доходовъ съ принадлежащихъ оному фундушевыхъ имѣній, должна быть отдана другимъ университетамъ, въ вѣдомство коихъ поступили изъятыя изъ сего округа губерніи. Статсъ-секретарь Блудовъ, по званію товарища министра народнаго просвѣщенія, обращалъ на сей предметъ вниманіе князя Ливена. Касательно мысли способствовать преобразованію жителей западныхъ губерній посредствомъ воспитанія въ кадетскихъ корпусахъ, комитетъ полагаетъ, что въ семъ отношеніи уже сдѣлано все, что можетъ служить къ достиженію сей полезной цѣли чрезъ учрежденіе корпусовъ въ Полоцкѣ и Полтавѣ и причисленіе къ онымъ губерній,

отъ Польши возвращенныхъ. Заведеніе новаго кадетскаго корпуса въ самомъ центрѣ Литвы имѣло бы послѣдствіемъ такія же неудобства, какъ и учрежденіе другаго въ семъ краѣ университета.

Бывшій могилевскій губернаторъ Муравьевъ во второй запискѣ своей отъ 29-го минувшаго августа, признаетъ необходимымъ рѣшительно уничтожить гнѣздилище литовскаго вольнодумства, раскассированіемъ виленскаго университета по разнымъ училищамъ во внутрь имперіи, преобразовавъ постепенно всю учебную часть на основаніи россійскихъ заведеній и отнявъ у духовенства право заниматься образованіемъ юношества. Все сіе должно предоставить благоразумному распоряженію намѣстника области и дать ему достаточныя средства и власть къ приведенію сего предпріятія въ исполненіе. Преобразованіе внутреннихъ училищъ въ литовскихъ губерніяхъ, равно и духовныхъ, можетъ быть произведено постепенно, дабы тѣмъ временемъ не затруднить воспитанія и не произвести безнужнаго ропота. Раскассированіе же и уничтоженіе навсегда виленскаго университета можно исполнить немедленно, ибо оный существуетъ лишь по одному имени и большая часть воспитавшагося въ немъ юношества и даже много учителей разошлись и толпами пристали къ бунтовщикамъ. Университетъ сей, столь прославляемый въ общемъ мнѣніи Поляковъ, по наблюденіямъ губернатора вовсе не есть источникомъ должнаго просвѣщенія. Литовское дворянство, какъ бы по нѣкоему предубѣжденію, посылаетъ туда своихъ дѣтей, которыя проводя дни въ праздности и вольнодумствѣ, не обучаясь ничему основательному, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ праздношатанія, возвращаются домой, получивъ въ ономъ нѣкій наружный блескъ вреднаго полупросвѣщенія и рѣшительное основаніе вольнодумства. Одно сословіе шляхты и разночинцевъ пріобрѣтало, при томъ же впрочемъ вольнодумствѣ, нѣкоторыя знанія, особенно по части духовной, медицинской и адвокатской; также дѣти экономовъ, комисаровъ и прочихъ бѣднѣйшихъ сословій пользовались нѣкоторыми выгодами онаго, но съ тѣмъ вмѣстѣ пріобрѣтали еще болѣе духа вольнодумства, безвѣрія и разврата.

Все вышеизложенное содержитъ въ себѣ четыре главныя предположенія:

1. Упраздненіе или по крайней мѣрѣ преобразованіе виленскаго университета и гимназіи кременецкой.

2. Введеніе въ преподаваніе россійскаго языка.

3. Замѣненіе духовныхъ училищъ свѣтскими, и

4. Запрещеніе римско-католическому духовенству заниматься домашнимъ воспитаніемъ дѣтей.

Комитетъ убѣждаясь во всей важности разрѣшенія вопроса объ уничтоженіи виленскаго университета, обращался съ одной стороны къ тѣмъ уваженіямъ, кои по первому взгляду мѣру сію представляютъ полезною, а съ другой не могъ не принять во вниманіе и нѣкоторыхъ существенныхъ неудобствъ, съ оною сопряженныхъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что виленской университетъ при прежнемъ попечителѣ своемъ, изъ Поляковъ избранномъ, бывъ средоточіемъ, куда стекалось все юношество западныхъ губерній, получилъ направленіе, для намѣреній правительства вредное и вообще Россіи непріязненное. Сѣмена, симъ образомъ насѣянныя, глубоко укоренились, а отъ сего, при всѣхъ мѣрахъ, принятыхъ въ послѣдствіи къ отвращенію сего направленія со стороны настоящаго университетскаго начальства перемѣною неблагонадлежныхъ профессоровъ бдительнѣйшимъ надзоромъ за студентами, не во власти его было истребить совершенно, въ краткое время тотъ духъ, который при предшествующемъ 20-ти-лѣтнемъ почти управленіи, внушенъ былъ и преподающимъ и обучающимся, который необходимо долженствовалъ сообщаться отъ однихъ студентовъ другимъ, при постепенномъ поступленіи ихъ въ университетъ и который поддерживался еще общимъ направленіемъ умовъ въ Литвѣ и другихъ губерніяхъ польскихъ. Въ семъ отношеніи и если взять при томъ въ соображеніе, что Вильна есть нѣкоторымъ образомъ столица Литвы и при многолюдствѣ сего города, треніе въ немъ умовъ сильнѣе, а самое ученіе, по множеству представляющихся студентамъ развлеченій, не можетъ быть столь успѣшно: то нельзя конечно не согласиться, что закрытіе, или покрайней перемѣщеніе виленскаго университета было бы мѣрою полезною; но если обратиться къ тому, что въ губерніяхъ литовскихъ просвѣщеніе распространилось вообще болѣе, нежели въ другихъ присоединенныхъ отъ Польши областяхъ; что по сему и по отдаленности другихъ университетовъ, необходимость въ высшемъ учебномъ заведеніи преимущественно для нихъ ощутительна, доказательствомъ чему служитъ и сдѣланный въ присутствіи комитета дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ Новосильцовымъ отзывъ, что въ университетѣ виленскомъ число студентовъ простирается иногда до 2000; что за упраздненіемъ

сего университета и учрежденіемъ въ замѣнъ онаго другаго въ какой либо сосѣдственной губерніи русской, обучающееся въ Вильнѣ юношество наводнитъ собою сей новый университетъ и тамъ можетъ распространить заразу ложныхъ впечатлѣній, отъ дѣтства оному внушенныхъ, или обратится въ университеты иностранные, гдѣ при господствующемъ нынѣ въ Европѣ духѣ вольнодумства, еще болѣе утвердится въ превратныхъ своихъ понятіяхъ и составитъ новое поколѣніе, еще болѣе Россіи не пріязненное; наконецъ, что медицинскій въ помянутомъ университетѣ факультетъ всегда славился однимъ изъ первыхъ въ Россіи, а богословскій совершенно необходимъ, ибо онъ есть единственный, гдѣ получаютъ высшее образованіе проповѣдники для двухъ съ половиною милліоновъ россійскихъ подданныхъ римско-католическаго исповѣданія; если принять все сіе въ уваженіе, то нельзя не признать соотвѣтственнымъ предусмотрительности правительства сохранить особый для сѣверныхъ польскихъ губерній университетъ, а по уваженію значительныхъ издержекъ, коихъ потребовало бы перемѣщеніе университета сего въ другой городъ и по разнымъ другимъ трудностямъ, съ таковою мѣрою сопряженнымъ, — оставить оный до времени въ Вильнѣ, но ограничивъ кругъ его дѣйствія губерніями Виленскою и Гродненскою и областію Бѣлостокскою, и давъ ему новое образованіе, намѣреніямъ правительства соотвѣтственнѣйшее. Въ семъ видѣ составляя такъ сказать, по необходимости университетъ польскій, оный удобнѣе можетъ быть подвергнутъ наблюденію мѣстнаго начальства, въ обязанность коего поставленъ быть долженъ самый бдительный и строгій надзоръ за преподающими и обучающимися. Вмѣстѣ съ симъ для сокращенія числа студентовъ сего университета, можно бы постановить, чтобы въ оный принимаемы были только уроженцы губерній, къ учебному округу принадлежащихъ. О всѣхъ преобразованіяхъ сихъ ближайшее соображеніе должно предоставлено быть попечителю Виленскаго учебнаго округа, съ тѣмъ чтобы университетъ, остающійся еще послѣ бывшихъ безпорядковъ закрытымъ, открытъ былъ вновь не прежде какъ по очищеніи его въ правилахъ и въ людяхъ и по окончательномъ утвержденіи всѣхъ нужныхъ преобразованій въ возрожденномъ, такъ сказать, видѣ; до того же времени продолжать курсы ученія только въ медицинскомъ при университетѣ институтѣ, гдѣ по послѣднимъ свѣдѣніямъ находятся до 100 казенныхъ студентовъ, и въ главной при университетѣ

семинаріи, въ коей помѣщено нынѣ 20 клириковъ и куда приходитъ таковыхъ еще до 60-ти изъ семинаріи епархіальной.

Такимъ образомъ, отдѣливъ совершенно виленскій университетъ отъ прочихъ польскихъ губерній, для сихъ послѣднихъ, а именно для губерній Подольской, Волынской, Минской и Кіевской, въ коихъ не только поселяне, но и разночинцы говорятъ преимуществено русскимъ языкомъ или малороссійскимъ нарѣчіемъ, комитетъ полагаетъ учредить новый, совершенно уже русскій университетъ въ Кіевѣ, какъ въ такомъ городѣ, гдѣ и по духу, и по вѣроисповѣданію учителей, можно ожидать значительнаго перевѣса Русскихъ надъ Поляками, особенно при хорошемъ выборѣ наставниковъ и при присоединеніи къ учебному округу сего новаго университета, сверхъ означенныхъ польскихъ областей, нѣсколько губерній русскихъ, какъ напримѣръ: Полтавской, Черниговской, Херсонской, Таврической, Екатеринославской, и также области Бессарабской. За симъ волынскій лицей (кременецкую гимназію), который учрежденъ былъ (княземъ Чарторижскимъ и Чацкимъ), на самой границѣ трехъ главныхъ отдѣленій прежней Польши, въ томъ намѣреніи, чтобы непрерывно возбуждать въ Полякахъ всѣхъ трехъ отдѣленій сихъ воспоминаніе о прежнемъ національномъ ихъ существованіи и поддерживать въ нихъ мысль о возстановленіи самобытной Польши, рѣшительно упразднить, и въ замѣнъ сего дать обширнѣйшее въ предметахъ ученія устройство и нѣкоторыя особыя права кіевской губернской гимназіи, распространивъ и самый составъ ея.

Что касается до средствъ къ содержанію кіевскаго университета и тамошней гимназіи въ новомъ ея видѣ, то изысканіе оныхъ должно быть возложено на ближайшее соображеніе министерства народнаго просвѣщенія, поставя оному на видъ, что на сіе можно бы обратить фундушъ волынскаго лицея, по колику то соотвѣтствуетъ распоряженіемъ фундаторовъ, а равно всѣ учебныя пособія сего заведенія, какъ то: библіотеку, кабинеты и проч.; въ случаѣ же недостатка помянутаго фундуша, пополнить оный изъ доходовъ, которые отъ виленскаго университета, при уменьшеніи круга его дѣйствія, оставаться должны; наконецъ предстоящія и затѣмъ еще издержки обратить на доходы отъ конфискованныхъ имѣній мятежниковъ.

Если предположеніе объ учрежденіи въ Кіевѣ новаго русскаго университета и о распространеніи тамошней гимназіи удостоится

высочайшаго утвержденія, то сіе въ совокупности съ устройствомъ полтавскаго и полоцкаго кадетскихъ корпусовъ, будетъ надежнѣйшимъ средствомъ ко введенію въ западномъ краѣ Россіи преподаванія наукъ на русскомъ языкѣ.

Попечитель виленскаго университета дѣйствительный тайный совѣтникъ Новосильцовъ, соглашаясь съ своей стороны со всѣми вышеизложенными сужденіями и предположеніями комитета, внесъ сверхъ того представленную ему отъ ректора означеннаго университета особую по сему предмету записку, которую комитетъ положилъ поднести на высочайшее благоусмотрѣніе вмѣстѣ съ симъ журналомъ.

Переходя отъ сего къ вопросу объ уничтоженіи духовныхъ училищъ и о замѣненіи ихъ свѣтскими, комитетъ при всей уважительности представленіи о семъ губернатора Муравьева и генералъ-адъютанта Шипова, не можетъ не согласиться съ заключеніемъ министра финансовъ и особаго комитета, бывшаго подъ предсѣдательствомъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника князя Голицына, о преждевременности и неудобствѣ предпринять таковую мѣру вдругъ на всемъ пространствѣ западныхъ губерній. Духовныя училища, въ губерніяхъ сихъ существующія, трудно замѣнить свѣтскими и потому уже, что сіе потребуетъ новыхъ значительныхъ издержекъ отъ правительства, тогда какъ нынѣ они содержатся на счетъ ихъ фундушей и иждивеніемъ духовенства. Сверхъ сего, извѣстно съ какими затрудненіями сопряжено пріисканіе знающихъ и способныхъ учителей. Впрочемъ послѣ разсмотрѣнія дѣла сего особымъ комитетомъ, многія духовныя училища уже упразднены и вмѣсто оныхъ учреждаются свѣтскія. Остается только по возможности и съ должною постепенностію придерживаться сей системы и въ послѣдствіи. Другой важный къ таковому преобразованію шагъ сдѣланъ учрежденіемъ корпусовъ въ Полоцкѣ и Полтавѣ съ причисленіемъ къ онымъ губерній, отъ Польши возвращенныхъ.

Обращаясь наконецъ къ той мысли, чтобы римско-католическому духовенству совершенно запретить домашнее воспитаніе дѣтей, комитетъ находитъ, что въ странѣ, гдѣ высшія сословія въ цѣломъ почти составѣ ихъ, принадлежатъ къ сему исповѣданію, подобное запрещеніе произведетъ одинъ ропотъ безъ всякаго существеннаго плода, ибо нѣтъ никакихъ способовъ оное исполнить. Для учителей и наставниковъ, домашнимъ воспитаніемъ

занимающихся, существуютъ, а въ недавнемъ еще времени подтверждены особыя правила, на свѣтскихъ и на духовныхъ въ ровной мѣрѣ простирающіяся; отъ дѣйствія правилъ сихъ не изъяты и губерніи, отъ Польши возвращенныя, но распространять еще далѣе предѣлы оныхъ не возможно и какими бы ни стѣснить правилами домашнее воспитаніе, они несомнѣнно останутся безъ исполненія, ибо на кого возложить надзоръ за происходящимъ внутри семействъ и домовъ?

Если настоящія разсужденія удостоятся высочайшаго утвержденія, то комитетъ полагаетъ копію съ сего журнала сообщить министерству народнаго просвѣщенія для руководства при будущихъ его дѣйствіяхъ и для немедленнаго приступа къ распоряженіямъ о преобразованіи виленскаго университета, о упраздненіи волынскаго лицея и о учрежденіи новаго университета въ Кіевѣ, съ распространеніемъ тамошней губерніи гимназіи.

Съ подлиннымъ вѣрно: статскій совѣтникъ, баронъ *М. Корфъ.*

№ дѣла 44,770. № картона 1359.

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII КЪ ГЛАВѢ VIII.

Всеподданнѣйшій докладъ 5 іюня 1831 г. о виленскомъ епископѣ Клонгевичѣ.

Управляющій виленскою римско-католическою епархіею епископъ Клонгевичъ, доноситъ римско-католической духовной коллегіи, что по дошедшимъ до него частно свѣдѣніямъ, изъ подвѣдомственныхъ ему духовныхъ лицъ, участвовали въ возникшемъ въ Виленской губерніи мятежѣ: побойскій деканъ Юрьевичъ, нѣменчинскій комендарь Раковскій, администраторъ ошмянской приходской церкви Кундзичъ, іеромонахъ тамошняго доминиканскаго монастыря Ясинскій, виленской каѳедральной церкви викарный священникъ Петрелевичъ, свѣнцянскій приходской церкви настоятель Лабудь, изъ коихъ сей послѣдній при нападеніи вмѣстѣ съ мятежниками на отрядъ нашихъ войскъ убитъ; также неизвѣстно куда бѣжало нѣсколько молодыхъ монаховъ. — Кромѣ сихъ, можетъ быть еще нѣкоторые другіе присоединились къ мятежникамъ; но изъ сего, присовокупляетъ епископъ, не должно однакожь заключать, чтобы все римско-католическое духовенство участвовало въ мятежѣ и будто-бы даже возжигало оный, какъ твердитъ разнесшаяся молва. — Напротивъ того, оно пребываетъ вѣрно своему долгу, и, хотя нѣкоторые священники взяты подъ стражу за чтеніе воззваній къ народу, но и они едва ли могутъ почесться виновными, ибо дѣлали сіе не по собственной волѣ, а по принужденію мятежниковъ, грозившихъ ихъ смертію. — При семъ епископъ замѣчаетъ, что несправедливыя обвиненія побуждаютъ многихъ священниковъ, оставляя жилища свои и церкви, скрываться въ

лѣсахъ, отъ чего и случилось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья, неотправлялось богослуженіе. — Къ большему же угнетѣнію духовенства служитъ еще то, что малые отряды войскъ, преслѣдуя мятежниковъ, по извѣтамъ корыстолюбивыхъ евреевъ, грабятъ и разоряютъ съ ними мирныхъ священниковъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ епископъ Клонгевичъ доводитъ до свѣдѣнія коллегіи, что въ м. Ошмянахъ ограблены: приходская церковь, настоятельскій домъ и монастырь доминиканскій и францисканскій съ ихъ церквами, причемъ въ оныхъ церквахъ дѣланы разныя безчинства и даже смертоубійства. Въ грабежѣ семъ участвовали: козаки, киргизцы, черкесы и евреи; у сихъ послѣднихъ найденъ церковный сосудъ. — Посему случаю монахи удалились изъ монастырей и богослуженіе прекратилось, а равно и приходская церковь осталась безъ священниковъ, ибо одинъ изъ нихъ Кундзичъ, какъ сказано выше, ушелъ съ мятежниками, другой Кушеловскій убитъ, а третій Кржипковскій неизвѣстно куда скрылся. — Впослѣдствіи же, когда монахи доминикане возвратились въ монастырь и возстановили у себя богослуженіе, епископъ Клонгевичъ поручилъ имъ временно исправленіе духовныхъ требъ и по приходамъ. — Но какъ сіи монахи не имѣютъ никакихъ средствъ къ содержанію себя, а приходская церковь получаетъ довольствіе свое изъ бенефиціальной кассы виленскаго университета, то онъ и относился въ правленіе университета о производствѣ имъ за исправленіе духовныхъ обязанностей 300 руб. серебромъ по частямъ. Правленіе въ томъ отказало, за выдачею уже слѣдующей на сей предметъ по 1 іюля суммы, — и епископъ принужденъ былъ дать имъ изъ собственныхъ денегъ 50 рубл. серебромъ.

Онъ сверхъ сего доноситъ, что въ м. Меречѣ схваченъ нашими войсками и отправленъ въ Гродно священникъ Рымовичъ, въ завѣдываніи коего былъ взятый въ казну Меречскій монастырь. — Поводомъ къ обвиненію его было то, что онъ въ теченіи нѣсколькихъ дней служилъ молебны. — Епископъ свидѣтельствуя, что сей священникъ вовсе неучаствовалъ въ мятежѣ и что къ служенію молебновъ принужденъ былъ угрозами нѣкоего шляхтича Ельснера съ мятежниками, отзывается съ отличною похвалою о качествахъ его, расторопности и благонадежности. — Къ чему присовокупляетъ, что по взятіи его, Меречскій монастырь ограбленъ, и что посему случаю онъ просилъ объ изслѣдованіи виленскаго и гродненскаго

временнаго военнаго губернатора, но произведено ли сіе изслѣдованіе, ему неизвѣстно; монастырь же онъ поручилъ въ завѣдываніе одного бернардинскаго монаха.

Въ слѣдъ за симъ епископъ Клонгевичъ донесъ еще, что м. Гедройцы, принадлежащее плебаніи, совершенно ограблено отрядомъ генерала князя Хилкова, причемъ изорваны метрическія книги, убитъ киргизцами управлявшій плебаніею шляхтичъ Дмоховскій, за участіе будто-бы въ мятежѣ, что все несправедливо; и трое сутокъ задержанъ былъ въ лагерѣ подъ арестомъ священникъ Лушакевичъ, гдѣ претерпѣлъ разныя поруганія.

Всеподданнѣйше донося о семъ Вашему Императорскому Величеству, я осмѣливаюсь представить на Высочайшее Ваше усмотрѣніе, не благоугодно ли будетъ повелѣть мнѣ, отнестись къ управляющему главнымъ штабомъ Вашего Величества графу Чернышеву, объ учиненіи распоряженій для изслѣдованія жалобъ на притѣсненія будто-бы дѣлаемыя римско-католическому духовенству проходящими отрядами нашихъ войскъ, дабы обнаруженіемъ истины отвратить на будущее время могущія произойти отъ сего вредныя послѣдствія, или прекратить лживые толки, и также сообщить о семъ временному военному губернатору виленскому и гродненскому генералъ-адъютанту Храповицкому, поручивъ ему узнать, въ самомъ ли дѣлѣ происходили въ м. Гедройцахъ грабежи и смертоубійства и удостовѣриться въ винѣ или невинности оправдываемаго епископомъ Клонгевичемъ, священника Рымовича, дабы если онъ не окажется виновнымъ, немедленно отправить его къ прежнему мѣсту.

Что касается до удовлетворенія епископа Клонгевича, на счетъ данныхъ имъ изъ собственныхъ денегъ 50 рубл. сереб., монахамъ доминиканамъ, исправляющимъ духовныя требы въ ошмянскомъ приходѣ и о производствѣ имъ впредь жалованья за исправленіе сихъ требъ изъ оклада 300 рубл. сер. въ годъ, то неблагоугодно ли будетъ Вашему Величеству повелѣть мнѣ, предоставить сіе обстоятельство разсмотрѣнію министра народнаго просвѣщенія.

Подлинный подписалъ: *Д. Блудовъ.*

ПРИЛОЖЕНІЕ IX КЪ ГЛАВѢ VIII.

Донесеніе временнаго военнаго губернатора въ г. Вильнѣ генералъ-адъютанта Храповицкаго. г. главнокомандующему резервною арміею графу Толстому.

Іюля 28 дня 1831 года, № 2399.

Г. управляющій главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества при рапортѣ отъ 7 истекшаго іюня за № 1481 препроводилъ къ в. с-ву копію со всеподданнѣйшаго доклада, г. статсъ-секретаря Блудова, въ коемъ изложено поступившее въ римско-католическую духовную коллегію донесеніе виленской епархіи епископа Клонгевича, приносящаго между прочимъ жалобу, на притѣсненіе, коему подвергается якобы римско-католическое духовенство его епархіи со стороны малыхъ отрядовъ, преслѣдующихъ мятежниковъ, кои, по извѣтамъ евреевъ грабятъ и раззоряютъ вмѣстѣ съ ними мирныхъ священниковъ, какъ то случилось въ городѣ Ошмянахъ и мѣстечкѣ Меречѣ и Гедройцахъ; при чемъ г. управляющій главнымъ штабомъ Его Императорскаго Величества объявилъ вашему сіятельству высочайшую Государя Императора волю, чтобы вы приказали, произвести самое строжайшее изслѣдованіе противъ показаній епископа Клонгевича и непремѣнно обнаружили истину или несправедливость оныхъ, подвергнувъ виновныхъ законному взысканію.

Копію съ того же всеподданнѣйшаго доклада г. статсъ-секретаря Блудова, а также съ рапорта своего къ в. с-ву г. генералъ-адъютантъ графъ Чернышевъ сообщилъ и мнѣ для предваритель-

ныхъ распоряженій, по производству слѣдствія въ Ошмянахъ, Меречѣ и Гедройцахъ.

По внимательномъ разсмотрѣніи донесенія епископа Клонгевича и сличеніи онаго съ дѣлами, въ канцеляріи моей имѣющимися, нахожу я, что отряды, на которые епископъ Клонгевичъ приноситъ жалобу, посылаемы были въ Гедройцы и Ошмяны подъ командою начальника 1-й уланской дивизіи генералъ-лейтенанта князя Хилкова и командира сборнаго линейнаго казачьяго полка полковника Верзилина, а какъ оба они, по распоряженію вашего сіятельства, отправились со ввѣренными имъ командами къ дѣйствующей арміи, то я полагаю, что съ производствомъ слѣдствія надлежитъ воздержаться впредь до возможности вытребовать ихъ сюда, что и осмѣливаюсь предать начальническому благоуваженію вашего сіятельства. Что же касается происшествій въ Меречѣ, то объ оныхъ тогда же предписано мною, произвесть надлежащее изслѣдованіе.

Донося о семъ вашему сіятельству, я осмѣливаюсь при томъ, по извѣстности мнѣ обстоятельствъ, къ извѣтамъ епископа Клонгевича относящимся присовокупить предварительно мои замѣчанія на его донесеніе, которое впрочемъ нахожу я неосновательнымъ, неумѣстнымъ и преисполненнымъ недоброжелательства, которое почти все римско-католическое духовенство виленской епархіи питаетъ къ правительству и къ Русскимъ.

И такъ во 1) епископъ Клонгевичъ говоритъ: „что по дошедшимъ до него частно свѣдѣніямъ изъ подвѣдомственныхъ ему духовныхъ лицъ участвовали въ возникшемъ въ Виленской губерніи мятежѣ, побойскій деканъ Юрьевичъ, нѣменчинскій комендарь Раковскій, администраторъ ошмянской приходской церкви Кундзичь, іеромонахъ тамошняго доминиканскаго монастыря Ясинскій, виленской каѳедральной церкви викарный священникъ Петрелевичъ, свенцянской приходской церкви настоятель Лабудь, изъ коихъ сей послѣдній убитъ, при нападеніи вмѣстѣ съ мятежниками на отрядъ нашихъ войскъ. Также не извѣстно куда бѣжало нѣсколько молодыхъ монаховъ. Кромѣ сихъ можетъ быть еще нѣкоторые другіе присоединились къ мятежникамъ; но изъ сего, присовокупляетъ епископъ, не должно однакоже заключать, что все римско-католическое духовенство участвовало въ мятежѣ и будто бы даже возжигало оный, какъ твердитъ разнесшаяся молва.“

Епископъ Клонгевичъ старается оправдать въ глазахъ правительства римско-католическое духовенство, а еще болѣе себя, не

приводя къ тому никакихъ доказательствъ и считая для того достаточнымъ одно свое ручательство, которое однакоже, не смотря на все уваженіе къ его сану, не можетъ заслуживать довѣрія. Кромѣ исчисленныхъ уже самимъ епископомъ духовныхъ лицъ, нарушившихъ долгъ вѣрноподданнической присяги, можно представить еще много другихъ примѣровъ, которые вѣроятно были столько же извѣстны епископу, сколько и мнѣ, но которые въ донесеніи его пропущены, какъ то настоятели приходовъ: Бутримантскаго, Меречскаго, Понемунскаго, Покойновскаго, Пренскаго, Дорсунишскаго, Яновскаго, Кормяловскаго, Ейрагольскаго, Наваришскаго, Леваришскаго, Коркозишскаго, и другихъ; а также ксендзы: Урняжъ, Завадскій, Витуевскій, Волкъ, Русецкій, Зимноженскій, Чеповскій, Волчадскій и другіе, кромѣ того не малое число монаховъ почти всѣхъ орденовъ, увлеченныхъ не принужденіемъ, но испорченностію своего сердца и развратомъ, участвовало въ томъ же мятежѣ. Епископъ показавъ малое число примѣровъ, утверждаетъ, „что изъ того не должно заключать, чтобы все римско-католическое духовенство участвовало въ мятежѣ и будто бы даже возжигало оный, какъ твердитъ разнесшаяся молва." Но сія самая молва достаточно, какъ кажется, обвиняетъ здѣшнее духовенство; ибо оная ходила и ходитъ между жителями городовъ и деревень литовскихъ; слѣдственно и полагать можно, что она не есть вымышленною клеветою, но всеобщимъ голосомъ исповѣдующихъ римско-католическую религію; по сей то причинѣ она тѣмъ болѣе имѣетъ основанія и тѣмъ болѣе достойна вѣроятія. Молва сія говоритъ и о средствахъ, какія будто бы употребляетъ римско-католическое духовенство для воспламененія мятежа; а именно: что право проповѣдывать слово Божіе и наставлять народъ въ христіанскихъ правилахъ, оно обращало на чтеніе воззваній возмутительныхъ, въ которыхъ оно старалось, всѣми возможными клеветами, угрозами сего міра и будущей жизни, отвратить сердце подданныхъ отъ монарха; внушить мятежныя чувства и подвинуть обманутыхъ на брань противу законной власти; сія же молва гласитъ, что духовники на исповѣди, унижая санъ свой и посмѣваясь великой тайнѣ Христовой, настаивали и принуждали исповѣдавшихся угрозами и страхомъ мукъ вѣчныхъ ко грѣху, къ нарушенію присяги и ко всѣмъ прочимъ преступленіямъ, не разлучнымъ съ мятежомъ и буйствомъ; причемъ увѣряли якобы легковѣрныхъ, что самъ папа римскій освобождаетъ ихъ отъ данной законному государю присяги.—

А такимъ образомъ обаянныхъ и ослѣпленныхъ приводили къ преступной присягѣ, по которой народъ долженъ былъ произвести мятежъ и всѣми силами противиться возстановленію законнаго порядка. Конечно все это могла быть бездоказательная молва; но и въ такомъ случаѣ надлежитъ полагать, что она распространена зломыслящими съ тою цѣлью, дабы менѣе опытнымъ въ беззаконіи и развратѣ, указать средства и способы, какъ надлежитъ имъ поступать и дѣйствовать. Я же имѣю поводы думать, что способы сіи не оставлены духовенствомъ безъ употребленія.

Сверхъ того римско-католическое духовенство, къ большему возбужденію энтузіазма, не устыдилось ругаться святынею: оно благословляя заблудшихъ и введенныхъ въ преступленіе, святотатственною рукою раздавало имъ частицы святыхъ мощей, которыя мятежники носили на груди своей въ подушкахъ и, ободренные симъ благословеніемъ, стремились на брань нечестивую и преступную. Но это обстоятельство не есть только разносимая молва: я имѣлъ случай удостовѣриться въ истинѣ сего на дѣлѣ, ибо когда одна изъ шаекъ бунтовщиковъ, вышедшихъ изъ города, была преслѣдована, въ то время отбита у нихъ повозка съ разными вещами, въ числѣ коихъ найдено было много таковыхъ подушечекъ съ мощами святыхъ. Изъ оныхъ десять у сего прилагается. Нельзя присемъ незамѣтить и того, что всѣ мощи святыхъ, въ епархіи находящіяся, какъ мнѣ о томъ объяснилъ самъ епископъ Клонгевичъ, запечатаны печатью епископа и безъ его вѣдома ни одинъ священникъ, ни подъ какимъ предлогомъ выдавать оныхъ никому не можетъ, изъ чего можно бы заключить, что или мощи святыхъ раздаваемы были съ вѣдома епископа; или же, что тутъ скрывается подлогъ и обманъ, основывающійся на безбожіи духовенства и легковѣріи простаго народа и юношества.

Далѣе пишетъ епископъ Клонгевичъ: „напротивъ того оно (т. е. духовенство) пребываетъ вѣрно долгу своему и хотя нѣкоторые священники взяты подъ стражу за чтеніе воззваній, но и они едва ли могутъ почесться виновными; ибо дѣлали сіе не по собственной волѣ, а по принужденію мятежниковъ, угрожавшихъ имъ смертію.“

Здѣсь епископъ прибѣгаетъ къ изворотамъ, не приличнымъ его сану и старается оправдать явно виновныхъ.

Они по долгу своему, должны были употребить всѣ усилія къ удержанію и прекращенію мятежа, ибо имѣли къ тому дѣйстви-

тельныя средства: проповѣдываніе истинъ евангельскихъ и наставленіе черни, всегда готовой внимать и повиноваться служителямъ церкви. Никакая сила не могла, и не должна была лишить ихъ сего права и высокой чести, — быть усмирителями необразованнаго народа, или мучениками правды! Если же они, несоотвѣтственно званію своему, помышляли болѣе о мірскихъ выгодахъ и спасеніи жизни, нежели о сохраненіи добродѣтели въ чистотѣ и соблюденіи правды, то и въ семъ случаѣ, они имѣли средства удалиться отъ преступленія и оставить мятежныя паствы. Напротивъ того, они при самомъ началѣ мятежа, возгорѣвшагося въ Виленской губерніи, почти первые и, сколько извѣстно, безъ всякаго со стороны мятежниковъ принужденія, читали свои преступныя воззванія, возбуждали къ мятежу народъ, который отъ нихъ только могъ получить разрѣшеніе на свое клятвопреступленіе и отъ нихъ же получилъ онъ оправданіе въ преступленіи и благословеніе на всѣ убійства, грабежи и буйства. Ревностное участіе духовенства въ произведеніи мятежа доказывается еще и самими воззваніями начальниковъ возмущеній къ народу, которыя начинаются слѣдующими словами: „Уже духовные отцы провозглашали вамъ справедливыя причины къ возстанію нашего народа и освобожденію себя отъ скипетра неволи, съ намѣреніемъ возвращенія прежнихъ правъ и свободъ“.

Кромѣ всего мною описаннаго, были еще примѣры, что священники сами, добровольно, верхомъ разъѣзжали по деревнямъ и мѣстечкамъ для возбужденія мирныхъ поселянъ къ мятежу; держа въ одной рукѣ крестъ, въ другой оружіе, они проповѣдывали мятежъ и буйство; отторгали поселянъ отъ сельскихъ работъ угрозами, а праздную шляхту соблазняли надеждою честей и наслажденій. Доказательствомъ истины словъ моихъ можетъ служить примѣръ монаха доминиканскаго ордена Ясинскаго. Сопутствовавшіе шайкамъ мятежниковъ, священники уносили съ собою и церковную утварь, какъ тому найдено доказательство при разбитіи шайки, состоящей подъ начальствомъ Матусевича, при чемъ отнято много разныхъ церковныхъ вещей, которыя тогда же, посредствомъ епископа Клонгевича, возвращены по принадлежности. Обстоятельство сіе служитъ вмѣстѣ подкрѣпленіемъ къ опроверженію нижеслѣдующаго извѣта епископа Клонгевича, а именно, что не русскими войсками ограблены церкви, но самимъ же духовенствомъ и мятежниками, которые не воздержались равномѣрно

отъ разграбленія греко-россійскихъ полковыхъ церквей; какъ-то случилось въ городѣ Ошмянахъ. Съ приближеніемъ русскихъ войскъ, они своими поступками доказали, что не принужденіе влекло ихъ къ нарушенію своего долга; одни подавая преступный примѣръ, поднимали оружіе противу нашего войска; другіе, чувствуя вину свою, бѣжали.

Изъ всего сего достаточно явствуетъ, что не принужденіе руководствовало римско-католическимъ духовенствомъ къ столь постыднымъ и гнуснымъ поступкамъ; да и самъ епископъ не долженъ былъ, въ отношеніи своемъ, допускать сей ложной догадки, ибо ему очень хорошо извѣстно, что при допросахъ нѣкоторыхъ духовныхъ лицъ, уличенныхъ въ принимаемомъ ими участіи въ мятежѣ, (при каковыхъ допросахъ и самъ епископъ Клонгевичъ присутствовалъ) обвиненные сами откровенно признавались, что они безъ всякаго принужденія, добровольно принимали дѣятельнѣйшее участіе въ мятежѣ.

При семъ долгомъ поставляю еще замѣтить, что бумаги забираемыя у духовныхъ лицъ, которыя поступками своими подавали поводъ къ подозрѣніямъ, обнаруживали совершенное развращеніе и испорченность нравовъ. Обстоятельство сіе заслуживаетъ тѣмъ болѣе вниманія, что воспитаніе юношества въ западныхъ провинціяхъ Имперіи, еще не совершенно исторгнуто изъ рукъ духовенства.

Вслѣдъ за обвиненіями, которыхъ несправедливость мною обнаружена, епископъ Клонгевичъ взводилъ новую клевету, говоря „что несправедливыя обвиненія побуждаютъ многихъ священниковъ, оставляя жилища свои и церкви, скрываться въ лѣсахъ, отъ чего и случилось, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, даже въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія, не отправлялось богослуженія. Къ большему же угнетенію духовенства служитъ еще то, что малые отряды войскъ преслѣдуя мятежниковъ, по извѣтамъ корыстолюбивыхъ евреевъ, грабятъ и раззоряютъ съ ними мирныхъ священниковъ“. Почему же епископъ Клонгевичъ, ни въ первомъ своемъ обвиненіи, ни во второмъ, не представляетъ ни одного примѣра, которымъ бы онъ могъ доказать справедливость словъ своихъ. Какія именно церкви были безъ отправленія службы, да и точно ли несправедливыя обвиненія, или можетъ быть другія предосудительныя причины заставили священниковъ удалиться въ лѣса, не искать защиты у своего епископа и другихъ властей, которыя

безъ сомнѣнія не преминули бы доставить имъ безопасность? Какъ въ томъ и могъ удостовѣриться епископъ, получившій отъ меня безъ всякихъ затрудненій билеты и охранительные листы для монаховъ, отправленныхъ имъ въ Ошмяну.

Во 2) Епископъ Клонгевичъ доводитъ до свѣдѣнія коллегіи, что „въ мѣстечкѣ Ошмянахъ ограблены: приходская церковь, настоятельскій домъ и монастыри: доминиканскій и францисканскій, съ ихъ церквами, при чемъ въ оныхъ церквахъ дѣланы разныя безчинства и даже смертоубійства; въ грабежѣ семъ участвовали казаки, киргизцы, черкесы и евреи; у сихъ послѣднихъ найденъ церковный сосудъ.“ Епископъ Клонгевичъ говоря о произведенномъ будто бы въ Ошмянскихъ церквахъ грабежѣ, умалчиваетъ о происшествіяхъ, которыя были поводомъ отряду русскихъ войскъ къ нападенію на церковь и о другихъ обстоятельствахъ, доказывающихъ, что церковь до вступленія еще нашихъ войскъ была поругана самимъ же духовенствомъ, дозволившимъ произнесть въ оной клятвопреступную, а нарушить законную присягу. Почему же епископъ скрываетъ, что мятежники, покровительствуемые, какъ видно изъ сего случая, духовенствомъ, осмѣлились при вступленіи войскъ въ Ошмяну, занять приходскую церковь и что оттуда, а наипаче съ хоровъ, стрѣляли по Русскимъ, бывъ сами защищены поруганною ими святыней. Дерзость сія принудила войско овладѣть церковью и наказать преступниковъ, тѣмъ болѣе, что они въ самыхъ уже церковныхъ стѣнахъ, съ остервенѣніемъ, противились дѣйствіямъ онаго, бывъ поддерживаемы священникомъ Кушелевскимъ, который тутъ же убитъ. Подъ алтаремъ же приходской церкви были найдены всѣ акты возмущенія; отысканіемъ оныхъ и скрывающихся мятежниковъ, а не грабежемъ церкви, занималось войско. Изъ всего сказаннаго видно, что духовенство ошмянское не только участвовало въ мятежѣ, но и позволяло въ храмѣ Божіемъ, собираться преступнымъ скопищамъ и составлять гнусные заговоры.

Сверхъ того, говоритъ епископъ, въ церквахъ дѣланы были разныя безчинства и даже смертоубійства. Относительно смертоубійствъ не трудно понять, что оныя были необходимымъ слѣдствіемъ стремленія войска къ овладѣнію всѣми мѣстами, гдѣ находились мятежники, а также упорства и ожесточенія сихъ же мятежниковъ и вся вина падаетъ на тѣхъ, которые преступленіями своими дали къ тому поводъ. Что же касается до несущество-

вавшихъ на дѣлѣ безчинствъ, то какъ только слухи объ оныхъ, нарочно выдуманные и распущенные злонамыслящими, для возбужденія большей ненависти къ Русскимъ, достигли до меня, я тотъ часъ предложилъ словесно епископу послать въ Ошмяну духовныя лица, а сверхъ того поручилъ отъ себя надежнымъ людямъ узнать, справедливы ли сіи слухи или нѣтъ? И такъ говорили, что русскіе солдаты, а въ особенности казаки, увлекаясь корыстолюбіемъ, отрывали серьги вмѣстѣ съ ушами, кольцы съ пальцами, убивали невинныхъ младенцевъ и женщинъ и тому подобное. Посланные епископомъ доминикане возвратившись назадъ, вмѣстѣ съ епископомъ, удостовѣрили меня, что всѣ сіи слухи оказались совершенно ложными, а наконецъ въ несправедливости оныхъ удостовѣрились впослѣдствіи и всѣ жители. Не знаю для чего епископъ Клонгевичъ въ донесеніи своемъ помѣстилъ столь ложныя обвиненія, въ несправедливости коихъ онъ давно и самъ увѣрился. Неосновательность сего обвиненія можно замѣтить и изъ самаго исчисленія войскъ, кои будто бы въ грабежѣ семъ участвовали. Епископъ говоритъ въ грабежѣ семъ участвовали: „Казаки, киргизцы, черкесы и евреи; у сихъ послѣднихъ найденъ церковный сосудъ“. Но никакихъ киргизцевъ и черкесовъ въ войскахъ, дѣйствовавшихъ противъ литовскихъ мятежниковъ, не бывало. Что же касается до церковнаго сосуда, то оный найденъ не у еврея, а у виленскаго мѣщанина; отъ него отобранъ и возвращенъ на свое мѣсто, а казакъ взявшій сказанный сосудъ, и продавшій его мѣщанину, наказанъ. Не явно ли изъ сего оказывается, что епископъ, совершенно не зная обстоятельствъ ошмянскаго дѣла, а можетъ быть съ намѣреніемъ умалчивая объ оныхъ, и собравъ только слухи, разсѣваемые людьми зломыслящими, составилъ сіе обвиненіе.

Далѣе, пишетъ епископъ Клонгевичъ: „по сему случаю монахи удалились изъ монастырей и богослуженіе прекратилось, а равно и приходская церковь осталась безъ священниковъ, ибо одинъ изъ нихъ Кундзичъ, какъ сказано выше, ушелъ съ мятежниками; другой Кушелевскій убитъ, а третій Кржиковскій неизвѣстно куда дѣвался“. Кто же виновенъ въ семъ случаѣ? Не сами ли священники, допустившіе въ обитель свою мятежниковъ? Духовенство, не участвовавшее лично въ мятежѣ, находилось всегда при своихъ мѣстахъ, а ошмянская приходская церковь лишилась своихъ трехъ священниковъ; двое изъ нихъ, Кундзичъ и Кушелевскій, явно при-

надлежали къ мятежу, а третій Кржипковскій, по словамъ епископа, неизвѣстно куда скрывшійся, находится безъ сомнѣнія въ числѣ бѣжавшихъ мятежниковъ. Епископъ Клонгевичъ умолчалъ, что еще, сверхъ упомянутыхъ, были убиты и другіе священники и монахи, дѣйствовавшіе вмѣстѣ съ мятежниками, преимущественно въ шайкѣ Матусевича.

Въ 3) Епископъ Клонгевичъ пишетъ, что въ м. Меречѣ схваченъ нашими войсками и отправленъ въ Гродно священникъ Рымовичъ, въ завѣдываніи коего былъ Меречскій монастырь и что поводомъ къ обвиненію его Рымовича было то, что онъ, въ теченіи нѣсколькихъ дней, во время бытности въ Меречѣ мятежниковъ, служилъ молебны. Епископъ свидѣтельствуя, безъ всякаго основанія и доказательства, что сей священникъ вовсе не участвовалъ въ мятежѣ, и что къ служенію молебновъ принужденъ былъ угрозами шляхтича Ельснера и мятежниковъ, отзывается съ отличною похвалою о качествахъ его, расторопности и благонадежности".

Епископъ Клонгевичъ отстаиваетъ священника Рымовича вѣроятно только потому, что когда доминикане, находившіеся прежде въ Меречскомъ монастырѣ, были по Высочайшему повелѣнію оттуда высланы, то я просилъ епископа, дабы онъ поручилъ монастырь сей въ завѣдываніе благонадежнаго духовнаго лица, вслѣдствіе чего монастырь сей и порученъ былъ епископомъ въ завѣдываніе священнику Рымовичу, какъ благонадежному и вѣрному священнику, когда же за служеніе молебновъ и призываніе благословенія оружію мятежниковъ, священникъ сей былъ взятъ и преданъ суду, я объявилъ о томъ епископу, который старался совершенно оправдать священника Рымовича и даже не воздержался сказать мнѣ, что онъ и самъ бы учинилъ тоже, если бы былъ къ тому принужденъ угрозами мятежниковъ. Конечно таковое правило пастыря не могло служить хорошимъ примѣромъ для подчиненныхъ ему священниковъ и не могло утвердить ихъ въ вѣрности престолу и долгу своего сана, тѣмъ болѣе, что правило сіе изрекъ епископъ, почти въ началѣ мятежа и оно, содѣлавшись извѣстнымъ, какъ я въ томъ удостовѣренъ, открыло духовенству свободный путь къ мятежу, подъ видомъ будто бы принужденія.

Наконецъ въ 4) епископъ Клонгевичъ приводитъ, что м. Гедройцы принадлежащее плебаніи совершенно ограблено отрядомъ

генерала князя Хилкова, причемъ изорваны метрическія книги, убитъ Киргизцами (?) управлявшій плебаніею шляхтичъ Дмоховскій за участіе будто-бы въ мятежѣ, *что все несправедливо* и трое сутокъ задержанъ былъ въ лагерѣ подъ арестомъ священникъ Лушакевичъ, гдѣ претерпѣлъ разныя поруганія."

Я удивляюсь, что епископъ Клонгевичъ, не бывъ свидѣтелемъ, ниже слѣдователемъ сихъ происшествій, столь удобно и скоро полагаетъ мнѣніе свое на счетъ справедливости или несправедливости оныхъ, какъ и въ семъ случаѣ неизвѣстно мнѣ, на какомъ основаніи оправдываетъ онъ убитаго Дмоховскаго; впрочемъ когда о смерти его дошли до меня извѣстія, тогда по долгу моему, а сверхъ того по уваженію къ брату, прелату Дмоховскому, я требовалъ отъ князя Хилкова увѣдомленія на счетъ обстоятельствъ сего дѣла, и получивъ отъ него рапортъ отъ 27 апрѣля, въ которомъ онъ изъясняетъ, что смерть Дмоховскаго должно приписывать не въ вину войскамъ его отряда, а собственной неосторожности шляхтича Дмоховскаго, если не участію его въ мятежѣ, потому что онъ находился во время атаки нашихъ войскъ на улицѣ, а не старался укрыться отъ боевыхъ опасностей въ своемъ домѣ, какъ то сдѣлали другіе; при томъ же въ м. Гедройцахъ, коимъ управлялъ убитый Дмоховскій, найдены многія бумаги и акты возмущенія; а также всеобщая инструкція, по коей надлежало производить возстаніе во всѣхъ частяхъ здѣшняго края. Что же касается ограбленія м. Гедройцъ, князь Хилковъ пишетъ, что, подвигаясь съ частію своего отряда по слѣдамъ мятежниковъ, онъ находилъ многіе домы уже совершенно ограбленными самими мятежниками. Что онъ только сдѣлавъ обыскъ, не находятся ли гдѣ скрытые мятежники, тотчасъ удалился изъ мѣстечка и соединился съ своимъ отрядомъ, который и не входилъ въ мѣстечко. Изъ сего видно, что часть отряда князя Хилкова, бывшая въ дѣйствіи и заходившая въ мѣстечко, не участвовала въ ограбленіи мѣстечка, что ею предводительствовалъ самъ князь Хилковъ, коего отличныя качества извѣстны всѣмъ его начальникамъ; на счетъ же метрическихъ книгъ легко понять, что это только неосновательная клевета, ибо ни прибыль, ни нужда не могли понуждать къ тому русскихъ солдатъ, да и епископъ Клонгевичъ о семъ обстоятельствѣ никогда мнѣ ничего не говорилъ.

Изобличивъ несправедливость извѣтовъ епископа Клонгевича, я долгомъ считаю еще присовокупить, важное доказательство, что

сей же епископъ руководствуясь какими то непостижимыми видами, не только несправедливо взводитъ различнаго рода клеветы и старается оправдывать явно виновныхъ, но и самъ, по неизвѣстнымъ мнѣ причинамъ, старался уклоняться отъ всего того, что онъ по долгу своему и безъ моего наставленія учинить былъ обязанъ, а чего онъ не хотѣлъ исполнить, не смотря на убѣдительныя мои требованія. Еще въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, текущаго года узналъ я о противозаконномъ и преступномъ поведеніи нѣкоторыхъ священниковъ, участвовавшихъ въ мятежѣ и раздувавшихъ оный; тогда просилъ я его, епископа, дабы онъ, яко пастырь, употребилъ съ своей стороны всѣ средства, предлагаемыя религіею для усмиренія мятежа и прекращенія безпорядковъ, происшедшихъ въ его паствѣ. — Кромѣ того, въ томъ же отношеніи изъяснилъ я, не найдетъ ли онъ приличнымъ, дабы подъ его вѣдѣніемъ составлены были христіанскія поученія въ такомъ духѣ, въ какомъ проповѣдываемы были оныя народамъ отцами первобытной христіанской церкви, которые старались утвердить своихъ слушателей въ ненарушимой вѣрности къ монархамъ, и дабы таковыя поученія, напечатанныя на польскомъ и литовскомъ языкахъ и разосланныя по всѣмъ приходскимъ церквамъ и монастырямъ, читаемы были вмѣсто проповѣдей въ воскресные и праздничные дни. Сію мѣру нашелъ я нужною потому, что даже въ Вильнѣ проповѣдники, а въ томъ числѣ и бѣжавшій изъ города каѳедральный проповѣдникъ Тринковскій, дерзали толковать слово Божіе двусмысленно и избирать для проповѣдей своихъ тексты, не соотвѣтствующіе обстоятельствамъ сего времени и могущіе удобнѣе возбудить къ мятежу, нежели удержать отъ онаго приготовленныхъ уже къ неповиновенію слушателей, что и было неоднократно замѣчаемо епископу Клонгевичу, который зная и самъ, какое вліяніе онъ имѣлъ на духовенство, могъ бы удобно отвратить всѣ сіи неприличія, но онъ вмѣсто того, чтобы поспѣшить исполненіемъ моего отношенія, уклонялся отъ того и въ отношеніи своемъ ко мнѣ отъ 8 апрѣля объяснилъ, что послѣдовавшіе по случаю мятежа въ Царствѣ Польскомъ, высочайшіе манифесты и указы заключали уже съ полнымъ и яснымъ изображеніемъ все то, что только о милостяхъ правительства и обязанностяхъ вѣрноподданныхъ изъяснить слѣдовало. А сверхъ того оба митрополиты, греко-уніатскій и римско-католическій сдѣлали отъ себя подобные отзывы и, если все сіе не могло удержать

людей въ предѣлахъ повиновенія, то онъ, епископъ Клонгевичъ, полагаетъ, что и никакія новыя пастырскія внушенія народу не возымѣли бы желаемаго успѣха, ибо волнующіеся люди не могутъ принимать гласа правды, а наклонять ихъ къ тому было-бы вящшимъ для нихъ же поводомъ къ возмущенію, отъ чего святость церквей подверглась бы такимъ послѣдствіямъ, какія произошли не давно въ одной изъ парижскихъ церквей; духовенство было бы выставлено на всѣ трагическія событія, а слово Божіе на поруганіе и посмѣяніе.

По симъ поводамъ епископъ Клонгевичъ утверждаетъ, что обязывать духовныя лица, дабы оныя убѣжденіемъ и примѣромъ старались содержать своихъ прихожанъ въ спокойствіи и обращали заблудшихъ на путь истины, о чемъ я его просилъ, нынѣ частью уже не нужно, частью же не своевременно. Въ заключеніе же епископъ Клонгевичъ изъявилъ свою готовность, по возстановленіи уже въ виленской епархіи спокойствія и порядка, оказать съ своей стороны содѣйствіе и обѣщаетъ тогда составить къ церковнымъ настоятелямъ отзывы, съ напоминовеніемъ тѣхъ изъ нихъ, кои бы оказались не постоянными, а съ одобреніемъ поступающихъ вѣрно по долгу своего званія; тогда же можетъ быть, продолжаетъ епископъ Клонгевичъ, составлено и требованное мною, въ особенности для простаго народа духовное поученіе!“

На всѣ сіи отговорки сдѣланы были мною замѣчанія, и я настоятельно вновь просилъ епископа, исполнить всѣ мои требованія, изложенныя въ первомъ отзывѣ моемъ, но епископъ оставилъ и сіе мое отношеніе безъ всякаго исполненія и даже отвѣта.

Изъ всего сего видно, какими правилами руководствовался въ поступкахъ своихъ епископъ Клонгевичъ. Римско-католическое духовенство подъ начальствомъ такого епископа, который хотя явно и не принадлежалъ къ мятежникамъ, но вліяніемъ своимъ не дѣйствуя къ прекращенію мятежа, нѣкоторымъ образомъ къ расширенію онаго способствовалъ. Духовенство сіе, завися совершенно отъ него, ободрялось его поведеніемъ въ преступныхъ своихъ дѣйствіяхъ, и забывъ долгъ и честь, внемля только гласу своего развращеннаго сердца, оно сдѣлалось одною изъ главнѣйшихъ причинъ всѣхъ бѣдствій, которымъ подверглись западныя провинціи имперіи и увлекло за собою въ пропасть преступленія и несчастій мятежныя паствы.

ПРИЛОЖЕНІЕ X КЪ ГЛАВѢ VIII.

Письмо князя-епископа Симона Гедройца къ начальнику отряда генералъ-маіору Ширману.

Ваше превосходительство

милостивый государь!

Самогитскій епархіальный епископъ князь Іосифъ Гедройцъ сообщилъ мнѣ представленное имъ г. генералъ-губернатору барону Палену въ слѣдствіе его требованія объясненіе, касательно сдѣланныхъ имъ распоряженій въ пользу мятежа. Изъ сего объясненія явствуетъ, что изъ учрежденныхъ мятежниками въ каждомъ повѣтѣ особыхъ правительствъ: I Тельшовское съ жесточайшими угрозами домогалось отъ епископа: а) распубликованія строжайшаго постановленія о военномъ судѣ, б) приведенія къ присягѣ всѣхъ жителей по данной формѣ, в) распоряженія о доставленіи изъ церквей колоколовъ въ мѣстечко Ворню для литія пушекъ, г) объявленія при особомъ епископскомъ воззваніи постановленія объ ускореніи вооруженія жителей, д) назначенія священниковъ въ приходскіе депутаты и въ полковые капелляны, ж) предписанія о непремѣнномъ доставленіи правительству получаемыхъ духовенствомъ изъ за предѣловъ повѣта и отъ Россіянъ писемъ не распечатанныхъ, з) и разныхъ другихъ менѣе важныхъ предписаній. II Шавельское правительство настоятельно требовало распоряженія, чтобы духовенство сего повѣта неустранялось отъ назначаемыхъ имъ должностей и содѣйствовало духовными увѣщаніями. III Отъ Россіенскаго получено также рѣшительное, но только о немедленномъ доставленіи въ мѣстечко Ворни колоколовъ.

Присланные къ епископу съ означенными требованіями, нерѣдко съ оружіемъ въ рукахъ, вынуждали исполненіе и отзывы; что вообще все требовалось рѣшительно и безотлагательно, и что онъ епископъ по симъ и по другимъ причинамъ не могъ неудовлетворить означенныхъ требованій, но кромѣ сихъ требованій ничего и никакихъ распоряженій или исполненій самъ собою не дѣлалъ. Епископъ всѣ помянутыя требованія въ подлинникахъ и свои распоряженія въ копіяхъ намѣренъ представить туда, гдѣ будетъ повелѣно. Я имѣлъ случай всѣ видѣть оныя бумаги. Копію вышепомянутаго объясненія преосвященнаго епископа Іосифа имѣю честь представить при семъ на благоусмотрѣніе и милостивое вниманіе вашего превосходительства.

Ваше превосходительство! Изволили вручить мнѣ лично нѣсколько бумагъ и требовать по онымъ моихъ распоряженій. Бумаги сіи суть слѣдующія: 1) предписанія Тельшевскаго правительства священнику ворненской церкви, чтобы онъ былъ депутатомъ для собранія пожертвованій; 2) росписка члена комитета пожертвованій въ полученіи отъ помянутаго священника собранныхъ 450 злотыхъ; 3) предписаніе самогитскаго епископа, учиненное по требованію Тельшевскаго правительства, чтобы сей священникъ былъ капелляномъ; 4) отвѣтъ священника, что онъ не можетъ исправлять двухъ должностей; 5) предписаніе комитета литейной ворненской фабрики сему священнику о доставленіи къ нему пожертвованныхъ денегъ; 6) предписанія Тельшевскаго отдѣленія о пожертвованіяхъ томужъ священнику, чтобы онъ приложилъ стараніе о умноженіи сбора.

Вмѣстѣ съ тѣмъ вы, милостивый государь, изволили приказать доставить ко мнѣ священника новомѣйской церкви Варѳоломея Ивановскаго и монаха Рокитанскаго ордена, для разсмотрѣнія ихъ поступковъ и распоряженія. На произведенномъ мною допросѣ они не сознались ни въ какомъ умышленномъ и добровольномъ поступкѣ Въ оправданіе Ивановскаго свидѣтельствовали предо мною многія лица. Относительно же монаха епархіальное начальство предало его епитиміи, впредь до распоряженія вашего превосходительства.

Г. командиръ лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона на тотъ же конецъ доставилъ ко мнѣ, при отношеніи своемъ отъ 20 мая, взятаго имъ подъ арестъ священника новоиденской церкви Винцентія Бутовича вмѣстѣ съ предъявленными имъ бумагами. Бумаги

сіи состоящія изъ 122 штукъ суть не иное что, какъ предписанія разныхъ отдѣленій Тельшевскаго мятежническаго правительства, данныя депутату Бутовичу съ требованіемъ отъ него исполненія въ разныхъ предметахъ. Изъ сихъ бумагъ явствуетъ 1) что должность депутата уподоблялась должности такъ называемыхъ дозорцевъ или ключвойтовъ, 2) что кромѣ вынужденныхъ распоряженій епископа, мятежническое правительство обращало къ нижнему духовенству прямо отъ себя требованія свои и угрозы.

Принимая въ соображеніе всѣ сіи обстоятельства я нахожу, что если будетъ приказано означенныя въ объясненіи самогитскаго епископа князя Іосифа Гедройца, бумаги доставить въ какое мѣсто то туда же, по мнѣнію моему, для совокупнаго разсмотрѣнія должны бы поступить и полученныя мною отъ вашего превосходительства и командира конно-піонернаго эскадрона акты, какъ относящіеся къ томужъ предмету. — Что касается до распоряженія о наказаніи священника Бутовича за исправленіе имъ должности депутата, какъ изъ бумагъ, доставленныхъ вмѣстѣ съ нимъ не видно, чтобы онъ исправлялъ сію должность самъ собою и добровольно, а 1-мъ пунктомъ высочайшаго указа, даннаго правительствующему сенату 6 сего мая, всемилостивѣйше освобождены отъ секвестра, кои могли быть вовлечены насильственно въ нѣкоторое въ возмущеніи участіе; то соображаясь съ симъ, равно какъ и съ цѣлью возложеннаго на меня высочайшаго порученія, я не только не признаю себя вправѣ и не могу рѣшиться сдѣлать какое либо распоряженіе о наказаніи помянутыхъ священниковъ, но притомъ и смѣю думать, что обличаемыхъ въ подобныхъ недобровольныхъ поступкахъ и находящихся при своихъ церквахъ священниковъ слѣдовало бы оставлять при духовныхъ ихъ обязанностяхъ, не подвергая взысканію впредь до окончательнаго въ семъ предметѣ распоряженія; ибо по принужденію всѣ почти приходскіе священники менѣе или болѣе участвовали въ дѣлахъ мятежниковъ.

Доведя о всемъ вышеизъясненномъ до свѣдѣнія г. состоящаго въ должности главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій тайнаго совѣтника Блудова, я поставляю долгомъ донести о томъ и вашему превосходительству, покорнѣйше прося васъ, милостивый государь, благоволить дать мнѣ въ наставленіе, разрѣшеніе на счетъ вышепомянутыхъ доставленныхъ ко мнѣ для распоряженія бумагъ и священниковъ.

Къ сему считаю неизлишнимъ присовокупить, что предмѣстникъ

вашего превосходительства г. генералъ-губернаторъ баронъ Паленъ объявилъ мнѣ лично 17 мая въ мѣстечкѣ Плунгянахъ, что возложенное на меня по высочайшей волѣ порученіе уже исполнено, и что о семъ непреминетъ онъ сообщить г. тайному совѣтнику Блудову для исходатайствованія высочайшаго разрѣшенія на обратный мнѣ выѣздъ; до того же времени предложилъ мнѣ имѣть пребываніе въ г. Тельши, гдѣ нынѣ я и нахожусь. Объ исходатайствованіи разрѣшенія на отъѣздъ мой отсюда представилъ и я отъ себя г. тайному совѣтнику Блудову и ожидаю о послѣдствіи извѣщенія. Имѣю честь быть и проч.

Подписано собственноручно: покорнѣйшимъ слугою епископъ князь Симонъ Гедройцъ.

г. Тельши № 153.
22 Мая 1831 года.

Его пр-ву Ѳедору Карловичу Ширману.

ПРИЛОЖЕНІЕ XI КЪ ГЛАВѢ VIII.

Письмо князя-епископа Іосифа Гедройца къ отрядному начальнику барону фонъ-деръ-Палену.

Ваше превосходительство, милостивый государь.

Въ слѣдствіе объявленной мнѣ 17 сего мая чрезъ настоятеля шадовской церкви Рупейку воли вашего превосходительства, на счетъ сдѣланныхъ мною распоряженій въ содѣйствіе гнуснымъ замысламъ мятежниковъ, имѣю честь всепокорнѣйше представить вамъ, милостивый государь, слѣдующее объясненіе:

Высочайше ввѣренная управленію моему епархія заключается въ Шавельскомъ, Тельшевскомъ и Россіенскомъ повѣтахъ, а также и въ части Упитскаго по рѣкѣ Невяжу. По воспослѣдованіи въ сихъ повѣтахъ бунта учреждены въ каждомъ изъ нихъ подъ разнымъ наименованіемъ особыя временныя правительства. Тельшевское правительство обращалось ко мнѣ съ рѣшительными требованіями: *a*) отъ 18 марта 1) о распубликованіи постановленія: „что имѣютъ быть предаваемы военному суду всѣ безъ изъятія и всякаго состоянія и возраста люди, которые доставятъ непріятелю свѣдѣнія и будутъ имѣть съ ними сообщеніе, которые будутъ отлагать или неисполнять въ точности повелѣній сего правительства, и проч.; 2) о приведеніи къ присягѣ всѣхъ жителей по приложенной формѣ; 3) о распоряженіи, чтобы отъ приходскихъ и филіальныхъ церквей были доставлены въ м. Ворни колокола для литія пушекъ и другихъ военныхъ снарядовъ, — *b*) отъ 20 марта о объявленіи повсемѣстно при особомъ епископскомъ воззваніи постановленія, чтобы всѣ состоянія содѣйствовали всѣми способами къ немедленному вооруженію жителей, а наипаче духовные, съ тѣмъ

„что когда сіи послѣдніе незахотятъ вспомоществовать по всей ихъ возможности, то они погибнутъ въ развалинахъ алтарей и храмовъ“; *c)* отъ 13 апрѣля поставляло мнѣ на видъ, что одни только духовные наименѣе участвуютъ не только въ повинностяхъ съ бенефицій, но и въ личной службѣ; почему и требовало, чтобы священники были депутатами въ приходахъ для исполненія предписаній и были также назначены въ полки ихъ способные капелланы; *d)* отъ 23 апрѣля требовало распоряженія, чтобы получаемыя духовными письма изъ за предѣловъ повѣта и отъ Россіянъ были непремѣнно доставляемы нераспечатанныя во временное правительство подъ строжайшею отвѣтственностію. Сверхъ того были требуемы по сему повѣту и разныя другія распоряженія менѣе важныя. Шавельское мятежническое правительство отъ 21 марта требовало чтобы духовенство сего повѣта неустранялось отъ назначенныхъ имъ должностей и отъ 24 марта, чтобы содѣйствовало имъ духовными поученіями.

Россіенское правительство отъ 16 марта домогалось лишь немедленно доставленія колоколовъ въ мѣстечко Ворни къ инженеру Нарбуту.

Вооруженные гонцы мятежниковъ нерѣдко вмѣстѣ съ доставленіемъ пакетовъ угрозами вынуждали исполненіе и отзывы; притомъ остервененіи мятежниковъ, позорныя казни и истязанія, коимъ подвергаемы были сопротивлявшіеся ихъ замысламъ, поражали меня до крайности, волненіе же и бунты обольщенныхъ ложною свободою крестьянъ противу владѣльцевъ, неучаствующихъ въ мятежѣ угрожали опасностію и мнѣ, какъ владѣльцу значительныхъ помѣстій. При всѣхъ сихъ обстоятельствахъ и при глубокой моей старости и недугахъ, я ненаходилъ въ себѣ достаточной силы воспротивиться столь наглымъ домогательствамъ мятежническихъ правительствъ, и по онымъ дѣлалъ предписанія духовенству, стараясь однако, сколько возможно, дать замѣтить въ нихъ, что происхожденіе ихъ недобровольное. Симъ образомъ я былъ принужденъ подписать и присягу мятежникамъ, хотя въ душѣ моей неизмѣнно сохранялъ и сохраняю истинную вѣрноподданническую клятву, данную мною Его Императорскому Величеству всемилостивѣйшему государю и августѣйшему его наслѣднику. — Нынѣ возобновивъ по распоряженію вашего превосходительства таковую присягу и приводя къ оной подвѣдомственныхъ мнѣ духовныхъ по мѣрѣ возстановленія въ приходахъ ихъ законнаго порядка, я на-

дѣюсь, что въ самое короткое время соедпню смиренный гласъ мой съ цѣлою паствою для прославленія милосердія августѣйшаго монарха нашего и не перестанемъ вмѣстѣ умолять Всевышняго Бога о ниспосланіи на имперію его вѣчно непоколебимой тишины и благоденствія.

Обращаясь къ упомянутымъ выше и испытаннымъ мною со стороны мятежниковъ принужденіямъ, я смѣю увѣрить ваше пр-во, что всѣ по сему предмету требованія ихъ въ подлинникахъ и копіи съ учиненныхъ мною по онымъ предписаній будутъ неукоснительно доставлены въ то мѣсто, которое для сего вы, милостивый государь, назначить изволите. Къ сему считаю не излишнимъ присовокупить, что означенныя распоряженія мои происходили неиначе, какъ по мѣрѣ настоятельности домогательствъ. По Упитскому и Россіенскому не было почти усильныхъ ко мнѣ требованій, и потому въ оные не послѣдовало съ моей стороны никакихъ распоряженій въ пользу мятежа. Два только исполненія сдѣланы мною по Шавельскому повѣту. А какъ по Тельшевскому требованій было значительное число (около двадцати), то наиболѣе послѣдовало и распоряженій моихъ по сему повѣту.

Принося сіе краткое и вѣрное объясненіе вашему превосходительству, я всепокорнѣйше прошу благоволить принять оное въ милостивое уваженіе и обезпечить немощнаго восмидесятилѣтняго старца отъ всякихъ дальнѣйшихъ непріятностей по случаю самогитскаго бунта, въ которомъ не было съ его стороны никакого добровольнаго соучастія въ твердомъ уповапіи на правосудіе и снисходительность вашего превосходительства я покорнѣйше предаю участь мою собственную и подчиненнаго мнѣ духовенства вашему, милостивый государь, покровительству и защитѣ.

Имѣю честь быть съ высокопочитаніемъ и совершенною преданностію и проч.

Вашего превосходительства всепокорнѣйшимъ слугою.

(Подписано тако) Епископъ Князь Іосифъ Гедройцъ.

Вѣрно: Командированный по высочайшему повелѣнію къ епископу коадъютору князю Симону Гедройцу Столоначальникъ департамента иностранныхъ исповѣданій Антонъ Габонскій.

М. Ольсяды № 734. 18 Мая 1831 г.

Его превосходительству барону Матвѣю Ивановичу фонъ-деръ Палену.

См. дѣло № 152 по временному гражд. отд. главнаго штаба Его Имп. Величества о самогитскомъ епископѣ, Іосифѣ Гедройцѣ.

ПРИЛОЖЕНІЕ XII КЪ ГЛАВѢ VIII.

Предписаніе Могилевскаго Гражданскаго Губернатора Лепельскому Земскому исправнику, отъ 14 Мая 1831 года № 85.

Прибывши сюда по волѣ его сіятельства господина главнокомандующаго резервною арміею графа Петра Александровича Толстова, я замѣтилъ:

Во 1) что дѣйствія земской полиціи въ здѣшнемъ уѣздѣ вовсе ничтожны.

Во 2) засѣдатели земскаго суда не имѣютъ никакого вліянія въ своихъ участкахъ.

Въ 3) разсѣянныя толпы нищихъ, безсмысленныхъ повстанцевъ, недостойныхъ преслѣдованія силою оружія, отчасти скитаются по лѣсамъ и получаютъ пріютъ у помѣщиковъ, которые снабжаютъ ихъ продовольствіемъ.

Въ 4) нѣкоторые помѣщики участвовали содѣйствіемъ своимъ гнуснымъ толпамъ повстанцевъ доброжелательнымъ пріемомъ ихъ, снабженіемъ продовольствіемъ, оружіемъ и прочаго, но таковыхъ подлыхъ и низкихъ безумцовъ и клятвопреступниковъ къ чести сего уѣзда, сколько мнѣ до сего времени извѣстно, не много.

Въ 5) Разсѣянныя толпы безумцовъ скитаются въ маломъ числѣ въ видѣ нищихъ и разбойниковъ по болотамъ и лѣсамъ Лепельскаго уѣзда, причиняя безпорядки на дорогахъ и устрашая мирныхъ жителей своимъ внезапнымъ появленіемъ.

Въ 6) Владѣльцы большею частію устрашенные, а нѣкоторые соучаствующіе въ мятежныхъ замыслахъ, разглашаютъ нелѣпые толки о силахъ гнусныхъ повстанцовъ и презрѣнныхъ ихъ начальниковъ и тѣмъ смущаютъ прочихъ мирныхъ жителей.

Въ 7) Шляхта, народъ по большей части буйный и развратный, скрытнымъ образомъ отчасти пользуется случаемъ грабежа также мѣстами съ ними скитаются по лѣсамъ.

Имѣя въ виду, что всѣ сіи безпорядки не могли бы возродиться, если бы существовало въ уѣздѣ семъ должное строгое полицейское управленіе, которое привело бы всякаго къ своей обязанности, нахожу нужнымъ сдѣлать слѣдующее распоряженіе:

1) Каждый изъ восьми ключей сего уѣзда раздѣлить на шесть кварталовъ, коихъ начальниками изъ самыхъ ключей назначить помѣщиковъ по прилагаемому здѣсь росписанію.

2) Помѣщикамъ симъ и начальникамъ ключей приказать явиться ко мнѣ въ г. Лепель, не далѣе какъ въ двадцать четыре часа, по объявленіи имъ сего приказанія.

3) Возложить на обязанность и личную строжайшую отвѣтственность начальниковъ ключей и кварталовъ имѣть строгое наблюденіе, чтобы всѣхъ скитающихся бродягъ по лѣсамъ и болотамъ и вообще людей безъ узаконенныхъ видовъ брать подъ караулъ и доставлять въ городъ Лепель.

4) Объявить помѣщикамъ, что всякое допущеніе бродяжества и составленіе скопищъ въ ихъ помѣстьяхъ поименованныхъ бродягъ, обратится на личную ихъ строжайшую отвѣтственность, ибо всякій помѣщикъ есть ближайшій полицеймейстеръ въ своихъ владѣніяхъ и отвѣчаетъ своимъ лицомъ и благосостояніемъ за всякое неустройство и допущеніе злонамѣреннаго безпорядка предъ правительствомъ.

5) Объявить всѣмъ чрезъ подписки, что судъ будетъ короткій, расправа скорая и примѣрная, что я дѣйствую лично самъ, всегда справедливъ, но взыскателенъ, безъ всякаго снисхожденія къ лицамъ; я все знаю, что дѣлается въ уѣздѣ; извѣстны мнѣ и тѣ лица, которыя нарушили вѣрноподданническую присягу или двусмысленнымъ поведеніемъ возродили на себя сомнѣніе; я умѣю различать побуждающіе причины дѣйствій каждаго, кто доброжелательствовалъ мятежникамъ по чувствамъ, по принужденію или легкомысленности и каждому воздамъ достойное по его поступкамъ. Пренебрегая подлыми дѣйствіями лицъ неблагонамѣренныхъ, даю имъ самый короткій срокъ опомниться и потому не входя въ тончайшій разборъ дѣйствій каждаго, назначаю начальниками кварталовъ лишь по одному соображенію состоянія каждаго, которымъ они, кромѣ своей личности, будутъ отвѣчать предъ правительствомъ.

6) Объявить всѣмъ, что ежели тотчасъ съ полученія сего не будутъ очищены самыми помѣщиками дачи ихъ отъ скитающихся въ иныхъ мѣстахъ еще слабыхъ шаекъ разбойниковъ, называемыхъ повстанцами и оные не будутъ взяты и доставлены въ городъ Лепель, то съ тѣми владѣльцами, начальниками ключей и кварталовъ будетъ поступлено по всей строгости законовъ, сообразныхъ нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ.

7) Ежели же гдѣ таковыя шайки находятся въ значительномъ количествѣ, то всякій помѣщикъ, начальникъ ключа и квартала обязанъ дать знать немедленно чрезъ нарочнаго ближайшей военной командѣ и мнѣ въ городъ Лепель для рѣшительнаго истребленія сихъ скопищъ.

8) Ежели кто изъ помѣщиковъ или иныхъ лицъ дастъ пріютъ или укрывательство кому либо изъ начальниковъ или иныхъ лицъ, называющихся разными чинами въ безсмысленныхъ гнусныхъ шайкахъ повстанцовъ и недоставитъ таковыхъ тотчасъ ко мнѣ за карауломъ, то съ таковымъ будетъ поступлено безъ всякаго замедленія, какъ съ соучастникомъ мятежныхъ дѣйствій.

9) Ежели кто изъ владѣльцевъ или изъ иныхъ лицъ, живущихъ въ семъ уѣздѣ, отнынѣ впредь будетъ знать и недонесетъ мнѣ тотчасъ, что укрываются у сосѣда его какія либо сомнительныя лица, то будетъ отвѣтствовать одинаковымъ образомъ съ тѣмъ, который ихъ укрывалъ.

10) Начальникамъ участковъ и ключей доносить мнѣ ежедневно въ городъ Лепель о благополучіи ихъ участковъ или о томъ что, ими усмотрѣно, не скрывая ни объ одномъ сомнительномъ лицѣ, и все то, что узнаетъ о разсѣянныхъ толпахъ повстанцовъ; ибо въ противномъ случаѣ будутъ отвѣчать своею личностію и состояніемъ.

11) Для удобнѣйшаго дѣйствія полиціи приказать прибыть въ городъ Лепель двѣнадцати помѣщикамъ сего уѣзда, поименованнымъ въ приложенномъ особомъ спискѣ, которые и будутъ употребляться для разныхъ полицейскихъ распоряженій.

12) Земскій судъ чрезъ своихъ засѣдателей имѣетъ наблюсти за точнымъ и непремѣннымъ сего исполненіемъ, устройствомъ гдѣ нужно притиновъ и пикетовъ, ночной стражи въ мѣстечкахъ и селеніяхъ подъ личною въ противномъ случаѣ отвѣтственностію засѣдателей и самаго г. земскаго исправника; которые отвѣчаютъ каждый за свой участокъ, а исправникъ за всѣхъ.

13) Всѣ поименованные начальники кварталовъ и ключей и прочія лица, употребляемыя по дѣламъ полиціи, входятъ отнынѣ впредь до особаго распоряженія въ непремѣнный составъ земской полиціи и зависятъ отъ главнаго полицейскаго начальства въ уѣздѣ.

14) Объявить всѣмъ помѣщикамъ и лицамъ, живущимъ въ уѣздѣ чрезъ подписки, что малѣйшее неисполненіе обыкновенныхъ повинностей и всего того, что въ семъ предписаніи сказано, подвергнетъ каждаго должному строжайшему законному взысканію и наконецъ,

15) Имѣютъ какъ члены здѣшней земской полиціи, такъ вообще всѣ чиновники, помѣщики и обыватели уѣзда быть удостовѣренными, что я за всѣми и за каждымъ имѣю строгое наблюденіе; умѣю заставить себѣ повиноваться; различать виновныхъ отъ увлеченныхъ и достойно отличать, представляя на благоуваженіе высшаго начальства людей благонамѣренныхъ и усердныхъ къ благу правительства.

Подписалъ: гражданскій губернаторъ М. Муравьевъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ XIII КЪ ГЛАВѢ VIII.

Допросъ, снятый Муравьевымъ съ Піарскаго ксендза Адама Татура, главнаго организатора конфедераціи въ Дисненскомъ уѣздѣ.

1831 года мая „27-го“ дня. Лужецкаго монастыря Піаровъ ксендзъ Адамъ Ивановъ сынъ Татуръ, учитель школъ Лужецкихъ риторики, словесности польской и латинской, секретарь по гражданской части правительственнаго Лужковскаго комитета конфедераціи и бунтовщиковъ Дисненскаго уѣзда, показалъ:

1) Родомъ я Гродненской губерніи, Слонимскаго повѣта изъ Плѣхова, имѣю я живыхъ двухъ родныхъ братьевъ — одного Игнатія священникомъ въ Озеркахъ, ксендзовъ канониковъ регулярныхъ Могилевской губерніи Рогачевскаго уѣзда, другаго Хризостома, живущаго въ городѣ Новогрудкѣ. Адамъ.

2) Ксендзомъ я съ 1824 года. Посвященъ былъ Минской губерніи, въ м. Любачевѣ, въ клашторѣ ксендзовъ Піаровъ, былъ смотрителемъ училищъ въ губерніяхъ Гродненской и Минской и въ области Бѣлостокской. Прибылъ я въ Лужки къ настоящей должности 1830 года 2-го ноября изъ Волынской губерніи м. Дубровицы. Ивановъ.

3) Отъ брата своего Игнатія послѣднее письмо изъ Быхова прошлаго 1830 года въ сентябрѣ или октябрѣ мѣсяцахъ. Татоуръ.

4) По прибытіи моемъ въ монастырь Лужецкій первоначально познакомился въ домѣ Антона Ширина, съ Михайломъ и Адамомъ Куровскими, Ромуальдомъ Подбипентою, Мигановичемъ, съ двумя Карновичами, Несторомъ Буйницкимъ и иными лицами, которыхъ не могу вспомнить. Адамъ.

5) 12-го аврѣля. Когда я отправлялъ въ костелѣ богослуженіе, тогда пришли въ костелъ ксендзъ Ильинскій. Людвигъ Лопацинскій и два юнкера, Обуховичъ, а другаго не упомню, и по окончаніи мною совершенной литургіи, приказали мнѣ огласить, что пришли поляки, что мною исполнено; сейчасъ обратился я къ народу, онаго было въ костелѣ довольно, съ слѣдующимъ увѣщаніемъ: молитесь Богу за поляковъ, чтобы Богъ благословилъ ихъ оружіе противу Россіи. Я самъ съ колѣнопреклоненіемъ приносилъ молитву, а прочіе тоже исполнили, при семъ не было никого особъ изъ вооруженныхъ, кромѣ ксендза Илинскаго и Людвига Лопацинскаго, войска же ни въ костелѣ, ни при ономъ не было никакого. При семъ изъ ксендзовъ были Мысловскій и Зеленской сего жъ монастыря Піаровъ. Ивановъ.

6) Окончивъ богослуженіе пошелъ я вмѣстѣ съ поименованными выше сего лицами въ трактиръ, содержащійся евреемъ Менѣю, гдѣ нашелъ уже Адольфа Богуцкаго, Викентія и Бонифація Винчей, Августа и Адольфа Хомскаго, Антона Боярскаго, кромѣ Людвига, еще двухъ Лопацинскихъ, ксендза кармелита изъ Глубокаго Волынскаго, Викентія Корсака, Игнатія Корсака, засѣдателя Дисненскаго земскаго суда Генриха Кліота, Юліана Бартошевича и иныхъ, которыхъ неупомню и восемнадцать юнкеровъ и не большая часть шляхты вооруженной и на лошадяхъ. Татоуръ.

7) Они говорили всѣ, что надо писать конфедерацію и послать за помѣщиками, главнѣйше дѣйствовалъ въ семъ началѣ, изъ юнкеровъ Луціанъ и Фердинандъ Платеры, Ратынской, Кліотъ и Обуховичъ, а изъ помѣщиковъ Еловской, Людвигъ Лопацинскій, братъ его Казиміръ, Викентій и Бонифацій Винча, Адольфъ Богуцкій, Августъ Хомскій, Антоній Боярскій и ксендзы Ильинскій и Волынскій, и всѣ прочіе были ревнители дѣлу и намѣренія и разсказывали въ сіе время, что Антоній Корсакъ былъ главнѣйшею пружиною сего сборища, а Александръ Лопацинскій изъ Тотъ секретно и могущественно въ семъ исполненіи намѣренія общаго дѣйствовалъ, но самъ не прибылъ, а поѣхалъ въ Вилейку. Они меня приглашали къ составленію конфедераціи, на что я согласился, и какъ не было имъ чего ѣсть съ корчмѣ, то я самъ тотчасъ (какъ заступающій мѣсто ректора, котораго не было дома) пошелъ въ монастырь и приказалъ заготовить обѣдъ на сорокъ персонъ, и заразъ обратно пришелъ въ корчму, въ которой совѣщались какъ писать конфедерацію, но оной тогда не писали до

послѣ обѣда, а приготовляли лишь въ корчмѣ повѣстки къ помѣщикамъ, чтобъ прибывали въ Лужки. Адамъ.

8) Писали повѣстки къ помѣщикамъ я, Платеръ и прочіе, а подписывали оныя Платеръ, скрѣплялъ гувернеръ школъ Лужецкихъ Іосифъ Браунъ, явившійся тотчасъ по собраніи конфедератовъ въ корчму и былъ съ оружіемъ въ рукахъ. Ивановъ.

9) Написавши повѣстки, пошли всѣ прибывшіе конфедераты въ клашторъ ко мнѣ на обѣдъ, кромѣ двухъ или трехъ, которые остались въ корчмѣ при оружіяхъ и лошадяхъ. Татоуръ.

10) На обѣдѣ у меня было человѣкъ до сорока, въ томъ числѣ и ксендзы нашего Піарскаго клаштора Малькевичъ, Зеленскій и Мысловскій; всѣ были за обѣдомъ трезвые и ни одного не было напитаго. Адамъ.

11) Окончили обѣдъ часу въ четвертомъ послѣ полудня, возвратились всѣ въ корчму, изъ коихъ многіе уставши отъ дороги легли спать, а остальные приводили въ порядокъ оружіе и осматривали лошадей. Которые и разсуждали со мною о составленіи конфедераціи, не задолго за симъ прибыли Михаилъ и Адамъ Куровскіе, которые кажется должны были знать прежде о собраніи туда конфедератовъ. Ивановъ.

12) Я съ Михаиломъ Куровскимъ пошелъ къ себѣ на квартиру, куда за нами прибыли Адамъ Куровскій, юнкеръ Платеръ, Викентій Винча и еще два или три, коихъ я не упомню; и начали составлять конфедерацію я и Михаилъ Куровскій, прочіе же подавали совѣты; на черно писали конфедерацію я и Михайло Куровскій, а на бѣло я переписывалъ; между тѣмъ послали къ помѣщикамъ повѣстки чрезъ одного помѣщика и четырехъ юнкеровъ. Татоуръ.

13) Таковыхъ отправлено было четыре, въ первыхъ былъ Адольфъ Богуцкій, который поѣхалъ къ Мензграновичу, Антонію Ширину, Лясковскому, Подбипентѣ, Куровскимъ, Бржостовскому и инымъ, во 2-хъ Викентій Винча къ Наржицкому, Гриневскому, Петроковскому и прочимъ, въ 3-хъ Игнатій Корсакъ — къ Солтану, Іосифу и Яну, Игнатію Ширинамъ и прочимъ и въ 4-хъ кажется Бонифацій Винча къ Сныткевичу и проч. Адамъ.

14) Когда была переписана на бѣло конфедерація, то всѣ оставшіеся у меня, вмѣстѣ со мною, пошли въ сказанную корчму, гдѣ конфедерацію бывшіе на лицо подписывали 40 подписей было не много, ибо нѣкоторые разъѣхались по домамъ и съ порученіями.

А между тѣмъ приведенъ былъ туда писарь Святогоръ, котораго они подозрѣвали въ шпіонствѣ, тогда Куровскій дабы лучше осмотрѣть его, просили секретно юнкеровъ и всѣхъ бывшихъ, чтобъ ихъ нарочно прежде Святогора начали осматривать, что и было исполнено. Игнатій Корсакъ говорилъ съ Святогоромъ, но чтобы его въ чемъ либо за сіе кто подозрѣвалъ, сего не было, ибо онъ былъ усердный конфедератъ. Послѣ обыска Куровскихъ, осмотрѣли и Святогора и отдали его подъ караулъ Игнату Кленскому, который былъ совершенно вооруженъ, и ходилъ за нимъ съ обнаженнымъ палашемъ. Когда Святогоръ увидалъ себя подъ карауломъ и Михаилъ Куровскій его допрашивалъ, то признали, что онъ былъ подосланъ шпіономъ отъ исправника, тогда его заковали и отдали подъ стражу, и таковымъ образомъ заковали его впредь до окончанія бунта и взяли съ собою за важнѣйшаго бунтовщика, тѣлеснаго наказанія не дѣлали. Ивановъ.

15) Конфедерація оставалась въ корчмѣ на столѣ; оба Куровскіе поѣхали вечеромъ поздно домой съ дѣтьми, а обѣщали на другой день обратно пріѣхать, остальные ночевали въ корчмѣ, и я пошелъ одинъ домой и легъ спать. Татоуръ.

16) 13-го апрѣля. По утру рано, около 6-ти часовъ, послѣ богослуженія отправился я опять въ корчму, нашелъ я нѣкоторыхъ спящими, а другихъ вставшими, занимавшимися оружіемъ и лошадьми; разсуждали о послѣдствіяхъ конфедераціи, говоря, что получено извѣстіе чрезъ Александра Лопацинскаго, живущаго въ Іоссахъ, объ успѣхѣ оружія поляковъ, также отъ Пржездецкаго изъ Виленской губерніи и о Жмуди отъ Викентія Корсака, присланнаго изъ Вилейки отъ того же Александра Лопацинскаго; говорили объ успѣхѣ на Волыни, на Жмуди, около Вильна. Цѣль была всѣхъ составить одно царство со всею Польшею, надежда была сдѣлать возмущеніе въ прочихъ губерніяхъ, собрать войско и соединиться съ польскими войсками въ одно; на Лепельскій уѣздъ надѣялись, а также и на Борисовской. Между тѣмъ и прочіе конфедераты начали вставать и присоединяться къ нашему разговору и начали съѣзжаться помѣщики изъ разныхъ мѣстъ. Адамъ.

17) Часу въ 11-мъ послѣ полуночи были изъ прибывшихъ помѣщиковъ въ корчмѣ, Подбипента, Куровскій, Бржостовскій, Михаловичъ, два Буйницкихъ, Дзевиловичъ, Флоріанъ Коркузевичъ, Антоній Корсакъ и еще другой Коркузевичъ худощавый, Бенедиктъ Клейнъ, Несторъ Буйницкій, Томашъ Мирскій, Іосифъ и

Константій Волосовскій, Николай и другой Клодтъ. Іосифъ Лясковскій, Антоній Ширинъ и много очень другихъ. Ивановъ.

18) Казиміръ и Людвигъ Лопацинскіе накормили бывшихъ въ корчмѣ обѣдомъ. Помѣщики же стали квартировать въ мѣстечкѣ, въ кляшторѣ, какъ могли размѣстились. Татоуръ.

19) Послѣ обѣда часу въ четвертомъ всѣ помѣщики, юнкера и пріѣхавшіе уже обыватели въ Лужки, вызвавъ меня на дворъ около костела, пригласили очистить для комитета училищную залу. Тотчасъ оную приготовили, перенесли конфедерацію изъ корчмы въ залу; начали всѣ оную подписывать безъ всякаго принужденія и всѣ сіе исполнили съ готовностію и охотою. Ромуальдъ Подбипента, Антонъ, Кароль и Флоріанъ Коркузевичи, Михайло и Адамъ Куровскіе съ наибольшимъ духомъ удовольствія къ сему приступили, а въ особенности Михаилъ Куровскій. Адамъ.

20) Присягу писали Михаилъ Куровскій и я; оная состояла въ слѣдующемъ: чтобы для составленія единаго царства съ нѣскольkихъ, дѣйствовать не жалѣя ни крови, ни имѣнія, всѣмъ единодушно противъ Россіи, ибо подъ деспотическимъ игомъ ея претерпѣвали 37 лѣтъ всѣ угнетѣнія и бѣдствія, а потому нынѣ возстаемъ и поднимаемъ оружіе, чтобы свергнуть съ себя сіе тягчайшее рабство, неприличное вольному народу и жертвовать жизнію, семействомъ и благосостояніемъ для защиты правъ вольности и религіи, преслѣдуемой деспотическимъ правленіемъ Россіи. Всѣ находившіеся тотчасъ послѣ подписанія конфедераціи, присягнули въ костелѣ, къ которой приводилъ я, которую и подписали не выходя изъ костела. Ивановъ.

21) Возвратясь изъ костела въ залу, предназначенную для общаго собранія, приступили къ избранію членовъ правительства новаго конфедератовъ, подъ названіемъ комитета. Единогласно избрали Ромуальда Подбипенту председателемъ. Онъ отговаривался своею неспособностію для столь важнаго дѣла, но послѣ того принялъ безпрекословно и безъ принужденія. Членами графа Августа Бржостовскаго, графа Антонія Ширина, Павла Мизаловича, Антона Корсака, Бенедикта Платера, Феликса Богуцкаго; секретаремъ по уголовной части Михайла Куровскаго, а по гражданской части меня, Адама Татура. Заступающихъ мѣсто Флоріана Коркузовича, Яна Буйницкаго, Адама Куровскаго, Яна Наренцскаго, Нестора Буйницкаго, Томаша Мирскаго и Константина Волосовскаго. Нестора Буйницкаго назначили уже на мѣсто Александра Мазурке-

вича, который отъ сего отказался. Протоколъ сего избранія членовъ комитета, секретарей и заступающихъ ихъ мѣсто всѣ бывшіе въ семъ собраніи подписали. Татоуръ.

22) Исполнивши сіе, всѣ начали расходиться по квартирамъ своимъ, не приступая того дня уже ни къ какому дѣлу, ибо было около или за полночь. Адамъ.

23) Изъ поименованныхъ членовъ съ наибольшею охотою и усердіемъ дѣйствовали Подбипента, Антоній Корсакъ, Флоріанъ Коркузовичъ, Михаилъ Куровскій. Болѣе благоразумные при усердіи были Бенедиктъ Клодтъ, Адамъ Куровскій, Янъ Буйницкій, а прочіе были съ усердіемъ, но безъ большой способности, а направленіе большинству и дѣйствіямъ комитета наиболѣе давалъ Михаилъ Куровскій и я Татоуръ. Татоуръ.

(Подписано): Все сіе показалъ по чистой совѣсти и справедливости Адамъ Ивановъ Татоуръ ксендъ Піярскаго лужецкаго монастыря, секретарь правительственнаго лужецкаго комитета Дисненскихъ конфедератовъ бунтовщиковъ.

24) Причины, которыя побудили къ возстанію изложены въ присягѣ выше упомянутой. Адамъ.

25) Цѣль состояла въ томъ, чтобы составить одно цѣлое съ царствомъ польскимъ. Ивановъ.

26) Секретныя приготовленія мятежа были дѣлаемы Александромъ Лопацинскимъ, живущимъ въ Тотахъ, который сносился съ Вильною, а Викентій Корсакъ вилейскій передавалъ уже намъ о прочемъ. Татоуръ.

27) Способы наши состояли въ собственныхъ силахъ уѣзда, собраніемъ по постановленію комитета изъ семи душъ одного кантониста и изъ двухъ дворовъ шляхетскихъ одного кавалериста съ полнымъ вооруженіемъ. Адамъ.

28) Надѣялись на соучастіе уѣздовъ Лепельскаго и Борисовскаго, для чего и былъ посланъ подъ командою Іосифа Симашки отрядъ, состоявшій изъ 25-ти человѣкъ съ молодежью для сего способною, который привезъ свѣдѣніе, что ихъ на пути принимали съ удовольствіемъ, преимущественно помѣщикъ Забѣлла. Ивановъ.

29) Крестьяне высылались по приказанію помѣщиковъ, обѣщавшихъ имъ современемъ облегченіе въ работахъ уменьшеніе также рекрутской службы, лишь бы хорошо вѣрно и смѣло дрались противъ Русскихъ. Татоуръ.

30) Содержаніе кантонистамъ (т. е. рекрутамъ) давали посредствомъ реквизиціи съ уѣзда, а многіе добровольно для своихъ людей. Адамъ.

31) Вооруженіе для кантонистовъ обязанъ былъ дать каждый владѣлецъ, состоящее изъ ружья съ 25-ю патронами, пикою или косою, осаженною на крѣпкомъ древкѣ, длиною четыре локтя. Ивановъ.

32) Оружіе доставлялъ всякій сколько могъ; оное исправлялось въ Лужкахъ собранными мастеровыми слесарями, кузнецами и столярами. Татоуръ.

33) Порохъ покупали въ Глубокомъ отъ евреевъ, и прислалъ въ даръ помѣщикъ Коссовъ. Имѣлъ тоже при себѣ порохъ Брохоцкій и иные; а также дѣлали порохъ сами въ Лужкахъ, покупая селитру и сѣру въ разныхъ мѣстахъ. Адамъ.

34) Деньги на разныя издержки собирались отъ помѣщиковъ по постановленію комитета, по два злота съ души, т. е. по 30 копѣекъ серебромъ. Собрано было до двухъ тысячь рублей серебромъ и сверхъ того были добровольныя приношенія, коихъ было до трехъ сотъ рублей серебромъ. Болѣе всѣхъ пожертвовалъ Валентій Брохоцкій, Іеронимъ Коссовъ, Самуйло Подбипента, Антоній Корсакъ и нѣкоторые иные. Ивановъ.

35) Когда было приказано отбирать оружіе, то оное не всѣ сполна отдали, а потомъ когда было разрѣшено возвратить оружіе дворянамъ, то оное многіе получили обратно, а сверхъ того отбили везенное изъ Дисны болѣе тысячи разнаго сорта оружія. Татоуръ.

36) Брохоцкаго планъ состоялъ, чтобы собравъ болѣе войска, идти въ Вилкомиръ для соединенія съ прочими бунтовщиками для направленія къ Вильнѣ; комитетъ же хотѣлъ, чтобы держать на мѣстѣ войско для присоединенія къ Лепельскому и Борисовскому уѣздамъ, въ которыхъ желали сдѣлать равное возмущеніе; но Брохоцкій переспорилъ, взялъ войска и пошелъ на Мозырь и далѣе къ Вилькомиру, обѣщая возвратиться вскорѣ, говоря что сіе дѣлаетъ для блага ихъ самихъ и членовъ комитета просилъ распорядиться. Адамъ.

37) Имѣли надежду на пособіе изъ Царства Польскаго, въ чемъ обнадеживалъ Викентій Корсакъ изъ Вилейскаго повстанья и такъ были увѣрены въ удачѣ своихъ дѣйствій и предпріятій, что никогда не полагали и даже не мыслили о противномъ къ неудачѣ Ивановъ.

38) 14, 15 и 16 апрѣля въ комитетѣ сдѣлано было надлежащее распоряженіе объ удержаніи внутренняго порядка и приготовленій провіанта и фуража для повстанцевъ, о чемъ было разослано приказаніе ко всѣмъ помѣщикамъ, и какъ въ сіи дни, такъ и въ послѣдующіе за оными, прибывали помѣщики сами по себѣ для присяги и подписанія конфедераціи, а въ сіи дни были высланы отъ комитета къ Брохоцкому, Дзивиловичь и Леонидъ Корсакъ для приглашенія его, принять главное начальство надъ войскомъ; а между тѣмъ надъ собиравшимися кантонистами начальствовали Николай Клодтъ и Іосифъ Волосовскій. Татоуръ.

39) 17 или 18 числа прибылъ Брохоцкій, избранный въ сіе званіе комитетомъ и общимъ согласіемъ всѣхъ помѣщиковъ, подписалъ конфедерацію и присягнулъ по особо для него составленной присяги, которую сочинилъ Михаилъ Куровскій. Онъ присягнулъ въ общемъ всѣхъ присутствіи; по сей же самой присягѣ присягалъ и заступающій его мѣсто Алоизій Буйницкій. Въ сей присягѣ было сказано, что онъ будетъ вѣрный сподвижникъ повстанцовъ, вѣрно будетъ служить, а не измѣнитъ никогда ни помѣщикамъ, ни конфедераціи. Адамъ.

40) Въ сей же день составленъ былъ комитетъ экзаменаціонный или слѣдственный; членами онаго избраны Петръ Винча, Августъ Хомскій и Іосифъ Корсакъ. Занимался сей комитетъ изслѣдованіемъ всѣхъ взятыхъ арестантовъ. Ивановъ.

41) Постановленія слѣдственной комиссіи утверждались комитетомъ правительственнымъ, и по сей части дѣйствовалъ Михаилъ Куровскій, какъ секретарь по уголовной части. Татоуръ.

42) Сею комиссіею были приговорены къ смертной казни три крестьянина Карповича, убившихъ Гратулевича, но приговоръ не былъ исполненъ и они остались въ Лужкахъ у коменданта бунтовщиковъ Адама Каменскаго, разбирали дѣло Святогора и особо двухъ крестьянъ помѣщика Курковскаго, что ударили въ щеку графа Михаила Храповицкаго, за что были посажены въ Глубоцкомъ кармелитскомъ монастырѣ на покаяніе. Плѣнныхъ трехъ казаковъ и о двухъ евреяхъ, на коихъ имѣли подозрѣнія. Адамъ.

43) Раздѣлили уѣздъ на десять ключей и назначили въ оныхъ комисаровъ. Ивановъ.

44) Комендантомъ назначили въ Лужкахъ Адама Каменскаго, а въ Глубокомъ засѣдателя Дисненскаго земскаго суда Игнатія Корсака. Татоуръ.

45) Коммисіонеромъ для продовольствія Антоній Боярскій, а помощникомъ ему Родзевичъ. Адамъ.

46) Малаховецъ смотрителемъ лазаретовъ. Ивановъ.

47) Шимборскій смотрителемъ магазиновъ сѣна и овса. Татоуръ.

48) Люцидъ Корсакъ комиссаромъ при штабѣ. Адамъ.

49) Тадеушъ Длужневскій полковымъ казначеемъ. Ивановъ.

50) Стефанъ Добожинскій назначенъ былъ главнымъ казначеемъ, а за не прибытіемъ его исполнялъ сію должность я, Татуръ. Татоуръ.

51) Адамъ Куровскій казначеемъ для добровольныхъ приношеній. Адамъ.

52) Постановленіе комитета было сдѣлано, чтобы вездѣ по костеламъ были возглашаемы изъ амвоновъ конфедерація и молебствія, чтобы Богъ благословилъ оружіе поляковъ и нашему повстанью и на эктеньяхъ не поминать царствующаго императора фамилію, но поминать вмѣсто того царство польское. Ивановъ.

53) Общіе разговоры бывали между членами и помѣщиками, что можетъ быть назначенъ королемъ польскимъ князь Чарторижскій, сынъ Наполеона, принцъ Карлъ Австрійскій и даже цесаревичъ, потому что женатъ на полькѣ. Татоуръ.

54) Вообще всѣ съ большимъ энтузіазмомъ дѣйствовали, подписывали конфедерацію и присягали, кромѣ весьма малаго числа: нѣкто Федоровскій, Гриневичъ и другіе были противъ, которые были арестованы за сіе. Адамъ.

55) При выѣздѣ Брохоцкаго съ войскомъ въ Дисну, были отъ комитета откомандированы три члена Антоній Корсакъ, Адамъ Куровскій и Бенедиктъ Клодтъ для составленія и тамъ подобнаго комитета и къ приведенію всѣхъ къ присягѣ и подпису и забранію ревизійныхъ сказокъ. Ивановъ.

56) Они по прибытіи въ Дисну назначили помощниками къ себѣ предводителя дворянства графа Лопацинскаго и Адама Костровицкаго. Татоуръ.

57) Вскорѣ по возвращеніи изъ Дисны, а именно 4-го мая, Брохоцкій взявши войска, пошелъ къ Вилькомиру, а комитетъ началъ разъѣзжаться. Адамъ.

58) Всѣ были устрашены приближеніемъ россійскихъ войскъ и разбитіемъ Радзиковскаго въ Глубокомъ, почему когда объявилъ Брохоцкій, чтобы члены комитета пошли въ разсыпку, то Михаи-

илъ Куровскій тотчасъ началъ жечь всѣ бумаги, находившіеся въ комитетѣ, въ присутствіи моемъ и одного писца, и ничего не оставилъ, кромѣ того, при мнѣ остались ревизскія сказки, взятыя въ Диснѣ и часть копій съ протоколовъ комитета приготовленныхъ для записанія и конфедерація, подписанная юнкерами, которыя я бумаги отвезъ въ деревню Сельцы Ромуальда Подбипента и отдалъ комиссару Плѣщипскому для сохраненія. Ивановъ.

59) Ромуальдъ Подбипента тогда скрывался въ лѣсу въ Горловѣ, а я поѣхалъ къ Нестору Буйницкому, съ коими, Леопольдомъ Янушкевичемъ, Зигфридомъ Буйницкимъ, Алоизіемъ Буйницкимъ, Юліаномъ Бартошевичемъ, Антономъ Шимборскимъ скрывались тогда въ лѣсу за Дойницами, послѣ того они разъѣхались по домамъ. Татоуръ.

60) Я же оставался въ лѣсу до того времени, пока узналъ, что всѣ помѣщики ѣздили въ Глубокое, а Янушкевичъ назначенъ начальникомъ ключа, къ которому я и пришелъ и просилъ доставить меня въ Глубокое. Адамъ Ивановъ Татоуръ ксендзъ Піярскаго Лужецкаго монастыря, секретарь правительствующаго Лужецкаго комитета Дисненскихъ конфедератовъ и бунтовщиковъ.

61) Ксендзъ Заленьскій Лужецкаго Піярскаго монастыря находился при Брохоцкомъ и въ комитетѣ по разнымъ порученіямъ. Когда я приводилъ къ присягѣ всѣхъ бывшихъ 13-го числа въ костелѣ, то Заленьскій говорилъ въ то же время проповѣдь краткую, но приличную къ повстанцамъ, бунтовщикамъ и конфедераціи. Адамъ.

62) Онъ отправленъ былъ отъ Брохоцкаго и Подбипенты подъ видомъ гувернера въ Лепельской уѣздъ для секретнаго развѣдыванія, а прежде сего былъ наговариваемъ Брохоцкимъ, чтобы вступилъ въ войско бунтовщиковъ, но онъ не вступалъ, а оставался для подобныхъ порученій. Ивановъ.

63) Ксендзъ Колосантій Адамовичъ Лужецкаго монастыря Піяровъ, сказывалъ мнѣ, что онъ жилъ у помѣщика Визгирда въ имѣніи Николаевѣ, принималъ людей для повстанья, собиралъ и исправлялъ оружіе и приготовлялъ ихъ къ военной службѣ. Татоуръ.

64) Того жъ монастыря ксендзъ Иванъ Мысловскій, имѣлъ порученіе для раздачи сукна и полотна повстанцамъ, но какъ онъ не трезвый человѣкъ, то Подбипента разсердясь на него, отобралъ отъ него сію должность, коею онъ не болѣе занимался трехъ дней. Адамъ.

65) Во время пріѣздовъ Викентія Корсака въ Лужки, онъ разсказывалъ, что въ секретномъ отношеніи къ общему заговору принадлежалъ и Виленской губерніи маршалъ Горскій; Корсакъ привозилъ часто разныя печатныя прокламаціи и секретныя бумаги, изъ коихъ возилъ къ Брохоцкому, во время бытности его въ Диснѣ. Сей Корсакъ пріѣзжалъ сюда изъ Вилейскаго уѣзда и былъ въ самыхъ секретныхъ сношеніяхъ съ Брохоцкимъ, Подбипентою, Корсакомъ, Коркузевичемъ и Михайломъ Куровскимъ. Ивановъ.

66) Въ комитетѣ говорили, что графъ Тизенгаузенъ имѣлъ секретныя сношенія съ Александромъ Лопацинскимъ, живущимъ въ Тотахъ и далъ оружіе и лошадей Вилейскому повстанью, но на него были сердиты, что далъ худыхъ людей и косы для здѣшняго повстанья. Татоуръ.

67) Съ войскомъ бунтовщиковъ были ксендзы: 1) Глубоцкаго монастыря кармелитовъ, 2) Францишканъ изъ Прозорокъ и 3) Ильинскій изъ Тоты. Сей послѣдній былъ совершенно вооруженъ и не снималъ никогда оружіе. Адамъ.

68) Отъ комитета было предписано циркулярно съ препровожденіемъ конфедераціи, присяги и прочихъ постановленій всѣмъ католическимъ и уніатскимъ монастырямъ и церквамъ, чтобы изъ амвоновъ были оныя оглашаемы въ день праздниковъ; всѣмъ тогда служить молебствіе за царство польское, не поминая уже болѣе императорской фамиліи, что было исполняемо во всѣхъ монастыряхъ и церквахъ съ точностію. Ивановъ Татоуръ, ксендзъ Піярскаго Лужецкаго монастыря, секретарь правительственнаго Лужецкаго комитета конфедераціи бунтовщиковъ Дисненскаго уѣзда.

69) Мѣстные глубоцкіе кагальные добровольно привезли въ Лужки 14 или 15 апрѣля три постава сукна въ подарокъ для обмундированія юнкеровъ; оное принялъ Подбипента и сдалъ мнѣ. Адамъ Татоуръ.

Дополнительное показаніе.

Главнокомандующій арміею бунтовщиковъ Валенты Брохоцкій.

1) Полковникъ кавалеріи Михаилъ Храповицкій.

2) Полковникъ кавалеріи Николай Клоттъ.

3) Ротмистръ кавалеріи Іосифъ Сѣмашко.

4) Шефъ баталіона пѣхоты стрѣлковъ и коссиніеровъ Іосифъ Волосовскій.

2) Шефъ баталіона пѣхоты стрѣлковъ и коссиніеровъ..... Клоттъ.

3) Шефъ баталіона пѣхоты стрѣлковъ и коссиніеровъ Ѳома Лопатинскій.

Адъютанты ихъ изъ юнкеровъ, которые сдѣланы офицерами — коихъ фамиліи мнѣ неизвѣстны, кромѣ Платеровъ, Понговскаго, Рипинскаго, Обуховича, Клотта, Косціялковскаго и Сологуба.

Всѣ сіи лица мнѣ извѣстны, когда выходили въ Диспу, а послѣ какъ пошли на Мосаръ, то Ѳома Лопатинскій бросилъ свой баталіонъ и не знаю куда дѣлся и кто на его мѣсто принялъ команду мнѣ неизвѣстно.

Ксендзъ Адамъ Татоуръ.

Во-1-хъ, 12 числа мѣсяца апрѣля 1831 года, прибыли помѣщики нѣкоторые а именно: Адольфъ Богуцкій, Вппкенти Винча, Бонифацій Винча, Игнатій Корсакъ, другой Корсакъ, Людвикъ Лопатинскій, священникъ Илинскій, болѣе не въ памяти и 18 человѣкъ юнкеровъ, съ коихъ Людвикъ Лопатинскій и другой Илинскій и съ двумя юнкерами пришли въ костелъ ознамляя что поляки пришли и огласить всемъ находящимся людямъ, а меня возвали въ трактіеръ и тамъ писали конфедерацію гдѣ и я принадлежалъ, послѣ всѣ были въ монастырѣ Піяровъ на обѣдѣ — по обѣдѣ высланы были ординансы къ помѣщикамъ дабы прибывали въ Лужки — сего же дня взяли подъ арестъ Свитагора гдѣ при томъ находились Михаилъ и Адамъ Куровскій.

Во-2-хъ, 13-го апрѣля прибыли помѣщики а именно: Бржостовскій, Подбипіента, Михаловскій, Ширинъ Антонъ, Иванъ Буйнискій, Несторъ Буйницкій, Мазуркевичъ, Куровскіе, Антонъ Корсакъ, Коркозовичъ Флоріянъ, Феликсъ Богускій, двое Волосовскихъ, Ѳома Лопатинскій и болѣе 50 человѣкъ прибыло, которыхъ прозвиска и фамилія не въ памяти, потому что первый разъ видѣлъ ихъ и познакомился; сего жъ времени выбрали членовъ комитецкихъ а именно: Подбипенту, Бржостовскаго, Ширина, Михаловскаго, Корсака Антона, Коркозовича, Богуцкаго; при семъ заступающихъ мѣсто — Норнискаго, Мазуркевича, Волосовскаго, Адама Куровскаго, Ивана Буйнискаго и двухъ неизвѣстныхъ мнѣ. На секретаревъ комитета Михаила Куровскаго и Адама Татоура. На плацъ коменданта въ Лужкахъ Адама Каминскаго, а въ Глубокомъ Игнатія Корсака, на коммиссіонеровъ Боярскаго, Дзивиловича, Луцыда Корсака, Шумборскаго, на коммисаровъ въ

Ключахъ разныхъ Залевскаго, Нестора Буйницкаго, Твардоманскаго, Лясковскаго и болѣе 6-ти мнѣ не въ памяти. Изъ комитетскихъ членовъ ревниво занимались Подбиніента, Корсакъ и Коркозовичъ и ни когда не отлучались до рѣшеній слѣдственныхъ дѣлъ Петръ Вніча, Іосифъ Корсакъ и Августъ..... По части магазіейновъ и пріюта кантонистовъ для квитанцій Вржостовскій, Финансовъ Ширинъ, выежзевованія постановленія всякаго комитетскаго на проступныхъ Корсакъ. Въ разные командировки Юліянъ Барташевичъ, казначеемъ былъ назначенъ Степанъ Добошинскій но неприбылъ и я сію должность исполнялъ. На складочные деньги для юнкеровъ Адамъ Куровскій. Прочіе всѣ распоряженія я съ Михаиломъ Куровскимъ дѣлали и давали предписанія помѣщикамъ какъ окажется изъ бумагъ которые въ сельцахъ Плещинскаго находятся. Брохоцкому дано денегъ 1356 р. сер. и въ Диснѣ какъ былъ взялъ деньги по мнѣ неизвѣстно сколько — а въ концѣ какъ вышелъ Брохоцкій изъ Лужокъ въ Глубокое и обратно вернулся въ дворъ Лужки тогда Подбиніента, двое Куровскихъ и Нестеръ Буйницкій и я прибыли тамъ для узнанія что дѣлать съ комитетомъ и бумагами — сказалъ Брохоцкій, что всѣмъ надо въ россыпку идти, тогда Подбиніента съ Куровскими домой уѣхали, а я въ монастырь для взятія одежды на перемѣну и на другой день поѣхалъ въ Сѣльцы но не нашелъ Подбиніенту и тамъ его комисару отдалъ бумаги которые были у меня, а самъ прибылъ къ Нестору Буйницкому и въ лѣсъ поѣхали гдѣ случились съ Янушкевичами, Алоизымъ и Зигфридомъ, Буйницкими и съ ихъ женами какъ же была и Барташевичева вмѣстѣ въ лѣсу, послѣ они всѣ домой обратно уѣхали, а я скрывался въ разныхъ мѣстахъ по лѣсу и только выходилъ для покупки живности и со мною былъ некакой шляхтичъ збѣглый изъ команды Адаховскаго, чрезъ сутки тоже видѣлъ въ томъ лѣсу коссиніеровъ бѣжащихъ много; послѣ далѣе пошолъ а я остался и какъ узналъ отъ мужиковъ что являются помѣщики въ Глубокое то и я прибылъ къ Янушкевичу дабы безъ задержки могъ достатся въ Глыбокое явился и прибылъ съ Несторомъ Буйницкимъ, гдѣ все откровенно говорить намѣренъ, что только будетъ въ памяти моей — потому что всемилостивѣйшій государь, какъ добродушный отецъ проститъ своимъ преступнымъ подданнымъ. (Писано собственною рукою).

ПРИЛОЖЕНІЕ XI КЪ ГЛАВѢ VIII.

Списокъ съ предписанія, состоящаго при главнокомандующемъ резервною арміею, могилевскаго гражданскаго губернатора Муравьева объ учрежденіи временнаго гражданскаго полицейскаго управленія Виленской губерніи въ уѣздахъ: Шавельскомъ, Тельшевскомъ и Россіенскомъ. Іюня   дня 1831 года.

Во исполненіе воли его сіятельства господина главнокомандующаго резервною арміею графа Петра Александровича Толстаго, прибывшаго сюда съ войсками для приведенія въ спокойствіе края сего, я поспѣшаю, по приказанію его сіятельства, принять строжайшія мѣры къ водворенію въ семъ уѣздѣ гражданскаго порядка, успокоить и обезпечить обывателей въ ихъ личности и собственности, дать способъ увлеченнымъ съ миромъ возвратиться въ семейства свои и наконецъ учрежденіемъ изъ самихъ помѣщиковъ свойственными нынѣшнему времени гражданскими распоряженіями съ пособіямъ въ случаѣ надобности военной силы, водворить въ краѣ семъ, потерпѣвшемъ толикія бѣдствія, то спокойствіе, котораго былъ лишенъ столь долгое время, дѣйствіями нѣкоторыхъ лицъ злонамѣренныхъ, причинившихъ несчастія и погибель многихъ семействъ.

Отклоняя отъ себя строгій, подробный разборъ лицъ виновныхъ, я обращаюсь лишь къ настоящему положенію сего края и обывателей, изъ коихъ безъ сомнѣнія большая часть будучи увлечена и насильственно принуждена къ содѣйствію мятежникамъ, въ полной мѣрѣ чувствуетъ ужасныя заблужденія свои и неминуемую

погибель, отъ коей нынѣ еще оные спасаются силою побѣдоноснаго россійскаго оружія и милосердіемъ августѣйшаго государя; а потому нахожу нужнымъ, возложить на самихъ помѣщиковъ священную обязанность составленія приличнаго гражданскаго временнаго управленія и отвѣтственность за малѣйшее нарушеніе ниже сего прописанныхъ распоряженій.

1) Поручаю главное временное полицейское гражданское управленіе уѣздному предводителю дворянства N, земскому исправнику N и помѣщику N *).

2) Помощниками имъ назначаю помѣщиковъ: N и N.

3) Канцелярія сего временнаго полицейскаго гражданскаго управленія имѣетъ быть составлена по усмотрѣнію упомянутыхъ лицъ изъ прежде служившихъ въ разныхъ канцеляріяхъ земскаго суда и предводителя, соображаясь съ ихъ благонадежностію.

4) Бывшіе засѣдатели земскаго суда N и N, имѣютъ вступить по усмотрѣнію временнаго полицейскаго гражданскаго управленія (ежели оные будутъ благонадежны) въ отправленіе настоящихъ своихъ должностей.

5) Какъ отъ дѣятельнаго полицейскаго гражданскаго управленія зависитъ спокойствіе уѣзда, очищеніе онаго отъ скитающихся бродягъ и прекращеніе злонамѣренныхъ скопищъ и заговоровъ, то и нахожу нужнымъ во всѣхъ 31 парафіяхъ сего уѣзда назначить по одному благонадежному помѣщику, который приметъ начальство въ оной и сверхъ того вмѣнить преимущественно въ непремѣнную обязанность того помѣщика, начальника парафіи и плебана, исполненіе пунктовъ, въ особой инструкціи изложенныхъ.

6) Обязанность сего временнаго полицейскаго гражданскаго управленія будетъ состоять въ непремѣнномъ исполненіи и наблюденіи всего здѣсь и въ особой инструкціи предписаннаго, прекращеніи на мѣстѣ рѣшительными дѣятельными мѣрами всякаго возрождающагося зла подъ строжайшею личною въ противномъ случаѣ членовъ онаго отвѣтственностію.

7) Назначить начальниками парафій лицъ наиболѣе благона-

*) Въ тѣхъ уѣздахъ, въ коихъ были замѣшаны въ мятежѣ предводители дворянства, было поручаемо начальство временнаго управленія подкоморіямъ, хорунжимъ, почетнѣйшимъ дворянамъ, незамѣченнымъ въ содѣйствіи мятежникамъ.

дежныхъ, пользующихся общимъ довѣріемъ уѣзда и представить мнѣ таковыхъ на утвержденіе.

8) Въ случаѣ нужды требовать военное пособіе отъ остающагося въ городѣ главнаго военнаго начальника, который вмѣстѣ съ симъ и извѣщается.

9) Увѣдомлять военнаго начальника въ городѣ каждые два дня объ успѣхѣ исполненія сего предписанія, а равномѣрно доносить и мнѣ каждые три дня чрезъ нарочнаго въ главную квартиру резервной арміи.

10) Нарушителей общаго спокойствія и неисполнителей здѣсь предписаннаго, безъ малѣйшаго промедленія и снисхожденія доставлять къ военному начальнику въ городѣ подъ стражею и мнѣ доносить.

11) Все прописанное распоряженіе тотчасъ объявить чрезъ подписки всѣмъ помѣщикамъ въ уѣздѣ, начальникамъ парафій и плебанамъ, внушивъ имъ, что за малѣйшее неисполненіе съ нихъ будетъ взыскано по всей строгости законовъ нынѣшняго военнаго положенія.

12) Обязать начальника парафіи обще съ плебанами доносить временному гражданскому управленію о дѣйствіяхъ своихъ по парафіямъ и обо всѣхъ движеніяхъ мятежниковъ, еслибы оные могли гдѣ либо скитаться по сему уѣзду, подъ строжайшею въ противномъ случаѣ за неисполненіе сего отвѣтственностію.

13) Немедленно возстановить по всѣмъ почтовымъ трактамъ почтовыя станціи изъ лучшихъ помѣщичьихъ лошадей, съ приличною упряжью, повозками и благонадежными ямщиками, опредѣливъ къ онымъ изъ дворянъ сего уѣзда благонадежныхъ писарей.

14) Тотчасъ уничтожить всѣ чины, званія и мѣста, учрежденные бунтовщиками и совершенно прекратить ихъ дѣйствія, обязавъ подписками тѣ лица подъ строжайшею въ противномъ случаѣ отвѣтственностію.

15) Немедленно возстановить уѣздное казначейство и всѣ судебныя мѣста на прежнемъ основаніи, предписавъ лицамъ входящимъ въ составъ оныхъ, явиться немедленно къ своимъ должностямъ, не далѣе какъ въ двадцать четыре часа по объявленіи имъ сего предписанія.

16) Независимо отъ учрежденнаго временнаго полицейскаго гражданскаго управленія земскій судъ долженъ тотчасъ вступить въ настоящія права свои и обязанности и продолжать производ-

ство слѣдственныхъ и уголовныхъ дѣлъ, на общемъ основаніи, донося объ всемъ по принадлежности начальнику губерніи и виленскому губернскому правленію, равно и въ прочія судебныя мѣста; также возстановить тотчасъ во всѣхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ ключвойтовъ, сотскихъ и десятскихъ изъ лицъ благонадежныхъ.

17) Такъ какъ движеніе главныхъ силъ резервной арміи и отрядовъ оной для спокойствія и огражденія самихъ жителей требуетъ порядка въ назначеніи подводъ и доставленіи продовольствія войскамъ, то и назначить немедленно шесть благонадежныхъ помѣщиковъ, которые имѣютъ находиться при главной квартирѣ резервной арміи, и будутъ получать отъ меня, чрезъ особаго гражданскаго полицеймейстера зависящія распоряженія и требованія по мѣрѣ движенія и потребностей войскъ, которыя исполнять безпрекословно и безъ малѣйшаго замедленія.

18) Для огражденія обывателей отъ всякихъ притязаній и неуравнительнаго требованія продовольствія, имѣетъ учрежденное временное полицейское гражданское управленіе немедленно сдѣлать уравнительные диспартименты по парафіямъ къ заготовленію тотчасъ съ полученія сего 1000 четвертей сухарей и столько же муки, также 2500 четвертей овса или ячменя и 250 четвертей крупъ, которые должны быть разложены на всѣхъ обывателей уѣзда и быть въ готовности по расчету въ каждой парафіи не далѣе какъ чрезъ три дни съ полученія сего свезены въ то селеніе, гдѣ находится плебанія, и отданы для храненія подъ росписку благонадежнаго помѣщика и самаго ксендза плебана; откуда запасы сіи, по первому востребованію, имѣютъ быть доставлены въ сборные пункты, куда будетъ назначено.

10) За жизненные припасы сіи по мѣрѣ доставленія ихъ въ назначенныя мѣста, будутъ выдаваться квитанціи для полученія по принадлежности по существующимъ цѣнамъ денегъ.

20) Ограничиваясь нынѣ предварительными сими распоряженіями относительно учрежденія порядка и водворенія прочнаго спокойствія и тишины въ уѣздѣ, я въ полной остаюсь надеждѣ, что члены сего временнаго гражданскаго полицейскаго управленія дѣятельностію своею, благоразуміемъ и усердіемъ обратятъ на себя особенное вниманіе начальства, предваряя при томъ, что малѣйшее неисполненіе чего либо здѣсь предписаннаго подвергнетъ неисполнителей всей строгости военныхъ законовъ.

ИНСТРУКЦІЯ.

Обязанность учрежденнаго временнаго гражданскаго полицейскаго управленія въ уѣздахъ: Шавельскомъ, Тельшевскомъ и Россіенскомъ духовенства и начальниковъ парафій.

1) Главные начальники временнаго гражданскаго полицейскаго управленія гг. такой-то уѣздный предводитель дворянства N, земскій исправникъ N и помѣщикъ N.

2) помощниками ихъ, помѣщики N и N.

3) Уѣздъ раздѣляется на 31 парафію, въ коихъ назначаются начальниками благонадежнѣйшіе помѣщики, пользующіеся общимъ довѣріемъ уѣзда.

4) Объявить всѣмъ начальникамъ парафій чрезъ подписки, дабы они чрезъ двѣнадцать часовъ вступили въ отправленіе своихъ обязанностей.

5) На строжайшую личную ихъ отвѣтственность возложить допущеніе какихъ либо противозаконныхъ скопищъ, сношеній или заговоровъ, во ввѣренныхъ имъ парафіяхъ, равно и за допущеніе какого либо скитанія бродягъ, называемыхъ повстанцами или дачу укрывательства возмутителямъ общаго спокойствія.

6) Равномѣрно возложить сію обязанность и на всѣхъ помѣщиковъ сего уѣзда, предваривъ ихъ, что малѣйшее неисполненіе сего подвергнетъ ихъ неминуемо строжайшей отвѣтственности.

7) Возложить на строжайшую отвѣтственность начальниковъ парафіи и живущихъ въ оныхъ помѣщиковъ, ежели у кого изъ нихъ, у духовенства, шляхты или крестьянъ ихъ будетъ находиться или укрываться какое либо оружіе, которое немедленно должно быть отобрано и доставлено ближайшему военному отрядному начальнику.

8) Строжайше наблюдать, чтобы непремѣнно крестьяне оставались на своихъ мѣстахъ, занимались полевыми работами, равно и тѣ, которые возвратились въ свои домы отъ бунтовщиковъ, также и шляхты.

6) Объявить всѣмъ помѣщикамъ, что всякое допущеніе бродяжества и составленіе скопищъ въ ихъ помѣстьяхъ обратится на личную строжайшую ихъ отвѣтственность, ибо всякій помѣщикъ есть ближайшій полицеймейстеръ въ своихъ владѣніяхъ и отвѣ-

чаетъ своимъ лицомъ и благосостояніемъ за малѣйшее неустройство и допущеніе злонамѣреннаго безпорядка предъ правительствомъ.

10) Объявить всѣмъ, что ежели тотчасъ съ полученія сего не будутъ очищены самими помѣщиками дачи ихъ отъ скитающихся въ иныхъ мѣстахъ польскихъ солдатъ и слабыхъ шаекъ разсѣянныхъ повстанцевъ и оные не будутъ взяты и доставлены ближайшему военному начальству, то съ тѣми владѣльцами и начальниками парафій будетъ поступлено по всей строгости законовъ, сообразныхъ нынѣшнимъ военнымъ обстоятельствамъ.

11) Ежелижъ гдѣ таковыя шайки бунтовщиковъ находятся въ значительномъ числѣ, то каждый помѣщикъ и начальникъ парафіи обязанъ тотчасъ, чрезъ нарочнаго, дать знать ближайшей военной командѣ, для рѣшительнаго истребленія сихъ скопищъ и донести сего уѣзда полицейскому временному гражданскому управленію.

12) Ежели кто изъ помѣщиковъ или иныхъ лицъ дастъ пріютъ или укрывательство кому либо изъ возмутителей общаго спокойствія и недоставитъ таковыхъ за карауломъ къ ближайшему военному начальству, то съ таковыми поступлено будетъ безъ всякаго замедленія, какъ съ соучастниками мятежныхъ дѣйствій.

13) Ежели кто изъ помѣщиковъ или иныхъ лицъ отнынѣ впредь будетъ знать и недонесетъ ближайшему военному начальству и сего уѣзда полицейскому временному гражданскому управленію, что укрываются у сосѣдей его какія либо сомнительныя лица, то будетъ отвѣчать одинаковымъ образомъ съ тѣмъ, кто ихъ у себя укрывалъ.

14) Ежели начальникъ парафіи или же кто изъ помѣщиковъ допуститъ крестьянъ своихъ, шляхту или иныя лица къ возвращенію въ шайки бунтовщиковъ или къ бродяжеству, то будетъ отвѣчать по всей строгости законовъ, свойственнымъ нынѣшнимъ обстоятельствамъ.

15) Ежели кто, изъ находящихся нынѣ на поручительствѣ у разныхъ помѣщиковъ и у иныхъ лицъ россійскихъ солдатъ, по объявленіи сего, чрезъ двадцать четыре часа не представитъ ихъ въ ближайшія военныя команды, то за неисполненіе сего каждый подвергнутъ будетъ строгому законному сужденію, сообразному настоящему военному положенію.

16) Къ непремѣнному и точному исполненію выше изъяснен-

ныхъ пунктовъ, обязано духовенство тѣхъ парафій всѣми благоразумными мѣрами содѣйствовать и внушать каждому обязанность вѣрноподданническаго долга къ августѣйшему своему государю, за противное же или медленное чего либо выполненіе духовенство отвѣтствуетъ равнымъ образомъ съ владѣльцами, начальниками парафій и прочими лицами и будетъ подвергнуто сужденію по строгости законовъ настоящаго военнаго положенія.

17) Также начальникъ парафій и духовныя лица обязаны объявить всѣмъ и каждому, что покинувшіе свое оружіе и возвратившіеся съ миромъ въ домы свои, останутся подъ покровительствомъ начальства; упорствующіе же буйные мятежники должны быть немедленно доставлены къ ближайшему военному начальству, и

18) Таковое распоряженіе имѣетъ временное полицейское гражданское управленіе препроводить въ копіяхъ ко всѣмъ плебанамъ въ парафіяхъ, дабы оное еженедѣльно было читано съ амбоновъ собирающемуся въ церковь народу, что и возлагается на личную строжайшую отвѣтственность самихъ духовныхъ лицъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ XV КЪ ГЛАВѢ VIII.

Записка о ходѣ мятежа въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ и заключенія о причинахъ столь быстраго развитія онаго, извлеченныя изъ свѣдѣній, почерпнутыхъ на мѣстѣ произшествія и подлинныхъ допросовъ.

Случившіеся мятежи въ Литвѣ и другихъ отъ Польши возвращенныхъ губерніяхъ, возбужденныя агентами тайныхъ сообществъ и имѣющіе неразрывную связь съ произшествіями въ Царствѣ Польскомъ, должны обратить тщательное вниманіе правительства на настоящія коренныя причины, возродившія толикіе безпорядки; на начала, собственно въ тѣхъ губерніяхъ способствовавшія мятежамъ, отчего достигли они до такой силы и наконецъ столь продолжительно и упорно продолжались, не взирая на многочисленность войскъ, къ усмиренію оныхъ посланныхъ. Цѣль сего открытія тѣмъ необходимѣе для правительства, что существующее еще поднесь управленіе въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ должно быть исправлено и измѣнено въ самыхъ началахъ своихъ, соображаясь съ тѣми истинами, которыя могутъ быть извлечены изъ внимательнаго наблюденія всего хода мятежа.

Общій взглядъ на причины бунта.

Горестныя сіи событія, превосходящія даже всякое вѣроятіе, заключаютъ въ себѣ и могутъ раскрыть гораздо болѣе полезныхъ истинъ, нежели сорокалѣтнее мирное управленіе краемъ симъ и

обнаружить (не касаясь до общихъ правительственныхъ причинъ) что недостатокъ въ системѣ управленія сими областями, долголѣтняя апатія и слабость мѣстныхъ правителей и несоотвѣтственное образованіе самаго внутренняго состава управленія оными, при благопріятныхъ внѣшнихъ для мятежниковъ обстоятельствахъ и при постоянномъ дѣйствіи секретныхъ агентовъ изъ Царства Польскаго, были главными причинами допущенія тайныхъ крамолъ и бунтовъ и наконецъ моральнаго политическаго развращенія мнѣній обывателей, которое обнаружилось при первой искрѣ мятежа въ Царствѣ Польскомъ, въ послѣдствіе нѣкоторыхъ непредусмотрительныхъ мѣстныхъ распоряженій, ускорившихъ начало онаго.

Долговременною слабостію и безпечностію мѣстнаго начальства до такой степени были разрушены всѣ пружины управленія сихъ областей, что новые правители, при всемъ усердіи своемъ, не въ силахъ уже были вдругъ предупредить всего зла и нѣкоторыя буйныя головы изъ среды литовскихъ обывателей, несчастныя жертвы тайныхъ крамолъ секретныхъ сообществъ, собравъ въ уѣздахъ, въ началѣ марта мѣсяца, небольшія шайки бунтовщиковъ, не скрывая даже своихъ намѣреній еще за нѣсколько мѣсяцевъ до явнаго обнаруженія мятежа, отъ береговъ Нѣмана до самой Двины, постепенно разрушали въ уѣздахъ правительственную власть, учреждали мятежныя правительства, наводили робость на военныхъ и гражданскихъ правителей, возбуждали народъ къ возстанію: и въ неимовѣрномъ безуміи своемъ, дерзали даже обнародованными прокламаціями, въ церквахъ съ амвоновъ читанными, преступнымъ духовенствомъ, объявлять независимость края отъ благодѣтельнаго владычества Августѣйшаго могущественнаго Государя.

О томъ, что обыватели отъ Польши возвращенныхъ губерній, не были движимы предполагаемою общею энергіею и фанатизмомъ мечтательной свободы.

Всѣ сіи неимовѣрныя произшествія съ значительною удачею для бунтовщиковъ, нѣкоторое время совершавшіяся и мятежи, столь долго противустоящіе силѣ многочисленныхъ войскъ, къ усмиренію оныхъ посланныхъ, естественно должны были заставить полагать высшее правительство, что мятежные крамолы ведены были съ особымъ искуствомъ, что въ семъ участвовали съ большою энергіею всѣ сословія обывателей и что наконецъ, фанатизмъ и духъ обывателей Литвы къ возстановленію независимости Польши пре-

восходилъ даже многіе примѣры, бытописаніемъ намъ представляемые въ иныхъ народахъ.

Но внимательный взглядъ и изслѣдованіе всего хода обстоятельствъ доказываетъ совершенно противное. Первоначальный мятежъ въ Самогитіи, въ остальной части Виленской губерніи и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Минской, развернулся кромѣ общихъ правительственныхъ причинъ (долгое время дававшихъ способъ народу польскому, всегда ненавидящему Русскихъ, упрочить свое отчужденіе) отъ вліянія происшествій въ Царствѣ Польскомъ и агентовъ секретныхъ сообществъ и наконецъ отъ причинъ частныхъ (а въ особенности въ Самогитіи и Литвѣ), которыя послужили средствомъ къ ускоренію мятежа и привлеченію даже въ оный хотя временно, но грубыхъ и неспособныхъ къ таковымъ дѣйствіямъ крестьянъ самогитскихъ, главнѣйшею же причиною всему были: многолѣтняя неспособность мѣстныхъ правителей, смертный сонъ, объявшій столь долгое время все управленіе сихъ областей, несуществованіе никакого полицейскаго внутренняго порядка, непринятіе своевременно должныхъ мѣръ къ остановленію крамолъ и послѣ толикой безпечности, непостижимый страхъ, овладѣвшій какъ гражданскими такъ и военными начальниками, которые въ неимовѣрномъ ослѣпленіи своемъ, въ совершенномъ мракѣ окружавшихъ ихъ событій, удесятеряя опасность, вмѣсто дѣйствій рѣшительныхъ и благоразумныхъ, прибѣгали сначала къ робкимъ полумѣрамъ, чѣмъ самымъ возродили самонадѣянность и дерзость бунтовщиковъ, коихъ всю силу составляла оплошность наша, отважность — робость наша, успѣхъ въ предпріятіяхъ — несуществованіе энергіи, единства и системы въ мѣрахъ противудѣйствія, словомъ наши возлелѣянные, развернутые и наконецъ до толикихъ успѣховъ доведенные замыслы бунтовщиковъ, получили всю силу въ отрицательныхъ, выше сего сказанныхъ, качествахъ и дѣйствіяхъ мѣстнаго, уже многіе годы разрушеннаго управленія, которыми не переставали пользоваться тайные агенты мятежа, подстрекаемые внѣшними врагами нашими въ Царствѣ Польскомъ.

Многіе полагаютъ, что народъ Литовскій былъ руководимъ и движимъ необыкновеннымъ фанатическимъ духомъ и энергіею къ возстановленію отечества, но опытъ доказалъ совершенно противное; отъ береговъ Двины до самаго Нѣмана бунтовщики развернули и показали во всѣхъ случаяхъ тѣ же черты легкомыслія, низости и коварства, которыя отличаютъ обитателей Литвы; ни

одинъ изъ главныхъ мятежниковъ, дерзкихъ и наглыхъ въ кругу своемъ, при открытіи крамолъ его, не показалъ того духа и характера, который еще можетъ заставить уважать и самаго преступника и въ особенности въ дѣлѣ мечты освобожденія отечества, возродившей въ иныхъ народахъ толикіе примѣры доблестей и величія.

Слабое и уже многіе годы разрушенное внутреннее управленіе сими губерніями было главною причиною, что мятежъ сей былъ допущенъ и даже сословіе крестьянъ было съ принужденія увлечено бунтовщиками.

Въ возвращенныхъ отъ Польши губерніяхъ мятежъ вездѣ начинался одинакимъ образомъ и отъ тѣхъ уже общихъ причинъ, но не былъ и не могъ, по политическому составу края, быть общимъ всему народу; рабство крестьянъ, не взирая на ихъ исповѣданіе, всегда могло быть вѣрнымъ средствомъ къ уничтоженію всякихъ скопищъ владѣльцевъ противу правительства и нужна лишь была малая своевременная предусмотрительность, чтобы воспользоваться симъ вѣрнымъ орудіемъ или по крайней мѣрѣ благоразумными внушеніями и дѣйствіями, остановить принужденное соучастіе простаго народа въ бунтѣ. Но по несчастію, здѣсь случилось противное, — обольщенные крестьяне разными обѣщаніями, устрашенные неимовѣрными, неудобоисполнимыми въ самую распутицу повинностями для дѣйствующей арміи и рекрутскимъ наборомъ, насильственно высланные изъ домовъ своихъ въ видѣ исполненія господскихъ повинностей, противъ воли своей пополняли ряды мятежниковъ, — одна шляхта сословіе буйное и развратное, неимѣющее никакой осѣдлости, съ охотою подняла оружіе и составляла съ дворовыми людьми, экономами, комиссарами и иными бродягами изъ того же шляхетскаго сословія, злобныя и постоянныя полчища бунтовщиковъ.

Что наиболѣе способствовало къ развитію мятежа.

Въ Виленской губерніи болѣе всего способствовало къ развитію мятежа долговременное дряхлое управленіе оной, преисполненное злоупотребленіями. Виленскій университетъ нисколько не образующій тамошняго дворянства и дающій лишь нѣкоторый наружный оттѣнокъ просвѣщенія будучи, средоточіемъ соединенія молодежи изъ всѣхъ польскихъ губерній и гнѣздищемъ вольнодумства, есте-

ственно былъ первымъ зародышемъ мятежа. Тайныя общества, существовавшія въ Царствѣ Польскомъ и Литвѣ, многіе годы готовившія умы къ возстанію. Дворянство польское всегда легкомысленное и въ самойда же Литвѣ, вообще мало образованное, управляемое воспаленнымъ воображеніемъ мечтательныхъ женщинъ и въ рукахъ коварнаго духовенства, пользующагося чрезмѣрными привилегіями и богатствами, поддерживающими моральное и политическое вліяніе ихъ на народъ, а преимущественно въ Самогитіи, были сильными пружинами мятежа. Общая масса литовскаго дворянства, не взирая на всѣ побудительныя внутреннія и сильныя дѣйствія внѣшнихъ причинъ, при всей всегдашней душевной готовности возстать противъ нашего правительства, долго колебалось и всѣ усилія бунтовщиковъ не были-бы въ состояніи заставить оное принять дѣятельное участіе въ возмущеніи, ежели бы оплошность мѣстнаго управленія не дала имъ поводу мечтать о возможности успѣха. Рѣшительно сказать можно, сколько самый опытъ и послѣдствія доказали, что все безсмысленное предпріятіе бунтовщиковъ не было поддержано духомъ фанатической любви къ отечеству, которую они лишь вездѣ выставляли въ прокламаціяхъ, заимствованныхъ изъ Царства Польскаго и духъ мятежа распространился наиболѣе отъ непринятія первоначально должныхъ мѣръ, давшихъ со временемъ возможность бунтовщикамъ, представить обывателямъ правительство наше безсильнымъ. Полякъ вездѣ одинаковъ: легковѣренъ и самонадѣянъ въ успѣхѣ и столько же низокъ и покоренъ при мѣрахъ рѣшительныхъ, но оныя къ сожалѣнію въ свое время предприняты не были и зло распространилось съ неимовѣрною быстротою, увлекая за собою всѣ сословія; главныя же лица бунта старались оный поддерживать для личныхъ выгодъ корысти и честолюбія.

Оплошность и ошибочныя мѣры мѣстнаго начальства.

Начальство при самомъ началѣ ошиблось въ своихъ дѣйствіяхъ, оно не постигло настоящихъ пружинъ бунта и не обратило вниманія, что мятежъ есть моральная зараза, къ прекращенію которой должно было дѣйствовать съ большею осмотрительностію, соображаясь съ разными его періодами, —что какъ искусному врачу надлежало правителю области со вниманіемъ высматривать первые періоды болѣзни и прекращать оную благовременно мѣрами, строгими и рѣшительными, очиствъ губернію отъ людей опасныхъ

и вредныхъ, чѣмъ и могло быть все при самомъ началѣ остановлено; — когда же напротивъ того, время было упущено и моральная язва сія со всею силою повсюду распространилось, то не слѣдовало раздражать ихъ мнѣній средствами сильными, а укрощать оную распоряженіями гражданскаго управленія, дѣлаемыми не изъ губернскаго города, но на мѣстѣ, по мѣрѣ вступленія въ оныя войскъ, словомъ надлежало учреждать противудѣйствующія временныя управленія въ уѣздахъ, основанныя на взаимной отвѣтственности главныхъ лицъ въ округѣ и произвести контръ-революцію въ умахъ мѣрами благоразумной кротости, справедливости и снисхожденія къ увлеченнымъ. Опытъ доказалъ всю пользу таковаго распоряженія въ Минской губерніи и Самогитіи, но по несчастію, правители Виленской губерніи видѣли вещи иначе; не предусмотрѣвши начала бунта и не принявъ въ свое время надлежащихъ мѣръ строгости, они почли періодъ сильнаго развитія бунта за начало онаго, и мѣрами строгими, безъ введенія приличнаго управленія въ уѣздахъ, раздражали наиболѣе умы, предавая суду и заточенію увлеченныя жертвы. Таковыя самоуправныя мѣры усилили язву и свершаемые въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ переходы воинскихъ отрядовъ въ разныхъ уѣздахъ Виленской губерніи, безъ учрежденія гражданскаго порядка и слѣдовательно безъ пользы, умножили лишь самонадѣянность бунтовщиковъ.

Кто хотѣлъ со вниманіемъ наблюдать за ходомъ умовъ, тотъ могъ легко замѣтить еще съ исхода ноября мѣсяца 1830 г., сколь явно все готовилось къ мятежу; съ января же и февраля, общій духъ бунта столько былъ ощутителенъ, что надобно удивляться, отчего не было принято надлежащихъ противъ онаго мѣръ, особенно въ краѣ, давно извѣстномъ своею готовностію нарушить вѣрноподданническую присягу къ Августѣйшему престолу и начальство не обратило вниманія, что главная обязанность его въ столь критическое время состоитъ въ пріобрѣтеніи моральнаго верьха надъ мнѣніями и обузданіи онаго своевременно благоразумнымъ своимъ вліяніемъ и немедленнымъ отстраненіемъ лицъ опасныхъ.

Народъ вездѣ одинаковъ, десятки лицъ болѣе умныхъ, рѣшительныхъ, часто даже глупыхъ, но богатыхъ и имѣющихъ значительныя связи, управляютъ самовластно тысячами.

Въ Польскихъ губерніяхъ необходимо было покорить сіи лица вліянію правительства, которое столь легко пріобрѣсти всякому начальнику, знавши характеръ Поляковъ или наконецъ удалить

своевременно непокорныхъ и опасныхъ и тогда бы конечно никогда не подумали или по крайней мѣрѣ не могли бы Литвины возстать противу правительства.

Снятыя показанія съ мятежниковъ обнаруживаютъ, что въ Литвѣ и Минской губерніи еще съ января и февраля мѣсяцевъ тайные агенты бунтовщиковъ были повсюду разосланы и явно безбоязненно во всѣхъ обществахъ и сословіяхъ, приготовляли умы къ мятежу и даже запасались оружіемъ. Одни мѣстные правители областей и губерній продолжали оставаться въ невѣдѣніи или по крайней мѣрѣ, не предпринимали должныхъ противу сего мѣръ; большая же часть членовъ городскихъ и земскихъ полицій, составленныхъ изъ туземцевъ, участвовали въ ономъ или молчали; въ Гродненской же и Минской губерніяхъ трудно предполагать, чтобы сіи приготовленія къ мятежу и начальникамъ губерній не были извѣстны.

Минская и Гродненская губерніи, долгое время управляемыя съ неимовѣрною, какъ будто умышленною оплошностію губернаторами изъ туземцевъ, имѣющихъ многочисленныя родственныя связи въ краѣ, не уступали въ готовности къ мятежу самой столицѣ Литвы. Самогитія, край отдаленный и богатый, менѣе другихъ, по моральному состоянію обывателей, способный къ бунту, первый возсталъ противу законной власти. Сему способствовало, съ одной стороны безпредѣльная власть тамошняго духовенства надъ всѣми сословіями обывателей, а съ другой — неосторожныя распоряженія о рекрутскомъ наборѣ и затруднительной доставкѣ чрезмѣрной реквизиціи въ самую распутицу. Сіи два обстоятельства, въ особенности въ Самогитіи, дали возможность злонамѣреннымъ обратить на свою сторону простой народъ, далекій и вовсе неспособный къ мятежу.

Многочисленное сословіе шляхты и преимущественно тѣ изъ нихъ, которые получили нѣкоторый оттѣнокъ образованія въ гнѣздищѣ литовскаго вольнодумства и занимающіе мѣста экономовъ, управителей и коммисаровъ у самогитскихъ и литовскихъ владѣльцевъ, были первымъ орудіемъ.

Составъ внутренняго управленія изъ туземцевъ способствовалъ мятежу.

Прочіе уѣзды Виленской губерніи постепенно послѣдовали тому же примѣру и смежные Минской. Дѣйствія возмутителей

были вездѣ одинаковы: малозначительныя шайки молодежи съ нѣсколькими десятками вооруженной шляхты и дворовыхъ людей съ содѣйствіемъ большей части членовъ земской полиціи и предводителей дворянства воспользовавшись выводомъ войскъ изъ того края, обезоруживали внутреннюю стражу, составленную изъ туземцевъ и приготовленную къ тому своимъ составомъ; а потому, первое правильное вооруженіе, снабженіе порохомъ и воинскими снарядами получали бунтовщики отъ безоруженныхъ инвалидныхъ командъ.

Правители губерній и областей, не наблюдавшіе духа обывателей и не предпринимавшіе своевременно никакихъ мѣръ предупредительныхъ, могущихъ спасти тысячи несчастныхъ жертвъ, узнавали о мятежѣ, когда уже правительственныя власти въ уѣздахъ были разрушены и притомъ духъ мятежа объялъ уже всѣ власти и чины въ губерніи, составленныя также преимущественно изъ туземцевъ, такъ что мѣры правителей губерній противу бунта принимаемые, были уже поздніи и часто ослаблены коварными исполнителями и предварительно извѣстныя бунтовщикамъ; и притомъ нужна уже была военная сила къ возстановленію порядка, которой въ то время въ нѣкоторыхъ уѣздахъ вовсе не было; а потому нѣсколько буйныхъ головъ легко распространяли заразу въ уѣздахъ и скоро увлекли за собою и болѣе благоразумныхъ, старавшихся сначала удалиться отъ нихъ, видя безсмысленность замысловъ.

Главные элементы мятежа.

Изъ всѣхъ полученныхъ свѣдѣній, *первымъ элементомъ мятежа было духовенство,* подстрекаемое агентами тайныхъ обществъ въ Варшавѣ и Литвѣ существующихъ. Женщины по чрезмѣрному вліянію своему были орудіемъ къ воспламененію сихъ мечтательныхъ чувствъ, и молодежъ, возлелеянная въ гнѣздищѣ литовскаго вольнодумства, были дѣятельными исполнителями и явными распространителями язвы. Шляхта, классъ народа не осѣдлаго, буйнаго и развратнаго, всегда готоваго ко всѣмъ безпорядкамъ, послужила первымъ основаніемъ къ образованію воинской силы бунтовщиковъ. Крестьяне же, сословіе болѣе страдательное, нежели дѣйствительное, обольщенное бунтовщиками и принужденные своими помѣщиками, постепенно наполняли и расходились изъ рядовъ мятежниковъ. Къ удержанію сихъ послѣднихъ въ своихъ толпищахъ, бун-

товщики пользуясь ихъ простолюдимостію, обѣщали свободу и разныя льготы въ повинностяхъ.

Сила мятежниковъ состояла въ приличномъ, устроенномъ ими гражданскомъ управленіи.

Всѣ сіи собранныя толпища мятежниковъ не могли бы съ толикимъ успѣхомъ достигнуть до цѣли своей, если бы бунтовщики, пользуясь совершеннымъ безначаліемъ въ управленіи областей, не образовали своевременныя правительства въ уѣздахъ на основаніи прочномъ, способномъ къ скорымъ дѣйствіямъ и могущемъ даже служить примѣромъ для внутренняго управленія симъ краемъ.

Учрежденіемъ таковаго внутренняго управленія всѣ обыватели, при общей готовности, болѣе или менѣе были вынуждены къ содѣйствію и можно рѣшительно сказать, что никакія повелѣнія бунтовщиковъ не оставались неисполненными; обмундированіе, вооруженіе, продовольствіе, высылка ратниковъ (такъ называемыхъ кантонистовъ) все производилось безостановочно и безъ замедленія.

Мѣстные правители ошибочно дѣйствовали къ усмиренію бунта безъ учрежденія соотвѣтственнаго управленія въ уѣздахъ.

Къ удивленію наши правители областей и военные начальники, съ многочисленными силами съ апрѣля мѣсяца проходившіе въ разныхъ направленіяхъ Литву для истребленія мятежниковъ, не обратили вниманіе, что сила бунтовщиковъ состояла въ устройствѣ гражданскомъ и что необходимо было, по мѣрѣ движенія войскъ, разрушать управленія ихъ и учреждать соотвѣтственныя временныя правительства, поддержанныя военною силою, отнюдь не раздражая мнѣній, не разсудительнымъ самоуправствомъ; тогда бы все измѣнилось, — возложенная отвѣтственность на правительственныя лица, въ уѣздахъ на духовенство и самыхъ помѣщиковъ произвела бы гораздо болѣе дѣйствій, нежели всѣ, впослѣдствіи времени обнародованныя милостивыя мѣры, относящіяся вообще ко всему краю и могущія лишь быть полезными при хорошемъ гражданскомъ управленіи.

Непринятіе выше сего сказанныхъ гражданскихъ мѣръ къ укрощенію бунта и неумѣстныя уже позднія мѣры строгости были причиною, что многочисленные отряды, посланные въ Литву, не только что не принесли никакой пользы, но слѣдуя за толпами

мятежниковъ, уступавшихъ силѣ и повсюду вновь соединявшихся, возродили въ нихъ вящшее самонадѣяніе; между тѣмъ, отъ несуществованія системы въ управленіи, военные начальники забирая подъ стражу по произволу своему безъ надлежащаво разбора виновности многихъ лицъ, отсылали невинныхъ и виновныхъ къ главному гражданскому управленію, которое наполняло губернскіе города множествомъ арестантовъ и не имѣя тамъ никакой системы въ дѣйствіяхъ, не составивъ никакого плана въ изысканіяхъ виновности лицъ и категорій, на которыя бы должно было оныхъ раздѣлить, безъ всякой пользы, лишь къ единому ожесточенію, томило ихъ многіе мѣсяцы въ заточеніи.

Вредное дѣйствіе слѣдственныхъ комиссій, въ губернскихъ городахъ устроенныхъ и несуществованіе системы въ обнаруженіи виновности.

Наконецъ учрежденныя въ городахъ губернскихъ особыя слѣдственныя комиссіи, дѣйствующія и нынѣ отдѣльно, тогда какъ мятежъ въ Царствѣ Польскомъ во всей Литвѣ и вообще во всѣхъ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ, имѣлъ и имѣетъ еще между собою неразрывную связь, служили и служатъ лишь къ вящшему безпорядку и будучи составлены изъ секретарей и изъ чиновниковъ, имѣющихъ связи въ тѣхъ губерніяхъ, хотя и подъ мнимымъ предсѣдательствомъ военныхъ и гражданскихъ губернаторовъ, которые, по затруднительности нынѣшнихъ обстоятельствъ, не имѣютъ времени заняться формальностію таковыхъ изысканій, умножаютъ только случаи несправедливости, лицепріятія и вселяютъ презрѣніе къ нашему правительству, наполняя губернскіе города просителями и просительницами, которыя часто съ довольною удачею прелестями своими, деньгами и разными иными средствами склоняютъ къ несправедливому снисхожденію.

Я весьма далекъ отъ той мысли, чтобы теперь мѣры снисхожденія относительно увлеченныхъ были вредны, напротивъ того полагаю оныя необходимыми, но тѣмъ не менѣе въ семъ случаѣ еще болѣе нужна справедливость, ибо выпущенный преступникъ по ходатайству женщинъ, богатству и связямъ, когда увлеченные и невинные томятся еще въ заточеніи и не имѣютъ скорой надежды къ освобожденію, производитъ ничѣмъ неизгладимый ропотъ и вредъ въ общемъ мнѣніи, которое должно стараться сколько возможно смирить справедливостію разбора винности каждаго. Для

успокоенія края и поддержанія достоинства правительства необходимо на счетъ сей принять самыя рѣшительныя и строгія мѣры. По мнѣнію моему, комиссіи не должны бы вовсе существовать въ губернскихъ городахъ и вмѣсто оныхъ необходимо опредѣлить разныя категоріи виновности, по предварительнымъ изыскапіямъ, сдѣланнымъ на мѣстѣ, въ уѣздахъ самимъ начальникомъ губерніи; лица же неблагонамѣренные и опасные, таковымъ образомъ обнаруженные, отправлять во внутрь Имперіи, гдѣбъ можно было если угодно будетъ высшему правительству, составить особую центральную комиссію, которая обнаружила бы виновность каждаго, а между тѣмъ, люди опасные были бы удалены, всѣ лицепріятныя ходатайства устранены по крайней мѣрѣ въ томъ краѣ и желаемое моральное дѣйствіе на умы произведено уже однимъ симъ отдаленіемъ замѣшанныхъ лицъ въ мятежѣ; здѣсь несправедливости нельзя бы ожидать, ибо сей разборъ зависѣлъ бы отъ личныхъ дѣйствій начальниковъ губерній, которые могли бы быть подкрѣплены письменными подтвержденіями на мѣстѣ благомыслящей части обывателей; увлеченныхъ же можно бы отдавать на поручительства; сіе не могло бы подвергнуться ни малѣйшему затрудненію, ибо по мнѣнію моему, начальникъ губерніи обязанъ самъ ввести въ уѣздахъ гражданскій порядокъ и слѣдовательно въ нѣсколько дней бывши самъ въ уѣздахъ, могъ бы судить о виновности лишь посредствомъ расросовъ на мѣстѣ, гораздо съ большею основательностію, нежели чрезъ формальность слѣдственныхъ комиссій, впрочемъ какъ правительство имѣетъ въ виду, не караніе за преступленіе, но предупрежденіе на будущее время возобновленія таковыхъ же произшествій, то домашнія обстоятельства и жизнь каждаго участвовавшаго дѣятельно въ мятежѣ можетъ лучше всего обнаружить побудительныя причины участія его въ бунтѣ и дать настоящую идею правителю губерніи о степени должнаго опасенія и можно ли надѣяться на будущее исправленіе. При таковыхъ развѣдываніяхъ обнаружатся и такіе особы, которыя по наружности не принимали будто бы участія въ мятежѣ, но тайно были вреднѣе правительству, нежели несчастныя легкомысленныя жертвы ихъ тайныхъ крамолъ.

Вредное примѣненіе высочайшаго указа 4-го іюня.

Дозволенная выдача свидѣтельствъ отдѣльнымъ военнымъ начальникамъ въ раскаяніи мятежниковъ, безъ надлежащихъ мѣст-

ныхъ розысканій и распоряженій, есть также отрасль гнусной промышленности и слѣдствія обѣихъ сихъ учрежденій; есть уничтоженіе справедливости, закрытіе винности, обращеніе презрѣнія на правительство наше и не обнаруженіе того малаго числа виновныхъ, которые будучи тайнымъ орудіемъ зла — были причиною толикихъ бѣдствій и несчастныхъ жертвъ и впредь могутъ быть опасными для общаго спокойствія.

Благодѣтельныя намѣренія Великаго Государя, чрезъ ошибочныя примѣненія на мѣстѣ, теряютъ всю силу и пользу свою; предшествовавшія ошибки не служатъ урокомъ для будущаго и цѣпь бѣдствій, постигшихъ несчастный край сей отъ крамолъ малаго числа злонамѣренныхъ, допущенныхъ долговременною безпечностію и непредусмотрительностію мѣстныхъ управленій, стоющихъ толикихъ пожертвованій и крови, могутъ легко возобновиться еще съ большимъ успѣхомъ для мятежниковъ, ежели тотчасъ не будутъ приняты должныя мѣры къ систематическому водворенію справедливаго порядка и внутренняго устройства въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ.

Прибытіе мятежника Гелгуда послужило къ уничтоженію мятежа въ Литвѣ.

Мнимая теперь наружная тишина въ сихъ губерніяхъ нисколько не должна успокоивать правительство; ибо корень зла вездѣ существуетъ и тишина сія есть моральное утомленіе послѣ продолжительной гибельной язвы, объявшей весь политическій составъ и всѣ сословія обывателей отъ Польши возвращенныхъ губерній; нравственная зараза сія слишкомъ глубоко вкоренилась и развратила понятія обывателей, чтобы можно было оставаться покойнымъ, теперь необходимо для прочнаго успокоенія края употребить рѣшительныя мѣры благоразумной осторожности и предпріимчиваго управленія.

Обратившись къ прошедшимъ событіямъ легко можно убѣдиться, что причины, произведшія мнимую сію тишину въ Литвѣ были случайныя, нисколько не истребившіе начала зла и что несчастный край сей долго бы еще оставался позорищемъ толико бѣдственныхъ происшествій, если бы Провидѣнію Всевышняго не благоугодно было обратить въ пользу нашу случая, который по первому взгляду предвѣщалъ способы къ усиленію мятежей. Вторже-

ніе Гелгуда съ значительными силами регулярныхъ мятежныхъ войскъ положило конецъ всѣмъ бунтамъ въ Литвѣ.

Литовскіе и самогитскіе бунтовщики давно призывали къ себѣ регулярныя войска изъ Царства Польскаго и опытнаго начальника, обѣщавши ему до 70,000 разнаго рода повстанцевъ; съ торжествомъ узнавши о вторженіи мятежника Гелгуда въ предѣлы Литвы, вмѣстѣ съ переходомъ его чрезъ Нѣманъ, нестройныя толпища бунтовщиковъ, разсѣянныя по всѣмъ мѣстностямъ и дотолѣ поддерживавшія силы свои средствами каждаго уѣзда и столь долгое время противостоявшіе всѣмъ нашимъ усиліямъ раздробительною войною и уничтоженіемъ всѣхъ нашихъ сообщеній, поспѣшно устремились къ присоединенію къ новому своему вождю въ конецъ области и съ тѣмъ вмѣстѣ очистили всю восточную часть Виленской губерніи, лишая себя ежедневно сею грубою ошибкою участниковъ, которые убѣгали, не желая удаляться отъ домовъ своихъ.

Такимъ образомъ мятежникъ Гелгудъ вмѣсто обѣщанныхъ 70,000, едва сосредоточивъ 20,000 всякаго сброда повстанцевъ, наполнилъ ими ряды свои, которые потому только считались регулярными, что получили нѣкоторое обмундированіе, а между тѣмъ изъ остатка оныхъ началъ формировать новые полки.

Неудачный для него бой подъ Вильною лишилъ его большей части новобранцевъ, которые отъ первыхъ пушечныхъ выстрѣловъ покинувъ оружіе, во множествѣ возвратились домой.

Гелгудъ старался объявленіемъ поголовнаго возстанія во всей Самогитіи отъ 15 до 60 лѣтъ, умножить силу свою и самъ направилъ туда скорое бѣгство, но все было тщетно; моральный ударъ былъ уже нанесенъ, литовское дворянство всегда легкомысленное, обманувшись въ надеждахъ своихъ отъ перваго сего пораженія, начало уже терять духъ. Прибытіе резервной арміи подъ начальствомъ графа Петра Александровича Толстаго довершило остальное. Предпринятый его сіятельствомъ планъ дѣйствій, съ успѣхомъ въ политическомъ смыслѣ совершенный, не дозволяя мятежникамъ раздробиться, и наконецъ изгнаніе Гелгуда уничтожило и весь мятежъ въ Литвѣ, который съ таковымъ же легкомысліемъ начался и кончился, то есть безъ настоящихъ причинъ; ибо безъ всякаго сомнѣнія, если бы въ народѣ польскомъ существовалъ хотя нѣсколько духъ фанатизма и бунтовщики имѣли бы начальниковъ болѣе способныхъ, словомъ если бы народъ сей имѣлъ болѣе духа, энергіи и основательной предпріимчивости, конечно образовавшіеся

мятежи въ Литвѣ могли бы еще весьма долго и упорно продолжаться, въ особенности пользуясь удобною мѣстностію.

О причинахъ допущенія мятежей Гродненской губерніи, изложенныхъ въ особой запискѣ.

Всѣ тѣ же причины, которыя изложены относительно Виленской губерніи, были поводомъ допущенія явно дѣлаемыхъ приготовленій къ бунту во многихъ уѣздахъ Минской и Гродненской и ежели въ сихъ губерніяхъ не могли образоваться съ такою силою мятежи, то единственно, мѣстность сихъ областей на безпрестанномъ проходѣ войскъ и прибытіе резервной арміи удержало отъ сего. Касательно же Гродненской губерніи прилагается здѣсь особая записка *). Тайные кромолы мятежниковъ, преусиленные успѣхи ихъ разсказами обывателей и непонятною робостію военныхъ и гражданскихъ правителей были причиною, что и въ самыхъ бѣлорусскихъ губерніяхъ, мнѣнія обывателей явнымъ образомъ предвѣщали мятежъ.

О необходимости кореннаго преобразованія во внутреннемъ управленіи губерній отъ Польши возвращенныхъ.

Я не вхожу въ подробное описаніе всѣхъ дѣйствій мятежниковъ, тайныхъ связей ихъ и многихъ ихъ сообщниковъ, разсѣянныхъ на огромномъ пространствѣ отъ Польши возвращенныхъ губерній, достаточно уже обнаруженныхъ подлинными актами и дѣйствіями, ибо цѣль сего моего писанія клонится лишь къ тому, чтобы обнаружить предъ правительствомъ, что происшедшій мятежъ наиболѣе распространился отъ общихъ недостатковъ правительственныхъ мѣръ, по симъ областямъ, многолѣтней безпечности и непредусмотрительности мѣстныхъ правителей и ошибочнаго состава внутренняго управленія сими губерніями, которое какъ опытъ доказалъ, почти вовсе не существовало въ продолженіи многихъ лѣтъ или составлялось изъ такихъ элементовъ, какъ въ главномъ управленіи губерніи, такъ и во внутреннемъ политическомъ, которые еще болѣе способствовали бунтовщикамъ къ исполненію ихъ преступныхъ намѣреній.

Слѣдуя въ продолженіе болѣе трехъ мѣсяцевъ за ходомъ всѣхъ сихъ мятежей и будучи случаемъ поставленъ узнавать даже всѣ тайныя крамолы ихъ, я бы не рѣшился съ такою откровенностію

*) Этой особой записки въ нашихъ рукахъ не было.

излагать всѣ сіи обстоятельства, если бы несчастныя событія не убѣдили, что весь край отъ Польши возвращенный и наружно усмиренный готовъ, при первомъ благопріятномъ случаѣ, поднять вновь оружіе противъ благодѣтельнаго государя, что мѣстное управленіе, не взирая на всѣ бѣдственные уроки, не имѣя настоящей системы дѣйствій, не пріемлетъ по нынѣ надлежащихъ мѣръ къ предупрежденію зла и ежели, гдѣ оныя мѣстными правителями и пріемлются, то отъ недостатка общей системы въ главномъ управленіи сими областями, безпрестанно встрѣчаются противурѣчащія распоряженія, возрождающія безпорядокъ и дающія возможность злонамѣреннымъ, остающимся на свободѣ съ успѣхомъ возобновлять при удобномъ случаѣ свои крамолы.

Губерніи отъ Польши возвращенныя обратили уже благодѣтельное вниманіе Государя Императора, опытъ настоящихъ событій еще болѣе подтверждаетъ совершенную необходимость кореннаго ихъ преобразованія во всѣхъ тѣхъ началахъ, которыя доселѣ упрочивали ихъ отчужденіе отъ Россіи.

Я знаю, что на сей предметъ могутъ быть различныя мнѣнія, и люди, не знающіе достаточно политическаго и моральнаго положенія сихъ областей, могутъ полагать, что не должно касаться теперь сего предмета, могущаго будто бы возродить новыя безпокойства.

Но кто захочетъ вникнуть съ должною утонченностію во всѣ произшедшія событія, тотъ извлечетъ на неоспоримыхъ доказательствахъ основанную истину, что одни рѣшительныя мѣры, при благоразумномъ примѣненіи, могутъ упрочить моральное и политическое присоединеніе края сего къ Россіи, что теперь настало настоящее время къ сему преобразованію, ибо причинъ для сего слишкомъ много, всѣ обыватели сихъ губерній болѣе или менѣе, словомъ или дѣломъ, нарушили присягу свою. Умы утомлены и поражены разрушеніемъ ихъ замысловъ и всякая рѣшительная мѣра въ отношеніи сего края принятая, будетъ почтена справедливою. Но для сего необходимо предварительно образовать соотвѣтственное строгое полицейское управленіе — въ губерніяхъ и поручить главное управленіе оныхъ особымъ намѣстникамъ, облеченнымъ довѣріемъ Государя Императора и опытныхъ въ способностяхъ, нравственныхъ качествахъ и знающихъ съ должною точностію мѣстность и свойства обывателей. Преобразованіе сего не должно дѣлать всенародно опубликованными распоряженіями, но

особыми повелѣніями на имя намѣстниковъ даваемыхъ, о удобствѣ же и успѣхѣ примѣненія доносить также не общимъ порядкомъ по министерствамъ (раздробительность коихъ въ сихъ случаяхъ совершенно вредна), но въ соотвѣтственныя руки благодѣтельнаго государя, объемлющаго всѣ отрасли управленія сихъ областей; ибо распоряженія касательно преобразованія края сего должны зависѣть отъ совокупнаго дѣятельнаго содѣйствія всѣхъ отраслей управленій - и потому собственно отъ лица Государя Императора, въ противномъ случаѣ никакого успѣха ожидать нельзя.

ПРИЛОЖЕНІЕ XI КЪ ГЛАВѢ VIII.

Записки военныхъ дѣйствій, главнокомандующаго резервною арміею графа Петра Александровича Толстаго противъ польскихъ мятежниковъ, вторгнувшихся въ Виленскую губернію подъ командою Гелгуда, Хлаповскаго, Шимановскаго и Роланда, и соединившихся съ повстанцами Виленской губерніи.

1831 года 28-го іюля, городъ Вильно.

Политическое положеніе Виленской губерніи до прибытія въ оную его сіятельства графа Петра Александровича Толстаго, съ частью войскъ ввѣренной ему резервной арміи.

1) Духъ мятежа, еще съ марта мѣсяца обнаружившійся въ Самогитіи, распространился въ всѣхъ уѣздахъ Виленской губерніи. Повсемѣстныя были повстанія и вооруженія обывателей, правительственная власть вездѣ разрушена и дерзкіе бунтовщики силою и коварствомъ, посредствомъ многочисленныхъ сообщниковъ своихъ образовали во всѣхъ уѣздахъ нестройныя толпища свои, которыя, не взирая на отряды наши, посланные къ ихъ усмиренію, до прибытія господина главнокомандующаго, вели войну раздробительную, всегда уступали силѣ, но тѣмъ не менѣе опять собирались въ мѣстахъ непроходимыхъ, разрушали общее спокойствіе губерніи, усугубляли, допуская вездѣ мятежъ и пресѣкали всѣ сообщенія; число ихъ безпрестанно измѣнявшееся, примѣрно обозначено въ особой вѣдомости здѣсь приложенной.

2) Долговременное продолженіе мятежа возродило самонадѣяніе въ бунтовщикахъ и даже многіе мирные жители были увлечены или поколебались въ вѣрности къ августѣйшему престолу. Для поддержанія общаго духа мятежа, сообщники ихъ вездѣ разбѣжались, распространяя повсюду нелѣпые слухи, о успѣхахъ мятежниковъ въ Царствѣ Польскомъ и о силѣ бунтовщиковъ литовскихъ, которою молвою наведенъ былъ страхъ на благомыслящихъ и на малое число пребывшихъ еще вѣрными законному правительству.

3) Вооруженіе, одежда, продовольствіе бунтовщиковъ и даже самые военные снаряды съ поспѣшностію приготовлялись и доставлялись имъ самими помѣщиками; для довершенія безумныхъ мечтаній бунтовщиковъ, не доставало только регулярныхъ войскъ и главнаго вождя.

Полученное бунтовщиками подкрѣпленіе отъ вторгнувшихся мятежниковъ въ предѣлы наши.

4) Въ таковомъ положеніи находилась Виленская губернія, когда мятежникъ Хлаповскій, пришедши изъ Царства Польскаго съ 600 человѣкъ пѣхоты, конницы 8 эскадронами, 4 пушками, подкрѣпившись вновь сформированнымъ 11-мъ уланскимъ полкомъ, состоящимъ изъ 3-хъ эскадроновъ изъ бунтовщиковъ въ Гродненской губерніи въ Бѣловѣжской пущѣ, приближался къ Виленской губерніи, проходя чрезъ городъ Лиду и тѣмъ усилилъ повсемѣстно духъ мятежа.

5) Наконецъ Гелгудъ отдѣлившись отъ главныхъ силъ польскихъ мятежниковъ, съ Дембинскимъ, Роландомъ, Шимановскимъ съ 24-мя орудіями, съ 16-ю баталіонами регулярной пѣхоты и 9-ю эскадронами конницы, переправился чрезъ Нѣманъ въ Гелгудишкахъ, послалъ отряды въ Тельшевскій, Шавельскій и Россіенской уѣзды, для формированія войскъ изъ собравшихся бунтовщиковъ; а самъ съ главными своими силами укомплектовавъ полки свои повстанцами, поспѣшно занялъ городъ Ковно и слѣдовалъ къ Вильну, отдѣливъ по ту сторону рѣки Виліи на дорогу Вилкомирскую Дембинскаго и на всемъ пути слѣдованія своего, давъ болѣе правильности и силы возмущенію, приказалъ произвести новый наборъ войскъ, учредивъ съ тѣмъ вмѣстѣ постоянныя управленія въ уѣздахъ Самогитіи, для заготовленія ему всѣхъ нужныхъ потребностей и исполненія его велѣній.

6) Мятежникъ Залпвскій, болѣе нежели съ тысячью человѣками вновь сформированныхъ имъ войскъ въ Царствѣ Польскомъ переправившійся чрезъ Нѣманъ и Хлаповскій изъ Лиды поспѣшно 6-го числа іюня присоединились подъ Вильною къ Гелгуду, близъ Муравана.

Движеніе нашихъ войскъ.

7) Временный военный губернаторъ генералъ-адъютантъ Храповицкій, получивъ свѣдѣнія о приближеніи непріятеля, сосредоточилъ къ городу Вильнѣ всѣ наши отряды, кромѣ генералъ-маіора Ширмана, который оставался въ сѣверной части Самогитіи, для охраненія Курляндіи отъ набѣговъ бунтовщиковъ и отъ него отряженный полковникъ Крюковъ удерживалъ городъ Шавли.

8) Генералъ-лейтенантъ баронъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, отдѣлившійся отъ дѣйствующей арміи, по присоединеніи къ своему отряду попадавшіяся ему на пути войска наши, ретировался чрезъ Ковно къ Вильнѣ и остановился на горахъ Понарскихъ, въ девяти верстахъ отъ Вильна.

9) Генералъ графъ Курута съ ввѣреннымъ ему гвардейскимъ отрядомъ, поспѣшалъ изъ Гродна чрезъ Меречь къ Вильнѣ, гдѣ и принялъ главное начальство надъ сосредоточившимися войсками.

10) Главнокомандующій резервною арміею, при первомъ извѣстіи о вторженіи мятежниковъ изъ Царства Польскаго въ предѣлы наши, ускорилъ движеніе частей ввѣренныхъ ему резервныхъ войскъ, направленныхъ въ Виленскую губернію, и поспѣшно окончивъ всѣ нужнѣйшія распоряженія по Минской губерніи, въ коей въ слѣдствіе сдѣланныхъ имъ распоряженій, едва укрощены были мятежи, поспѣшилъ въ городъ Вильно, для удержанія сего важнаго пункта, какъ по значительности находящихся въономъ военныхъ запасовъ и продовольствія, такъ и по чрезмѣрно не выгодному моральному вліянію, могущему произойтить, если бы сія столица Литвы досталась въ руки мятежникамъ; а между тѣмъ, впредь до своего прибытія, предписалъ всѣ нужныя мѣры къ защитѣ Вильна.

11) Мятежники увѣренные въ успѣхѣ своего предпріятія, не взирая на неудачный бой, произшедшій 5-го числа іюня по ту сторону рѣки Виліи по Вилкомирской дорогѣ, между Дембинскимъ и отрядомъ нашимъ подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Хилкова, желая предупредить прибытіе войскъ резервной арміи,

рѣшились 7-го числа іюня атаковать войска наши, занявшія крѣпкую позицію на высотахъ попарскихъ, подъ главнымъ начальствомъ генерала графа Куруты.

12) Послѣдствія сего блистательнаго боя уже извѣстны изъ подробнаго всеподданнѣйшаго донесенія главнокомандующаго; мятежники отступили къ Рыконтамъ и далѣе, переправясь съ главными силами близъ Сударвы чрезъ рѣку Вилію, направились по правому берегу Виліи къ Чебышкамъ и Янову во внутрь губерніи, отдѣливъ отрядъ чрезъ Жижморы въ Ковно для удержанія сего пункта; Дембинскій же отступилъ въ Вилкомірскій уѣздъ и вездѣ мятежники поспѣшали наполнить убылыя мѣста регулярныхъ войскъ повстанцами, получившими уже нѣкоторый навыкъ къ военной службѣ, отъ веденной ими въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ партизанской войны по лѣсамъ.

13) Между тѣмъ уже въ Ковнѣ и близъ Вилкомира и въ Кайданахъ формировались вновь 25 и 26-й пѣхотные полки и подъ главнымъ распоряженіемъ Дембинскаго укомплектовались нѣкоторые уланскіе полки, совсѣмъ вооруженные и обмундированные; въ составъ сихъ полковъ поступили обучаемые новобранцы въ разныхъ мѣстахъ Виленской губерніи, подъ руководствомъ старыхъ солдатъ и офицеровъ и сверхъ того приказано было сдѣлать въ Самогитіи поголовное вооруженіе всѣхъ обывателей отъ 15 до 60 лѣтъ.

14) Въ семъ положеніи находилась Виленская губернія, по прибытіи главнокомандующаго 8-го іюня въ городъ Вильно; мятежники хотя и были разбиты 7-го числа, но надежды ихъ были еще велики; всѣ умы расположены въ ихъ пользу и они имѣли достаточно средствъ для веденія съ нами войны изнурительной, поддерживая огнь мятежа. Необходимо было принять мѣры самыя рѣшительныя, но съ тѣмъ вмѣстѣ и осторожныя къ истребленію непріятеля, довольно еще многочисленнаго, имѣющаго повсюду сообщниковъ и могущаго воспользоваться лѣсистыми мѣстами сей губерніи, для продолженія войны, для насъ томительной въ краѣ, котораго обыватели нарушивши уже вѣрноподданническую присягу и опасаясь наказанія, искали единаго спасенія въ успѣхѣ оружія мятежниковъ.

Военныя дѣйствія противу мятежниковъ.

1) Въ ожиданіи прибытія 4-й гусарской, 13-й и 15-й пѣхотныхъ дивизій, главнокомандующій занялся самыми нужными распо-

ряженіями на счетъ военныхъ дѣйствій, точнаго узнанія направленія непріятеля и приготовленія способовъ къ дальнѣйшему продовольствію войскъ, по мѣрѣ направленія оныхъ.

Общій планъ кампаніи.

2) Предположеніе главнокомандующаго состояло въ томъ, чтобы отрѣзать мятежникамъ пути къ отступленію въ Царство Польское и съ тѣмъ вмѣстѣ, по разбитіи ихъ, стараться вогнать въ предѣлы Пруссіи. Знавши, что непріятель оставилъ свои запасы и способы формированія войскъ въ западной части Виленской губерніи, главнокомандующій рѣшился главные свои силы направить вдоль Виліи по Ковенской дорогѣ, гдѣ удостовѣрившись рѣшительно въ движеніи мятежниковъ, которые по полученнымъ свѣдѣніямъ, направлялись на Самогитію, имѣлъ намѣреніе, соображаясь съ обстоятельствами, сколько возможно менѣе раздѣляя свои силы, переправиться въ удобномъ мѣстѣ чрезъ рѣку Вилію и тѣснить непріятеля съ восточной стороны губерніи, занявъ между тѣмъ важный для насъ пунктъ, городъ Ковно, и тѣмъ самымъ основавъ первую свою операціонную линію вдоль по рѣкѣ Виліи, обезпечить посредствомъ оной продовольствіе войскъ.

Раздѣленіе войскъ нашихъ.

3) Для исполненія сего общаго плана кампаніи и перваго предположеннаго движенія, главнокомандующій распредѣлилъ сосредоточившіеся въ городѣ Вильнѣ войска слѣдующимъ образомъ: составилъ двѣ боевыя колонны.

4) Лѣвая колонна состояла подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Хилкова, и въ составъ ея входили войска означенныя въ особой при семъ прилагаемой вѣдомости въ числѣ 2,681 человѣка кавалеріи, 782 казаковъ и

11,877 пѣхоты.

А всего . . 15,340 человѣкъ.

Артиллеріи 63 орудія.

5) Правая колонна подъ начальствомъ генерала графа Куруты составлена была изъ войскъ, также въ особой вѣдомости означенныхъ въ числѣ:

3,058	человѣкъ	кавалеріи.
795	„	казаковъ.
11,429	„	пѣхоты.

А всего 15,282 человѣка.

Артиллеріи 52 орудія.

6) Сверхъ того для охраненія города Вильны были оставлены подъ командою виленскаго и гродненскаго временнаго военнаго губернатора генералъ-адъютанта Храповицкаго:

2,543	человѣка	кавалеріи.
527	„	казаковъ.
8,484	„	пѣхоты.

Всего 11,554 человѣка.

Артиллеріи 32 орудія.

Войска сіи въ подробности означены въ особой вѣдомости.

Исполненіе перваго основнаго движенія для обращенія мятежниковъ въ западную часть губерніи.

7) Лѣвой колоннѣ назначено было занять городъ Ковно, а правой своротивъ съ ковенской дороги, переправиться черезъ рѣку Вилію въ Яновѣ или иномъ мѣстѣ, смотря по обстоятельствамъ. Отъ правой колоны въ городѣ Вильнѣ отдѣленъ летучій отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Гельфрейха, состоящій изъ кіевскаго гусарскаго и 30-го егерскаго полковъ, сотни казаковъ и 4 конныхъ орудій, которому приказано было, переправясь чрезъ Вилію по Зеленому мосту, наблюдать непріятеля на правой сторонѣ рѣки, и по мѣрѣ отступленія его, постепенно за нимъ слѣдовать, удерживая безпрестанно сношенія съ правою колонною, но отнюдь не вступая въ неровный бой. Въ случаѣ надобности приказано было генералъ-адъютанту Храповицкому, выслать изъ ввѣренныхъ ему войскъ отрядъ для прикрытія праваго фланга генералъ-маіора Гельфрейха и очищенія вилькомирской дороги.

12-го числа іюня колонна подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Хилкова выступила изъ Вильна по предназначенной дорогѣ въ городъ Ковно и дошла до селенія Рыконты. Тогожъ числа колонна подъ начальствомъ генерала графа Куруты сосредоточилась на понарской позиціи и летучій отрядъ генералъ-маіора Гельфрейха переправился за Вилію чрезъ Зеленый мостъ.

13-го числа колонна князя Хилкова продолжала свое движеніе и авангардъ оной дошелъ до двора Мелейганы; колонна графа Куруты дошла до мѣстечка Евве, а авангардъ прошелъ далѣе, своротивъ на право отъ большой дороги къ деревнѣ Кавгане. Во время слѣдованія сей колонны, отдѣленъ былъ легкій отрядъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Дитмара на право отъ большой дороги для ближайшаго слѣдованія и наблюденія вдоль лѣваго берега Виліи къ мѣстечку Дукштамъ; того же числа генералъ-адъютантъ Храповицкій выслалъ изъ города Вильна гусарскій полкъ съ двумя конными орудіями по вилкомирской дорогѣ, въ мѣстечко Мейшаголы, подъ начальствомъ подполковника Владиславлевича.

14-го числа обѣ колоны продолжали безостановочно предположенное имъ движеніе, авангардъ князя Хилкова въ пяти верстахъ отъ Ковны встрѣтилъ и разбилъ сформированный эскадронъ изъ повстанцевъ, а главная квартира слѣдовавши съ колонною графа Куруты, приближалась къ рѣкѣ Виліи, остановившись ночлегомъ въ мѣстечкѣ Жослахъ, отряды генералъ-маіоровъ Дитмара по лѣвой сторонѣ рѣки Виліи и Гельфрейха по правой, продолжали также свои движенія, удерживаясь на одной высотѣ, первый дошелъ до фольварка Мишуньяны па рѣкѣ Виліи, а послѣдній въ Чебишки, подполковникъ же Владиславлевичъ занялъ мѣстечко Пошервинты.

Главнокомандующій получивъ свѣдѣнія, что значительная часть мятежниковъ, направлявшаяся къ мѣстечку Вепржу, перешла близь онаго на правый берегъ рѣки Свенты и что 7,000 мятежниковъ подъ начальствомъ Дембинскаго, потянулись чрезъ мѣстечко Шервинты къ г. Вилькомиру, призналъ нужнымъ замедлить нѣсколько общее движеніе войскъ, до достовѣрнѣйшаго открытія настоящаго направленія главныхъ силъ мятежниковъ, въ слѣдствіе чего 15-го и 16-го чиселъ генералъ графъ Курута со ввѣренною ему колонною, сдѣлалъ малые переходы и остановился въ деревнѣ Зубишкахъ на рѣкѣ Виліи, авангардъ же сей колонны, подъ начальствомъ полковника Лахмана, посланъ былъ далѣе по лѣвому берегу рѣки Виліи напротивъ м. Янова. Въ деревнѣ Зубишкахъ изъ доставленнаго изъ города Вильна матеріала начали строить чрезъ Вилію мостъ и часть таковаго жъ мостоваго матеріала спущена внизъ по рѣкѣ Виліи для употребленія въ случаѣ нужды полковнику Лахману.

Между тѣмъ генералъ-адъютантъ Храповицкій отправилъ изъ

г. Вильна на соединеніе съ отрядомъ подполковника Владиславлевича 1-й пѣхотной, 2 егерскіе и одинъ гусарскій полки съ 8-ю орудіями пѣшими, 2 конными и 70 казаками; въ послѣдствіи времени надъ симъ отрядомъ принялъ начальство генералъ-лейтенантъ Каблуковъ.

Генералъ-маіоръ Гельфрейхъ старался открыть силу непріятеля; изъ допросовъ нѣсколькихъ плѣнныхъ онъ узналъ, что пѣхота и артиллерія отряда мятежниковъ, расположеннаго на правомъ берегу рѣки Свенты при м. Вепрокѣ, отступила къ городу Вилькомиру, а кавалерія осталась на прежней позиціи, которой можно было замѣтить 4 эскадрона.

Поисками подполковника Владиславлевича открытъ лагерь мятежниковъ въ 12-ти верстахъ отъ города Вилкомира.

16-го числа авангардъ колонны князя Хилкова подъ начальствомъ генералъ-маіора Малиновскаго, состоявшій изъ 2-хъ баталіоновъ егерей, 3-хъ эскадроновъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка, 1-го эскадрона уланскаго полка, изъ 200 армейскихъ казаковъ при 4-хъ конныхъ орудіяхъ и 2-хъ легкихъ, совершенно разбили и вытѣснили изъ Ковно мятежниковъ въ числѣ 2000 человѣкъ, упорно защищавшихся, которые потеряли убитыми и ранеными до 500 человѣкъ и 600 взято въ плѣнъ, 3 штабъ-офицера и 29 оберъ-офицеровъ и освобождено изъ плѣна нашихъ 7 оберъ-офицеровъ и 49 нижнихъ чиновъ.

Въ Ковнѣ найдены значительные запасы муки и сухарей. Остатки разсѣянныхъ мятежниковъ бѣжали съ такою поспѣшностью, что не успѣли уничтожить моста чрезъ рѣку Вилію и были преслѣдуемы за оной по Яновской дорогѣ болѣе 8-ми верстъ. Въ сей битвѣ съ нашей стороны убитъ рядовой одинъ, ранено: 1 оберъ-офицеръ и 10 нижнихъ чиновъ. Мятежниками также оставлено въ городѣ Ковнѣ нашихъ больныхъ до 400 человѣкъ.

Главнокомандующій получивъ свѣдѣніе, что около города Вилькомира еще находятся другіе значительные отряды, также при фольваркѣ Бечи и м. Вепржѣ, почелъ нужнымъ пробыть 17 число съ колонною графа Куруты въ деревнѣ Зубишкахъ и подкрѣпить оную, присоединеніемъ съ лѣвой колонны, сводною пѣхотною бригадою генералъ-маіора фонъ-Фрикена, приказавъ отрядамъ по правой сторонѣ Виліи, продолжать свои поиски съ тѣмъ, чтобы по открытіи главныхъ силъ мятежниковъ, перейтить чрезъ рѣку Вилію и истребить оные, между тѣмъ какъ авангардъ подъ началь-

ствомъ полковника Лахмана остановившись противъ мѣстечка Янова, нѣсколькими выстрѣлами изъ орудій принудилъ мятежниковъ, оставить оное мѣстечко. Въ слѣдъ за симъ, переправившіеся вплавь чрезъ рѣку Вилію, казаки заняли оное и съ тѣмъ вмѣстѣ начали наводить плавучій мостъ.

17-го числа правая и лѣвая колонны, въ ожиданіи дальнѣйшихъ свѣдѣній о непріятелѣ, оставались на своихъ мѣстахъ; въ Ковнѣ начали строить мостъ чрезъ Нѣманъ для продолженія поисковъ по ту сторону рѣки; въ Зубпшкахъ, также продолжали построеніе моста; а передовые легкіе отряды дѣятельно продолжали свои поиски.

Сего числа часть отряда генералъ-маіора Гельфрейха переправилась чрезъ рѣку Свенту при дворѣ Лизанѣ, передовые посты мятежниковъ были сбиты и они поспѣшно бѣжали изъ лагерей при Бекшты и мѣстечкѣ Вепржѣ къ Шатамъ.

18-го числа войска обѣихъ колоннъ остались на своихъ мѣстахъ, передовые отряды на правой сторонѣ рѣки Виліи продолжали дѣйствовать и преслѣдовать непріятеля; начатые мосты продолжали съ поспѣшностью наводить.

По случаю отбытія генерала графа Куруты въ городъ Витебскъ, по причинѣ кончины Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича, начальство надъ войсками правой колонны поручено было генералу отъ кавалеріи барону Крейцу.

Для открытія сношеній генералъ-лейтенантомъ Каблуковымъ, посланъ былъ генералъ-маіоръ баронъ Делинсгаузенъ съ легкимъ отрядомъ казаковъ къ городу Вилькомиру съ тѣмъ, чтобы генералъ Каблуковъ немедленно занялъ оный и обезпечилъ правой флангъ генералъ-маіора Гельфрейха. Изъ сего отряда генералъ-лейтенанта Каблукова приказано было для усиленія гарнизона въ городѣ Вильнѣ, возвратить пѣхотный полкъ.

19-го числа лѣвая колона оставалась на прежней позиціи, а правая, подъ начальствомъ генерала барона Крейца, пошла вдоль лѣваго берега Виліи къ м. Янову и остановилась между Скорулями и Яновомъ у самой переправы; авангардъ полковника Лахмана переправился въ Яновѣ за Вилію.

Посланный съ легкимъ отрядомъ генералъ-маіоръ баронъ Делинсгаузенъ прибывъ къ городу Вилькомиру, захватилъ передовой караулъ мятежниковъ и принудилъ ихъ авангардъ, отступить въ городъ, который ретируясь, сжегъ мостъ чрезъ рѣку Свенту, при

семъ случаѣ узналъ онъ, что городъ Вилькомиръ занятъ 2-мя пѣхотными и 2-мя кавалерійскими полками при 6-ти орудіяхъ, подъ начальствомъ Дембинскаго и 2 т. повстанцевъ

Отрядъ генералъ-лейтенанта Каблукова дошелъ, по направленію къ Вилькомиру до мѣстечка Шервинты.

20-го числа авангардъ лѣвой колонны занялъ позицію въ 6-ти верстахъ за городомъ Ковно по дорогѣ къ Бабтамъ.

Авангардъ правой колонны остановился три версты за дворомъ Жеймы, а главная квартира и кордъ де-баталь въ Жеймахъ.

Генералъ-маіоръ баронъ Делингсгаузенъ узнавъ, что мятежники оставили въ почи городъ Вилькомиръ, направясь по дорогѣ къ Поневѣжу, приказалъ бывшему съ нимъ дивизіону гусаръ занять городъ Вилькомиръ, а самъ возвратился въ главную квартиру.

Отрядъ генералъ-маіора Гельфрейха занялъ Бекчи.

Таковымъ образомъ, постояннымъ сохраненіемъ первоначальнаго предположенія и безпрепятственнымъ неразрывнымъ сношеніемъ главныхъ силъ нашихъ съ боковыми и передовыми отрядами, дѣятельно продолжавшими свои поиски и тѣснившими мятежниковъ рѣшительнымъ преслѣдованіемъ, — бунтовщики, устрашенные появляющимися со всѣхъ сторонъ войсками и не знавши настоящаго средоточія силъ нашихъ, вынуждены были, не взирая на всю выгоду лѣсистыхъ мѣстъ ими проходимыхъ, опасаясь быть отрѣзанными, стараться также сосредоточиваться, чѣмъ самымъ съ точностію исполнилось предположеніе главнокомандующаго.

Мятежники принужденные къ возможному сосредоточиванію силъ своихъ, и стремящіеся уже къ побѣгу за Нѣманъ въ августовское воеводство.

21 числа получены извѣстія, что мятежники начали сосредоточиваться въ Кайданахъ, а разъѣзды, посланные по кайданской дорогѣ, замѣтили при семъ мѣстечкѣ непріятеля, готовившагося къ защитѣ моста чрезъ рѣку Невяжу. Главнокомандующій рѣшившись атаковать ихъ совокупно обѣими колоннами, предписалъ лѣвой колоннѣ, переправившись чрезъ рѣку Невяжу, близъ м. Лабунова; обойти правый флангъ непріятеля и напасть на его тылъ; — правая жа колонна, съ которою находился главнокомандующій, должна была въ одно время атаковать мятежниковъ съ фронту; но они замѣтивъ сіи движенія лѣвой колонны, оставили свое предпріятіе

къ защитѣ, и поспѣшно 22 числа отступили отъ Кайданъ за м. Ясвойны по россіенской дорогѣ.

Для охраненія города Ковно оставлено было въономъ, подъ начальствомъ полковника Гембица, пѣхотной полкъ принца Карла Прусскаго, и одинъ эскадронъ уланъ, 45 казаковъ и 4 орудія.

Дабы воспрепятствовать непріятелю построить мосты чрезъ Нѣманъ, главнокомандующій приказалъ генералъ-маіору Отрощенкѣ съ 11 егерскимъ полкомъ, съ 2 эскадронами уланъ, сотнею казаковъ и 4 орудіями, переправиться въ городѣ Ковнѣ на лѣвой берегъ рѣки Нѣмана и слѣдовать вдоль оной, уничтожая всѣ мосты и мостовые матеріалы.

Генералъ-маіоръ Гельфрейхъ продолжая свое движеніе, прибылъ сего числа въ м. Шаты, а генералъ-лейтенантъ Каблуковъ узнавши, что Дембинскій изъ Вилкомира отступилъ на м. Рогово, направился къ м. Товянамъ.

22 числа получено свѣдѣніе, что мятежники приготовляютъ матеріалы къ построенію моста чрезъ Нѣманъ близь замка Гельгуда, гдѣ собрано много рабочихъ людей.

Главнокомандующій почелъ нужнымъ, замѣтивши явное намѣреніе мятежниковъ бѣжать за Нѣманъ, направить лѣвую колонну чрезъ Лубоново фланговымъ движеніемъ къ Шарову, а между тѣмъ отдѣливъ сильный авангардъ отъ правой колонны и поручивъ оной генералъ-маіору барону Делинзгаузену, велѣлъ поспѣшно преслѣдовать непріятеля, остальнымъ же войскамъ правой колонны въ слѣдъ за нимъ итти чрезъ Кайданы по россіенской дорогѣ.

Партія казаковъ посланная изъ лѣвой колонны, открыла, въ Чекишкахъ значительное число пѣхоты мятежниковъ съ 6 орудіями.

Авангардъ подъ начальствомъ генералъ-маіора барона Делинзгаузена, настигнувъ непріятеля при деревнѣ Янкуны, опрокинувъ его, гналъ до деревни Поддергубы; мятежники потеряли до 30 человѣкъ раненыхъ съ убитыми, и 6 человѣкъ плѣнными, съ нашей стороны ранено 7 человѣкъ.

Правая колонна и вмѣстѣ съ оною главная квартира прибыли въ м Кайданы, отрядъ Генералъ-Маіора Гельфрейха присоединился также въ семъ мѣстечкѣ.

Генералъ-лейтенантъ Каблуковъ, продолжалъ преслѣдовать мятежниковъ, которые отступили къ Поневежу, уничтоживъ за собою всѣ мосты.

23 числа Генералъ-маіоръ баронъ Делинсгаузенъ продолжалъ

быстро преслѣдовать непріятеля и вытѣснилъ его изъ м. Ейраголъ.

Мятежники вѣроятно въ намѣреніи дать время устроить мосты чрезъ Нѣманъ, рѣшились занять крѣпкую позицію по ту сторону Ейраголъ за рѣкою Дубисою, уничтоживъ зо собою мосты чрезъ Дубису.

Сраженіе близъ мѣстечка Грогоесъ.

Силы мятежниковъ состояли изъ 2 егерскихъ регулярныхъ полковъ, одного уланскаго полка и нѣсколькихъ тысячъ повстанцевъ, при 12 орудіяхъ подъ главнымъ начальствомъ Гелгуда и Хлаповскаго, орудія были прикрыты земляными насыпями.

Послѣ продолжавшейся взаимной канонады, генералъ-маіоръ баронъ Делинсгаузенъ сдѣлалъ распоряженіе къ рѣшительной атакѣ, полковникъ Лахманъ переправясь съ баталіономъ 6 карабинернаго полка, Новомиргородскимъ уланскимъ и казачьимъ Кутейникова полками въ бродъ чрезъ рѣку Дубису, началъ обходить правой флангъ мятежниковъ, генералъ-маіоръ Гельфрейхъ съ двумя баталіонами тульскаго пѣхотнаго полка, также подъ сильнымъ непріятельскимъ огнемъ переправился чрезъ рѣку и началъ штурмовать крутые берега Дубисы, упорно защищаемые мятежниками.

За симъ движеніемъ слѣдовали 8 эскадроновъ гусаръ, которые переправившись чрезъ рѣку, пустились преслѣдовать бѣгущаго непріятеля.

Мятежники сбитые съ позиціи, пользуясь выгодою мѣстности, начали еще отступать въ порядкѣ, но артиллерія наша довершила разстройство оныхъ, и они смѣшавшись, поспѣшно бѣжали; послѣ сего еще разъ старались держаться при корчмѣ Леписано, но были опрокинуты съ большимъ для нихъ урономъ, ночь пріостановила преслѣдованіе мятежниковъ, они потеряли убитыми и ранеными до 300 человѣкъ, въ плѣнъ взято 2 офицера и 170 рядовыхъ, мы потеряли до 50 человѣкъ ранеными и убитыми, посланный летучій отрядъ отбилъ подвижной магазинъ мятежниковъ и потопилъ оный въ рѣкѣ Дубисѣ.

Лѣвой колоннѣ, которой было предписано слѣдовать въ м. Чекишки, по полученіи извѣстія, что мятежники остановились на позиціи за м. Ейраголами, приказано было слѣдовать къ двору Ялову, близъ Ейраголъ, отряду же генералъ-лейтенанта барона Остенъ-Сакена съ 9 эскадронами, 400 казаками и $4^1/_4$ баталіонами

пѣхоты, при 20 орудіяхъ, для занятія м. Чекишекъ и уничтоженія тѣхъ отрядовъ мятежниковъ которые открыты были въ тѣхъ мѣстахъ.

Правая колонна слѣдовала съ авангардомъ чрезъ дворъ Ялово до м. Ейраголъ.

Отъ оной отдѣленъ былъ для преслѣдованія части регулярныхъ войскъ мятежниковъ, отступившихъ подъ командою Роланда отъ Кайданъ на Датново, генералъ-лейтенантъ Кнорингъ съ 2 эскадронами гусаръ, сборнымъ линейнымъ казачьимъ полкомъ, и гвардейскимъ отрядомъ и съ артиллеріею симъ войскамъ принадлежащею.

Свободная пѣхотная бригада генералъ-маіора фонъ Фрикена оставлена была также въ м. Кайданахъ для той же надобности.

Сраженіе подъ городомъ Поневежемъ.

Сего числа генералъ-лейтенантъ Каблуковъ получивъ извѣстіе, что 7 т. мятежниковъ заняли городъ Поневѣжъ, рѣшился вытѣснить ихъ изъ онаго; мятежники ожидали войска наши въ боевомъ порядкѣ на пологихъ возвышенностяхъ города Поневѣжа. На правомъ флангѣ войскъ нашихъ успѣшнымъ дѣйствіемъ артиллеріи зажжена была та часть города, въ которой (по показанію плѣнныхъ) было въ засадѣ до 3 т. пѣхоты.

Устрашенные мятежники начали отступать во внутренность города, генералъ-маіоръ Мартынцовъ съ 2 баталіонами пѣхоты и 2 дивизіонами гусаръ повелъ на нихъ рѣшительную атаку, между тѣмъ генералъ-маіоръ графъ Гудовичъ съ 2-мя дивизіонами гусаръ, баталіономъ пѣхоты, при содѣйствіи 4 батарейныхъ орудій, повелъ рѣшительную атаку на правой флангъ мятежниковъ, и угрожалъ отступленію ихъ по шавельской дорогѣ.

Удачныя и совокупныя дѣйствія сихъ атакъ принудили мятежниковъ, послѣ 4 часовъ упорной обороны, къ общему отступленію; они бросились по дорогѣ ведущей въ городъ Шавли.

При семъ случаѣ у нихъ отбито одно чугунное орудіе, много жизненныхъ припасовъ и разнаго оружія.

Мятежники послѣ сего пораженія были преслѣдуемы, и въ 5 верстахъ за Поневѣжемъ остановились въ надеждѣ, хотя нѣсколько удержать быстрое наше преслѣдованіе, но они были вновь опрокинуты и принуждены къ поспѣшному отступленію.

Разрушеніе мостовъ и невозможность пѣхотѣ поспѣвать за

кавалеріею, слѣдовавшею рысью, нѣсколько замедлило преслѣдованіе мятежниковъ.

Въ семъ дѣлѣ продолжавшемся отъ 4 часовъ до 2-хъ по пополудни, мятежники потеряли ранеными и убитыми до 500 человѣкъ, въ плѣнъ взято 2 оберъ-офицера и 21 нижнихъ чиновъ, съ нашей стороны число убитыхъ и раненыхъ непревышаетъ 100 человѣкъ и оторвало руку ядромъ храброму 7-й конной артиллерійской роты подпоручику Ждановскому.

Сего же 23 числа генералъ-маіоръ Отрощенко слѣдуя по лѣвому берегу Нѣмана разрушилъ зачатые мятежниками мосты близъ Гелгудишекъ.

24 числа, открытый 22-го іюня въ мѣстечкѣ Чекишкахъ отрядъ мятежниковъ въ числѣ 5 т. человѣкъ и малаго числа съ онымъ регулярнаго войска подъ командою Косса, Грабовскаго и князя Гедройца, пошли къ замку Гелгудишкамъ для устройства переправы черезъ Нѣманъ.

Генералъ-лейтенантъ Сакенъ получилъ прежде сего предписаніе, очищать правой берегъ рѣки Нѣмана, а потому чрезъ Средники прибылъ въ Раудане. Въ слѣдствіе чего, упомянутый отрядъ мятежниковъ отступилъ изъ мѣстечка Рауданъ по дорогѣ къ Россіенамъ.

Главныя силы мятежниковъ подъ начальствомъ Гелгуда и Хлаповскаго остановились было близъ двора Бѣлевичь на позиціи.

Правая колонна наша слѣдовала за авангардомъ, по большой Россіенской дорогѣ, а войска генералъ-лейтенанта князя Хилкова шли боковой дорогой съ лѣвой стороны съ тѣмъ, чтобы обойти правой флангъ мятежниковъ.

Мятежники узнавши о сихъ нашихъ движеніяхъ и вѣроятно о томъ, что всѣ мосты на рѣкѣ Нѣманѣ уже нами истреблены, поспѣшно отступили чрезъ Россіены, по дорогѣ къ Шидлову, не ожидая приближенія войскъ нашихъ.

Авангардъ нашъ занялъ Россіены и направился за мятежниками, но принужденъ былъ на нѣкоторое время остановиться въ деревнѣ Бейдницы, по причинѣ сожженнаго тамъ моста чрезъ рѣку Дубису, однакожъ казаки перешли вплавь и продолжали преслѣдованіе.

Посланная кавалерійская партія, подъ начальствомъ полковника Левенштерна, на Шрубос и Колкус встрѣтила близъ сей деревни

передовые пикеты 6-го конно-егерскаго полка мятежниковъ; при сей стычкѣ мятежники потеряли убитыми 2-хъ оберъ-офицеровъ, 8 рядовыхъ; въ плѣнъ взято 1 оберъ-офицеръ съ 5 нижними чинами, остальные узнавши, что городъ Россіены уже занятъ нами, скрылись въ лѣсахъ между Юрбургомъ и Россіенами, гдѣ присоединилось къ нимъ 600 человѣкъ пѣхоты и 150 человѣкъ конницы, находившіеся при построеніи мостовъ на Нѣманѣ; разные мостовые матеріалы, съ ними бывшіе при сей встрѣчѣ нами отбиты.

Мятежники потеряли плѣнными 1 оберъ-офицера и 150 рядовыхъ. Колонна князя Хилкова прибыла къ Россіенамъ и расположилась по шавельской дорогѣ.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Кнорнига прибылъ въ мѣстечко Бейсаголы, мятежники хотѣли было держаться на Шавліяне къ Цитовянамъ.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Каблукова занялъ позицію между Поневѣжемъ и переправою чрезъ рѣку Невяжу, а мятежники подъ командою Дембинскаго остановились на правомъ берегу сей рѣки.

25 числа генералъ-маіоръ баронъ Делингсгаузенъ возстановляя мосты, вездѣ мятежниками разрушенные, продолжалъ ихъ преслѣдовать и занялъ мѣстечко Цитовяны; мятежники отступили по дорогѣ къ Шавлямъ.

Въ Цитовянахъ найденъ довольно значительный магазинъ.

Какъ мятежники вынуждены были еще болѣе сосредоточиться и отрѣзаны уже были отъ Нѣмана, то обѣ колонны наши соединились вмѣстѣ, подъ главнымъ начальствомъ генерала барона Крейца и слѣдовали къ мѣстечку Шидлову.

Одинъ отрядъ генералъ-лейтенанта барона Сакена оставленъ былъ для дальнѣйшаго очищенія и наблюденія праваго берега Нѣмана, который и прибылъ сего числа къ замку Гелгудову.

Генералъ-маіору Отрощенкѣ предписано, переправясь немедленно на правый берегъ Нѣмана, соединиться съ отрядомъ барона Сакена.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Кнорнига перешелъ въ м. Жочинъ и принудилъ Роланда поспѣшно отступить и соединиться съ Гелгудомъ.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Каблукова оставался на прежнемъ мѣстѣ.

Вынужденное соединеніе главныхъ силъ мятежниковъ, пораженіе оныхъ храбрымъ полковникомъ Крюковымъ при нападеніи на городъ Шавли, окончательное движеніе, предпринятое главнокомандующимъ, согласно первоначальнаго предположенія къ истребленію ихъ или изгнанію въ предѣлы Пруссіи.

Сего-жъ 25 числа мятежники, тѣснимые со всѣхъ сторонъ, частію войскъ своихъ съ 4-хъ часовъ по полудни, начали нападеніе на городъ Шавли.

Храбрый полковникъ Крюковъ отразилъ всѣ ихъ усилія и натиски.

26 числа, па разсвѣтѣ сосредоточившіяся силы мятежниковъ со всѣхъ сторонъ, обступили городъ, съ двухъ часовъ утра начался самый упорный бой, мятежники съ отчаяніемъ врывались нѣсколько разъ въ ложементы наши и даже въ городъ, вступали съ нами въ рукопашной бой, но всегда съ величайшею потерею обращены были въ бѣгство. Многочисленною артиллеріею своею опи надѣялись устрашить храбрые наши войска, но всѣ усилія ихъ остались тщетными; многочисленные толпы ихъ, послѣ кровопролитнаго боя, продолжавшагося болѣе 10-ти часовъ, лишившись убитыми до 2 т. человѣкъ и до 4 т. ранеными и болѣе 400 человѣкъ плѣнными, убѣдившись въ невозможности преодолѣть храбраго отряда, защищавшаго городъ Шавли и узнавши о приближеніи авангарда генералъ-маіора Делинсгаузена, вынуждены были поспѣшно отступить.

Въ семъ дѣлѣ съ нашей стороны убито 3 оберъ-офицера, ранено 3 штабъ-офицера и 9 оберъ-офицеровъ, нижнихъ чиновъ убито и ранено до 500 человѣкъ.

Генералъ-маіоръ баронъ Делинсгаузенъ близъ города Шавли настигъ отрядъ мятежниковъ, состоявшій изъ одного пѣхотнаго полка, 3 эскадроновъ кракусовъ съ 2 орудіями. Войско сіе составляло арьергардъ Дембинскаго и прикрывало многочисленное продовольствіе и другіе запасы.

Мятежники были немедленно сбиты при дворѣ Рекіевѣ и разсѣяны, въ семъ дѣлѣ убито мятежниковъ болѣе 300 человѣкъ и взято въ плѣнъ до 250; въ числѣ убитыхъ находилось 9 офицеровъ.

Разбѣжавшаяся пѣхота мятежниковъ, хотѣла еще прикрыть

отступленіе своего многочисленнаго обоза, но они были вторично разсѣяны, а весь обозъ отбитъ, въ коемъ кромѣ провіанта, находились патронные ящики и разнаго рода аммуниція.

Главныя силы наши подъ начальствомъ генерала Крейца расположились близь двора Пошавца.

Генералъ-лейтенантъ Сакенъ продолжалъ очищеніе большихъ лѣсовъ, близь Юбурга лежащихъ отъ шатающихся шаекъ мятежниковъ, и сего жъ числа генералъ-маіоръ Отрощенко къ нему присоединился, самъ же онъ прибылъ съ частію его отряда въ Россіены.

Отрядъ мятежниковъ подъ начальствомъ Косса, Грабовскаго и князя Гедройца поспѣшилъ отступить разными дорогами на Немокшты и Колтыняны.

Въ Россіенахъ оставленъ приличный гарнизонъ и 4 орудія.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Кноринга прибылъ въ Шавляны, гдѣ присоединилась къ нему бригада генералъ-маіора фонъ Фрикена.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Каблукова остался на прежней позиціи.

27 числа авангардъ генералъ-маіора барона Делингсгаузена направился чрезъ городъ Шавли для дальнѣйшаго преслѣдованія мятежниковъ, о которыхъ получено было свѣдѣніе, что они устремились отъ Шавли къ сѣверу.

Главнокомандующій не имѣя еще достовѣрныхъ свѣдѣній о настоящемъ направленіи мятежниковъ и опасаясь, чтобы они некинулись въ восточную часть Виленской губерніи, приказалъ немедленно главнымъ силамъ нашимъ, слѣдовать по старой шавельской большой дорогѣ до двора Рекіева, а отряду генералъ-лейтенанта Кноринга итти изъ Шавлянъ чрезъ Посувши, Шницы, до деревни Шнилянъ, (что на большой дорогѣ изъ Радзивилишекъ до Шавли).

Между тѣмъ получено свѣдѣніе, что мятежники отошедши нѣсколько къ сѣверу отъ города Шавли, повернули всѣ на лѣво къ Уршанамъ.

Главнокомандующій перемѣнилъ данное направленіе войскамъ; главные силы наши пошли къ Куртовянамъ, а генералъ-лейтенанту Кнорингу предписано было слѣдовать отъ Шавлянъ въ Цитовяны, гдѣ долженъ былъ получить дальнѣйшее назначеніе.

Генералъ-лейтенанту барону фонъ-деръ Остенъ-Сакену предписано

было занять позиціи между Россіенами и Немокштами дабы непропустить мятежниковъ къ Нѣману.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Каблукова остался въ своемъ расположеніи.

28 числа генералъ-маіоръ баронъ Делинсгаузенъ прибывъ съ авангардомъ къ мѣстечку Уршанамъ, узналъ что мятежники раздѣлились по разнымъ направленіямъ, главныя силы пошли въ западную часть губерніи на Тришки, Лукники, дворъ Подомшу и Слободу; а Дембинскій отдѣлился отъ нихъ съ 2 т. регулярныхъ войскъ и 3 т. повстанцовъ при 6 орудіяхъ и взялъ направленіе на мѣстечко Грузы.

По сему случаю отрядъ генералъ-лейтенанта Каблукова назначенъ былъ для преслѣдованія Дембинскаго, и получилъ особыя приказанія; его дѣйствія будутъ изложены въ особый запискѣ.

Сего числа вновь составленъ былъ авангардъ подъ начальствомъ генералъ-маіора Офенберга, который и прибылъ къ селенію Слободѣ.

Главныя силы наши шедши чрезъ Куртовяны, направились также къ Слободѣ.

Отрядъ генералъ-лейтенанта барона Саксна сталъ на бивакахъ, близь мѣстечка Немокши по Россіенской дорогѣ.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Кноринга остался въ мѣстечкѣ Цитовянахъ, для очищенія окружающихъ оное большихъ лѣсовъ отъ разсѣянныхъ шаекъ мятежниковъ.

29 числа генералъ-маіоръ Делинсгаузенъ продолжалъ преслѣдовать отступающихъ мятежниковъ отъ мѣстечка Куршанс чрезъ Ужвенты до мѣстеча Повондьянъ, близь котораго вдругъ стали сильно атаковать передовые войска его. Генералъ-маіоръ баронъ Делинсгаузенъ, немедленно опрокинулъ мятежниковъ за деревню Килишки, за которою они заняли весьма выгодную позицію и открыли сильный пушечный огонь.

Генералъ-маіоръ баронъ Делинсгаузенъ пріостановился, дабы дать прочимъ войскамъ къ нему присоединиться, но по прибытіи отряда генералъ-маіора Офенберга, мятежники начали опять свое отступленіе и генералъ-маіоръ баронъ Делинсгаузенъ продолжалъ быстро его преслѣдовать.

Не доходя мѣстечка Вороны, непріятель со всею своею кавалеріею сдѣлалъ отчаянную атаку, но былъ вездѣ отбитъ съ величайшимъ для себя урономъ. Потеря мятежниковъ была весьма велика; однихъ пѣхотныхъ взято до 150 человѣкъ при двухъ

офицерахъ, въ семъ дѣлѣ съ нашей стороны тяжело ранены храбрый полковникъ Гратенгельмъ, командиръ Кутейникова казачьяго полка маіоръ Кононовъ, генеральнаго штаба штабсъ-капитанъ Шепиловъ и 5-ть оберъ-офицеровъ; нижнихъ чиновъ убито и ранено до 100 человѣкъ.

Мятежники отступили чрезъ мѣстечко Вороны.

Генералъ-маіоръ Офенбергъ переправясь при Слободѣ чрезъ рѣку Винду на мѣстечко Хвалунны, для подкрѣпленія и совокупнаго дѣйствія съ генералъ-маіоромъ барономъ Делинсгаузеномъ, съ коимъ онъ тогожъ числа и соединился.

Остальныя войска наши остались въ Слободѣ.

Для точнѣйшаго наблюденія за движеніемъ непріятеля, генералъ-лейтенантъ баронъ Остенъ-Сакенъ посылалъ разъѣзды въ Батоки, Уппнъ, Шишели, Лавково и Крожи.

Генералъ-маіоръ Ширманъ получивъ отношеніе генералъ-маіора барона Делинсгаузена о томъ, что мятежники взяли направленіе изъ Лукишекъ на Ужвенты, выступилъ изъ г. Тельши съ большею частію своего отряда по дорогѣ къ Воронамъ, но узнавши на пути, что мятежники взяли направленіе на Жорны, онъ пошелъ обратно чрезъ Тельшъ на Жорны, гдѣ успѣлъ только захватить часть обоза мятежниковъ и освободилъ изъ плѣна шесть нашихъ офицеровъ.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Кноринга изъ Цитовянъ прибылъ къ мѣстечку Кельмъ.

Цѣль сего движенія, предписаннаго генералъ-лейтенанту Кнорингу, заключалась въ томъ, чтобы удержать сношенія между отрядами генералъ-лейтенанта Сакена и главными силами нашими, равномѣрно, чтобы воспрепятствовать мятежникамъ прорваться на семъ пространствѣ во внутрь губерніи.

Генералъ-лейтенанту барону Сакену предписано занять м. Колтыняны для преграждения мятежникамъ, преслѣдуемымъ нашими главными силами, пути къ Нѣману.

А генералъ-маіоръ Ширманъ узнавъ, что мятежники пошли на мѣстечко Ретово, и часть оныхъ направилась на Плунгяны, выступилъ къ сему мѣстечку; полковнику же Бартоломею предписалъ итти съ большею частію ввѣреннаго ему отряда на встрѣчу къ непріятелю.

Сими послѣдними движеніями главнокомандующій вполнѣ довершилъ первоначально предположенный и постоянно преслѣдуе-

мый имъ планъ дѣйствій противу мятежниковъ; которые будучи окружены со всѣхъ сторонъ и тѣснимы главными нашими силами подъ командою генерала барона Крейца не могли иначе спастись, какъ рѣшиться на неровной съ нами бой или поспѣшно бѣжать къ предѣламъ Пруссіи.

30 числа генералъ-маіоры баронъ Делинсгаузенъ и Офенбергъ, продолжали преслѣдовать мятежниковъ чрезъ м. Вороны до Ретова, остальныя войска главныхъ нашихъ силъ перешли м. Вороны.

Отрядъ генералъ-лейтенанта барона Сакена прибылъ въ м. Колтыняны.

Главная квартира главнокомандующаго изъ Шавлянъ пришла въ Зданишки.

1-го іюля генералъ баронъ Крейцъ приказалъ генералъ-маіору барону Делинсгаузену слѣдовать на м. Горжды, а самъ съ отрядомъ генералъ-маіора Офенберга пошелъ къ м. Выверженамъ.

Генералъ-маіоръ Делинсгаузенъ узнавъ что непріятель взялъ направленіе чрезъ м. Куле на Горжды со всею своею кавалеріею и артиллеріею, поспѣшилъ на рысяхъ прямою дорогою чрезъ Выржойцы на Горжды и около перваго изъ сихъ мѣстечекъ успѣлъ атаковать его, отбилъ двѣ пушки, освободилъ изъ плѣна одного русскаго штабъ-офицера, нѣсколько оберъ-офицеровъ и 45 нижнихъ чиновъ.

Часть мятежниковъ подъ командою Гелгуда и Хлаповскаго совершенно разстроившаяся послѣ кратковременной канонады и устрашась дальнѣйшаго сильнаго преслѣдованія и пораженія, въ числѣ 2600 человѣкъ съ 6-ю орудіями бѣжали въ прусскія владѣнія, гдѣ и положили оружіе.

При семъ переходѣ Гелгудъ былъ убитъ офицеромъ 7-го линейнаго полка.

Роландъ и Шимановскій съ остальною частію войскъ мятежниковъ бывъ уже тремя часами хода впереди, потянулись вдоль прусской границы на Швекшну и Новое Мѣсто.

Казаки отряда генерала Делинсгаузена продолжали преслѣдовать непріятеля, дабы не упустить его изъ виду.

Чтобы препятствовать мятежникамъ итти къ Нѣману и сблизиться къ прусской границѣ, генералъ-лейтенантъ баронъ Сакенъ занялъ позицію при Шелеле.

Отрядъ генералъ-лейтенанта Кноринга остался въ м. Кельмѣ.

Оставшіяся войска подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Хилкова, слѣдовавшія чрезъ Ретово, прибыли въ м. Тверь.

Главная квартира въ дворѣ Тавровѣ.

2-го іюля полковникъ Верзилинъ съ сводпымъ линейнымъ казачьимъ полкомъ, сильно напиралъ на бѣгущихъ мятежниковъ.

Генералъ-маіоры баронъ Деллинсгаузенъ и Офенбергъ также поспѣшали за мятежниками; имъ приказано было слѣдовать со всевозможною скоростію и выйти на большую дорогу у Швекшинъ.

Генералъ-маіоръ Офенбергъ рѣшительно атаковавъ мятежниковъ, опрокинулъ ихъ и вогналъ въ лѣсъ; близь коего они хотѣли еще нѣсколько держаться, однакожъ посланныя въ обходъ ихъ войска, принудили ихъ снова выйти на дорогу и продолжать свое отступленіе.

Мятежники были совершенно разстроены сильнымъ натискомъ нашей кавалеріи и дѣйствіемъ артиллеріи, и побѣжали за м. Гордоны, оставивъ въ ономъ по садамъ и строеніямъ засаду стрѣлковъ, которые были тотчасъ вытѣснены.

Мятежники поспѣшно удалились за м. Новое Мѣсто къ деревнѣ Бѣгучи, на самую границу Пруссіи.

Генералъ-лейтенантъ Сакенъ прибывъ въ м. Тенени, узналъ, что партія мятежниковъ начала проходить чрезъ Новое Мѣсто; онъ тотчасъ выступилъ къ оному. По прибытіи туда онъ нашелъ уже Новое Мѣсто оставленнымъ мятежниками, въ тотъ же день въ вечеру достигъ ихъ, на занимаемой ими позиціи въ 7-ми верстахъ за Новымъ Мѣстомъ по Юрбургской дорогѣ.

Генералъ баронъ Крейцъ узнавъ о прибытіи отряда генералъ-лейтенанта барона Сакена къ Новому Мѣсту, направилъ его боковою дорогою на деревню Швинги, въ намѣреніи заградить мятежникамъ путь къ Нѣману и окружилъ оныхъ совершенно у самой границы Пруссіи.

Войска подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Хилкова прибыли къ мѣстечку Ретову:

А главная квартира въ м. Ретово.

3-го Іюля мятежники совершенно разстроенные, утомленные поспѣшнымъ своимъ бѣгствомъ и давно уже упавши духомъ отъ всѣхъ неудачь своихъ, видя себя совершенно окруженными на мѣстахъ безлѣсныхъ и открытыхъ потеряли всякую надежду къ спасенію и избѣгая совершеннаго пораженія, съ предводителями своими Роландомъ и Шимановскимъ, въ числѣ 3 т. чело-

вѣкъ, при 20 орудіяхъ, передались Пруссакамъ, гдѣ и положили оружіе.

Войска отряда генералъ-лейтенанта князя Хилкова прибыли въ мѣстечко Фейданы.

Главная квартира расположилась въ мѣстекѣ Фейданахъ.

Заключеніе.

Такимъ образомъ, въ продолженіи 22 дней, мятежники разсѣянные въ разныхъ мѣстахъ Виленской губерніи, подержанные нѣсколькими десятками тысячь бунтовщиковъ, будучи быстро постепенно со всѣхъ сторонъ тѣснимы и при всѣхъ встрѣчахъ разсѣяны и разбиты, потеряли плѣнными 6 штабъ-офицеровъ, 39 оберъ-офицеровъ, 1930 нижнихъ чиновъ; убитыми и ранеными одного штабъ-офицера, 35 оберъ-офицеровъ и 7700 нижнихъ чиновъ.

Сверхъ того въ Пруссіи сложили оружіе 3 генерала: Хлаповскій, Шимановскій и Роландъ, а четвертый Гелгудъ былъ убитъ на границѣ офицеромъ польскихъ войскъ, также 626 штабъ и оберъ-офицеровъ и болѣе 6000 нижнихъ чиновъ.

Одинъ Дембинскій отдѣлился отъ прочихъ мятежниковъ съ 2 т. регулярныхъ войскъ и до 3 т. повстанцовъ съ 6-ю орудіями.

Мятежники лишились 29 орудій, многочисленныхъ фурштатскихъ фуръ, патронныхъ ящиковъ и прочихъ воинскихъ снарядовъ.

Сею рѣшительною кратковременною кампаніею, разсѣяны кромѣ сего всѣ повстанцы и бунтовщики Виленской губерніи, умы обывателей поражены блистательными успѣхами войны и безумныя надежды покинули бунтовщиковъ

Тишина и спокойствіе, нарушенныя уже многіе мѣсяцы въ Виленской губерніи, по всюду начали водворяться, разсѣявшіяся толпища бунтовщиковъ уже возвратились большею частью въ домы свои и занимаются уборкою благословенной жатвы, самыя незначительныя лишь шайки бродягъ скитаются еще по лѣсамъ не въ видѣ уже бунтовщиковъ, но просто разбойниковъ.

Къ довершенію совершеннаго успокоенія края сего, не достаетъ лишь общаго гражданскаго распоряженія, которое вѣроятно не замедлитъ послѣдовать отъ предусмотрительности высшаго начальства.

Продовольствіе войскъ нашихъ во все время войны сей обезпечивалось безъ стѣсненія обывателей и нынѣ оставшіеся въ

уѣздахъ полки не токмо что не въ тягость краю, но напротивъ того сдѣланными распоряженіями въ согласность Высочайшей воли, будутъ служить обезпеченіемъ мирныхъ обывателей и способомъ къ сбыту ихъ произведеній.

Лѣвая колонна подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта князя Хилкова.

	Число баталіоновъ, эскадроновъ, сотенъ и орудій.
Авангардъ подъ командою генералъ-лейтенанта барона Остенъ-Сакена.	
Кавалерія.	
Уланскій Его Императорскаго Высочества Великаго князя Михаила Павловича полкъ. . .	6
Оренбургскій уланскій полкъ	6
Ямбургскій уланскій полкъ	6
Сводный полкъ изъ 3-хъ эскадроновъ гвардейскихъ казаковъ и одного эскадрона елисаветградскаго уланскаго полка	4
Лейбъ-гвардіи кавказско-горскаго полуэскадрона.	1/2
Донскаго полковника Грекова полка	1
Донскаго подполковника Андреянова полка . .	2
7-го черноморскаго полка.	2
8-го оренбургскаго полка.	5
Пѣхота.	
5-й пѣхотной дивизіи полки:	
Бѣлозерскій	2
Олонецкій.	2
Шлиссельбургскій	2
Ладожскій.	2
9 Егерскій	2
11 Егерскій.	2
Сводный гвардейскій баталіонъ	1
Гренадерскаго графа Аракчеева.	1
Принца Карла прусскаго 1 баталіон. и 3 роты.	1 3/4
Принца Вильгельма прусскаго полка	1

Литовскаго пѣхотнаго	3 роты.
48-го егерскаго	1
Лейбъ-гвардіи саперпаго баталіона	1 рота.

Артиллерія.

Конно-артиллерійской роты № 1	4
Конно-артиллерійской роты № 11	8
Конно-артиллерійской роты № 12	6
1 гренадерской артиллерійской бригады батарейной роты № 2	4

1 Артиллерійской бригады.

Легкой роты № 2	2
Легкой роты № 3	4

5 Артиллерійской бригады.

Батарейной роты № 1.	12
Легкой роты № 2	12
Легкой роты № 3	2

6 Артиллерійской бригады.

Легкой роты № 3	6

Итого въ отрядѣ. . .

Кавалеріи эскадроновъ	22
Казаковъ сотенъ	10½
Пѣхоты баталіоновъ	18¾
Артиллеріи орудій	60

Всего строевыхъ нижнихъ чиновъ.

Кавалеріи	2,681	человѣкъ	. .
Казаковъ.	782	„	. . .
Пѣхоты	11,877	„	. .
Итого . .	15,340	человѣкъ	. .

Правая колонна подъ начальствомъ генерала графа Куруты.

Авангардъ подъ командою полковника Лахмана.

Кавалерія.

Лейбъ-гвардіи подольскій кирасирскій полкъ. .	4
Лейбъ-гвардіи уланскій Его Императорскаго Высочества цесаревича полка	4

Кіевскій гусарскій полкъ.	6
Митавскій гусарскій	4
Новомиргородскаго уланскаго.	3
Донскаго казачьяго полковника Кутейникова .	3
Сборный линейный казачій	5
Казачья сотня разныхъ полковъ	1

Пѣхота.

Лейбъ-гвардіи литовскій полкъ	2
Лейбъ-гвардіи волынскій полкъ.	2
6-го карабинернаго полка.	1

15 пѣхотной дивизіи.

Рязанскій полкъ.	2
Ряжскій полкъ	2
Бѣлевскій полкъ.	2
Тульскій полкъ	2
29 егерскій полкъ	2
30 егерскій полкъ	2
Гренадерскаго сапернаго баталіона.	1 рота.

Артиллерія.

Лейбъ-гвардіи конно-артиллерійская легкая батарея № 3	8
Лейбъ-гвардіи пѣшая артиллерійская рота № 5 съ учебною командою	12
Конно-артиллерійская рота № 8	8

15 артиллерійская бригада.

Батарейная рота № 1.	8
Легкая рота № 2	8
Легкая рота № 3	8

Итого въ отрядѣ. . .

Кавалеріи эскадроновъ.	21
Казаковъ сотенъ	9
Пѣхоты баталіоновъ	$17^1/_4$
Артиллеріи орудій	52

Строевыхъ нижнихъ чиновъ.

Кавалеріи	3,058	человѣкъ	. .
Казаковъ	795	„	. .
Пѣхоты	11,429	„	. .
Итого	15,282	человѣка	. .

Войска оставленныя подъ распоряженіемъ Виленскаго и Гродненскаго временнаго военнаго губернатора генералъ-адъютанта Храповицкаго.

	Число баталіоновъ, эскадроновъ, сотенъ и орудій.
Кавалерія.	
Новоингерманландскій гусарскій полкъ	6
Нарвскій гусарскій	6
Сибирскій уланскій	6
2 тептерскій казачій	5
Пѣхота.	
13-я пѣхотная дивизія.	
Владимірскій полкъ	2
Суздальскій	2
Графа Сакена полкъ	2
Ярославскій	2
25 егерскій	2
26 егерскій	2
12 егерскій	2
Гренадерскаго саперпаго баталіона	3 роты.
Виленскій гарнизонный баталіонъ съ прикомандированными	1
Артиллерія.	
Конно-артиллерійская рота № 7	8
13 артиллерійская бригада.	
Батарейная рота № 1	8
Легкая рота № 2	8
Легкая рота № 3	8
Итого въ отрядѣ	35

Кавалеріи эскадроновъ		18
Казаковъ сотенъ		5
Пѣхоты баталіоновъ		$15^{3}/_{4}$
Артиллеріи орудій		32
Строевыхъ нижнихъ чиновъ.		
Кавалеріи. . . . . . . 2,543 человѣка . .		
Казаковъ. . . . . . 527 „ . .		
Пѣхоты . . . . . . 8,484 „ . .		
Итого . . 11,554 человѣка . .		

Вѣдомость польскимъ регулярнымъ войскамъ, вступившимъ въ Виленскую губернію подъ командою Гелгуда, Хлаповскаго, Шимановскаго, Дембинскаго и Роланда.

	Число эскадроновъ.
Кавалеріи.	
1-го уланскаго полка	4
3-го уланскаго полка	2
Вновь сформированнаго 6-го конно-егерскаго полка	4
Уланъ воеводства плоцкаго	2
Познанской конницы	1
Калишской конницы	3
Вновь сформированнаго 11-го уланскаго полка .	3
Вновь сформированнаго 12 уланскаго полка. .	2
Итого . .	21
Пѣхоты.	
7 пѣхотный полкъ	3
18 пѣхотный полкъ	3
19 пѣхотный полкъ	3
2 егерскій полкъ	3
4 баталіонъ 3-го егерскаго полка	1
4 егерскій полкъ	3
Вновь сформированный 25 пѣхотный полкъ . .	3
Вновь сформированный 26 пѣхотный полкъ . .	3
Итого . .	22

Артиллеріи.

Батарейныхъ	12
Легкихъ	12
Конныхъ	2
Малыхъ костельныхъ	6
Итого . .	32

Сверхъ сего мятежники имѣли 3 пушки, отбитыхъ одну у генералъ-маіора Линдена и двѣ въ Гуль-Лидѣ.

По вторженіи польскихъ мятежниковъ въ Виленскую губернію, вышеозначенныя войска были укомплектованы повстанцами Виленской губерніи, такъ, что каждый эскадронъ содержалъ въ себѣ отъ 140 до 160 и баталіоновъ отъ 600 до 800 человѣкъ, принимая среднее число, сіе даетъ 3,150 человѣкъ кавалеріи и пѣхоты 13,300 человѣкъ, а всего 16,450 человѣкъ подъ ружьемъ.

Повстанцы Виленской губерніи.

Мятежники Виленской губерніи предприняли произвести наборъ съ двухъ и съ трехъ хатъ по одному человѣку, сіе доставило бы имъ ополченія десятую долю народонаселенія всей губерніи, наборъ сей производился разнообразно по всѣмъ уѣздамъ, въ иныхъ назначено было дать съ 5 человѣкъ по одному, шляхта же всѣ образовали конницу и давали съ хаты по одному конному.

Хотя мѣры, принятыя правительствомъ и войска находившіяся въ губерніи частію и воспрепятствовали мятежникамъ произвести означенный наборъ, однакожъ по примѣрному исчисленію, полагать можно, что было собрано повстанцовъ въ разныя времена:

Въ Россіенскомъ уѣздѣ	5,000
„ Шавельскомъ „	5,000
„ Тельшевскомъ „	4,000

Мятежниками сихъ уѣздовъ предводительствовалъ

помѣщикъ Россіенскаго уѣзда Станевичъ, избранный отъ нихъ диктаторомъ, и называемый чернію жмудскимъ вице-королемъ.

Въ Вилькомирскомъ уѣздѣ 5,000

Начальникъ онаго повстанія, помѣщикъ Лобановскій, былъ разстрѣлянъ въ Вильнѣ, послѣ коего разные помѣщики предводительствовали мятежниками сего уѣзда.

Въ Упицкомъ уѣздѣ 4,500

Начальники у нихъ графъ Залуцкій, маршалъ Упицкаго уѣзда, и графъ Потоцкій.

Въ Ковенскомъ уѣздѣ 1,000

Предводительствовалъ ими Бѣлозоръ, сего уѣзда помѣщикъ 1,500

Начальникъ князь Огинскій и Матусевичъ, оба сего уѣзда помѣщики.

Въ Ошмянскомъ уѣздѣ 1,500

Начальникомъ былъ графъ Пршездецкій, помѣщикъ сего уѣзда.

Въ Виленскомъ уѣздѣ 1,000

Начальникъ князь Гедройцъ, помѣщикъ сего уѣзда.

Въ Завилейскомъ уѣздѣ 2,000

Начальникъ помѣщикъ Кублицкій.

Въ Браславскомъ уѣздѣ 200

Начальствовала дѣвица графиня Плятеръ, помѣщица сего уѣзда.

Итого. . . 30,700

Мятежники сіи были вооружены ружьями, кромѣ небольшой части оныхъ, кои имѣли косы, пики; сколько же изъ сего числа было конныхъ, того съ точностію опредѣлить нельзя, извѣстно однакоже, что ихъ было весьма мало въ сравненіи съ пѣшими.

Большая часть сихъ повстанцовъ присоединилась къ регулярнымъ войскамъ, пришедшимъ изъ Царства Польскаго, подъ предводительствомъ Гелгуда и Хлаповскаго.

Во время наступательныхъ движеній нашихъ

войскъ, поспѣшнаго отступленія польскихъ мятежниковъ и особливо послѣ пораженія сихъ послѣднихъ подъ Вильной въ городѣ Ковнѣ, при мѣстечкѣ Ейраголахъ, и въ городѣ Шавлѣ повстанцы разбѣжались по лѣсамъ и частію возвратились домой.

ОГЛАВЛЕНIЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

